

ИСТОРІЯ

ПРОИСХОЖДЕНІЯ, РАЗВИТІЯ И ИЗМѢНЕНІЯ

МОРСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Сочиненіе

ОТФЕЙЛЯ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ одобренія Морскаго Ученаго Комитета.

Перевелъ **А. ДОЛГОВЪ**

Штатный Преподаватель Морскаго Училища.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1887.

Печатано по распоряженію Морскаго Министерства.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Изученіе международнаго права возможно только при изученіи исторіи всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ эту науку; вотъ почему, я считалъ полезнымъ дать нашимъ молодымъ морякамъ возможность ознакомиться съ исторіею этихъ вопросовъ.

Авторитетность имени Отфейля, его глубокая ученость въ вопросахъ этого права, а главное, безпристрастіе его выводовъ и взглядовъ въ спорныхъ положеніяхъ морскаго международнаго права, не оставляло, конечно, сомнѣнія въ выборѣ автора.

Посвящая мой слабый трудъ Гардемаринамъ Морскаго Училища, начинающимъ свою международную морскую службу, считаю долгомъ своимъ принести мою глубочайшую признательность бывшему Предсѣдателю Ученаго Отдѣленія Морскаго Техническаго Комитета, Генералъ-Лейтенанту Ѳеодосію Ѳедоровичу *Веселаго*, Предсѣдателю Морскаго Ученаго Комитета, Вице-Адмиралу Роману Ивановичу *Баженову* и Начальнику Николаевской Морской Академіи и Морскаго Училища, Вице-Адмиралу Дмитрію Сергѣевичу *Арсеньеву* за оказанное ими просвѣщенное вниманіе и содѣйствіе моему труду.

1887 годъ.

А. Долговъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Изученіе международнаго права, специально примѣняемаго къ торговлѣ и мореплаванію, оставалось долгое время въ пренебреженіи въ Европѣ и въ особенности во Франціи. Но важность, вытекающая изъ морскихъ сношеній стала такъ велика, что около полстолѣтія тому назадъ, изученіе это сдѣлалось неизбѣжнымъ для всѣхъ людей, призванныхъ принимать участіе, болѣе или менѣе активное, въ управленіи своею страною; сдѣлалось равно необходимымъ для всѣхъ гражданъ, достаточно просвѣщенныхъ для того, чтобы имѣть возможность заниматься морскими сношеніями. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ какую эпоху исторіи, интересы націй на океанѣ не представляли того громаднаго развитія, до котораго они достигли въ настоящее время; ни въ какую эпоху, слѣдовательно, не чувствовали такъ живо необходимость поставить эти интересы подъ покровительство институтовъ международнаго права, и предохранить ихъ отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя война такъ часто заставляла ихъ испытывать.

Для того, чтобы изученіе это было болѣе плодотворно, необходимо знать происхожденіе морскаго международнаго права, его развитіе и измѣненія; необходимо прослѣдить ходъ его въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и при различныхъ цивилизаціяхъ; однимъ словомъ, необходимо знать его исторію. Но до настоящаго времени нѣтъ ни одного спеціальнаго сочиненія, которое содержало-бы это интересное описаніе, и очень немного есть лицъ, которыя имѣли-бы время заняться необходимыми изслѣдованіями, дабы пополнить работу подобнаго рода. Поэтому, нуженъ былъ трудъ, который представилъ-бы,

въ самомъ сжатомъ размѣрѣ, полную исторію морскаго международнаго права, отмѣтивъ его пробѣлы, ошибки, которыя могли въ него вкрасться и способы рѣшить тѣ вопросы, которые до настоящаго времени остаются открытыми между плавающими народами. Ободренный благосклоннымъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ первымъ трудамъ въ этой важной отрасли человѣческихъ наукъ (1), я не колебался предпринять столь тяжелый трудъ.

Чтобы избѣжать всякой неясности, мнѣ кажется необходимымъ, хорошенько опредѣлить, что я разумѣю подъ международнымъ правомъ.—Всякое опредѣленіе трудно, даже опасно, я это знаю, тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ дать это опредѣленіе, дабы избѣжать того подводнаго камня, о который разбивалось большое число писателей, — смѣшенія публичнаго права внутренняго (jus publicum internum), съ правомъ народовъ, или международнымъ (jus gentium sive publicum externum); первое предназначено регулировать отношенія государя съ своими собственными подданными; второе—примѣняется къ сношеніямъ одного государства, съ другимъ государствомъ, иностраннымъ (2).

Націей называется всякое человѣческое общество, соединенное подъ управленіемъ одной верховной власти, независимое ни отъ какого другаго подобнаго общества, и, слѣдовательно, управляющееся своими собственными законами (3). Націи, по отношенію однѣ къ другимъ, суть лица юридическія или моральныя, свободныя, но часто призванныя поддерживать между собою различнаго рода сношенія. Изъ этихъ сношеній рождаются взаимныя права и обязанности, и слѣдовательно—

---

(1) Мое сочиненіе «Des droits et des devoirs des nations neutres, en temps de guerre maritime».

(2) Если вѣрить *Vattel*'ю то всѣ писатели, предшествовавшіе *Wolf*'у дѣлали это смѣшеніе. Это ошибка; *Grotius* и большинство изъ его послѣдователей признавали совершенно ясное существованіе обоихъ этихъ правъ. См. *Klüber*, «Droit des gens moderne de l'Europe», tit. prelim., ch. 1, § 2.

(3) «Народами или свободною націею называютъ независимыя государства, разсматриваемыя въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ какъ лица юридическія или моральныя». Klüber, loc. cit. § 1.

извѣстныя правила, которымъ необходимо слѣдовать и которыя должны быть исполняемы всѣми сторонами. Международное право есть собраніе такихъ правилъ, которыя регулируютъ отношенія націй между собою и обезпечиваютъ полное пользованіе правами и совершенное выполненіе обязанностей каждою изъ націй (4).

Международное право, будучи предназначено регулировать отношенія всякаго рода, какія могутъ существовать между націями,—очень пространно; я долженъ разсматривать его только съ одной точки зрѣнія.—Трудъ этотъ ограничивается изслѣдованіемъ законовъ, относящихся къ сношеніямъ морскимъ. Однако же, такъ какъ правила общія суть неизмѣнно однѣ и тѣ же, и такъ какъ право сухопутное предшествовало праву морскому, то я часто буду принужденъ искать въ первомъ, принципы, примѣнимые ко второму. Эти принципы, которые встрѣчаются одни и тѣ же у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ имѣютъ единственное и общее основаніе—сознаніе о справедливомъ и несправедливомъ, прирожденное у всѣхъ людей: законъ божественный.

Въ своей таинственной и безконечной премудрости, Верховный Творецъ всего, Господь Богъ, хотѣлъ дать человѣку природу, способную къ самосовершенствованію и общежительности.

Изъ способности къ самосовершенствованію рождается эта непрестанная потребность въ благосостояніи, комфортѣ, роскоши,—которая постоянно развиваясь, породила промышленность и развила ее до той степени, въ какой мы видимъ ее въ настоящее время. Она породила всѣ эти потребности жизни человѣческой, которые хотя и не могутъ быть названы дѣйствительными и абсолютными, тѣмъ не менѣе разсматриваются всѣми какъ справедливыя, и удовлетвореніе которыхъ есть одинъ изъ элементовъ, почти неизбѣжныхъ, существованія.

Нѣкоторые старинные писатели рисовали намъ человѣка въ природномъ состояніи, живущемъ одиноко и отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ, ему подобныхъ; такое мнѣніе уже давно поки-

(4) *Klüber*, ubi sup., et note C.

нуто. Я полагаю, что въ первобытномъ состоянiи, и вслѣдствiе даже своихъ инстинктовъ, человѣкъ жилъ всегда въ обществѣ. Общество это было весьма ограниченно; это была семья; семья постепенно увеличивалась: духъ общежитiя всегда удерживалъ вновь прибывавшихъ около отца семейства, перваго главы этого перваго общества. Семья образовала племя; племя скоро сдѣлалось народомъ. Такимъ образомъ образовался народъ или нацiя, которая была результатомъ инстинкта къ общежительности.

Чтобы облегчить развитiе этихъ двухъ отличительныхъ чертъ человѣческой расы, Богъ далъ каждому индивидууму особую способность, спецiальный генiй. Въ одной и той же семьѣ, этой колыбели нацiи, мы видимъ, что самые противоположные вкусы развиваются и помогаютъ, именно своимъ разнообразiемъ, общему существованiю. Одинъ отдается преслѣдованiю и ловлѣ дикихъ звѣрей, другой—разысканiю, а впослѣдствiи и воздѣлыванiю полезныхъ растенiй; тогда какъ третiй предпочитаетъ необходимый уходъ за домашними животными.— Богъ даровалъ это разнообразiе даже самой землѣ. Каждая страна имѣетъ свой собственный климатъ и свои спецiальныя произведенiя. Каждое изъ нихъ безъ сомнѣнiя, можетъ быть достаточнымъ для необходимаго пропитанiя своихъ жителей; но нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не находился-бы въ необходимости заимствовать у другихъ тѣ продукты, которые онъ не можетъ производить самъ, дабы удовлетворить дѣйствительныя или вымышленныя потребности людскiя; для того, чтобы утолить, если я могу употребить это слово, горячую жажду этого наслажденiя и благосостоянiя, которая вытекаетъ изъ человѣческой способности къ самосовершенствованiю.

Такое большое разнообразiе человѣческаго генiя и произведенiй земли, могущественно содѣйствовало къ совершенствованiю человѣческаго рода и къ сближенiю между собою отдѣльныхъ индивидуумовъ и народовъ.—Съ того момента, какъ каждый членъ семьи началъ прiискивать свое пропитанiе, повинуясь своей спецiальной способности, прошло немного времени, какъ каждый началъ думать о возможности улучшить свой умѣренный и простой столъ, присоединяя къ произведенiямъ своей

собственной промышленности—произведенія промышленности своего сосѣда. Охотникъ захотѣлъ прибавить какіе нибудь овощи къ мясу животныхъ; земледѣлецъ думалъ, что это мясо улучшитъ вкусъ той пищи, которую онъ извлекалъ изъ земли. Для удовлетворенія этому взаимному желанію, каждый изъ нихъ сталъ мѣнять свой избытокъ на избытокъ другаго. Какъ только начался такой обмѣнъ, то возродилась торговля, и такимъ образомъ эта послѣдняя есть неминуемый результатъ инстинктовъ общежительности и способности къ самосовершенствованію, и результатъ этотъ, въ свою очередь, самъ сдѣлался новой причиной развитія тѣхъ двухъ качествъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ.

Первыя мѣны, по необходимости, ограничивались между членами одной и той-же семьи, одного и того же племени; но мало по малу человѣкъ долженъ былъ искать далѣе произведеній, могущихъ удовлетворить нѣкоторыя изъ его потребностей, или доставить ему какія нибудь удовлетворенія. Для того, чтобы достать себѣ эти предметы, человѣкъ началъ мѣнять произведенія своей страны на произведенія сперва сосѣднихъ странъ, затѣмъ странъ все болѣе и болѣе отдаленныхъ отъ мѣста его рожденія. Это было началомъ уже торговли международной.

Если станемъ искать происхожденіе торговли съ отдаленными странами, то мы поражаемся тѣми путями, которые божественное провидѣніе употребляло для споспѣшествованія и распространенія сношеній одного человѣка съ другимъ, для развитія и удовлетворенія, все болѣе и болѣе, той способности къ общежительности, которою оно одарило свое созданіе. События, которыя съ перваго взгляда казалось бы должны порвать всякія связи между народами, вещи, которыя казалось-бы должны были воздвигнуть непреодолимыя препятствія для человѣческихъ сношеній—служили и служатъ постоянно къ укрѣпленію этихъ связей и къ облегченію этихъ сношеній.

Война, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей, которые поражаютъ человѣчество, и первое дѣйствіе котораго—есть разрывъ всякихъ сообщеній между народами, начавшими непріязненныя дѣйствія,—весьма часто служила къ ознакомленію съ произве-

деніями природными или фабрикованными отдаленныхъ странъ, и многіе побѣдители прокладывали своею арміею путь, по которому впослѣдствіи должны были слѣдовать караваны мирныхъ купцовъ.

Море, это громадное водяное пространство, окружающее землю со всѣхъ сторонъ и представляющее какъ-бы непреодолимое препятствіе между различными народами, населяющими нашъ земной шаръ,—сдѣлалось путемъ наиболѣе вѣрнымъ, наиболѣе удобнымъ и наиболѣе скорымъ для сношеній съ самыми отдаленнѣйшими странами; оно служитъ тою связью, которая соединяетъ всѣ части вселенной. Многочисленные острова, изъ которыхъ многіе также велики какъ континенты, не имѣютъ никакого другаго сообщенія между собою и со всѣмъ остальнымъ міромъ, кромѣ океана; вся Америка осталась-бы изолированною отъ всѣхъ другихъ обитаемыхъ мѣстъ, если-бы море не связывало-бы ее со всѣми государствами стараго свѣта. Какимъ трудностямъ, какой медленности, какимъ опасностямъ были-бы подвержены наши сношенія, даже съ Азіей и Африкой, если-бы моря, также какъ и благодѣтельные каналы, не сокращали-бы путь и не отстраняли-бы препятствія.

Весьма любопытно сравнить путешествія, которыя предпринимались нашими предками до XV столѣтія, для веденія торговли съ Индіею,—съ путешествіями, которыхъ требуетъ эта самая торговля въ настоящее время. Медленность и опасности исчезли, и какое гигантское развитіе приняли эти сношенія, столь замкнутыя въ то время. Европа и Азія соединенныя вмѣстѣ, не могли-бы доставить достаточное число вьючныхъ животныхъ для того, чтобы перевозить тѣ огромные транспорты, которые перевозятся въ настоящее время между западными и восточными окраинами стараго свѣта. Одно только мореплаваніе могло создать средства, достаточныя для удовлетворенія потребностей, происхожденію и развитію которыхъ оно само содѣйствовало.

Кто былъ первый мореплаватель? Каковъ былъ первый

челнъ, на которомъ человѣкъ осмѣлился напасть на волны?[1] Вопросы эти покрыты мракомъ, который окружаетъ всю исторію первыхъ временъ міра вообще и каждой націи въ особенности; но однако же, если мы захотимъ тщательно изслѣдовать, то мы найдемъ, что весьма большое число народовъ можетъ оспаривать честь этого прекраснаго открытія. Ибо, я могу это констатировать, мореплаваніе было изобрѣтено у всѣхъ народовъ, которые жили на берегу морей и даже большихъ рѣкъ. Въ Африкѣ, въ Азіи, въ Америкѣ и на островахъ, самыхъ отдаленныхъ,—вездѣ куда европейцы достигали, они находили мореплавателей и мореплаваніе: мореплаваніе очень несовершенное, безъ сомнѣнія, но находившееся въ связи со степенью цивилизаціи тѣхъ народовъ, которые занимались имъ. Фактъ этотъ указываетъ положительнымъ образомъ, что инстинктъ мореплаванія, есть инстинктъ прирожденный, то есть данный человѣку самимъ Богомъ.

Первые люди, которые на хрупкомъ челнѣ смѣло шли въ океанъ, безъ сомнѣнія имѣли единственную цѣль—ловлю рыбы; но скоро это открытіе было примѣнено къ другому обычаю—къ торговлѣ. Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ пересѣкалъ рѣку или часть моря съ намѣреніемъ произвести какую нибудь мѣну, онъ, по необходимости, находился на землѣ, обитаемой людьми, чуждыми его племени, его націи; съ людьми, которые могли, смотря по своему желанію, или встрѣтить его благосклонно, гуманно, или же выгнать его съ своей земли, и часто даже поступить съ нимъ болѣе жестоко. Если предложеніе торговли было принято, если, въ особенности, мѣна оправдывала надежды, новыя сношенія все болѣе и болѣе увеличива-

---

(1) Азуни говоритъ въ общихъ выраженіяхъ объ изобрѣтеніи мореплаванія, и приписываетъ его, согласно съ Sanchoniaton, Eusèbe и Vitruve, одному Финикіянину по имени Ousoüs, который, обрубивъ вѣтки съ одного дерева, имѣлъ смѣлость довѣриться волнамъ на такой хрупкой подпорѣ. См. «Droit maritime de l'Europe» part. 1, ch. 1, art. 1, § 1. — Священное писаніе насъ учитъ, что по приказанію Бога, Ной построилъ родъ большаго судна, могущаго плавать на водѣ, и пр. Не тамъ-ли надо искать начало и происхожденіе мореплаванія? Въ такомъ случаѣ самъ Богъ есть его изобрѣтатель, и я полагаю, что это болѣе согласно съ дѣйствительностью, потому что Богъ вложилъ идею мореплаванія среди всѣхъ народовъ, сосѣднихъ съ водами.

лись. За тѣмъ, кто открылъ путь—слѣдовали другіе, которые въ свою очередь привлекали новыхъ. Эти сношенія между людьми, принадлежащими къ различнымъ народамъ, не имѣли еще характера международнаго, потому что онѣ имѣли мѣсто между лицами частными; но онѣ подготовили сношенія между самыми націями. Вскорѣ правители захотѣли извлечь выгоду изъ торговли, производимой иностранцами съ ихъ подданными; для того, чтобы допускать такихъ торговцевъ въ свои порта, чтобы покровительствовать имъ, чтобы давать имъ даже позволеніе пріѣзжать въ земли, подвластныя ихъ скиптру, они стали требовать уплаты извѣстныхъ пошлинъ въ свою пользу. Тотъ-же самой фактъ проявился одинаково со стороны правителя, подданные котораго занимались перевозкою и торговлею. Вскорѣ эти правители почувствовали необходимость войти въ соглашеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній ихъ подданныхъ, и тогда отношенія эти приняли характеръ международный.

Торговля и мореплаваніе, съ самаго начала своего происхожденія, были опредѣлены законами, или скорѣе обычаями, столь-же простыми, какъ и тѣ дѣйствія, которыя они должны были регулировать. Эти обычаи развивались вмѣстѣ съ самыми дѣйствіями и раздѣляли все ихъ развитіе. Когда правители, убѣжденные въ громадныхъ выгодахъ, которыя доставляютъ націямъ эти двѣ, столь важныя отрасли человѣческой промышленности, они старались обезпечить вытекающія изъ нихъ выгоды своимъ подданнымъ, они стали входить между собою въ соглашенія и заключать трактаты; они образовали положительный международный законъ, который все болѣе и болѣе развивался вмѣстѣ съ цивилизаціей и увеличеніемъ сношеній народовъ между собою. Слѣдуетъ замѣтить, что принципы этихъ законовъ не вытекали ни изъ мореплаванія, ни изъ торговли, ни изъ ихъ, болѣе или менѣе, быстрыхъ успѣховъ; они предсуществовали раньше, какъ я докажу въ этомъ сочиненіи. Потребности торговли и мореплаванія вызывали только ихъ примѣненіе.

Собраніе правилъ, которыя должны опредѣлять и регулировать морскія сношенія государствъ между собою, обезпе-

чивать полное пользованіе правами и полное выполненіе обязанностей каждаго изъ нихъ—составляетъ морское международное право. Этого именно права, я постараюсь изслѣдовать происхожденіе, развитіе и измѣненіе.

Чтобы сдѣлать этотъ трудъ болѣе полнымъ и яснымъ, я начну съ излѣдованія самаго источника международнаго права вообще, и въ особенности той отрасли, которою я долженъ заняться—права морскаго; затѣмъ я установлю принципы, на которыхъ оно строится. Эти первоначальныя правила послужатъ впослѣдствіи средствомъ къ опредѣленію, такъ сказать, развитія, сдѣланнаго закономъ, а иногда даже констатированія не только отсутствія всякаго прогресса, но даже обратный его ходъ.—Первая часть будетъ посвящена этому изслѣдованію. Въ послѣдующихъ частяхъ я укажу развитія, сдѣланныя въ примѣненіи принциповъ права: 1) у древнихъ; 2) въ періодѣ среднихъ вѣковъ, начиная со времени вторженія варваровъ до открытія Америки и морскаго пути въ Индіи (отъ 405 до 1492); 3) начиная съ этого времени, до Утрехтскихъ трактатовъ (1713); 4) и наконецъ, со времени этихъ трактатовъ до 1856 г.; заканчивая изслѣдованіе каждаго изъ этихъ періодовъ, я вкратцѣ изложу тѣ измѣненія, которыя послѣдовали во внутреннемъ законодательствѣ народовъ, по сколько оно можетъ касаться морской торговли и мореплаванія,—также какъ и успѣхи, сдѣланные европейскою цивилизиціею.

Международное право, будетъ-ли оно примѣняться къ сношеніямъ морскимъ, или сухопутнымъ, можетъ быть раздѣлено на двѣ части: одна содержитъ отношенія человѣческихъ обществъ во время мира; другая—тѣ же отношенія, но во время войны.—Въ этой послѣдней части слѣдуетъ различать отношенія коммерческія и морскія между народами, которые не находятся между собою въ войнѣ и не принимаютъ въ ней никакого участія, потому что эта война, хотя она и происходитъ между государствами посторонними, тѣмъ не менѣе, оказываетъ вліяніе на права и на обязанности мирныхъ націй и измѣняетъ ихъ отношенія съ обѣими воюющими націями. Я буду въ каждомъ періодѣ соблюдать это подраздѣленіе, вытекающее изъ самой природы избраннаго мною предмета.

Послѣдняя часть будетъ посвящена краткому обозрѣнію главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ морскимъ международнымъ правомъ. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ уже рѣшены положительнымъ закономъ; другіе все еще остаются открытыми. Я укажу на рѣшенія, данныя первоначальнымъ принципамъ, для того, чтобы видѣть, насколько онѣ согласны съ закономъ божескимъ, и я постараюсь указать на то сужденіе, которое должно быть произнесено о затрудненіяхъ, еще не устраненныхъ.—Въ концѣ труда я укажу настоятельную необходимость установленія равновѣсія на моряхъ и изданія морскаго международнаго закона общаго для всѣхъ народовъ; и я предложу, единственное по моему мнѣнію, средство къ достиженію этого двойнаго результата, которое одно можетъ обезпечить независимость всѣхъ морскихъ народовъ.

ЧАСТЬ I.

Источники международнаго права. Основные принципы этого права.

ГЛАВА I.

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

ОТДѢЛЪ I.

Естественный законъ.

(*Loi primitive*).

Первобытное состояніе человѣка, не есть абсолютное одиночество, но состояніе общественное, ограниченное семьею, подъ властью одного общаго отца. Въ такомъ положеніи, каждый членъ семьи по неволѣ уступаетъ часть своихъ естественныхъ правъ, предоставляетъ ихъ на общее пользованіе и ввѣряетъ ихъ главѣ этого маленькаго общества. Такимъ образомъ каждый складываетъ съ себя свое личное право мстить за оскорбленіе, полученное отъ другого члена той же семьи, и даже право нападать на своихъ сосѣдей, могущество которыхъ можетъ быть опасно его сотоварищамъ. Часто онъ долженъ былъ согласиться лишить себя части своихъ трудовъ, для общей пользы; наконецъ онъ подчинялся суду и даже приказаніямъ главы.

Такимъ образомъ человѣкъ сложилъ съ себя часть своей независимости и своихъ правъ, пожертвовалъ ее для общества, взамѣнъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя онъ получилъ отъ жизни общественной. Но семья, взятая какъ одно цѣлое, по отношенію къ другимъ, чуждымъ ей семьямъ, сохраняла полными и неприкосновенными: свою независимость и свои права, пользованіе которыми было ей ввѣрено. Она не признавала никакого другого главы, кромѣ своего собственнаго. Она защищала себя, мстила, нападала и наносила даже оскорбленія, по отношенію къ чужестранцамъ. Никто не могъ воспретить ей дѣйствовать такъ, какъ она полагала полезнымъ, никто не имѣлъ права ее судить. Она пользовалась безусловною независимостью по отношенію ко всѣмъ и каждой изъ другихъ семей.

Когда, — прирожденный - ли инстинктъ общежительности, или необходимость защищать себя противъ общаго врага, или даже сила и побѣда, — соединяли нѣсколько семей подъ власть одного общаго начальника, тогда каждая изъ нихъ, точно также уступала въ руки своего правителя, часть независимости и правъ, которыя были ей ввѣрены ея членами; она подчинялась суду и приказаніямъ общаго начальника. Точно то же было съ образованіемъ всѣхъ племенъ или родовъ, всѣхъ націй или народовъ. Новое общество сохраняло свою независимость относительно всѣхъ прочихъ, и должно было защищать ее отъ всѣхъ нападеній извнѣ. Какъ хранитель правъ каждаго изъ его членовъ,—общество было обязано заставить уважать и защищать ихъ всѣми возможными средствами находившимися въ его власти, даже силою, т. е. войною.

Такимъ образомъ націи, по отношенію одна къ другой, находятся въ состояніи безусловной независимости; онѣ непризнаютъ надъ собою никакой общей власти, которая могла бы давать имъ приказанія, никакого судьи, который могъ бы произносить свой приговоръ надъ ними и приводить его въ исполненіе. Право это принадлежитъ одному Богу, ибо Онъ есть Верховный Глава вселенной. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ Верховный Судья не оставитъ безъ наказанія на-

силіе и несправедливостъ; но въ большинствѣ случаевъ приговоры Его остаются намъ неизвѣстны, и Его справедливая кара проявляется не раньше, какъ за предѣлами видимаго міра. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что Создатель человѣка, оставилъ свое созданіе во власть и добычу его дурнымъ страстямъ, и что только одна сила должна разрѣшать всѣ недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть между народами? Я весьма далекъ отъ такой святотатственной мысли. Богъ есть не только Властитель и Верховный Судія народовъ,—Онъ есть также Верховный ихъ Законодатель. Онъ позаботился начертать въ сердце каждаго изъ людей законъ, который они должны соблюдать по отношенію одинъ къ другому, и законы человѣческіе имѣютъ значеніе по столько, по сколько они воспроизводятъ, въ наивозможно точной степени,—постановленія закона Божественнаго. Когда законъ этотъ примѣняется къ частнымъ дѣйствіямъ человѣческаго существа,—онъ называется *совѣстью*. Когда онъ регулируетъ отношенія гражданъ одной и той-же страны между собою, онъ называется закономъ *гражданскимъ*. Наконецъ, регуляторъ отношеній между независимыми націями,—законъ этотъ сохраняетъ свое названіе закона *Божественнаго* или получаетъ названіе закона *естественнаго* (*loi primitive*). Я ему даю это послѣднее названіе.

Естественный законъ есть единственный источникъ международнаго права, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго, и только восходя къ нему,—возможно найти истинные принципы. Всякій другой путь неизбѣжно приведетъ къ ошибкѣ, и въ этомъ предметѣ всякая ошибка весьма важна, ибо она можетъ пошатнуть счастіе народовъ и пролить потоки человѣческой крови.

Но законъ этотъ нигдѣ не писанъ. Ни какимъ законодателемъ онъ не былъ обнародованъ. Изъ этого факта нѣкоторые писатели заключили, что его не существовало; одинъ изъ нихъ, заслуженно знаменитый впрочемъ, не признаетъ въ человѣческой натурѣ никакихъ другихъ инстинктовъ, кромѣ впечатлѣній. Онъ основывается въ особенности на различіи организацій, которое часто влечетъ серьезныя разнообразія въ способѣ чувствовать, и на основаніи

этого различія онъ утверждаетъ, что то, что называется закономъ природнымъ или естественнымъ, не будучи одинаковымъ для всѣхъ людей, — есть химера и заблужденіе ([6]).

Опровержение этихъположеній не можетъ входить въ настоящій трудъ. Достаточно будетъ замѣтить, что естественный законъ не можетъ быть написанъ на языкѣ человѣческомъ, что онъ не можетъ быть изданъ никакимъ человѣческимъ законодателемъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ пересталъ бы быть правиломъ всемірнымъ и сдѣлался бы твореніемъ какого нибудь государя, которому народы посторонніе не были бы обязаны повиноваться, — и слѣдовательно, сдѣлался бы закономъ внутреннимъ какой нибудь одной націи. Я прибавлю, что всѣ знаменитѣйшіе законодатели, наилучшія постановленія своихъ кодексовъ, почерпали изъ этого закона, нигдѣ не писаннаго. Самъ Бентамъ (Bentham) могъ ли бы указать другой источникъ, гдѣ они могли бы найти ихъ? Безъ сомнѣнія человѣческая душа содержитъ въ себѣ дурныя наклонности, (я употребляю выраженіе этого знаменитаго писателя), — но она содержитъ также и хорошія; и именно въ этихъ послѣднихъ, которыя суть ни что-иное какъ выраженія закона естественнаго, — всѣ самые мудрые правители народовъ искали лекарства для первыхъ. Къ тому же, кто научилъ человѣческое существо отличать хорошія чувства отъ дурныхъ, если не самъ Создатель? И какъ далъ Онъ этотъ важный урокъ, иначе, какъ начертавши неизгладимыми буквами въ сердцѣ человѣка тѣ заповѣди, которымъ онъ долженъ слѣдовать?

Не существуетъ ни одного человѣческаго существа, пользующагося своими умственными способностями, которое не

([6]) «То, что есть природнаго въ человѣкѣ, это чувства горя и радости, его склонности; но назвать эти чувства, эти склонности, —законами, значитъ проводить идею фальшивую и опасную, и противорѣчить самому себѣ, такъ какъ необходимо создавать законы именно для обузданія самыхъ этихъ склонностей...» Іер. *Бентамъ* (Jér. Bentham). «*Fausses manières de raisonner en matiere de législation*». См. также *Мозеръ* (*Moser*), «*Essai sur le droit des gens le plus moderne des nations Européennes en paix et en guerre*».

имѣло бы понятія о справедливомъ и несправедливомъ, не имѣло бы сознанія тѣхъ правъ, которыя ему принадлежатъ, и тѣхъ обязанностей, которыя на него возложены. Идея собственности встрѣчается у всѣхъ людей, на всѣхъ уровняхъ цивилизаціи, во всѣхъ возрастахъ жизни; ребенокъ, который не можетъ еще выразить свою мысль,—имѣетъ уже это понятіе. Точно также и относительно всѣхъ другихъ понятій, которыя каждый индивидумъ хранитъ въ самомъ себѣ; кто налагаетъ обязанность уважать собственность другого, исправлять причиненный вредъ, держать данное слово и т. п. — Эти понятія, эти чувства, если ихъ можно такъ назвать, — суть понятія и чувства прирожденныя, встрѣчающіяся въ сердцѣ всѣхъ людей, во всѣ времена и во всѣхъ климатахъ; это суть источники всѣхъ лучшихъ человѣческихъ законовъ; это суть постановленія закона естественнаго или Божественнаго.

Существованіе естественнаго закона находится въ связи съ существованіемъ самаго человѣка; серьезно оспаривать этого нельзя. Законъ этотъ не распространяется на всѣ частныя случаи жизни, и въ особенности жизни развитой, подобно тому, какъ это долженъ дѣлать законъ гражданскій;— онъ отмѣчаетъ только, если можно такъ выразиться, «выдающіяся точки» (sommités) права, онъ намѣчаетъ путь, но онъ дѣлаетъ это такъ точно, что слѣдуя по этимъ освѣщеннымъ имъ точкамъ, человѣкъ можетъ идти безъ страха заблудиться. Изъ общихъ принциповъ уже легко извлечь слѣдствія и составить полное законодательство. Такъ именно и составлялись внутренніе законы народовъ. Всѣ они, въ основаніи своемъ имѣютъ законъ естественный, и наиболѣе приближаются къ совершенству тѣ, которые въ развитіи своемъ, являются наиболѣе точно согласованными съ основными принципами. Слѣдуя указаніямъ естественнаго закона, легко регулировать всѣ сношенія и отношенія, какія могутъ существовать между различными народами вселенной. По своему божественному происхожденію, законъ этотъ есть общій для всѣхъ. Никто не можетъ отвергнуть его во имя своей независимости. Онъ управляетъ всѣми положеніями:

миромъ и войною, онъ указываетъ каждому права, которыми онъ можетъ пользоваться, и обязанности, которыя долженъ исполнять. Эти права, и эти обязанности, ясныя и положительныя,—суть коррелятивы однѣ другимъ; онѣ соотвѣтствуютъ и согласуются между собою, никогда не сталкиваясь и не уничтожая одно другого. Онѣ истекаютъ отъ Создателя этой чудной вселенной.

Многія націи и большое число писателей, правда, утверждали, что часто народы могутъ имѣть полныя и безусловныя права, но противоположныя однѣ другимъ, т. е. права несогласимыя до такой степени, что однѣ изъ нихъ не могутъ существовать, не уничтожая другихъ. Это заблужденіе со стороны писателей (7) и, къ несчастію, очень часто расчетъ со стороны народовъ. Я говорю «къ несчастію» потому, что если между народами безусловно независимыми, матеріальный интересъ предпочитается нравственности, то нельзя надѣяться на какую бы то ни было справедливость; одна только сила призывается въ такомъ случаѣ для разрѣшенія международныхъ вопросовъ.

Естественный законъ, въ томъ видѣ какъ я только что его описалъ, есть, такимъ образомъ, первый и единственный источникъ Международнаго права вообще, и Морскаго международного права, въ особенности. Въ наставленіяхъ этого закона мы должны искать принциповъ, на которыхъ законы человѣческіе должны быть основаны.

ОТДѢЛЪ II.

Законъ положительный.

(*Loi Secondaire*).

Полное и совершенное соблюденіе естественнаго закона обезпечивало бы всѣмъ народамъ—сохраненіе всѣхъ ихъ правъ. Оно даровало бы вселенной миръ и счастіе. Но такой

(7) Въ большинствѣ морскихъ войнъ 18 и 19 столѣтія антагонизмъ между правами заявляемыми воюющими и нейтральными—давалъ поводъ къ горячимъ спорамъ и даже къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.—Въ числѣ писателей, которые утверж-

результатъ есть химера. До тѣхъ поръ пока люди будутъ ослѣплены своими страстями, т. е. до тѣхъ поръ пока будетъ существовать свѣтъ,—Божественный законъ всегда будетъ нарушаться. Очень часто народы, и тѣ, которые управляютъ ими,—добровольно поддаются заблужденію, вслѣдствіе расчета и честолюбія. Они вносятъ въ международное право. правило частнаго права — Salus populi suprema lex,—правило, можетъ быть, нѣсколько суровое, но превосходное и совершенно справедливое, когда оно примѣняется государемъ къ своимъ собственнымъ подданнымъ; когда оно приноситъ интересы одного гражданина въ жертву благосостоянію и пользѣ общества, къ которому онъ принадлежитъ; но оно становится несправедливымъ, и даже нелѣпымъ, когда желаютъ примѣнять его къ иностранцамъ, людямъ совершенно постороннимъ и независимымъ отъ заинтересованнаго государства; словомъ сказать, когда хотятъ ввести его въ международное право.

Для предупрежденія подобнаго ослѣпленія, часто совершенно добровольнаго,—народы нерѣдко признавали полезнымъ, включать постановленія естественнаго закона въ особыя конвенціи, и сохранять ихъ письменно. Такіе акты, называемые *трактатами*, составляютъ человѣческое основаніе международнаго права. Я не буду заниматься трактатами, спеціально предназначенными регулировать частные интересы, но только такими, которые содержатъ правила. необходимыя для примѣненія великихъ принциповъ естественнаго закона. Такіе акты обязательны только для тѣхъ двухъ народовъ, которые ихъ подписали. Но они не могутъ быть обязательны для націй, которыя не дали своего спеціальнаго согласія. Дѣйствительно, воля двухъ народовъ, не можетъ связать третьяго, безъ нанесенія тяжкаго оскорбленія его независимости, т. е

дали существованіе правъ несогласимыхъ, можно указать: *Альберико Гентилисъ* (*Alberico Gentilis*) «*De jure belli*»).—Его можно назвать отцомъ этой печальной доктрины. *Ваттель* (*Vattel*), «*Droit des gens*»; *Генецій* (*Henneccius*) «*De nav ob. vect. vetit. mer. comm*».; *Лампреди* (*Lampredi*) «*De commercio de popoli neutrali in tempo di guerra*»; *Азуни* (*Azuni*), «*Droit maritime de l'Europe*».

его существованію. Этотъ принципъ признанъ всѣми; онъ неоспоримъ.

Однако же, если одно и то же постановленіе естественнаго закона повторяется въ большомъ числѣ трактатовъ, заключенныхъ большинствомъ цивилизованныхъ народовъ; если способъ исполненія этого постановленія опредѣленъ многочисленными конвенціями однообразно; если, въ особенности, противные этому постановленію акты такъ рѣдки, что едва составляютъ исключеніе, то изъ этого вытекаетъ родъ международной юриспрюденціи. Безъ сомнѣнія народы, оставшіеся чуждыми такимъ трактатамъ, не могутъ быть безусловно обязаны, но они побуждаются уважать, а иногда даже и принять эту юриспрюденцію, которую писатели называютъ правомъ *положительнымъ*, или *договорнымъ*, или *второстепеннымъ*. Я буду употреблять это послѣднее названіе, потому что оно болѣе соотвѣтствуетъ тому, которое я принялъ для обозначенія первоначальнаго источника права (*).

Нѣкоторые писатели признаютъ еще другую отрасль международнаго закона, которую они называютъ *правомъ обычнымъ*. Оно образуется изъ извѣстныхъ обычаевъ, которые устанавливаются между народами, не будучи никогда включены въ трактаты. Эти обычаи, впрочемъ весьма немногочисленные, мнѣ кажется, должны входить въ право положительное.

Международный законъ исключительно состоитъ изъ этихъ двухъ частей: закона *естественнаго*—единственнаго источника всѣхъ человѣческихъ законовъ, и именно, тѣхъ, которые должны управлять отношеніями лицъ (êtres) независимыхъ,—народовъ; и закона *положительнаго* составленнаго изъ законовѣдѣнія, вытекающаго изъ трактатовъ и неписанныхъ обычаевъ. Только эти два элемента и образуютъ международное право. Я настаиваю на этомъ пунктѣ потому, что нѣкоторые писатели, и въ особенности націи—часто забывали эту основную истину и старались установить, для отношенія народовъ правила, заимствованныя изъ другихъ источниковъ.

(*) Авторъ вездѣ употребляетъ слово «Secondaire», («второстепенное»), но я считаю болѣе удобнымъ въ русскомъ переводѣ употреблять слово «Положительное», («positif»), какъ точнѣе выражающее значеніе этого права. *Прим. Перевод.*

ОТДѢЛЪ III.

Внутренніе законы народовъ и Историческіе факты.

Подъ внутреннимъ закономъ народа я разумѣю всякій законодательный актъ, къ какому бы предмету онъ не примѣнялся, изданный Верховною властію. Подобный законъ, каковы бы ни были его постановленія, долженъ быть исполняемъ подданными этого законодателя и всѣми людьми, даже иностранцами, которые живутъ на территоріи, подлежащей его юрисдикціи.

Одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ, которыя были совершаемы по отношенію къ международному праву,—заключается въ томъ, что постановленія внутреннихъ законовъ хотѣли примѣнять къ иностраннымъ народамъ, т. е. къ лицамъ независимымъ отъ той законодательной власти, которая издавала эти законы. Такое неправильное примѣненіе внутреннихъ законовъ, въ особенности даетъ себя чувствовать въ законахъ морскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы заставить исполнять законъ, неизбѣжно надо имѣть возможность придти съ достаточною исполнительною силою къ человѣку, котораго хотятъ привести къ повиновенію;—выполнить это условіе на сушѣ, возможно не иначе, какъ завладѣвъ территоріей иностранныхъ народовъ. На морѣ это не такъ. Одинокій, весьма часто безоружный, иностранный корабль, встрѣчается съ военнымъ кораблемъ другой націи, и волей неволей бываетъ принужденъ повиноваться этому иностранцу и исполнять чуждый для него законъ. Подобное заблужденіе восходитъ до глубокой древности; но однако весьма легко найти его происхожденіе и прослѣдить его развитіе.

Римляне сдѣлались владѣльцами почти всего прибрежья Средиземнаго моря;—народы, которые не были, ни ихъ подданными, ни ихъ союзниками,—что было почти одно и тоже,—были, въ глазахъ гражданъ Римской имперіи,—варварами, стоявшими, внѣ всякаго публичнаго права, недостойными вниманія господствовавшаго народа. Поэтому, законы изданные римлянами, носили на себѣ характеръ законовъ общихъ;

они не были законами международными, но они должны были быть исполняемы всѣми подвластными народами, т. е. всѣми жителями прибрежья единственнаго моря, гдѣ было тогда мало-мальски развито мореплаваніе. Когда колоссъ Римской имперіи былъ сверженъ вторженіемъ, — варвары оставили покореннымъ народамъ ихъ законы, законы римскіе, которые продолжали, такимъ образомъ, дѣйствовать въ государствахъ отдѣльныхъ и независимыхъ ([8]). Первыя сношенія которыя установились между этими новыми народами были исключительно частныя; торговля была единственнымъ ихъ предметомъ, и отношенія эти между странами, управлявшимися въ теченіи многихъ вѣковъ, законодательствомъ римскимъ, очевидно были регулированы этими же самыми законами, единственными, которые существовали тогда, съ нѣкотораго рода, общаго согласія. Когда эти частныя сношенія породили нѣкоторыя офиціальныя отношенія одного государя къ другому, что въ средніе вѣка случалось очень рѣдко, то правиломъ для нихъ иногда служило римское право. Такимъ образомъ законъ изданный государемъ для того чтобы быть исполняемымъ его подданными, тѣми которые были обязаны ему повиновеніемъ и подчиненіемъ, — былъ примѣняемъ къ народамъ свободнымъ и независимымъ. Но по крайней мѣрѣ, въ тѣ варварскія времена онъ былъ, не навязанъ, но *принятъ* тѣми, кто дѣлалъ изъ него употребленіе. Этотъ фактъ превосходно объясняется эпохою, въ которую онъ происходилъ; но онъ былъ источникомъ, не заблужденія, а серьезнаго злоупотребленія, которое продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ и которое существуетъ еще и въ настоящее время.

Могущественныя націи, — ибо народы слабые не смѣютъ употреблять такихъ средствъ, — имѣютъ привычку, особенно въ тотъ моментъ когда онѣ начинаютъ морскую войну, издавать ордонансы, чтобы сдѣлать извѣстными тѣ принципы, которые будутъ руководить ихъ поведеніемъ относительно другихъ

([8]) См. *Wheaton*, *«Histoire des progrès du droit des gens»*, etc. Историческій перечень, p. 8.

народовъ, во все время продолженія военныхъ дѣйствій. Чаще всего эти ордонансы касаются не непріятеля, а народовъ оставшихся нейтральными, или, какъ ихъ называютъ, народовъ дружественныхъ. Ордонансы эти содержатъ постановленія не о томъ поведеніи, которое воюющій законодатель предписываетъ самъ себѣ, а о томъ поведеніи, которое онъ диктуетъ, такъ называемымъ, своимъ друзьямъ, т. е. народамъ независимымъ; наконецъ ордонансы эти провозглашаютъ наказанія противъ иностранцевъ, которые не будутъ сообразовываться съ этимъ страннымъ закономъ, который можно назвать закономъ силы или кулачнымъ правомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ такіе ордонансы постоянны, (9) и неизмѣняются подобно другимъ законодательнымъ актамъ. Въ другихъ же, наоборотъ, они являются исключительно временными, и измѣняются всякій разъ, когда интересъ ихъ автора того требуетъ; они перестаютъ существовать съ окончаніемъ войны (10). Могутъ ли такіе ордонансы или законы быть разсматриваемы, какъ составляющіе часть международнаго права? Обязательны ли они для иностранныхъ націй? Никто никогда не претендовалъ приписывать имъ международный характеръ; но по трудно объяснимой странности, народы,— авторы такихъ законодательныхъ актовъ, и большинство писателей поддерживаютъ то мнѣніе, что акты эти обязательны для всѣхъ націй. Основаніемъ къ этому они приводятъ мнимое право воюющаго, которое они называютъ *правомъ необходимости*, (*droit de la nécessité*), и которое я буду имѣть случай объяснить въ послѣдствіи (11). По моему мнѣнію, ордонансы эти не составляютъ часть международнаго права и не обязательны для народовъ иностранныхъ.

---

(9) Во Франціи, см. ордонансы 1543, 1584, 1681, 1704, 1744, 1778. Этотъ послѣдній частію находится въ силѣ и по настоящее время. См. также Ордонансы Испанскіе.

(10) Въ Англіи постановленія Совѣта измѣняются такъ часто, какъ правительство находитъ это полезнымъ; онѣ издаются на каждый спеціальный случай и перестаютъ существовать лишь только кончается война. См. именно постановленія Совѣта изданныя въ 1806—1807 гг. во время войны съ Франціею.

(11) См ниже, таже глава, и мое сочиненіе «*Traité des droits et des devoirs des nations neutres*», tit. VII; ch. 2, sect 2., § 2, tome II, p. 22 (2-е ed.).

Если такіе акты основываются на справедливости, если они ограничиваются перечисленіемъ принциповъ естественнаго права и постановленій трактактовъ, заключенныхъ ихъ авторомъ съ иностранными народами, т. е. постановленіями положительнаго права, и если въ нихъ предлагается подданнымъ точно исполнять ихъ,—то въ такомъ случаѣ они ничего не прибавляютъ къ закону, и слѣдовательно не составляютъ закона. Если же, наооборотъ, какъ почти всегда случается, акты эти находятся въ противорѣчіи съ закономъ естественнымъ, если они нарушаютъ постановленія трактатовъ, заключенныхъ государемъ, который ихъ издаетъ, съ народами которыхъ онъ хочетъ заставить исполнять, — то такіе акты не могутъ составлять международнаго права; — они суть явное нарушеніе всѣхъ законовъ, Божескихъ и человѣческихъ. Безъ сомнѣнія часто случалось, что независимые народы исполняли приказанія, даваемыя воюющими (было бы вѣрнѣе сказать, что воюющіе примѣняли свои собственные законы къ иностраннымъ народамъ); но эти факты, какъ бы многочисленны ни были,—весьма далеки отъ того, чтобы установить право такихъ мнимыхъ законодателей. Факты эти доказываютъ, что воюющій, имѣя оружіе въ своихъ рукахъ и будучи болѣе могуществен ъ,—злоупотреблялъ своими преимуществами, чтобы посягать на независимость мирныхъ и болѣе слабыхъ народовъ, заставляя ихъ подчиняться силѣ его законовъ. И надо замѣтить, что почти во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, угнетенныя націи всегда заявляли самые энергичные протесты; онѣ уступали силѣ, но никогда не признавали за воюющимъ право, которое онъ хотѣлъ присвоивать себѣ.

Нѣкоторые писатели думали поставить *историческіе факты* въ ряду источниковъ права; они хотѣли приписать этимъ фактамъ международную авторитетность и преобразовать ихъ въ нѣкотораго рода обычное право. Но это есть заблужденіе, которое слѣдуетъ отмѣтить, и въ особенности—избѣжать. Исторія гораздо чаще записываетъ такіе факты, которые поражаютъ людей своимъ необыкновеннымъ свойствомъ, которые нарушаютъ всѣ принципы права, чѣмъ такіе, которые будучи справедливы и согласны съ идеей добра,—мало обращаютъ на

себя вниманіе людей. Желать разсматривать факты перваго рода какъ прецеденты, на основаніи которыхъ народы должны регулировать свое поведеніе, — было бы печальной ошибкой для всего человѣческаго рода. Законъ не долженъ быть созданъ по человѣческимъ дѣйствіямъ и для оправданія ихъ. Наоборотъ, дѣйствія эти должны быть согласованы съ закономъ существующимъ. Къ тому-же, все что я сказалъ относительно законовъ внутреннихъ, одинаково примѣняется къ историческимъ фактамъ; они не должны имѣть никакого вліянія на международный законъ.

ГЛАВА II.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МОРСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Въ предъидущей главѣ я установилъ, во 1-хъ, что международное право цѣликомъ проистекаетъ изъ единственнаго источника: закона естественнаго; и во 2-хъ, что это право цѣликомъ содержится въ трактатахъ и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, принятыхъ націями, т. е. въ положительномъ законѣ. Установивъ эти безусловныя истины, — я считаю долгомъ установить основные принципы морскаго международнаго права.

Ихъ числомъ три: 1) *Свобода моря.* 2) *Независимость націй* и 3) *Свобода торговли и мореплаванія.*

ОТДѢЛЪ I.

Свобода моря.

Море свободно въ томъ смыслѣ, что оно не можетъ быть подчинено подъ власть (суверенитетъ) никакого народа; что никакой властитель, какъ бы онъ ни былъ могуществена, не можетъ имѣть притязанія диктовать законы, даже самой слабѣйшей націи, на этомъ обширномъ пространствѣ морей. Принципъ этотъ безусловный, и отступленіе отъ него допускается только для морей: *территоріальныхъ* и морей *закрытыхъ*, которыя будутъ опредѣлены ниже.

Принципъ, который я только что выставилъ, возбудилъ горячіе споры, и причинилъ кровопролитныя войны. Въ древ-

ности никакой народъ не заявлялъ верховной власти надъ единственнымъ, извѣстнымъ тогда, Средиземнымъ моремъ, и ни надъ какою изъ его частей. По всѣму вѣроятію такого притязанія не существовало и ни надъ какою частью океана. Безъ сомнѣнія, каждая изъ націй, которая послѣдовательно выдвигалась своимъ морскимъ могуществомъ, оказывалась виновною въ тиранических дѣйствіяхъ, болѣе или менѣе частыхъ, болѣе или менѣе гнусныхъ; но въ дѣйствительности, изъ всего, что исторія говоритъ намъ объ этихъ отдаленныхъ временахъ,—не видно, чтобы кто нибудь заявлялъ притязанія на господство надъ моремъ ([12]).

Не такъ было въ средніе вѣка; народы которые занимались морскою торговлею, въ особенности итальянскіе города Генуа, Пиза и Венеція,—заявляли претензію диктовать законы, и въ особенности захватить въ свои руки монополію на Средиземномъ морѣ. Соперничество этихъ могущественныхъ городовъ имѣло своимъ источникомъ не тщеславіе, болѣе или менѣе оправдываемое идеями славы, а стремленіе къ наживѣ, меркантильную зависть. Соперничество это породило войны, которыя продолжались многіе вѣка почти безъ перерыва и кончились полнымъ раззореніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ ненасытныхъ республикъ.

Впослѣдствіи, когда открытіе Америки и морскаго пути въ Индію уничтожило торговое превосходство,—Испанія, Португалія, Голландія и, въ особенности, Англія ([13]), послѣ-

---

([12]) Многіе писатели, и преимущественно *Азуни* (*Azuni*) думали найти въ исторіи доказательство того, что древніе народы также заявляли притязаніе на господство надъ морями. Но примѣры, на которыхъ они основываютъ свое мнѣніе, кажутся мнѣ мало убѣдительными. Писатели и поэты могли давать своему отечеству громкіе титулы *владычицы морей, повелительницы океановъ* и т. п. Кароагенъ могъ обнародовать законъ, воспрещавшій иностраннымъ кораблямъ останавливаться болѣе 5 дней въ портахъ Сициліи и Сардиніи, островахъ, господство надъ которыми онъ оспаривалъ; Римъ, наконецъ, могъ въ одномъ изъ трактатовъ, ограничивать морскія силы своего побѣжденнаго соперника, — но ни одна изъ этихъ различныхъ націй не можетъ быть обвинена въ притязаніи на верховное господство надъ моремъ.

([13]) Эти новѣйшія притязанія подвергались нападкамъ и поддерживались многими знаменитыми писателями. *Гроцій* (*Grotius*) издалъ свое сочиненіе *Mare liberum*, чтобы опровергнуть притязанія Португаліи: вытѣснить всѣ остальныя

довательно заявляли притязанія на верховное владычество надъ свободнымъ, открытымъ моремъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то самое время, когда націи эти наиболѣе энергично заявляли свои притязанія на верховное господство надъ морями,—эти же націи съ живѣйшимъ негодованіемъ отвергали притязанія ихъ соперниковъ на другія части этого огромнаго пространства ([14]). Около столѣтія тому назадъ, всѣ народы, кажется,наконецъ отказались отъ этихъ безумныхъ притязаній. Тѣмъ не менѣе надобно остерегаться придавать слѣпую вѣру этому кажущемуся измѣненію. Не заявляютъ болѣе притязаній на господство надъ океаномъ, но за то издаютъ самые несправедливые законы, и силою заставляютъ исполнять ихъ на свободныхъ моряхъ; воздерживаются отъ словъ и удерживаютъ самый фактъ. Это скромное молчаніе болѣе опасно чѣмъ самыя шумныя восклицанія.

Принципъ свободы моря оспаривался и защищался съ большою живостью, самыми знаменитыми писателями. Сжатый объемъ настоящаго труда не позволяетъ мнѣ войти въ разсмотрѣніе аргументовъ приводимыхъ тою и другою стороною. Я ограничусь указаніемъ, котораго, полагаю, будетъ достаточно, чтобы установить истину.

Свобода моря вытекаетъ изъ самой природы его. Господство можетъ быть установлено только надъ предметами, спобными сдѣлаться собственностью индивидуумовъ, потому что

націи изъ морей Индіи. *Сельденъ* (*Selden*), въ сочиненіи своемъ *Mare clausum*, опровергалъ аргументы Гроція, и поддерживалъ въ пользу Англіи принципъ собственности морей.

([14]) Въ тотъ моментъ, когда Англія съ большою энергіею заявляла свое господство надъ морями, которыя она надменно называла «*Британскими морями*», Испанскіе послы жаловались Елизаветѣ на корсарство знаменитаго англійскаго моряка *Francis Drake*, который силою нападалъ на испанскія владѣнія въ Американскихъ моряхъ; отвѣтъ «владычицы Европейскихъ морей» достоинъ быть цитированнымъ: «Пользованіе моремъ и воздухомъ, говорила она, — принадлежитъ всѣмъ; никакой народъ, никакое частное лицо не можетъ имѣть исключительнаго права на океанъ потому что, ни природа, ни общественная польза, не позволяютъ такого завладѣнія» — («L'usage de la mer et de l'air, est commun à tous; aucun peuple, aucune personne privée ne peut avoir de droit sur l'ocean, parce que ni la nature, ni l'usage public n'en permettent l'occupation» — *Campbden*, «*Vie d'Elisabeth*», ad annum 1580. *Hume*, «*Hist. d'Anglet.*»

господство есть ничто иное, какъ часть права собственности, уступленная подданными своему Государю, для того, чтобы быть направленной на пользу общественную. Можетъ ли море, по природѣ своей, сдѣлаться частною вещью какого нибудь человѣка? Для того чтобы имѣть существенный характеръ предмета подлежащаго праву собственности—должны быть соединены въ немъ три условія: 1) онъ долженъ быть на что нибудь полезенъ; 2) онъ долженъ быть такого свойства, что пользованіе имъ многими или всѣми,—вредитъ пользованію того, кто считаетъ себя собственникомъ; 3) и главное, онъ долженъ быть поставленъ въ дѣйствительное, фактическое владѣніе собственника.

Первое изъ этихъ условій — встрѣчается въ морѣ: оно полезно; этого никто не станетъ отрицать; оно представляетъ даже огромную пользу, какъ для рыболовства, такъ и для мореплаванія; оно служитъ связью между самыми отдаленными націями; путемъ для перевозки самыхъ тяжелыхъ предметовъ, самаго большаго количества произведеній всякаго рода, которыя люди всѣхъ странъ хотятъ обмѣнивать между собою.

Единственная цѣль собственности—поставить человѣка въ возможность заботиться о своихъ нуждахъ и удовлетворять своимъ стремленіямъ къ благосостоянію; по этой-то причинѣ одинъ изъ существенныхъ признаковъ вещей, могущихъ подлежать собственности, есть тотъ, что вещи не могутъ служить для употребленія многихъ, не истощаясь. Когда дѣло идетъ о вещахъ, по природѣ своей, неистощимыхъ,—цѣль вполнѣ достигнута безъ того, чтобы была надобность прибѣгать къ этому средству. Было бы даже несправедливо, и слѣдовательно противно естественнымъ обязанностямъ, требовать этого, потому что фактъ исключительнаго завладѣнія предметомъ неистощимымъ, имѣлъ бы единственнымъ результатомъ—лишить другихъ людей пользованія вещью, безъ всякой выгоды для владѣльца ([15]).—Море громадно и неистощимо; его можетъ

([15]) «Собственность имуществъ установлена для того, чтобы каждому предоставить пещись о своемъ сохраненіи и о своихъ нуждахъ такъ, чтобы другой не могъ этому помѣшать, ни насиліемъ, ни хитростью, ни какимъ бы то ни было

хватить на всѣ надобности рыболовства и мореплаванія; оно легко выноситъ всѣ флоты, какіе людямъ желательно пустить на его поверхности; оно можетъ даже поглотить ихъ всѣхъ, безъ того, что глубина его безднъ уменьшится, или на поверхности его останется слѣдъ. Самыя грозныя морскія арміи проходятъ по немъ, не оставляя за собою никакого слѣда; онѣ проходятъ, и слѣдъ ихъ исчезаетъ; и тѣ, которые слѣдуютъ за ними, будь то враги, не въ состояніи найти никакого признака, никакого указанія, или встрѣтить себѣ какое нибудь препятствіе. Пользованіе одного мореплавателя не вредило и не могло вредить другому, и никому изъ тѣхъ,— какъ бы многочисленны они ни были,—кто пожелалъ бы слѣдовать за нимъ. — Море—неисчерпаемо; его достаточно для нуждъ всѣхъ; всѣ могутъ имъ пользоваться и даже злоупотреблять, не вредя пользованію другихъ. Море, слѣдовательно, не имѣетъ втораго признака вещей, могущихъ находиться во владѣніи. Оно свободно какъ воздухъ, какъ свѣтъ, какъ теплота.

Всѣ писатели согласны въ томъ, что фактическое владѣніе доказываетъ собственность; я говорю о собственности естественной, натуральной; здѣсь очевидно не можетъ быть рѣчи о собственности гражданской ([16]). Этотъ третій существенный признакъ не встрѣчается въ морѣ. Громадность океана не позволяетъ человѣку овладѣть имъ и утвердить тамъ свое

другимъ образомъ. Это—великій принципъ, изъ котораго слѣдуетъ исходить, чтобы правильно судить объ этомъ предметѣ; безъ этого основанія,—рискуютъ впасть въ заблужденіе.... Изъ сопостановленія этихъ правилъ вытекаетъ слѣдующее положеніе, именно: что вещи, какъ бы онѣ ни были полезны, если онѣ неистощимы и если всѣ могутъ ими пользоваться, безъ того, что отъ этого,—по причинѣ ихъ свойства и огромнаго пространства,—каждый будетъ имѣть меньше,— не могутъ сдѣлаться частною собственностью. *Hubner*, «De la saisie des bâtiments neutres», t. 1 part. 1-re, chap 3.

([16]) «Dominus nemo est ejus rei nec ipse unquam possedit» *Grotius*, «*Mare liberum*», lib. IV., cap. 2. — «Nullum igitur jus hominibus in res terrœ competit nisi ex exprehensione et quatenùs apprehendent; quœ igitur nondum apprehensa, id est in possessione corporali hominum constituta non sunt, vel constitui non possunt, manent nullius». *Grotius*, loc. cit. § 4. См того же автора, «*De jure belli et pacis*», lib. II cap. 8, §§ 3 и 6. *Hubner*, «loc. cit», и мое сочиненіе. «*Des droits et des devoirs*», etc., tit 1., ch. 1, sect. 2, et la L. 1-re, ff. «De acquirenda possessione».

владѣніе. Жидкообразное состояніе моря ставитъ непреодолимое препятствіе тому, чтобы человѣкъ могъ захватить его и удержать въ своей власти. Когда какой нибудь народъ завладѣваетъ частью земли,—онъ строитъ тамъ города и крѣпости; онъ занимаетъ ее своими солдатами; въ этомъ случаѣ справедливо можно сказать: *Rem tenet et rei insistit* ([17]). Но города, крѣпости и гарнизоны очевидно невозможны, чтобы охранить болѣе или менѣе воображаемыя границы, которыя вздумали бы проводить на жидкомъ пространствѣ водъ. — Даже якорь корабля можетъ коснуться дна неизмѣримыхъ глубинъ моря только тогда, когда перестанетъ быть собственностію человѣка. Земледѣлецъ можетъ узнать поле, которое онъ обработываетъ, пастухъ—лугъ, который кормитъ его стадо; они легко могутъ найти ихъ во всякое время; но, потому ли, что верхніе слои моря исчезаютъ въ его безднахъ, для того чтобы при солнцѣ дать мѣсто нижнимъ, потому ли что отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, или вслѣдствіи непрестаннаго и таинственнаго дѣйствія теченій, — волны перекатываются отъ одного полюса къ другому:—кто изъ людей можетъ прослѣдить и узнать часть этого огромнаго пространства, собственникомъ котораго онъ имѣетъ притязаніе быть? Кто изъ людей могъ бы сказать: *Rem teneo et rei insisto*? Такимъ образомъ, море не можетъ быть поставлено во власть никакого человѣческаго существа.

Море, необладая двумя, изъ трехъ существенныхъ признаковъ, дающихъ вещамъ способность сдѣлаться частною собственностью,—не можетъ быть во владѣніи никого изъ людей и слѣдовательно никакой націи, ибо нація, всѣ свои права беретъ отъ человѣка, а этотъ послѣдній можетъ уступить только то, чѣмъ владѣетъ самъ и ничего болѣе. И такъ, море по самой природѣ своей—свободно.

Нѣкоторые писатели утверждали, что море можетъ находиться во владѣніи человѣка, также, какъи земля ([18]). Наиболѣе зна-

---

([17]) См. L. 1-re, pr., A. P.

([18]) Главнѣйшіе писатели, поддерживавшіе морское владѣніе суть: Сельденъ (*Selden*) въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «*Mare clausum*»; *Julius Pacius*, «*Discep-*

менитый изъ этихъ писателей, *Сельденъ* (Selden) признавалъ всѣ вышеизложенные принципы, но утверждалъ только, что они непримѣнимы къ морю, которое, по его мнѣнію, можетъ быть раздѣлено между народами и сдѣлаться частною собственностію одной націи. На возраженіе о свойствѣ, вытекающемъ изъ громадности и неистощимости моря, Сельденъ отвѣчаетъ уступкою, которая однако не имѣетъ подъ собою никакого основанія, и которая по всѣму вѣроятію создана его воображеніемъ. Онъ требуетъ чтобы властитель океана позволялъ другимъ проходить по его водянымъ владѣніямъ, для плаванія *невиннаго* ([19]). Но только онъ не указываетъ намъ, кто будетъ безпристрастнымъ судьей *невинности* плаванія.—За неимѣніемъ вѣскихъ аргументовъ для подтвержденія своего мнѣнія, Сельденъ ищетъ опоры въ историческихъ фактахъ; онъ приводитъ большое число ихъ, и хочетъ чтобы эти примѣры служили основаніемъ того права, которое онъ поддерживаетъ.

Прочіе писатели приняли систему ученаго англійскаго юриста.

Такимъ образомъ, слѣдуя, по этому важному вопросу, указаніямъ закона естественнаго, можно установить такой принципъ: *море—свободно.*—Положительный законъ не внесъ никакого измѣненія въ эту естественную истину. Никакой трактатъ, никакая конвенція не санкціонировали притязаній какой бы то нибыло націи, на верховное господство, даже надъ ничтожною частью океана. Существуетъ, наоборотъ, много актовъ, которые провозгласили принципъ естественнаго закона—свободу морей.

Изъ этого принципа существуетъ однако два исключенія: онѣ относятся къ тѣмъ морямъ, которыя называются: морями *территоріальными* и морями *внутренними* или *закрытыми*.

---

tatio de dominio maris Adriatici, pro Venitis»; *J. Gothofredus*, «*De dominio maris*»; *Дженкинсонъ* (*Jenkinson*) — впослѣдствіи Лордъ Ливерпуль (Liverpool) «Discours apologétique de la conduite de la Grande Bretagne». (1758.)

([19]) «... Quod ad genus primum attinet humanitatis quidem officia efigunt ut hospitio excipiantur peregrini, etia mut innoxius non negetur transitus..» *Selden*, «*Mare clausum*», lib. I. cap. 20.

Территоріальнымъ моремъ называется часть океана, которая непосредственно прилегаетъ къ берегу. Часть эта принадлежитъ въ собственность той націи, которой принадлежатъ земли, омываемыя ея волнами. Если открытое море не можетъ принадлежать въ частную собственность никакому народу потому, что оно не можетъ быть поставлено и удержано въ человѣческой власти,—то часть воды, прилегающая къ берегу, легко можетъ быть охранена и защищена прибрежнымъ владѣльцемъ, т. е. она можетъ быть удержана силою въ его фактическомъ владѣніи и власти. Посредствомъ какихъ нибудь военныхъ приспособленій, или нѣсколькихъ пушекъ, онъ въ дѣйствительности господствуетъ надъ этимъ пространствомъ; онъ можетъ изгнать иностранные корабли, или допустить только такіе, которые пожелаетъ. Съ другой стороны, если открытое море неистощимо, какъ для мореплаванія такъ и для рыболовства,—то нельзя того же сказать о той части моря, которая омываетъ берегъ. Прибрежное рыболовство, производимое въ этомъ болѣе ограниченномъ, пространствѣ, можетъ быть уничтожено, или истощено отъ неумѣреннаго пользованія или злоупотребленія. Чтобы его сохранить, необходимо его регламентировать, поставить, такъ сказать, въ опредѣленныя рамки. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно всякихъ другихъ произведеній, добываемыхъ со дна морскаго, вдоль берега, какъ то, кораллов̂ъ жемчуга и пр., т. е. произведеній не неистощимыхъ. Наконецъ прибрежный народъ имѣетъ громадный интересъ владѣть частями моря, прилегающими къ его берегамъ для того, чтобы защищать свою страну отъ нападеній внѣшняго непріятеля и пиратовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что свойства обусловливающія свободу открытаго моря, не встрѣчаются въ территоріальномъ морѣ, и что это послѣднее можетъ находиться во владѣніи и разсматриваться какъ необходимая принадлежность земли, которую оно омываетъ.

Много спорили относительно пространства территоріальнаго моря. Даже въ настоящее время нѣкоторыя націи придаютъ этому исключенію такое развитіе, что исключеніе это можетъ равняться уничтоженію самаго прин-

ципа свободы моря (20). Опредѣленіе данное территоріальному морю, совершенно достаточно для опредѣленія его пространства. Морскія воды дѣлаются территоріальными только тогда, когда онѣ могутъ быть защищены береговымъ владѣльцемъ безусловно и постоянно. Поэтому, пріобрѣсти качество территоріальнаго моря могутъ только такія воды, которыя будутъ подлежать этому господству. Дѣйствительная дальность оборонительной силы и есть граница этого частнаго, территоріальнаго моря. Большинство цивилизованныхъ народовъ приняло такую границу и считаетъ территоріальнымъ всю ту часть моря, которая простирается отъ берега на разстояніе самаго дальняго выстрѣла пушки, поставленной на берегу (21). Всѣ, дѣлаемыя нѣкоторыми націями, заявленія расширить это пространство,—суть притязанія незаконныя, которыя не могутъ быть оправданы.

Второе исключеніе относится къ морямъ *внутреннимъ* или *закрытымъ*. Такъ называются такія части моря, которыя глубоко вдаются въ землю и соединяются съ открытымъ моремъ такимъ узкимъ проливомъ, который можетъ находиться подъ господствомъ береговыхъ силъ обоихъ береговъ. Кромѣ того, чтобы море было дѣйствительно закрытымъ, необходимо чтобы всѣ его берега и обѣ стороны входа въ него, принадлежали одному и тому же государю. Если оба эти условія соединены, то такое море, каково бы ни было его пространство,—признается территоріальнымъ; оно будетъ составлять исключительную собственность той націи, которой принад-

---

(20) Наиболѣе принятое въ XIV ст. мнѣніе опредѣляло пространство территоріальнаго моря въ 60 миль, т. е. крайній предѣлъ плаванія галеръ. См. *Baldus*, «*De rerum divisione*», ff., et 1. 3. *Cod de nautico fœnore*; *Bodinus*, «*De represaliis*», cap. ult; *Targa*, «*Ponderazione maritt*»., cap. 2, n-0 3; *Casaregis*, 136, n-0. 1, chevalier *d'Abreu*, *Trattado de las pres. marit.*, cap. 5; *Scarpi*—«*De domini del mare Adriatico*».

(21) *Гроцій* (Grotius), *Гюбнеръ* (Hubner), *Бинкершокъ* (Bynkershoek), *Ваттель* (Vattel), *Валэнъ* (Valin), *Гальяни* (Galiani), *Азуни* (Azuni), *Клюберъ* (Klüber), приняли приведеное нами правило. Большое число трактатовъ и внутреннихъ законовъ морскихъ націй—санкціонировали его. См. именно: трактаты относящіяся къ вооруженному нейтралитету 1780 г.; постановленія: Тосканскія, 1 августа 1778 г.; Генуэзскія, 1 іюля 1779 г.; Венеціанскія, 9 сентября 1779 г.; Русскія, 13 декабря 1787 г.; Австрійскія, 7 августа 1803 г. Всѣ эти указанія приведены *Мартенсомъ* (*Martens*) въ его «*Recueil*», въ соотвѣтствующихъ годахъ.

лежатъ его берега. Но если только прибрежье принадлежитъ нѣсколькимъ государствамъ, то никто изъ нихъ, и даже владѣлецъ обоихъ береговъ пролива, не имѣетъ права закрыть проходъ въ такое море. Мореплаваніе всегда есть и должно оставаться свободнымъ для всѣхъ безъ исключенія, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ,—если будетъ въ войнѣ,—можетъ извлечь для себя выгоду изъ своего положенія относительно непріятельскихъ кораблей, но не причиняя, однако, вреда плаванію другихъ народовъ.

Черное море весьма долго было моремъ закрытымъ, потому что владѣльцы его проливовъ,—турки, въ то же время владѣли и всѣми его берегами. Но оно потеряло это свойство вслѣдствіе побѣдъ Русскихъ на его берегахъ,—и въ силу этого обстоятельства, оно законно сдѣлалось моремъ свободнымъ. Однако вслѣдствіе особыхъ, спеціальныхъ конвенцій, заключенныхъ между всѣми владѣльцами прибрежныхъ земель,—Черное море долгое время еще оставалось закрытымъ. Въ настоящее время (1869) оно опредѣляется особою спеціально условленною конвенціею:—свободное для флота торговаго, оно закрыто для военныхъ кораблей *).

Балтійское море никогда не было моремъ закрытымъ; однако, во многихъ случаяхъ прибрежные народы соглашались придавать ему это свойство, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касалось военныхъ операцій, дабы предохранить его отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій ([22]). Изъ этихъ фактовъ, которые, впрочемъ, по моему мнѣнію, нисколько не противорѣчатъ основнымъ принципамъ права,—вытекаетъ, что единодушное согласіе всѣхъ прибрежныхъ націй,—можетъ замѣнять собою

---

(22) См. трактатъ 9 Марта 1759 между Россіей и Швеціей, *Мартенсъ* (*Martens*, «Rec.», t. III, p. 37, и присоединеніе къ нему Даніи 17 Марта 1760 г.; Декларація о нейтралитетѣ Балтійскаго моря отъ 6 Мая 1780 г., тамъ же, t. II, p. 84) отвѣты Франціи и Англіи, t. VI, p 202; трактатъ между Россіей и Пруссіей отъ 8 Мая 1781 г., t. III, p. 250; трактаты между Россіей и Даніей отъ 9 Іюля 1780 г., и между Россіей и Швеціей,—отъ 1 Августа 1780 г. t. III, p. 195.

*) Авторъ писалъ въ 1869 г. Съ тѣхъ поръ произошли нѣкоторыя измѣненія. Лондонскій трактатъ 13 Марта 1871 г. измѣнилъ постановленія Парижскаго Трактата 1856 г., о чемъ будетъ сказано ниже. *Прим. переводч.*

условіе единственнаго владѣнія, и изъ моря естественно и законно свободнаго,—дѣлать море закрытое ([23]).

Владѣлецъ обоихъ береговъ пролива, соединяющаго море закрытое этимъ проливомъ, съ моремъ открытымъ,—не можетъ запрещать и ставить какихъ бы то нибыло препятствій для прохода другихъ націй. Всѣ писатели признаютъ эту обязанность; но нѣкоторые изъ нихъ допускаютъ очень важное ограниченіе. Они думаютъ, что народъ, владѣющій проливомъ, можетъ выставлять различныя условія для прохода, устанавливать различныя пошлины, сборы и т. п. Несмотря на большой авторитетъ тѣхъ, которые высказываютъ подобное мнѣніе, — я не могу съ нимъ согласиться. Даже историческіе факты не могутъ убѣдить меня въ этомъ. Изъ числа послѣднихъ существуетъ одинъ очень важный, на который опираются сторонники этого мнѣнія; я хочу сказать о пошлинахъ, которыя Данія долгое время собирала за проходъ черезъ *Зундскій проливъ*; но я замѣчу что эта пошлина была установлена въ силу спеціальныхъ трактатовъ, принятыхъ всѣми націями, платившими эту пошлину, которая такимъ образомъ не разсматривалась какъ *право*, вытекающее изъ владѣнія обоими берегами, право,—которое должно было прекратиться, лишь только Данія перестала владѣть Норвежскими берегами. Право это въ настоящее время уничтожено. Слѣдуетъ также замѣтить, что суммы единовременно уплоченныя Даніи, не составляютъ какъ бы выкупа права, но какъ вознагражденіе за расходы по содержанію маяковъ, отличительныхъ огней, вѣхъ, предостерегательныхъ знаковъ и т. п., которые прибрежный владѣлецъ обязывается устроить, и на вѣчныя времена содержать для облегченія мореплаванія въ этихъ трудныхъ проходахъ ([24]).

Таковы два единственныя исключенія изъ принципа свободы моря.

Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ считать исключеніемъ

(23) *Grotius*, «*De jure belli et pacis*», lib. II, cap. 3, § 14, *H. Cocceius*, «*ad Grotium*», loc. cit, *Azuni*—«*Droit maritime de l'Europe*», t. I, ch. 3, art. 2.

(24) См. трактатъ отъ 14 Марта 1857 г. между Даніей съ одной стороны, и Россіей, Франціей, Англіей, Швеціей и другими государствами—съ другой («Moniteur» отъ 7 октября 1857 г.) По этому вопросу см. мое сочиненіе «Des droits et des devoirs des nations neutres», etc. t. I, ch. 3.

родъ присвоенія части моря, которое происходитъ вслѣдствіи нахожденія корабля на этой части. Такъ какъ море свободно и обще для всѣхъ, то очевидно и каждая частица этого громаднаго водянаго пространства, на которой плаваетъ корабль, дѣлается собственностью той націи, которой онъ принадлежитъ, и сохраняетъ этотъ характеръ только до тѣхъ поръ, пока продолжается дѣйствительное занятіе этой части ([25]). Этотъ родъ владѣнія, который я буду называть *морскою территоріею* или *морскимъ владѣніемъ* (*territoire ou domaine naval*) для отличія его отъ другихъ,—ограниченъ пространствомъ, занимаемымъ кораблемъ, и необходимымъ для его маневрированія. Оно имѣетъ послѣдствіемъ,—не дозволить кораблю другой націи, силою заставить перваго занявшаго, уступить ему свое мѣсто, и слѣдовательно обезпечиваетъ, такимъ образомъ, свободное для всѣхъ пользованіе моремъ. Специальный характеръ такого владѣнія—временность. Если корабль плыветъ, то оно сопровождаетъ его, перемѣняя мѣсто вмѣстѣ съ нимъ. Если корабль останавливается, то оно прекращается только вмѣстѣ съ самимъ занятіемъ, и съ окончаніемъ послѣдняго, даже самый слѣдъ перестаетъ быть видимымъ. Одинъ современный писатель говоритъ, что морское владѣніе, пріобрѣтаемое военнымъ кораблемъ, простирается вокругъ его на разстояніе пушечнаго выстрѣла, такъ что если корабль нейтральный, то всякое непріязненное дѣйствіе будетъ воспрещено въ этомъ пространствѣ атмосферы, нейтрализованномъ однимъ только присутствіемъ нейтральнаго корабля ([26]). Авторъ думаетъ, что въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ толковать бо̀льшую часть трактатовъ, постановляющихъ, что

---

(25) «Usus ille tantum acquiritur occupanti quatenùs occupat, id est quatenùs utitur». *S. Cocceius ad. Grotium*, *«Liberum mare»*, cap. 5.

(26) *Кюсси* (*Cussy*) *«Phases et causes célèbres»*, liv. I, tit. 3, § 24. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ говоритъ: «Такимъ образомъ, когда корабль преслѣдуется (не только пиратами но и вооруженными судами той страны съ которой государь преслѣдуемаго корабля находится въ войнѣ) и если онъ встрѣчаетъ военный корабль нейтральной державы, то всякое преслѣдованіе должно прекратиться съ того момента, какъ преслѣдуемый корабль вступитъ въ районъ пушечныхъ выстрѣловъ нейтральнаго военнаго корабля точно такъ, какъ бы преслѣдуемый достигъ нейтральнаго порта, въ которомъ могъ бы найти убѣжище».

военные корабли, обѣихъ сторонъ, должны оказывать свое взаимное покровительство встрѣченнымъ ими купеческимъ кораблямъ. Я положительно отрицаю возможность придавать такое значенiе трактатамъ, о которыхъ говоритъ этотъ авторъ. Къ тому же, допустить подобное распространенiе морскаго владѣнiя было бы очень опасно; оно значительно увеличило бы и безъ того уже столь сильное могущество воюющихъ, въ ущербъ мореплаванiя нейтральныхъ народовъ. Могло бы даже случиться, что какой нибудь мирный народъ имѣлъ бы возможность парализовать право одного изъ воюющихъ, предоставивъ конвой изъ своихъ военныхъ кораблей — кораблямъ другого. Никогда подобное право не существовало и вывести его изъ существующихъ трактатовъ невозможно.

Неизбѣжное и вытекающее изъ принципа свободы моря слѣдствiе есть то, что пользованiе моремъ обще для всѣхъ. Всѣ безъ исключенiя имѣютъ одинаковое и совершенное право извлекать изъ океана всѣ произведенiя, которыя онъ можетъ доставить человѣчеству. Это право есть общее для всѣхъ людей и слѣдовательно для всѣхъ народовъ. Безъ сомнѣнiя, очень большая часть нацiй, углубленныхъ внутрь материковъ, находятся въ невозможности пользоваться выгодами и преимуществами, которыя представляетъ мореплаванiе; но это лишенiе обусловливается единственно географическимъ положенiемъ ихъ странъ, которое не даетъ имъ доступа къ морскимъ берегамъ. Такiя нацiи не имѣютъ права требовать себѣ прохода по территорiи своихъ сосѣдей; но если путемъ уступки, побѣды или инымъ образомъ, онѣ достигнутъ того, что сдѣлаются прибрежными жителями, то въ такомъ случаѣ получаютъ возможность осуществлять свое естественное право,—пользоваться моремъ. Такъ, въ среднiе вѣка Флоренцiя, долго лишенная морской торговли, сдѣлалась одною изъ господствующихъ державъ на Средиземномъ морѣ, когда она овладѣла Пизой. Во времена болѣе близкiя къ намъ, во второй половинѣ 18 столѣтiя, Россiя, неимѣвшая до того времени доступа къ морю, овладѣла берегами Балтiйскаго и Чернаго морей, и раздѣлила съ другими нацiями пользованiе моремъ.

Право пользоваться моремъ есть право неотчуждаемое и безсрочное ([27]). Какой бы долгій періодъ времени народъ не пропустилъ безъ пользованія этимъ правомъ, безъ его обуществленія,—онъ можетъ всегда снова воспользоваться имъ и примѣнять его. Ни одинъ человѣкъ, ни одинъ государь не можетъ законно воспротивиться этому. Изобрѣтеніе гражданскаго права,—давность,—не существуетъ между націями. Что же касается до отчужденія, то существуетъ принципъ, что народъ неможетъ отчуждать или уступать свои естественныя права въ постоянное пользованіе. Самые положительные и формальные трактаты, не могутъ лишать націю навсегда права пользоваться моремъ. Подобная статья, если бы и существовала, считалась бы недѣйствительною и слѣдовательно необязательною. Она существовала бы только до тѣхъ поръ, пока было бы желательно обѣимъ сторонамъ поддерживать ее при участіи ихъ воли; но каждая изъ нихъ была бы совершенно свободна уничтожить ее, объявивъ о томъ другому контрагенту. Все предъидущее не примѣняется къ трактатамъ опредѣляющимъ морскую силу, которую другая нація можетъ содержать на морѣ, т е. число, величину и качество военныхъ кораблей, которыми она можетъ владѣть. Такіе трактаты будутъ вполнѣ законны и обязательны; они не въ чемъ не противорѣчатъ праву пользова-

---

([27]) Многіе писатели, даже изъ числа тѣхъ которые поддерживаютъ принципъ свободы морей,—думаютъ, что исключительное пользованіе моремъ можетъ быть пріобрѣтено точнымъ или подразумѣваемымъ согласіемъ народовъ, давностью и т. п. Тѣсные предѣлы, которыми я долженъ ограничиться, не позволяютъ мнѣ войти въ разсужденіе по этому вопросу. Скажу только, что если право исключительнаго пользованія моремъ можетъ быть уступлено или пріобрѣтено какимъ нибудь образомъ, то оно въ такомъ случаѣ поступаетъ, такъ сказать, *въ торговлю* (*dans le commerce*) и слѣдовательно можетъ быть предметомъ завоеванія; свободы моря—болѣе не существуетъ. См *Сельденъ* (*Selden*) «*Mare Clausum*» lib. I, cap. 16; lib. II, cap. 16, 17 и 18 и въ особенности, cap. 26; *Азуни* (*Azuni*) «*Droit maritime de l'Europe*», — 1-re part., ch. 1, art. 1, § 16; *Монтескье* (*Montesquieu*) «*Esprit des lois*», liv XXI, ch. 20 и слѣд.; *Ваттель* (*Vattel*) «*Droit des gens*», liv 1, ch. 24, § 283; *Гроцій* (*Grotius*) «*De jure belli et pacis*», lib. II; cap. 23, § 15.—Для мнѣнія, которое я поддерживаю, см. *Барерѣ* (*Barère*) «*De la liberté des mers*», t. 1; *Рейневаль* (*Rayneval*), «*Liberté des mers*», 1-re partie; мое сочиненіе «*Droits et devoirs des neutres*», tit 1. ch. 2, sect. 3, § 2.

нія океаномъ и касаются только вопросовъ морского равновѣсія и перевѣса.

Резюмируя все вышеизложенное, слѣдуетъ сказать, что за двумя исключеніями, относящимися до морей территоріальныхъ и закрытыхъ,—океанъ свободенъ; пользованіе имъ принадлежитъ всѣмъ людямъ, всѣмъ націямъ.

ОТДѢЛЪ II.

Независимость націй.

Второй основной принципъ международнаго права есть безусловная *независимость*, въ которой каждое человѣческое общество, каждый народъ находится по отношенію къ другимъ народамъ. Національность народа, такимъ образомъ, цѣликомъ обусловливается его независимостью, и съ потерею этой послѣдней,—она тотчасъ перестаетъ существовать. Народъ, подчиненный другому,—не есть болѣе народъ, а только собраніе подданныхъ того, кому оно повинуется. Принципъ этотъ не нуждается ни въ какомъ поясненіи. Онъ признается всѣми, онъ неоспоримый, даже безспорный. Я могу разсматривать его какъ доказанный. Я знаю что нѣкоторые историческіе факты, даже новѣйшіе, какъ бы противорѣчатъ только что сказанному мною; я хочу сказать о *протекторатѣ*, который былъ установленъ Англичанами надъ Іоническими островами, или Франціей надъ островами Товарищества. Но достаточно бросить бѣглый взглядъ на эти мнимыя государства, чтобы придти къ убѣжденію, что республика Семи островов, равно какъ и государство Таити,—суть не болѣе какъ провинціи мнимыхъ протекторовъ.

ОТДѢЛЪ III.

Свобода торговли.

Изъ безусловной независимости народовъ, вытекаетъ не менѣе важный, по своимъ послѣдствіямъ, принципъ,—*сво-*

боды торговли; и изъ той же независимости, сопоставленной съ свободою моря,—вытекаетъ *свобода морской торговли*, которою я займусь въ особенности.

Я уже указалъ происхожденіе торговли. До образованія большихъ обществъ и у народовъ находившихся еще въ состояніи варварства,—свобода мѣны, безъ сомнѣнія, была неограниченна. Каждый индивидуумъ былъ хозяинъ: продать или сохранить то, чѣмъ владѣлъ. Позднѣе, внутренняя власть подчинила себѣ индивидуальную независимость, для того чтобы заставить ее служить на пользу всѣхъ. Власть эта ограничила свободу каждаго въ пользу общества; она издала политическіе законы, обязательные для всѣхъ ея подданныхъ, и даже для всѣхъ тѣхъ, кто придя на ея территорію,—тѣмъ самымъ ставилъ себя подъ юрисдикцію этой власти. Эти законы не имѣли никакой силы для иностранцевъ, за предѣлами этой территоріи. Нація сохранила для себя, какъ нація, свою полную и цѣльную независимость, по отношенію къ другимъ народамъ.

Такимъ образомъ частная торговля опредѣляется спеціальными законами; торговля международная остается вполнѣ свободною. Каждый народъ въ видахъ собственной своей выгоды и по своему желанію,—можетъ продать или сохранить то, чѣмъ онъ владѣетъ; онъ можетъ завязывать торговыя сношенія съ одною или нѣсколькими другими націями;отвергнуть одну или принять другую; онъ свободенъ, безусловно свободенъ,—и никакой другой народъ не можетъ, безъ несправедливости, силою заставить его продать или купить то, что онъ хочетъ удержать или отвергнуть.

Свобода торговли, однако же, не безусловна, какъ свобода мореплаванія. Каждая нація можетъ снарядить корабли и флоты, и послать ихъ въ моря; никто не имѣетъ права противиться этому, потому что фактъ мореплаванія не требуетъ никакого согласія со стороны другого общества; здѣсь нѣтъ никакого договора. Торговля, наоборотъ, есть ничто иное какъ договоръ; она требуетъ согласія двухъ воль: продавца и покупателя. Поэтому, свобода торговли должна быть понимаема въ такомъ смыслѣ: 1) что никакая нація не мо-

жетъ быть принуждена производить такія мѣны, которыя она отвергаетъ; и 2) что, если два народа согласились производить между собою, какую бы то нибыло торговлю,—то никакой другой народъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ нее, ни для того чтобы помѣшать, ни для того чтобы ограничить или раздѣлить ее. Нація,—какъ бы могущественна она ни была,—которая сдѣлала-бы попытку разстроить это согласіе или силою вынудить согласіе другой,—была бы виновна въ нарушеніи своихъ обязанностей и въ посягательствѣ на независимость народовъ. Всѣ писатели согласны относительно этихъ принциповъ, всѣ они признаютъ что принципы эти вытекаютъ изъ естественнаго права, ([28]) но не всѣ выводятъ однѣ и тѣже послѣдствія.

Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что продажа товаровъ первой необходимости, была обязанностію для народа, который имѣлъ количество, превышающее его надобности, и что въ такомъ случаѣ, онъ долженъ продать этотъ излишекъ тому, кто лишенъ его ([29]). Есть даже такіе, которые шли еще гораздо дальше, и приписывали народу, постигнутому неурожаемъ,—право, овладѣвать силою съѣстными припасами, принадлежащими такимъ народамъ, которые имѣютъ ихъ въ изобиліи ([30]). Мнѣ невозможно вступать въ опроверженіе

---

(28) «Commercandi igitur libertas ex jure est gentium primario, quod naturalem et perpetuam causam habet, ideòque tolli non potest... tantum abest ut ullo modo gens aliqua gentes duas inter se contrahere volentes justè impediat... » *Гроцій* (*Grotius*)—«*Mare liberum*», lib. IV cap. 8. См. также *Коккеіусъ* (*S. Cocceius*) «*ad Grotium*», loc. cit. и *Гюбнеръ* (*Hubner*), «*De la saisie des bâtiments neutres*», t. 1, part. 1, ch. 3, §§ 7 и слѣд.

([29]) Самъ *Гроцій* (*Grotius*) прибавляетъ это мнѣніе: « ....Ad hæc igitur æquo pretio comparanda jus esse omnibus hominibus asseveramus...» «*De jure belli et pacis*», lib. II, cap. 2, § 19, Знаменитый ученый старается, правда, ограничить это непомѣрное право тѣмъ случаемъ, когда народъ владѣющій будетъ принужденъ къ продажѣ: «...Hic non agitur de e quod fiat invito domino, sed de modo acqirendi, dominis volentibus... » loc. cit.

(30) «Genti cuilibet competit jus ad res quibus indiget, ab aliis gentibus quæ iisdem opus non habent, æquo pretio sibi comparandas, non vero apud aliam gentem vendendi sine consensu ipsius». *Вольфъ* (*Wolf*), § 1098. См. *Лампреди* (*Lampredi*) «*Du commerce des neutres*» part. 1, § 1, note. Этотъ писатель дозволяетъ взятіе предметовъ первой необходимости—силою. Въ опроверженіе этого, см. мое сочиненіе «*Des droits*» и пр. tit. 2, sect. 2.

этихъ теорій. Я отвергаю ихъ самымъ безусловнымъ образомъ. Я не могу допустить, чтобы независимая нація могла быть принуждена другою націею, продавать такіе свои припасы, которые она хочетъ сохранить, или предпочитаетъ отдать какой нибудь другой. Къ тому же, кто будетъ судьей *излишества* одной и *недостатка* другой? Такого судьи не существуетъ; пришлось бы прибѣгать къ силѣ. Признать существованіе подобнаго права, значило бы однимъ ударомъ уничтожить свободу торговли, независимость народовъ и законы собственности, — эти основы всѣхъ человѣческихъ обществъ.

Всѣ націи, живущія по берегамъ моря, пользуются этимъ великимъ путемъ сообщенія для торговли. Такъ какъ море существенно свободно и обще для пользованія всѣхъ людей, и такъ какъ и торговля свободна, — то и морская торговля также свободна. Она не должна и не можетъ встрѣчать никакого препятствія со стороны народовъ, непричастныхъ договору мѣны. Все вышеизложенное примѣняется слѣдовательно и къ морскимъ сношеніямъ. Онѣ породили гораздо бо̀льшее число конвенцій, чѣмъ сношенія сухопутныя, нетолько потому, что онѣ гораздо болѣе важны и болѣе сложны, но еще, и въ особенности, потому, что каждый корабль, во время своего плаванія, можетъ приходить въ соприкосновеніе съ кораблями всѣхъ другихъ націй, и даже съ ихъ военными судами, и, что изъ этого соприкосновенія могутъ родиться, и весьма часто рождаются всегда печальныя столкновенія.

Изъ торговой свободы, такой, какою я только что ее опредѣлилъ,—вытекаетъ, что каждая нація имѣетъ право ограничить торговлю своихъ подданныхъ, и даже торговлю иностранцевъ, пріѣзжающихъ торговать въ ея владѣнія, воспрещая ввозъ или вывозъ извѣстныхъ продуктовъ, или хотя и дозволяя это, но не иначе какъ подъ такими условіями, какія она признаетъ выгодными для своего благосостоянія, или подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ пошлинъ. Запретительные, и таможенные законы не наносятъ удара принципу свободы торговли; они, наоборотъ, являются результатомъ пользованія этою свободою. Въ самомъ дѣлѣ, они образуютъ собою тѣ условія, на кото-

рыхъ одна изъ договаривающихся сторонъ даетъ свое согласіе на коммерческое дѣйствіе; другая сторона,—вольна отказаться, и слѣдовательно везти произведенія своей земли или промышленности въ другое мѣсто; но если она согласилась на эти условія, то, очевидно, должна точно исполнять всѣ выставленныя и принятыя условія.

Трактаты, заключенные съ иностранною націей, могутъ также ограничить естественную торговую свободу. Такъ, одинъ народъ обязывается относительно другого продавать только ему одному, покупать какіе нибудь извѣстные продукты только отъ него одного, и даже не вести никакой торговли съ другими. Онъ, такъ сказать, уступаетъ свою торговую свободу. Однако трактатъ будетъ только тогда законнымъ, и тогда долженъ быть точно исполняемъ когда онъ будетъ равнымъ; это есть родъ ограничительнаго закона, такого же рода какъ тѣ, о которыхъ я только что сказалъ; законъ особенный, исполненіе котораго исключительно обязательно для того государя, который принялъ его. Онъ одинъ можетъ принудить своихъ подданныхъ и, даже, иностранцевъ, находящихся подъ его юрисдикціей,—уважать постановленія трактата. Другая заинтересованная сторона не имѣетъ права его исполненія; она можетъ только жаловаться на нарушенія, просить государя, приказать прекратить ихъ, или вознаградить за причиненные имъ вредъ и убытки, и въ случаѣ отказа,—можетъ прибѣгнуть къ силѣ, и даже къ войнѣ, чтобы заставить уважать постановленія трактата.

Три великіе принципа, которые я только что опредѣлилъ, *свобода моря*, *независимость народовъ* и *свобода торговли* — суть основныя начала морскаго международнаго права. Будучи толкуемы здраво и примѣняемы честно,—принципы эти будутъ совершенно достаточны, для разрѣшенія недоразумѣній, возникающихъ между народами. Но требовать этого,—значитъ требовать болѣе того, сколько человѣческая натура можетъ дать. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію того, какъ принципы эти примѣнялись въ прошедшіе вѣка, и какъ примѣняются въ настоящее время,—мнѣ кажется полезнымъ, слѣдуя указаніямъ одного только естественнаго закона,—

вывести слѣдствія и примѣнить ихъ къ главнымъ вопросамъ, которые, встрѣчались и по настоящее время встрѣчаются, между народами. Такимъ образомъ, сравненіе того, что должно быть, и того, что въ дѣйствительности есть,—будетъ ясно установлено безъ необходимости повторять въ каждомъ параграфѣ неизмѣняемыя основанія права.

Состояніе войны очевидно оказываетъ на сношенія народовъ вліяніе, которое отражается даже на такихъ націяхъ, которыя продолжаютъ жить въ мирѣ со всѣми остальными; поэтому я начну съ опредѣленія этого дѣйствія и постараюсь установить предѣлы правъ, которыя война можетъ дать воюющимъ, какъ относительно непріятеля, такъ и относительно народовъ, оставшихся мирными зрителями борьбы.

ГЛАВА III.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ НАЦІЙ ПО ЕСТЕСТВЕННОМУ ЗАКОНУ.

ОТДѢЛЪ I.

Война.

Народы не всегда руководствуются принципами вѣчной мудрости. Случается весьма часто, что одни стараются угнетать другихъ, завладѣть тѣмъ, что принадлежитъ ихъ сосѣдямъ. Не существуетъ никакой власти, чтобы остановить или обуздать эти преступныя посягательства; единственнымъ средствомъ для того, кто бываетъ жертвою несправедливости,— остается отразить силу силою,—т. е. война.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, война,—я не боюсь это сказать,—вполнѣ согласна съ естественнымъ закономъ;— она есть учрежденіе божественное. Всякая справедливая война есть, не только дѣйствіе дозволенное, но даже исполненіе обязанности, потому что націи, какъ и обыкновенные граждане, получили отъ Бога инстинктъ, потребность, обязанность къ самосохраненію.

Я не считаю себя обязаннымъ разсматривать многочисленныя опредѣленія, предлагаемыя писателями для различнаго рода войнъ: онѣ мнѣ кажутся опасными. Единственное опредѣленіе можетъ быть полезно,—по крайней мѣрѣ съ нравственной стороны, ибо оно не требуетъ санкціи,—это то, кото-

рое дѣлитъ войны на *справедливыя* и *несправедливыя.* Достаточно будетъ сказать что, чтобы быть справедливою,—война должна быть мотивирована одною изъ трехъ слѣдующихъ причинъ: 1) возвращеніе имущества, отнятаго силою или хитростью, или возмездіе за полученное оскорбленіе, такъ какъ честь націи составляетъ часть ея независимости. 2) Сопротивленіе вторженію или всякому иному нападенію. 3) Покровительство оказываемое слабому противъ сильнаго, и противодѣйствіе чрезмѣрному увеличенію могущества одного народа, который можетъ потомъ угрожать независимости своихъ сосѣдей. Войны, основанныя на этой послѣдней причинѣ, существенно справедливы. Онѣ извѣстны подъ названіемъ *войнъ за равновѣсіе* ([31]). Нисколько не важно знать кто былъ зачинщикъ; война можетъ быть справедливою какъ со стороны того кто ее начинаетъ, такъ и со стороны противника. Различіе это, повторяю, есть чисто нравственное; въ дѣйствительности оно не имѣетъ никакой важности, потому что націи не признаютъ надъ собой никакого общаго судьи. Государь даетъ отчетъ въ предпринимаемыхъ войнахъ, только одному Богу. Въ такомъ именно смыслѣ, многіе писатели говорили: *всѣ правильныя войны должны быть признаваемы обѣими сторонами справедливыми* ([32]). Всѣ остальные народы должны признавать ее такою. Для тѣхъ націй, которыя не хотятъ принимать участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ,—условіе это составляетъ прямую обязанность.

([31]) XVII, XVIII и XIX ст. представляютъ памятные примѣры войнъ за равновѣсіе: тридцатилѣтняя война (1618—1648), кончившаяся Вестфальскимъ миромъ, имѣла цѣлію и результатомъ ограничить могущество Австрійскаго дома. Война 1701 г. такъ называемая: за Испанское наслѣдство,—была направлена противъ усиленія могущества Франціи. Война предпринятая Франціей, Англіей, Сардиніей и Турціей въ 1854 г. противъ Россіи—была также войною за равновѣсіе *).

([32]) См. *Клюберъ* (*Klüber*) «*Droit des gens moderne*», § 237, note; ***Ваттель*** (*Vattel*)—«*Droit des gens*», liv. III, ch. 12, § 100; ***Мартенсъ*** (*Martens*)—«***Précis du droit des gens***», § 265.

(* Трудно согласиться съ этимъ. Послѣдующія событія и въ особенности отношеніе Англіи къ послѣдней войнѣ 1877—78 г. заставляютъ сильно сомнѣваться и искать причину иную. ***Прим. перев.***

Чтобы быть правильною, война должна соединять два условія: 1) происходить отъ Верховной власти и 2) быть объявлена, сообщена, или извѣщена положительнымъ образомъ. Всякое непріязненное дѣйствіе, совершенное безъ выполненія этой формальности, —есть дѣйствіе разбойничье, пиратское ([33]).

Всякая война, на какомъ бы мотивѣ она не была основана,—должна имѣть единственною своею цѣлью,—достиженіе мира, мира прочнаго, основаннаго на принципахъ справедливости. Усилія воюющихъ должны быть направлены къ этому результату. Они никогда не должны терять изъ виду, что трактатъ несправедливый или содержащій слишкомъ тягостныя условія, или могущій оскорбить справедливую щекотливость націи, можетъ быть навязанъ силою, принятъ въ моментъ пораженія, но не можетъ быть продолжительнымъ.

Отношенія воюющихъ между собою, —очевидно крайне немногочисленны и не разнообразны. Онѣ даютъ мѣсто только очень небольшому числу международныхъ правилъ; но отношенія народовъ вступившихъ въ непріязненныя дѣйствія, къ народамъ, которые продолжаютъ жить въ мирѣ, т.е. къ нейтральнымъ, — весьма часты и затрогиваютъ вопросы столь серьезные, столь трудные, что въ теченіи многихъ вѣковъ они не могли быть рѣшены согласно съ постановленіями Божественнаго закона, ни даже одинаково всѣми націями. Трудность заключается въ особенности въ томъ, что вслѣдствіе честолюбія, гнуснаго расчета или торговой зависти, —нѣкоторые могущественные народы, находясь въ войнѣ, считаютъ себя въ правѣ нарушать всѣ свои обязанности относительно нейтральныхъ.

Право воюющаго — наносить вредъ своему противнику всѣми прямыми средствами, находящимися въ его власти, дабы принудить его согласиться на справедливое требованіе, — достигнуть котораго, война имѣетъ цѣлью; можно даже убивать людей

([33]) См. *Гроцій* (*Grotius*) *«De jure belli et pacis»*, l. III, cap. 3, § 5, ***Ваттель*** (*Vattel*) *«Droit des gens»*, liv. III, ch. 4, § 51. ***Рейневаль***, (*Rayneval*) — *«Droit de la nature et des gens»*, liv. II, ch 3, § 1, и мое сочиненіе *«Des droits et des devoirs»*, tit. 3, ch. 1, sect. 2, § 1.

для достиженія этого результата ([34]). Въ предѣлы моего труда но входитъ разсмотрѣніе всѣхъ средствъ, какія могутъ быть употреблены на войнѣ. Гроцій (Grotius) сдѣлалъ это, и его безсмертное сочиненіе сильно способствовало къ уменьшенію ужасовъ войны ([35]). Достаточно сказать, что всякое дѣйствіе жестокое, которое не можетъ уменьшить силу непріятеля, которое не можетъ немедленно и непосредственно сломить его сопротивленіе,—есть дѣйствіе не дозволенное. Это будетъ актъ мщенія, или жестокости, но никакъ не актъ войны. Такимъ образомъ право воюющаго ограничено обязанностями человѣколюбія, которыя суть его коррелятивы.

Я сказалъ, что средства употребляемыя воюющимъ для нанесенія вреда своему противнику, должны быть прямыя;—необходимо точно опредѣлить, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ словомъ. Средство называется *прямымъ*, когда оно непосредственно поражаетъ непріятеля, которому ударъ предназначенъ, не задѣвая прежде никого посторонняго. Всякое средство, которое вредитъ сперва мирной націи, а потомъ уже непріятелю,—есть средство не прямое, и слѣдовательно недозволенное. Но средство, которое будучи направлено на непріятеля, причинитъ косвенный вредъ другому народу,—есть совершенно дозволенное. Различіе это сдѣлано такимъ точнымъ образомъ только недавно, и только нами ([36]); другіе писатели прошли его молчаніемъ; но въ сущности оно достаточно вытекаетъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ изъ нихъ. Большинство же открыто проповѣдуетъ то правило, что употребленіе *не прямыхъ* средствъ—дозволено, если необходимость самозащиты того требуетъ ([37]).

([34]) «Quæ ad finem jus consequendi sunt necessaria.... ad ea jus habere inteligimus».... *Гроцій* (*Grotius*), «*De jure belli et pacis*», lib III, cap. I, § 3. «Dixi per vim, non per vim justam; omnis enim vis in bello justa est, si me audias) et ideò justa cum liceat hostem opprimere etiam inermem, cum liceat veneno....., cum liceat per cussore immisso... cum liceat quomo-documque libuerit...» *Бинкершокъ* (*Bynkershock*)—«*Qœst jurs pub*». lib 1. cap. 1.

([35]) См. *Гроцій* (*Grotius*), «*De jure belli et pacis*», loc. cit и *Бинкершокъ* (*Binkershock*), loc. cit.

([36]) «*Des droits et des devoirs*» и пр. tit. 2, ch. 2 sect. 1.

([37]) *Альберикъ Гентилисъ* (Albéric Gentilis), *Гроцій* (Grotius), *Вольфъ* (Wolf), *Бинкершокъ* (Bynkershock), *Ваттель* (Vattel), *Чіара* (Shiara), *Азуни* (Azuni), *Лампреди* (Lampredi) и нѣкоторые другіе.

Право воюющаго по отношенію къ противнику должно быть поэтому формулировано такъ: *наносить своему непріятелю вредъ, всѣми находящимися въ его власти прямыми средствами, дабы заставить его принять справедливыя условія мира.* Обязанности его не менѣе просты: избѣгать всякихъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ сдѣлать войну болѣе жестокою, чѣмъ то требуется, не способствуя достиженію цѣли,—т. е. мира. Это долгъ человѣколюбія; онъ нигдѣ не написанъ, но онъ вытекаетъ изъ божественнаго закона, и съ каждымъ днемъ получаетъ болѣе полное примѣненіе со стороны цивилизованныхъ народовъ. Нація, вступившая въ войну, имѣетъ неоспоримое право наблюдать за тѣмъ, чтобы народы, оставшіеся нейтральными, не вмѣшивались въ военныя дѣйствія, доставленіемъ помощи ея врагу; но сама она должна исполнять, по отношенію къ этимъ народамъ, тѣже обязанности, какъ и во время мира: она должна уважать ихъ *независимость*, т. е. всѣ ихъ права, ибо всѣ онѣ подразумѣваются въ этомъ выраженіи.

Таковы общія правила войны; онѣ примѣняются одинаково какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Кромѣ того существуютъ еще, принятые цивилизованными націями, обычаи, которые не нарушая ни одного изъ постановленій этихъ основныхъ началъ,—опредѣляютъ ихъ примѣненіе. Обычаи эти существенно различны. Они гораздо строже на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Различію такому старались найти причины; самые даровитые писатели возставали противъ того, что̀ они называли: безчеловѣчіемъ морскихъ военныхъ дѣйствій. По моему мнѣнію, различія, какія существуютъ въ этихъ двухъ способахъ войны, совершенно основательны и даже справедливы. Источникомъ ихъ служитъ самое различіе мѣстъ, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, и я не колеблюсь объявить, что невозможно, и даже не желательно, чтобы онѣ перестали существовать.

Въ особенности должны быть отмѣчены два различія: на сушѣ, современный обычай совершенно измѣнилъ первобытные обычаи касательно лицъ и жителей безоружныхъ и беззащитныхъ; въ настоящее время принято за правило ува-

жать ихъ. Захватываютъ и удерживаютъ плѣнниками только тѣхъ, кто имѣетъ при себѣ оружіе. Что же касается до остальныхъ, то они оставляются свободными, и если только они ничего не предпринимаютъ противъ безопасности побѣдителя, если они подчиняются изданнымъ имъ законамъ, то они могутъ продолжать жить спокойно. На морѣ, наоборотъ, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ вредить непріятелю и заставить его просить мира, лишая его самыхъ необходимыхъ его рессурсовъ,—есть захватъ купеческихъ кораблей, взятіе и заключеніе находящихся на нихъ моряковъ. Причину такого различія уловить весьма легко.

На сушѣ, *интересъ* побѣдителей гораздо болѣе чѣмъ *чувства человѣколюбія*,—на санкцію котораго они однако старались ссылаться,—заставляетъ нападающія арміи уважать жителей. Въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель, или имѣетъ намѣреніе сохранить покоренную провинцію для присоединенія къ своему государству, или онъ удерживаетъ ее только для ослабленія силъ своего противника, лишая его тѣхъ доходовъ, которые онъ можетъ изъ нее извлекать. Въ первомъ случаѣ, для побѣдителя весьма важно не раззорять землю, которую онъ хочетъ сохранить; во второмъ—должно быть желательно самому воспользоваться тѣми доходами, которыхъ онъ лишаетъ непріятеля; такимъ образомъ, чтобы достигнуть этого результата, самое вѣрное и единственное средство,—успокоить жителей, ободрить ихъ къ продолженію земледѣльческихъ работъ, однимъ словомъ оказать имъ покровительство. И, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, для побѣдителя составляетъ величайшую важность,—притѣсненіемъ отдѣльныхъ лицъ и конфискаціей ихъ имуществъ, не довести до отчаянія цѣлое населеніе, которое скоро могло бы найти себѣ оружіе и отмстить, или, по меньшей мѣрѣ, которое, для удержанія его въ повиновеніи, потребовало бы присутствія многочисленной арміи; такъ что, побѣда отняла-бы у побѣдителя часть его силъ, на которыя онъ могъ расчитывать чтобы выставить ихъ противъ непріятеля. Къ тому же, какъ сохранить такое большое число плѣнныхъ? Какъ переслать эту добычу? Очевидно ею поживились бы только солдаты, а это слѣдовательно

подорвало бы военную дисциплину. Поэтому является фактическая невозможность дѣйствовать такимъ образомъ. Таковы *мотивы гуманности*, которые смягчили обычаи сухопутной войны.

На морѣ, ни одна изъ этихъ трудностей встрѣтиться не можетъ; интересъ воюющаго не пробуждаетъ его идей гуманности. Морская торговля, составляетъ обильный источникъ богатства и могущества для народовъ, которые занимаются ею; раззорить эту торговлю—составляетъ дѣйствительное средство повредить непріятелю, принудить его къ заключенію мира. Купеческій корабль совершенно изолированъ на всемъ пространствѣ океана, и имѣетъ небольшое число людей, которыхъ легко удержать въ плѣну; корабль самъ можетъ служить средствомъ для перевозки добычи въ портъ побѣдителя; однимъ словомъ, взятіе такого корабля ослабляетъ прежняго его собственника и увеличиваетъ силы побѣдителя. Почему же отказались бы отъ такого способа войны, совершенно согласнаго, къ тому же, съ закономъ естественнымъ, и дѣйствительность котораго, не можетъ быть оспорена?

При образованіи обществъ, и въ настоящее еще время у народовъ дикихъ, лишь только между двумя племенами вспыхиваетъ война.—каждый человѣкъ становится воюющимъ (комбатантомъ); одинъ или въ массѣ,—онъ нападаетъ на непріятеля, или защищаетъ свою страну. У цивилизованныхъ народовъ этого уже болѣе нѣтъ. Человѣколюбіе, даже интересъ воюющихъ, уже давно ограничили право войны; прямыя непріязненныя дѣйствія могутъ быть совершаемы только людьми, составляющими часть регулярныхъ армій. Остальнымъ гражданамъ воспрещается, и даже подъ страхомъ очень серьезныхъ наказаній,—вести войну отдѣльно и на свой счетъ, даже противъ общаго врага; партизановъ болѣе нѣтъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что не будетъ противозаконно къ полкамъ постоянной арміи присоединять отряды добровольцевъ, и если только такіе отряды уполномочены и признаны главою государства,—то они разсматриваются какъ регулярныя войска. Правда, что такіе отряды употребляются въ настоящее время

очень рѣдко, но они должны быть разсматриваемы какъ совершенно законные; они—вспомогательные арміи.

Въ морскихъ войнахъ, такъ какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ вредить непріятелю,—раззорять его торговлю посредствомъ захвата или истребленія частной собственности его подданныхъ,—то сохранили употребленіе вспомогательныхъ силъ регулярной арміи—*корсаровъ*, (*corsaires*) которыхъ я назову *морскими добровольными отрядами*. Имъ ввѣряется, въ нѣкоторомъ родѣ, та часть войны, которая заключается въ завладѣніи непріятельскими купеческими кораблями. *Корсары* (*corsaires*) или *арматоры* (*armateurs*) суть простые, не нанятые, но уполномоченные и признанные государствомъ граждане; они ведутъ войну на свой собственный рискъ, страхъ и счастіе. Это то что называется *корсарствомъ* (*course maritime*); тѣ которые занимаются имъ, извѣстны подъ именемъ *корсаровъ* (*corsaires*); будучи вспомогательными собственно флота,—они часто могутъ способствовать къ покоренію непріятеля *).

Большое число великихъ умовъ, даже правительствъ, возставало противъ корсарства (course maritime); они требовали его отмѣны, для того, говорили они, чтобы морская война была ограничена тѣми же предѣлами, какъ и война сухопутная ([38]). Навсегда памятный Парижскій трактатъ считалъ

([38]) *Гальяни* (*Galiani*)—«*Dé doveri dé principi neutrali*», etc. cap. 10, § 2; *Рейневаль* (*Rayneval*) «*De la liberté des mers*»; *Гентцъ* (*Gentz*), «*Mém.*» p. 401; *Массе* (*Massé*) «*Droit commercial*», l. II, t. 1. ch. 2, section. 1, § 3. Въ 1792 г. Французское законодательное Собраніе сдѣлало предложеніе всѣмъ цивилизованнымъ народамъ согласиться объ отмѣнѣ захвата частной непріятельской собственности и корсарства, и съ этою цѣлью предложило Исполнительной власти вступить въ переговоры со всѣми иностранными державами и сообщить имъ этотъ двойной принципъ. Одинъ только Гамбургъ, морской коммерческій городъ,—не имѣющій военнаго флота, и нейтралитетъ котораго есть состояніе обязательное,—отвѣтилъ на это предложеніе и принялъ эту систему, болѣе философскую чѣмъ практическую.

*) Я нарочно привелъ подлинныя выраженія знаменитаго Французскаго ученаго, которыми онъ совершенно вѣрно опредѣляетъ понятіе «*Корсара*» и «*Корсарства*», тогда какъ у насъ не только въ публикѣ, но и въ спеціальной литературѣ, «*Корсарство*» весьма часто смѣшивается съ «*Пиратствомъ*», и подъ словомъ «*Корсаръ*»,—многіе разумѣютъ «*Морскаго разбойника*». «*Каперство*»—есть понятіе

обязанностью провозгласить эту отмѣну, которая была потребована во имя человѣколюбія. Я полагаю, что этотъ вопросъ требуетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія. Прежде чѣмъ кончить этотъ трудъ, въ послѣдней его части, я займусь этимъ изслѣдованіемъ съ тѣмъ тщаніемъ, котораго онъ заслуживаетъ.

Таковы два главныя различія между войнами сухопутными и морскими. Я долженъ былъ остановиться на этихъ двухъ существенныхъ пунктахъ, для того, чтобы не имѣть надобности возвращаться къ нимъ впослѣдствіи. За исключеніемъ этихъ различій—права и обязанности воюющихъ остаются совершенно однѣ и тѣже. Онѣ просты и удобопонятны; если онѣ невсегда точно исполняются, то это потому, что страсть и матеріальный расчетъ ослѣпляютъ народы также, какъ и простыхъ гражданъ.

ОТДѢЛЪ II.

Нейтралитетъ.

Независимость,—это существенное и основное право національности,—даетъ каждому народу право: принимать участіе въ войнѣ, которая вспыхнула между двумя или многими изъ его сосѣдей. — или оставаться спокойнымъ зрителемъ борьбы, и продолжать жить въ мирѣ съ обѣими воюющими сторонами, сохраняя съ каждою изъ нихъ всѣ тѣ сношенія сосѣдскія, торговыя и даже дружескія,—которыя существовали до начала непріязненныхъ дѣйствій. Мирная нація можетъ даже увеличивать свои сношенія съ воюющими, умень-

---

родовое и означаетъ захватъ непріятельской собственности вообще, безразлично, какими-бы средствами—военными судами или Корсарами, захватъ ни былъ произведенъ. Тогда какъ «*Корсарство*» есть понятіе *видовое* и означаетъ захватъ непріятельской собственности посредствомъ *Корсаровъ* или *Арматоровъ*, т. е. кораблей принадлежащихъ частнымъ лицамъ и снаряженныхъ частными лицами, получившими отъ своего Правительства спеціальное полномочіе или дозволеніе, т. е. «*патентъ*» или «*lettre de marque*». «*Пиратство*» же означаетъ морской разбой, и очевидно «*Корсаръ*» неимѣетъ ничего общаго съ «*Пиратомъ*».

Примѣч. переводч.

шать ихъ, или измѣнять,—по собственному своему желанію или даже капризу ([39]). Однѣ только раньше принятыя обязательства передъ другой націей, — могутъ лишить народъ права избрать покой, или заставить его принять участіе въ войнѣ. Тотъ, который пользуясь своей свободой, сохраняетъ такимъ образомъ, миръ съ обѣими сторонами,—называется, *нейтральнымъ* (*neutre*).

Многіе писатели старались дать опредѣленіе нейтралитета, но недостигли этого вполнѣ ([40]). Вотъ опредѣленіе Гюбнера (Hübner); оно не кажется мнѣ полнымъ, но тѣмъ неменѣе я считаю его лучшимъ: «Нейтралитетъ состоитъ въ «абсолютномъ бездѣйствіи относительно войны, въ точномъ «и совершенномъ безпристрастіи, выраженномъ фактами, «по отношенію къ воюющимъ, по столько, по сколько это «безпристрастіе имѣетъ отношеніе къ войнѣ и къ прямымъ «и непосредственнымъ средствамъ веденія ея».

Война не измѣняетъ положеніе нейтральнаго государства; она оставляетъ его пользоваться своею свободою и независимостью; нейтральное государство не должно испытывать на себѣ никакихъ прямыхъ послѣдствій борьбы, которой оно желаетъ оставаться непричастнымъ. Однако, это ужасное состояніе распространяетъ свои косвенныя дѣйствія и на нейтральное государство; оно пораждаетъ новыя обязанности и ограничиваетъ нѣкоторыя изъ его правъ. Обязанности эти, числомъ двѣ: 1) безусловное воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства въ прямыя или косвенныя непріязненныя дѣйствія; 2) полное безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, во всѣхъ сношеніяхъ, не относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ. Безпристрастіе это не должно пониматься въ томъ смыслѣ, что нейтральный не могъ бы поддерживать съ однимъ изъ воюющихъ такихъ сношеній, которыя не суще-

(39) Многіе писатели, и даже многія націи отказываютъ нейтральнымъ въ правѣ увеличивать или измѣнять ихъ сношенія съ націями, находящимися въвойнѣ. Принципъ выставляемый мною здѣсь, есть единственный, согласный съ Международнымъ закономъ. См. ниже часть V, гл. 2, отд. 2, § 2, о *«новой торговлѣ»*.

(40) *Азуни* (*Azuni*) раскритиковавъ опредѣленіе данное Гальяни (Galiani), кончилъ тѣмъ, что принялъ его, измѣнивъ въ немъ нѣкоторыя, незначительныя слова.

ствовали бы съ другимъ; или чтобы онъ былъ обязанъ вести съ обѣими сторонами одинаковую торговлю, въ томъ-же размѣрѣ, или предоставлять обѣимъ сторонамъ одинаковыя выгоды и одинаковыя торговыя преимущества.

Обязанность нейтральнаго ограничивается выполненіемъ обязанностей человѣколюбія и общежительности, по отношенію къ обѣимъ сторонамъ въ равной мѣрѣ. Для всѣхъ остальныхъ сношеній—нейтральный остается совершенно свободенъ слѣдовать своему желанію или интересу (41). Эти двѣ обязанности, единственныя, которыя вытекаютъ для нейтральныхъ изъ состоянія войны,—не наносятъ никакого удара ихъ независимости. Каждая нація можетъ,—если такова ея воля,—принять участіе въ борьбѣ; если она избираетъ положеніе мирное,—она должна выполнить двѣ обязанности, вытекающія изъ этого положенія, которое, впрочемъ, она всегда можетъ покинуть, лишь только признаетъ это необходимымъ или полезнымъ.

Невходя въ развитіе различныхъ системъ, выставленныхъ писателями о нейтралитетѣ, достаточно будетъ сказать, что нейтральный не имѣетъ никакихъ другихъ обязанностей, но за то эти двѣ,—безусловны; никакое обстоятельство, вольное или не вольное, не можетъ поднять народъ, который хочетъ остаться мирнымъ. Даже слабость націи, которая будетъ не въ состояніи сопротивляться требованію могущественнаго воюющаго,—не могла бы извинить нарушенія одной изъ ея обязанностей. Если нація не исполняетъ одну изъ нихъ, она тотчасъ же дѣлается *союзницей* той стороны, которой она повиновалась, и врагомъ—другой; она становится

(41) «Во всемъ, что не касается войны, нейтральный не будетъ отказывать одной изъ сторонъ, *по причинѣ ея настоящей ссоры* въ томъ, что онъ предоставляетъ другой, что не препятствуетъ свободѣ торговли съ одной, болѣе чѣмъ съ другой. Онъ пользуется своимъ правомъ; не будетъ пристрастія, лишь бы только отказъ не былъ сдѣланъ одной сторонѣ по причинѣ войны, и съ цѣлію благопріятствовать другой». *Ваттель* (*Vattel*), tit. II, liv. 3, ch. 7, § 104. «Самый строгій нейтралитетъ не препятствуетъ намъ поддерживать болѣе обширную торговлю съ одной воюющей стороной, чѣмъ съ другой, согласно тому, какъ наши собственныя дѣла того требуютъ и на сколько мы имѣемъ довѣрія къ одной сторонѣ болѣе чѣмъ къ другой».... *Гюбнеръ* (*Hübner*),—*«De la saisie des bâtiments neutres»*, t. I, part. 1, ch. 2, § 1, n° 3. См. также *Азуни* (*Azuni*) *«Droit maritime de l'Europe»*, part. 2, ch. 1, § 12 и *Гальяни* (*Galiani*)—*«De doveri de'principi»*, cap. 6.

воюющей, и должна будетъ подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ этого новаго состоянія.

Весьма часто случается, что оскорбленный народъ, не желая увеличивать числа своихъ прямыхъ противниковъ, долженъ, изъ политическихъ соображеній и въ своемъ собственномъ интересѣ, закрывать глаза и не требовать отчета отъ нейтральнаго въ его преступномъ поведеніи [42]. Поступая такимъ образомъ, онъ пользуется своею независимостью; но онъ можетъ поступить болѣе строго, — народное право вполнѣ дозволяетъ ему это. Примѣры такого расчитаннаго воздержанія такъ многочисленны въ исторіи, что они ввели многихъ писателей въ серьезное заблужденіе, заключающееся въ томъ, что на тотъ или другой фактъ дѣйствительно непріязненный, — смотрятъ какъ на дозволенный нейтральнымъ [43].

Выполняя въ точности эти двѣ обязанности, единственныя, выставляемыя международнымъ закономъ, — нейтральный народъ останется въ мирномъ пользованіи всѣми своими правами, всѣми преимуществами, которыя принадлежатъ независимымъ націямъ. Онъ имѣетъ полное и безусловное право ни въ чемъ не испытывать на себѣ прямыхъ послѣдствій войны.

ОТДѢЛЪ III.

Согласіе, существующее между правами войны и правами нейтралитета

Воюющій имѣетъ право вредить своему непріятелю всѣми, находящимися въ его власти прямыми средствами; право

---

(42) Я ограничусь приведеніемъ одного изъ тѣхъ фактовъ, который только что совершился на нашихъ глазахъ: Австрія взялась охранять и защищать Дунайскія Княжества отъ вторженія Русскихъ, — объявивъ, въ тоже время, что она намѣрена сохранять самый строгій нейтралитетъ. Царь не считалъ для себя выгоднымъ увеличивать число своихъ противниковъ; онъ не поступилъ съ Австріей какъ съ врагомъ; но однако онъ имѣлъ на это полное право, потому что фактъ этотъ, былъ, — нарушеніе обязанности нейтралитета, прямое непріязненное дѣйствіе.

(43) См. именно *Гроцій* (*Grotius*), «*De jure belli et pacis*» lib II, cap. 2, § 15, *Вольфъ* (*Wolf*), *Ваттель* (*Vattel*), *Чіара* (*Schiara*), *Галіани* (*Galiani*) и др. отно-

это существенно для войны; если бы его не существовало, то было бы невозможно достигнуть правосудія оружіемъ; та-же невозможность могла бы встрѣтиться, если бы было дозволено нейтральнымъ народамъ помогать въ борьбѣ одной изъ сторонъ, снабжать ее людьми, деньгами, оружіемъ и т. д.; однимъ словомъ, поддерживать ее въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя прямо относятся къ войнѣ.

Обязанность нейтральнаго,—воздерживаться отъ всякихъ такихъ дѣйствій, которыя имѣютъ отношеніе къ войнѣ, которыя прямо относятся къ ней; обязанность эта, такимъ образомъ, находится въ совершенномъ согласіи съ правомъ воюющаго, которому она облегчаетъ и обезпечиваетъ полное пользованіе этимъ правомъ. Вторая обязанность,выставляемая, какъ ихъ часто называютъ,—общимъ друзьямъ, безпристрастіе въ дѣйствіяхъ, неотносящихся до войны, одинаково предназначено поддерживать совершенное равновѣсіе между двумя противниками, дабы, однѣ только собственныя ихъ силы были призваны для разрѣшенія возникшихъ между ними вопросовъ.

Съ другой стороны, нейтральный народъ независимъ ни отъ кого и слѣдовательно отъ воюющихъ; по этому онъ имѣетъ право остаться вполнѣ чуждымъ столкновенію, которое могло возникнуть между двумя народами, его сосѣдями, его друзьями; онъ не долженъ отъ этого терпѣть; никакія прямыя послѣдствія борьбы не должны его постигать; это—его право, которое онъ имѣетъ отъ Бога, и которое вытекаетъ изъ самой его независимости.

Право это вполнѣ удовлетворяется исполненіемъ обязанности,возложенной на воюющаго,—употреблять противъ своего непріятеля, для нанесенія вреда, однѣ только прямыя средства.

Безъ сомнѣнія, когда вспыхиваетъ война между двумя или нѣсколькими націями, то даже тѣ, которыя остаются нейтральными, страдаютъ отъ такого порядка вещей: цѣна предметовъ

сительно прохода вооруженныхъ войскъ черезъ нейтральное государство, уступки крѣпостей, набора солдатъ и пр.—фактовъ существенно противныхъ обязанностямъ нейтральныхъ, которые разсматриваются ими, какъ согласные съ этими обязанностями.

первой необходимости или роскоши, произведеній одной изъ странъ находящихся въ войнѣ,—дѣлается болѣе возвышенною; порта одной изъ воюющихъ странъ могутъ быть закрыты другою; нейтральные корабли, находящіеся въ осажденныхъ и бомбардируемыхъ портахъ,—могутъ быть достигнуты выстрѣлами и истреблены; но средства, употребляемыя воюющимъ для нанесенія вреда,—раззореніе торговли своего противника, блокада или бомбардированіе его портовъ,—направляются непосредственно противъ непріятеля; нейтральный можетъ отъ этого страдать,—это возможно,—но только путемъ косвенныхъ послѣдствій; онъ не можетъ на это жаловаться. Такимъ образомъ, право нейтральнаго и обязанность воюющаго, находятся и въ этомъ случаѣ сопоставленными такъ, что другъ другу помогаютъ и другъ друга взаимно дополняютъ.

Всѣ остальныя права и обязанности народовъ, какъ находящихся въ войнѣ, такъ и мирныхъ, подразумѣваются въ числѣ тѣхъ, которыя я только что перечислилъ; поэтому безполезно продолжать далѣе это сравненіе.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго съ очевидностью явствуетъ, что, всѣ права и всѣ обязанности народовъ, такія, которыя вытекаютъ изъ естественнаго закона, находятся въ соотвѣтствіи и связи одно съ другимъ, никогда не сталкиваясь, никогда не уничтожая другъ друга; находятся въ согласіи достойномъ безпредѣльной мудрости Того, кто продиктовалъ ихъ своему созданію.

Большинство актовъ положительнаго права, въ особенности заключенныхъ въ послѣднее столѣтіе,—освятили это согласіе; законъ человѣчекій согласованъ съ закономъ божественнымъ, между тѣмъ, за исключеніемъ только что кончившейся войны (въ 1856 г.), всякій разъ, когда начинаются непріязненныя дѣйствія—всѣ народы,—и воюющіе и нейтральные,—заявляютъ о нарушеніи ихъ правъ. Какой причинѣ можно приписать нарушеніе, допускаемое воюющими относительно нейтральныхъ?

Уже нѣсколько вѣковъ, и въ особенности съ тѣхъ поръ какъ, вслѣдствіе открытія новаго свѣта и морскаго пути въ Индію,—морская торговля сдѣлалась неистощимымъ источ-

никомъ богатства и могущества,—воюющія націи завистливымъ окомъ смотрѣли на то, что нейтральныя спокойно продолжали свою торговлю въ то время, какъ онѣ не могли безъ страха заниматься ею; что нейтральныя продолжали развивать свой коммерческій флотъ въ то время, какъ онѣ видѣли что ихъ корабли, или уменьшались, или оставались въ бездѣйствіи. Поэтому, прежде всего, онѣ старались помѣшать развитію благосостоянія націй, оставшихся въ мирѣ;—затѣмъ, если какая нибудь нація считала себя достаточно сильной чтобы не бояться, что непріятель повредитъ ея торговлѣ, то,—такъ какъ вмѣстѣ съ силою увеличивается зависть,—она полагала, что война представляетъ удобный случай, чтобы избавиться отъ всѣхъ своихъ торговыхъ конкурентовъ, враговъ и друзей. Съ тѣхъ поръ, каждая морская война, въ которой принимала участіе одна изъ могущественныхъ державъ.—была войною, веденною противъ всѣхъ коммерческихъ флотовъ міра. Такимъ образомъ, наиболѣе сильная нація, далеко не страдая отъ войны, не смотря на то, что сама была воюющею,—развивала свой коммерческій флотъ и свою торговлю въ то время, какъ уничтожала торговлю, не только непріятеля, но и еще всѣхъ нейтральныхъ; съ наступленіемъ мира, она не находила никакого конкурента и обладала монополіей всего свѣта.

Великобританія практиковала такую ужасную политику съ начала 18 столѣтія съ постоянствомъ и послѣдовательностію, заслуживающими лучшаго примѣненія. Въ теченіи болѣе уже 50 лѣтъ, эта держава считаетъ себя на столько увѣренною въ своей силѣ, что пренебрегаетъ прикрывать несправедливость своего поведенія личиною законности; но въ теченіи долгого времени прежде, она считала себя въ необходимости стараться оправдывать свой образъ дѣйствій и заявлять о томъ, что она называла своими *правами*.

Какія могли быть эти *права*, которыя уполномочивали ее нарушать всѣ законы, человѣческіе и Божескіе? Большое число актовъ исходящихъ отъ самаго Англійскаго правительства, повелѣнія британскаго совѣта показываютъ намъ, что

это есть право *необходимости* (*nécessité*). Я часто буду говорить о примѣненіи этого мнимаго права.

Но гдѣ найти его происхожденіе, основаніе, его предѣлы? Какія соотвѣтствующія обязанности оно пораждаетъ? Ибо я утверждаю, что не существуетъ ни одного права, которое не рождало бы обязанности. Надо ли искать его въ естественномъ правѣ? Я не думаю этого, ибо оно уничтожаетъ всякое понятіе о справедливости и законности. Находится ли оно въ правѣ положительномъ? Нѣтъ, ибо до конца 18 столѣтія не существуетъ ни одного формальнаго акта, въ которомъ хотя бы слегка упоминалось о немъ; а послѣ того, одинъ только трактатъ говоритъ объ этомъ, и то неопредѣленно и смутно ([44]).

Поэтому, казалось бы невозможнымъ включить его въ рамки моего сочиненія; но однако важно знать то право, которое играло такую большую роль, и которое встрѣчается во всѣхъ морскихъ войнахъ, съ конца 17 столѣтія. Поэтому я считаю себя обязаннымъ заняться имъ въ этой вступительной части.

Первый слѣдъ какого бы то ни было права, которое могло бы вытекать изъ необходимости, встрѣчается въ одной фразѣ сочиненія А. Гентилиса (Albericus entilis), *De jure belli* ([45]). Гроцій (Grotius) также повидимому признаетъ его существованіе. Этотъ послѣдній авторъ утверждаетъ, что при началѣ міра, всѣ вещи составляли общую собственность всѣхъ людей, что нераздѣльность эта прекратилась вслѣдствіи особаго рода раздѣла по соглашенію между всѣми заинтересованными лицами, и что каждый послѣ того сдѣлался безусловнымъ и исключительнымъ собственникомъ своей доли; но что въ случаяхъ крайней необходимости первоначальная община воз-

---

([44]) Трактатъ 1793—1794 гг. между Англіей и Соединенными Штатами Америки по поводу военной контрабанды.

([45]) Авторъ,—установивъ существованіе двухъ противоположныхъ правъ и трудность, которая существуетъ для согласованія ихъ,—заканчиваетъ единственную фразу своей книги, гдѣ говорится о нейтральныхъ, слѣдующими словами: «Est, æquo æquius, et favorabili favorabilius, et utili utilius. Lucrum illi commerciorum sibi perire nolunt. Angli nolunt quid fieri quod contra salutem suam est. Jus commerciorum æquum est, at hoc æquius tuendæ; salutis est illud gentium just hocest naturæ, est illud privatorum, hoc est regnorum».

раждается и что каждый имѣетъ право завладѣть тѣмъ, въ чемъ онъ имѣетъ настоятельную надобность ([46]). Таково происхожденіе, или скорѣе первое объясненіе права необходимости, ибо дѣйствительное его происхожденіе, даже основаніе его, — совершенно не то; я часто буду упоминать о немъ, и давать печальныя доказательства справедливости сказаннаго мною. Происхожденіе этого мнимаго права, о которомъ я говорю,—есть честолюбіе воюющихъ, или говоря справедливѣе, низкая меркантильная зависть, которая снѣдаетъ торговые народы, желаніе уничтожить торговлю и мореплаваніе нейтральныхъ націй. Писатели которые послѣдовали по стопамъ Гроція, (Grotius),—приняли, и много развили доктрину этого великаго человѣка, связавъ ее съ доктриной Гентилиса (Centilis). Лампреди (Lampredi) болѣе всѣхъ далъ развитіе его мнѣнію, которое, впрочемъ, безусловно тоже, какъ и у его предшественниковъ ([47]). Вотъ анализъ его разсужденій:

Всѣ народы имѣютъ равныя права; когда вспыхиваетъ война, то она не приноситъ никакого измѣненія въ правахъ тѣхъ народовъ, которые считаютъ обязанностью воздержаться отъ участія въ ней; ихъ свобода не получаетъ никакого удара, никакого ограниченія; они могутъ поэтому продолжать съ обоими воюющими свои сношенія, которыя они имѣли во время мира, и дѣйствовать безусловно такъ, какъ бы войны вовсе несуществовало. Никакой родъ торговли не можетъ быть имъ воспрещенъ; они могутъ, если того пожелаютъ, вмѣшаться въ непріязненныя дѣйствія, помогать блокированнымъ или осажденнымъ мѣстамъ, доставлять оружіе, припасы, однимъ словомъ, дѣлать все что имъ нравится, пользоваться и злоупотреблять (user et abuser) своею естественною независимостью. Но, съ своей стороны, каждый изъ воюющихъ имѣетъ право наносить вредъ своему врагу

([46]) «Hinc primò sequitur in gravissimâ necessitate reviviscere jus illud pristinum, rebus utendi tanquàm si communes mansissent...» «*De jure belli et pacis*» lib. II, cap. 2., § 6., № 2.

([47]) «*Du commerce des neutres*», part. 1., § 4.

всѣми возможными средствами, противиться всѣмъ такимъ дѣйствіямъ, которыя могутъ или сдѣлать его противника болѣе грознымъ, или затруднить его покореніе, или даже такимъ дѣйствіямъ, которыя, по свойству своему, могутъ сдѣлать его положеніе менѣе тяжкимъ, облегчить бѣдствія войны. Такимъ образомъ, иностранная торговля, по самой природѣ своей, способна уменьшать лишенія, которыя можетъ испытывать воюющій; противникъ, поэтому, имѣетъ право ограничивать эту торговлю, регламентиовать ее и даже совершенно воспретить. И такъ съ одной стороны, нейтральные имѣютъ право требовать себѣ полной торговой свободы; съ другой— воюющій имѣетъ право воспрепятствовать всякой торговлѣ съ его врагомъ. Эти два права, суть права естественныя, оба вытекающія изъ естественнаго закона. Онѣ имѣютъ одинаковую силу и оба одинаково безусловны; а между тѣмъ, онѣ противоположны, несогласимы; существованіе одного есть отрицаніе другого.

Это разсужденіе, сдѣланное спеціально для торговли и по случаю военной контрабанды, примѣняется сторонниками права *необходимости* ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ: къ проходу воюющихъ армій черезъ нейтральную территорію, къ занятію нейтральныхъ крѣпостей, городовъ и мѣстъ, срытію ихъ и пр. Самъ Гроцій (Grotius) допускаетъ его въ спеціальномъ случаѣ занятія крѣпостей ([48]). Итакъ нейтральный имѣетъ полное право воспретить воюющему вступать на его территорію, овладѣвать тѣмъ или другимъ принадлежащимъ ему мѣстомъ или городомъ; но воюющій имѣетъ, одинаково, полное право вредить своему

---

(48) «Sic et ierræ et flumina et si quæ pars maris in proprietatem populi alicujus venit, patere debet his qui transitu opus habent... Aut etiam quia quod suum est justo bello petunt». *«De jure belli et pacis»* lib. II.. cap. 2., § 13.. Hinc colligere est quomodo ei qui bellum pium gerit, li ceat locum óccupare qui situs sit in solo pacato: nimirum si non im-aginarium, sed certum sit periculum ne hostis eum locum invadat et inde irreparabilia damna det....» Ubi suprá, § 10. *Cocceius* въ своемъ «Commentaire», сильно опирается на это мнѣніе, которое оспаривалось и опровергалось Gronovius'омъ Puffendorf'омъ. «De jure naturæ et gentium»- *Galiani,—«De doveri de principi»*, etc.

*

непріятелю и слѣдовательно проходить черезъ мирное государство, или завладѣть мѣстомъ и пр. и пр.

Отсюда рождается вопросъ, я не скажу самый трудный, ибо въ моихъ глазахъ, онъ не представляетъ ни малѣйшей трудности, ни малѣйшей неясности,—но наиболѣе спорный изъ вопросовъ морскаго международнаго права. Если въ дѣйствительности, существуетъ два права совершенно равныя и безусловныя, и если эти права противоположны и несогласимы, то казалось-бы, что нѣтъ никакого возможнаго выхода изъ этого и что каждая война необходимо, невольно, должна сдѣлаться войною всемірною.

Писатели, которые изобрѣли антагонизмъ правъ,—замѣтили эту трудность. Вопросъ очень труденъ, говоритъ Гентилисъ (Gentilis) — отецъ права «необходимости» но: «est æquo æquius, favorabili favorabilius, utili utilius, и пр.» говоритъ онъ. Права болѣе уже не равны; является справедливое и болѣе справедливое, полезное и болѣе полезное;—онъ долженъ былъ ограничиться этимъ послѣднимъ словомъ, ибо никогда заблужденіе не было болѣе полезно и болѣе выгодно для воюющихъ.

Слово «право» не было еще соединено со словомъ «необходимость»; Гроцій (Grotius) соединилъ ихъ сперва въ интересахъ своей теоріи примитивной собственности, потомъ для подкрѣпленія своихъ мнѣній о военной контрабандѣ. Не смотря на ограниченія, которыми этотъ великій геній считалъ обязаннымъ обставить это непомѣрное право, не смотря на предѣлы, которые онъ начертилъ слишкомъ неопредѣленно ([49]) —учитель провозгласилъ, — послѣдователи должны были ему слѣдовать, и даже далеко обогнать на пути, который онъ имъ открылъ. Личный интересъ народовъ, торговое соперничество, меркантильная зависть должны были окончить начатый трудъ и заставить его производить тѣ чудовищныя насилія, на которыя я укажу въ послѣдующихъ страницахъ.

([49]) «.... Deindé, si nihil sumatur quod non ad cautionem sit necessarium: putà, nuda loci custodia, relictâ domino vero jurisdictione et fructibus: postremò, si id fiat animo reddendæ custodiæ simul atque necessitas illa cessaverit». Гроцій (Grotius), ubi suprà.

И такъ, слѣдовательно, Гентилисъ (Gentilis) и Гроцій (Grotius) нашли исходъ изъ затрудненія, въ которое ставило ихъ совмѣстное существованіе двухъ равныхъ и противоположныхъ правъ, — создавъ въ пользу воюющаго третье право, болѣе сильное и лучшаго качества, если можно такъ выразиться, чѣмъ два другія. И такъ какъ нужно было найти происхожденіе этому новому произведенію воображенія,—то его заставили происходить изъ инстинкта самосохраненія, изъ необходимости пещись о своемъ собственномъ благосостояніи, однимъ словомъ изъ «*необходимости*: «*Angli nolunt quid fieri quod contra suam salutem est*» ([50]). Въ силу этого права, воюющій дѣлается государемъ надъ всѣми народами вселенной, за исключеніемъ своего противника; онъ диктуетъ законы всѣмъ націямъ; онъ захватываетъ корабли, въ которыхъ имѣетъ надобность, жизненные припасы и произведенія, которыя ему необходимы; онъ опредѣляетъ торговлю мирныхъ народовъ съ своимъ непріятелемъ и даже между ними; наконецъ онъ проходитъ черезъ территорію нейтральныхъ и занимаетъ ихъ укрѣпленныя мѣста. Эта послѣдняя часть права практикуется рѣдко потому, что на территоріи и въ крѣпостяхъ есть солдаты и пушки, и потому что воюющіе обыкновенно не заботятся увеличивать число своихъ враговъ. Въ океанѣ совсѣмъ не то; тамъ нѣтъ крѣпостей; корабли безъ оружія проходятъ по океану и часто встрѣчаются крейсерами воюющихъ. Воюющій народъ поэтому примѣняетъ свое мнимое право необходимости на морѣ; онъ не только издаетъ законы, но силою заставляетъ ихъ исполнять. Онъ конфискуетъ всѣ корабли, которые не подчиняются этому. Такимъ образомъ не существуетъ болѣе столкновенія между правомъ войны и правомъ нейтралитета, ибо это послѣднее болѣе не существуетъ, оно поглощено другимъ. *Право необходимости* есть владычество надъ міромъ.

Древніе писатели, и именно Гроцій (Grotius) выставляли, правда, нѣкоторыя условія для примѣненія этого права. Условій этихъ—три: 1) существованіе дѣйствительной необ-

([50]) Alberic Gentilis, «*De jure belli*».

ходимости, 2) справедливость войны и 3) вознагражденіе за причиненный вредъ. Первое изъ этихъ условій могло бы имѣть, можетъ быть, какую нибудь дѣйствительность, если бы существовалъ международный судъ (жюри), обязанный оцѣнивать случаи необходимости; но такого института не существуетъ и не можетъ существовать. Кто же долженъ быть судьей этой необходимости? Нейтральный? Нѣтъ, онъ находилъ-бы что условіе это не выполнено и въ его глазахъ необходимости никогда не существовало бы. Къ тому же, воюющій, какъ народъ свободный и независимый, не можетъ быть обязанъ подчиняться рѣшенію другого народа. Воюющій? Относительно его можно бы было сдѣлать тѣже самыя возраженія,—но ему нѣтъ до этого дѣла; онъ хочетъ быть судьею. Онъ одинъ можетъ оцѣнить, что ему необходимо для того, чтобы вести войну къ желанному концу; онъ одинъ знаетъ мѣру своихъ нуждъ; онъ одинъ, наконецъ, знаетъ, что̀ можетъ быть ему удобно не для его благосостоянія, — а для увеличенія его флота, развитія его торговли, удовлетворенія его зависти; что̀ можетъ повести къ уничтоженію нейтральнаго мореплаванія. Но народы мирные также независимы; они не обязаны подчиняться приказаніямъ иностраннаго народа. Нѣтъ, они со времени изобрѣтенія права необходимости болѣе не независимы, они — самые слабые, они не имѣютъ оружія въ рукахъ; поэтому, они должны повиноваться капризамъ націй сильныхъ и вооруженныхъ.

Я не буду ничего говорить объ условіи, чтобы война была справедлива: судьею этого будетъ опять таки воюющій; а какой воюющій неимѣетъ претензіи всегда считать справедливость на своей сторонѣ?

Что касается до обязанности вознагражденія за причиненный вредъ,—то она никогда не отвергалась; но я могу также утверждать, что она никогда не была исполняема. Воюющій находится въ «необходимости» неплатить. Впрочемъ, самъ Гроцій (Grotius) уничтожилъ это условіе, прибавивъ слова: «nisi causa alia accedat».—Всегда легко найти причину, и часто даже не стараются ссылаться на нее.

Но это превосходное право существуетъ ли гдѣ нибудь,

кромѣ какъ въ тираническомъ умѣ нѣкоторыхъ могущественныхъ народовъ и въ воображеніи писателей? Никто изъ тѣхъ, кто провозгласилъ его существованіе,—не старался его доказать; никто не говорилъ о его пространствѣ, его предѣлахъ и способѣ его примѣненія; всѣ ограничиваются ссылкою на историческіе факты; *право* они хотятъ доказать *фактами*: это есть путь обратно отвлеченный. По моему мнѣнію, право необходимости не существуетъ, и такъ какъ тѣ, которые изобрѣли его, не могли доказать своего утвержденія, то я постараюсь доказать справедливость моего отрицанія.

Первое и самое полное доказательство, которое я могу дать, —по моему мнѣнію это то, которое вытекаетъ изъ самаго источника международнаго права. Авторъ естественнаго закона есть самъ Создатель вселенной, это — Богъ. Онъ начерталъ людямъ, а слѣдовательно и націямъ, ихъ права и ихъ обязанности. Безъ сомнѣнія, законодатель этотъ, источникъ всей премудрости, не могъ совершить одну изъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя не ускользаютъ отъ законодателей людскихъ; онъ не могъ создать законовъ непримѣнимыхъ, законовъ нелѣпыхъ. Какъ же обвинять его въ созданіи двухъ противоположныхъ и несогласимыхъ правъ:—права народовъ находящихся въ войнѣ, и права народовъ находящихся въ мирѣ?—Какъ смѣть утверждать, что благосостояніе первыхъ Онъ могъ обезпечить только раззореніемъ вторыхъ?—Утверждать это невозможно. Богъ создалъ права для всѣхъ, сочеталъ ихъ самымъ мудрымъ образомъ такъ, чтобы одно не могло противорѣчить другому; Онъ ограничилъ ихъ взаимными обязанностями, дабы онѣ соединяясь одно съ другимъ не уничтожались. Такимъ образомъ, если нѣтъ столкновенія правъ, то *необходимость* падаетъ, она болѣе не существуетъ; право которое она порождаетъ—исчезаетъ вмѣстѣ съ нею. Безъ сомнѣнія, авторы этого вымысла дѣйствовали весьма искусно; они умолчали о всѣхъ обязанностяхъ, для того чтобы признать однѣ только права. Такимъ путемъ было легко достигнуть неизбѣжнаго столкновенія, для вывода *необходимости*,—единственнаго средства разрѣшить вопросъ; они дали ней-

тральнымъ гораздо болѣе правъ нежели они имѣютъ въ дѣйствительности, для того чтобы отнять у нихъ всѣ тѣ, которыми они владѣютъ; они привели бѣднаго воюющаго къ невозможности кончить войну для того, чтобы дать ему право эксплуатировать вселенную. Маневръ искусенъ, но онъ основывается на важной ошибкѣ. Отдадимъ каждому, вмѣстѣ съ его правами,—его обязанности, тѣ, какія я опредѣлилъ выше, и никогда между ними не можетъ быть столкновенія. Твореніе Божіе восприметъ свою красоту и свою гармонію. Это разсужденіе, столь сильное для меня,—можетъ быть будетъ отвергнуто умами болѣе крѣпкими, болѣе независимыми; но я могу дать болѣе фактическія доказательства, ибо объясненіе не было придумано ни Гюбнеромъ (Hubner), ни мною, и если оно беретъ свое начало въ законѣ естественномъ,—то оно находится также и въ законѣ положительномъ.

Всѣ безъ исключенія трактаты показываютъ намъ, что права народовъ ограничены ихъ обязанностями; нѣкоторые акты могли впасть въ заблужденіе относительно пространства этихъ правъ или этихъ обязанностей, но всѣ они признаютъ существованіе тѣхъ и другихъ и совершенную гармонію, которая царитъ между ними. Было бы слишкомъ долго цитировать всѣ эти акты, пришлось бы исписать цѣлыя странницы изъ всѣхъ собраній; къ тому же, замѣчательная вещь, самые горячіе защитники конфлита и права необходимости,—могли найти одинъ только трактатъ, говорящій въ пользу ихъ системы; единственный актъ санкціонируетъ это мнимое право ([51]).

Можно сказать безъ опасенія сдѣлать ошибку, что не существуетъ ни единаго права народовъ, какъ бы ничтожно оно не было, которое не было бы опредѣлено, очерчено или по меньшей мѣрѣ упомянуто въ трактатахъ, способъ примѣненія котораго—не былъ бы предусмотрѣнъ и опредѣленъ. Какъ могло случиться, что самое важное изъ всѣхъ правъ,

---

([51]) Трактатъ 1793 г. между Англіей и Соединенными Штатами Америки предоставляетъ воюющему опредѣлить списокъ контрабандныхъ товаровъ по мѣрѣ *необходимости»* которую онъ испытываетъ.

то, которое поглощаетъ всѣ остальныя,—было совершенно обойдено молчаніемъ? Старательно и подробно занимаются свободою торговли нейтральныхъ съ воюющими; опредѣляютъ примѣненіе права осмотра, блокады, военной контрабанды и пр. и пр., и ни одного слова не говорятъ о правѣ *необходимости*, которое совершенно уничтожаетъ существенную и естественную независимость народовъ! Откуда могло родиться подобное упущеніе?.... Изъ несуществованія этого мнимаго права: если только не захотятъ принять за серьезное парадоксъ Дженкинсона (Jenkinson), который утверждаетъ, что трактаты содержатъ въ себѣ только исключенія и уклоненія отъ естественнаго права ([52]). Откуда слѣдуетъ, что для того, чтобы найти текстъ этого права,—достаточно взять противное закону положительному.

Права и обязанности народовъ, какъ я уже сказалъ,—находятся въ совершенномъ согласіи и удивительномъ сочетаніи; никакого столкновенія не можетъ встрѣтиться. Право необходимости не существуетъ; это есть измышленіе тираніи могущественныхъ воюющихъ и ихъ низкой зависти.

---

(52) Оправдательная рѣчь (Discours apologétique) поведенія Великобританіи во время семилѣтней войны.

ГЛАВА IV.

Примѣненіе основныхъ принциповъ естественнаго права къ главнѣйшимъ вопросамъ Морскаго Международнаго права.

Морское международное право затрогиваетъ множество вопросовъ, которые я долженъ разсмотрѣть послѣдовательно для того, чтобы констатировать развитіе и измѣненія, совершенныя положительнымъ закономъ въ каждомъ изъ нихъ. Этотъ законъ можетъ совершенствоваться только по столько, по сколько онъ приближается къ постановленіямъ закона естественнаго. Поэтому, чтобы доказать его ходъ,—необходимо имѣть передъ глазами то, что я назову типомъ или моделью, съ которой онъ долженъ согласоваться. Для избѣжанія частыхъ повтореній,—я полагалъ полезнымъ предпослать отдѣльную главу, спеціально посвященную примѣненію, въ нѣкоторомъ родѣ теоретическому, основныхъ принциповъ естественнаго права къ вопросамъ затронутымъ практикою морскихъ націй. Вопросы эти, по существу своему раздѣляются на двѣ категоріи: на вопросы относящіеся къ мирному времени, и на вопросы относящіеся къ времени войны. Первые весьма немногочисленны, и принципы которые управляютъ ими,—весьма просты. Вторые, наооборотъ очень многочисленны и, въ особенности, я не скажу очень трудны, ибо въ дѣйствительности они не представляютъ никакой серьезной трудности, но очень запутаны націями и писателями.

ОТДѢЛЪ I.

Вопросы относящіеся къ мирному времени.

Вопросъ о морской территоріи безъ сомнѣнія могъ-бы относиться къ мирному времени, но такъ какъ онъ представляетъ гораздо болѣе интереса тогда, когда война нарушаетъ сношенія народовъ, то я полагаю разсмотрѣть его въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Море свободно и пользованіе имъ принадлежитъ всѣмъ независимымъ націямъ, для мореплаванія, для рыболовства и для всѣхъ другихъ преимуществъ, которыя онѣ могутъ изъ него извлекать. Во время мира, можетъ встрѣтиться мало недоразумѣній, въ особенности такого свойства, которыя должны быть регулированы естественнымъ правомъ. Границы таможенныхъ округовъ и исключительныхъ рыболовствъ,—суть институты права положительнаго. Ограниченія выставляемыя государями свободѣ торговли, какъ собственныхъ подданныхъ такъ и иностранцевъ подчиненныхъ ихъ юрисдикціи,—входятъ въ ту же категорію. Но народы никогда не должны упускать изъ виду, что издаваемые ими ограничительные законы не должны распространяться за предѣлы ихъ территоріи. Они имѣютъ несомнѣнное право диктовать условія, на которыхъ они согласны вести торговлю, принимать иностранцевъ на принадлежащей имъ землѣ,—но за предѣлами ихъ собственнаго владѣнія—единственно примѣнимымъ есть принципъ свободы. Народы безъ сомнѣнія могутъ отмѣнять это правило особыми спеціальными конвенціями,—но эти послѣднія, какъ бы многочисленны ни были,—не могутъ образовать собою законодательствъ. Онѣ обязательны только для тѣхъ именно націй, которыя ихъ приняли, и только впродолженіи времени назначеннаго для ихъ существованія. Тоже самое и относительно всѣхъ ограниченій, которыя могутъ быть поставлены свободѣ плаванія въ проливахъ которые не закрыты законно, по принципамъ изъясненнымъ мною выше. Согласно закону естественному, это мореплаваніе должно быть безусловно свободно и избавлено отъ всякаго рода препятствій, даже финан-

совыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, взиманіе пошлинъ—есть право принадлежащее только верховной власти, а открытый проливъ непризнаетъ надъ собою никакой власти ([53]).

Право отправлять правосудіе есть существенный аттрибутъ верховной власти, (суверенитета); оно никогда не можетъ быть отнято отъ главы территоріи, безъ нанесенія тѣмъ серьезнаго оскорбленія его правамъ, его авторитету. Разсматриваемые съ этой, единственно вѣрной съ предписаніями естественнаго закона, точки зрѣнія,—консула, учреждаемые въ иностранныхъ государствахъ,—не могутъ имѣть никакого рода власти или юрисдикціи надъ подданными ихъ государей, поселившимися на территоріи, и даже случайно тамъ находящимися, потому что эти люди обыкновенно разсматриваются какъ подданные государя того мѣста, гдѣ они находятся и какъ подлежащіе его законамъ. Но нельзя того же сказать по отношенію къ людямъ находящимся на кораблѣ;—даже тогда когда онъ находится въ иностранномъ портѣ,—корабль, каковы бы ни были его величина и сила,—составляетъ,—какъ я докажу это ниже, когда буду говорить о территоріи ([54]),—колонію своей страны, плавающую часть своей территоріи. Люди, находящіеся на немъ, не покидали почвы своего отечества; они остались подчиненными своему собственному государю и не могутъ признавать никакой другой юрисдикціи, кромѣ его, по крайней мѣрѣ относительно всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя исключительно касаясь корабля и лицъ на немъ находящихся,—не имѣютъ никакого, ни прямаго ни косвеннаго отношенія къ той иностранной территоріи, на которой плаваетъ корабль. Нація, которой принадлежитъ корабль, можетъ, слѣдовательно, предоставить право отправленія правосудія надъ экипажемъ и даже надъ пассажирами своихъ кораблей,—консуламъ, учрежденнымъ ею въ иностранныхъ государствахъ,—но только по дѣламъ, которыя я только что

([53]) См. выше, та же часть, глава 2, отд. 1, о проливахъ Зундскомъ и Дарданельскомъ.

([54]) См. ниже, таже глава, отд. 2, § 1.

обозначилъ. Что касается до другихъ обязанностей, обыкновенно ввѣряемыхъ консуламъ,—то онѣ цѣликомъ входятъ въ область положительнаго закона. Опредѣлить ихъ могутъ только однѣ конвенціи, заключенныя между народами.

ОТДѢЛЪ II.

Вопросы относящіеся къ времени войны.

Естественный законъ даетъ воюющему право наноситъ вредъ своему непріятелю всѣми прямыми средствами, находящимся въ его власти; но обязанности человѣколюбія, которыя также составляютъ часть этого естественнаго права—запрещаютъ ему употреблять всякое такое средство, которое можетъ причинить противнику и его подданнымъ тяжкія страданія, ни чемъ не способствуя къ покоренію его. Сношенія между воюющими весьма не многочисленны; онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ размѣнѣ плѣнныхъ, въ перемиріяхъ, или мирѣ, капитуляціяхъ и т. п. Всѣ эти дѣйствія опредѣляются положительнымъ правомъ, которое ихъ изобрѣло. Онѣ не противорѣчатъ естественному закону потому, что имѣютъ своимъ основаніемъ обязанности налагаемыя этимъ закономъ; но по отношенію къ нимъ, естественное право не даетъ никакого особаго постановленія, ибо я не считаю постановленіемъ естественнаго права, нуждающимся въ напоминаніи—честность и добросовѣстность, которыя должны управлять всѣми международными сношеніями, даже тѣми, которыя ведутся съ непріятелемъ. Безъ сомнѣнія, случается весьма часто, что націи забываютъ или нарушаютъ ихъ, но факты эти, правда историческіе,—не составляютъ закона и никакого вліянія на него имѣть не могутъ.

Отношенія между воюющими и народами не принимающими никакого участія въ войнѣ, очень многочисленны, очень разнообразны, такъ какъ онѣ остаются почти тѣже, что и во время мира; поэтому онѣ не должны бы были представлять болѣе недоразумѣній чѣмъ обыкновенныя сношенія. Между

тѣмъ бываетъ иначе; большое число вопросовъ является затронутыми и оспариваемыми уже около 2-хъ столѣтій и до сихъ поръ еще неразрѣшенными однообразно всѣми націями. Почти всѣ они могутъ быть легко разрѣшены единственно указаніями естественнаго закона; только два изъ нихъ: осмотръ нейтральныхъ кораблей въ морѣ, захватъ и взятіе этихъ кораблей—относятся къ правамъ изобрѣтеннымъ положительнымъ закономъ,—правамъ, которыя ни въ чемъ не противорѣчатъ божественнымъ постановленіямъ и которыя, слѣдовательно могутъ быть примѣняемы тѣми кому они дарованы, и должны быть уважаемы тѣми, которые даровали ихъ. Эти послѣдніе вопросы будутъ разсмотрѣны въ той эпохѣ, въ которой они возникли.

§ 1. *Территорія вообще и морская территорія.*

Весьма важно—точно опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ территоріей націи, потому что такое точное опредѣленіе оказываетъ большое вліяніе на разрѣшеніе многихъ весьма важныхъ вопросовъ.

Территорію въ собственномъ смыслѣ, или территорію сухопутную опредѣлить весьма легко; это есть часть поверхности нашего земнаго шара—составляющая собственность націи.

Безъ сомнѣнія, часто могутъ возникать между сосѣдними народами споры объ опредѣленіи ихъ границъ; но это все суть вопросы факта, которые естественный законъ не долженъ регулировать. Морская территорія была уже опредѣлена; это есть море, омывающее берега на пространствѣ, куда можетъ достать самый дальній выстрѣлъ изъ пушки поставленной на землѣ, а также моря закрытыя, какъ онѣ были опредѣлены выше.

Территорія націи—священна и неприкосновенна; никакая другая нація не имѣетъ права вступать на нее съ оружіемъ или безъ оружія, не сдѣлавшись виновною въ тяжеломъ преступленіи противъ независимости народа, собственника этой территоріи. Изъ этого правила—существуетъ только

одно исключеніе, это—случай войны, и исключеніе это ограничивается именно территоріей принадлежащей непріятелю. Какова бы ни была «*необходимость*», воюющій неимѣетъ права проникать на территорію того государства, съ которымъ онъ не находится въ войнѣ.

Но корабль, составляетъ ли часть территоріи той націи, флагъ которой онъ носитъ? Таковъ вопросъ, который предстоитъ разрѣшить. По естественному закону, — утвердительное рѣшеніе не можетъ подлежать сомнѣнію. Конечно законъ этотъ положительнымъ образомъ не предусмотрѣлъ существованіе кораблей, ни даже самаго мореплаванія,— но указанія, которыя онъ намъ даетъ, хотя онѣ примѣняются спеціально и исключительно къ кораблю находящемуся въ океанѣ, а также и обычаи постоянные, и можно почти сказать инстинктивные, всѣхъ народовъ—достаточно доказываютъ его.

Море свободно и пользованіе имъ обще для всѣхъ людей, которыя могутъ на немъ плавать и въ дѣйствительности плаваютъ. Принципы эти—безусловны. Точно также безусловенъ принципъ тотъ, что нація можетъ распоряжаться и предписывать свои законы только на своей собственной территоріи. Корабль,—передъ выходомъ изъсвоего порта, подчиненъ юрисдикціи того государства, флагъ котораго онъ носитъ. Если же онъ не есть дѣйствительная и составная часть территоріи, то, лишь только онъ перейдетъ за предѣлы этой юрисдикціи,— находясь въ мѣстѣ свободномъ—онъ самъ дѣлается свободнымъ. Онъ не принадлежитъ болѣе ни къ какой націи, не подчиненъ болѣе никакому закону и не находится подъ покровительствомъ никакого народа; онъ покинутъ всѣми; экипажъ его образуетъ отнынѣ новое и независимое общество. Но лишь только онъ входитъ въ какой нибудь портъ, онъ подпадаетъ подъ иностранную юрисдикцію; онъ становится собственностью націи, которой принадлежитъ этотъ портъ, и которая, съ того времени, можетъ располагать имъ по своему усмотрѣнію; ибо въ моментъ его прибытія онъ не принадлежалъ ни къ какой націи; онъ принадлежалъ только своему экипажу.

Если принять эту систему, то надо подчиниться и всѣмъ ея послѣдствіямъ. Корабль, не составляя части территоріи своей страны, не долженъ быть управляемъ ея законами и не можетъ требовать ея покровительства; онъ не можетъ также дѣйствовать властію государя, который отнынѣ сталъ ему чуждъ. Съ этихъ поръ, военныя суда, сдѣлавшись также свободными и независимыми обществами, не могутъ болѣе вести войну въ силу приказаній государя, юрисдикціи котораго онѣ болѣе не подчинены; онѣ не могутъ нападать на корабль, который не составляетъ болѣе собственности непріятельскаго народа, который ему болѣе не принадлежитъ, который одинаково свободенъ и независимъ. Однимъ словомъ они не могутъ болѣе вести войну, потому что война будучи атрибутомъ верховной власти, не можетъ быть ведена иначе какъ подъ авторитетомъ верховной власти.

Если, наоборотъ, допустить принципъ, по моему мнѣнію столь вѣрный и положительный, что корабль въ морѣ и повсюду гдѣ онъ находится, — есть часть, оторванная отъ своей территоріи, то онъ остается подчиненнымъ законамъ своей страны, и охраняемымъ могуществомъ своего государя. Обязанный вести войну, — онъ исполняетъ полученныя имъ приказанія, овладѣваетъ плавающими частями непріятельской территоріи, пріобрѣтаетъ ихъ по праву завоеванія, нападаетъ на суда посланныя его противникомъ за океанъ, и—если можетъ—уничтожаетъ ихъ; однимъ словомъ, начальникъ, который командуетъ имъ, и люди которые составляютъ его экипажъ, не переставая находиться на территоріи своей страны—дѣйствуютъ какъ подданные своего государя.

На сколько возможно прослѣдить исторію мореплаванія въ древности—вездѣ встрѣчаемъ даже у наименѣе цивилизованныхъ народовъ *обычай*,—согласный съ этимъ принципомъ. Судно, выдолбленное при помощи огня изъ древеснаго ствола, и приводимое въ движеніе рогожными парусами, точно также какъ и великолѣпный пароходъ, (Steamer), chef d'oeuvre человѣческаго искуства, приводимый въ движеніе двойною силою огня и вѣтра—остаются подчиненными законамъ своей страны, которые слѣдуютъ за ними во всѣхъ ихъ плаваніяхъ и приво-

дятъ къ мѣсту отправленія; суда эти составляютъ часть территоріи ихъ страны. Всѣ безъ исключенія корабли, даже самые маленькіе,—экипажъ которыхъ состоитъ всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ,—подчинены одному начальнику, хозяину или капитану, — представителю болѣе или менѣе значительной части власти своего государя, обязанному требовать отъ людей, поставленныхъ подъ его команду, исполненія законовъ своей страны. Слѣдовательно, народные обычаи находятся въ полномъ согласіи съ указаніями и постановленіями естественнаго права, непосредственнымъ результатомъ котораго, безъ всякаго сомнѣнія, являются они сами.

Слѣдствія этого принципа вывести легко. Будетъ-ли корабль въ открытомъ морѣ или въ иностранномъ портѣ, онъ не перестаетъ составлять часть территоріи своего государя; слѣдовательно корабль неприкосновененъ. Никто не можетъ нанести какое-бы то ни было оскорбленіе независимости корабля, безъ риска сдѣлаться виновнымъ въ преступленіи противъ территорріи, т. е. въ самомъ тяжкомъ оскорбленіи, какое можетъ быть нанесено націи. Въ открытомъ морѣ, это слѣдствіе принципа—безусловно. Корабль также священенъ, (sacrè), какъ и континентальная территорія. Въ иностранныхъ портахъ, слѣдствіе это ограничено тѣми условіями, какія мѣстная верховная власть признаетъ нужнымъ поставить для допущенія корабля на свою морскую территорію. Условія эти составляютъ предметъ положительнаго права;—вообще же онѣ состоятъ въ томъ, что относительно всѣхъ сношеній съ этою страною, и со всѣми живущими въ ней, какъ туземцами, такъ и иностранцами, ставятъ корабль подъ юрисдикцію той страны, которой принадлежитъ портъ. Для всѣхъ же дѣлъ касающихся исключительно корабля и всѣхъ на немъ находящихся, или другихъ кораблей той же націи, — сохраняется отечественная юрисдикція. Корабль остается территоріальнымъ.

Таковы, по моему мнѣнію, указанія естественнаго права.

Территоріальность корабля была горячо оспориваема; ее отвергалъ тотъ народъ, который поддерживаетъ существованіе права *необходимости*. Гюбнеръ (Hubner), Рейневаль

(de Rayneval) и другіе писатели,—поддерживали ее, тогда какъ Азуни (Azuni) и Лампреди (Lampredi) энергично ее опровергали ([55]). Въ особенности развилъ свое мнѣніе этотъ послѣдній; но его аргументы не принадлежатъ къ числу такихъ, которые могли бы дать перевѣсъ его мнѣнію.

§ 11. *Убѣжище.*

(*L'asile*).

Одно изъ послѣдствій безусловнаго суверенитета націи надъ своей территоріей, есть то, что эта нація можетъ, по своему желанію, интересу или даже капризу, допустить или не допустить къ себѣ иностранцевъ, которые явятся съ намѣреніемъ вступить въ ея владѣнія; она можетъ предоставить это право однимъ и отказать другимъ, или предоставить его съ такими условіями, которыя заблагоразсудитъ выставить. Она совершенно свободна допустить въ свои порта купеческіе корабли для торговли, или наоборотъ,—держать ихъ въ отдаленіи отъ своихъ береговъ. Точно также и относительно военныхъ кораблей и корсаровъ: они могутъ быть допущены или нѣтъ; они могутъ быть допущены, но съ такими усло-

---

([55]) *Гюбнеръ* (*Hubner*), «*De la saisie des batiments neutres*»; и *Рейневаль* (*Rayneval*),—«De la liberté des mers»; *Азуни* (*Azuni*),—«Du droit maritime». «Что касается до другихъ лицъ, которыя могутъ находиться съ ними, то они не имѣютъ никакихъ другихъ законовъ для руководства какъ законовъ естественной справедливости и полиціи установленой ихъ верховною властью... Два корабля, которые встрѣчаются въ подобномъ обстоятельствѣ, похожи на двѣ кареты,—которыя очутились бы въ мѣстѣ пустынномъ и никѣмъ не занятомъ. Было бы очень странно, еслибъ одна изъ нихъ претендовала быть территоріей государства потому только, что носила бы его флагъ. Притязанія морской кареты не менѣе странны... Люди находящіеся на кораблѣ безъ сомнѣнія должны быть уважаемы... не потому что они находятся на территоріи,—но по естественному закону, который дѣлаетъ ихъ зависимыми только отъ ихъ собственнаго государя...» *Лампреди* (*Lampredi*) «Du commerce des neutres», § 10. Въ моемъ сочиненіи «Des droits et des dévoirs des peuples neutres», etc. я разсматриваю этотъ вопросъ подробно и поддерживаю территоріальность корабля. См. tit. VI ch. 1, sect., 1, t. 2, p. 8 и слѣд.

віями, какія націи угодно будетъ выставить. Обязанности человѣколюбія, правда, совѣтуютъ допускать корабли находящіеся въ опасности,—но, помимо того, что обязанности эти не безусловно обязательны, и народы немогутъ требовать исполненія этихъ обязанностей относительно себя,—нація, собственница порта, можетъ ограничиться доставленіемъ убѣжища по столько, по сколько это будетъ строго необходимо, чтобы избавить корабль отъ опасности, или подать ему самую необходимую помощь;—однимъ словомъ, нація есть полная хозяйка поступать по собственному своему усмотрѣнію.

Есть однако одно важное исключеніе, которое необходимо отмѣтить. Во время войны, мирный народъ долженъ оставаться безпристрастнымъ относительно обоихъ воюющихъ; если онъ принимаетъ купеческіе корабли одной стороны, то онъ долженъ дѣлать то же самое, и въ тѣхъ же размѣрахъ, и для другой. Онъ долженъ соблюдать равенство во всемъ что касается военныхъ кораблей и корсаровъ (арматоровъ) обѣихъ воюющихъ сторонъ. Это равенство примѣняется только къ убѣжищу, но не къ торговымъ дѣламъ, которыя всегда могутъ быть различны, смотря по волѣ того кто ихъ ведетъ. Условія, которыя верховная власть можетъ поставить для входа въ его порта—принадлежатъ къ области положительнаго права; къ естественному же закону относится право государя воспретить входъ, или дозволить его подъ тѣми условіями, какія онъ найдетъ для себя удобнымъ.

Убѣжище, слѣдовательно есть право собственника территоріи, но не иностранца, — который его проситъ. Между убѣжищемъ (l'asile) на морской территоріи—и убѣжищемъ на сушѣ есть весьма существенныя различія. Два изъ нихъ относятся даже къ примѣненію принциповъ естественнаго закона: первое касается только морей территоріальныхъ; второе — одинаково примѣняется какъ къ морямъ территоріальнымъ такъ и закрытымъ.

На сухопутной территоріи,—никто изъ иностранцевъ не мо-

*

жетъ на нее вступить безъ разрѣшенія верховной власти, хотя бы только для того, чтобы переѣхать черезъ территорію, не останавливаясь на ней; на морѣ, наоборотъ, существуетъ обычай, въ силу котораго всякій купеческій корабль и всякое военное судно, можетъ свободно проходить по иностранному территоріальному морю, будетъ-ли направляться къ портамъ государя этого моря, или идти по другому назначенію. Право это ему предоставляется подъ единственнымъ условіемъ,—не совершать никакого непріязненнаго дѣйствія противъ иностранцевъ, которыхъ онъ можетъ встрѣтить на этой *части* моря, принадлежащей другому народу, хотя-бы эти иностранцы были его враги. Всякое непріязненное дѣйствіе, совершенное на этомъ пространствѣ, подлежащемъ чужой юрисдикціи,— было бы тяжкимъ оскорбленіемъ націи—собственницѣ этого моря, ударомъ нанесеннымъ ея суверенитету, ея независимости; она имѣла бы, слѣдовательно, полное право захватить виновный корабль и наказать тѣхъ, которые на немъ находятся, въ случаѣ если бы она могла задержать его на своей территоріи. Она можетъ потопить или уничтожить его своей артиллеріею; она можетъ наконецъ просить и, силою оружія, требовать удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное ея территоріи. Это различіе, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ общей свободѣ моря, распространяющейся, правда, болѣе ограниченно, даже на ту часть океана, которая составляетъ частную собственность народа, — и слѣдовательно, — къ примѣненію естественнаго закона.

На сушѣ, когда иностранные солдаты, одиночно или цѣлыми полками, вооруженные явятся, съ намѣреніемъ проникнуть на территорію нейтральнаго народа, для того-ли чтобы скрыться отъ преслѣдованія непріятеля, или избѣжать какой нибудь другой опасности, — нейтральное государство можетъ отказать и не допустить ихъ къ себѣ; впрочемъ существуетъ обычай, по которому они допускаются, но немедленно обезоруживаются и задерживаются въ такихъ мѣстахъ, откуда они не могутъ уйти для поступленія снова въ военную службу, по крайней мѣрѣ въ теченіи текущей войны.

На морѣ, нейтральная нація можетъ допустить въ свои порта воюющіе военные корабли и корсаровъ, которые будутъ бѣжать отъ непріятеля или отъ какой нибудь другой опасности; она можетъ дозволить имъ покупать жизненные припасы и исправлять поврежденія, понесенныя какъ въ сраженіи, такъ и отъ бури, и она должна позволить имъ уйти, когда они пожелаютъ. Территоріальный государь не можетъ: ни подвергнуть ихъ обезоруженію, ни задержать ихъ въ своихъ портахъ противъ ихъ желанія.

Условія, какія могутъ быть выставлены военнымъ кораблямъ, желающимъ воспользоваться этимъ убѣжищемъ, — составляютъ предметъ права положительнаго; но само по себѣ *убѣжище* есть результатъ примѣненія принципа естественнаго права.

Большое число писателей, указывая на различіе между убѣжищемъ сухопутнымъ и убѣжищемъ морскимъ, старались найти причину и происхожденіе такого различія; одинъ только *Гюбнеръ* (*Hübner*) нашелъ его:—это территоріальное свойство корабля. Корабль есть частица земли той націи, флагъ которой онъ носитъ; нейтральное государство можетъ воспретить ему входъ въ его порта, оно можетъ,—пренебрегая обязанностями человѣколюбія,—обязанностями которыя не безусловны,—допустить его погибнуть; но оно не можетъ войти на его бортъ, оно не можетъ вступить на эту иностранную территорію, для того чтобы отобрать находящееся тамъ оружіе, или задержать его въ портѣ противъ желанія тѣхъ, которые на немъ находятся и которые являются представителями власти государя этой маленькой частицы территоріи.

§ III. Военная контрабанда и новая торговля.

Естественное право предписываетъ народу, желающему остаться спокойнымъ зрителемъ вспыхнувшей между двумя другими націями войны,—какъ первѣйшую обязанность—полное *воздержаніе* отъ всякаго прямаго или косвеннаго не-

пріязненнаго дѣйствія. Съ другой стороны тоже самое право требуетъ, чтобы народъ оставшійся нейтральнымъ,—не терпѣлъ никакихъ послѣдствій борьбы, которой онъ остался совершенно чуждымъ,—и чтобы онъ могъ продолжать свою торговлю съ другими народами и даже съ обѣими воюющими сторонами, лишь-бы только сама эта торговля не составляла вмѣшательства въ военныя дѣйствія. Если существуетъ такой родъ торговли, который можетъ составлять такое вмѣшательство въ непріязненныя дѣйствія,—то нейтральный долженъ будетъ воздержаться отъ нее. Очевидно, что обыкновенная торговля, продажа вещей первой необходимости, всякаго рода жизненныхъ припасовъ, сырыхъ или обработанныхъ матеріяловъ, годныхъ для приготовленія одежды, предметовъ роскоши, всякаго сорта металловъ не въ издѣліяхъ и пр.—не можетъ имѣть такого характера. Но продажа оружія, военныхъ запасовъ, всякаго рода инструментовъ приготовленныхъ для нападенія или защиты,—очевидно должна быть разсматриваема какъ дѣйствіе враждебное, по крайней мѣрѣ косвенное. Въ самомъ дѣлѣ, если воюющій старается пріобрѣсти себѣ эти предметы, безъ которыхъ ему было бы невозможно нападать или защищаться, то очевидно онъ чувствуетъ недостатокъ въ нихъ; снабдить его этимъ,—значитъ дать ему средства продолжать войну, значитъ вмѣшаться въ эту войну:—т. е. нарушить обязанность нейтралитета. По этому естественный законъ и та обязанность, которую онъ налагаетъ на нейтральнаго,—воспрещаютъ ему торговлю оружіемъ, военными запасами и военными инструментами; предметы эти составляютъ то, что принято называть: *предметами военной контрабанды*. Но этимъ и ограничивается обязанность налагаемая на нейтральнаго и ограниченіе поставляемое его торговой свободѣ. Онъ можетъ, поэтому, свободно торговать всѣми вообще остальными предметами полезными во время мира, хотя бы они могли служить также и для войны; всѣми такими предметами, которые для того чтобы сдѣлаться пригодными для военныхъ надобностей—должны быть преобразованы или переработаны человѣческимъ искуствомъ; всѣми такими, наконецъ, предметами,

которые не сдѣланы нарочно для исключительнаго употребленія при нападеніи или защитѣ. Таковы, по моему мнѣнію, предѣлы военной контрабанды по естественному закону, предѣлы,— которые не могутъ быть измѣнены положительнымъ закономъ безъ особаго согласія народовъ: эти послѣдніе, впрочемъ, могутъ согласиться ограничить свои права особыми трактатами, обязательными только для тѣхъ, кто ихъ подписалъ и въ продолженіи только того времени которое въ нихъ назначено.

За исключеніемъ ограниченія относящагося до оружія и другихъ предметовъ военной контрабанды,—торговля нейтральныхъ народовъ съ воюющими, остается, слѣдовательно, *безусловно свободною*, какъ она была во время самаго глубокаго мира. Изъ этого слѣдуетъ, что народы эти могутъ, не нарушая своихъ обязанностей и слѣдовательно не затрогивая никакихъ правъ воюющихъ, принять предложеніе сдѣланное одною изъ воюющихъ сторонъ о такой отрасли торговли, которая была запрещена имъ прежде, до начала непріязненныхъ дѣйствій, т. е. *новой торговли* (*commerce nouveau*). Они могли принять это предложеніе во время мира, равно какъ они могутъ принять его и во время войны, хотя бы дозволеніе это имѣло характеръ временной и ограниченный продолженіемъ военныхъ дѣйствій.

§ IV. Блокада.

(*Blocus*).

Вопросъ о морской блокадѣ, разсматриваемый съ точки зрѣнія естественнаго закона, не менѣе простъ чѣмъ предъидущій. Воюющій имѣетъ право вредить своему непріятелю всѣми прямыми средствами, находящимися въ его власти. Одно изъ этихъ средствъ, и даже можетъ быть наиболѣе дѣйствительное,—есть завоеваніе его территоріи. Вслѣдствіе завоеванія, новый владѣлецъ дѣлается государемъ (сувереномъ) завоеванныхъ мѣстъ; онъ держитъ ихъ подъ своею властью точно такъ же, какъ и свои собственныя государства; ему одному принадлежитъ юрисдикція и право изданія законовъ.

Онъ можетъ, слѣдовательно, воспретить всѣмъ иностранцамъ вступать на эту территорію, и запрещенію этому поставить такую санкцію, какую онъ признаетъ удобнымъ. Онъ можетъ даже наказывать смертію того, кто, нарушивъ его верховныя повелѣнія,—будетъ захваченъ на его территоріи. Однимъ словомъ его власть на завоеванной части такъ же обширна, такъ же полна, какъ и въ собственныхъ его государствахъ. Принципы эти неоспоримы.

Обложеніе, осада или блокада на сушѣ, блокада на морѣ—суть ничто иное какъ примѣненіе этихъ, столь простыхъ и ясныхъ, принциповъ. Чтобы сдѣлать обложеніе или осаду какого нибудь мѣста,—нападающій завладѣваетъ частью территоріи прилегающей къ этому мѣсту; онъ завоевываетъ ее и удерживаетъ въ своемъ владѣніи посредствомъ своихъ войскъ. Онъ запрещаетъ постороннимъ проходить черезъ эту часть своего государства въ осажденное мѣсто.

Тоже самое есть и блокада на морѣ; съ тою только разницею, что захваченная часть территоріи не сухопутная,—а морская. Воюющій располагаетъ свои корабли такъ, чтобы никакой иностранецъ не могъ проникнуть чрезъ захваченное мѣсто, не подвергнувшись огню его артиллеріи, и запрещаетъ всѣмъ иностраннымъ кораблямъ, подъ страхомъ быть потопленными или взятыми,—проходить чрезъ его новое морское владѣніе.

Но на морѣ,—какъ и на сушѣ,—если осаждающій или блокирующій покидаетъ свои позиціи, если онъ удаляется,—то теряетъ свое завоеваніе; онъ не имѣетъ болѣе никакого права юрисдикціи надъ мѣстами, которыя онъ болѣе не занимаетъ; онъ не можетъ издавать тамъ никакого закона, ни требовать его исполненія. Если это на сушѣ, то территорія возвращается своему прежнему государю; если это на морѣ,—то часть, которая была территоріальною,—одинаково возвращается своему прежнему государю, артиллерія котораго можетъ удерживать ее въ подчиненіи; свободная же часть снова дѣлается свободною. Всѣ иностранцы, которымъ нація, владѣлица мѣста или порта, захочетъ позволить, — могутъ войти туда свободно. При этомъ безраз-

лично, будетъ ли осада или блокада снята добровольно, или вслѣдствіе пораженія или иной причины, хотя бы даже по недостатку жизненныхъ припасовъ, или вслѣдствіе бури; точно также безразлично, имѣетъ ли атакующій намѣреніе возвратиться впослѣдствіи и снова возобновить нападеніе или нѣтъ. Блокада есть завоеваніе; это есть фактъ матеріальный; онъ существуетъ въ дѣйствительности, и если не существуетъ, то не можетъ быть и нарушенъ. Фактъ входа въ портъ, который *былъ* блокированъ, но съ котораго, въ моментъ входа, блокада уже снята, — не есть фактъ преступный и не можетъ подлежать наказанію. Къ тому же, слѣдуетъ замѣтить, что для того, чтобы подлежать наказаніямъ объявленнымъ побѣдителемъ за нарушеніе его повелѣній, — надо чтобы виновный былъ захваченъ на самой территоріи завоевателя, ибо послѣдній не имѣетъ права юрисдикціи за предѣлами своего завоеванія. Съ одной стороны находится портъ, принадлежащій другой націи; съ другой—свободное море, которое не подчинено никакому народу и на которомъ никто не можетъ проявлять свою власть или юрисдикцію. Поэтому *внѣ* завоеванной территоріи,—аттакующій не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой власти; онъ не можетъ подвергать тамъ наказанію.

Такимъ образомъ, по естественному праву,—блокада должна имѣть *дѣйствительное существованіе* и *нарушеніе блокады* можетъ быть наказуемо только тогда, когда виновный захваченъ на *мѣстѣ преступленія* (en flagrant délit) т. е. на территоріи оскорбленнаго государя.

§ V. Непріятельская собственность на нейтральныхъ корабляхъ.

Имѣетъ ли право воюющій захватить непріятельскую собственность находящуюся на нейтральномъ кораблѣ, встрѣченномъ имъ въ открытомъ морѣ? Вопросъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе спорныхъ вопросовъ морскаго

международнаго права. Я не думаю однако, что онъ можетъ представлять какую бы то нибыло трудность; примѣненіе изложенныхъ выше основныхъ началъ совершенно достаточно, чтобы отвѣтить на него отрицательно.

Море свободно; пользованіе имъ принадлежитъ всѣмъ людямъ;—націи независимы одна отъ другой; торговля—свободна; наконецъ корабль есть часть территоріи того народа, которой онъ принадлежитъ. Поэтому, каждая нація имѣетъ неоспоримое право посылать свои корабли въ порта другой націи, нагружать ихъ товарами этой послѣдней, и перевозить эти товары въ указанныя ей мѣста; однимъ словомъ, представлять изъ себя фактора, перевозчика этой націи, вести транспортную или, какъ ее называютъ, *экономическую торговлю* (commerce d'économie).

Во время мира—право это неоспоримо, оно даже безспорно, и этотъ родъ торговли очень выгоденъ для тѣхъ кто занимается имъ. Если только два народа взаимно согласились между собою,—никто не можетъ, ни прямо ни косвенно, воспротивиться выполненію этого коммерческаго договора.

Можетъ ли война ограничить право каждаго народа по этому пункту? Война, правда, даетъ воюющему новое право,—право наноситъ своему непріятелю вредъ, всѣми прямыми средствами, находящимися въ его власти, и слѣдовательно захватывать его собственность. Въ силу этого права онъ можетъ захватывать всѣ встрѣчаемые имъ непріятельскіе корабли. Но онъ не можетъ захватить ихъ безразлично, во всякомъ мѣстѣ; право его можетъ примѣняться только въ мѣстахъ, подлежащихъ его собственной власти, въ мѣстахъ принадлежащихъ его противнику и наконецъ въ мѣстахъ вполнѣ независимыхъ, которыя не признаютъ надъ собою никакой власти,—въ открытомъ морѣ ([56]).

([56]) «Jure belli adversùs hostem duntaxat utimur in nostro, hostis aut nullius territorio. In nostro, si hostem deprehendamus, nihil utique prohibet si sine libero commeatu ad nos pervenerit, hostiliter eum excipiamus. Ipsum hostis territorium ingredi, et ibi prædam agere, ratio belli permittit. In medio maris, ut pote nul-

Въ мѣстностяхъ, находящихся подъ властію нейтральнаго государя, воюющій долженъ уважать собственность даже своего врага, потому что его право ограничено высшею обязанностью,—уважать независимость нейтральнаго народа и его территорію.

Такимъ образомъ воюющему воспрещается нападать, преслѣдовать и даже наблюдать за непріятельскими кораблями въ портахъ и территоріальныхъ моряхъ нейтральнаго государства.

Территорія такого государства,—неприкосновенна; никакое непріязненное дѣйствіе не должно быть совершено на ней. Поэтому, если нельзя разыскивать непріятельскую собственность на нейтральной территоріи, даже на той части моря, которая находится подъ властію и юрисдикціею прибрежнаго государства и которая открыта для всѣхъ мореплавателей,—то тѣмъ болѣе такой розыскъ долженъ быть воспрещенъ на нейтральныхъ корабляхъ, на бортъ которыхъ никто посторонній не имѣетъ права войти. Корабль есть часть территоріи той націи, флагъ который онъ носитъ; поэтому онъ долженъ быть уважаемъ такъ же какъ и территорія сухопутная;—все что запрещено на одной—должно быть одинаково запрещено и на другой. Первая—такъ же неприкосновенна, какъ и вторая. Нельзя допустить, чтобы воюющій имѣлъ право входить въ нейтральные порта и гавани для того, чтобы разыскивать тамъ товары, или корабли, принадлежащіе его противнику; право это не можетъ быть даже заявлено, потому что сухопутная территорія всегда имѣетъ многочисленныя средства защиты.

Точно тоже должно быть относительно корабля, ибо онъ пользуется всѣми льготами и преимуществами, всѣми привиллегіями принадлежащими территоріи, часть которой онъ составляетъ.

Но, нагружаясь транспортомъ непріятельской собственно-

---

lius territorio, id ipsum licet. Sed in territorio utriusque amici, qui hostem agit, agit et adversùs principem qui ibi imperat, et omnem vim a quocumque factam, legibus cærcet.» *Bunkershoek* «*Qvaest. jur. publ.*», lib. I, cap. 8.

сти, нарушаетъ ли нейтральный свою обязанность до такой степени, чтобы воюющій былъ въ правѣ разсматривать его какъ союзника своего врага и обращаться съ нимъ какъ съ врагомъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно вспомнить въ чемъ заключаются обязанности, налагаемыя состояніемъ войны на мирные народы: *воздержаніе* отъ всякаго вмѣшательства въ военныя дѣйствія, и *безпристрастіе* во всемъ, что не имѣетъ никакого отношенія къ войнѣ.

Транспортная или экономическая торговля не нарушаетъ ни той ни другой изъ этихъ обязанностей; она не можетъ составлять непріязненнаго дѣйствія, если только она не ведется съ осажденнымъ, обложеннымъ или блокируемымъ портомъ. Она не есть также фактъ пристрастія, даже тогда, еслибы она велась только съ однимъ изъ воюющихъ, потому что обязанность безпристрастія, какъ я сказалъ, не налагаетъ обязательства вести съ обоими воюющими одинаковую торговлю, и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ. Занимаясь такою торговлею, какую онъ находитъ для себя удобною,—нейтральный не нарушаетъ тѣмъ ни одной изъ своихъ обязанностей; онъ не теряетъ своего качества нейтральнаго; онъ остается со всѣми своими правами и съ своею независимостью.

Будемъ ли разсматривать права и обязанности воюющаго, или права и обязанности народа мирнаго,—мы придемъ къ тому заключенію, что непріятельская собственность, нагруженная на нейтральномъ кораблѣ, не можетъ быть захвачена воюющимъ. Поэтому фразу, освященную обычаемъ: *флагъ покрываетъ грузъ* (*le pavillon couvre la marchandise*) слѣдуетъ разсматривать какъ точное положеніе постановленій естественнаго права.

§ VI. *Нейтральная собственность на непріятельскихъ корабляхъ.*

Народы оставшіеся во время войны мирными,—продолжаютъ пользоваться всѣми правами, которыя принадлежали имъ

во время мира, — подъ однимъ условіемъ: исполнять двѣ, налагаемыя на нихъ, обязанности.

Въ числѣ правъ,—общихъ для всѣхъ,—находится свобода торговли. Эта свобода продолжаетъ, слѣдовательно, существовать для всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя не противорѣчатъ обязанностямъ, налагаемымъ нейтралитетомъ.

Когда какой нибудь мирный народъ ввѣряетъ одной изъ воюющихъ сторонъ, транспортъ своихъ товаровъ, своей собственности,—то онъ совершаетъ торговое дѣйствіе дозволенное, въ самомъ себѣ законное, согласное съ его правами и непротивное его обязанностямъ; поэтому, воюющему противнику не должно быть дозволено смотрѣть на эти товары, въ дѣйствительности нейтральные, какъ на непріятельскіе и присвоивать ихъ себѣ въ случаѣ, еслибы ему удалось захватить корабль, на которомъ они находятся. Подобное поведеніе было бы противно обязанности воюющаго и уваженію, должному независимости нейтральнаго; оно было бы прямымъ непріязненнымъ дѣйствіемъ противъ мирнаго народа, который не долженъ испытывать на себѣ прямыхъ послѣдствій войны. Ибо, если конфискація этихъ нейтральныхъ товаровъ можетъ вредить воюющему, противнику взятеля, то не иначе какъ повредивъ прежде всего, и гораздо болѣе серьезнымъ образомъ,—мирному собственнику; поэтому такая конфискація составляла бы по отношенію къ противнику,—косвенное средство,—которое превышаетъ права воюющаго и нарушаетъ права нейтральнаго.

Нейтральная собственность, найденная на захваченномъ непріятельскомъ кораблѣ — должна быть, поэтому, возвращена своему собственнику. Изъ этого правила существуетъ только одно исключеніе, или вѣрнѣе одинъ случай, когда нейтральная собственность, нагруженная на непріятельскомъ кораблѣ можетъ быть конфискована: это— когда торговля нейтральнаго *незаконна*, когда она нарушаетъ обязанность воздержанія отъ непріязненныхъ дѣйствій, т. е. когда транспортируемые товары принадлежатъ къ числу такихъ, которые признаются *военною контрабандою*. Въ этомъ случаѣ, воюющій имѣетъ полное право воспротивиться такой

торговлѣ; но нейтральная собственность можетъ быть задержана и конфискована не потому что она находится на кораблѣ *непріятельскомъ*, но именно потому, что она такого рода, что торговля ею воспрещена нейтральному. Воспрещается *контрабандная торговля*, производимая посредствомъ непріятельскаго мореходства, но не употребленіе этого мореходства для торговли обыкновенной и дозволенной.

§ VII. Осмотръ, захватъ и взятіе нейтральныхъ кораблей, воюющими.

Естественное право провозглашаетъ основные принципы: безусловную независимость народовъ, свободу открытаго моря и общее для всѣхъ пользованіе имъ; но оно не можетъ предусмотрѣть всѣ подробности отношеній націй между собою; оно, въ особенности, остается нѣмо относительно способовъ исполненія.

Законъ положительный, долженъ,—я не скажу восполнить эти пропуски, ибо таковыхъ не существуетъ, но предусмотрѣть всѣ эти подробности и опредѣлить способъ, которымъ воюющіе и нейтральные могли бы осуществлять свои права относительно другъ друга. Когда пункты эти установлены народами посредствомъ правильныхъ конвенцій, согласно съ естественнымъ правомъ,—то конвенціи эти составляютъ необходимое и неизбѣжное дополненіе Божественнаго закона.

Воюющій имѣетъ право вредить своему непріятелю всѣми возможными прямыми средствами, и именно завладѣніемъ его кораблей и находящихся на нихъ, и принадлежащихъ ему, грузовъ; но воюющій обязанъ уважать независимость нейтральныхъ народовъ и дозволять ихъ судамъ свободно плавать по океану, для торговли даже съ ихъ врагомъ, лишь бы только эти суда не нарушали своихъ обязанностей нейтралитета, доставленіемъ оружія ихъ противнику.

Но какимъ образомъ воюющій можетъ узнать встрѣченный имъ въ морѣ корабль: дружественный ли онъ или непріятельскій? долженъ ли онъ уважать или атаковать его? и если

онъ узнаетъ, что встрѣченный корабль есть дружественный, — то какимъ образомъ удостовѣриться, что онъ не ведетъ себя какъ настоящій врагъ, дозволяя себѣ дѣйствія, признаваемыя враждебными?

Изобрѣтенъ, правда, знакъ, который можетъ указывать національность встрѣченнаго корабля, — флагъ; я не знаю, былъ ли онъ въ древнія времена болѣе уважаемъ, чѣмъ въ послѣдніе нѣсколько вѣковъ; но достовѣрно, что въ настоящее время и уже давно, знакъ этотъ часто бываетъ подложный; по отношенію къ купеческимъ судамъ—онъ не можетъ внушать ни какого довѣрія, и было бы желательно чтобы тотъ же упрекъ можно было бы не примѣнять къ военнымъ кораблямъ, всѣхъ народовъ.

Воюющій крейсеръ не можетъ слѣдовательно узнать: къ какой націи припадлежатъ встрѣченные имъ корабли; ему приходится или нападать на дружественные, или мирно пропускать, скрытые подъ нейтральными флагами, непріятельскіе корабли; слѣдовательно приходится: или отказаться отъ своего права или нарушить свою обязанность.

Но во всѣ времена, народы, какъ и отдѣльные индивидуумы, всегда предпочитали скорѣе нарушать свою обязанность, — чѣмъ отказаться отъ своего права. Чтобы помочь этому серьезному неудобству, положительный законъ изобрѣлъ *право*, предоставляемое крейсеру, *осматривать* (*visiter*) встрѣчаемые корабли, для того чтобы удостовѣриться: дѣйствительно ли они дружественные, или непріятельскіе, и кромѣ того еще, если они нейтральные и направляются къ берегамъ его противника, —то не нарушаютъ-ли своихъ обязанностей и не совершаютъ-ли они непріязненныхъ дѣйствій. Таково происхожденіе *права осмотра* (*droit de visite*) и такова его двойная цѣль.

Будучи установлено такимъ образомъ оно есть произведеніе положительнаго закона, но оно нисколько не противорѣчитъ закону естественному. Оно облегчаетъ пользованіе правами, и обезпечиваетъ исполненіе обязанностей двухъ заинтересованныхъ сторонъ. Но необходимо чтобы оно оставалось въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, иначе оно приняло бы харак-

теръ надзора или подчиненія, и составляло бы серьезное посягательство на независимость нейтральныхъ народовъ, неисполненіе обязанностей воюющаго, и слѣдовательно нарушеніе основныхъ принциповъ естественнаго морскаго международнаго права.

Если нейтральный корабль не исполняетъ своихъ обязанностей, налагаемыхъ международнымъ закономъ, если онъ совершаетъ непріязненныя дѣйствія противъ одного изъ воюющихъ,—то онъ, слѣдовательно, употребляетъ во зло свою естественную независимость, нарушаетъ законы своего собственнаго государя, которому одному онъ обязанъ повиновеніемъ, и который одинъ, имѣя надъ нимъ право юрисдикціи, можетъ наказать его за совершенное имъ нарушеніе народныхъ правъ. Поэтому, строго говоря, воюющій, для того чтобы получить удовлетвореніе за всякій совершенный нейтральными подданными проступокъ противъ обязанностей нейтралитета,—долженъ былъ бы обращаться къ его верховной власти, дабы она наказала того, который не только нарушилъ общіе законы, но и спеціальные законы своей страны. Этотъ, единственно правильный, путь представлялъ бы весьма серьезныя неудобства; прежде всего, нейтральный, конечно болѣе склонный поддерживать своихъ подданныхъ, даже тогда, когда они виноваты и когда они повиновались гораздо болѣе жаждѣ торговой наживы чѣмъ своимъ обязанностямъ,—могъ-бы, если бы онъ былъ могущественъ,—отказать въ удовлетвореніи, даже основательныхъ требованій воюющаго. Затѣмъ, и въ особенности, нація могущественная, находящаяся въ войнѣ, будучи обязана вступать въ переговоры о каждомъ нарушеніи съ болѣе слабымъ нейтральнымъ государствомъ, могла бы стараться давить на него и слѣдовательно наносить ударъ его независимости. Изъ этого столкновенія интересовъ, и въ особенности самолюбій, должно рождаться: или парализованіе правъ воюющихъ, если нейтральный могущественъ,—или притѣсненіе нейтральнаго, если онъ очень слабъ, или наконецъ распространеніе войны и на нейтральныхъ; такъ что всякая ссора между двумя на-

родами дѣлалась бы общею, и всякая война распространялась бы на всю вселенную.

Чтобы предотвратить эту опасность, каждый изъ заинтересованныхъ уступилъ часть своихъ правъ, и я долженъ констатировать, что эта мировая сдѣлка не была равная, такъ какъ воюющіе присвоили себѣ лучшую часть; нейтральный отклонилъ отъ себя отвѣтственность за дѣйствіе, совершенное его подданнымъ, оказавшимся виновнымъ въ нарушеніи обязанностей нейтралитета и въ предпочтеніи своихъ частныхъ выгодъ,—выгодамъ своей страны; онъ объявилъ, что оставляетъ виновнаго на произволъ оскорбленной націи и предоставляетъ его справедливому мщенію воюющаго, права котораго были нарушены. Воюющій, съ своей стороны, отказался отъ своего права обращаться ко всѣму народу, или къ государю виновнаго и взялся наказывать виновнаго непосредственно самъ. Изъ этого подразумѣваемаго соглашенія, которое нигдѣ формально не написано, но которое существуетъ повсюду, и признано всѣми народами—произошли: *захватъ*, (saisie) и *взятіе* (prise) нейтральныхъ кораблей: т. е. право завладѣть нейтральнымъ кораблемъ, пойманнымъ на мѣстѣ нарушенія обязанностей нейтралитета (en flagrant délit), каковымъ правомъ пользуется каждый воюющій.

Право это, въ томъ видѣ какъ я его только что описалъ. въ предѣлахъ опредѣленныхъ положительнымъ правомъ,—ни въ чемъ не противорѣчитъ естественному закону; оно даетъ, правда, воюющему такую власть, какой онъ не можетъ найти въ естественномъ законѣ; оно предоставляетъ воюющему родъ юрисдикціи надъ нейтральнымъ, который, нарушая свои обязанности, тѣмъ самымъ добровольно становится въ число его враговъ; но оно уменьшаетъ бѣдствія войны, даже по отношенію къ самимъ нейтральнымъ. Право это есть не столько *новое* право, какъ способъ пользованія правами существующими, въ силу принциповъ, которые должны управлять всѣми народами. Къ несчастью, могущественныя націи находясь въ войнѣ и далеко не согласуясь съ точными предписаніями закона,—источника права, заявляли притязаніе, что право это вытекаетъ изъ самой природы, и преуве-

личивали его до такой степени, что уступка дѣлаемая нейтральными для избѣжанія войны,—подвергала ихъ бѣдствіямъ гораздо большимъ и болѣе нестерпимымъ, чѣмъ даже тѣ, которыя являются результатомъ самой войны. Я буду говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ ниже.

Установивши принципы и сдѣлавши ихъ примѣненіе къ вопросамъ, которые считались, и до сихъ поръ еще считаются, спорными,—мнѣ будетъ легко, на будущее время, прослѣдить развитіе морскаго международнаго права въ каждый періодъ, доказать его успѣхи, его измѣненія, даже его ошибки.

Успѣхи были всегда тогда, когда положительный законъ приближался къ божественному закону; ошибки, напротивъ, существовали тогда, когда человѣческая политика уклонялась отъ этихъ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ истинъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію постепеннаго хода, которому слѣдовалъ положительный законъ,—необходимо констатировать очень важный фактъ. *Морское* международное право развивалось гораздо медленнѣе и гораздо труднѣе, чѣмъ право *сухопутное*, и въ то время,—какъ это послѣднѣе представляется достигшимъ уже той степени совершенства, какой только оно можетъ достигнуть,—первое все еще возбуждаетъ много вопросовъ, которые до сихъ поръ считаются весьма спорными, а нѣкоторые изъ нихъ—не смотря на громадную важность представляемую ими для всѣхъ морскихъ народовъ, даже едва затронуты. Причина такого различія заключается въ самой природѣ моря и суши.

Земля населена людьми, и если остаются какія нибудь части еще незаселенныя никѣмъ,—то онѣ становятся собственностью того, кто первый займетъ ихъ. Каждая населенная часть подчинена тѣмъ законамъ, которые верховная власть пожелаетъ установить; всѣ жители,—туземцы и иностранцы,—обязаны повиноваться главѣ народа и мѣстнымъ законамъ. Иностранецъ можетъ не приходить въ чужую страну, но если онъ туда вошелъ—онъ долженъ уважать ея учрежденія и подчиняться имъ: онъ дѣлается подданнымъ территоріаль-

наго государя. Націи, какъ націи, т. е. въ естественной ихъ независимости, не могутъ, поэтому, встрѣчаться на какой нибудь посторонней территоріи кромѣ какъ во время войны и на землѣ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Эта невозможность непосредственнаго соприкосновенія между народами независимыми и равными, но имѣющими различные нравы и учрежденія, часто противоположные интересы,—много упрощаетъ международное право сухопутное, предупреждаетъ большое число случаевъ столкновеній ипрепятствуетъ возникновенію самыхъ серьезныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ.

Море—свободно, пользованіе имъ принадлежитъ всѣмъ, и какъ бы оно ни было обширно,—народы занимающіеся мореплаваніемъ,—безпрестанно встрѣчаются на немъ; они встрѣчаются тамъ какъ *народы*, во всей ихъ естественной независимости, съ ихъ страстями, нравами и интересами. Тамъ нѣтъ никакого общаго главы, никакой власти которая могла бы поддержать однихъ и защитить другихъ. Воюющій крейсеруетъ на томъ пути, по которому долженъ проходить его непріятель, для того чтобы захватить его или сразиться съ нимъ; онъ встрѣчаетъ нейтральныхъ, болѣе или менѣе вѣрно выполняющихъ свои обязанности; онъ самъ, весьма часто увѣренный въ своей безнаказанности, позволяетъ себѣ поддаваться зависти, причиняемой ему благосостояніемъ тѣхъ, которыхъ онъ на дипломатическомъ языкѣ называетъ *своими друзьями*. Сколько должно возникнуть споровъ, недоразумѣній и вопросовъ,—и притомъ вопросовъ серьезныхъ и трудно разрѣшимыхъ, изъ постояннаго и неизбѣжнаго столкновенія націй!

Трудность эта, безъ сомнѣнія, была причиною медленности, съ которою развивалось морское международное право, а также и того, что большинство древнихъ писателей уклонялось отъ изученія этого права; но самая эта трудность дѣлаетъ изученіе этой части науки важнымъ и необходимымъ. Она даетъ этому изученію ту полезность, которая въ наши дни, не встрѣчается въ такой степени ни въ какой другой части народнаго права.

*

ЧАСТЬ II.

Морское Международное право. Законы у древнихъ.

(*Періодъ первый*).

ГЛАВА I.

МОРСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Нѣкоторые писатели утверждали, что международное право было неизвѣстно древнимъ; мнѣніе такое я считаю заблужденіемъ. Въ самые отдаленные вѣка, исторія указываетъ намъ на отправляемыя и принимаемыя посольства, на мирные или союзные трактаты, заключаемые между государями, словомъ сказать, на болѣе или менѣе частыя сношенія между націями. Начиная съ тѣхъ эпохъ, существовали нѣкоторыя извѣстныя правила, которыми регулировались эти сношенія. Такъ, лицо облеченное званіемъ посланнаго своей страны, было окружено особыми гарантіями. Трактатъ считался обязательнымъ, и нарушитель данной клятвы предавался адскимъ богамъ. Такимъ образомъ международное право существовало, но его простыя и немногочисленныя постановленія находились въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми сношеніями, которыя оно должно было регулировать.

Было бы любопытно знать соблюдавшіеся тогда международные принципы, но они не дошли до насъ; сочиненіе Аристотеля о правахъ войны и о Герольдскомъ законѣ (loi feciale), могущее бросить большой свѣтъ на эту часть исторіи народовъ,—совершенно затеряно.

У Грековъ одно и тоже слово, безъ сомнѣнія, служило для обозначенія иностранцевъ и враговъ. Однако, тѣже греки раздѣляли иностранцевъ на двѣ категоріи: на тѣхъ съ которыми они были связаны какими нибудь сношеніями, съ которыми они дѣлали общія возліянія богамъ (Ενσπονδοι) и на тѣхъ,—которые были имъ совершенно чужды и съ которыми Ενσπονδοι не имѣли никакой связи ([57]).

Эти послѣдніе въ дѣйствительности разсматривались какъ враги, и если случай выбрасывалъ ихъ на берега страны наиболѣе цивилизованной изъ всего извѣстнаго тогда мира, то ихъ безжалостно обращали въ рабство. Это были, безъ сомнѣнія, тѣ о которыхъ Аристотель сказалъ, что они самою природою предназначены быть рабами Грековъ ([58]).

Съ первыми же обращались совершенно иначе: съ ними поддерживали болѣе или менѣе частыя сношенія союзныя или торговыя; ихъ принимали человѣколюбиво.

Правила эти, и историческіе факты бывшіе результатомъ ихъ—безъ сомнѣнія, были варварскія, но они доказываютъ, что Греки имѣли нѣкоторыя понятія о международномъ правѣ, которое примѣнялось единственно къ народамъ, съ которыми они имѣли дружескія сношенія. Амфиктіонскій союзъ, несмотря на то что былъ собраніемъ гораздо болѣе религіознымъ чѣмъ политическимъ, служитъ положительнымъ доказательствомъ только что сказаннаго мною.

Почти тоже самое было у Римлянъ. Тамъ иностранцы также раздѣлялись на двѣ категоріи: на тѣхъ, съ которыми существовали какія нибудь сношенія дружескія, союзныя или торговыя,—и на варваровъ, на которыхъ всегда смотрѣли

([57]) См. *Уитонъ* (*Wheaton*) «*Histoire du progrès du droit des gens en Europe depuis la paix de Westphalie*» p. 1.

([58]) *Aristote politique*, lib. 1, cap. 8; (Wheaton), ubi supra.

какъ на враговъ, и съ которыми почти всегда поступали какъ съ врагами, которыхъ тотчасъ обращали въ рабство лишь только они попадали въ руки гражданъ. Но сношенія, которыя существовали между республикой и иностранцами, даже съ врагами, въ то время когда война приходила къ концу,— были всегда регулированы извѣстными принципами, которые составляли международный законъ той эпохи. *Коллегія священныхъ герольдовъ* (Collége des féciaux) правда не была обязана сохранять и примѣнять постановленія международнаго права, какъ мы понимаемъ это въ настоящее время; ея назначеніе было только сохранять и поддерживать особые обычаи Римскаго народа, когда дѣло шло о переговорахъ съ иностранцами,— но это учрежденіе съ очевидностью доказываетъ, что у Римлянъ существовали положительныя понятія объ этомъ правѣ.

Вотъ все что мы можемъ сказать о законѣ, отъ котораго не осталось никакого памятника. Онъ существовалъ и, безъ сомнѣнія, находился въ соотвѣтствіи съ тѣми сношеніями, которыя онъ долженъ былъ регулировать; законъ этотъ развивался бы вмѣстѣ съ ними, если бы не случился очень важный фактъ,который остановилъ развитіе международныхъ сношеній.

Громадное развитіе Римскаго владычества, которое распространилось на самую большую часть извѣстнаго тогда міра,— сдѣлало ненужнымъ всякія сношенія между независимыми народами, а слѣдовательно и международное право: всѣ націи того міра, были подчинены Имперіи: или какъ ея подданные, или,—что было почти одно и тоже,—какъ *союзники* (alliés), или считались варварами. Первые управлялись внутренними законами Имперіи, часть которой они составляли; они не имѣли никакихъ другихъ сношеній, кромѣ тѣхъ, какія могутъ существовать между двумя провинціями одного и того же государства; послѣдніе—были поставлены внѣ всякихъ законовъ человѣколюбія. Такимъ образомъ существовала только одна нація, слѣдовательно о международномъ правѣ не могло быть и рѣчи.

Впродолженіи всего Римскаго могущества, изученіе этого права было въ большомъ пренебреженіи, даже быть можетъ въ совершенномъ забвеніи.

Было безполезно заниматься такими отношеніями, которыхъ не существовало въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, въ то время какъ нѣкоторыя семейства патриціевъ этой всемірной столицы, посвящали себя почти исключительно изученію и усовершенствованію законовъ гражданскихъ и внутреннихъ, и на этомъ изученіи основывали свое политическое могущество,— законы *внѣшніе* были преданы нѣкотораго рода забвенію.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые неоспоримые факты заставляютъ меня думать, что морское международное право не было вполнѣ неизвѣстно.

Начиная съ самой глубокой древности, Финикіяне распространили свое торговое мореплаваніе почти по всему Средиземному морю; Грецiя, Сицилія, Сардинія, Галлія и даже Испанія были посѣщаемы ими. Для этихъ неустрашимыхъ торговцевъ не существовало варварскихъ народовъ. Они не только знали эти отдаленные берега, но вели тамъ торговлю и даже учреждали конторы и колоніи. По мѣрѣ того какъ цивилизація развивалась,—торговцы все далѣе распространяли свое мореплаваніе. Они всегда предшествовали римскимъ завоевателямъ; міръ былъ болѣе обширенъ и болѣе пространенъ для нихъ, чѣмъ для Императоровъ. Мнѣ кажется, не возможно допустить, что сношенія Тирійцевъ, а за тѣмъ и тѣхъ націй которыя подражали имъ въ мореплаваніи,—съ народами жившими на отдаленныхъ берегахъ, посѣщаемыхъ ими,—могли существовать безъ какого нибудь точнаго договора, безъ какого нибудь закона, для ихъ регулированія. Въ то время когда вездѣ на иностранца смотрѣли какъ на врага и обращали его въ рабство,—какимъ образомъ торговецъ могъ безнаказанно проникать въ страну, закрытую для всѣхъ? Какъ онъ могъ находить безопасность не только для себя, но и для своего груза, необходимо состоявшаго изъ такихъ предметовъ, которые могли возбуждать зависть дикихъ покупателей? Необходимо слѣдуетъ допустить существованіе какихъ нибудь договоровъ или соглашеній между мореплавателями и жителями посѣщаемыхъ ими странъ, ибо, въ эти отдаленныя времена, торговецъ появлялся на кораблѣ далеко не въ такомъ состояніи какъ теперь,

чтобы можно было не страшиться ярости дикихъ; онъ не имѣлъ тѣхъ средствъ къ нападенію, защитѣ, даже къ бѣгству— какія имѣемъ мы. Плавая около береговъ и не имѣя возможности удалиться отъ нихъ,—онъ почти всегда долженъ былъ зимовать въ отдаленныхъ странахъ, и слѣдовательно долженъ былъ вытаскивать свое судно на берегъ для предохраненія его отъ крушенія; онъ и его товары, въ дѣйствительности, находились во власти туземныхъ жителей. Нельзя допустить, чтобы между ними не существовало какого нибудь предварительнаго договора, который служилъ бы гарантіей для чужестранца противъ насилій со стороны туземцевъ.

Безъ сомнѣнія несуществовало такихъ формальныхъ трактатовъ, какіе мы знаемъ,—но тѣмъ не менѣе какой нибудь договоръ существовалъ. Я не колеблюсь думать, что этотъ договоръ или это соглашеніе, характеръ котораго намъ неизвѣстенъ, было ничто другое какъ собраніе важнѣйшихъ постановленій естественнаго права, которое управляло, такимъ образомъ, первыми сношеніями между мореплавателями и народами менѣе цивилизованными.

Двойной инстинктъ: самосовершенствованія и общежительности,--сдѣлался первымъ основнымъ началомъ этихъ сношеній, которыя, я долженъ замѣтить, не были въ сущности международныя, потому что, со стороны по крайней мѣрѣ мореплавателей, онѣ велись не отъ имени всего общества или народа, а отдѣльными гражданами. Однако, опредѣленныя правила, безъ сомнѣнія, должны были распространяться на прочихъ гражданъ и сдѣлались такимъ образомъ въ дѣйствительности международными, не имѣя оффиціальнаго характера.

Безъ сомнѣнія, эти предположенія могутъ быть опровергнуты другими; но я основываю ихъ на томъ, что случается еще и въ настоящее время видѣть въ сношеніяхъ между народами цивилизованными, и находящимися въ состояніи близкомъ къ варварству; я основываю ихъ на томъ, что я наблюдалъ въ торговлѣ между Европейцами и жителями Гвинеи и Сахары. Желаніе пріобрѣсти нѣкоторыя произведенія нашей промышленности, — смягчаетъ свирѣпость этихъ дикихъ людей; они вступаютъ съ торгов-

цами въ сношенія. Сношенія эти увеличиваются и дѣлаются правильными, безъ всякихъ другихъ законовъ, кромѣ закона естественнаго.

Развитіе этихъ сношеній было бы гораздо быстрѣе, еслибы цивилизованный человѣкъ весьма часто своимъ вѣроломствомъ и недобросовѣстностію не вызывалъ бы лукавства, плутовства, а иногда даже и жестокости со стороны своего дикаго контрагента. Но, какъ бы то нибыло, существовали сношенія, опредѣлявшіяся иногда правительствами, и слѣдовательно *международныя*. Чаще всего сношенія эти не имѣли никакого оффиціальнаго характера, и были установлены только заинтересованными сторонами, но тѣмъ неменѣе, отношенія эти касались народнаго права.

Изъ числа мореплавателей древности, Тиръ долгое время сохранялъ за собою родъ первенства; острова Эгинскіе, Критскіе и Родосскіе, Греція, Карѳагенъ и наконецъ Римъ, или вѣрнѣе римскіе подданные,—послѣдовательно появлялись на этой сценѣ и поочередно занимали на ней первую роль. Однако, какъ я уже замѣтилъ, ни одна изъ этихъ націй не заявляла притязаній на исключительное господство надъ моремъ, какъ думали нѣкоторые писатели (59). Превосходство существовало фактическое, выражавшееся въ числѣ кораблей, и благосостояніи торговли; но никогда не было вопроса о томъ, чтобы подчинить Средиземное море подъ скипетръ одного какого нибудь народа. Всѣ эти націи плавали свободно и вмѣстѣ; можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли даже чрезмѣрную власть одновременно на разныхъ частяхъ извѣстнаго тогда моря, или на берегахъ, посѣщаемыхъ ими предпочтительнѣе передъ другими. Наконецъ Римъ, сдѣлалъ изъ Средиземнаго моря родъ внутренняго моря, овладѣвъ всѣмъ прибрежьемъ которое его окружаетъ.

Мореплаватели различныхъ націй должны были часто встрѣ-

---

(59) *Азуни* (*Azuni*) посвятилъ 2 часть 1-й главы своего сочиненія «Du droit maritime de l'Europe» перечисленію и очерку исторіи древнихъ народовъ, которые, по его мнѣнію, заявляли притязанія на господство надъ моремъ. См. опроверженіе этого мнѣнія выше, часть I, глава 2, отдѣлъ 1.

чаться въ морѣ; въ ту эпоху, въ особенности, когда плавали вдоль береговъ, никогда не теряя ихъ изъ виду—было невозможно чтобы корабли не встрѣчались во время своего плаванія. Съ другой стороны, они часто должны были находиться вмѣстѣ въ тѣхъ же самыхъ иностранныхъ портахъ, которые они посѣщали для своей торговли, и въ которыхъ должны были зимовать, такъ какъ они могли оставаться въ морѣ только во время хорошаго времени года. Такимъ образомъ между народами существовали многочисленныя сношенія. Какими же законами были опредѣлены эти сношенія? Исторія и тѣ краткіе отрывки внутреннихъ морскихъ законовъ, которые дошли до насъ,—не могутъ помочь намъ разрѣшить этотъ столь важный для занимаемаго меня предмета,—вопросъ. Безъ сомнѣнія, въ ту эпоху, когда интересы,—менѣе сложные чѣмъ теперь—не затемняли еще природныхъ понятій человѣка,—справедливость, т. е. естественный законъ служилъ общимъ правиломъ для сношеній между гражданами различныхъ націй. Въ этомъ отношеніи можно высказать неиначе, какъ болѣе или менѣе смѣлое предположеніе.

Вмѣстѣ съ торговлею, рождались зависть и торговое соперничество, которое прибавило къ прежде существовавшимъ, новые поводы къ войнѣ. Море дѣлалось часто театромъ кровавыхъ битвъ. Нельзя сомнѣваться, что самыя древнѣйшія націи имѣли корабли вооруженные по военному, и даже спеціально построенные и снаряженные для войны. Всѣ народы,—занимавшіеся мореплаваніемъ,—занимались и пиратствомъ, которое,—мы должны это констатировать,—далеко не возбуждало такого отвращенія, какъ въ настоящее время. Это было ремесло даже почетное, потому что какъ справедливо замѣчаетъ Азуни (Azuni) (60) въ эти отдаленныя времена, сила и смѣлость пріобрѣтали себѣ удивленіе людей(61). Первыя вооруженныя суда, безъ сомнѣнія, имѣли своею цѣлью

(60) «Droit maritime de l'Europe», t. I, ch. I., art. 1 § 1.

(61) «Latrocinium maris, illis temporibus gloriæ habebatur», *Justinus*, «Histor.» lib. XLIII, cap. 3. «Non enim ignominium habebatur hoc genus, sed gloriæ potius et honori erat» *Thucydides*, «*De Antiq. Græc*», lib. 1.

пиратство; вторыя,—защиту торговцевъ отъ этого промысла, который мы справедливо называемъ разбойничествомъ. Но эти силы не долго сохраняли свою похвальную цѣль; вскорѣ ихъ начали употреблять какъ орудія честолюбія; онѣ сдѣлались средствами ожесточенныхъ войнъ, которыя обагрили моря кровью.

Въ эти времена, корабли предназначавшіеся для войны, были гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ настоящее время, сравнительно съ дѣйствительными морскими силами государствъ. Ксерксъ напалъ на Грецію съ 1200 военными, или вооруженными для войны кораблями (62). Греки, у которыхъ было только 300 кораблей, одержали знаменитую Саламинскую побѣду.

У Карѳагенянъ военный флотъ былъ также въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ у современныхъ народовъ. Первый флотъ Римскій—былъ вполнѣ военный, и долго сохранялъ этотъ спеціальный характеръ. Его главною, даже единственною, цѣлью было сражаться съ Карѳагенянами.

Однако, какая же была судьба тѣхъ націй, которыя во время непріязненныхъ дѣйствій, оставаясь чуждыми и непричастными возникшей между двумя или многими морскими народами распрѣ,—хотѣли сохранить миръ и свою независимость? Какъ должны были вести себя тѣ, которыхъ мы въ настоящее время называемъ *нейтральными*? Полный міракъ покрываетъ эти вопросы. Исторія даетъ намъ повѣствованіе о большомъ числѣ морскихъ войнъ, но она не занимается тѣми народами, которые оставались мирными зрителями борьбы; по этому вопросу молчаніе исторіи безусловно. Изъ этого молчанія слѣдуетъ заключить, что, или не существовало тогда вовсе нейтралитета, или,—если нейтралитетъ и существовалъ, то онъ былъ уважаемъ воюющими.

Неоспоримо, только то, что во всѣхъ войнахъ, какъ тогда,

---

(62) *Геродотъ* (*Hérodote*) дѣлаетъ перечисленіе Ксерксова флота и доводитъ его до 1200 военныхъ парусовъ, не считая транспортовъ. Можетъ быть Греческій историкъ много преувеличиваетъ, но мнѣніе его во всякомъ случаѣ доказываетъ, что флотъ Персовъ былъ очень многочисленъ.

такъ и теперь,— были народы, которые не принимали участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, т. е. нейтральные; но продолжали ли они поддерживать свои морскія сношенія между собою и съ воюющими, и пользоваться полною своею независимостью? Однимъ словомъ, существовалъ ли тогда нейтралитетъ?

Мнѣ кажется доказаннымъ, что во всѣ времена существовали нейтральные и нейтралитетъ. Но какими законами онъ регулировался? Здѣсь встрѣчается тотъ мракъ, о которомъ я только что сказалъ. Въ отдаленные вѣка, воюющіе, какъ и въ настоящее время, могли забывать права другихъ народовъ, пренебрегать ими, попирать ихъ ногами; но тогда, какъ и теперь, нейтральные должны были употреблять всѣ усилія, чтобы удержать эти права; они должны были возвышать голосъ, и даже прибѣгать къ оружію, чтобы защитить ихъ.

Исторія не указываетъ ни одной войны, предпринятой для защиты морскихъ правъ. Она не говоритъ даже ни объ одной несправедливости, совершенной относительно мирныхъ народовъ, ни о какомъ протестѣ, исходившемъ отъ этихъ народовъ; она даже вовсе не упоминаетъ о тѣхъ націяхъ, которые оставались безпристрастными зрительницами войны. Никакой международный законъ, никакая конвенція относящаяся къ этому важному предмету, не дошли до насъ: можно сказать, что ихъ не существовало, ибо невозможно допустить, чтобы столь интересные акты не оставили никакого слѣда, чтобы о нихъ не упоминали ни историки, ни философы, ни поэты.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія приводитъ намъ акты гораздо менѣе важные: мы знаемъ трактатъ заключенный между Греками и Персами послѣ Саламинскаго сраженія, воспрещавшій побѣжденнымъ плавать вдоль береговъ Памфиліи; трактатъ положившій конецъ первой Пунической войнѣ, и которымъ Римляне ограничили плаваніе ихъ соперниковъ и опредѣлили число вооруженныхъ кораблей, которые Карѳагенъ могъ имѣть.

Было бы легко привести много другихъ ссылокъ, но онѣ безполезны; всѣ дошедшіе до насъ трактаты имѣли единственное назначеніе скрѣплять военные союзы, положить конецъ не-

пріязненнымъ дѣйствіямъ, заключать перемирія и т. п. ([63]). Но не существуетъ ни одного, которой занимался бы нейтралитетомъ или другими частями международнаго права. Подобное молчаніе народныхъ актовъ, въ связи съ молчаніемъ исторіи, по моему мнѣнію, доказываетъ что слѣдуетъ принять вторую гипотезу и сказать что у древнихъ, указанія естественнаго права были еще достаточно живы, чтобы регулировать поведеніе народовъ, и что націи соблюдали постановленія этого закона; что слѣдовательно права нейтралитета были уважаемы воюющими, и обязанности этого состоянія исполнялись нейтральными.

Противъ моего мнѣнія можно сдѣлать возраженіе, серьезность котораго я не скрываю. У Греческихъ народовъ, правда, изученіе законовъ никогда не считалось почетнымъ; изъ этого вытекало, что изученіе это всегда находилось въ полномъ пренебреженіи, и законовѣдѣніе никогда не было возведено на степень науки.

Совершенно иначе было у Римлянъ;—изученіе это было окружено высокимъ уваженіемъ. Многія семейства патриціевъ съ жаромъ предавались этому изученію,—источнику почестей и богатствъ. Работы ихъ подняли внутренніе законы Рима на такую высокую степень совершенства, что даже въ настоящее время они служатъ основаніемъ большинства современныхъ законодательствъ. Какъ же можно допустить, чтобы этотъ народъ пренебрегъ и не позаботился записать въ какихъ нибудь сочиненіяхъ—предписанія естественнаго закона, которыя онъ примѣнялъ къ нейтральнымъ націямъ, когда онъ находился въ войнѣ; права,—исполненія которыхъ онъ требовалъ, когда находился въ мирномъ состояніи, что случалось, правда, очень рѣдко.

Это возраженіе очень важно, но оно можетъ быть примѣнено и ко всякому другому рѣшенію этого вопроса, потому что Римляне ничего не оставили намъ по этому важному предмету, но несомнѣнно однако то, что во время войнъ

([63]) *Барбейракъ* (*Barbeyrac*) «Suppl. au corps diplomatique de Dumont», t. 1, part 1., приводитъ текстъ 518 трактатовъ дохристіанской эры.

предпринимаемыхъ ими, часто были народы нейтральные. Единственная, обязанная заботиться о всѣхъ сношеніяхъ республики съ иностранными народами Коллегія Священныхъ герольдовъ (*féciaux*)—безъ сомнѣнія хотѣла сохранить въ тайнѣ основанія этихъ сношеній, такъ что самая эта таинственность могла способствовать къ потерѣ преданій.

Небольшое число трактатовъ заключенныхъ Римлянами и дошедшихъ до насъ, хотя и относящихся къ различнымъ предметамъ, является какъ-бы подкрѣпленіемъ моего мнѣнія и доказываетъ, что у этого народа существовали если не очень обширныя, то по крайней мѣрѣ точныя понятія о международномъ правѣ, и что сношенія существовавшія между націями были основаны на обычаяхъ, согласныхъ съ естественнымъ правомъ. Безъ сомнѣнія это знакомство съ естественнымъ правомъ никогда не служило препятствіемъ къ несправедливымъ и тираническимъ дѣйствіямъ, которыми Римъ подавлялъ вселенную для удовлетворенія своего честолюбія,— но оно существовало, въ этомъ нельзя сомнѣваться, и самая мудрость гражданскихъ ихъ законовъ служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ, ибо мудрость человѣческихъ учрежденій состоитъ единственно въ ихъ согласіи съ предписаніями закона Божественнаго или естественнаго.

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННІЕ МОРСКІЕ ЗАКОНЫ.

Въ началѣ этого труда я установилъ тотъ принципъ, что внутренніе законы народовъ не имѣли и не могли имѣть никакого международнаго значенія: однако очень важно знать эти законы, потому что они могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на сношенія государствъ.

Съ самаго начала происхожденія морской торговли и мореплаванія, между торговцами установились извѣстные обычаи, которые регулировали ихъ взаимныя сношенія. Эти обычаи, основанные, безъ всякаго сомнѣнія, на естественной справедливости, ибо они должны были приниматься обѣими, одинаково свободными и независимыми одна отъ другой сторонами,— долгое время оставались въ видѣ преданій, передававшихся изъ рода въ родъ, и нигдѣ не записанныхъ.

Верховная власть не вмѣшивалась въ этотъ родъ законодательства, которое постоянно улучшалось, потому что каждый мореплаватель старался усвоить себѣ то, что онъ открывалъ хорошаго и полезнаго въ посѣщаемыхъ имъ странахъ ([64]).

Первыя морскія преданія должны были придти изъ Индіи въ Средиземное море, куда онѣ были принесены Арабами и

([64]) *Пардессю* (*Pardessus*) «Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle» introd., 1-er vol., p. 5.

сообщены финикіанамъ. Эти послѣдніе распространили ихъ по всему бассейну этого моря, этой морской вселенной древнихъ.

Торговля развивалась все болѣе и болѣе; мореплаваніе, хотя и считавшееся государственною тайною,—съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе популяризировались у Грековъ; вслѣдствіе этого, обычаи стали утверждаться на письмѣ; но нигдѣ не видно чтобы законодатели, собственно говоря, главы государствъ, вмѣшивались въ ихъ редакцію. Авторами ихъ были граждане, заинтересованные въ торговлѣ, сами мореплаватели знавшіе слѣдовательно, по личному опыту, нужды торговли и мореплаванія,—или быть можетъ особые чиновники обязанные отправлять правосудіе надъ торговцами.

Древніе морскіе законы Индійскіе намъ неизвѣстны; однако въ законодательствѣ *Мену (Мепи)* ([65]) находимъ нѣкоторыя постановленія относящіяся къ мореплаванію и именно къ найму кораблей подъ фрахтъ ([66]).

Законы: Арабскіе и первыхъ народовъ плававшихъ по Средиземному морю, даже Финикіанъ—были уничтожены; намъ не осталось никакого отрывка. Эти послѣдніе законы, безъ сомнѣнія, могли находиться въ законахъ Карѳагена; но время, и въ особенности ненависть Рима, уничтожили всѣ слѣды обычаевъ этого древняго и несчастнаго его соперника. Если вѣрить греческимъ историкамъ,—Финикійское законодательство принимало величайшія предосторожности, чтобы секреты мореплаванія не были извѣстны иностранцамъ. Римляне дѣлали тотъ же упрекъ законамъ Карѳагена.

Родоссъ долгое время былъ морской державой. Мудрость его законодательства удивляла всѣ народы; оно совершенно потеряно для насъ, кромѣ одного отрывка, который былъ включенъ въ Римскіе законы. Но возможно ли думать чтобы

([65]) См. «*Inst. of Hindu law, by Will James*» ch. 8, art. 156 и 157.

([66]) *Пардессю* (*Pardessus*) въ приведенномъ выше сочиненіи, полагаетъ, что мѣсто, о которомъ я говорю, относится къ бодмереѣ;—одинъ изъ моихъ друзей столь же глубоко ученый какъ и скромный, графъ де Лабордъ (de Laborde) приписываетъ его фрахтованію. Я раздѣляю это послѣднее мнѣніе.

этотъ отрывокъ не былъ измѣненъ, или и совсѣмъ искаженъ римскими юрисконсультами ([67])?

Что касается до компиляціи сдѣланной позднѣйшими Греками и выдаваемой подъ названіемъ *Родосскаго Морскаго права*, то она не заслуживаетъ довѣрія. Это трудъ новый и совсѣмъ чуждый тому происхожденію, которое хотятъ ему приписать ([68]). Слѣдуетъ также замѣтить, что эти постановленія противорѣчатъ тѣмъ, которыя помѣщены въ *Дигестѣ* (*Digeste*) подъ названіемъ *Родосскихъ законовъ*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что это, столь хваленое законодательство, было заимствованно отъ Арабовъ и Финикіанъ, можетъ быть даже у Критянъ, и усовершенствованно тѣми, кто его издавалъ.

Единственные, извѣстный намъ морскіе законы древней Греціи—суть законы *Аѳинскіе*. Нужно ли опять говорить, что мы не имѣемъ самаго текста; но собирая отрывки, разбросанные въ рѣчахъ ораторовъ и въ особенности въ рѣчахъ *Демосѳена*,—можно составить одно цѣлое, достаточное чтобы дать намъ общее понятіе объ этихъ законахъ. По всему вѣроятію, законы эти, за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій, вызванныхъ мѣстными обычаями, были тѣже какъ и Родосскіе; законодательство представляется достаточно полнымъ. Такъ, мы находимъ постановленія относящіеся до корсарства (course maritime) и призовъ; къ сожалѣнію, отрывки дошедшіе до насъ по этимъ двумъ пунктамъ,—слишкомъ не существенны чтобы дать намъ возможность оцѣнить всю систему. Замѣчу что въ нихъ говорится только о призахъ взятыхъ отъ непріятеля, и ничего не говориться о призахъ, которые могли быть взяты отъ мирныхъ народовъ. Репризы разсматривались въ Аѳинахъ почти также, какъ и въ настоящее время въ Европѣ. Существовалъ особый спеціальный судъ для скораго разбирательства морскихъ споровъ. Судьи избирались народомъ на одинъ годъ. Сессія (Ναυτοδίκαι) продолжалась въ теченіи 6 зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. во время прекращенія навигаціи. Дѣло въ одной инстанціи не могло

([67]) См. *Пардессю* (*Pardessus*), introd. 1-er vol. p. 81.
([68]) См. *Пардессю* (*Pardessus*), ubi sup.

продолжаться болѣе одного мѣсяца. Иностранцы связанные съ Аѳинянами договорами подлежали юрисдикціи этого суда.

Затѣмъ одно учрежденіе должно быть отмѣчено, потому что оно представляетъ нѣкоторый международный характеръ —это учрежденіе *проксеновъ* (*proxènes*) или уполномоченныхъ представителей Аѳинскаго народа въ иностранныхъ странахъ, для покровительства отечественныхъ торговцевъ ([69]).

Мы не знаемъ какія именно были обязанности этихъ чиновниковъ; но внѣ всякаго сомнѣнія то, что обязанности ихъ были очень анологичны съ обязанностями нашихъ консуловъ.

Подобное учрежденіе можетъ показаться удивительнымъ со стороны Грековъ, которые выказывали самое глубокое презрѣніе ко всѣмъ иностранцамъ; учрежденіе это доказываетъ, по моему мнѣнію, что ненависть этихъ народовъ къ варварамъ много преувеличена; эта ненависть легко уступала предъ могуществомъ коммерческаго духа и любви къ наживѣ. Учрежденіе это положительнымъ образомъ указываетъ на существованіе и дѣятельность международныхъ сношеній, ибо оно учреждалось не отъ гражданъ, дѣйствовавшихъ единолично, въ качествѣ частныхъ лицъ, а отъ правительства, отъ всего народа Аѳинскаго, и отъ того правительства, на территоріи котораго *проксенъ* учреждался.

Ромулъ (*Romulus*), основывая городъ, который долженъ былъ впослѣдствіи сдѣлаться господиномъ всего міра, —изгналъ торговлю; одни только рабы могли заниматься этимъ ремесломъ, которое было объявлено недостойнымъ *гражданина*. Тѣмъ не менѣе торговля установилась въ Римѣ, и когда впослѣдствіи, сдѣлалась извѣстна морская торговля, то она

([69]) *Проксенъ* (*proxène*) всегда избирался изъ числа гражданъ той страны гдѣ долженъ былъ имѣть пребываніе, и долженъ былъ быть признанъ главою этой страны. Онъ не получалъ жалованья изъ общественной казны, но онъ пользовался значительными почетными привилегіями. Почти всѣ Греческія Республики имѣли своихъ проксеновъ въ Египтѣ; многіе даже имѣли тамъ судъ и храмъ. См. *Пардессю* (*Pardessus*), приведенное сочиненіе, t. I., ch. 2., p. 52 и introd., p. 29.

нашла тамъ себѣ многихъ приверженцевъ потому, что она была источникомъ значительныхъ выгодъ. Этотъ новый элементъ принесъ съ собою цѣлую массу новыхъ договоровъ, онъ измѣнилъ сношенія и вызвалъ новую специальную юриспруденцію. Преторы начали заниматься морскимъ правомъ; они издавали декреты, эдикты, рѣшенія; юрисконсульты, съ своей стороны, разработывали этотъ предметъ. Безъ всякаго сомнѣнія, тѣ и другіе заимствовали самую большую часть своихъ рѣшеній и уставовъ изъ законовъ греческихъ и можетъ быть даже кареагенскихъ. Вѣрные союзники Римлянъ—Родосцы—конечно способствовали образованію новой юриспруденціи и если это вѣрно, что отрывокъ извѣстный въ настоящее время подъ названіемъ *Родосскаго закона* (*loi rhodienne*) былъ дѣйствительно заимствованъ изъ этого законодательства,—то это было около 51 года до Р. Х.

Римскіе законы были исключительно посвящены регулированію морской торговли и мореплаванія. Они не представляютъ намъ, ни одного текста, ни одного выраженія, которое могло бы натолкнуть насъ на слѣдъ международныхъ обычаевъ, и за исключеніемъ института *проксеновъ*, постановленій касающихся призовъ и репризовъ—замѣчаніе это одинаково примѣняется къ законодательству Аѳинскому.

Все предъидущее показываетъ, что въ періодъ собственно древности,морское международное право не было ещеизвѣстно, какъ отрасль человѣческой науки; право положительное—не существовало. Но всѣ памятники, къ сожалѣнію очень немногочисленные, которые остались намъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ,—доказываютъ, что древніе знали международный законъ естественный и что они исполняли предписанія его до тѣхъ поръ, пока подавленные могуществомъ Римскимъ,—всѣ народы не образовали изъ себя одного народа. Поэтому морское международное право этого періода заключалось единственно только въ нѣсколькихъ обычаяхъ, согласныхъ съ естественною справедливостію, хорошо извѣстною и вѣрно исполняемою всѣми.

Римское владычество распространившись на всѣ берега Средиземнаго моря и прилегающихъ къ нему морей,— сдѣлало

международное право безполезнымъ. Всѣ берега были заняты подданными или вассалами одного и того же государя, всѣ мореплаватели были одной націи и слѣдовательно примѣнялись одни только внутренніе законы этого государя. Предписанія естественнаго закона по международному предмету сдѣлавшись безполезными,—находились въ пренебреженіи и вскорѣ были совершенно забыты. Это же было причиною того, что и положительное право не могло возникнуть, потому что не могло существовать очевидно никакого международнаго трактата въ мірѣ, находившемся во владѣніи одной націи.

ЧАСТЬ III.

Развитіе и измѣненіе Морскаго Международнаго Права и внутреннихъ морскихъ законовъ, начиная съ паденія Западной Римской Имперіи (476) до открытія Америки и морскаго пути въ Индію (1492—1498).

(*Второй періодъ*).

Этотъ періодъ, который обнимаетъ собою болѣе 10 столѣтій,—представляетъ важныя событія. Первое, было паденіе Римской Имперіи, которая въ теченіи столь большаго числа лѣтъ—держала въ порабощеніи всю извѣстную тогда вселенную. Уже давно этотъ огромный колоссъ, подорванный слабостью своихъ правителей, и въ особенности изнѣженностью и испорченностію своихъ народовъ,—былъ угрожаемъ со всѣхъ сторонъ новыми врагами. Варвары сжимали его кольцомъ, и со дня на день становились все болѣе и болѣе грозными.

Народы, названія которыхъ были неизвѣстны,—появились передъ потомками Цезарей и нетерпѣливо требовали себѣ часть земли и даже господства. Потокъ этотъ сдерживался довольно долго, иногда силою, а чаще всего — политикою государей, которые управляли тогда выродившимися Римлянами; варварскія племена служили оградой противъ другихъ варварскихъ народовъ. Вслѣдствіе-ли каприза, или вслѣдствіе необходимости защиты, — престолъ Имперіи

былъ перенесенъ въ Византію, которая получила тогда названіе Константинополя. За тѣмъ государство было раздѣлено на двое. Римъ сдѣлался столицей Западной Имперіи. Но вскорѣ послѣ этого варвары разорвавъ слабыя преграды, которыя были противопоставлены имъ—вошли со всѣхъ сторонъ и овладѣли всѣми Римскими провинціями. Италія и самый Римъ были захвачены, Западная Имперія была уничтожена (476).

Восточная Имперія продолжала еще существовать, слабая, съ трудомъ боровшаяся противъ всѣхъ своихъ враговъ,—рѣдко посредствомъ силы, почти всегда хитростью, коварствомъ и даже вѣроломствомъ и часто съ успѣхомъ. Такимъ образомъ она держалась въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ среди внутреннихъ революцій и внѣшнихъ войнъ, теряя время отъ времени свои провинціи и наконецъ доведенная до того, что въ ея владѣніи остался одинъ только городъ, который Греки продолжали называть столицей міра. Взятіе Константинополя султаномъ Сельджукскихъ турокъ Магометомъ II, положило конецъ существованію этой Имперіи въ 1453 г.

Я не буду входить въ оцѣнку причинъ вторженія варваровъ въ Западную Имперію, но я долженъ изслѣдовать какое вліяніе произвела эта страшная революція на международное право. Для большей ясности этого изслѣдованія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на главныя признаки этого вторженія и на новое политическое устройство, созданное имъ въ Европѣ.

Народы, которые завладѣли провинціями Западной Имперіи—принадлежали къ различнымъ племенамъ и народамъ; ихъ законы, нравы, обычаи, религія, языкъ—были весьма различны. Характеристическая черта побѣды варваровъ должна быть отмѣчена. Побѣдители овладѣли только частью земель и въ особенности суверенитетомъ; они оставили туземному населенію болѣе или менѣе ограниченное пользованіе землею; болѣе того, они согласились на то, чтобы побѣжденные сохранили свои обычаи, свои законы и даже свои суды. Такимъ образомъ, даже послѣ паденія Римской Имперіи—законы Римскіе продолжали управлять въ Европѣ, почти съ тою

же силою, какъ и прежде. Мы видимъ даже, что въ Италіи. предводитель варваровъ Теодорикъ, король Остъготтовъ—издаетъ и дѣлаетъ обязательнымъ для своихъ подданныхъ,—кодексъ законовъ заимствованныхъ изъ права Имперіи, или скорѣе—самые законы Имперіи, приноровленные, посредствомъ нѣкоторыхъ измѣненій къ правамъ ихъ новыхъ гражданъ ([70]).

Но если внутренніе законы не подверглись никакому измѣненію,—то политическое устройство Европы было совершенно измѣнено. Вмѣсто единой Имперіи, — институты которой были достаточны для всѣхъ, потому что всѣ повиновались одному единому начальнику, вмѣсто этого національнаго единства, которое въ теченіе около 5 столѣтій уничтожало всякое международное сношеніе т. е. всякія отношенія народа къ народу,—образовалась цѣлая масса государствъ свободныхъ и независимыхъ, которыя были поставлены въ необходимость имѣть между собою болѣе или менѣе частыя сношенія. Это новое положеніе, казалось, должно было бы дать международнымъ правиламъ быстрое и довольно полное развитіе; оно безъ сомнѣнія и имѣло это дѣйствіе, но гораздо медленнѣе чѣмъ можно было ожидать. Многія причины содѣйствовали замедленію развитія науки положительнаго права. Главная—заключается въ самомъ характерѣ новыхъ хозяевъ Европы.

Побѣдители — были исключительно воины; всегда подъ ружьемъ,—они не признавали другаго права, кромѣ права силы. Они презирали одинаково искуства, науки, промышленность, торговлю и мореплаваніе ([71]). Они, правда, позво-

---

([70]) Теодорика не слѣдуетъ смѣшивать съ другими предводителями варваровъ; онъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ получилъ довольно глубокое знакомство съ науками и искуствами цивилизаціи. Ст. 119 кодекса изданнаго имъ въ 500 г.—есть единственная относящаяся къ мореплаванію. См. *Пардессю* (*Pardessus*), t. 1, ch. 4, p. 147.

([71]) Изъ числа первыхъ варваровъ, которые раздѣлили Римскую Имперію при великомъ вторженіи,—только Англы и Саксы, овладѣвшіе Британіей въ 450 г. были единственными мореплавателями. Вандалы, утвердившіеся въ Африкѣ—только впослѣдствіи стали заниматься мореходствомъ и пиратствомъ.

ляли побѣжденнымъ народамъ предаваться этимъ занятіямъ, но духъ хищничества, безпрерывныя безчинства и постоянныя войны, которыя они вели и во время которыхъ они одинаково раззоряли какъ свои собственныя владѣнія такъ и владѣнія своего врага, — служили непреодолимыми препятствіями къ развитію искуствъ, которыя въ особенности требуютъ мира и безопасности.

Каждое изъ новыхъ государствъ, стараясь утвердиться на основаніяхъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ его способности,— занималось своими сосѣдями только для того, чтобы завладѣть желаемой территоріей, или чтобы отразить ихъ нападеніе. Позднѣе, когда установился феодальный режимъ, результатъ этого буйнаго и воинственнаго характера,—безпорядокъ,— сталъ еще больше. Каждый правитель хотѣлъ завладѣть всѣмъ, что его честолюбіе и силы его лена позволяли взять. Къ войнамъ народнымъ присоединились частныя войны. Вассалы, силою оторванные отъ своихъ занятій, отъ своей страны,—были принуждены слѣдовать за своимъ сюзереномъ. Плоды ихъ работъ,—если бывали пощажены самимъ сюзереномъ,—то очень часто дѣлались добычею непріятельскихъ бандъ. Этотъ порядокъ вещей, продолжавшійся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ,—кончился уничтоженіемъ всякой промышленности, всякой торговли и всякаго мореплаванія въ новыхъ государствахъ Европы. Въ большинствѣ изъ нихъ не существовало болѣе военнаго флота, потому что всѣ войны велись на сухомъ пути.

Позднѣе, когда новыя королевства наконецъ окрѣпли, когда принцы, пріобрѣтя болѣе власти надъ своими вассалами, —могли наконецъ нѣсколько болѣе заниматься управленіемъ,—соперничество, жажда побѣдъ, можетъ быть необходимость отвлечь безпокойный духъ бароновъ, или наконецъ честолюбіе пріобрѣсти превосходство,—часто эфемерное, — опять ввергли западныя государства въ постоянныя войны. Силы имперій истощались такимъ образомъ въ безконечныхъ и безплодныхъ борьбахъ, которыя служили почти непреодолимымъ препятствіемъ къ развитію наукъ, искуствъ, торговли и въ особенно-

сти установленію международныхъ сношеній и правилъ, предназначенныхъ регулировать мирныя отношенія народовъ.

Въ то время какъ провинціи древней Западной Имперіи оставались, такимъ образомъ, погруженными въ варварство,— Восточная Имперія, хотя уже и разшатанная, но все еще державшаяся съ прежней своей цивилизаціей,—сохранила свою торговлю и промышленость; она продожала содержать флоты, военные и торговые. Съ другой стороны нѣкоторые Итальянскіе города, избѣгнувшіе бѣдствій вторженія или имѣвшіе возможность избавиться отъ ига разрушителей Имперіи,—съ самымъ живѣйшимъ жаромъ предались морской торговлѣ. Эти маленькіе, свободные народы съ большимъ искуствомъ съумѣли пользоваться всѣми представлявшимися случаями, чтобы развить свое мореплаваніе. Сдѣлавшись маклерами, коммиссіонерами, фрахтовщиками торговли варварской Европы съ Азіей,—они всѣ послѣдовательно поднялись на степень замѣчательнаго могущества. Вслѣдствіе зависти и соперничества одного предъ другимъ, народы эти вели между собою ожесточенныя войны и часто нарушали спокойствіе всего свѣта своими кровавыми ссорами.

Не будучи въ состояніи соперничать съ Итальянскими городами и даже никогда не доводя до этого своихъ притязаній,— Марсель и Барцелона продолжали, въ теченіе всего этого періода, съ громаднымъ успѣхомъ заниматься торговлею и мореплаваніемъ.

Къ концу среднихъ вѣковъ, нѣкоторые города Сѣверной и Западной Европы также начали заниматься этими двумя, столь важными отраслями человѣческой промышленности. Они одинаково нашли въ нихъ богатство и могущество, которыя всегда доставляетъ морская торговля.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ исторіи восточной части Азіи за этотъ періодъ, ибо мнѣ кажется не только вѣроятнымъ, но достовѣрнымъ, что начиная уже съ этихъ отдаленныхъ временъ,—торговля и мореплаваніе были въ очень цвѣтущемъ состояніи въ этихъ обширныхъ и богатыхъ странахъ, и на моряхъ омывавшихъ ихъ берега.

Еслибы мы имѣли какія нибудь труды по этой исторіи, то безъ всякаго сомнѣнія, мы нашли-бы тамъ слѣды обычнаго права и даже можетъ быть писаннаго закона. Но мы должны ограничиться одними только предположеніями, слишкомъ неопредѣленными для того, чтобы имѣть возможность высказать ихъ.

ГЛАВА I.

МОРСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

ОТДѢЛЪ I.

Морское международное право, относящееся къ мирному времени.

§ 1. *Консула.*

Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ учрежденій международнаго торговаго права,—есть институтъ агентовъ, учреждаемыхъ однимъ народомъ въ иностранномъ государствѣ съ цѣлію оказывать покровительство и помощь своимъ собственнымъ подданнымъ, которые пріѣзжаютъ туда для веденія торговли или поселяются въ этихъ странахъ. Агенты эти, начиная съ среднихъ вѣковъ, назывались у нѣкоторыхъ народовъ *Консулами* (Consuls) и сохранили это названіе до настоящаго времени.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что древніе Греки и Аѳиняне знали этотъ родъ судей, и имѣли во многихъ странахъ и именно въ Египтѣ *проксеновъ* (*proxènes*) или консуловъ. Во время Римскаго владычества, консулы, сдѣлавшись ненужными,—исчезли; по крайней мѣрѣ о существованіи ихъ во времена Имперіи,—намъ не осталось никакого слѣда.

Покореніе варварами провинцій Западной Имперіи, раздѣленіе ихъ на большое число независимыхъ государствъ и основаніе мусульманскихъ народовъ на Азіатскихъ и Африканскихъ берегахъ бассейна Средиземнаго моря въ VII ст.—

возвратило консульскому институту его полезность, или вѣрнѣе, придало ему ту важность, которую онъ никогда не имѣлъ въ древности. Различіе нравовъ, языка и въ особенности религіи—подвергали торговцевъ, отправлявшихся въ чужія страны, и главнымъ оброзомъ къ Саррацинамъ,—серьезнымъ притѣсненіямъ. Необходимо было обезпечить имъ дѣйствительное покровительство, и единственное, какое было возможно,—это покровительство ихъ правительства. Единственнымъ средствомъ оказать его,—было послать агентовъ этого правительства въ тѣ самыя страны, куда отправлялись торговцы. Проникнутые такою необходимостію, всѣ морскіе народы юга употребляли большія усилія чтобы получить отъ государей, у которыхъ они занимались торговлею,—позволеніе учредить консуловъ. Обычай этотъ сдѣлался всеобщимъ начиная съ XII ст.

Не подлежитъ сомнѣнію, что народы, которые первые, послѣ вторженія варваровъ на Западѣ,—начали поддерживать морскія сношенія съ Восточной Имперіей,—имѣли своихъ консуловъ въ главныхъ портахъ этого государства, и именно въ Константинополѣ. Однако не существуетъ поэтому поводу никакого положительнаго документа.

Остановиться же на такомъ мнѣніи заставляетъ та громадная важность, которую представляло это учрежденіе въ странѣ, гдѣ Итальянскіе, Французскіе и Испанскіе мореплаватели должны были почти всегда зимовать, — и въ особенности—цвѣтущее состояніе, въ которомъ мы находимъ мореплаваніе нѣсколько позже.

Первые Христіанскіе консулы допущенные Саррацинами,—были посланы Карломъ Великимъ въ Палестину около 800 г. Безъ всякаго сомнѣнія, между возстановителемъ Западной Имперіи, и Калифомъ Аарунъ-аль-Рашидомъ былъ заключенъ формальный трактатъ, или положительный договоръ, но текстъ этого акта до насъ не дошелъ (72). Послы и подарки,

---

(72) *Барбейракъ* (*Barbeyrac*),—въ своей «*Histoire des traités anciens*, говоритъ объ одной конвенціи, заключенной между Калифомъ Аарунъ-аль-Рашидомъ и Императоромъ Карломъ Великимъ въ 800 г.,—но текста онъ не приводитъ. Этотъ ученый утверждаетъ, что Калифъ предоставилъ Карлу Великому пол-

которые посылали эти монархи другъ другу доказываютъ по крайней мѣрѣ, что они оказывали полное вниманіе одинъ другому и что калифъ питалъ самое высокое уваженіе къ главѣ Франковъ.

Учрежденіе консуловъ въ мусульманскихъ странахъ сдѣлалось скоро всеобщимъ и породило много конвенцій между Христіанскими государствами Южной Европы—и хозяевами Востока и Египта,—Саррацинами. Одинъ Арабскій историкъ говоритъ намъ, что Магометане смотрѣли на консуловъ какъ на заложниковъ, избранныхъ изъ числа самыхъ значительныхъ лицъ той страны, къ которой они принадлежали (73).

Быстрое развитіе консульскаго института показываетъ намъ, какъ мало, начиная уже съ той эпохи, безпокоили торговлю религіозныя распри, которыя такъ глубоко отдѣляли Христіанъ отъ Магометанъ. Эти послѣдніе,—фанатизмъ которыхъ казался столь суровымъ,—не встрѣчали однако никакого затрудненія торговать съ другими народами.

Во время Крестовыхъ походовъ, въ ту эпоху когда вся Европа, казалось, пришла въ движеніе чтобы вырвать Азію изъ подъ ига исламизма,—торговля продолжалась между мореплавателями обоихъ вѣроисповѣданій во всѣхъ мѣстахъ, которыя не были непосредственнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, и тѣ же корабли, которые привозили крестоносцевъ въ Аскалонъ,—на обратномъ пути совершали торговыя свои операціи въ Египтѣ.

Тотчасъ послѣ взятія Константинополя Магометомъ II,—торговля между народами христіанскими и мусульманскими возстановилась

Вполнѣ достовѣрно что въ теченіи среднихъ вѣковъ консулы въ мѣстѣ своего пребыванія имѣли надъ своими согражданами, постоянно жившими или временно пребывавшими

ное распоряженіе и суверенитетъ надъ *Святыми мѣстами* (*les lieux saints*). Этотъ же фактъ приводитъ и *Eginhart* въ его «*Vie de Charlemagne*», сар. 16. «...Non solum quæ petebantur permisit, sed etiam sacrum illum ac salutarem locum, ut illius potestati adscriberetur, concessit.... ».

(73) *Khalil-Dhakerei*. См. *Пардессю* (*Pardessus*), «Collection», introduction, t. II, p. 126.

тамъ—извѣстную юрисдикцію; но трудно и даже невозможно съ точностію опредѣлить предѣлы этой власти, которая кажется была гораздо обширнѣе въ странѣ Саррациновъ, чѣмъ въ Христіанскихъ государствахъ.

Предѣлы этой юрисдикціи установлялись тѣмъ государемъ, который давалъ позволеніе учредить консульство. Вообще она распространялась на гражданскія и коммерческія дѣла, между соотечественниками консула, и только въ нѣкоторыхъ странахъ, — на дѣла уголовныя, на всѣ безусловно, или за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаевъ, разборъ которыхъ былъ предоставленъ мѣстнымъ законамъ.

Венеція добилась въ Греческой Имперіи весьма значительной привиллегіи: одни только ея консулы имѣли право разбирать дѣла, въ которыхъ отвѣтчикомъ былъ Венеціанецъ, даже тогда, когда истцомъ былъ Грекъ ([74]).

Кажется, что консульская юрисдикція была очень обширна въ Сѣверныхъ странахъ, потому что одинъ изъ основныхъ принциповъ Тевтонской Ганзы былъ тотъ, что подданные союзныхъ городовъ должны подлежать законамъ и судамъ своего отечества, вездѣ во всѣхъ странахъ, гдѣ бы они не занимались торговлею ([75]).

Внутренніе законы морскихъ народовъ не оставили намъ свѣдѣній о пространствѣ полномочій предоставленныхъ консуламъ; размѣръ ихъ долженъ былъ измѣняться смотря по тѣмъ странамъ гдѣ они имѣли пребываніе, и даже разниться часто въ одномъ и томъ же государствѣ, смотря по обстоятельствамъ ([76]).

Безъ всякаго сомнѣнія, учрежденіе консуловъ въ чужихъ странахъ породило много международныхъ договоровъ; однако большинство актовъ, которые должны были вытекать изъ этого—

([74]) См. *Пардессю* (*Pardessus*), i. II, introd., p. 126.

([75]) См. *Пардессю* (*Pardessus*), loc. cit.

([76]) Статутъ г. Марселя отъ 1253—1255 гг. есть самый полнѣйшій внутренній законъ относительно консульскихъ учрежденій. Назначеніе консуловъ, ихъ власть, юрисдикція, составъ консульскаго суда и проч. опредѣлены столь-же тщательно какъ и мудро. Множество постановленій этого замѣчательнаго статута,—были воспроизведены въ Французскихъ ордонансахъ 1681 и 1833 гг.

для насъ потеряны; до насъ дошло только очень небольшое число трактатовъ, время которыхъ восходитъ не далѣе конца XIII ст. Фактъ этотъ объяснить легко. Всѣ государи поступали какъ восточные императоры, какъ мусульманскіе правители; они не заключали трактатовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они ограничивались тѣмъ, что давали народу, съ которымъ находились въ сношеніяхъ, дозволеніе учреждать консульства особыми спеціальными актами, которые назывались *капитуляціями* (*capitulations*).

Эти акты не имѣли взаимно-обязательной формы трактатовъ; они были актами односторонними и были вполнѣ отмѣнимы единственною волею того, кто ихъ давалъ. Это съ одной стороны объясняетъ частыя измѣненія, которыя имѣли мѣсто въ положеніи консуловъ, и съ другой,—безпрестанныя усилія торговыхъ націй, или расширить уже полученныя привиллегіи для своихъ подданныхъ, или заставить уменьшить, или даже отмѣнить привиллегіи, предоставленныя подданнымъ соперническихъ народовъ.

Въ теченіи первой части среднихъ вѣковъ, морскія націи Южной Европы образовали много учрежденій въ иностранныхъ государствахъ, именно на берегахъ Чернаго моря, и въ Азіи. Эти колоніи, образованныя сначала съ дозволенія мѣстнаго территоріальнаго государя, впослѣдствіи дѣлались независимыми отъ него и управлялись по законамъ своей метрополіи, отъ которой вполнѣ зависѣли ([77]). Часто онѣ дѣлались на столько могущественными, что предписывали свои законы тѣмъ монархамъ, которые давали разрѣшеніе учреждать ихъ ([78]).

Эти колоніи или конторы одинаково порождали многочисленныя международныя сношенія; но сношенія эти, безъ сомнѣнія, были такого же рода, какъ и относящіяся до консульства; онѣ не оставили никакого слѣда.

([77]) Таковы были колоніи Генуэзскія въ Галатѣ, предмѣстьи Константинополя, Каффа, Азовъ и проч.

([78]) Галатская колонія, укрѣпленная Генуэзцами нѣсколько разъ вступала въ открытыя непріязненныя дѣйствія съ Восточными Императорами. Каффа съ успѣхомъ боролась часто съ государями Херсонеса-Таврическаго.

§ II. Право кораблекрушенія.
(*Droit de naufrage*).

Начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ и во всѣхъ странахъ свѣта, мы видимъ, что жители морскихъ береговъ считали естественнымъ правомъ—разграбленіе предметовъ и товаровъ оставшихся отъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе; очень часто даже, они считали себя вправѣ худо обращаться или избивать несчастныхъ, избѣжавшихъ ярости волнъ.—для того, чтобы легче было присвоить себѣ ихъ имущество.

Римъ, во время полнаго своего могущества, издалъ нѣсколько законовъ для того чтобы уничтожить этотъ варварскій обычай; но никогда не могъ вполнѣ достигнуть этого. Слабость послѣднихъ императоровъ и въ особенности вторженіе варваровъ,—дали новую силу этому гнусному и безчеловѣчному злоупотребленію.

Феодальные властители и даже сильнѣйшіе государи—сами не стыдились считать плоды того, что они называли *правомъ кораблекрушенія* (*droit de naufrage*), въ числѣ источниковъ своихъ доходовъ ([79]). Они дѣлили съ своими поддаными результаты грабежа и, очень часто, убійства. Случалось даже, что когда ярость стихій недостаточно производила вреда и ужасовъ, тогда пріискивали средства чтобы сдѣлать болѣе плодоноснымъ это *регальное право* (*droit régalien*); мы видимъ что государи условливались съ *лоцманами* (*loctans*) или *буксировщиками* (*toueurs*), чтобы губить иностранныя суда, которыя ввѣрялись ихъ практической опытности; зажигали обманные огни, съ цѣлію увеличить число кораблекрушеній ([80]).

([79]) Относительно Франціи, см. ордонансы 1465 и 1469 гг., въ которыхъ прибыль отъ кораблекрушенія, была поставлена въ числѣ государственныхъ доходовъ.

([80]) Какъ ни странно можетъ показаться это сказаніе, но оно вполнѣ подтверждается постановленіями 25 ст. rôoles d'Oléron, которое назначаетъ спеціальное наказаніе противъ государей виновныхъ въ этомъ преступленія. Они должны были быть привязанными къ столбу внутри ихъ дома и сожжены вмѣстѣ съ ихъ жилищемъ, на мѣстѣ котораго долженъ былъ быть устроенъ свиной рынокъ. См *Cleirac*, Rôoles d'Oléron, и *Pardessus*, t. 1, p. 346.

Многіе князья старались исправить зло и заставить слѣдовать голосу человѣколюбія. Испанскіе Вестготы строго наказывали тѣхъ, кто занимался разграбленіемъ потерпѣвшихъ крушеніе; законы Теодориха въ Италіи и законы Барцелоны—провозглашали тѣже запрещенія. Позднѣе, Людовикъ IX во Франціи, Эдуардъ Исповѣдникъ въ Англіи, многіе Папы, и именно Каликстъ II, даже Соборы ([81]) дѣлали многочисленныя попытки къ уничтоженію этого варварскаго обычая. Но всѣ эти попытки были тщетны. Трудно было убѣдить народонаселеніе отказаться отъ имуществъ, на которыя онѣ смотрѣли какъ на даръ провидѣнія; трудно было убѣдить государей покинуть этотъ обычай, который они считали въ числѣ своихъ правъ, и изъ котораго они извлекали пользу. Со стороны государей, къ тому-же не было послѣдовательнаго и твердо установившагося желанія; очень часто преемникъ уничтожалъ трудъ, начатый его предшественникомъ. Такъ ордонансъ Людовика IX въ 1268 г. отмѣнилъ право кораблекрушенія: ордонансъ-же его сына и преемника въ 1277 г. регламентировалъ грабежъ несчастныхъ, которыхъ буря могла выбросить на берега Франціи. Въ то-же время, Карлъ Анжуйскій, братъ Людовика Святаго и Король Неаполя,—безжалосно грабилъ всѣхъ,—даже крестоносцевъ,—которые имѣли несчастіе потерпѣть крушеніе на его берегахъ. Трудъ, начатый Эдуардомъ Исповѣдникомъ, былъ уничтоженъ Генрихомъ I, Генрихомъ II, Ричардомъ I и др.

Грабежъ, со всѣми сопровождающими его жестокостями,—находился, такимъ образомъ оффиціально установившимся въ двухъ, самыхъ цивилизованныхъ, королевствахъ Западной Европы.

Въ Пруссіи, потерпѣвшіе крушеніе и избѣжавшіе погибели въ волнахъ—были обращаемы въ рабство. Со стороны народа еще варварскаго, — фактъ этотъ объясняется очень легко; но не лучше обращались съ несчастными мореплавателями и на берегахъ Восточной Имперіи, у потомковъ Римлянъ, гдѣ

([81]) См. Буллу изданную этимъ Папою въ 1124 г. и постановленія соборовъ Латранскаго въ 1079 г. и Нантскаго въ 1127 г.

*

базилики были также мало уважаемы, какъ и новые законы въ другихъ странахъ.

Въ Даніи, въ теченіе почти всего разсматриваемаго періода,—самая большая часть жертвъ бури поступала въ государственную казну, фискъ. Однако начиная съ 1163 г. потерпѣвшіе крушеніе туземцы и иностранцы, которые были связаны съ Даніей спеціальными трактатами,—пользовались покровительствомъ противъ этого грабежа, подъ условіемъ уплаты весьма значительной пошлины за спасенные предметы ([82]).

Народы, занимавшіеся мореплаваніемъ, много страдали отъ этихъ варварскихъ обычаевъ; не будучи въ состояніи добиться полнаго ихъ уничтоженія,—они дѣлали величайшія усилія чтобы предохранить себя трактатами или отдѣльными капитуляціями, и чтобы получить отъ каждаго народа привиллегію сохранять право собственности на предметы спасенные отъ кораблекрушенія. Конвенціи, заключенныя въ теченіи среднихъ вѣковъ для достиженія этой цѣли,—весьма многочисленны. Большинство изъ нихъ есть ничто иное какъ уступки дѣлаемыя государями, которые отказывались отъ того, что они называли *правомъ*; но нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму настоящихъ международныхъ трактатовъ.

Въ числѣ актовъ перваго рода можно указать на патенты (diplômes) дарованные въ 1290 и 1320 гг. Восточными Императорами—Барселонцамъ ([83]); ордонансъ изданный въ 1277 г. Французскимъ королемъ Филиппомъ Смѣлымъ въ пользу Итальянцевъ вообще; а также ордонансы Людовика XI отъ 1461 г. въ пользу Фламандцевъ, Голландцевъ и Брабантцевъ, и отъ 1464 г. для подданныхъ Тевтонской Ганзы.

Самые древнѣйшіе трактаты, которые мы имѣли по этому предмету,—восходятъ къ XIII столѣтію ([84]). Одинъ изъ нихъ

([82]) См. законы Вольдемара I Великаго, Pardessus, ch. 18. t. III, p. 226.

([83]) Эти два акта приведены у *Capmanі «Mémoires historiques sur Barcelone»*. См. также *Pardessus*, t. I, ch. 5, p. 176.

([84]) *Pardessus*, t. II, introd. p. 117, говоритъ о многихъ трактатахъ X ст., не указывая на источники, гдѣ онъ ихъ нашелъ; я дѣлалъ тщетныя усилія отыскать ихъ слѣды.

былъ заключенъ Французскимъ королемъ Людовикомъ IX съ Венеціанской республикой.

Государь, который еще въ 1255 г. издалъ ордонансъ для отмѣны права кораблекрушенія въ его государствахъ,—очевидно долженъ былъ согласиться на просьбу Венеціанцевъ. Однако форма трактата 1268 г. какъ-бы указываетъ, что Венеція помѣстила эту уступку въ число условій требуемыхъ за доставленіе кораблей святому королю ([85]).

Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный въ 1478 г. между Англійскимъ королемъ Эдуардомъ IV и Максимиліаномъ, герцогомъ Австрійскимъ,—есть первый, заключенный между сѣверными народами, актъ этого рода, который я могъ розыскать. Но есть вѣроятіе, что были заключены и другіе ранѣе этой эпохи. Изъ самаго даже текста акта 1478 г. ([86]) вытекаетъ, что ранѣе этого были заключены торговые трактаты между двумя націями; мнѣ кажется, почти достовѣрнымъ, что тамъ были помѣщены статьи относящіяся къ кораблекрушеніямъ.

Начиная съ 1264 г. мы находимъ одинъ трактатъ этого рода, заключенный между христіанскимъ государствомъ и саррацинскимъ принцемъ, ([87]) и я считаю возможнымъ ска-

---

([85]) Трактатъ о которомъ идетъ рѣчь раздѣляется на двѣ части: первая содержитъ требованіе короля Людовика IX отъ дожа,—доставить ему корабли для перевозки его арміи на Востокъ. Вторая—составляетъ отвѣтъ дожа; она содержитъ условія, на которыхъ республика соглашается доставить требуемые корабли, а именно слѣдующее: Praeterea si hominibus, homini ducis aut aliqui eorum passi fuerint aliquo casu naufragium, in aliqua parte ubi vos, dominus rex habebitis posse, ipsi erunt salvi et securi in personis et rebus quas recuperare poterunt...» *Dumont*, «*Corps diplom.*», t, I, part. 1, p. 227. Я считаю необходимымъ дословно привести этотъ трактатъ, потому что его форма мнѣ представляется переходною: отъ дозволенія даруемаго государемъ, или капитуляціи,—къ трактату, въ собственномъ смыслѣ, т. е. актомъ дѣйствительно взаимно обязательнымъ.

([86]) Вотъ подлинныя выраженія вступленія въ этотъ трактатъ: «Cum, Superios ribus annis, inter nos, et pro regno nostro Angliae.... parte ex unâ et excellentis ac recolendae memoriae dominum Karolum ducem Burgundiae....» См. «Corps diplom.», t. III, part 2. p. 28.

([87]) Этотъ актъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Rinovamento di pace re capitulatione di commercio ...» Онъ былъ заключенъ между эмиромъ Ель-Мумменинъ-Буаби (El-Moummenin-Buabi) Тунисскимъ королемъ и республикой Пизы См. *Roussel*, Supl. au «*Corps diplom.*», t. II, part. 1, p. 115.

зать съ достовѣрностью, что онъ былъ заключенъ ранѣе, хотя, какъ я уже замѣтилъ, мусульманскіе государи имѣли обыкновеніе выдавать скорѣе капитуляціи, чѣмъ заключать трактаты. Я много разъ буду имѣть случай замѣтить, что мусульмане не всегда были послѣдними въ принятіи либеральныхъ принциповъ по предмету международныхъ сношеній.

И такъ, разграбленіе предметовъ выброшенныхъ на берега бурею, т. е. то, что называли правомъ кораблекрушенія—практиковалось всѣми народами извѣстными въ средніе вѣка, даже греками, которые сохранили римскіе законы, и императоры которыхъ издавали еще болѣе суровые ордонансы. Съ этимъ варварскимъ правомъ боролись сперва внутренніе законы, затѣмъ спеціальные договоры, капитуляціи или трактаты; оно было ограничено, но не уничтожено, и продолжало существовать. Слѣдуетъ замѣтить даже, что всѣ усилія оставались недѣйствительными. Папскія буллы, соборные ордонансы, внутренніе законы, капитуляціи и трактаты—ничто не могло остановить этихъ разбойническихъ дѣйствій, которымъ предавались прибрежные жители нѣкоторыхъ государей и народовъ; они хотя и были парализованы варварствомъ эпохи,—но тѣмъ не менѣе содѣйствовали положительно развитію международнаго права. И дѣйствительно, конвенціи, заключенныя по этому предмету, все болѣе и болѣе приближаются къ принципамъ человѣколюбія, а слѣдовательно къ естественному закону.

§ III. Международные трактаты о торговлѣ и мореплаваніи.

Предъидущій періодъ не представилъ намъ никакого международнаго акта, никакого трактата, заключеннаго по поводу морской торговли и мореплаванія; въ теченіе первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ мы не встрѣчаемъ еще ни одного примѣра подобнаго рода договоровъ. Безъ всякаго сомнѣнія, торговля велась тогда, такъ же какъ и въ древнія времена:—

въ силу дозволенія или разрѣшенія, исходившаго отъ государя, который соглашался принимать въ свою страну иностранныхъ торговцевъ,—въ силу капитуляцій (capitulations).

Капитуляціи эти, не смотря на то, что часто добывались силою,—могли быть отмѣнены единственною волею того, кто ихъ выдавалъ; выдавшій ихъ,—былъ свободенъ внести туда новыя условія, измѣнить, даже уничтожить ихъ, если только переставали существовать обстоятельства, въ силу которыхъ онъ выдавалъ капитуляціи, или когда того требовалъ его интересъ или даже простой капризъ. Между тѣмъ, торговля, развиваясь съ каждымъ днемъ все болѣе,—требовала бо̀льшей гарантіи для международныхъ сношеній. Съ другой стороны, богатства, которыя доставляла эта торговля народамъ, занимавшимся мореплаваніемъ—должны были побуждать правительства дѣлать большія усилія, чтобы гарантировать эти сношенія и придать имъ наивозможно большую степень прочности. Поэтому они старались обязать противную сторону такими актами, которые не могли быть ни уничтожены, ни измѣнены, безъ согласія обоихъ контрагентовъ; словомъ сказать—трактатами взаимно обязательными, и скрѣпленными клятвою.

Первый, извѣстный намъ актъ подобнаго рода, относившійся къ торговлѣ,—былъ заключенъ Венеціей съ ханомъ Солдайскихъ татаръ—Кантеламуромъ (Cantelamur), на берегахъ Чернаго моря; текстъ этого трактата не дошелъ до насъ ([88]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Французскій король Людовикъ Святой обратился къ Венеціанцамъ съ просьбою ссудить ему корабли для перевозки его арміи,—то эти торговцы хотя и исполнили его просьбу, но подъ извѣстными условіями. Трактатъ 1231 г., о которомъ я говорилъ въ предъидущемъ параграфѣ,—содержитъ спеціальную статью, которая обезпечиваетъ Венеціанцамъ очень обширныя торговыя привиллегіи, во всѣхъ странахъ, которыя будутъ покорены

([88]) См. *Pardessus*, i. II, introd.

крестоносцами и на все то время пока будетъ продолжаться господство христіанскихъ рыцарей ([89]).

Въ XIV ст. Генуя, которой почти исключительно принадлежали плаванія по Черному морю, на берегахъ котораго она основала конторы, или вѣрнѣе, очень могущественныя колоніи,—заключила большое число трактатовъ съ татарскими ханами, жившими по берегамъ этого моря.

Венеція, съ своей стороны, подписала нѣсколько актовъ подобнаго рода съ государями христіанской страны Малой Арменіи ([90]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіи среднихъ вѣковъ ни одинъ торговый трактатъ не былъ заключенъ съ магометанскими государями Египта или восточныхъ береговъ Средиземнаго моря; по крайней мѣрѣ, не смотря на всѣ мои розыски,—я не могъ найти ни одного.

Между тѣмъ существовала очень дѣятельная торговля между христіанами и азіатскими мусульманами; но она велась подъ покровительствомъ капитуляцій.

Повелители послѣдователей Магомета не хотѣли согласиться договариваться съ христіанами какъ съ равными, хотя подданные ихъ были далеки отъ того, чтобы оттолкнуть столь прибыльную торговлю, которую они вели съ врагами ихъ религіи.

Саррацины сѣверной Африки, наоборотъ, заключили большое число актовъ съ итальянскими народами; я уже привелъ одинъ изъ нихъ, именно актъ 1264 г. между Пизой и Тунисскимъ королемъ.

Народы сѣверной Европы начали заключать торговые трактаты въ концѣ XIV и въ теченіе XV ст. Самый древнѣйшій, который мнѣ извѣстенъ,—восходитъ къ 1388 г.; онъ былъ заключенъ между Англичанами и рыцарями, очень могуществаннаго тогда Тевтонскаго ордена, находившагося на берегахъ Балтійскаго моря.

Позже мы находимъ нѣсколько такихъ трактатовъ, но число ихъ весьма ограничено. Англія, города Тевтонской

([89]) *Dumont*, «Corps diplom.», t. I, part. 1, p. 227.

([90]) *Pardessus*, *loc. cit.* и *Rymer* «Foederā, conventiones, etc. t. V и VI.

ганзы, Фландрія и Брабантъ, провинціи Фрисландіи, Голландія, Зеландія и др., суть главныя дѣйствующія лица въ трактатахъ XV ст. ([91]).

ОТДѢЛЪ II.

Морское международное право, относящееся къ войнѣ.

Всѣ тѣ вопросы международнаго права, которые впослѣдствіи такъ сильно привлекали вниманіе морскихъ народовъ,—въ средніе вѣка не были еще затронуты. Сношенія воюющихъ между собою были тогда, какъ и теперь немногочисленны и не порождали никакихъ переговоровъ. Но мы видимъ, что въ теченіе этого періода, появляется главная часть этой отрасли народнаго права, именно та, которая опредѣляетъ отношенія между нейтральными и воюющими. Опредѣленія не всегда были согласны съ принципами естественнаго закона; въ нихъ отражалось варварство нравовъ той эпохи. Въ большинствѣ случаевъ это были внутренніе законы болѣе могущественной стороны, которая примѣняла и затѣмъ вводила ихъ въ трактаты. Но тѣмъ не менѣе былъ и дѣйствительный успѣхъ; положительный законъ формируется и развивается по всѣмъ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя вызывались торговлею и мореплаваніемъ.

([91]) Первый изъ этихъ трактатовъ приведенъ *Римеромъ* (*Rymer*), t. VII, p. 559. Онъ былъ заключенъ Англійскимъ королемъ Ричардомъ III съ Гроссмейстеромъ ордена. Можно еще указать на трактатъ 1409 г. между тѣми-же сторонами, представителями которыхъ были: Англіи—Генрихъ V и ордена—гроссмейстеръ Генрихъ Плавскій (Henri de Plawe); *Dumont* t. II, part. 11, p. 328; въ 1441 г. между Зеландіей, Фрисландіей и Голландіей съ одной стороны и Ганзейскими городами съ другой; *Dumont*, t. III, part 1, p. 100; въ 1446 г. между Англіей съ одной и Фландріей съ Брабантомъ съ другой стороны, тамъ же, t. III, part 1, p. 558; въ 1478 г.—между Англіей и Максимиліаномъ, герцогомъ Австрійскимъ и Бургундскимъ; *Rymer*, t. XII, p. 67. Текстъ этого послѣдняго акта начинается слѣдующими словами: «Haec sunt capitula super *incursu* mercantiae et piscatione super mari...» Слово *incursu* (*intercourse*) (правильное морское сообщеніе между двумя странами),—теперь еще существующее у нѣкоторыхъ народовъ—вошло въ употребленіе съ XV ст.

§ 1. *Военная контрабанда.*

Какъ я уже сказалъ вначалѣ, первая обязанность, налагаемая на народы, желающіе остаться мирными зрителями борьбы, возникшей между другими народами, — есть безусловное воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства въ военныя дѣйствія ([92]).

Нарушеніе этой главнѣйшей обязанности можетъ выразиться не только въ фактѣ оказанія прямаго пособія одной изъ воюющихъ сторонъ, или принятіи активнаго участія въ борьбѣ, но еще и въ доставленіи, хотя бы путемъ торговли, — оружія, военныхъ припасовъ и другихъ предметовъ, пригодныхъ для войны, и неимѣющихъ никакого другого назначенія кромѣ войны.

Принципъ естественнаго права, который налагаетъ на нейтральнаго обязанность воздерживаться отъ всякаго непріязненнаго дѣйствія, — налагаетъ на него обязанность не давать, не продавать и не доставлять подобныхъ предметовъ обоимъ воюющимъ, или одному изъ нихъ.

Обязанность эта есть ограниченіе, приносимое войною естественной независимости мирныхъ народовъ. Такая воспрещенная торговля называется писателями *военной контрабандой.*

Обязанность нейтральныхъ народовъ — была извѣстна въ средніе вѣка, хотя она не была формулирована такъ ясно и положительно, какъ мы можемъ это сдѣлать въ настоящее время. Воюющіе должны были употреблять всѣ свои усилія, чтобы она выполнялась добросовѣстно, и, слѣдовательно, должны были наказывать тѣхъ, которые нарушали ее.

По всѣму вѣроятію, народы, находившіеся въ войнѣ, начинали съ того, что старались воспретить нейтральнымъ *всякую торговлю* съ ихъ врагами, и примѣнять къ иностраннымъ нарушителямъ, наказанія, предназначенныя для своихъ соб-

---

([92]) См. выше, ч. I. и мое сочиненіе «*Des droits des nations neutres*», etc., tit. VIII, ch. 1, tome II, 3-e edit.

ственныхъ подданныхъ. Это не болѣе какъ предположеніе, но оно основывается на одномъ изъ первыхъ формальныхъ актовъ, упоминающихъ о контрабандѣ; предположеніе это, къ тому же, представляется вѣроятнымъ по состоянію законодательства народовъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первой половины среднихъ вѣковъ.

Внутренніе законы почти всѣхъ христіанскихъ народовъ, были заимствованы изъ римскаго права, или сходны съ нимъ. Нейтральные и воюющіе чаще всего руководствовались, если не однимъ и тѣмъ-же кодексомъ, то по крайней мѣрѣ кодексомъ почти вполнѣ сходнымъ. Примѣненіе частныхъ законовъ одного народа, къ гражданамъ другой націи, было незаконно; оно составляло нарушеніе основныхъ принциповъ естественнаго права, но оно не возбуждало недоразумѣній.

Затѣмъ явилось еще одно обстоятельство, благопріятствовавшее заблужденію воюющихъ. Сарацины овладѣли всѣми восточными берегами Средиземнаго моря; Африка, даже и Испанія подпали подъ власть послѣдователей Магомета. Христіанскія націи часто соединялись для того, чтобы воспротивиться успѣхамъ этихъ страшныхъ враговъ, или отнять обратно Святыя мѣста.

Папы, естественно, разсматривались какъ духовные начальники такихъ союзовъ, и не смотря на то, что Папы вовсе не были государями тѣхъ націй, которыя составляли эти союзы,—они считали себя обязанными издавать буллы, обязательныя для всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Съ политической точки зрѣнія, эти акты въ дѣйствительности были внутренними законами потому, что они исходили отъ одного государя; но разсматривались всѣми христіанами какъ законы общіе, потому что были изданы главою Церкви, во имя религіи.

Первыя буллы воспрещали *всякую торговлю* съ невѣрными (infidèles), затѣмъ ограничились запрещеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ видовъ торговли съ врагами религіи ([93]).

([93]) Булла изданная папою Бонифаціемъ VIII, вмѣсто того, чтобы воспретить всякую торговлю съ невѣрными, ограничивается запрещеніемъ доставлять имъ лѣсъ, хлѣбъ и оружіе.

Съ другой стороны, до крестовыхъ походовъ—восточные императоры, а во время крестовыхъ походовъ—христіанскіе государи издавали большое число ордонансовъ съ цѣлію воспретить торговлю ихъ подданныхъ, съ врагами вообще и магометанами въ особенности ([94]).

Каждый народъ, когда онъ находился въ войнѣ, старался примѣнять къ нейтральнымъ свои собственные законы; поступать такъ онъ находилъ болѣе легкимъ и болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ розъискивать истинные принципы естественнаго права; къ тому-же, въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ, націи очень рѣдко считали себя отвѣтственными за дѣйствія своихъ подданныхъ, и обыкновенно мало давали себѣ труда защищать ихъ; такъ что воюющій, если онъ былъ достаточно могущественъ, всегда достигалъ того, что заставлялъ иностранцевъ подчиняться законамъ, написаннымъ для его подданныхъ.

Въ теченіи многихъ вѣковъ морскіе народы мирились съ такимъ порядкомъ вещей; если нейтральный чувствовалъ себя достаточно сильнымъ и считалъ для себя выгоднымъ,—онъ противился воюющему и объявлялъ ему войну; въ противномъ случаѣ онъ оставлялъ своихъ подданныхъ на произволъ сильнаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что буллы и ордонансы, какъ бы мы на нихъ ни смотрѣли, какъ на законы внутренніе, или какъ на законы общіе,—всегда оставались безсильными. Жажда наживы была такъ сильна, что христіане ослушивались папѣ; какъ подданные,—они неуважали законовъ своихъ государей. Они

([94]) «Qui exteros naves extruere docet, supplicio capitali tenetur». Sinop. Basil., frag. 16. Нидерландскіе законы содержатъ многочисленныя запрещенія подобнаго рода, изъ коихъ нѣкоторыя основаны на странныхъ мотивахъ; такъ напр. запрещеніе относившееся къ торговлѣ виномъ и масломъ. Это заставило Галіани сказать: «E pire che fan ci ullagine e vera stupidita». См. также французскій ордонансъ, изданный Людовикомъ Святымъ въ 1252 г. и возобновленный Филиппомъ Красивымъ въ 1312 г. Этотъ актъ запрещаетъ только торговлю оружіемъ. Внутренніе законы Флоренціи запрещали торговлю оружіемъ и военными припасами, а также и торговлю рабами. См. Pardessus, t. III, introd.

рисковали подвергнуться всѣмъ наказаніямъ для того, чтобы заниматься торговлею запрещенною, и слѣдовательно выгодною.

Генуэзцы, Венеціанцы, Пизане и другіе народы юга,— имѣли постоянныя конторы въ мусульманскихъ странахъ и продолжали вести торговлю, даже оружіемъ и военными инструментами съ націями, которыя считались врагами вообще, даже и тогда, когда не были съ ними въ войнѣ ([95]).

Къ началу XIV ст. торговля сдѣлала огромные успѣхи; сношенія націй между собою, увеличились; народы сѣвера и запада Европы стали заниматься мореплаваніемъ. Они, правда, не могли соперничать въ торговлѣ по Средиземному морю, съ народами юга, но они производили между собою многочисленныя и значительныя мѣны; они переплывали иногда даже Гибралтарскій проливъ. Правительства хотѣли извлекать пользу изъ торговли своихъ подданныхъ, и потому покровительствовали имъ сколько могли. Отсюда попытки воюющихъ подчинить нейтральныхъ своимъ законамъ встрѣчали болѣе энергичное сопротивленіе. Воспрещеніе торговли вообще, или извѣстной отрасли ея между народомъ мирнымъ и находившимся въ войнѣ, не зависѣло уже единственно отъ воли воюющаго. Чтобы достигнуть такого воспрещенія приходилось обращаться къ самому нейтральному государю и заключать съ нимъ трактаты. Многіе изъ этихъ актовъ усвоили постановленія внутренняго права—абсолютное воспрещеніе всякихъ сношеній между нейтральнымъ и врагомъ одного изъ договаривавшихся. Эти договоры были противны принципамъ, но они имѣли характеръ международный, и были обязательны для тѣхъ націй, которыя ихъ подписали.

Въ 1304 г. Франція была въ войнѣ съ Фландріей; она заключила съ Англіей трактатъ, которымъ эта послѣдняя обязывалась прекратить всякую торговлю съ врагомъ Французской націи ([96]).

([95]) Доказательствъ этого факта—много. Постоянныя учрежденія, основанныя въ мусульманскихъ странахъ всѣми морскими христіанскими народами береговъ Средиземнаго моря,—подтверждаютъ это. См. также Пардессю (Pardessus), introd., t. II. p. 34.

([96]) См. Римеръ (Rymer), t. I, part. 1. p. 39.

Десять лѣтъ спустя, въ 1314 г., тѣже націи возобновили этотъ договоръ. Онъ былъ принятъ Англіей также въ трактатахъ, заключенныхъ ею въ 1315 и 1346 гг. съ Фландрскими и Брабантскими городами ([97]).

Въ XV ст. мы находимъ еще нѣсколько трактатовъ, сходныхъ съ предъидущими относительно воспрещенія всякой торговли съ врагомъ одной изъ договаривавшихся сторонъ.

Около того же времени, въ 1315 и въ 1337 гг., Англичане издали два ордонанса, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть потому, что ордонансы эти, несмотря на то, что были законами внутренними—имѣли, вслѣдствіе объявленныхъ въ нихъ карательныхъ мѣръ, дѣйствительную и законную силу относительно нейтральныхъ народовъ.

Въ ту эпоху, Англичане очень мало занимались торговлею сами: негоціанты Фландріи, Висби и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Балтики, владѣли почти исключительно торговлею Британскихъ острововъ; негоціанты эти добились весьма значительныхъ привиллегій и имѣли тамъ даже постоянныя учрежденія. Ордонансы 1315 и 1337 гг. воспрещали торговлю нейтральныхъ съ Шотландцами, бывшими тогда въ войнѣ съ Англичанами, подъ страхомъ лишенія всѣхъ привиллегій и уничтоженія всѣхъ учрежденій, принадлежавшихъ нарушителямъ ([98]).

Такимъ образомъ, въ теченіи этого періода, международный законъ не достигъ еще того, чтобы формулировать яснымъ и положительнымъ образомъ, тотъ родъ торговли, который долженъ быть запрещенъ во время войны; но международный законъ начинаетъ констатировать тотъ важный фактъ, что состояніе войны, въ которомъ находятся два народа,—влечетъ за собою ограниченіе естественной свободы торговли другихъ націй, касательно ихъ сношеній съ воюющими.

На югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, т. е. въ тѣхъ странахъ гдѣ сохранился римскій законъ,—тамъ начинаютъ

([97]) *Dumont*, «Corps diplom., t. II, part. 2., p. 24, и относительно трактата 1346 г. t. III, part. 1. p. 560.

([98]) *Rymer*, t. II, part 4, p. 76, и tom. IV, part. 3, p. 55.

примѣнять постановленія этого закона ко всѣмъ сношеніямъ, какихъ авторы этихъ законовъ не предусмотрѣли и не могли предусмотрѣть, т. е. воспрещаютъ всякую торговлю между нейтральными и врагами.

Позже, въ концѣ XIII и въ началѣ XIV ст., успѣхи торговли и просвѣщенія замѣчаютъ эту ошибку; запрещеніе дѣлается менѣе общимъ; его ограничиваютъ во 1-хъ, такими предметами, которые считаютъ опасными въ рукахъ врага, а во 2-хъ,—такими, безъ которыхъ невозможно вести войну. Но эти страны не даютъ намъ ни одного образчика международныхъ трактатовъ по этому предмету.

На сѣверѣ, успѣхъ этотъ, съ перваго взгляда менѣе чувствителенъ. Запрещеніе остается полное; нейтральный не можетъ вести никакого рода торговли съ врагомъ; онъ долженъ, слѣдовательно, воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ обоими воюющими, ибо каждый изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, заявлялъ одинаковыя требованія. Но народы этихъ странъ не были подчинены, въ теченіе многихъ вѣковъ, одному общему закону; они были, такъ сказать, болѣе чужды и незнакомы другъ-другу, и слѣдовательно болѣе расположены оспаривать то господство, которое каждый воюющій хотѣлъ придать своему собственному законодательству.

Чтобы достигнуть желаемаго результата, надлежало добиться согласія того народа, торговлю котораго хотѣли ограничить. Для этого заключали трактаты. Въ этомъ отношеніи, Франція, Англія и народы Балтики опередили Грековъ и Итальянцевъ. Трактаты эти, правда, освящали одно весьма важное заблужденіе: они воспрещали всякую торговлю между нейтральными и воюющими, или однимъ изъ нихъ, и слѣдовательно нарушали принципы естественнаго права; но трактаты эти доказываютъ, что начиная уже съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, посреди мрака, покрывавшаго тогда всю Европу, и въ особенности сѣверную ея часть,—считалось несомнѣннымъ то положеніе, что внутренніе законы одного народа не могутъ быть обязательными для другихъ націй.

Разсматриваемые съ этой послѣдней точки зрѣнія,—трак-

таты, только что приведенные мною, представляются актами великой важности, и доказываютъ весьма значительный успѣхъ.

Англійскіе ордонансы 1315 и 1317 гг. имѣютъ то же значеніе; будучи законами частными однаго народа, они грозятъ наказаніями, которыя должны быть приведены въ исполненіе на самой территоріи законодателя.

§ II. Корсарство и репресаліи (99).

У варваровъ, разрушившихъ Западную Имперію, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ,—всѣ граждане были солдатами; война была единственнымъ занятіемъ свободнаго человѣка. Если государство находилось въ мирѣ,—что случалось очень рѣдко,—то властители (Seigneurs) этого государства употребляли свои досуги на войну между собою. Эти частныя ссоры, еще болѣе чѣмъ другія,—были истинными разбоями. Изъ числа покорителей Европы, очень небольшое число народовъ знало мореплаваніе; но тѣ, которые имъ занимались,—дѣйствовали на морѣ такъ же, какъ остальные на сушѣ.

Саррацины на югѣ, Норманы на сѣверѣ, частными своими ссорами, обагряли моря кровью и въ особенности опустошали ихъ своими пиратствами. Торговцы были постоянно подвержены самымъ серьезнымъ опасностямъ со стороны этихъ разбойниковъ, которые, не будучи уполномочены своими правительствами,—тѣмъ не менѣе были увѣрены въ полнѣйшей безнаказанности. Чтобы обезпечить себя отъ этихъ опасностей, каждое купеческое судно было вооружено; даже болѣе того,—хозяева кораблей образовывали ассосіаціи или союзы для совмѣстнаго плаванія и для оказанія взаимной помощи.

---

(99) Хотя репресаліи суть дѣйствія относящіяся къ времени мирному, потому что онѣ нисколько не нарушали дружественныхъ отношеній между правительствами, но большая аналогія, которая существуетъ между репресаліями и корсарствомъ въ собственномъ смыслѣ,—заставляетъ меня разсмотрѣть оба эти вопроса вмѣстѣ.

Вскорѣ затѣмъ, купеческіе корабли уже не ограничивались однимъ только отраженіемъ пиратовъ, а рѣшались преслѣдовать ихъ, вступать съ ними въ сраженія и овладѣвать ими. Первою цѣлью такихъ дѣйствій было: отнять или возвратить добычу, захваченную общимъ врагомъ; затѣмъ овладѣть богатствами, собранными разбойниками.

Мало по мало, корабли эти, вооруженные для своей защиты, стали употреблять свое оружіе, или для отмщенія полученнаго оскорбленія, или для уничтоженія болѣе слабаго соперника. Обиженная сторона, въ свою очередь, вооружалась чтобы возвратить себѣ то, что она потеряла; она нападала на суда своего обидчика и даже часто на суда своихъ соотечественниковъ, и завладѣвала ими для того, чтобы вознаградить понесенныя потери и расходы на это вознагражденіе. Но другая сторона не всегда оставалась побѣжденною; въ свою очередь также вооружалась и сама прибѣгала къ репресаліямъ. Отсюда рождались нескончаемыя ссоры, настоящія частныя войны между гражданами, государи которыхъ оставались въ мирѣ. Такіе факты могутъ показаться странными въ наше время; между тѣмъ они вполнѣ достовѣрны, точны и доказаны международными трактатами, предназначенными скорѣе для того, чтобы регламентировать, чѣмъ уничтожать эти частныя войны ([100]).

Акты эти безъ сомнѣнія стараются уменьшить число этихъ странныхъ войнъ, отнять у нихъ характеръ жестокости, который онѣ часто принимали; но акты эти признаютъ такія войны правомъ заинтересованныхъ сторонъ.

Съ другой стороны, лишь только государства начинали войну,—они призывали всѣхъ своихъ подданныхъ для содѣй-

---

([100]) См. трактаты 1228 и 1235 гг. между Франціей и Англіей; оба содержатъ слѣдующую статью: «Si infra duos menses postquam forisfactum eis constiterit, emendatum non fuerit, ex tunc ille cui forisfactum fuerit poterit currere super forisfactorem do nec plenarie fuerit emendatum. Et nos sine meffacere poterimus juvare hominem nostrum contra malefactorem qui forisfactum emendare noluerit», *Dumont*, «Corps diplom., t. I, part. 1, p. 166 и 389. Эта статья встрѣчается также въ мирныхъ договорахъ 1233 и 1255 гг. Тоже сочиненіе, p. 192 и 398.

ствія въ войнѣ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Такимъ образомъ всѣ корабли, вслѣдствіе одного только факта войны,— были уполномочены *гнаться за непріятелемъ* (*courir sus á l'ennemi*). Фраза эта, встрѣчающаяся въ формулахъ объявленія войны и употребляемая еще и въ настоящее время, — имѣла тогда свое полное значеніе; всѣ частныя лица, занимавшіяся мореплаваніемъ, могли принимать активное участіе въ войнѣ, безъ всякаго спеціальнаго полномочія или дозволенія главы государства. Часто даже государь накладывалъ запрещеніе на корабли своихъ подданныхъ для того, чтобы присоединить ихъ къ своему флоту, если онъ имѣлъ таковой, или, въ противномъ случаѣ, чтобы замѣнить его ([101]).

Въ средніе вѣка и долго еще послѣ, слѣдуетъ различать два рода корсарства: одно, совершавшееся во время мира,— *репресаліи*, другое,— единственное, которое мы знаемъ въ настоящее время,—*корсарство* (*la course*),—во время войны.

Первое корсарство, если можно такъ назвать, *мирное*, было регламентировано ранѣе втораго. Оно наносило громадный вредъ торговлѣ всѣхъ народовъ, низводило трактаты на степень иллюзій и бравировало власть самихъ государей. Съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ государства новѣйшей Европы мало по мало организовывались болѣе прочно; по мѣрѣ того какъ власть сильныхъ вассаловъ начала уменьшаться и частныя войны на сушѣ становились рѣже,— по необходимости должны были стараться положить конецъ и этимъ морскимъ распрямъ, которыя отнимали у народовъ возможность жить въ мирѣ съ своими сосѣдями. Первый шагъ, сдѣланный на этомъ пути—было: учрежденіе особаго трибунала, составленнаго изъ равнаго числа судей, избранныхъ изъ числа подданныхъ обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Судьи эти назывались *охранителями мира* (*conservateurs de la paix*).

([101]) Такъ поступилъ въ 1339 г. Французскій король Филиппъ Валуа, который соединилъ 200 купеческихъ кораблей, чтобы образовать флотъ. Флотъ этотъ былъ уничтоженъ въ сраженіи при Слейсѣ (l'Ecluse) (въ Голландіи). Шведскій король Альбертъ Мекленбургскій, взятый въ плѣнъ Датчанами, призывалъ всѣхъ своихъ подданныхъ къ себѣ на помощь.

Начиная съ XIII ст. воспрещалось прибѣгать къ насильственному или самоуправному завладѣнію, прежде обращенія къ этому мировому трибуналу. Но если судьи эти въ опредѣленный срокъ (срокъ этотъ былъ обыкновенно 2 мѣсяца) не вознаграждали убытковъ и не удовлетворяли жалобъ, то жалобщики вступали въ свои права и могли употреблять силу ([102]).

Конвенціи эти не содержатъ въ себѣ никакой карательной санкціи за нарушеніе этихъ постановленій, которыя такимъ образомъ, не имѣли достаточной силы.

Только къ началу XIV ст. предварительное обращеніе къ *охранителямъ мира*, прежде чѣмъ приступить къ насильственному захвату,—дѣлается дѣйствительно обязательнымъ. Чтобы констатировать обязательность этой формальности, а также въ томъ случаѣ, когда требуемое удовлетвореніе не было достигнуто,—челобитчику выдавали специальное полномочіе: вооружаться противъ своего противника и самому добиваться правосудія. Это полномочіе называлось *марка* (*marcha*), ([103]) изъ чего впослѣдствіе образовалось, употребляемое до настоящаго времени выраженіе: *lettre de marque* (*охранительная грамота*, или *корсарскій патентъ*). Патентъ этотъ ограничивалъ сумму, до которой должны были простираться репресаліи. Съ этихъ поръ, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній запрещалось прибѣгать къ употребленію силы безъ полученія этихъ патентовъ (lettres de marque).

Въ Англіи, хартія 1215 г. обезпечивала за иностранными торговцами полное покровительство, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ имуществъ, за исключеніемъ случая объявленія войны ([104]).

([102]) См. трактаты, приведенные въ предъидущей выноскѣ.

([103]) Существовало два рода патентовъ (lettres de marque). Одинъ,—на репресаліи въ собственномъ смыслѣ; — онъ давалъ полномочіе на захватъ имущества противника только тогда, когда имущество находилось подъ юрисдикціей государя, выдавшаго патентъ; другой—спеціально называвшійся *маркою* (*marcha*),— дозволялъ захватывать все, что принадлежало противнику въ открытомъ морѣ.

([104]) См. Великая хартія, (Grande charte) ch. XLI. Тоже постановленіе встрѣчается въ Великой хартіи 1224 г. ch. XXX.

Парламентскій актъ 1353 г. оказываетъ такое-же покровительство, но подъ условіемъ оставленія за королемъ право выдавать lettres de marque и de représailles, т. е. корсарскіе патенты и грамоты на репресаліи ([105]).

Въ XIV ст. употребленіе репресалій хотя не было отмѣнено вполнѣ, но было значительно ограничено. Въ 1414 и 1416 гг. два парламентскіе акта объявляли смертную казнь каждому англійскому подданному, который нарушитъ миръ или перемиріе,—и выставляли новыя условія для полученія патентовъ (lettres de marque) ([106]).

Около того же времени, въ началѣ XV ст. такія же спеціальныя полномочія правительства требовались въ Нидерландахъ.

Съ конца XIV ст. всѣ трактаты о мирѣ или перемиріи стремятся къ полному уничтоженію репресалій.

Въ 1446 г. дошли до того, что отъ всякаго корабля, выходившаго изъ порта, стали требовать *поручительство* или *залогъ* (caution), для вознагражденія убытковъ, которые онъ могъ причинить отечественнымъ или дружественнымъ судамъ ([107]).

Предосторожности, принимавшіяся для предупрежденія столкновеній въ мирное время, примѣняемы были впослѣдствіи къ частнымъ судамъ во время войны. Требовали, чтобы всѣ граждане, которые хотѣли принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ,—заявляли-бы о томъ прави-

---

([105]) Въ этомъ актѣ говорится, что имущества иностраннаго купца не будутъ подлежать захвату за преступленія или долги другого, за исключеніемъ только случая, когда иностранный государь, причинивъ убытки англійскимъ подданнымъ, — по надлежащемъ требованіи откажется дать удовлетвореніе; король въ такомъ случаѣ имѣетъ право выдавать марки и грамоты на репресаліи, какъ это было въ обыкновеніи и прежде. Edward III. stat. 2, cap. XVII.

([106]) Henri V, stat. I, cap. VI и VII; Runnington, t, I, p. 490 и 506.

([107]) См. именно трактаты, заключенные между Франціей и Англіей въ 1440 и 1468 гг. *Dumont*, t. III, part. I, p. 548, и part. 2, p. 97. *Martens* полагаетъ, что эти *залоги* (cautions) послужили источникомъ происхожденія тѣхъ залоговъ, которые требовались впослѣдствіе отъ корсаровъ. Я полагаю что это ошибка; мнѣ кажется даже вѣроятнымъ, что эти залоги были подражаніемъ тѣхъ, которые требовались уже отъ корсаровъ въ Средиземномъ морѣ.

тельству и могли бы отправляться въ море не раньше, какъ по полученіи спеціальнаго полномочія отъ своего государя. Всякій, кто занимался корсарствомъ безъ такого дозволенія, разсматривался какъ пиратъ, т. е. наказывался смертію. Трудно опредѣлить точное время первыхъ актовъ, которые подчинили корсаровъ этому правилу; но, есть вѣроятіе предположить, что на югѣ Европы мѣра эта была въ употребленіи уже въ концѣ XIII или въ началѣ XIV ст. Мартенсъ (de Martens) въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Traité des armateurs» говоритъ, что обычай этотъ вошелъ въ употребленіе не раньше какъ сто лѣтъ спустя. Но официальные документы доказываютъ справедливость моего мнѣнія.

Начиная съ 1298 г. законы Пизы обязывали арматоровъ, желавшихъ заниматься корсарствомъ, раньше выхода изъ порта,—представлять залогъ, могущій служить для вознагражденія убытковъ, которые они могли причинить мореплавателямъ отечественнымъ, или хотя и иностраннымъ, но не врагамъ республики ([01 8]).

Такимъ образомъ, мнѣ кажется достовѣрнымъ, что требованіе залога вошло въ употребленіе позже чѣмъ выдача полномочій; во всякомъ случаѣ требованіе залога не могло появиться раньше, потому что самый фактъ его представленія влекъ за собою просьбу о полномочіи.

Законы Генуи отъ 1313 и 1316 гг. выставляютъ тоже обязательство для корсаровъ во время войны.

На сѣверѣ и западѣ Европы ограниченія права вооружать суда для корсарства, дѣйствительно появляются только сто лѣтъ спустя. Ордонансъ французскаго короля Карла VI отъ 7 декабря 1400 г. есть первый оффиціальный актъ, который былъ изданъ по этому предмету ([109]).

([108]) *Breve curiæ maris*, 1298. Залогъ оставлялся: «de non offendendo aliquos alios, nisi inimicos communis Pisani....» См. также Генуэзскія постановленія отъ 18 февраля 1313 г. и 30 августа 1316 г. ch. XXXIX; *Pardessus*, «Collection», etc., t. IV, p. 431.

([109]) Ст. 3 французскаго ордонанса отъ 7 декабря 1400 г. содержала въ себѣ: «Se aucun de quelqu'estat qu'il soit mettoit sus aucun navire à ses propres dépens pour porter la guerre à nos ennemis, ce sera par le congé et consentement de notre amiral ou de son lieutenant.....»

Англія послѣдовала этому примѣру, но не заимствовала его вполнѣ. Парламентскій актъ 1414 г. не требуетъ предварительнаго полномочія короля для права заниматься корсарствомъ,—но обязываетъ корсаровъ приводить всѣ, взятые ими, призы въ англійскіе порта, и объявлять ихъ охранителямъ мира (conservateurs de la paix). Исполненіе этого было поставлено подъ страхомъ конфискаціи приза и самаго корабля-взятеля ([110]).

Ни тотъ ни другой изъ этихъ двухъ актовъ не говоритъ о залогѣ. Однако французскій ордонансъ заставляетъ капитана дать *клятву* не причинять никакого вреда французскимъ кораблямъ, равно какъ и кораблямъ дружественныхъ или союзныхъ съ Франціею государствъ. Залогъ, бывшій уже въ употребленіи на берегахъ Средиземнаго моря,—въ сѣверныхъ государствахъ вошелъ въ употребленіе только гораздо позже.

Англійскій актъ 1414 г., хотя менѣе полонъ чѣмъ французскій ордонансъ, но содержитъ очень важное постановленіе. До него, корсаръ, взявшій призъ,—дѣлался тотчасъ же полнымъ его собственникомъ; онъ могъ располагать имъ, какъ своею собственною вещью, безъ всякаго вмѣшательства государя.

Парламентъ требовалъ чтобы взятель объявлялъ о своихъ призахъ охранителямъ мира, ранѣе чего онъ не могъ сдѣлаться собственникомъ ихъ. Ордонансъ Карла VI могъ бы быть, безъ сомнѣнія истолкованъ въ томъ же смыслѣ, но онъ не довольно ясенъ ([111]). Если придать и ему ту-же силу, то по всѣму вѣроятію оба эти акта санкціонировали обычай, только что установившійся. Объявленіе о призахъ спеціальному трибуналу, послужило началомъ происхожденія обычая, существующаго въ настоящее время у всѣхъ націй,—подчинять призы предварительному суду.

([110]) Актъ англійскаго парламента 1414 г. приведенъ Runnington'омъ, t. I, p. 491.

([111]) Вслѣдъ за постановленіемъ, приведеннымъ въ предпослѣдней выноскѣ, ст. 11 ордонанса прибавляетъ: «lequel (l'amiral ou son lieutenant) a et aura au droit de sondit office la cognoissance, juridiction, correction et punition de tous les faits de ladite mer et ses dépendances, criminellement et civilement...»

Резюмируя все сказанное, мы видимъ, что въ теченіе среднихъ вѣковъ, и въ особенности въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій этого длиннаго періода, *пиратство*, преслѣдуемое съ большою энергіею, значительно уменьшаетъ свои опустошенія.

Частныя морскія войны, столь обыкновенныя на сѣверѣ и западѣ,—дѣлаются все болѣе и болѣе рѣдкими; онѣ были даже оффиціально уничтожены правительствами.

Репресаліи, поставленныя въ зависимость отъ полномочія государя,—теряютъ частный характеръ, который дѣлалъ ихъ столь опасными для торговли. Наконецъ *корсарство*, въ собственномъ смыслѣ, начинаетъ получать правильную форму; самыя серьезныя злоупотребленія уменьшаются и предотвращаются. При этомъ слѣдуетъ сдѣлать одно очень важное замѣчаніе: корсарство, въ XIV и XV ст., безъ сомнѣнія не было на такой степени развитія, до котораго дошло впослѣдствіи; но въ эти, почти еще варварскія времена, оно было строго ограничено прямыми военными дѣйствіями. Корсаръ могъ нападать только на непріятеля и никогда не на нейтральнаго ([112]); онъ не долженъ былъ, какъ это было впослѣдствіи, исполнять полицейскія обязанности относительно мореплаванія мирныхъ народовъ. Распространеніе, данное праву корсаровъ, — распространеніе столь-же гибельное для торговли, какъ противное естественному праву—есть позднѣйшее изобрѣтеніе торговой зависти воюющихъ.

§ III. Непріятельская собственность на нейтральныхъ корабляхъ; нейтральная собственность на непріятельскихъ корабляхъ.

Въ теченіе первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ мы не находимъ ничего, касающагося этого вопроса; я полагаю даже, что онъ не былъ еще возбужденъ, и что воюющіе не заявляли притязанія розыскивать непріятельскую собственность на дружественныхъ корабляхъ. Мнѣніе это я не могу подкрѣ-

---

([112]) По этому вопросу см. у *Martens*'а, «Des armateurs, des prises et surtout des reprises», ch. I, § 7.

пить никакимъ подлиннымъ документомъ, но оно не можетъ быть опровергнуто никакимъ актомъ, никакимъ закономъ, даже внутреннимъ, той эпохи. Вопросъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ соперничеству, или вѣрнѣе, меркантильной зависти Итальянскихъ республикъ. Пиза, Генуя, Венеція,—почерпали свое могущество только изъ торговли; упадокъ торговли—былъ упадкомъ самой націи. Эти города находились въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ; уничтожить торговлю врага,—составляло, слѣдовательно, главную и, можетъ быть, единственную цѣль каждаго изъ нихъ. Въ этихъ войнахъ, слабѣйшій, по всему вѣроятію, долженъ былъ, для спасенія хоть части своей торговли, обращаться къ содѣйствію нейтральныхъ кораблей, для безопасной перевозки товаровъ, охранить которыхъ флагъ его болѣе не могъ. Противникъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ свои усилія чтобы уничтожить у врага и эти послѣдніе способы. Единственнымъ для того средствомъ оставалось идти на иностранный или дружественный корабль и тамъ розыскивать непріятельскіе товары, которые могли быть нагружены на немъ. Средство это и было принято.

Невозможно опредѣлить время, когда этотъ обычай былъ принятъ мореплавателями Средиземнаго моря. Первое положительное упоминаніе о существованіи этого обычая находится въ «Морскомъ консулатѣ» (consulat de la mer; consolato del mare). Но Консулатъ не создавалъ никакого права, никакого новаго обычая; онъ констатировалъ только тѣ, которые, въ моментъ его изданія, существовали уже болѣе или менѣе давно. Самое время его изданія—очень неопредѣленно ([113]).

На основаніи Консулата, непріятельская собственность, находившаяся на нейтральномъ кораблѣ,—подлежала захвату. Хозяинъ корабля, на допросъ крейсера, долженъ былъ

([113]) Согласно *Pardessus*, Консулатъ былъ обнародованъ, самое раннее въ концѣ XIII ст. и самое позднее—около половины XIV ст.; но въ какое именно время,—точно опредѣлить невозможно. См. «Collection des lois anterieures» etc. t. II, ch. 12, p, 35.

объявить: имѣетъ ли онъ въ числѣ своего груза предметы, принадлежащіе противнику, и если онъ таковые имѣлъ, то долженъ былъ слѣдовать за крейсеромъ въ тотъ портъ, куда этому послѣднему заблагоразсудится его привести, для того, чтобы освободить его отъ товаровъ, подлежавшихъ захвату; въ случаѣ отказа — крейсеръ имѣлъ право пустить ко дну нейтральный корабль. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, воюющій долженъ былъ оставить корабль и ту часть груза, которая не принадлежала его противнику, свободными; кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить фрахтъ за захваченные предметы ([114]).

Для насъ очень важно подробно констатировать постановленія Консулата, или вѣрнѣе, тѣ обычаи, которые онъ освящалъ, ибо мы увидимъ, что нѣсколько столѣтій спустя, подъ предлогомъ исполненія этихъ постановленій, положеніе нейтральныхъ мореплавателей было очень стѣснено. Достаточно сравнить 276 ст. Консулата съ принципами изложенными въ 1-й части, для того чтобы видѣть, что постановленія Консулата безусловно противны естественному закону. Происхожденіе ихъ нельзя не узнать. Воюющіе примѣняли къ народамъ иностраннымъ и независимымъ римскій законъ, изданный императорами для своихъ подданныхъ.

Консулатъ не есть формальный актъ; онъ не есть даже внутренній законъ какого нибудь народа; онъ есть простой сборникъ обычаевъ, принятыхъ большинствомъ прибрежныхъ

([114]) Вотъ текстъ 276 статьи консулата, въ томъ видѣ, какъ она приведена у Pardessus: «если вооруженный корабль, идущій, или возвращающійся, или занимающійся корсарствомъ (etant en course), встрѣчаетъ купеческій корабль... если взятый корабль принадлежитъ къ числу дружественныхъ, тогда какъ находящіеся на немъ товары принадлежатъ врагамъ,—то адмиралъ вооруженнаго корабля можетъ остановить его и заставить принести къ нему все то, что принадлежитъ непріятелямъ съ тѣмъ, однако условіемъ, что адмиралъ долженъ заплатить хозяину этого корабля весь фрахтъ, который этотъ послѣдній долженъ-бы былъ получить, если бы доставилъ грузъ по назначенію... Если хозяинъ корабля, не смотря на приказаніе адмирала, будетъ отказываться доставить непріятельскіе товары, находящіеся на его кораблѣ въ такія мѣста, гдѣ взявшіе его будутъ въ безопасности, то адмиралъ можетъ, или самъ пустить, или приказать пустить его ко дну, спасши предварительно людей, находящихся на кораблѣ... Но надо знать: весь-ли грузъ, или большая его часть принадлежитъ непріятелю...

націй Средиземнаго моря. Онъ никогда и ни отъ какой верховной власти не получалъ санкціи, и каково бы ни было его значеніе, какъ законодательства торговаго,—онъ не имѣетъ никакой силы какъ актъ международный. 274 и 276 статьи, относящіяся къ непріятельской собственности, находившейся на нейтральныхъ корабляхъ, и къ нейтральнымъ товарамъ находившимся на непріятельскомъ кораблѣ, суть единственныя изъ всего сборника, которыя относятся къ международнымъ сношеніямъ во время войны. Обычай, освящаемый ими по первому вопросу,—вполнѣ согласенъ съ варварствомъ эпохи; право, предоставляемое крейсеру пустить ко дну нейтральный корабль, — служитъ тому доказательствомъ.

Не смотря на всѣ мои розыски, я не могъ найти ни одного формальнаго трактата, заключеннаго въ теченіе среднихъ вѣковъ, между морскими націями южной Европы, которые освящали бы обычай, установленный Консулатомъ, или даже предусматривали бы этотъ вопросъ. На сѣверѣ было не такъ. Многіе международные акты приняли начала Консулата. Это сходство между южными обычаями и трактатами, заключенными сѣверными народами, произошло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе тѣхъ сношеній, которыя существовали, начиная съ XII ст., между различными морскими націями. Жители береговъ Средиземнаго моря, сохранившіе еще привычку къ законодательству общему, къ закону римскому,—исполняли его безъ всякой необходимости заключать спеціальные трактаты. Народы, жившіе по берегамъ Океана и Сѣвернаго моря, неимѣвшіе этой первоначальной связи,—заимствовали обычаи у своихъ сосѣдей и утвердили ихъ формальными актами. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, впрочемъ, что большое число законовъ, относившихся къ мореплаванію, перешло на берега Балтійскаго моря изъ Италіи.

Первый формальный трактатъ, который провозгласилъ конфискацію непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ, былъ заключенъ въ 1406 г. между Англійскимъ королемъ и герцогомъ Бургундскимъ. Послѣ того, трактатъ этотъ былъ нѣсколько разъ возобновленъ: а именно въ 1417,

1426 и 1578 гг. ([115]). Непріятельскій товаръ былъ объявленъ подлежащимъ конфискаціи, и хозяинъ нейтральнаго корабля былъ обязанъ объявить крейсеру, если имѣлъ предметы подобнаго рода. Эти трактаты если и могутъ имѣть, то очень небольшое вліяніе на международное законодательство, потому что они были скорѣе оборонительными и наступательными союзными трактатами, заключенными націею, которая была горячимъ и страстнымъ врагомъ Франціи,—съ однимъ изъ сильныхъ вассаловъ этой послѣдней державы, противъ которой, въ особенности, и было направлено то постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ 1460 г. Англія заключила съ Генуэзской республикой трактатъ, въ который была включена эта статья ([116]); обычай Средиземнаго моря, существовавшій у одной изъ сторонъ, былъ принятъ въ этомъ трактатѣ. Такимъ образомъ, положительный законъ, при первомъ же своемъ появленіи, санкціонировалъ ошибки, заимствованныя изъ Консулата.

Какова должна быть судьба нейтральной собственности, найденной на непріятельскомъ кораблѣ въ моментъ его захвата? Консулатъ устанавливаетъ средневѣковый обычай южныхъ народовъ. 274 ст. Консулата требуетъ, чтобы нейтральный товаръ былъ возвращенъ собственнику. Она идетъ даже далѣе: если нейтральная часть груза больше, чѣмъ непріятельская, то статья даетъ нейтральному право выкупить корабль и, находящуюся на немъ непріятельскую собственность, дабы имѣть возможность отвезти свое имущество куда ему заблагоразсудится ([117]).

([115]) Въ трактатѣ этомъ читаемъ: «Les marchands, maisters de niefs et mariniers dudit pays de Flandre, ou demourant en Flandre, ne ameneront par fraude ne couleur quelconque aucuns biens ou marchandises des ennemis des Anglois par mer; et en cas qu'ils en, seront demandés par aucuns écumeurs ou autres gens de la partie d'Angleterre, ils en feront bonne et juste confession». *Rymer*, t. III, p. 88.

([116]) Трактатъ этотъ, который было бы слишкомъ долго приводить здѣсь, находится у *Dumont'a* «Corps diplom.», tom. III, part I, p. 596.

([117]) Ст. 274: «Если корабль принадлежитъ врагамъ, а грузъ—друзьямъ,—то купцы, которые находятся на кораблѣ и которымъ принадлежитъ грузъ, весь или частію, должны войти въ соглашеніе съ адмираломъ относительно выкупа

Такое рѣшеніе согласно съ принципами вѣчной справедливости, которые требуютъ, чтобы мирные народы продолжали пользоваться полною независимостью и не испытывали бы никакихъ прямыхъ послѣдствій войны. Такое рѣшеніе этого вопроса было принято въ первыхъ актахъ положительнаго права, т. е. въ только что приведенныхъ мною трактатахъ; но вскорѣ оно было замѣнено противоположнымъ правиломъ, а именно: *непріятельскій корабль конфискуетъ дружеское платье*, (*navire ennemi confisque robe d'amis*).

Съ 2 Іюля 1468 г., трактатъ, заключенный между Англійскимъ королемъ Эдуардомъ III и Бретанскимъ герцогомъ Францискомъ,—объявилъ, что дружеская собственность будетъ подлежать конфискаціи на непріятельскихъ корабляхъ ([118]). Это постановленіе было принято въ небольшомъ числѣ трактатовъ, заключенныхъ по этому предмету въ концѣ XV ст. ([119]). Рѣшенія, данныя предъидущимъ вопросамъ, вполнѣ, слѣдовательно, противорѣчатъ принципамъ естественнаго права, такимъ, какъ я ихъ изложилъ; болѣе того, рѣшенія эти находятся въ полномъ противорѣчіи съ обычаями, бывшими тогда въ употребленіи у всѣхъ народовъ, въ сухопутныхъ войнахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ послѣднихъ, воюющій уважалъ территорію мирныхъ народовъ; онъ никогда не позволялъ себѣ пытаться отнять имущество своего

корабля, составляющаго законный призъ, за надлежащую и возможную для нихъ цѣну,—и онъ (адмиралъ) долженъ предложить имъ цѣну или потерю умѣренную, не подвергая ихъ никакой несправедливости. Но если купцы не захотятъ придти къ надлежащему соглашенію съ адмираломъ, — этотъ послѣдній имѣетъ право послать своихъ людей на взятое судно и отправить его въ то мѣсто гдѣ онъ самъ будетъ вооруженъ, а купцы будутъ обязаны заплатить фрахтъ этого корабля, въ томъ размѣрѣ, какъ еслибы онъ доставилъ ихъ грузъ въ мѣсто его назначенія, и ничего болѣе». *Pardessus*, «Collection, etc., t. II, p. 303.

([118]) «....и подъ тѣмъ что сказано въ настоящемъ трактатѣ, не слѣдуетъ разумѣть тотъ случай, если подданные Бретани отправятся сами или нагрузятъ свое имущество или товары на корабляхъ для насъ непріятельскихъ.... что подданные сказанныхъ англійскихъ портовъ не могли бы взять и присвоить себѣ людей и имущество, которое они найдутъ на непріятельскихъ корабляхъ...» *Lampredi*, «Commerce des neutres» 2-me partie.

([119]) См. именно трактатъ отъ 22 іюля 1486 г. между Англійскимъ Генрихомъ III и тѣмъ же Бретанскимъ герцогомъ Францискомъ. *Lampredi*, loc. cit.

врага, которое могло находиться на священной, нейтральной землѣ; онъ никогда не считалъ за собою право просить дружественнаго государя, чтобы онъ объявлялъ о непріятельскомъ имуществѣ въ его государствахъ, и тѣмъ болѣе требовать, чтобы это имущество было ему выдано. Второе рѣшеніе представляетъ такое же различіе. Въ описываемую мною эпоху, побѣдитель какого нибудь города или непріятельской территоріи,—уважалъ все, что принадлежало иностранцамъ, подданнымъ нейтральныхъ націй.

Причина такого различія мною уже указана: это—торговая зависть, желаніе нанести нейтральнымъ вредъ, уничтоженіемъ ихъ торговли. Мирные народы могли бы поздравить себя, если бы эта зависть ограничивалась только этими двумя рѣшеніями, какъ бы несправедливы онѣ не были.

§ IV. *Право осмотра (droit de visite) и захватъ нейтральныхъ кораблей.*

Одинъ современный писатель, имя котораго пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностію,—*Pardessus*, считалъ возможнымъ, изъ фактовъ, содержащихся въ предъидущемъ параграфѣ, заключить, что право, извѣстное въ настоящее время подъ названіемъ *право осмотра*,—существовало, или было установлено въ періодъ среднихъ вѣковъ ([120]). Онъ основывается, безъ сомнѣнія, на томъ, что конфискація непріятельской собственности, находившейся на нейтральномъ кораблѣ, не могла имѣть мѣста безъ осмотра. Я полагаю что это ошибка. По моему мнѣнію, *право осмотра* есть изобрѣтеніе положительнаго закона; оно получило свое начало не раньше какъ въ слѣдующій періодъ. Мнѣніе это я основываю на фактахъ, и въ особенности,—такъ какъ авторитетъ фактовъ часто бываетъ ошибоченъ,—на документахъ, которые установили тотъ ложный принципъ, что непріятельская собственность, находившаяся на дружественномъ кораблѣ,

---

([120]) См. *Pardessus*, «Collection des lois maritimes antérieures au XVIII-e siècle» t. II, p. 322.

подлежитъ конфискаціи. Консулатъ, (Consulat de la mer), постановленія котораго я приводилъ, — не говоритъ ничего, по этому, столь важному, предмету. Но, указанные мною трактаты XV ст., на оборотъ, очень ясны; они требуютъ, чтобы нейтральный добросовѣстно объявлялъ крейсеру: есть или нѣтъ въ его грузѣ товары, принадлежащіе непріятелю. Трактатъ 1468 г., между Англіей и Генуэзской республикой, уже по одному тому, что одна изъ договаривавшихся сторонъ была морская держава береговъ Средиземнаго моря, — долженъ быть разсматриваемъ какъ содержащій истинные принципы Консулата. Онъ положительно говоритъ, что нейтральный долженъ объявлять крейсеру: имѣетъ ли онъ непріятельскіе товары, и что крейсеръ долженъ удовольствоваться такимъ объявленіемъ ([121]).

Одинъ актъ, на который я не могъ опереться въ предъидущемъ параграфѣ, потому что онъ, по времени своему, принадлежитъ къ слѣдующему періоду,—именно трактатъ отъ 24 Февраля 1495 г. между Англіей и Филиппомъ, Эрцгерцогомъ Австрійскимъ, Бургонскимъ и пр., содержитъ точное опредѣленіе о томъ, что крейсеръ долженъ довольствоваться словеснымъ заявленіемъ хозяина корабля, и въ случаѣ доказаннаго, впослѣдствіи, обмана,—подвергаетъ хозяина корабля платежу стоимости непріятельскихъ товаровъ, скрытыхъ, такимъ обманомъ, отъ крейсера ([122]). На основаніи

([121]) «. ..Et casu quo fuerint petiti et interrogati per nostros, dicti Jannenses debent immediate et sine dilatione (mediante juramento suo *cui subditi nostri fidem debent)* veritatem dicere et fateri et quæ et qualia bona inimicorum nostrorum, aut inimici nostri, in navibus suis, et illa sine difficultate tradere et deliberare capitaneis vel ducentibus navigia nostra....» *Dumont*, recueil cité. См. также *Hautefeuille*, «Des droits» etc., tit X, t. 2 (3 edit).

([122]) Ст. 23 оканчивается слѣдующими словами: «и если они будутъ поступать иначе (если они будутъ имѣть у себя непріятельскіе товары) и, будучи спрошены подданными и офицерами сказанныхъ государей, они обязаны сказать полную и истинную правду и сдѣлать требуемое отъ нихъ объявленіе, которымъ должны удовольствоваться на первое время, и тѣ, кто будетъ требовать сказанное объявленіе, не должны производить дальнѣйшаго розыска. Но если потомъ будетъ доказано, что отвѣты и объявленія были ложны,—то объявитель обязанъ заплатить обманутому столько, сколько будутъ стоить перевозимые имъ непріятельскіе товары». *Dumont*, t. III, part. 2, p. 318.

этихъ актовъ я полагалъ возможнымъ утверждать, что право осмотра, въ томъ видѣ, какъ оно было установлено и практикуемо впослѣдствіи,—было совершенно неизвѣстно въ XV ст. Его замѣняло *объявленіе*, подобное тому, какое требуется въ настоящее время относительно военной контрабанды отъ нейтральныхъ военныхъ судовъ, конвоирующихъ купеческія. Я не сомнѣваюсь, что это *объявленіе* есть остатокъ средневѣковаго обычая, сохраненнаго въ интересахъ нейтральныхъ конвоировъ.

Только что сказаное мною относительно права осмотра, въ равной мѣрѣ примѣняется къ захвату нейтральныхъ кораблей. До конца XV ст. я не встрѣтилъ ни одного международнаго акта, который говорилъ бы о правѣ воюющаго конфисковать нейтральные корабли. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе первыхъ столѣтій этого втораго періода, среди безпорядка, производимаго пиратствомъ, частными войнами, репресаліями, марками, контромарками и другими тому подобными фактами,—очень трудно отличить то, на что народы смотрѣли какъ на право, отъ того что они практиковали какъ фактъ; но въ теченіе этого варварскаго времени никакой актъ, даже частный, не даетъ возможности предполагать существованіе этого права. Въ концѣ среднихъ вѣковъ,—въ продолженіе около 150 лѣтъ, внутренніе законы установились, формальные трактаты были заключены, и, однимъ словомъ, права: частное и международное, начали разсѣевать мракъ и появляться на свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ эту послѣднюю часть этого періода, мы не находимъ никакого документа, который уполномочивалъ бы воюющаго останавливать и конфисковать нейтральные корабли. Поэтому, кажется достовѣрнымъ, что право это не существовало еще въ ту эпоху.

Мнѣ казалось весьма важнымъ, заканчивая средневѣковый періодъ международнаго права, констатировать, что эти два права были еще неизвѣстны, дабы имѣть возможность, при изученіи послѣдующихъ періодовъ, обратить вниманіе на происхожденіе этихъ новыхъ правъ для воюющихъ, и на причины, ихъ породившія.

§ V. *Репризъ или рекуссъ* (*recousse*).

Репризомъ или рекуссомъ называется отнятіе или обратное взятіе отъ непріятеля корабля, взятаго уже этимъ послѣднимъ.

Самое древнѣйшее постановленіе о репризахъ содержится въ Консулатѣ. По буквѣ этого закона, если корабль обратно отнятъ раньше, чѣмъ онъ былъ отведенъ въ безопасное мѣсто (en lieu de sûreté), *intra praesidia*, то онъ долженъ быть возвращенъ тому, кто находится на этомъ кораблѣ, если есть еще кто нибудь въ живыхъ, и при томъ съ уплатою вознагражденія, которое было различно и опредѣлялось сообразно съ тѣми расходами и условіями, которые были сдѣланы для таковаго обратнаго взятія. Если наоборотъ, непріятель (отведя свою жертву въ безопасное мѣсто, intra præsidia),—тѣмъ самымъ обезпечитъ ее себѣ,—то въ такомъ случаѣ, отнятый обратно корабль и его грузъ принадлежатъ цѣликомъ обратному взятелю. Принципы эти почти тѣ же самые, какіе установлены относительно кораблекрушенія, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается призовъ, неотведенныхъ еше въ безопасное мѣсто.

Консулатъ,—есть единственный средневѣковый актъ, въ которомъ говорится о репризахъ. Необходимо констатировать, что онъ ничего не упоминаетъ о репризѣ нейтральныхъ кораблей. Это безъ сомнѣнія потому, что въ эти варварскія времена, собственность мирныхъ народовъ была уважаема гораздо болѣе, чѣмъ въ нашъ цивилизованный вѣкъ, а также и потому, что, какъ я только что объяснилъ, воюющіе не считали еще за собою права захватывать и конфисковать корабли мирныхъ народовъ.

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННІЕ МОРСКІЕ И ТОРГОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Внутренніе законы должны оставаться чуждыми международному праву; вмѣшательство ихъ въ это право было всегда дурно, а иногда даже гибельно. Однако, нельзя отрицать того факта, который обнаружился въ средніе вѣка, и который проявлялся въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ періодовъ, а именно, что внутренніе законы оказываютъ неизбѣжное вліяніе на сношенія народовъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что при заключеніи трактатовъ, каждая изъ сторонъ старается заставить другую принять постановленія своего законодательства. Вслѣдствіе этого, я полагаю полезнымъ бросить бѣглый взглядъ на внутренніе морскіе законы, которые появились и получили развитіе у народовъ, занимавшихся мореплаваніемъ, въ теченіе этого періода. Я буду слѣдовать хронологическому порядку, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это будетъ возможно, ибо точное время большинства законодательствъ неизвѣстно. Дабы избѣжать всякой сбивчивости, я скажу сперва объ институтахъ народовъ южной Европы, затѣмъ я перейду къ институтамъ народовъ западныхъ и сѣверныхъ. Было бы черезъ чуръ долго подробно разсматривать всѣ эти законодательства; поэтому я ограничусь указаніемъ важнѣйшихъ нововведеній, которыя каждое изъ этихъ законодательствъ могло внести въ международное право, и притомъ только такихъ нововведеній, которыя относятся къ сношеніямъ народовъ между собою.

Здѣсь долженъ быть отмѣченъ одинъ общій и проявляющійся безусловнымъ образомъ вездѣ фактъ—это, сходство, замѣчаемое между всѣми морскими законами. Гражданское право измѣняется до безконечности подъ вліяніемъ нравовъ, религіи, формы правленія, климата и всѣхъ вообще внѣшнихъ обстоятельствъ. Морскіе законы, наоборотъ, имѣютъ однообразный характеръ; они всѣ имѣютъ сходство между собою; всѣ они представляются какъ бы твореніемъ единаго законодателя, или по крайней мѣрѣ законами, изданными по одному образцу. Между тѣмъ это было не такъ.

Океанъ—принадлежитъ всѣмъ и одинаковъ для всѣхъ; всѣ мореплаватели, — каковы бы ни были ихъ религія, страна, нравы,—ведутъ одинаковой образъ жизни, борятся съ тѣми же элементами, подвергаютъ себя тѣмъ же опасностямъ. Отсюда и происходитъ то сходство, которое мы встрѣчаемъ между морскими законами, и на которое *Pardessus* часто указываетъ въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, предпринимаемыхъ имъ для того, чтобы открыть или опредѣлить: какой націи слѣдуетъ приписать происхожденіе новѣйшихъ и важнѣйшихъ постановленій, изобрѣтеніе которыхъ оспаривается различными народами.

Во время вторженія варваровъ, римское право, какъ объ этомъ сказано было выше, продолжало господствовать въ большинствѣ странъ, входившихъ прежде въ составъ имперіи; однако, право это, подъ владычествомъ этихъ варваровъ, начало мало по малу измѣпяться; новые факты вызывали и новые законы; этимъ объясняется то обстоятельство, что начиная съ первыхъ же вѣковъ послѣ вторженія,—появляются морскія и торговыя законодательства на берегахъ Средиземнаго моря и даже въ Константинополѣ.

Законы, относящіеся къ торговлѣ и мореплаванію, и содержащіеся въ кодексахъ, составленныхъ по повелѣнію императора Юстиніана, заключаютъ въ себѣ весьма небольшое число постановленій, могущихъ обратить на себя наше вниманіе. Всѣ они носятъ характеръ законовъ, изданныхъ какъ бы для имперіи, обнимающей всю вселенную. Законъ: *de navibus non excusandis*,—совершенно справедливъ и пригоденъ

для подданныхъ того государя, который его издалъ, но дурно примѣненный впослѣдствіи, онъ сдѣлался источникомъ права, примѣняемаго народами къ иностраннымъ кораблямъ и извѣстнаго въ новѣйшихъ языкахъ подъ названіемъ *права ангаріи* (*droit d'angarie*).

Постановленія, относящіяся къ кораблекрушеніямъ строго воспрещаютъ разграбленіе имуществъ, выброшенныхъ бурею ([123]).

Римскіе законы были измѣнены варварами. Такъ, Вестготы, утвердившіеся въ южной части Галіи, издали собраніе законовъ, основанныхъ, безъ сомнѣнія, на древнемъ правѣ, но отличавшихся отъ него въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Достаточно указать на: *Breviarium Aniani* и *Lex romana utinensis*. Теодорихъ въ Италіи, издалъ одинъ эдиктъ, измѣнившій римскіе законы; морской торговлѣ посвящена всего только одна статья, именно 109.

Бургундцы и завоеватели Испаніи послѣдовали этому примѣру, или вѣрнѣе, — такъ какъ примѣръ сосѣдей мало касался ихъ,—издали также свои законы. Ни одинъ изъ нихъ не содержитъ въ себѣ никакого важнаго нововведенія, и только нѣсколько вѣковъ послѣ вторженія, мы находимъ болѣе полные морскіе законы.

Самые древнѣйшіе, какіе извѣстны намъ, суть законы *Trani*, изданные, какъ полагаютъ, въ 1063 г. подъ заглавіемъ: *Ordo et consuetudo maris*. Ни одинъ текстъ этихъ законовъ не дошелъ до насъ. Законы *Amalfi* имѣли ту же участь; даже трудно утверждать, существовали ли они въ дѣйствительности. Если вѣрить *Azuni*, то *Table Amalfitaine* признавалась всѣми итальянскими народами за самое мудрое законодательство изъ всѣхъ торговыхъ законовъ. Въ *Amalfi* существовалъ даже трибуналъ или адмиралтейскій судъ, власть котораго добровольно признавали всѣ націи полуострова

([123]) Loi 3, ff. ad legem Corneliam, de Siccariis,—назначали смертную казнь всѣмъ, кто утаивалъ вещи, спасенныя послѣ кораблекрушенія. 64 конституцій императора Льва измѣнила это наказаніе и назначила денежный штрафъ, равный четверной стоимости утаенныхъ предметовъ.

Peninsule. Но Azuni не приводитъ никакого доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія. Какъ ни знаменитъ этотъ законъ, но — онъ совершенно затерянъ. Фактъ этотъ долженъ показаться страннымъ, въ особенности если мы примемъ во вниманіе, что, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, Table Amalfitaine пользовалась очень большимъ значеніемъ и служила руководствомъ для всѣхъ коммерческихъ рѣшеній въ Неаполѣ, еще въ 1570 г. Какъ допустить, чтобы такой знаменитый законъ, бывшій еще въ силѣ цѣлое столѣтіе послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, въ концѣ XVI ст. могъ быть совершенно затерянъ? Фактъ этотъ представляется мало вѣроятнымъ; я склоненъ думать, что *Table Amalfitaine* есть нечто иное какъ нѣсколько измѣненный законъ римскій или даже законъ *Trani*. Городъ Марсель, бывшая Фокейская колонія въ южной оконечности Галліи, былъ знаменитъ своимъ мореплаваніемъ и торговлею еще за долго до вторженія варваровъ. Подъ римскимъ владычествомъ, которому подпалъ и онъ, Марсель съумѣлъ сохранить нѣкоторую долю своей свободы; и если не вполнѣ, то почти вполнѣ съумѣлъ освободиться изъ подъ ига варваровъ. Колонія эта никогда не переставала заниматься морскою торговлею и весьма рано уже имѣла свои спеціальные морскіе торговые законы. Мы имѣемъ книгу марсельскихъ статутовъ (Statuts de Marseille); время изданія ея относится къ 1256 г., но она сама представляетъ доказательство того, что большинство ея постановленій было заимствовано изъ законодательства предшествовавшаго и очень древняго ([124]).

Марсель всегда отличался своею умѣренностію и справедливостію; онъ почти никогда не принималъ добровольнаго участія въ распряхъ и войнахъ, опустошавшихъ Средиземное море въ средніе вѣка. Законы его всегда грозили смертною казнію за разграбленіе имуществъ, потерпѣвшихъ крушеніе и за торговлю оружіемъ съ невѣрными; фактъ достойный замѣчанія, что оба эти запрещенія уважались гражданами этого города. Морское законодательство Марселя, безъ

([124]) См. *Pardessus*, «Collection des lois» etc., t. I, ch. 2, p. 111.

у конд-ктор
пгтр. гор. тип.

526469

АЕ

Петрогр.
гор. 40 к.
жел.дор.
Дѣйствителенъ
для одного
проѣзда по всему
маршруту безъ
права передачи
и пересадки.

№ 3.

-2/81б

всякаго сомнѣнія, восходитъ къ временамъ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ законодательства Trani и Amalfi.

Въ 1099 г. рыцари крестовыхъ походовъ, утвердившіеся на Востокѣ, издали подъ заглавіемъ *Іерусалимскіе Ассизы* (*Assises de Jérusalem*), кодексъ законовъ, достаточно полный для того времени. Онъ былъ раздѣленъ на 2 части: *баронскіе ассизы* (*les assises des barons*) и *мѣщанскіе ассизы* (*les assises des bourgeois*). Перенесенные на Кипръ, законы эти были затеряны первый разъ и возстановлены Амори (Amaury), а въ 1194 г. они были затеряны вторично и вторично возстановлены Жаномъ-Ибелиномъ (Jean d'Ibelin). По всѣму вѣроятію, каждое изъ этихъ изданій внесло какое нибудь измѣненіе въ первоначальный текстъ, который мы такимъ образомъ не можемъ и опредѣлить. Ассизы сохранялись на Кипрѣ даже подъ венеціанскимъ владычествомъ. Въ 1535 г. венеціанская сеньерія (Seigneurie) приказала перевести ихъ на итальянскій языкъ, который сдѣлался общимъ языкомъ всѣхъ жителей. Въ мѣщанскихъ ассизахъ (assises des bourgeois) находится весьма немного постановленій, относящихся къ торговлѣ и мореплаванію. Общимъ руководящимъ правиломъ служили обычаи: французскіе, греческіе и итальянскіе; ассизы же примѣнялись только къ такимъ случаямъ, которые именно они предусматривали.

Изъ числа постановленій іерусалимскихъ ассизовъ, слѣдуетъ указать на три: первое, содержащееся въ главахъ 41 и 45, опредѣляетъ отношенія грузоотправителя къ хозяину корабля. Договоръ фрахта былъ очень древній, но онъ былъ опредѣленъ совершенно спеціальнымъ образомъ, потому что торговецъ сопровождалъ свой грузъ. Постановленіе, о которомъ я говорю, какъ бы указываетъ на то, что около этого времени, грузоотправители начинаютъ переставать отправляться вмѣстѣ съ своими товарами; это нововведеніе, вызванное безъ сомнѣнія развитіемъ торговли, необходимо должно было совершенно измѣнить отношеніе между капитаномъ корабля и грузоотправителемъ. Гл. 44 воспрещаетъ торговлю оружіемъ съ невѣрными и назначаетъ очень строгія наказанія за нарушеніе сего. Наконецъ въ 46 гл., Амори гово-

ритъ о спасеніи предметовъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и требуетъ, чтобы они были возвращены вполнѣ ихъ собственнику. По этому закону, всѣ торговыя и морскія дѣла были подчинены спеціальной юрисдикціи, которая ни въ какомъ случаѣ не могла допускать судебнаго поединка. (combat judiciaire)

Въ теченіе XII и XIII ст., морская торговля сдѣлала огромные успѣхи; цивилизація быстро распространялась; появились новыя потребности, которыя требовали новыхъ законовъ. Каждый морской городъ скоро имѣлъ уже свои собственные. Но здѣсь слѣдуетъ прибавить, что намъ едва извѣстны даже названія большинства этихъ кодексовъ.

Статуты Пизы, изданные въ 1160 г., были возобновлены и дополнены въ 1225 г. Первые законы Венеціи намъ совершенно неизвѣстны; нѣкоторые писатели полагаютъ, что этотъ городъ, столь могущественный своимъ флотомъ,—не имѣлъ никакого спеціальнаго законодательства и до половины XIII ст. довольствовался римскимъ правомъ. Мнѣ кажется болѣе основательнымъ думать, что, предшествовавшіе спеціальные законы были затеряны. Въ 1255 г. появился «*Capitulaire nauticum*» самый полный морской законъ, какой существовалъ въ то время, и который содержалъ въ себѣ 126 статей. Онъ опредѣлялъ всѣ подробности, употреблявшихся тогда въ морской торговлѣ, контрактовъ,—съ такою мудростію, которая могла быть только результатомъ опыта; но онъ не содержалъ ни одного постановленія, касавшагося международныхъ принциповъ.

Испанія также приняла участіе въ общемъ движеніи. Въ 1258 г. Іаковъ I издалъ въ Барцелонѣ одинъ, не имѣющій, впрочемъ, большаго значенія, законъ, содержаніе котораго было затеряно. Два года спустя, Альфонсъ X издалъ кодексъ, извѣстный подъ названіемъ «*Partidas*», и содержавшій нѣсколько главъ посвященныхъ морскимъ дѣламъ. Содержаніе его намъ неизвѣстно.

Къ этому времени должно быть отнесено составленіе знаменитой компиляціи, извѣстной подъ названіемъ *Морскаго Консулата* (*Consulat de la mer*). Но точное время его появленія опредѣлить невозможно; неизвѣстно даже ни имя его автора, ни

страна, гдѣ онъ былъ составленъ; ученые много занимались этими вопросами, но всѣ ихъ труды остались безплодными. Если изъ числа всѣхъ этихъ мнѣній, мнѣ дозволено будетъ выбрать одно, то я полагаю, что слѣдуетъ остановиться на слѣдующемъ: Консулатъ есть произведеніе многихъ, глубоко просвѣщенныхъ и опытныхъ во всемъ, что касается морской торговли,—людей, которые послѣдовательно изложили въ этой книгѣ результаты наблюденій и изученій, сдѣланныхъ ими въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Консулатъ въ первоначальномъ своемъ видѣ далеко не былъ такъ полонъ; онъ совершенствовался и пополнялся постепенно, и наконецъ народы, занимавшіеся мореплаваніемъ, пораженные мудростію его постановленій,—приняли его для руководства. Время изданія, равно какъ и авторы его не были, да и не могли быть одни; цѣлое столѣтіе, можетъ быть, было употреблено на его составленіе. Что касается мѣста изданія, то мнѣ кажется, что одни только Марсель или Барцелона могутъ оспаривать честь быть его родиной.

Такимъ образомъ, какъ я замѣтилъ, Консулатъ не составлялъ закона. Нигдѣ, ни въ какой странѣ онъ не имѣлъ законодательнаго характера; никакой государь не издавалъ его въ своемъ государствѣ. Онъ представляетъ простое собраніе обычаевъ, принятыхъ прибрежными народами Средиземнаго моря. Въ эпоху, когда онъ появился, онъ составлялъ собою самое полное собраніе, какое когда нибудь существовало относительно морской торговли. На его постановленіяхъ лежалъ отпечатокъ той практической мудрости, вслѣдствіе которой онъ былъ принятъ почти всѣми морскими народами. Многія изъ этихъ постановленій послужили основаніемъ французскому ордонансу 1681 г. и, слѣдовательно, торговому кодексу, дѣйствующему въ настоящее время во Франціи и въ большой части Европы.

Разбирая вопросъ о непріятельскихъ товарахъ находящихся на нейтральныхъ корабляхъ и о нейтральныхъ товарахъ—на непріятельскихъ корабляхъ—я изложилъ содержаніе 274 и 276 ст., Консулата—единственныхъ изъ этой большой компиляціи относившихся къ международному праву. Я сказалъ,

что рѣшеніе перваго вопроса было противно принципамъ естественнаго права.

Если разсматривать Консулатъ какъ морской торговый институтъ, то нельзя слишкомъ похвалить эту компиляцію, которая и до сихъ поръ служитъ основаніемъ новѣйшихъ законодательствъ. Въ ней господствуетъ нѣкоторая сбивчивость; статьи, говорящія объ одномъ и томъ же предметѣ—отдѣлены одна отъ другой и разбросаны случайно; но постановленія его—полны мудрости. Такая несистематичность подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе относительно составленія и происхожденія этого сборника. Если, наоборотъ, захотятъ разсматривать Консулатъ, какъ источникъ международнаго закона, не смотря на то, что онъ не имѣетъ ни одного изъ спеціальныхъ и существенныхъ признаковъ формальныхъ актовъ, и что слѣдовательно онъ не можетъ имѣть никакой силы,—я не побоюсь сказать, что онъ былъ источникомъ самыхъ серьезныхъ заблужденій и ошибокъ.

Съ этой послѣдней точки, Гюбнеръ (Hubner) весьма энергично отвергалъ его силу. Противники этого великаго писателя, были неправы думая, что онъ не зналъ Консулата и что онъ говорилъ о немъ никогда не изучавъ его.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ столѣтій, когда Европа дѣлала громадныя усилія, чтобы выйти изъ мрака варварства,—сѣверныя и западныя націи неоставались праздными; онѣ также старались регламентировать свою торговлю и свое мореплаваніе.

Въ концѣ XI или въ началѣ XII ст., такъ какъ невозможно опредѣлить время хотя бы приблизительно,—появился сборникъ морскихъ обычаевъ, предназначенный спеціально для плаванія въ океанѣ и сѣверныхъ моряхъ,—подъ названіемъ: «*les Rôoles ou jugements d'Oléron*». Подобно Консулату—это не былъ законъ; никакая законная власть не участвовала въ изданіи его; это было простой сборникъ обычаевъ, который, вслѣдствіе мудрости своей, былъ принятъ почти всѣми мореплавателями. Имя автора, равно какъ и отечество его,—неизвѣстны. Заглавіе заставляетъ думать, что сборникъ этотъ появился сперва на маленькомъ островкѣ Оleронъ, торговля кото-

раго была довольно распространена въ ту эпоху; но предположеніе это ничѣмъ не доказывается. Эта компиляція не содержитъ никакого международнаго постановленія. Первоначально она состояла изъ 25 статей; Англичане прибавили къ нимъ 10 новыхъ. Компиляція эта перешла въ Испанію и Фландрію, гдѣ первоначальныя статьи получили названіе «lois de West-capelle» или «jugement de Damme»; наконецъ, на берегахъ Балтики, смѣшавшись съ нѣкоторыми голландскими обычаями,—она получила названіе: «lois de Wisbuy». Къ началу XVI ст. «les Rôoles d'Oléron» были увеличены въ одной только Франціи, четвертою частью, состоявшею изъ 21 статьи, исключительно посвященныхъ кораблекрушенію, останкамъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе и вообще предметамъ выброшеннымъ на берегъ, т. е. *береговому праву*.

Другое собраніе морскихъ обычаевъ, подъ названіемъ *«les Coutumes d'Amsterdam, d'Enchuyssen et de Stavern»* появилось въ Голландіи въ XIV ст.; въ значительной части, оно есть воспроизведеніе или подражаніе «Rôoles d'Oléron». Почти въ тоже время, компиляція подобнаго же рода, одинаково лишенная всякаго законодательнаго характера, появилась на свѣтъ въ *Wisbuy*, цвѣтущемъ городѣ на Готландѣ. Она содержала 66 статей, изъ которыхъ 25 (отъ 15 до 39), за исключеніемъ перемѣны названія мѣстностей,—суть буквальная копія *«Rôoles d'Oléron»*; другія, сходны съ постановленіями *«Coutume d'Amsterdam»*; но трудно узнать, который изъ двухъ сборниковъ послужилъ образцомъ для другаго. Эти акты касаются исключительно частнаго мореплаванія и не представляютъ никакого интереса съ точки зрѣнія международнаго права.

Такое большое число сборниковъ обычаевъ доказываетъ развитіе торговли; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ законнаго, легальнаго характера; коммерческіе судьи слѣдовали этимъ писаннымъ обычаямъ, которые были выраженіемъ опытности ихъ предшественниковъ и отвѣчали нуждамъ ихъ сограждан.

ГЛАВА III.

МОРЕПЛАВАНІЕ, МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

Вторженіе варваровъ въ Западную Имперію нанесло цивилизаціи гибельный ударъ во всѣхъ провинціяхъ, на которыя оно распространилось. Восточная Имперія, хотя и не такъ сильно была поражена, тѣмъ не менѣе находилась въ состояніи упадка, который не позволялъ ей помочь западнымъ народамъ, выйти изъ пропасти, въ которую они были ввергнуты. Однако же, нѣкоторые, болѣе счастливые, или болѣе энергичные, города продолжали заниматься торговлею и мореплаваніемъ, и даже происхожденіемъ своимъ были обязаны тому бичу, который опустошилъ римскій міръ. Часто посѣщая страны, избѣгнувшія вторженія, жители этихъ городовъ заимствовали и вынесли оттуда элементы древней цивилизаціи, преобразованной уже божественною религіею Христа.

Марсель, который въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій своимъ блескомъ и благосостояніемъ былъ обязанъ своему флоту, никогда не переставалъ заниматься морскою торговлею; и лишь только онъ былъ въ состояніи избавиться отъ ига варваровъ, какъ всѣ свои силы обратилъ на развитіе мореплаванія. Городъ этотъ всегда отличался умѣренностію своей политики и далеко распространилъ свою торговлю и свою славу. Онъ составлялъ источникъ свѣта въ южной Галліи, сравнительно довольно сильный для того, чтобы оказывать благодѣтельное вліяніе на окружавшіе его города. Трани

(Trani) имѣлъ почти ту же участь: онъ также продолжалъ заниматься морскою торговлею, и, можетъ быть, даже былъ школою, въ которой венеціанцы заимствовали искуство мореплаванія. Торговая зависть повлекла за собою полное его паденіе: онъ былъ уничтоженъ итальянскимъ, цивилизованнымъ соперникомъ его.

Венеція, происхожденіемъ своимъ была обязана вторженію. Въ V ст. небольшое число итальянцевъ, можетъ быть, какъ утверждали впослѣдствіи ихъ потомки, римскихъ гражданъ, спасаясь отъ ига варваровъ, укрылось въ недоступныя лагуны Адріатическаго моря и остались тамъ свободными, тогда какъ всѣ народы Пенинсулы (Peninsule) подверглись послѣдовательному игу всѣхъ ордъ, которыя наводнили старинныя римскія провинціи. Земли недоставало для этой маленькой націи и она должна была въ моряхъ искать себѣ средствъ къ существованію; венеціанцы, рыболовы по необходимости,—скоро сдѣлались мореплавателями и торговцами; успѣхи ихъ были быстры, такъ какъ съ VI уже ст. мы находимъ ихъ господствующими на всемъ Адріатическомъ заливѣ и распространившими свою торговлю до Константинополя.

Большое число другихъ итальянскихъ городовъ съ большимъ успѣхомъ послѣдовали примѣру жителей Трани, Амальфи и Венеціи. Эти народы сдѣлались, такимъ образомъ, посредниками, мѣновыми факторами между восточными и западными націями. Они отправлялись въ глубь Средиземнаго моря искать богатыхъ произведеній Индіи, центральной Азіи и даже Китая, и доставляли ихъ франкамъ и германцамъ. Они знакомили этихъ послѣднихъ съ азіатскою роскошью и цивилизаціею, и зарождали въ нихъ, не желаніе подражать искуству и промышленности этихъ отдаленныхъ странъ,—а потребность доставить себѣ, цѣною величайшихъ пожертвованій,—произведенія и благодѣянія этой промышленности. Торговля эта доставляла тѣмъ, кто занимался ею, громадныя богатства, и, слѣдовательно большое могущество. Ихъ флоты были грозны для всѣхъ прибрежныхъ народовъ Средиземнаго моря;

даже для самихъ константинопольскихъ императоровъ. Къ сожалѣнію, соперничество и торговая зависть,—скоро раздѣлили ихъ; кровопролитныя и почти безпрерывныя войны существовали между этими государствами,—которыя были могущественны своимъ флотомъ и своими колоніями, но первоначальная территорія которыхъ, ограничивалась нѣсколькими, или даже однимъ городомъ. Эти продолжительныя войны парализировали, безъ сомнѣнія, успѣхи цивилизаціи, которую торговля могущественно стремилась развить.

Непредвидѣнное событіе дало торговлѣ и мореплаванію всей Европы новый толчекъ, а цивилизаціи — новый элементъ развитія. Въ 1075 г. одна мусульманская орда, сельджукскіе турки, народъ варварскій, вышедшій изъ центральной Азіи,—овладѣлъ Сиріей и Палестиной. При этомъ извѣстіи, всѣ христіанскіе народы взволновались; волненіе это дошло до величайшей степени когда узнали о жестокихъ гоненіяхъ, которымъ невѣрные подвергали христіанъ, желавшихъ посѣтить святыя мѣста. На голосъ Петра Пустынника и папы Урбана II,—вся западная Европа двинулась, чтобы избавить отъ оскверненія тѣ мѣста, гдѣ происходили святыя тайны религіи. Съ 1095 до 1248 г. изъ Европы отправилось въ Азію пять большихъ крестовыхъ походовъ, не считая отдѣльныхъ экспедицій, которыя не имѣли никакого успѣха; знатнѣйшіе бароны и лучшіе вельможи англійскіе, германскіе и, въ особенности, французскіе, предводительствуемые королями и императорами,—принимали участіе въ этихъ предпріятіяхъ.

Для достиженія своей цѣли, крестоносцы нуждались въ корабляхъ; такъ какъ они таковыхъ не имѣли, то необходимо должны были прибѣгать къ содѣйствію морскихъ городовъ. Венеція, Генуа, Пиза, Марсель, Барцелона были заняты перевозкою христіанскихъ воиновъ, доставленіемъ подкрѣпленій, снабженіемъ съѣстными и другими припасами, необходимыми для этихъ далекихъ походовъ. Не принимая никогда прямаго и активнаго участія въ крестовыхъ походахъ, города эти собрали всѣ непосредственные ихъ плоды. Каждая экспедиція, кромѣ коммерческой выгоды, фрахта,

продажи жизненныхъ и другихъ припасовъ и пр.,—доставляла этимъ морскимъ народамъ весьма обширныя привиллегіи въ покоренныхъ странахъ. Я уже имѣлъ случай привести трактатъ, заключенный между французскимъ королемъ Людовикомъ Святымъ и Венеціанской республикой; трактатъ этотъ можетъ дать намъ точное понятіе о громадныхъ выгодахъ, которыя доставляли морскимъ націямъ подобныя перевозки; онѣ обезпечивали имъ къ тому же весьма значительное вліяніе. Венеціанцы были изгнаны изъ Константинополя Пизанцами, которые пріобрѣли тамъ полный перевѣсъ; они уклонили отъ первоначальной цѣли четвертый крестовый походъ, содѣйствовали паденію Восточной Имперіи и созданію Имперіи Латинской. При раздѣлѣ провинцій, они взяли себѣ въ полную собственность тѣ, которыя въ особенности были имъ удобны, а въ другихъ, оставили за собою очень важныя торговыя привиллегіи. Полстолѣтія спустя, въ 1261 г., Генуэзцы ниспровергли Латинскую Имперію и посадили на тронъ Императора Михаила Палеолога, который, безъ помощи ихъ кораблей, не могъ бы овладѣть Константинополемъ.

Если крестовые походы не имѣли того успѣха, котораго ожидали ихъ руководители, то все-таки походы эти имѣли очень большое вліяніе на европейскую цивилизацію и на развитіе торговли и мореплаванія. Подробное изслѣдованіе всѣхъ политическихъ результатовъ этихъ экспедицій, обсуждавшихся часто весьма поверхностно, — не можетъ входить въ программу моего труда; мнѣ будетъ достаточно сказать, что крестовые походы, ослабивъ могущество большихъ вельможъ,—значительно усилили могущество государей, и нанесли первый и большой ударъ феодальной системѣ. Они облегчили освобожденіе общинъ и даже частныхъ рабовъ, наконецъ, они распрастранили между крестоносцами новыя идеи, которыя должны были впослѣдствіи принести свои плоды. Дабы ограничиться чисто торговыми и морскими результатами этихъ предпріятій, я замѣчу, что всѣ крестоносцы, какъ большіе вельможи, такъ и простые спутники, соприкоснувшись съ болѣе развитой цивилизаціей Востока,—необходимо вынесли оттуда желаніе, можетъ быть и

даже потребность,подражать тѣмъ искуствамъ, съ которыми они познакомились, и добыть себѣ тѣ произведенія, которыя они не могли выдѣлывать сами. Всѣ они освоились съ моремъ и его опасностями, и узнали важность, которую имѣетъ флотъ для государства, желающаго быть могущественнымъ. Вліяніе это сказалось повсюду, даже на дикихъ, еще, берегахъ Балтики.

Вслѣдствіе крестоваго похода, Англійскій король Ричардъ I, съ нѣсколькими кораблями, которые онъ могъ собрать въ своей странѣ,—переплылъ Гибралтарскій проливъ, который Англичане не переходили еще до того. Основаніе орденовъ: Тевтонскихъ рыцарей (1191 г.) и Меченосцевъ (1201 г.)— совершилось въ Палестинѣ, и ордена эти впослѣдствіи утвердились въ Пруссіи и Ливоніи (1230 г.), куда, не смотря на свои воинственные и иногда даже нѣсколько дикіе нравы,— они внесли существовавшую тогда цивилизацію. По всѣму вѣроятію рыцари употребляли всѣ свои усилія, чтобы пріохотить своихъ подданныхъ къ торговлѣ и мореплаванію, которыми сами они занимались съ успѣхомъ. Достовѣрно то, что Ганзейская лига получила свое начало въ странѣ, подчиненной ихъ господству.

Необходимость защищаться отъ Норвежскихъ пиратовъ, опустошавшихъ Балтику,—повлекла за собою учрежденіе коммерческой ассосіаціи, которой суждено было скоро сдѣлаться грозною морскою державою. Происхожденіе ея очень неясно; по всѣму вѣроятію торговцы, сперва одного города, соединились для того, чтобы отражать нападеніе общаго врага. Успѣхъ, достигнутый этими первыми попытками, повелъ за собою быстрое развитіе такихъ обществъ; въ ассосіацію стали принимать гражданъ сосѣднихъ городовъ, и даже самихъ муниципальныхъ начальниковъ; городовые сенаты, признавая большую полезность этого учрежденія,—стали во главѣ его. Съ тѣхъ поръ оно приняло національный характеръ; изъ частнаго,оно сдѣлалось общественнымъ, народнымъ; наконецъ, къ концу XIII ст., Ганзейскій союзъ появляется какъ одно цѣлое. Его успѣхи были столь быстры, что въ 1391 г. онъ считалъ въ своемъ составѣ уже болѣе 40 союз-

ныхъ городовъ и составлялъ самую грозную, морскую державу сѣверной Европы.

Весьма трудно не сдѣлать сравненія между поведеніемъ морскихъ городовъ сѣверныхъ и прибрежныхъ городовъ Средиземнаго моря. Эти послѣдніе были постоянно заняты распрями и войнами,—войнами ужасными, ожесточенными, кончавшимися уничтоженіемъ одной изъ странъ. Я не буду говорить ни о Трани, ни объ Амальфи; они исчезли со сцены, не пріобрѣтя большаго могущества. Пиза была уничтожена своей сосѣдкой Генуей въ 1290 г. послѣ войны, продолжавшейся многіе годы. И сама Генуа, чуть не погубившая Венецію,—пала подъ отчаянными усиліями своей счастливой соперницы (1380). Я исключаю изъ этой картины и Барцелону, которая вмѣшивалась въ эти распри весьма рѣдко, и въ особенности Марсель, который никогда не принималъ добровольнаго участія въ этомъ горячемъ соперничествѣ и съумѣлъ, посреди битвъ, поддержать свою торговлю и свое мореплаваніе.

На сѣверѣ, наоборотъ, морскіе и торговые города группируются и соединяются для того чтобы взаимно поддерживать другъ друга; они образуютъ лигу или союзъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняется грознымъ и цвѣтущимъ, и падаетъ только тогда, когда заявляетъ притязаніе сдѣлаться политическимъ государствомъ. Въ чемъ заключается источникъ такого различія? Изслѣдованіе этого, я предоставляю людямъ болѣе ученымъ чѣмъ я. Однако, да позволено мнѣ будетъ высказать одно предположеніе. Большинство городовъ сѣвера зависѣло отъ имперіи; всѣ они были окружены могущественными государствами; имъ было необходимо держаться соединенными для того, чтобы имѣть возможность противиться всѣмъ предпріятіямъ, которыя богатство ихъ могло внушить ихъ могущественнымъ сосѣдямъ. Этотъ мотивъ могъ бы также объяснить умѣренность Марселя и Барселоны. Итальянскіе морскіе города, наоборотъ, болѣе сильные чѣмъ все, что ихъ окружало,—не имѣли никакого опасенія, ни со стороны народовъ, ни со стороны государей. Они

могли свободно предаваться внушеніямъ торговаго соперничества и зависти.

Въ началѣ этого періода Европа была погружена въ самое глубокое варварство; однако средніе вѣка не прошли безъ того, чтобы духъ общежительности и стремленія къ самосовершенствованію не сдѣлалъ многихъ и успѣшныхъ усилій, не только для того, чтобы возвратить потери, причиненныя вторженіемъ, но еще и для того, чтобы ознаменоваться важными открытіями и успѣхами и въ особенности чтобы подготовить таковые, долженствовавшіе украсить собою слѣдующій періодъ.

Я уже обратилъ вниманіе на тотъ путь, по которому слѣдовало законодательство, касавшееся торговли и мореплаванія,—законодательство, ставшее гораздо выше римскаго, потому что торговля была гораздо болѣе развита, была гораздо болѣе значительна, чѣмъ когда бы то ни было подъ господствомъ римлянъ. Успѣхи торговли породили, неизвѣстные древнимъ законодателямъ, договоры, каковы: договоры страхованія и векселя (1246). Начали формироваться торговыя общества; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались даже очень могущественными. Можно указать, между прочимъ, на общество *Umili* въ Пизѣ. Оно имѣло военный флотъ и колоніальныя учрежденія за-границей; оно вступало въ договоры непосредственно и отъ собственнаго своего имени съ государями, и имѣло въ нѣкоторыхъ странахъ торговыя привиллегіи, болѣе обширныя, чѣмъ сама Пиза; наконецъ оно образовало въ республикѣ родъ отдѣльной республики.

Въ 1315 г. мы встрѣчаемъ во Франціи слѣды торговыхъ командитствъ, образованныхъ итальянцами, которыхъ называли тогда *Ломбардами* (*Lombards*).

Въ теченіе этой эпохи были изобрѣтены банки. Венеціанскій банкъ восходитъ къ XII ст. Игра на повышеніе и пониженіе различныхъ предметовъ торговли была уже тогда извѣстна, что вполнѣ доказывается декреталіей, изданной Папою Александромъ III въ 1213 г., въ которой, Римскій первосвященникъ съ большою точностію различаетъ все что законно и незаконно въ подобнаго рода операціяхъ.

Открытія, сдѣланныя въ послѣднемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, многочисленны и важны; можно сказать, что онѣ подготовили собою тѣ открытія, которыми гордятся послѣдующіе вѣка. Достаточно отмѣтить изобрѣтеніе пороха и артиллеріи (1312); изготовленіе бумаги изъ тряпокъ (1390); открытіе Португальцами Мадеры и Азорскихъ острововъ (1320—1332); открытіе западныхъ береговъ Африки за предѣлы Зеленаго мыса, куда, начиная съ XIII ст., мореплаватели Байонны, Ларошели, С. Мало и Діеппа—отправлялись искать золота, слоновой кости, перьевъ и пр.; изобрѣтеніе книгопечатанія (1436),—изобрѣтеніе, которое должно было сдѣлать распространеніе свѣта столь легкимъ, столь быстрымъ, что съ тѣхъ поръ возвратъ къ варварству долженъ казаться невозможнымъ; наконецъ другое изобрѣтеніе, болѣе древнее, время котораго опредѣлить трудно: изобрѣтеніе компаса, долженствовавшее произвести революцію менѣе кровавую, менѣе ужасную чѣмъ вторженіе, но столь же полную и гораздо болѣе полезную для человѣчества и цивилизаціи.

Посреди этого общаго движенія человѣческаго ума, которое представляетъ намъ послѣдняя часть среднихъ вѣковъ,—слѣдуетъ отмѣтить одинъ фактъ: наука права тщательно обрабатывалась учеными, труды которыхъ поистинѣ замѣчательны; но мы не находимъ ни одного писателя, который занимался бы торговыми и морскими законами, составлявшими, однако, одну изъ величайшихъ потребностей той эпохи. Ни одинъ ученый не писалъ по международному праву, которое начинало уже выходить изъ окружавшаго его до того мрака, и оказывать свое вліяніе на народы.

ЧАСТЬ IV.

Съ открытія Америки и морскаго пути въ Индію до Утрехтскихъ трактатовъ (1490—1713).

(Періодъ третій).

У древнихъ, во время римскаго владычества и въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, главная всемірная торговля производилась въ Средиземномъ морѣ. Народы, жившіе по берегамъ этого моря, и, въ особенности, народы Италіи имѣли у себя родъ монополіи на произведенія Востока и Индіи, монополіи, которая обезпечивала за ними богатство и морское превосходство. Народы Сѣвера производили, правда, нѣкоторые обмѣны, при посредствѣ Россіи, съ Азіей, и при посредствѣ Венгровъ,—съ Чернымъ моремъ; но эти пути были слишкомъ длинны, слишкомъ дороги для того. чтобы эта торговля могла получить большое развитіе.

Одинъ важный фактъ совершенно измѣнилъ этотъ порядокъ вещей и придалъ западному мореплаванію громадную важность. Христофоръ Колумбъ открываетъ Новый свѣтъ, и для торговли—новое поприще. Это была настоящая революція, правда мирная, но все-таки революція. Какія должны были быть ея послѣдствія? Позволительно думать, что открытіе Америки должно бы было установить равновѣсіе между торговлею и мореплаваніемъ Западной Европы и Востока; и я даже не колеблюсь думать, что знакомство съ новымъ континентомъ, должно было, въ болѣе или менѣе отдаленномъ

будущемъ, дать перевѣсъ народамъ, жившимъ на берегахъ океана, предоставивъ прибрежнымъ жителямъ Средиземнаго моря торговлю съ Востокомъ и Индіей. Но вопросъ этотъ не успѣлъ еще выясниться, какъ мореплаванію юга былъ нанесенъ послѣдній и рѣшительный ударъ, который докончилъ паденіе морскихъ народовъ Италіи.

Давно уже Португальцы предавались, съ такимъ-же постоянствомъ, какъ и успѣхомъ, самымъ дальнимъ, для той эпохи, морскимъ экспедиціямъ. Поощряемые, даже руководимые однимъ изъ своихъ государей,—они перешли всѣ, извѣстные до того, предѣлы на берегахъ Африки. Они, послѣдовательно, открыли островъ Мадеру, острова Азорскіе, Канарскіе и Зеленаго мыса; они постепенно продолжали подвигаться впередъ по западному берегу Африканскаго континента. Въ 1486 г. Португальскій адмиралъ Бартелеми Діазъ (Barthélemy Diaz) открылъ *мысъ Бурь* или *Доброй Надежды*, и поднялся немного къ сѣверу для того, чтобы убѣдиться, что пространство воды, которое онъ видѣлъ передъ собою, было въ дѣйствительности море, а не большой заливъ. Двадцать лѣтъ спустя, Васко-де-Гама присталъ къ берегамъ Индіи. Новая дорога, безъ сомнѣнія длинная, но морская и прямая, болѣе вѣрная, болѣе скорая и менѣе дорогая, чѣмъ прежняя,—была открыта между берегами Европы и восточной Азіи.

Венеція, которая, раззоривъ всѣхъ своихъ соперниковъ, осталась единственною могущественною державою на Средиземномъ морѣ,— вполнѣ почувствовала всю важность открытія, сдѣланнаго Португальцами. Она не пожалѣла никакихъ средствъ, чтобы уничтжить успѣхи христіанъ, ея единовѣрцевъ, въ Индіи, и чтобы изгнать новыхъ побѣдителей, которые грозили овладѣть самими источниками ея величія и могущества. Но она тщетно употребляла всѣ усилія, всѣ хитрости, все вѣроломство своей политики; тщетно она подняла противъ Португальцевъ, мѣстныхъ государей, и Египетскихъ и даже Константинопольскихъ султановъ; тщетно она истощала свои сокровища чтобы поддержать жаръ и подкупить войска невѣрныхъ. Португальцы, силою энергіи, пожертвованій и храбрости, преодолѣли всѣ препятствія, одолѣли всѣхъ сво-

ихъ враговъ и достигли утвержденія въ Индіи могущественной Имперіи ([125]). Лиссабонъ занялъ мѣсто Венеціи; онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ богатыхъ произведеній Востока. Съ тѣхъ поръ для Итальянцевъ сдѣлалось невозможнымъ выдерживать конкуренцію этой торговли ([126]).

Однако эти столь важныя открытія, которыя, казалось, должны были дать новую жизнь всей Европѣ, были, одно время, парализованы для большинства народовъ. Испанцы въ Америкѣ, Португальцы въ восточныхъ Индіяхъ,—заявили притязаніе не только на исключительное владѣніе, но даже на полную монополію. Они хотѣли изгнать изъ новыхъ морей всѣхъ чужестранныхъ мореплавателей. Открытіе и покореніе Португальцами Бразиліи едва не породило даже войну между двумя націями; но онѣ уладили дѣло миролюбиво и раздѣлили между собою самую большую часть извѣстнаго и неизвѣстнаго тогда свѣта. Папа Александръ VI утвердилъ этотъ раздѣлъ ([127]); но другіе народы отказались подчиниться такимъ непомѣрнымъ притязаніямъ, которыя, однако, останавливали ихъ въ теченіи около одного столѣтія. Въ 1584 г. Англичане положили основаніе громадной имперіи, которою они владѣли въ Сѣверной Америкѣ, и основали колонію Виргинію. Въ 1655 г. они одержали надъ Испанцами побѣду и пріобрѣли Ямайку. Первыя французскія учрежденія въ Канадѣ восходятъ къ 1535 г., къ царствованію Франциска I. Квебекъ былъ основанъ въ 1608 г.; колоніи: Мартиника и Гваделупа—были основаны только въ 1635 г.

Съ самыхъ первыхъ временъ возникновенія прямыхъ сноше-

([125]) Въ 1509 г. François d'Alméida разбилъ на голову, посланный противъ него египетскій флотъ. Въ 1558 г. Antonio Silveira уничтожилъ грозный флотъ, снаряженный Солиманомъ Великимъ для разрушенія *Діу* (*Diu*). См. *Osorius*, «De reb. gest. Emmanuelis» и *Koch*, «Révolutions de l'Europe», 6 période, t. II, p. 106.

([126]) См. *Koch* въ приведенномъ сочиненіи, (6 per., t. II, p. 158), приводитъ картину быстраго паденія Венеціи.

([127]) См. буллу Александра VI отъ 1493 г., исправленную буллою 1494 г. Эта послѣдняя назначала фиктивную линію, проведенную отъ одного полюса къ другому, въ разстояніи 470 миль къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса. Всѣ страны, открытыя и могущія быть открытыми къ востоку отъ этой линіи, были отданы португальцамъ, а къ западу должны были принадлежать испанцамъ.

ній съ восточными странами Азіи,—жители Нидерландовъ, извѣстные уже своимъ торговымъ и морскимъ искуствомъ,— создали себѣ весьма важную и доходную отрасль торговли. Они брали въ Лиссабонѣ произведенія Индіи и снабжали ими всѣ прибрежныя страны Чернаго моря и Балтики. Война, которую они вели для завоеванія себѣ независимости, не прекратила этой торговли. Но Филипъ II, сдѣлавшись государемъ Португаліи, хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ тѣмъ, кого онъ называлъ бунтовщиками, и воспретилъ имъ всякую торговлю въ портахъ, находившихся подъ его властію, и именно въ Лиссабонѣ. Чтобы не потерять такой доходной отрасли торговли,—Голландцы рѣшились идти прямо въ Индію, чтобы прямо оттуда брать предметы, въ которыхъ имъ отказывали въ Европѣ (1595). Вскорѣ они утвердились въ этихъ богатыхъ странахъ. Португальцы хотѣли воспротивиться и этому; но. побѣжденные при Бантамѣ, они должны были покориться и терпѣть соперниковъ. Недовольные этими успѣхами, конфедераты вознамѣрились вскорѣ лишить Португальцевъ ихъ владѣній; они овладѣли Малаккой въ 1604 г. и Явой въ 1619 г. Въ это-же время они основали городъ Батавію.

Двойное открытіе, которымъ ознаменовано начало этого періода, дало торговлѣ и мореплаванію громадный толчокъ, и, въ то время, какъ флоты Средиземнаго моря постепенно уничтожались,—на Океанѣ создавались болѣе грозные и болѣе многочисленные флоты. До тѣхъ пока мореплаваніе, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ было практикуемо южными народами, прежними подданными римской имперіи, отчасти подчиненными римскимъ законамъ, говорящими однимъ и тѣмъ-же языкомъ, мало отличавшимися между собою по своимъ нравамъ, языку и, въ особенности, по происхожденію, исповѣдывавшими ту-же религію,—морское международное право, имѣвшее весьма рѣдкіе случаи примѣненія,— должно было сдѣлать мало успѣховъ. Но съ момента, когда мореплаваніе сдѣлалось достояніемъ націй, существенно различныхъ по своимъ нравамъ, языку и происхожденію,—точки соприкосновенія умножились, а съ этимъ вмѣстѣ умножились и по-

воды къ спорамъ; явилось болѣе противоположныхъ интересовъ и, слѣдовательно, болѣе случаевъ искать соглашеній и умиротвореній того, что они имѣли противоположнаго и часто несогласимаго. Въ предъидущей части, я указалъ, что одна компиляція, безъ названія, безъ числа, лишенная всякаго законодательнаго характера, была достаточна для того, чтобы установить на всемъ прибрежьѣ Средиземнаго моря правило: *непріятельскій товаръ подлежитъ конфискаціи на дружественномъ кораблѣ (robe d'ennemi est confiscable sur navire ami)*; тогда какъ, для того, чтобы распространиться между жителями Сѣвера, правило это должно было быть включеннымъ въ международные трактаты. Такое направленіе сѣверныхъ народовъ сохранилось и развилось вмѣстѣ съ торговлей. Международное право вообще заняло широкое мѣсто въ управленіи народовъ. Оно было разработано и вскорѣ сдѣлалось наукой. Я долженъ, однако, прибавить, что часть этого права, спеціально примѣняемая къ мореплаванію, не бывши въ пренебреженіи, тѣмъ не менѣе, изучалась гораздо менѣе, чѣмъ часть, относившаяся къ сношеніямъ сухопутнымъ. Такое равнодушіе къ той отрасли народнаго права, которую я не колеблясь называю самою трудною и слѣдовательно самою важною,—мнѣ представляется необъяснимымъ.

Одинъ фактъ, или вѣрнѣе одна дурная страсть, о которой я принужденъ сказать, имѣла очень большое и очень прискорбное вліяніе не на самое морское право, а на поведеніе народовъ, занимавшихся мореплаваніемъ. Я хочу сказать о соперничествѣ, торговой зависти, которая овладѣла всѣми націями, занимавшимися торговлею. По опыту уже знали, что морская торговля составляетъ обильный источникъ богатства, и слѣдовательно могущества· поэтому, всѣ прибрежныя государства спѣшили, на сколько позволяла имъ способность и природа,—броситься на то поприще, которое обѣщало такія богатыя выгоды. Вскорѣ появилось соперничество, которое весьма быстро перешло въ зависть. Мы увидимъ ниже много кровопролитныхъ войнъ, не имѣвшихъ никакой другой дѣйствительной причины, какъ только эту несчастную страсть.

Если торговая зависть, пожиравшая народы, находившіеся въ войнѣ, довольствовалась нанесеніемъ возможно большаго вреда непріятелю, даже путемъ полнаго уничтоженія его торговли, его флота, колоніальныхъ учрежденій и даже портовъ,—то моралистъ могъ бы, безъ сомнѣнія, этимъ огорчаться; но публицистъ, государственный человѣкъ не видѣлъ-бы въ этомъ ничего другаго, какъ осуществленіе, быть можетъ, чрезмѣрное, но законное,—права войны. Но зависть не остановилась на этомъ: она направила оружіе воюющихъ не только противъ непріятеля, но еще, и въ особенности, противъ народовъ, оставшихся мирными зрителями борьбы. Каждая морская война дѣлалась рядомъ пиратскихъ дѣйствій, организованныхъ самими правительствами, предводительствуемыхъ самими государями. Народы, наиболѣе могущественные въ особенности, открыто нарушали, не только непреложные принципы естественнаго права, но даже и обязательства положительнаго права, самые формальные трактаты, которые они еще такъ недавно клялись добросовѣстно исполнять. Цѣль такого поведенія, заслуживающаго строгаго порицанія, была: воспользоваться состояніемъ войны и всегда сопровождающими ее безпорядками, чтобы уничтожить всякую торговую конкуренцію, всякій флотъ, дружескій или непріятельскій, дабы въ моментъ наступленія мира, очутиться въ обладаніи нѣкотораго рода всемірной монополіей. Цѣлью войны было, такимъ образомъ, не вредить непріятелю, что было бы осуществленіемъ права, но вредить нейтральнымъ, что составляло нарушеніе обязанности. Такая система будетъ представляться нашимъ глазамъ въ теченіе всего періода, къ которому мы приступаемъ, и будетъ все болѣе и болѣе развиваться въ послѣдующемъ.

Въ XVI ст. Европа могла наконецъ принять политическую систему; одинъ изъ основныхъ элементовъ этой системы требуетъ нѣсколько словъ въ разъясненіе. Ранѣе этой эпохи, государства, основанныя на развалинахъ западной имперіи, оставались изолированными одно отъ другого; раздираемыя внутри себя безпрестанными войнами, которыя сильные вассалы вели съ своими суверенами. государства истощали свои

силы; и если какія нибудь, даже значительныя побѣды отмѣчали чье нибудь царствованіе, то онѣ едва возбуждали вниманіе сосѣднихъ народовъ. Къ тому же было невозможно тогда составить политическій планъ и выполнять его. Въ теченіи XV ст. феодольная анархія начала уменьшаться; государи, сдѣлавшись болѣе сильными въ своихъ государствахъ, начали заниматься изданіями административныхъ законовъ. Войска, постоянныя и наемныя, могущественно содѣйствовали паденію крупныхъ ленниковъ и доставили государямъ болѣе равное и болѣе постоянное могущество. Сдѣлавшись болѣе могущественными, государи начали помышлять о побѣдахъ и завоеваніяхъ, а потому нашли необходимымъ вступать въ болѣе близкія политическія сношенія съ своими сосѣдями. Отсюда стали проявляться вліянія однѣхъ націй на другія.

Но эти сношенія и этотъ духъ завоеванія должны были повести за собою новую систему. Побѣды, одержанныя одною націею должны были, естественно, обратить на себя вниманіе ея сосѣдей, какъ потому, что послѣдніе боялись ея вліянія, такъ и потому, что они страшились за свою собственную независимость. Надо было найти средство противодѣйствовать такому властолюбію и даже привести угрожавшую націю въ такое состояніе, чтобы она перестала быть опасною для всѣхъ другихъ народовъ. Средство такое нашли въ союзахъ, которые позволили болѣе слабымъ націямъ съ успѣхомъ вести войну противъ такихъ націй, слишкомъ большія силы которыхъ дѣлали ихъ грозными для всѣхъ. Отсюда возникло то, что называется системою Европейскаго равновѣсія.

Система эта породила одинъ, необыкновенный и отмѣченный уже двумя новѣйшими писателями, фактъ ([128]): государи и народы чрезвычайно заботились установить

([128]) *Azuni*, «Droit maritime de l'Europe», t. 1, ch. 1 art. 1, § 20 et méme chapitre, art. 6; *de Rayneval* «De la liberté des mers», t. 1. См. также сочиненіе *Hauttefeuille*'я «Des droits et des devoirs des nations neutres» и пр.

равновѣсіе между Европейскими державами на сушѣ, и ничего не сдѣлали для установленія той же системы на моряхъ. Какъ будто, необходимость морскаго равновѣсія— ускользнула отъ глазъ всѣхъ ([129]).

([129]) См. ниже, часть VI, гл. 2, заключеніе.

ГЛАВА I.

РАЗВИТІЕ И ИЗМѢНЕНІЕ МОРСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

ОТДѢЛЪ I.

Морское международное право, относящееся ко времени мира.

§ 1. *Консульскія учрежденія.*

Учрежденіе консуловъ въ иностранныхъ государствахъ, въ томъ видѣ, какъ мы видѣли въ средніе вѣка, съ гражданской и уголовной юрисдикціей надъ своими соотечественниками, постоянно жившими или временно пребывавшими въ томъ мѣстѣ гдѣ консулы исполняли свои обязанности,—представляло собою характеръ, который весьма важно констатировать. Право гражданской и уголовной юрисдикціи есть существенная часть суверенитета; оно принадлежитъ главѣ государства и распространяется на всѣхъ, кто живетъ на территоріи этого государства,—каково бы ни было ихъ отечество. Соглашаясь на учрежденіе консуловъ съ тѣми правами, которыя имъ были предоставлены,—территоріальные государи, въ сущности, отказывались, въ пользу иностранцевъ, водворившихся въ ихъ государствахъ,— отъ нѣкоторой части своихъ правъ. Изъ такого порядка вещей вытекали весьма серьезныя затрудненія. Въ одномъ и томъ же государствѣ существовали чиновники, назначенные иностранными государями, отправлявшіе правосудіе именемъ этихъ государей, примѣнявшіе иностранные законы, повиновавшіеся иностраннымъ

распоряженіямъ и управлявшіе, согласно съ этими распоряженіями, болѣе или менѣе значительною частью населенія. Такое положеніе было совершенно противно постановленіямъ естественнаго закона.

Въ теченіе XVI и XVII ст., учрежденныя уже консульства продолжали существовать со всѣми прерогативами, которыя имъ были предоставлены; новыхъ консульствъ было учреждено немного. Значительное развитіе, которое получила торговля вслѣдствіе новыхъ открытій, не могло увеличить число консульскихъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, завоеванія, сдѣланныя въ Индіяхъ, колоніи, основанныя европейцами въ странахъ восточной Азіи и Америки—не были открыты для иностранцевъ. Каждый народъ сохранялъ за собою абсолютную монополію, въ учрежденнныхъ имъ новыхъ колоніяхъ. Отсюда происходило то, что не было надобности учреждать новыхъ консульствъ. Даже тѣ, которыя существовали въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря, потеряли часть своего значенія, вслѣдствіе упадка торговли, постигшаго эти страны.

Мы видимъ, что ближе ознакомившись съ своими правами и интересами, государи соглашаются принимать иностранныхъ консуловъ, но постоянно стараются ограничить право юрисдикціи, которое, въ предъидущіе вѣка, представлялось неотдѣленнымъ отъ обязанностей этихъ агентовъ. Къ тому же, насколько справедливо, настолько и раціонально было, чтобы иностранцы были подчинены законамъ и судамъ той страны, гдѣ они поселились, какъ того требовали, начиная съ XIV ст., государи Фландріи; ([130]) но купцы боялись довѣряться иностраннымъ судамъ и подчиняться законамъ, которыхъ они не знали. Можетъ быть также, и я полагаю, что это была настоящая причина,—торговые города старались имѣть въ тѣхъ странахъ, гдѣ они вели свою торговлю,—спеціальныя учрежденія, родъ колоній,

---

([130]) Одна фламандская грамата 1349 г., приведенная *Dreyer*'омъ,—подчиняетъ всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія, мѣстной юрисдикціи. См. *Pardessus* t. 1. p. 444.

которыми они управляли непосредственно и абсолютно, и изъ которыхъ они извлекали, въ тоже время, коммерческую выгоду и дѣйствительное могущество. По крайней мѣрѣ такъ можетъ вытекать изъ принципа, выставленнаго конституціей Тевтонской Ганзы, которая требовала, чтобы всякій подданный, поселившійся заграницею—былъ управляемъ законами союза, т. е. Ганзы. Однакоже, столь могущественная и столь гордая республика предпочитала отступить лучше отъ этого принципа, чѣмъ отказаться отъ доходной торговли съ Фландріей.

Въ теченіе XVI ст. прерогативы, предоставляемые консуламъ въ христіанскихъ странахъ, не получили, поэтому, никакого развитія, но онѣ были по крайней мѣрѣ сохранены. Патенты, изданные въ 1559 г. Французскимъ королемъ Франциском II въ пользу шведскихъ подданныхъ, поселившихся въ его государствѣ, признавали за ними право быть судимыми ихъ собственными судами во всѣхъ столкновеніяхъ, какія могли возникнуть между ними ([131]).

Трактатъ, заключенный въ началѣ XVII ст. между Испаніей и Англіей идетъ еще дальше: онъ нетолько санкціонируетъ иностранную юрисдикцію для иностранцевъ, но еще требуетъ, чтобы въ извѣстныхъ недоразумѣніяхъ, могущихъ возникнуть между англичанами и испанцами,—единственнымъ компетентнымъ судьей, былъ судья отвѣтчика, т. е. чтобы всякій разъ, когда гражданинъ страны заявлялъ искъ противъ иностранца,—онъ долженъ былъ, въ своей собственной странѣ, подчиняться закону и суду иностранному ([132]).

Трактатъ этотъ составляетъ единственное исключеніе изъ общаго правила, которое я отмѣтилъ выше и которое я нашелъ въ теченіе этого періода. Два года спустя, въ 1606 г.

([131]) «Et afin qu'il y ait plus de moyens de promptement mettre fin aux procès et différends qui pourront sourdre en notredit royaume pour leurs marchandises, biens, navires et autres choses quelconques, nous leur avons permi et permettons par ces présentes qu'ils puissent et leur laisse choisir et élire deux ou quatre juges ou aldermann, pour juger, definir et terminer lesdits procès qu'ils auront entre eux....» *Dumont*, t. v, part. 1, p. 61.

([132]) Трактатъ 1604 г. между испанскимъ королемъ Филипомъ II и англійскимъ королемъ Іаковымъ I. *Dumont*, tom. *V*, part. 2, p. 35.

трактатъ, заключенный между Франціей и Англіей, устанавливаетъ для дѣлъ смѣшанной подсудности, особый смѣшанный судъ, составленный изъ равнаго числа судей, избранныхъ изъ числа жителей обѣихъ странъ ([133]).

Начиная съ половины XVII ст., въ эпоху, когда государи, сдѣлавшись болѣе могущественными въ своихъ собственныхъ государствахъ, должны были стараться регламентировать торговыя сношенія, пріобрѣвшія большую важность, мы не находимъ никакого формальнаго акта, который упоминалъ бы о консульской юрисдикціи, ни для того чтобы ограничить ее, ни для того чтобы признать ее. Молчаніе это было какъ бы расчитанное. Даже Пиренейскій трактатъ, установившій принципы и основныя начала европейскаго международнаго права, ни слова не говоритъ о консулахъ. Онъ ограничивается постановленіемъ о томъ, что французы будутъ пользоваться въ Испаніи всѣми тѣми преимуществами и привеллегіями, которыя предоставлены англичанамъ и подданнымъ Соединенныхъ провинцій; трактаты, заключенные Испаніей съ Англіей позже трактата 1602 г., о которомъ я только что сказалъ, а также и съ Соединенными провинціями,—весьма неясно говорятъ о консульской юрисдикціи.

Внутренніе законы народовъ сохраняютъ тоже молчаніе. Французскій ордонансъ 1681 г., самый полный и самый мудрый кодексъ, который когда либо былъ изданъ, ограничивается ссылкою на обычаи и заключенные съ иностранными націями трактаты.

Все, только что, сказанное мною, примѣняется исключительно къ консуламъ, въ христіанскихъ странахъ; консулы же, которые существовали въ мусульманскихъ государствахъ на берегахъ Средиземнаго моря и даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые были учреждены вновь, продолжали

(133) Статья 7 этого трактата слишкомъ велика, чтобы быть приведенною здѣсь. Она создаетъ смѣшанный трибуналъ и даетъ членамъ его названіе *охранителей торговли* (*conservateurs du commerce*). Въ случаѣ раздѣленія поровну голосовъ судей, которыхъ было четыре,—надлежало приглашать пятаго изъ числа жителей той страны, гдѣ трибуналъ засѣдалъ.

пользоваться гражданскою и уголовною юрисдикціею надъ своими соотечественниками, постоянно жившими или временно пребывавшими въ странѣ. Права и власть этихъ консуловъ были опредѣлены и регламентированы не территоріальными государями, а государями тѣхъ націй, которые учреждали консуловъ. Ордонансъ 1681 г. о которомъ я только что сказалъ, весьма ясенъ по этому пункту; онъ требуетъ даже, чтобы апеляція на консульскія рѣшенія, въ тѣхъ случаяхъ когда она допускалась, — приносилась французскому суду, засѣдавшему во Франціи.

Резюмируя все сказанное, мы видимъ что консульскія учрежденія сохраняли, въ теченіе этого періода, свои старинныя привиллегіи, но получили весьма малое развитіе въ христіанскихъ странахъ. Такое неподвижное состояніе, посреди громадныхъ успѣховъ торговли и мореплаванія, объясняется, по моему мнѣнію, тѣми ограниченіями, которыя были поставлены торговлѣ вмѣстѣ съ учрежденіями въ Индіяхъ и Америкѣ, и въ особенности ограниченіями поставленными праву юрисдикціи, которая оскорбляла государей и могла часто препятствовать пользованію ихъ правами.

§ II. *Право кораблекрушенія.*
(*Droit de naufrage*).

По этому предмету можно сказать немного; положительное международное право, въ томъ видѣ какъ оно образовалось въ XVI ст., отмѣнило это мнимое право. Всѣ безъ исключенія трактаты, даже заключенные между христіанами и мусульманами, именно постановляютъ, что потерпѣвшіе кораблекрушеніе и ихъ имущество не только будутъ уважаемы, но и будутъ находиться подъ покровительствомъ. Всѣ эти трактаты налагаютъ на націю, на берегахъ которой произошло кораблекрушеніе, обязанность: оказывать пособіе и помощь несчастнымъ жертвамъ бури, дабы спасти остатки ихъ товаровъ, безъ всякаго другаго условія, кромѣ уплаты дѣйствительныхъ расходовъ, употребленныхъ на спасеніе. Поэтому, можно ска-

зать, что право кораблекрушенія по крайней мѣрѣ юридически, было отмѣнено. Къ несчастію, на большинствѣ береговъ и въ особенности самыхъ опасныхъ, гдѣ кораблекрушенія случаются наиболѣе часто,—жители, вопреки самымъ священнымъ правиламъ человѣколюбія, вопреки законамъ ихъ собственныхъ государей, долго еще продолжали заниматься грабежемъ потерпѣвшихъ крушеніе предметовъ, на которые они смотрѣли какъ на даръ Провидѣнія. Это гнусное злоупотребленіе есть одно изъ тѣхъ, которыя всего труднѣе было искоренить.

§ III. *Торговые трактаты.*
(*Traités de commerce*).

Было бы слишкомъ долго и безполезно перечислять торговые трактаты, заключенные въ теченіи XVI и XVII ст. Трактаты эти были очень многочисленны и часто возобновлялись. Всѣ націи, занимавшіяся морскою торговлею заключали ихъ между собою, и за основаніе принимали почти абсолютную взаимность. Изъ этого факта вытекалъ родъ общаго правила, установленнаго между всѣми морскими народами, которое, за исключеніемъ различій въ таможенныхъ и другихъ фискальныхъ правахъ, — образовало настоящую торговую юриспруденцію, родъ положительнаго закона, отъ исполненія котораго ни одна нація не могла уклониться, не совершивъ относительно его преступленія. Трактаты эти. безъ сомнѣнія не были безусловно одинаковы; они иногда предоставляли нѣкоторымъ націямъ спеціальныя преимущества; но эти различія касались преимущественно частностей; принципы же оставались тѣже самые; впрочемъ различія эти постоянно уменьшались и даже совсѣмъ уничтожались, потому что при каждомъ возобновленіи трактата, договаривавшіяся стороны старались пріобрѣсти себѣ тѣ же преимущества, какія были предоставлены другому народу, что называлось тогда: *le traitement de la nation la plus favorisée*; и трактаты эти должны были почти всегда имѣть успѣхъ, потому что

они съ своей стороны предлагали договаривавшимся ту уступку, которую они требовали для своей торговли.

Во всѣхъ этихъ трактатахъ, безъ исключенія, находится статья, которая, если бы была всегда строго исполняема, доказывала бы большое смягченіе въ нравахъ и замѣчательный успѣхъ цивилизаціи: эта статья опредѣляла срокъ, въ теченіе котораго, въ случаѣ разрыва между договаривающимися сторонами, подданные непріятельской націи, какъ постоянно живущіе, такъ и временно находившіеся,—могли свободно располагать своимъ имуществомъ и удалиться со всѣмъ, чѣмъ они владѣли куда имъ заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, эти постановленія, столь согласныя съ законами человѣколюбія и естественнымъ правомъ, никогда не исполнялись. Одного примѣра достаточно для доказательства этого. Нимскіе трактаты, заключенные между Франціей и Голландіей и между Франціей и Испаніей (въ 1678 г.) содержали только что приведенную мною статью. Между тѣмъ, при первомъ же разрывѣ, случившемся весьма скоро,—деклараціи о войнѣ всѣхъ трехъ державъ доказываютъ, что ни одна изъ нихъ не хотѣла исполнять эту статью, и что, съ той и другой стороны, подданные, основываясь на трактатахъ и существовавшемъ мирѣ, и поселившіеся въ дружественной странѣ,—съ объявленіемъ войны были вынуждены бѣжать, покинувъ все, чѣмъ они владѣли, дабы избѣжать еще болѣе жестокаго обращенія. Фактъ этотъ не нуждается въ коментаріяхъ.

ОТДѢЛЪ II.

Морское международное право, относящееся къ войнѣ.

Громадное развитіе торговли и мореплаванія, начавшееся съ двойнаго открытія, время котораго составляетъ начало этого періода,—и торговая зависть, существованіе и вредъ которой я уже отмѣтилъ,—были причиною того, что морское международное право сдѣлало быстрые успѣхи. Многочисленность и сложность военныхъ вооруженій, постоянно уве-

личивавшееся столкновеніе интересовъ—породили множество вопросовъ, которые никогда до того не были затронуты и которые мы разсмотримъ въ этомъ отдѣлѣ. Съ другой стороны, въ то время, какъ принципы естественнаго права кажутся, какъ бы уничтоженными страстью къ наживѣ и завистью, каждый народъ старается, посредствомъ торжественныхъ актовъ, спеціальныхъ обязательствъ, трактатовъ и т. п., обезпечить себѣ полное пользованіе правами, принадлежавшими ему по природѣ, или исключительными привиллегіями. Отсюда произошло множество договоровъ, общихъ или особенныхъ. Такъ какъ только первые могутъ составлять положительное право, то они и будутъ предметомъ нашего изслѣдованія.

§ I. Военная контрабанда.

Положительный законъ среднихъ вѣковъ, постоянно признавая, что нейтральные народы должны воздерживаться отъ извѣстнаго рода торговли съ непріятелемъ, не опредѣлялъ, какіе именно товары запрещалось нейтральнымъ доставлять воюющимъ. Вообще, законъ этотъ преувеличивалъ запрещеніе, распространивъ его на всякій родъ торговли.

Въ XVI ст. почти всѣ Европейскія государства участвовали въ нескончаемыхъ войнахъ: Франція боролась съ Австрійскимъ домомъ и была раздираема религіозными войнами; Испанія старалась вернуть подъ свое господство возставшіе Нидерланды; въ Германіи происходили распри между католиками и реформатами. Лишь только народы могли отдохнуть отъ этихъ ожесточенныхъ войнъ, они поспѣшили приступить къ разработкѣ международныхъ вопросовъ, касавшихся, въ такой высокой степени, ихъ благосостоянія. Они захотѣли опредѣленно и окончательно установить тѣ предѣлы, въ которые должно быть заключено ограниченіе, поставляемое войною свободѣ торговли нейтральныхъ съ воюющими, т. е. ясно опредѣлить военную контрабанду.

Это опредѣленіе было включено въ большинство трактатовъ, заключенныхъ въ продолженіе XVII ст.; вначалѣ, оно было неясно и неполно, но съ каждымъ днемъ становилось болѣе точнымъ и болѣе яснымъ. Я ограничусь тѣми трактатами, которые содержатъ въ себѣ развитіе или измѣненіе, а также тѣми, которые непризнаютъ никакихъ постановленій естественнаго закона.

Конвенція 1604 г., заключенная между Испаніей и эрцгерцогами съ одной стороны, и Англіей—съ другой, содержитъ одно изъ первыхъ, извѣстныхъ намъ, перечисленій предметовъ, которые должны были быть разсматриваемы какъ военная контрабанда ([134]). Въ томъ же году Испанія и эрцгерцоги заключили съ Франціей трактатъ, въ которомъ, хотя ничего не говорится о контрабандѣ, но подобно предъидущему содержится другое запрещеніе. Онъ воспрещаетъ странамъ неиспанскимъ, принимать участіе въ какой бы то ни было торговлѣ между Испаніей и ея владѣніями и Соединенными провинціями (Нидерландами), независимость которыхъ не была еще признана. Это ограниченіе торговой свободы нейтральныхъ народовъ встрѣчается во всѣхъ актахъ, заключенныхъ Испаніей въ теченіе долгой войны за независимость Нидерландовъ. Но ограниченіе это не было включено ни въ какой другой трактатъ. Я долженъ былъ его отмѣтить, потому что въ этомъ общемъ запрещеніи подразумѣвается именно торговля хлѣбомъ и другими жизненными припасами, а также и потому, что позднѣе, другіе народы считали возможнымъ опираться на эти примѣры и утверждать, что хлѣбъ и жизненные припасы были предметами военной контрабанды. Англо-Испанскій трактатъ 1604 г. не говоритъ, ни о судьбѣ военной контрабанды, ни о томъ наказаніи, которое должно было постичь виновныхъ.

Одинъ трактатъ, заключенный между Швеціей и Нидерлан-

([134]) « . . Item quod neutra partium præstabit nec præstari per aliquos suos vasallos..., tam per terram quam per mare militis, commeatum, pecunias, instrumenta bellica, munitiones vel aliquodvis aliud ad bellum confovendum hostibus, inimicis ac rabellibus. ..» Ст. 4 трактата. См. *Dumont*, t. V, part 1, p. 33.

*

дами также распространяетъ запрещеніе на хлѣбъ и на жизненные припасы ([135]). Но этотъ актъ содержалъ въ себѣ оборонительный союзъ между двумя націями; въ тотъ же день былъ заключенъ другой трактатъ, въ которомъ была опредѣлена степень и родъ той помощи, которую каждая изъ странъ должна была доставить своему союзнику. Торговое запрещеніе теряетъ съ того времени свой международный характеръ; оно должно быть разсматриваемо, какъ внутренній законъ двухъ націй соединившихся для общей войны; оно, къ тому же, есть ничто иное какъ репресалія, употребленная Соединенными провинціями противъ Испаніи. Главный трактатъ носитъ даже доказательство этого факта, ибо въ одной изъ его статей говорится, что торговля, неисключая даже и военной контрабанды, остается свободною между Генеральными Штатами и народами, бывшими врагами шведовъ.

Одинъ изъ первыхъ формальныхъ актовъ, опредѣлявшихъ судьбу военной контрабанды, захваченной воюющимъ, во вредъ котораго она была направлена,—есть трактатъ 1622 г., заключенный между Соединенными провинціями и Алжирскимъ регенствомъ. Хотя актъ этотъ не содержитъ никакого опредѣленія запрещенныхъ предметовъ, но въ немъ именно постановляется, что предметы эти должны быть конфискованы въ пользу взятеля, и что корабль и остальной грузъ остаются свободными ([136]). Трактатъ 1646 г., между двумя христіанскими державами, — Франціей и Генеральными Штатами, говоритъ, что присутствіе контрабандныхъ товаровъ на кораблѣ, влечетъ за собою конфискацію самаго

([135]) Ст. 5 трактата говоритъ: «...les uns et les autres ne permettront que les ennemis d'à présent ni ceux de cy-aprés puissent jamais etre assistés de conseils, gens, argent, munitions de guerre, victuailles ou semblables assistances...» *Dumont*, t. V, part. 2. p. 247.

([136]) « ... Que si quelque corsaire ou flibustier de ce royaume vient à prendre quelques vaisseaux marchands appartenant aux sujets de L. H. P., qui auraient des marchandises de contrebande, elles seront de bonne prise, mais le vaisseau, equipage et marchandise, et tout ce qui appartiendra auxdits sujets sera libre et franc, quand même ils auraient combattu». *Dumont*, t. v, part. 2, p. 413.

корабля и всего его груза ([137]). Такое наказанiе, ибо никакого другаго названiя нельзя дать конфискацiи, провозглашенной трактатомъ 1646 г.,—есть очевидное нарушенiе принциповъ естественнаго права. Нейтральный, который доставляетъ оружiе одному изъ воюющихъ, дѣлается виновнымъ въ нарушенiи первой обязанности своего нейтральнаго положенiя; онъ, слѣдовательно, принимаетъ участiе въ военныхъ дѣйствiяхъ; онъ перестаетъ быть нейтральнымъ и становится дѣйствительнымъ союзникомъ одной изъ воюющихъ сторонъ; другая, слѣдовательно, въ правѣ обращаться съ нимъ какъ съ врагомъ. Но невозможно допустить притязанiе оскорбленнаго воюющаго провозглашать конфискацiю, т. е. наказанiе, противъ иностраннаго подданнаго; онъ неможетъ отдѣлить гражданина отъ нацiи, ни присвоить себѣ надъ нимъ юрисдикцiю. Наказанiе это было заимствовано изъ Базиликовъ (Basiliques), назначавшихъ конфискацiю нацiональнаго корабля, на бортѣ котораго находились предметы, запрещенные для торговли съ иностранцами. Внутреннiе законы нѣкоторыхъ народовъ заимствовали его, и не заботясь о томъ, могутъ-ли они имѣть подобное право,—примѣняли его къ иностранцамъ; затѣмъ, трактатъ 1646 г. санкцiонировалъ подобную узурпацiю. Безъ сомнѣнiя въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ ему подобныхъ, которые я приведу ниже,—нѣтъ нарушенiя международнаго права, потому что государь этого нейтральнаго согласился на такую узурпацiю. Между тѣмъ фактъ этотъ очень серьезенъ, потому что уступка, допущенная этими нѣсколькими формальными актами разсматривалась впослѣдствiи какъ принципъ международнаго права; потому что воюющiе опирались на эти примѣры, какъ рѣдки они ни были,—для того чтобы почерпнуть изъ нихъ доказательство признанiя права,

---

([137]) « ....Sauf et excepté toutefois, les marchandises de contrebande, à savoir: poudres, mousquets et toutes sortes d'armes, munitions, chevaux et equipages servant à la guerre; même ne pourront transporter des hommes pour le service del'ennemi, auquel cas le tout sera de bonne prise, navire, appareils et marchandises», *Dumont*, t. VI, part. 1, p. 342.

и что въ своихъ внутреннихъ законахъ они провозглашали конфискацію нейтральныхъ кораблей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны трактатами, и даже въ случаяхъ признанныхъ конвенціями законными.

Весьма удивительно и жаль, что одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ XVII ст., Вестфальскій трактатъ, заключенный въ 1648 г. въ Мюнстерѣ и послужившій однимъ изъ первыхъ основаній европейскаго международнаго права, не занимался морскимъ правомъ. Въ трактатѣ этомъ участвовало большое число народовъ; большинство изъ нихъ было сильно заинтересовано дать то или другое рѣшеніе, затронутымъ уже тогда морскимъ вопросамъ, и именно вопросу о контрабандѣ, — и между тѣмъ они хранили полное молчаніе по этому важному пункту. Спеціальный трактатъ, заключенный въ тотъ же день между Филиппомъ IV и Соединенными провинціями — представляетъ тотъ же недостатокъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Франція и Англія подписали въ Вестмюнстерѣ трактатъ о союзѣ и дружбѣ, — въ которомъ вопросъ о контрабандѣ былъ разрѣшенъ вполнѣ. Статья, посвященная этому предмету, — есть самая полная и самая ясная изъ всѣхъ, какія были до того. Зерновой хлѣбъ и жизненные припасы не были помѣщены въ разрядъ контрабанды; запрещеніе было ограничено только одними: оружіемъ, военными припасами, лошадьми и пр. Но конфискація, назначавшаяся какъ наказаніе, — распространялась на самый корабль и на весь грузъ ([138]). Это былъ внутренній французскій законъ, санкціонированный международнымъ трактатомъ.

Въ 1659 г. Пиренейскій трактатъ между Франціей и Испаніей самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ тотъ громадный интересъ, который былъ связанъ съ этимъ вопросомъ. Контрабанда была точно опредѣлена; ее составляли оружіе и всѣ предметы годные для войны и предназначенные исключительно для ея веденія. Одна отдѣльная статья посвящена жизненнымъ припасамъ, которые часто и непра-

---

([138]) См. *Dumont*, t. VI, part. 2, p. 121, art. 15.

вильно считались запрещенными. Статья эта объявляла, что торговля ими между нейтральными и воюющими остается свободною. Въ случаѣ какого нибудь нарушенія, подлежатъ конфискаціи одни только предметы контрабанды; но самый корабль и остальной грузъ остаются свободными ([139]). Трактатъ этотъ есть самый полный, скажу даже самый либеральный по этому предмету. Тѣмъ неменѣе въ немъ недостаетъ справедливости, ибо онъ содержитъ одно исключеніе относительно Португаліи, относительно единственной страны, съ которою Испанія была тогда въ войнѣ. Испанцы смотрѣли на Португальцевъ какъ на мятежниковъ, такъ какъ они имѣли на столько энергіи, чтобы освободиться отъ иностраннаго владычества, и поддерживали войну для сохраненія свободы, которую они съумѣли себѣ завоевать. Когда дѣло идетъ о примѣненіи принциповъ естественнаго права, — то желать дѣлать подобныя различія, значитъ нарушать постановленія даннаго Богомъ закона.

Два трактата, заключенные Голландцами, одинъ въ 1661 г. съ Португаліей, другой въ 1662 г. съ Алжирскимъ деемъ, содержатъ одно странное постановленіе. Первый изъ нихъ оставляетъ нейтральную торговлю вполнѣ свободною во время войны; онъ отмѣняетъ обязанность нейтральнаго, нарушеніе которой составляетъ преступленіе контрабанды ([140]). Второй, менѣе ясенъ, но долженъ быть истолкованъ въ томъ же смыслѣ, ибо исключеніе, которое онъ содержитъ примѣняется не къ контрабандѣ, а къ блокадѣ.

([139]) «En ce genre de marchandises de contrebande s'entend seulement être comprises toutes sortes d'armes à feu et autres assortiments d'icelles, comme canons, mousquets, mortiers, pétards, bombes, grenades, saucisses, cercles poissés, affûts, fourchettes, bandollières, poudre, mèches, salpêtre, balles, piques, espées, morions, casques, cuirasses, hallebardes, javelines, chevaux, selles de cheval, fourreaux de pistoletes, baudriers et autres assortiments servant à l'usage de la guerre». *Dumont*, tom. VI, part. 2, p. 265.

([140]) Ст. 12: «Liberum præterea Belgarum fœderatarum populo, ac permissum sit præter mercis omne genus, arma etiam res bellicas et annonam, tam ex fœderatarum Belgii provinciarum quam ex aliis qui-busvis partibus ac terris in quasqunque regiones et ad quascunque gentes transfere tam inimicas regi regnoque Lusitianiæ quam amicas ac fœderatas....» *Dumont* t. VI, part. 2, p. 368.

Послѣдняя часть XVII ст. представляетъ намъ весьма значительное число трактатовъ, въ которыхъ участвовали всѣ европейскіе народы, занимавшіеся мореплаваніемъ. Почти во всѣхъ этихъ актахъ, военная контрабанда точно опредѣлена и ограничена: оружіемъ, припасами и военными инструментами, т. е. вещами годными и исключительно предназначенными для войны. Небольшое число трактатовъ включило въ число военной контрабанды жизненные припасы и чеканенную монету. Другіе—хранили полное молчаніе по этому вопросу. Трактаты эти могутъ быть, поэтому, раздѣлены на три категоріи; первую составляютъ тѣ, которые расширяли торговое запрещеніе; вторую—тѣ, которые воздержались отъ опредѣленія этого важнаго вопроса; и наконецъ третью—тѣ, которые опредѣлили военную контрабанду согласно съ естественнымъ правомъ.

Кромѣ тѣхъ актовъ, въ которыхъ Испанія хотѣла воспрепятствовать всякой торговлѣ съ ея возставшими подданными, и которые мы уже перечислили,—первую категорію составляетъ лишь весьма небольшое число трактатовъ. Можно привести двѣ конвенціи, заключенныя англійскимъ королемъ Карломъ II въ 1661 г.—одну съ Швеціей, другую съ Даніей. Весьма трудно объяснить себѣ, почему эти три державы сосогласились на расширеніе запрещенія Второй изъ этихъ актовъ былъ измѣненъ конвенціей отъ 11 іюля 1670 г., весьма неясная редакція которой, подала поводъ, спустя болѣе ста лѣтъ, къ толкованію, которое я отмѣчу въ слѣдующемъ періодѣ ([141]). Трактатъ заключенный съ Швеціей оставался въ силѣ въ теченіе довольно долгаго времени.

Въ 1689 г. Англія сблизилась съ Голландіей для того, чтобы вести войну противъ Франціи. Эти двѣ державы заключили трактатъ (если можно такъ назвать: общей войны)—

([141]) Ст. 3 конвенціи 1670 г. содержитъ слѣдующее: « .....Prædicti iidem reges....neque permissuros subditis eorum sub pretextu commerciorum seu aiquo cumque quœsito colore corumdem principum vel alterius hostes ulla ratione juvent iisque milites, pecunias, commeatum, arma, machinas, bombardas, *aliaque Belo gerundo apta necessaria* subministrent... » *Dumont*, t. VI, part. 2, p. 399.

которымъ, не касаясь опредѣленія предметовъ контрабанды, онѣ запрещали всѣмъ народамъ вести какую бы то ни было торговлю съ ихъ врагами, подъ страхомъ конфискаціи кораблей и грузовъ ([142]). Подобное притязаніе вызвало горячія возраженія со стороны Швеціи и Даніи; такъ какъ воюющіе не хотѣли слушать ихъ, то эти націи образовали союзъ, въ силу котораго онѣ обязывались поддерживать вмѣстѣ права нейтралитета всѣми средствами, даже оружіемъ; державы эти послали даже свои военныя эскадры для конвоированія купеческихъ судовъ. Это былъ первый *союзъ вооруженнаго нейтралитета*, о которомъ говорится въ исторіи. Англія и Голландія, нежелавшія пріобрѣсти себѣ новыхъ враговъ, отказались отъ исполненія военной конвенціи.

Наконецъ, слѣдуетъ причислить къ первой категоріи трактатъ 1701 г., между Голландіей и Даніей, который включалъ въ число предметовъ контрабанды, морскіе припасы, т. е. лѣса, пеньку, желѣзо, смолу, однимъ словомъ всѣ матерьялы, годные для постройки, вооруженія и исправленія кораблей и судовъ.

Число формальныхъ актовъ, которые вовсе не касались контрабанды—очень ограничено; многіе изъ нихъ были заключены между такими народами, у которыхъ вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ прежними трактатами. Изъ этого вытекаетъ, что въ дѣйствительности такое упущеніе должно быть разсматриваемо скорѣе, какъ выраженіе желанія ссылаться на конвенціи предшествовашія, чѣмъ какъ протестъ противъ

([142]) Статья конвенціи 1689 г. содержитъ слѣдующее: « ....Il est conveuu que si pendant cette guerre les sujets d'aucun autre roi, prince Etat, entreprendront de trafiquer ou de faire aucun commerce avec les sujets dn roi T. C., ou si leurs vaisseaux et bâtiments sont rencontrés faisant voile vers les ports, havres ou rades de l'obéissance du roi T. C., sous un soupçon apparent de vouloir trafiquer avec les sujetes dudit roi; et si ies vaisseaux appartenant aux sujets d'aucun autre roi, prince ou Etat seront trouvés en quelque, endroit que ce soit chargés de marchandises on denrées pour la France ou pour les sujets du roi T. C., ils seront pris et saisis par les capitaines des vaisseaux de guerre, armateurs et autres sujets dudit roi de la Grande-Bretagne et desdits seigneurs Etats généraux, et seront reputés de bonne prise, par les juges competents». *Dumont* t. VII, part. 2. p. 238.

принятаго обычая. Что касается тѣхъ трактатовъ, которые могли быть заключены державами свободными отъ всякихъ обязательствъ по этому предмету, то очевидно, что стороны не могли считать себя въ правѣ, путемъ расчитаннаго молчанія, освободить себя отъ обычая, признаннаго всѣми морскими народами и санкціонированнаго столь большимъ числомъ формальныхъ актовъ. Другія націи не потерпѣли бы того, чтобы контрабандная торговля производилась нейтральною націею подъ такимъ предлогомъ. Поэтому, молчаніе это, есть, очевидно, результатъ упущенія или разногласія между договаривавшимися сторонами.

Трактаты, образующіе третью категорію, т. е. тѣ, которые ограничивали контрабанду оружіемъ, военными припасами и инструментами—гораздо болѣе многочисленны. Всѣ морскіе народы, безъ всякаго исключенія, приняли нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ. Мусульмане и христіане, католики и реформаты, всѣ были согласны относительно истинныхъ предѣловъ того ограниченія, которое состояніе войны налагаетъ на свободу торговли нейтральныхъ народовъ. Трактаты эти содержатъ одинъ и тотъ же списокъ предметовъ, торговля которыми съ воюющими была воспрещена; всѣ они были согласны относительно того права, которое имѣла оскорбленная сторона: захватывать и брать въ собственность запрещенные товары, предназначавшіеся для непріятеля. Въ числѣ этихъ трактатовъ, слѣдуетъ отмѣтить важнѣйшіе, именно тѣ, которые были предназначены положить конецъ войнамъ большихъ коалицій XVII ст. и которые были подписаны самыми могущественными, на сушѣ и на морѣ, народами, а именно: трактаты Ахенскій (d'Aix-la Chapelle) и Нимегенскій (de Nimegue), принятые Англіей, Соединенными провинціями, Испаніей, Имперіей и ихъ союзниками и Франціей и ея союзниками; трактатъ Рисвикскій (de Ryswick), въ которомъ участвовали тѣ же государства, и наконецъ Утрехтскій трактатъ. На эти трактаты всегда ссылались впослѣдствіи, какъ на основаніе положительнаго европейскаго международнаго права.

Утрехтскіе трактаты, заключенные въ 1713 г.,—мнѣ ка-

жется, содержать въ себѣ истинное выраженіе дѣйствительнаго состоянія положительнаго права той эпохи. По смыслу этихъ трактатовъ, мы можемъ сказать что нейтральные народы могли свободно торговать съ каждымъ изъ воюющихъ, всѣми предметами, не включенными въ контрабандный списокъ, который содержалъ въ себѣ только слѣдующее: «оружіе, пушки, пищали, мортиры, петарды, бомбы, гранаты, ракеты, смоляные обручи, лафеты, фуршеты, бандольеры, порохъ, фитиль, селитру, ядра, пики, шпаги, шишаки, каски, кирасы, алебарды, копья, пистолетные кобуры, перевязи, лошадей съ ихъ упряжью, и другое подобнаго рода оружіе и военные инструменты, служащіе для употребленія войскъ».

Въ большинствѣ этихъ трактатовъ, многія націи, и именно Голландія, не ограничиваясь спискомъ запрещенныхъ предметовъ, старались болѣе расширить списокъ контрабанды, и включили въ него товары и съѣстные припасы, которые должны были оставаться предметами свободной торговли между нейтральными и обоими воюющими. Списокъ этотъ содержитъ въ себѣ предметы, составляющіе третій разрядъ у Гроція, который причисляетъ ихъ къ предметамъ сомнительнаго употребленія, usûs ancipitis, порождавшимъ уже тогда нѣкоторыя недоразумѣнія; списокъ этотъ оканчивается общею формулою, констатировавшею свободу торговли всѣми товарами, не вошедшими въ запретительную статью. Ст. 20 одного изъ Утрехтскихъ трактатовъ содержитъ въ себѣ слѣдующее: «не будутъ включены въ число запрещенныхъ товаровъ—слѣдующіе, именно: всѣхъ сортовъ сукна и другія произведенія мануфактурныхъ товаровъ изъ шерсти, льна, шелка, бумаги и всякаго сорта матерій; всякаго рода одежды и предметы, служащіе къ ея изготовленію; золото и серебро чеканенное и нечеканенное; олово, желѣзо, мѣдь, латунь, древесный уголь, зерновой хлѣбъ, ячмень, всякаго рода сѣмена и коренья, никотинъ—обыкновенно называемый табакомъ; всякаго рода благовонные товары; мясо соленое и копченое; рыба соленая, сыръ и масло, постное масло, вина, сахаръ, всякаго сорта соли и предметы служащіе въ пищу и продовольствіе человѣка; всякаго рода бумага, ленъ, смола,

какъ жидкая, такъ и сухая; веревки, канаты, паруса, полотна годныя для изготовленія парусовъ, якоря и части якорей, каковы бы онѣ ни были, корабельныя мачты, дубовыя доски (madriers), всякаго сорта бревна и всякіе другіе предметы, необходимые для постройки или исправленія кораблей. Не будутъ считаться контрабандой такіе товары, которые не будутъ имѣть форму какого нибудь инструмента или снаряда, служащаго къ употребленію въ войнѣ сухопутной или морской.... Всѣ эти предметы будутъ считаться товарами свободными, также, какъ и всѣ тѣ, которые не предусмотрѣны и спеціально не перечислены въ предъидущей статьѣ.... ».

Эти постановленія Утрехтскихъ трактатовъ—суть полное выраженіе смысла, и даже буквы громаднаго большинства формальныхъ актовъ, заключенныхъ въ ту эпоху. Постановленія эти образуютъ собою положительное европейское право XVI и XVII ст. Запрещеніе торговли между нейтральными и воюющими, было ограничено, такимъ образомъ, только такими предметами, которые предназначались для войны и единственное употребленіе которыхъ, могло быть только во время войны. Всѣ другіе предметы, всякаго рода товары или сырые продукты, которые могли получить другое назначеніе, которые были полезны одинаково, какъ во время мира, такъ и во время войны, или которые могли служить для войны неиначе, какъ подвергнувшись обработкѣ или передѣлкѣ человѣческою рукою,—оставались свободными. Изъ этого слѣдуетъ, однако, исключить селитру, которую почти всѣ трактаты помѣщаютъ въ число предметовъ запрещенныхъ. Я никогда не могъ объяснить себѣ причину такого исключенія.

Если международное законодательство было такъ точно относительно опредѣленіи запрещенной торговли во время войны, то оно было неменѣе точно и относительно наказуемости, какая должна была постичь нарушителей этого закона. Наказаніемъ служила конфискація предметовъ контрабанды, предназначенныхъ для непріятеля. Конфискаціи подлежали только запрещенные предметы; корабль и остальная часть груза, состоявшая изъ такихъ предметовъ, торговля которыми

была дозволена—возвращалась владѣльцу, который могъ располагать ими совершенно свободно. Таково постановленіе всѣхъ трактатовъ, принявшихъ, относительно контрабанды, принципы, изложенные въ Утрехтскихъ конвенціяхъ. Наказаніе за контрабандную торговлю приводилось въ исполненіе тѣмъ оскорбленнымъ воюющимъ, который открывалъ обманъ и захватывалъ контрабанду.

Положительный законъ, въ концѣ разсматриваемаго мною періода, санкціонировалъ, такимъ образомъ, по отношенію къ военной контрабандѣ, тѣ принципы естественнаго права, которые я установилъ въ первой части.

Но если трактаты,—этотъ единственный источникъ и основаніе положительнаго международнаго закона, были въ такомъ полномъ согласіи между собою и съ правомъ естественнымъ, относительно ограниченія военной контрабанды и опредѣленія наказанія за контрабандную торговлю,—то не такъ было во внутреннихъ законахъ морскихъ націй. Къ несчастію и вопреки всякой справедливости, воюющіе, злоупотребляя своей силой, которую ихъ положеніе имъ давало, насильно примѣняли свои собственные законы къ иностранцамъ, вопреки формальнымъ трактатамъ, которые они сами же подписали и клялись исполнять. Такимъ образомъ, лишь только, между двумя могущественными народами начиналась война,—трактаты оказывались разорванными относительно всѣхъ безъ исключенія націй и замѣненными такими законами, регламентами или ордонансами, какіе угодно было воюющему издать и объявить обязательными къ исполненію для всѣхъ народовъ міра. Нѣсколькихъ фактовъ будетъ совершенно достаточно для того, чтобы показать прискорбныя злоупотребленія силы, которыми ознаменовался разсматриваемый мною періодъ.

Около половины XVII ст., Соединенныя провинціи Нидерландовъ, только что окончившія продолжительную войну за свою независимость,—составляли одну изъ самыхъ сильныхъ морскихъ націй въ свѣтѣ. Торговля и мореплаваніе были единственными источниками ихъ могущества; поэтому онѣ старались всѣми средствами уменьшить торговлю и мореплаваніе другихъ народовъ. Генеральные Штаты были первые,

кто пытался расширить списокъ предметовъ, почитавшихся военною контрабандою, Въ 1652, 1657 и 1689 гг. они издали эдикты, въ которыхъ, не признавая трактатовъ ими же самими подписанныхъ, они распространили запрещеніе на всякаго рода жизненные припасы, на золото и серебро въ монетахъ, и въ особенности на всѣ матеріалы и сырые продукты годные для постройки, вооруженія или исправленія кораблей, и обозначавшіеся часто впослѣдствіи именемъ: морскихъ припасовъ (munitions navales) ([143]).

Ранѣе изданія перваго изъ этихъ эдиктовъ, Голландія была уже связана съ Франціей трактатомъ 1646 г.; съ Испаніей, конвенціей 1650 г.; и съ Алжирскимъ днемъ конвенцій 1652 г. Двумъ другимъ эдиктамъ, и въ особенности эдикту 1689 г., предшествовали формальные акты, заключенные съ большинствомъ морскихъ націй. Но ничего не остановило ее; она употребляла силу, чтобы замѣнить международныя конвенціи своими частными законами, и чтобы заставить иностранные и независимые народы исполнять эти послѣдніе.

Англія послѣдовала примѣру новой республики, и въ концѣ XVII ст., не смотря на то, что всѣ ея акты были основаны на законномъ ограниченіи контрабанды,—начала, передъ каждой войной, издавать ордонансы, предназначавшіеся для опредѣленія торговли нейтральныхъ народовъ, ордонансы,—которые, каждый разъ, прибавляли какіе нибудь новые предметы къ списку запрещенныхъ предметовъ, включенныхъ въ трактаты ([144]). Военная конвенція 1689 г., между Англіею и Голландіею, даетъ образчикъ того деспотизма, который воюющіе пытались, съ тѣхъ поръ, наложить на всѣ націи

([143]) См. § 3, эдикта 1657 г. *Bynkershoeck* силится оправдать свое отечество въ изданіи этого акта. Онъ приводитъ также два другіе эдикта. См. «Quæstion jur publ.», lib. I. cap. 10.

([144]) Въ отличіе отъ Франціи, Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ націй, Англія неимѣетъ постоянныхъ законовъ по морскимъ вопросамъ. При началѣ войны она издаетъ парламентскія постановленія, (нѣчто въ родѣ ордонансовъ), сообразно съ ея интересами данной минуты, существенно временныя, и которыя могутъ быть измѣнены даже въ продолженіе войны, смотря какъ того требуютъ обстоятельства.

свѣта. Конвенціи этой предшествовали ордонансы, которые воспрещали торговлю морскими припасами, жизненными припасами всякаго рода и даже всякими произведеніями и товарами непріятельской земли или фабрики. Но скоро контрабанда исчезла, поглащенная полнымъ, абсолютнымъ запрещеніемъ нейтральнымъ вести какую бы то ни было торговлю съ противникомъ.

Франція, также, дала себя увлечь на этотъ неправильный путь. Ордонансъ 1681 г. ограничивалъ контрабанду однимъ только оружіемъ и военными припасами; но когда правительство увидѣло, что его враги нарушаютъ трактаты и, подъ предлогомъ репресалій, расширяютъ списокъ запрещенныхъ предметовъ,—оно послѣдовало ихъ примѣру. Во время войны за Испанское наслѣдство, въ 1704 г., Франція издала одинъ ордонансъ, который давалъ контрабандѣ такое распространеніе, какое враги Франціи считали нужнымъ ей придать. Такимъ образомъ, жизненные припасы всякаго рода, морскіе припасы и предметы или товары непріятельскихъ земель или фабрикъ были запрещены. Между тѣмъ Франція была связана по этому предмету, самыми формальными трактатами со всѣми Европейскими державами. Предлогъ репресалій, съ виду по крайней мѣрѣ, могъ представлять нѣкоторую силу, но онъ былъ недостаточенъ для того чтобы оправдать поведеніе великаго короля. Если бы Франція хотѣла поступать справедливо и согласно съ принятыми ею обязательствами, она могла бы ограничить дѣйствіе своихъ внутреннихъ ордонансовъ только тѣми нейтральными народами, которые терпѣли и допускали исполненіе несправедливыхъ законовъ непріятеля. Такимъ образомъ, она дала бы точку опоры для законнаго сопротивленія мирныхъ націй, и я убѣжденъ, что морской деспотизмъ, о которомъ намъ скоро придется говорить, не утвердился бы никогда. Впрочемъ, поведеніе ея было справедливо, такъ какъ одна изъ существенныхъ обязанностей нейтральнаго,—безпристрастіе, заключается въ особенности въ томъ, чтобы не предоставлять одному изъ воюющихъ такого права, которое не предоставляется одинаково и другому, и чтобы нейтральный испытывалъ одинаковое обращеніе отъ обѣихъ сторонъ.

Большинство этихъ внутреннихъ законовъ, силою замѣнившихъ международное право,—провозглашало, въ случаѣ контрабанды, конфискацію всего груза и самого корабля.

§ II. Корсарство.

Корсарскіе патенты (lettres de marque) и контрмарки въ собственномъ смыслѣ, т. е. тѣ, которые выдавались частному лицу по праву репресалій въ мирное время, были почти совершенно оставлены въ теченіи этого періода. Всѣ народы чувствовали, до какой степени такіе патенты были опасны для мира; всѣ трактаты, для выдачи патентовъ выставляли такія условія, что самая выдача дѣлалась крайне затруднительною. Всѣ требовали, чтобы ранѣе выдачи такого полномочія,—требованіе истца было представлено его государемъ—государю обидчика. Такое требованіе, становилось уже дѣломъ государства къ государству; оно обсуждалось дипломатическимъ путемъ. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось почти невозможнымъ получить полномочіе: гнаться за кораблями виновнаго (*courir sus* aux bâtiments du coupable), которые одни, по новому правилу, могли быть задержаны. Система мирнаго корсарства, такимъ образомъ, была почти покинута; но корсарство военное (во время войны) приняло громадное развитіе.

Продолжительная война, поддерживаемая Соединенными провинціями для обезпеченія своей независимости, сильно содѣйствовала развитію корсарства. Возставшія провинціи не могли выпустить въ море флоты, способные бороться съ флотами могущественнаго государя, иго котораго онѣ съ себя свергли; но онѣ хотѣли раззорить, столь цвѣтущую тогда торговлю Испаніи,—своими *арматорами*. Къ сожалѣнію, въ числѣ людей, поспѣшившихъ со всѣхъ сторонъ, стать подъ знамя Голландіи, нашлось много авантюристовъ, которыхъ побуждала къ войнѣ одна только приманка наживы, и которые весьма рѣдко ограничивались преслѣдованіемъ Испанцевъ; они на-

падали на корабли другихъ державъ и даже на корабли дружественные. Съ 1569 г. арматоры новой націи, извѣстные подъ именемъ *«морскихъ гейзовъ»* (*gueux de mer*) внесли грабежъ и опустошеніе во всѣ моря. Большое число этихъ гейзовъ, попавши въ руки иностранцевъ, которыхъ они хотѣли ограбить, подверглись участи, предназначенной для пиратовъ. Долгое время Испанія отказывалась признать гражданъ возставшихъ провинцій законными врагами; она смотрѣла на нихъ какъ на мятежниковъ и отказывалась третировать ихъ на основаніи международнаго права; всѣ, кто попадалъ въ ея руки, подвергались казни, какъ виновные въ пиратствѣ. Эта нація, торговля которой страшно терпѣла отъ такого способа веденія войны, старалась найти въ самомъ злѣ средство противъ этого зла: она выдала большое число патентовъ (lettres de marque) для того, чтобы нападать на флотъ союзныхъ провинцій, все болѣе и болѣе развивавшійся.

Вскорѣ, Англія также начала поощрять корсарство противъ Испаніи, съ которою она была въ войнѣ. Англійскіе арматоры предпринимали даже серьезныя и дальнія экспедиціи. Францискъ Драке (Francis Drake) нерѣдко заставлялъ дрожать Испанскихъ вице-королей въ Америкѣ.

Большинство корсаровъ бралось за оружіе только въ надеждѣ на добычу; они гораздо болѣе предпочитали мирную и безоружную добычу славному шансу сраженія. Такимъ образомъ, самыя гнусныя, пиратскія дѣйствія, совершались часто тѣми, чье назначеніе должно было быть: сражаться за свое отечество.

Корсарство подверглось значительному измѣненію. По происхожденію своему, корсарство имѣло единственное назначеніе—сражаться съ непріятелемъ, или по крайней мѣрѣ, вести войну противъ его торговаго флота. Назначеніе это незамѣтнымъ образомъ расширилось; не переставая нести на себѣ обязанность гнаться за кораблями противника, корсары являются какъ бы обязанными наблюдать за нейтральною торговлею, исполнять полицейскія обязанности по отношенію къ мореплаванію дружественныхъ націй. Весьма трудно

опредѣлить точное время, съ котораго началось такое превращеніе; ни одинъ актъ не упоминаетъ объ этомъ; тѣмъ не менѣе, уже въ XV ст. мы встрѣчаемъ одинъ трактатъ, который признавалъ уже за корсарами это право, безъ сомнѣнія, новое въ ту эпоху. Оно сдѣлалось скоро всеобщимъ, и, слѣдуетъ сказать, оно было весьма удобно для большинства авантюристовъ, гонявшихся по морямъ, вслѣдствіе чего сдѣлалось главнѣйшимъ занятіемъ корсаровъ. Всѣ трактаты XVI и XVII ст., занимавшіеся морскими дѣлами, признавали и санкціонировали это право, предоставленное арматорамъ, правда, не формально, а косвенно, указывая правила, на основаніи которыхъ право это должно было примѣняться, и требуя нѣкоторыхъ гарантій противъ жадности тѣхъ, кому оно ввѣрялось. Эти трактаты и санкціонированныя ими правила будутъ разсмотрѣны ниже, когда мы будемъ говорить о правѣ осмотра (visite) и захвата (prise) кораблей ([145]). Здѣсь же достаточно будетъ анализировать условія, обыкновенно требовавшіяся для снаряженія корсара; условій этихъ три.

Всѣ трактаты единогласно содержатъ совершенно одинаковыя условія, которыя они выставляютъ для законности корсарства. Во 1-хъ, корсаръ долженъ быть снабженъ особымъ полномочіемъ отъ своего правительства; только такой актъ могъ предоставлять ему верховное право совершать военныя дѣйствія; актъ этотъ есть *патентъ* (*lettre de marque*). Во 2-хъ, но раньше чѣмъ получить это полномочіе, корсаръ долженъ представить *залогъ* или *поручительство* (*caution*), сумма котораго, опредѣленная нѣкоторыми трактатами, часто мѣнялась. Залогъ этотъ предназначался для вознагражденія тѣхъ нейтральныхъ мореплавателей, которые могли быть жертвами злоупотребленій, часто совершаемыхъ людьми, болѣе жадными къ наживѣ, чѣмъ къ славѣ. Мы видѣли, что начиная съ XIII ст., Генуэзцы и Пизане требовали подобный залогъ,

---

([145]) См. ниже, та же часть, §§ 4 и 5. См. также всѣ трактаты, цитированные въ предъидущемъ параграфѣ; всѣ они одинаковымъ образомъ санкціонируютъ тѣ предосторожности, которыя было необходимо принимать противъ корсаровъ, и тѣ условія, которыя требовались отъ нихъ.

какъ говорилъ Пизанскій законъ: *«de non offendendo aliquos alios nisi inimicos Pisani communis»*.

Въ 3-хъ, третье условіе заключалось въ томъ, что всѣ призы, сдѣланные корсарами, подлежали разсмотрѣнію и обсужденію особаго суда или трибунала. Трактаты XVI и XVII ст. требуютъ, чтобы обстоятельства остановки (l'arrestation), захвата или взятія (prise)—были представляемы на обсужденіе спеціально учрежденныхъ для такихъ дѣлъ, судовъ. До воспослѣдованія рѣшенія, воспрещалось брать или похищать чтобы то ни было изъ того, что находилось на взятомъ кораблѣ. Взятель (capteur) дѣлался собственникомъ корабля не ранѣе, какъ послѣ рѣшенія, если таковое объявляло призъ законнымъ. Уваженіе, должное экипажу взятыхъ кораблей, старательно упоминается во всѣхъ актахъ этого періода.

Главнѣйшія морскія націи издавали свои внутренніе законы для регламентированія корсарства. Франція, какъ мы уже видѣли, требовала, начиная съ 1400 г., чтобы корсары были снабжены полномочіемъ правительства; ордонансъ 1584 г. возобновилъ это требованіе, установилъ залогъ и подчинилъ призы суду; ордонасъ 1681 г. содержитъ всѣ эти правила, съ весьма разумными подробностями. Голландія въ 1597 г. и Испанія въ 1611 г. издали ордонансы, содержаніе которыхъ не отставало отъ дѣйствовавшихъ по этому предмету законовъ. Англія послѣдовала этому примѣру только спустя долгое время; первый ордонансъ, изданный ею по этому предмету, былъ ордонансъ 1707 г. ([146]). Три условія, установленныя трактатами для корсаровъ, принятыя также и развитыя внутренними законами государствъ—могли быть достаточны для того, чтобы отнять отъ корсарства большинство представляемыхъ имъ опасностей, и чтобы вполнѣ обезопасить мирные народы. Къ несчастію для нейтральныхъ, и, надо сказать, для всего человѣчества, эти законы никогда не были исполняемы добросовѣстно, или вѣрнѣе сказать, они

([146]) См. именно Французскіе ордонансы: 1400 г., ст. 2 и 3; 1543 г. ст. 17; 1584, 1654 г. и въ особенности ордонансъ Августа 1681 г., liv. 3; tit. 9, art. 1—4, Испанскій—1621 г. ст. 7; Датскій—1710; Голландскіе—1597, 1622 и 1705 г.

существовали на словахъ, но не въ душѣ. Отъ корсаровъ, дѣйствительно, требовали чтобы они были снабжены патентами; чтобы они представляли предварительный залогъ, наконецъ, чтобы они подчиняли свои призы суду,—но, нарушая другія статьи трактатовъ, тѣмъ самымъ уничтожали обязательность и этихъ спеціальныхъ статей. Кромѣ того, многія статьи содѣйствовали къ парализованію точныхъ постановленій международнаго закона.

Морскія націи, какъ только находились въ войнѣ, старались всѣми возможными средствами поощрять корсарство и увеличивать число корсаровъ. Съ 1643 г. Генеральные Штаты начали выдавать корсарамъ значительныя субсидіи ([147]). Но эти субсидіи и всѣ вознагражденія, обѣщанныя правительствомъ за взятіе непріятельскаго корсара или военнаго корабля, не были достаточны для развитія корсарства. Единственнымъ средствомъ призвать къ такому занятію наибольшее число людей—было предоставить имъ право дѣлать многочисленные призы, безъ риска и сраженія. Если непріятельскій торговый флотъ былъ многочисленъ и дурно охраняемъ, то онъ представлялъ для корсаровъ достаточную добычу; но если, вслѣдствіе продолжительности войны, торговый флотъ значительно уменьшался, или, если онъ находился подъ конвоемъ или охраной многочисленныхъ военныхъ крейсеровъ, то становилось невозможнымъ удержать корсаровъ въ морѣ. Для поощренія и вознагражденія ихъ—придумывали цѣлую массу причинъ и поводовъ конфискаціи нейтральныхъ кораблей; измышляли обязанности для друзей, права для воюющихъ и для корсаровъ. Они могли расчитывать на полную и абсолютную безнаказанность за всѣ насилія, совершенныя ими надъ мирными націями; что же касается признанія законности всякихъ, сдѣланныхъ ими, захватовъ, или, какъ бы ни были странны причины арестованія дружественнаго корабля,—они были обезпечены въ

([147]) См. законы Генеральныхъ Штатовъ отъ 3 Октября 1643 г. и 8 Февраля 1645 г.

томъ, что ихъ никогда не приговорятъ къ вознагражденію причиненнаго ими вреда и убытковъ. Такимъ путемъ достигали того, что, во 1-хъ, вознаграждали корсаровъ призами, сдѣланными у нейтральныхъ и, во 2-хъ, раззоряли торговые флоты тѣхъ народовъ, которыхъ продолжали называть друзьями. Къ тому же, такое раззореніе было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей, которую преслѣдовали воюющіе, въ особенности если они были могущественны. Цѣль эта удовлетворяла торговой зависти, о которой я уже говорилъ, той зависти—которая встрѣчается почти во всѣхъ, столь продолжительныхъ и столь ожесточенныхъ войнахъ, происходившихъ между Голландіей, Испаніей, Англіей и Франціей. Всѣ эти народы желали, безъ сомнѣнія, континентальнаго равновѣсія; но каждый изъ нихъ старался въ особенности обезпечить за собою исключительное господство на океанѣ. Предлоги могли варіироваться, но цѣль была всегда одна и та же. Такъ, во имя Бога и для спасенія угрожаемой религіи, Англія и Голландія объявляли добрымъ призомъ всякій корабль, захваченный даже въ открытомъ морѣ, направляющійся къ берегамъ Франціи, или выходящій изъ государствъ христіаннѣйшаго короля ([148]).

Нейтральные, купцы и мореплаватели, продолжали во время войны свободно торговать между собою и съ обоими воюющими; безопасность, которою должны были пользоваться ихъ корабли, развивала ихъ сношенія и расширяла ихъ торговлю. Къ тому же, они, естественно, совершали тѣ экспедиціи и вели ту торговлю, которую націи, участвующія въ войнѣ, принуждены были покинуть. Такимъ образомъ, безъ всякаго обмана съ ихъ стороны, безъ всякаго нарушенія какой бы то ни было ихъ обязанности, нейтральные увеличивали свое благосостояніе и свои богатства. Съ другой стороны, надо признаться, очень часто мирныя государства нарушали, безъ всякаго разбора, свои обязательства и совершали дѣйствія, заслуживающія полнаго порицанія. Такое положеніе, даже

([148]) См. вступленіе въ англо-голландскую конвенцію отъ 12 Августа 1689 г. *Dumont*, tom. VII, part. 2, p. 238.

тогда, когда оно сохраняется добросовѣстно, всегда въ высшей степени возбуждаетъ зависть каждаго изъ воюющихъ, которые къ тому же стараются избавиться отъ всякаго торговаго соперничества, непріятельскаго или дружескаго, и уничтожить всѣ безъ различія флоты. Они очень хорошо знаютъ, что раззоренный или ослабленный флотъ—можетъ возобновиться и поправиться не иначе какъ съ большимъ трудомъ и очень медленно, и что въ теченіе этого времени по возстановленіи мира, они будутъ имѣть возможность разширить и развить свое торговое благосостояніе.

Корсары въ высшей степени были пригодны для веденія такой завистливой войны и для выполненія такихъ цѣлей, которыя всегда скрывались, но которыя всегда составляли главнѣйшую причину. Доказательства существованія этой сокровенной причины борьбы между воюющими и нейтральными, встрѣчаются во всѣхъ историческихъ фактахъ и во всѣхъ внутреннихъ законахъ. Къ сожалѣнію, борьба была далеко не ровная. Одни вели ее съ оружіемъ въ рукахъ, другіе — были безоружны, и чаще всего — слишкомъ слабы для того, чтобы смѣть объявить войну своимъ притѣснителямъ ([149]).

И такъ, резюмируя все сказанное, морское право въ теченіе этого періода признавало за корсарами право имѣть полицейскій надзоръ въ открытомъ морѣ за нейтральнымъ мореплаваніемъ, останавливать и захватывать суда, принадлежащія мирнымъ націямъ; оно санкціонировало такую прерогативу корсаровъ, которая должна была сдѣлать ихъ крайне грозными для народовъ, не принимавшихъ участія въ войнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно регламентировало корсарство достаточно подробно для того, чтобы придать ему характеръ законнаго средства войны и чтобы удержать его въ истинныхъ предѣлахъ, если бы воюющіе хотѣли искренно

([149]) Почти невозможно, чтобы первокласная морская держава оставалась нейтральною въ войнѣ, вспыхнувшей между другими, такими же первоклассными державами; такая держава бываетъ поневолѣ вовлечена въ войну, вслѣдствіе притязаній и притѣсненій, которымъ воюющіе хотятъ подвергнуть ее. Такъ случилось съ Франціей въ войнѣ за американскую независимость въ 1778 г.

и добросовѣстно исполнять свои обязательства. Внутренніе законы, въ постановленіяхъ своихъ, спеціально посвященныхъ корсарству,—были вообще согласны съ постановленіями положительнаго права и, слѣдовательно, по самому существу своему, могли представлять дѣйствительныя гарантіи; но постановленія эти, хорошія въ самихъ себѣ, были парализованы другими, которыя, какъ мы скоро увидимъ, создавъ самые произвольные поводы и причины захвата и конфискаціи, придали корсарству характеръ мѣры, направленной исключительно противъ народовъ нейтральныхъ и предназначенной главнымъ образомъ для раззоренія ихъ торговли и уничтоженія ихъ мореплаванія.

§ III. *Непріятельская собственность на нейтральныхъ корабляхъ; нейтральная собственность на непріятельскихъ корабляхъ.*

Небольшое число трактатовъ, заключенныхъ въ теченіе XVI ст. касательно перваго изъ этихъ вопросовъ—содержало въ себѣ правило Консулата, санкціонированное всѣми конвенціями предъидущаго столѣтія.

Международный актъ, нанесшій первый ударъ несправедливому постановленію Консулата, исходилъ отъ мусульманскаго государя, отъ одного изъ турецкихъ константинопольскихъ императоровъ, на которыхъ смотрѣли тогда какъ на варваровъ. Это былъ трактатъ, заключенный въ 1604 г. французскимъ королемъ Генрихомъ IV и турецкимъ императоромъ Ахметомъ или Аматомъ. Ст. 12 этого трактата говоритъ, что товары, принадлежащіе врагамъ турокъ и находящіеся на французскихъ корабляхъ, ни подъ какимъ предлогомъ не могли подлежать ни осмотру, ни захвату ([150]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1612 г. Голландцы заключили

(150) Ст. 12 конвенціи, въ формѣ капитуляціи, изложена такъ: « ...Voulons et commandons que les marchandises qui seront chargées à nolis sur un vaisseau français, appartenantes aux ennemis de notre Porte, en puissent être prises sous couleur qu'elles sont de nos ennemis, puisqu'ainsi est notre vouloir...» *Dumont*, t. V, part. 2, p. 40.

подобный же трактатъ съ тою же имперіею. Правило это, столь либеральное, столь согласное съ основными принципами международнаго права, должно было произвести цѣлую революцію въ умахъ; однако, около полустолѣтія оно оставалось непринятымъ христіанскими народами. До половины XVII ст. мы не находимъ ни одного акта, который воспроизводилъ бы его; многіе, наоборотъ, были заключены на основаніяхъ Консулата ([151]). Только въ 1646 г. правило это могло найти себѣ мѣсто въ одномъ трактатѣ, заключенномъ двумя цивилизованными, т. е. христіанскими державами, Франціей и Голландіей.

Разъ провозглашенный, принципъ этотъ, по своей очевидной справедливости, долженъ былъ сдѣлаться общимъ; въ 1654 г. Англія приняла его въ своемъ трактатѣ съ Португаліей ([152]). Начиная съ этого времени, всѣ акты положительнаго права провозглашаютъ принципъ: *корабль свободенъ—грузъ свободенъ*, (*navire libre—marchandises libres*), т. е. провозглашаютъ независимость флага, неприкосновенность корабля. Достаточно будетъ указать на трактаты: Пиренейскій и Нимегенскій, въ которыхъ принимаютъ участіе Франція, Испанія, Голландія, Швеція и др.; Рисвикскій—между Франціей, Голландіей и Англіей; наконецъ Утрехтскіе, заключенные или признанные всѣми Европейскими морскими державами ([153]). За двумя кажется исключеніями ([154]), всѣ трак-

---

([151]) Въ томъ же 1604 г. Испанія и Англія заключили трактатъ, въ которомъ онѣ приняли принципы Консулата. Голландія подписала также одинъ трактатъ съ Туниссмъ и другой—съ Алжиромъ, па тѣхъ же самыхъ основаніяхъ.

([152]) Ст. 23 трактата, заключеннаго Кромвелемъ 10 іюня 1654 г. съ Португаліей, говоритъ: «Omnia autem hostium alterutrius bona mercesve in naves partis alterutrius, eorumve populi aut subditorum impositæ, intactæ sunt». *Dumont*, t. VI, part. 2 p. 82.

([153]) Ст. 17 трактата, заключеннаго между Франціей и Англіей, говоритъ слѣдующее: «Et comme il a été stipulé, par rapport aux navires et aux marchandises, que les vaisseaux libres rendront les marchandises libres, et que l'on regardera comme libres tout ce qui sera trouvé sur les vaisseaux appartenant aux sujets de l'un ou de l'autre royaume, quoique tout le chargement, ou une partie du chargement, appartienne aux ennemis de Leurs Majestés, à l'exception cependant des marchandises de contrebande....»

([154]) Я могъ найти только два исключенія: трактатъ 1661 г. между Англіей и Швеціей. Постановленія его весьма неясны. Вотъ текстъ 3 ст: «.....Et feront

таты, заключенные съ 1646 по 1713 г. приняли и провозгласили правило: *флагъ покрываетъ грузъ* (*le pavillon couvre la cargaison*).

Такое согласіе съ очевидностію доказываетъ, что трактаты эти можно назвать международнымъ законодательствомъ, т. е. положительнымъ правомъ; казалось бы, что примѣненіе такъ ясно установленнаго и такъ торжественно признаннаго принципа не должно бы было встрѣчать никакого затрудненія; между тѣмъ примѣненіе этого принципа встрѣтило столь большія препятствія, что, послѣ полуторастолѣтней борьбы, препятствія эти не вполнѣ еще устранены.

Право нейтральныхъ нагружать на свои корабли собственность воюющихъ и везти ее куда имъ вздумается, — по существу своему, можетъ доставить весьма большое развитіе ихъ торговлѣ и мореплаванію. По этой причинѣ, право это всегда возбуждало зависть воюющихъ, которые всегда имѣли сильнѣйшее желаніе ослабить и, если возможно, уничтожить всѣ иностранные флоты. Дабы имѣть возможность достигнуть этой сокровенной цѣли, было неизбѣжно оставить трактаты безъ исполненія и вернуться къ постановленію Консулата, путемъ частныхъ законовъ. Но эта мѣра не была достаточна для того, чтобы помѣшать мирнымъ мореплавателямъ заниматься всегда очень прибыльною и въ дѣйствительности имъ принадлежавшею торговлею; къ тому же, конфискація непріятельской собственности не наносила достаточнаго вреда нейтральному мореплаванію и составляла весьма слабое поощреніе для корсаровъ. Чтобы помочь этому тройному неудобству, всѣ великія морскія державы издавали новые внутренніе законы, въ которыхъ, вопреки всѣмъ торжественнымъ актамъ, перевозка непріятельскихъ товаровъ, грузовъ и вообще всякой собственности была объявлена

---

prêter serment aux batteliers et propriétaires qu'ils ne chargeront point dans leurs vaisseaux des marchandises des ennemis. Et si quelqu'un, par raisons sûres, est convaincu qu'il y en a de cachées, de son sçu et consentement, il sera puni rigoureusement comme ayant contrevenu à son serment et à sa foi». См. *Aitzema*, «Affaires d'Etat», t. XII, p. 407; и трактатъ 1666 г. между Швеціей и Даніей. *Dumont*, tom. VII, p. 132.

запрещенною для нейтральныхъ, подъ страхомъ конфискаціи уже не только запрещеннаго товара, но даже корабля и всего остальнаго груза.

Эта новая доктрина была далека даже отъ постановленія Консулата, и, однако, зависть и меркантильныя побужденія великихъ народовъ не остановились передъ этою величайшею несправедливостью, передъ этимъ посягательствомъ на независимость народовъ, передъ этимъ вопіющимъ нарушеніемъ всѣхъ законовъ естественныхъ и положительныхъ.

Но мы не будемъ выходить изъ предѣловъ разсматриваемаго нами періода, въ теченіи котораго эта система получила одно только развитіе, состоявшее въ томъ, что всякаго рода съѣстные припасы, товары и произведенія непріятельской земли или фабрики—кому бы они въ дѣйствительности ни принадлежали, разсматривались какъ собственность непріятельская, а потому нейтральный корабль, на которомъ находилось что нибудь изъ подобныхъ предметовъ, со всѣмъ своимъ грузомъ—подлежалъ конфискаціи.

Можетъ казаться въ самомъ дѣлѣ невѣроятнымъ, чтобы народы, которые такъ хвалились своею цивилизаціею, могли въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ нарушать всякія правила справедливости и естественной законности; чтобы они могли отнимать отъ болѣе слабыхъ государствъ ихъ самыя священныя права, ихъ независимость, свободу и матеріальныя средства; поступая такимъ образомъ, они не имѣли даже возможности выставить предлогомъ свое незнаніе, потому что принципы эти, которые они такъ попирали,—ими же самими были написаны, подписаны и скрѣплены клятвой. Къ сожалѣнію, факты эти весьма легко доказать; они даже никѣмъ не отрицаются. Документы, доказывающіе ихъ, слишкомъ многочисленны, чтобы могли быть приведены здѣсь; я ограничусь указаніемъ только нѣкоторыхъ отъ каждой націи, и при томъ остановлюсь на документахъ, появившихся позже тѣхъ трактатовъ, въ которыхъ былъ провозглашенъ принципъ: *корабль свободенъ*, *грузы свободны* (*navire libre*, *marchandises libres*); я начну съ Франціи, которую мнѣ такъ тяжело понять въ этой печальной номенклатурѣ.

Францiя заключила трактаты: въ 1655 г. съ Англiей; въ 1659 г. (Пиренейскiй) съ Испанiей, въ 1676 и 1678 г. (Нимегенскiй) съ Голландiей, Испанiей, Швецiей и др.; она была связана актами подобнаго же рода съ различными другими народами, и именно съ мусульманскими народами береговъ Средиземнаго моря,—и въ тоже время, она издала знаменитый ордонансъ въ августѣ 1681 г. Я уже говорилъ объ этомъ ордонансѣ; я указалъ до какой степени онъ былъ замѣчателенъ, какъ торговый законъ. Здѣсь я долженъ разсмотрѣть тѣ постановленiя, которымъ законодатель хотѣлъ придать характеръ международныхъ законовъ. Это былъ внутреннiй законъ, изданный французскимъ королемъ Людовикомъ XIV для французовъ, и слѣдовательно постановленiя этого закона не имѣли никакой силы, никакого значенiя по отношенiю къ народамъ, неподчиненнымъ скипетру Людовика XIV, даже и тогда, если бы постановленiя этого закона нисколько не нарушали ни закона естественнаго, ни закона положительнаго. Но постановленiя эти совершенно опрокидываютъ естественное право; они нарушаютъ и уничтожаютъ самыя существенныя постановленiя положительнаго права. Ордонансъ не только провозглашаетъ захватъ и конфискацiю непрiятельской собственности, находящейся на нейтральномъ кораблѣ, но даже самого корабля и всего остальнаго груза ([155]). Это уже не есть принципъ, провозглашенный трактатами: *флагъ покрываетъ грузъ, le pavillon couvre la mar-*

---

[155]) Liv. III, tit. 9, art. 7. «Tous navires qui seront chargés d'effets appartenant à nos ennemis, et les marchandises de nos sujets ou alliés qui se trouveront dans un navire ennemi, seront pareillement de bonne prise». (Всѣ корабли, которые будутъ нагружены предметами, принадлежащими нашимъ непрiятелямъ, а равно товары нашихъ подданныхъ или союзниковъ, находящiеся на непрiятельскомъ кораблѣ—будутъ одинаково составлять добрый призъ). Постановленiе это было не совсѣмъ ясно, и адмиралтейскiе суды колебались примѣнять его; постановленiе совѣта (arrêt du conseil) отъ 22 октября 1692 г. уничтожило всякое сомнѣнiе и объявило, что: «если на нейтральныхъ корабляхъ будутъ находиться предметы, принадлежащiе врагамъ Е. В., то корабли и весь грузъ будутъ составлять добрый призъ, на основанiи 7 ст.» («S'il se trouve sur les vaisseaux neutres des effets appartenant aux ennemis de S. M., les vaisseaux et tout le chargement seront de bonne prise, conformément à l'art. 7».

chandise; это не есть даже принципъ Консулата: *robe ennemie est confisquée sur navire ami*, *непріятельскій грузъ подлежитъ конфискаціи на дружескомъ кораблѣ*; ордонансъ провозглашаетъ новый принципъ: *robe ennemie confisque robe et navire amis*, *непріятельскій грузъ конфискуетъ дружескіе грузъ и корабль*; и замѣчательно при этомъ, что—всѣ, и союзники, и нейтральные, и иностранцы,—подразумѣвались въ одной и той же статьѣ, въ одной и той же фразѣ вмѣстѣ съ подданными, и всѣ они были подчинены одинаковой отвѣтственности. Можно подумать, что законъ изданъ римскимъ императоромъ, которому былъ подчиненъ весь свѣтъ; впрочемъ, постановленія эти были заимствованы изъ этихъ древнихъ, внутреннихъ законовъ.

Когда вспыхнула война въ 1689 г., то всѣ трактаты были нарушены и отмѣнены. Нейтральная торговля, поставленная между французскимъ ордонансомъ 1681 г., который Франція примѣняла очень строго, и ордонансомъ изданнымъ противниками Франціи въ 1689 г.—едва не была уничтожена. Къ счастію, какъ я уже сказалъ, два, повидимому слабые, народа соединились для того, чтобы защищать свои права; Данія и Швеція заключили *первый союзъ вооруженнаго нейтралитета* и тѣмъ только сохранили свое существованіе. Если бы подобные союзы могли, наконецъ, войти въ морскіе обычаи народовъ, то тиранія воюющихъ скоро была бы уничтожена, и тогда созданіе равновѣсія на океанѣ—сдѣлалось бы возможнымъ.

Рисвикскій трактатъ (Ryswick) 1697 г. положилъ конецъ войнѣ; Франція снова заключила трактатъ съ Голландіей, Англіей и Испаніей. Эти четыре націи были тогда самыя могущественныя на морѣ; онѣ снова, передъ лицемъ всей вселенной, провозгласили принципъ: флагъ покрываетъ все, что находится на кораблѣ; онѣ снова клялись соблюдать и заставить соблюдать этотъ принципъ международнаго права, включенный во всѣ торжественные акты. Между тѣмъ 7-я статья ордонанса 1681 г. не была ни отмѣнена, ни измѣнена, и нѣсколько лѣтъ спустя, во время войны за испанское наслѣдство, въ 1704 г., появился новый регламентъ, исходившій отъ

французскаго короля и имѣвшій цѣлью опредѣлить ту часть, которую король предоставлялъ французскимъ корсарамъ во флотахъ нейтральныхъ народовъ. Актъ этотъ шелъ еще далѣе ордонанса 1681 г. ([156]); онъ подвергалъ конфискаціи всѣ предметы, товары и произведенія непріятельской земли или фабрики, найденные на нейтральномъ кораблѣ, кто бы ни былъ дѣйствительный собственникъ этихъ предметовъ и товаровъ; но самый корабль и остальной грузъ оставались свободны. Регламентъ не останавливался на этомъ; онъ объявлялъ добрымъ призомъ, вмѣстѣ съ грузомъ, и всякій корабль, который возьметъ въ непріятельскомъ портѣ грузъ, для перевозки его въ портъ не принадлежащій къ числу портовъ его собственной страны.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ я остановился такъ подробно на ошибкахъ, и, да простятъ мнѣ это слово,—преступленіяхъ моего отечества; но я полагаю, что, для излеченія раны, надо имѣть мужество сознать ее и изслѣдовать ея глубину. Къ тому же я скоро буду имѣть утѣшеніе показать Францію, идущею во главѣ народовъ, которые поняли, наконецъ, и истинные принципы международнаго права, и силу торжественныхъ актовъ.

Испанія была единственная страна, которая, подобно Франціи, имѣла обычай издавать постоянные законы относительно своего поведенія во время войны. Эта держава, хотя и была уже въ большомъ упадкѣ, но все таки въ концѣ XVII ст. была еще одна изъ великихъ морскихъ державъ. Она принимала участіе въ трактатахъ: Пиренейскомъ, Нимегенскомъ

([156]) Ст. 3 «Défend Sa Majesté d'arrêter les vaisseaux appartenant aux sujets des princes neutres partis des ports d'un des Etats neutre ou allié de S. M., pour aller dans un autre Etat pareillement neutre ou allié de S. M., pourvu qu'ils ne soient pas chargés de marchandises du crû ou fabrique de ses ennemis, auquel cas, les marchandises seront de bonne prise et les vaisseaux seront relâchés». Art. 4. «Défend pareillement S. M. aux armateurs d'arrêter les vaisseaux appartenant aux sujets des princes neutres, sortis des ports d'un Etat allié de S. M. ou neutre, pour aller dans un Etat ennemi de S. M., pourvu qu''il n'y ait sur lesdits vaisseaux aucune marchandise de contrebande, ni du crû ou fabrique des ennemis de S. M.; dans lesquels cas les marchandises seront de bonne prise et les vaisseaux seront relachés».

и Рисвикскомъ; она заключила очень много другихъ, отдѣльныхъ трактатовъ съ морскими націями, и во всѣхъ этихъ трактатахъ она провозглашала принципъ: *флагъ покрываетъ грузъ, le pavillon couvre la marchandise.* Однако, въ 1702 г. она издала одинъ ордонансъ, который былъ почти буквальнымъ воспроизведеніемъ постановленій французскаго ордононса, изданнаго въ августѣ 1681 г.

Другія европейскія націи не имѣли обыкновенія издавать по этимъ вопросамъ постоянныхъ внутреннихъ законовъ; но при началѣ каждой войны, онѣ объявляли тотъ путь, которому хотѣли слѣдовать, и тѣ предѣлы, въ которые имъ было угодно поставить нейтральные народы и ихъ независимость. Затѣмъ, въ теченіе войны, смотря по обстоятельствамъ, смотря по ихъ собственнымъ интересамъ или даже просто по капризу, онѣ измѣняли эти законы, усиливали или смягчали ихъ (этотъ послѣдній фактъ случался очень рѣдко) такъ, какъ еслибы дѣло касалось опредѣленія образа дѣйствій ихъ собственныхъ подданныхъ или ихъ солдатъ; и въ дѣйствительности, этого рода законы были ничто иное какъ предписанія, дававшіяся начальникамъ морскихъ силъ и корсарамъ, останавливать и отводить въ порта всѣ нейтральные корабли, которые будутъ находиться въ извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ случаяхъ, для того чтобы объявлять ихъ добрыми призами. Таковъ былъ образъ дѣйствій Англіи и Голландіи.

Эти двѣ державы заключили большое число трактатовъ, со всѣми европейскими морскими націями, и именно въ 1667 и 1678 гг. съ Испаніей и Швеціей; державы эти принимали участіе въ большинствѣ важнѣйшихъ конвенцій той эпохи, въ то время когда онѣ соединились для того, чтобы вести войну съ Франціей въ 1689 г. Я уже говорилъ о пресловутой конвенціи, которую онѣ заключили 22 августа 1689 г. и которая была объявлена всѣмъ націямъ, оставшимся нейтральными. Конвенція эта, пригодная для двухъ народовъ, соединившихся въ союзъ для одной общей войны, имѣла единственною цѣлью сдѣлать эту войну возможно болѣе выгодною для союзниковъ; это былъ въ дѣйствительности внутренній законъ. Въ немъ не было болѣе вопроса объ ограниченіи тор-

говли нейтральныхъ съ непріятелемъ въ извѣстныхъ, хотя и произвольныхъ, болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ, или о назначеніи извѣстныхъ, опредѣленныхъ наказаній. Мѣра была принята болѣе радикальная, болѣе полная. *Всякая торговля* между нейтральными и врагомъ этихъ всемірныхъ законодателей *была воспрещена*; всякое мирное судно, встрѣченное на пути къ портамъ Франціи, или шедшее изъ этихъ портовъ — было объявлено добрымъ призомъ со всѣмъ его грузомъ. Таково было приказаніе, отданное Англіей и Голландіей; нейтральные должны были повиноваться.

Однако они не вполнѣ повиновались; коалиція Даніи и Швеціи, о которой я уже говорилъ, парализировала, по крайней мѣрѣ отчасти, эту тираническую попытку. Эти два народа начали, съ тѣхъ поръ, то благородное сопротивленіе морскому деспотизму воюющихъ, которое, какъ мы увидимъ, продолжалось до начала XIX ст съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ, которымъ всѣ націи должны бы были удивляться и главное — подражать, и которое было задушено потоками Датской крови, но для того, чтобы возродиться вновь, я надѣюсь, болѣе сильнымъ и способнымъ установить наконецъ то морское равновѣсіе, настоятельную необходимость котораго наши отцы слишкомъ долго не признавали.

Подлежитъ-ли конфискаціи нейтральная собственность, найденная на непріятельскомъ кораблѣ? Консулатъ рѣшалъ этотъ вопросъ справедливо и согласно съ естественнымъ правомъ; онъ требовалъ, чтобы нейтральный товаръ былъ возвращенъ его собственнику, подъ условіемъ уплаты этимъ послѣднимъ фрахта и всѣхъ расходовъ взятелю. Правило это соблюдалось въ теченіе всего XVI и первой половины XVII ст. Оно было освящено всѣми трактатами, заключенными въ продолженіе этого промежутка времени, и даже тѣми, которые первые усвоили принципъ: *корабль свободенъ — товары свободны, navire libre, marchandises libres*. Въ этомъ именно смыслѣ постановляютъ трактаты: 1604 г. между Французами и Турками и 1612 г. между тѣми же самыми Турками

и Голландцами ([157]). Но около половины XII ст., націи, принявшія правильное рѣшеніе вопроса относительно непріятельской собственности, нагруженной на нейтральномъ кораблѣ, т. е. принципъ: *дружескій флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, pavillon ami couvre marchandises ennemies*,— приняли, въ то же время, какъ естественное послѣдствіе этого,—другой принципъ: *непріятельскій флагъ конфискуетъ дружескій грузъ, pavillon ennemi confisque marchandises amies*. Принявшіе такой принципъ разсуждали, что *національность собственности* послужила основаніемъ для обоихъ постановленій Консулата, и чтобы поступать логично, надлежало замѣнить это основаніе другимъ—*національностью корабля*.

Одинъ изъ первыхъ актовъ, санкціонировавшихъ эту странную замѣну- былъ трактатъ 1659 г. (Пиренейскій), между Франціей и Испаніей; замѣна эта нашла себѣ мѣсто также въ трактатѣ 1661 г., заключенномъ между Франціей и Голландіей ([158]). Затѣмъ, мы находимъ эту замѣну во всѣхъ трактатахъ, цитированныхъ мною по поводу предъидущаго вопроса, и именно въ трактатахъ: Нимегенскомъ, Рисвикскомъ и Утрехтскомъ, т. е. въ такихъ актахъ, которые, по числу и могуществу участвовавшихъ въ нихъ сторонъ, вполнѣ могутъ выражать мнѣніе морскихъ націй и составлять собою положительное право.

Почти безполезно говорить, что новое правило: *непріятельскій флагъ конфискуетъ дружескій грузъ* (*pavillon ennemi confisque marchandises amies*), было принято всѣми внутренними законами, за исключеніемъ, однако, законовъ Англіи.

([157]) «Et parce qu'aucuns sujets de la France naviguent sur vaisseaux appartenant à nos ennemis et y chargent de leurs marchandises et étant rencontréz ils sont faits le plus souvent esclaves et leurs marchandises prises. Pour cette cause commandons et voulons que d'ici en avant ils ne puissent être pris sous ce prétexte, ni leurs facultéz confisquées s'ils ne sont trouvez sur un vaisseau de cours.....» *Dumont*, t. V, part. 2, p. 39.

([158]) Ст. 35 говоритъ: «Il a été en outre accordé et convenu que tout ce qui se trouvera chargé par les sujets de S. M. sur un navire des ennemis desdits seigneurs États généraux, bien que ce ne fût marchandise de contrebande, sera confisqué avec tout ce qui se trouvera audit navire, sans exception ni réserve». *Dumont*, t. V, part. 2, p. 412.

Эта держава, старавшаяся показать, что она опираетъ свою политику на Консулатъ, которому она всегда выказывала родъ поклоненія—съумѣла очень хорошо, какъ мы видѣли это въ конвенціи 1689 г. и какъ мы увидимъ это ниже, когда будемъ говорить о блокадѣ, — найти другія средства раззорять нейтральную торговлю. Для другихъ націй, правило это доставляло ихъ корсарамъ лишнюю добычу и сильно содѣйствовало стѣсненію нейтральной торговли, воздвигая лишнее затрудненіе. Я указалъ уже на ту глубокую ошибку, которая привела націи къ принятію двухъ принциповъ: *корабль свободенъ—грузъ свободенъ*; (*navire libre,—marchandises libres*); *и корабль непріятельскій—грузъ непріятельскій* (*navire ennemi, — marchandises ennemis*)—какъ на неизбѣжно и нераздѣльно-вытекающій одинъ изъ другого выводъ ([159]).

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было несправедливо такое постановленіе положительнаго закона, — оно было гораздо менѣе вредно для мирныхъ націй, чѣмъ старинное правило: *непріятельскій грузъ подлежитъ конфискаціи на дружественномъ кораблѣ (robe ennemie est confiscable sur navire ami)*; оно оставляло имъ полную свободу продолжать коммисіонную или промышленную торговлю, что было для нихъ очень полезно и выгодно, еслибы положительный законъ исполняли добросовѣстно.— Съ другой стороны, новое правило особенно упрощало вопросы о призахъ, избавляя ихъ отъ всякихъ возраженій касательно принадлежности грузовъ. Судъ былъ простъ: національность корабля, — которую всегда было легко опредѣлить, — рѣшала законность или незаконность захвата.

Такимъ образомъ, по этому двойному вопросу, разсматриваемому въ этомъ параграфѣ, — положительное международное право слѣдовало по тому пути, который можно резюмировать такъ: относительно первой части (непріятельская собственность на нейтральномъ кораблѣ)—единодушно было принято правило: *корабль свободенъ — грузъ свободенъ* (*navire*

([159]) См. мое сочиненіе: «Des droits et des devoirs des nations neutres», etc. tit X, ch. 3. t. 2 (3-e ed).

libre,—marchandises libres) — каковое правило было дѣйствительнымъ и полнымъ выраженіемъ естественнаго закона. Относительно второй части (нейтральная собственность на непріятельскомъ кораблѣ)—правило Консулата было замѣнено новымъ: *корабль непріятельскій, — грузъ непріятельскій* (*navire ennemi,—marchandises ennemies*)—что было очевиднымъ нарушеніемъ принциповъ божественнаго закона. Но такъ какъ перевозка непріятельскихъ грузовъ имѣетъ для независимыхъ народовъ гораздо болѣе важности, чѣмъ перевозка ихъ собственныхъ товаровъ на корабляхъ воюющихъ, то можно сказать, что положительное право получило значительное улучшеніе, предоставивъ независимымъ народамъ право пользованія самою большею частью ихъ независимости. Къ сожалѣнію, внутренніе законы не только помѣшали этому движенію, которое можно назвать либеральнымъ, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, — но и освятили самыя тираническія дѣйствія, которыя воюющіе старались присвоить себѣ на океанѣ. Эти законы, правда, не имѣютъ никакого международнаго значенія, но издатели примѣняли ихъ силою къ свободнымъ народамъ. Столь серьезный фактъ встрѣтилъ весьма слабое сопротивленіе со стороны мирныхъ націй; но слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ морскихъ войнахъ конца XVII и начала XVIII ст. — всегда принимали участіе всѣ морскія державы и, такимъ образомъ нейтральными оставались державы самыя слабыя, которыя, дѣйствуя разъединенно, часто даже изъ-за соперничества — были слишкомъ слабы для того, чтобы защищать свои права, попранныя ихъ могущественными противниками.

§ IV. *Блокада.*

Въ продолженіе среднихъ и болѣе близкихъ вѣковъ, вопросы, касающіеся блокады, не были еще затронуты. Они начинаютъ появляться въ разсматриваемый нами періодъ, весьма неясно еще и туманно въ трактатахъ, но очень положительно и очень опредѣленно въ фактахъ и въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ воюющихъ.

Почти всѣ международные трактаты, заключенные въ концѣ XVI и въ теченіи XVII ст., и занимавшіеся вопросами о военной контрабандѣ, содержатъ, какъ мы это видѣли, специальную статью, заключавшую въ себѣ перечень тѣхъ товаровъ, торговля которыми не была воспрещена во время войны; статья эта заканчивалась объявленіемъ, что торговля этими предметами — свободна, за исключеніемъ только мѣстъ осажденныхъ (assiégées), блокируемыхъ (bloquées) или обложенныхъ (investies).

Такое постановленіе встрѣчается именно въ трактатахъ Пиренейскомъ (1659); Нимегенскомъ (1678), Рисвикскомъ (1697) и Утрехтскомъ (1713); ([160]) но они не даютъ никакого опредѣленія блокадѣ и никакой идеи о правахъ, принадлежащихъ блокирующему, кромѣ только права препятствовать торговлѣ съ блокируемымъ мѣстомъ; такъ какъ положительное право не давало никакого специальнаго правила для морской блокады, то естественно надо думать, что оно примѣняло къ этого рода военнымъ дѣйствіямъ принципы, съ давнихъ поръ принятые для осадъ сухопутныхъ. Нейтральные, такимъ образомъ, были обязаны уважать суверенитетъ побѣдителя даже тогда, когда побѣда ограничивалась частями суши или моря, окружавшими аттакованное мѣсто. Казалось бы, что не было и надобности давать болѣе пространныя объясненія; между тѣмъ три трактата конца XVII ст. показываютъ намъ, что нѣкоторыя чрезмѣрныя притязанія уже тогда были заявлены воюющими; трактаты эти требуютъ чтобы блокада была дѣйствительная; при этомъ, фактъ заслуживающій вниманія, что Голландія, которая, какъ мы

([160]) Трактаты, содержащіе эту специальную статью, очень многочисленны; достаточно указать на слѣдующіе, замѣтивъ при этомъ, что не существуетъ ни одного, который содержалъ бы противное: 1655 г. Франція и Англія, *Dumont* t. VI, part. 2, p. 123, art. 15 и 22; 1646 г. Франція и Голландія, тоже сочиненіе, t. VI, part. 1, p. 342; 1659 г. Франція и Испанія, t. VI, part. 2. p. 122; 1661 г. Англія и Швеція, t. VI, part. 2, p. 386; 1662 г. Голландія и Алжиръ, t. VI, part. 2, p. 445; 1674 г. Англія и Голландія, t. VII, part. 1, p. 282; 1678 г. Франція и Голландія, t. VII, part 1. p. 359; 1667 г. Голландія и Швеція, t. VII, part. 1, p. 37; 1679 г.—тѣ же державы, t. VII. part. 1, p. 438; 1701 г. Голландія и Данія, t. VIII, part. 1, p. 35.

*

сейчасъ увидимъ, первая старалась злоупотреблять правомъ блокады и создавать блокады фиктивныя — участвовала въ этихъ трактатахъ, требовавшихъ дѣйствительнаго существованія блокады ([161]).

Эти различныя постановленія положительнаго права были совершенно согласны съ предписаніями закона естественнаго; они ставили блокаду въ ея истинные предѣлы. Между тѣмъ воюющими были уже дѣлаемы попытки къ расширенію правъ аттакующаго, и положительный законъ, согласный съ закономъ естественнымъ, долженъ былъ, по этому вопросу, какъ и по другимъ,—оставаться безсильнымъ противъ такихъ тираническихъ притязаній воюющихъ. Могущественные народы охотно соглашались признавать, самымъ формальнымъ образомъ, свои обязанности; но они не могли рѣшиться выполнить ихъ, и внутренніе законы всегда были готовы для того, чтобы въ случаѣ войны, уничтожить самыя священныя обязательства, чтобы обрушиться на мореплаваніе нейтральныхъ и чтобы удовлетворить ту страсть, которую, чтобы не сказать болѣе, я назвалъ меркантильною завистью.

На основаніи права естественнаго, а также и права положительнаго, блокада можетъ быть только тогда, когда воюющій овладѣлъ всѣми доступами къ этому мѣсту, когда онъ занимаетъ ихъ, на сушѣ своими полками, на морѣ—своими кораблями. Но эта необходимость дѣйствительной блокады, т. е. необходимость имѣть въ дѣйствительности суда для занятія входовъ въ портъ — не удовлетворяла притязанію воюющихъ; она стоила имъ слишкомъ значительныхъ пожертвованій и къ тому же не могла причинить никакого вреда мореплаванію нейтральныхъ, потому что корабль, пришедшій къ порту, къ которому онъ направлялся и найдя его

---

[161]) 1662 г. Голландія и Алжиръ; ст. 3 говоритъ:... «Tunc solummodo confiscationi obnoxia erunt, si quando forte urbibus et locis ab unâ alterâve parte sive mari sive terrâ obsidione juxta *realiter cinctis*, inferentur, aliàs vero nullatenus.» *Dumont*, t. VI, part. 2, p. 445; 1667 г. Голландія и Швеція, t. VII, part. 1, p. 37; 1674 г. Голландія и Англія, t. VII, part. 1, p. 282, art. 4 in fine.

блокируемымъ — поворачивалъ назадъ и уходилъ въ другое мѣсто. Тутъ не могло быть нарушенія его обязанности, т. е. нарушенія блокады, за исключеніемъ только тѣхъ, очевидно крайне рѣдкихъ случаевъ, еслибы онъ сталъ пытаться силою или хитростью пройти черезъ занятую территорію; только въ такомъ случаѣ могло быть мѣсто захвату и конфискаціи. Блокада въ такомъ видѣ, стоила очень дорого и могла вредить одному только непріятелю. Но не такова была цѣль воюющихъ.

Внутренніе законы пришли къ нимъ на помощь. Воюющіе придумали, посредствомъ оффиціальныхъ извѣщеній, дѣлаемыхъ дипломатическимъ путемъ ко всѣмъ нейтральнымъ народамъ — объявлять въ блокадѣ то или другое мѣсто, тотъ или другой портъ ихъ непріятеля, не давая себѣ труда послать туда ни одного корабля для дѣйствительнаго закрытія этого мѣста или порта. Такое оффиціальное, дипломатическое извѣщеніе, исходившее отъ одного воюющаго, гласило, что всякій нейтральный корабль, который войдетъ или будетъ пытаться войти въ портъ, объявленный блокируемымъ, всякій корабль который выйдетъ изъ такого порта — будетъ составлять добрый призъ. Такая угроза должна казаться призрачною: ни одного военнаго судна не было на мѣстѣ для того, чтобы останавливать нейтральныхъ или преслѣдовать ихъ, однимъ словомъ для того, чтобы охранять блокаду; — но угрозу эту съумѣли сдѣлать дѣйствительною. Объявили виновнымъ въ нарушеніи блокады всякое судно, которое направлялось въ портъ, объявленный блокируемымъ послѣ объявленія (нотификаціи) о блокадѣ, а также всякое судно, которое во время пути узнавало объ этомъ объявленіи: всѣ такія суда могли быть захвачены въ открытомъ морѣ и осуждены. Что касается судовъ вышедшихъ изъ запрещеннаго порта, то такія суда находились en flagrant delit вплоть до своего прихода въ портъ назначенія. — Никакая остановка, какъ бы она ни была продолжительна, не была достаточна, чтобы смыть это воображаемое преступленіе; такія суда подлежали захвату и конфискаціи въ продолженіи всего перехода. Такія блокады назвали блокадами *по объявленію (per*

notificationem), *бумажными* (*sur papier*), *фиктивными* или *кабинетными.* Такъ какъ подобный способъ блокированія не стоилъ большихъ пожертвованій, — то не ограничились блокированіемъ одного порта или одного мѣста, а начали блокировать всѣ берега цѣлаго государства. — Ниже мы увидимъ, что подобное блокированіе *по объявленію* было распространено на берега нѣсколькихъ государствъ въ различныхъ частяхъ свѣта.

Подобная система превосходно служила какъ ненависти противъ непріятеля, такъ равно и зависти противъ нейтральныхъ; наконецъ она возбуждала смѣлость корсаровъ, открывая для нихъ новыя и легкія добычи. Дѣйствительно, при такомъ способѣ блокады, корсары, которые никогда не могли содержать дѣйствительную блокаду, — были одни обязаны охранять ее и захватывать всѣ суда, осужденныя заранѣе въ воображаемомъ преступленіи. Корсары могли примѣнять *право предупрежденія* (droit de prévention) и *право преслѣдованія* (droit de suite); такъ называлось это двойное злоупотребленіе.

Нидерландамъ принадлежитъ честь изобрѣтенія фиктивной блокады. Первыя попытки восходятъ къ 1584 г. ([162]). Находясь тогда въ войнѣ съ Испаніей за свою независимость и бывши уже весьма могущественными своею торговлею и флотомъ, Нидерланды объявили блокированными всѣ порта Фландріи, остававшейся во власти Испанцевъ. Впослѣдствіи, Нидерланды часто возобновляли такія объявленія. Самое знаменитое было отъ 26 Іюня 1630 г.; оно содержитъ полное законодательство о фиктивной блокадѣ, въ томъ видѣ, какъ ее понимали изобрѣтатели и какъ ее примѣняли каждый разъ, когда воюющій оказывался достаточно сильнымъ. Изъ этого эдикта мною заимствованъ только что сдѣланный очеркъ постановленій этого мнимаго права ([163]). Эти первыя по-

---

([162]) См. Эдиктъ отъ 27 Іюля 1584 г., placard № 5 и *Bynkershoek,* «Quæst. ur. publ»., lib. 1, cap. 2.

([163]) См. переводъ этого эдикта у Ортолана, *Ortolan,* «Diplomatie de la mer», t. II, liv. 3, ch. 9. *Bynkershoek* приводитъ его по Голландски «Quæst. jur. publ.», loc. cit.

пытки остались безплодными; республика не была еще достаточно сильна, для того чтобы приводить въ исполненіе свои тираническія идеи ([164]).

Испанія не замедлила подражать своимъ возставшимъ подданнымъ; въ 1663 г. она объявила въ блокадѣ всѣ порта и берега Португаліи. Слѣдуетъ замѣтить, что изобрѣтатели фиктивной блокады, Нидерланды, были первые, протестовавшіе противъ подобной мѣры, ввести которую они старались въ продолженіи цѣлаго столѣтія передъ тѣмъ. Протестъ ихъ былъ на столько энергиченъ, что заставилъ Испанію отказаться отъ примѣненія ее ордонанса ([165]). Знаменитая конвенція 1689 г., заключенная между Голландіей и Англіей, также содержала объявленіе о фиктивной блокадѣ, распространявшейся на всѣ берега Франціи ([166]). Она примѣнялась до 1693 г., т. е до того времени, когда энергическій протестъ соединившихся Даніи и Швеціи, заставилъ обѣихъ союзницъ отказаться отъ этой незаконной мѣры.

Въ исторіи этого періода я не нашелъ ни одного факта, который могъ бы заставить думать, что Франція примѣняла или пыталась примѣнять фиктивную блокаду. Ордонансъ 1681 г. не содержитъ никакого постановленія по этому предмету. Поэтому позволительно думать, что держава эта совершенно воздерживалась отъ подобнаго злоупотребленія грубой силы.

И такъ блокада, которая, на основаніи международнаго положительнаго права, т. е. торжественныхъ трактатовъ, не могла возбуждать никакихъ недоразумѣній,—сдѣлалась, не съ точки зрѣнія права, а фактически, вслѣдствіе внутреннихъ

([164]) См. *Bynkershoek*, loc. cit.

([165]) «Relatum quidem est, eosdem ordines, anno 1652, quod ad Anglos tale quid jactitasse, omnibus sic interdicto commercio; sed quo jure jactitarint, nunc non quæro; contentus monere, eosdem ordines anno 1663, Hispanis, cum hi Lusitaniam obsessam videri, vellent, id ipsum negasse quod contra Anglos anteá sibi arrogave rant». *Bynkershoek*, loc. cit., lib. 1, cap. 4.

([166]) См. у *Dumont*, tom. VII, part. 2, p. 223 — французскій текстъ этой конвенціи.

законовъ трехъ могущественныхъ народовъ,—однимъ изъ самыхъ запутанныхъ, самыхъ трудныхъ вопросовъ для разрѣшенія; воюющіе силою поддерживали притязанія, ими-же самими созданныя. Эти законы замѣнили дѣйствительный и матеріальный фактъ — простымъ объявленіемъ. Они даже придали этому объявленію, исходившему отъ воли одного государя, силу и дѣйствительность гораздо большую, чѣмъ самый фактъ, если-бы онъ существовалъ; потому что, по этой системѣ, одного объявленія было достаточно, чтобы закрыть портъ въ дѣйствительности свободный, начиная съ момента объявленія до его отмѣны, и чтобы сдѣлать виновными въ нарушеніи блокады всѣ суда, направлявшіяся въ блокируемый портъ,—тогда какъ дѣйствительная блокада не имѣла такой возможности. Наконецъ внутренніе законы создали права: *предупрежденія* (*de prevention*) и *преслѣдованія* (*de suite*).

§ V. *Осмотръ нейтральныхъ кораблей воюющими.*

Право осмотра (droit de visite), есть изобрѣтеніе положительнаго права, предназначенное къ тому, чтобы дать воюющему возможность узнать національность встрѣченныхъ имъ въ открытомъ морѣ кораблей, дабы тѣмъ имѣть возможность осуществить свое право войны относительно врага и воспрепятствовать нейтральнымъ вмѣшиваться въ военныя дѣйствія, посредствомъ доставленія противнику контрабандныхъ товаровъ. Международный законъ не признаетъ другихъ цѣлей; но законы внутренніе прибавляютъ, что осмотръ служитъ для удостовѣренія въ томъ, что на нейтральныхъ корабляхъ нѣтъ товаровъ, принадлежащихъ непріятелю, или произведеній непріятельской земли или фабрики, а также для удостовѣренія въ томъ, что корабли эти не направляются къ фиктивно-блокируемому порту, или не вышли изъ такого порта. Я совершенно отбрасываю внутренніе законы и не придаю имъ никакой цѣны; въ моихъ глазахъ, цѣль осмотра есть: во 1-хъ, опредѣлить національность встрѣченнаго корабля, и во 2-хъ, если корабль этотъ нейтральный и идетъ въ не-

пріятельскій портъ, то удостовѣриться, нѣтъ-ли на такомъ кораблѣ контрабанды.

Раньше чѣмъ изложить способъ, которымъ осмотръ долженъ производиться, необходимо сказать: какія суда могутъ подлежать дѣйствію этого права. Подвергаться осмотру могутъ только одни коммерческія суда; военныя-же суда всякаго типа и величины должны быть изъяты. Основаніе такому различію уяснить себѣ весьма легко. Военное судно имѣетъ вѣрное средство показать свою національность: оно поднимаетъ свой флагъ и удостовѣряетъ его пушечнымъ выстрѣломъ. Флагъ, удостовѣренный такимъ выстрѣломъ — признается дѣйствительнымъ; этотъ пушечный выстрѣлъ, называется *удостовѣрительнымъ* (*coup d'assurance*) и означаетъ честное слово или клятву командира; я не думаю, чтобы были примѣры, чтобы это слово давалось ложно, развѣ только Англійскими офицерами, уполномоченными на то, какъ говоритъ Valin, ихъ правительствомъ. Что касается выполненія обязанностей нейтралитета, т. е. доставленія контрабанды непріятелю, то военныя суда торговлею не занимаются; къ тому же они по самому своему роду необходимо должны имѣть оружіе и военные запасы; и если бы они снабдили подобными предметами одного изъ воюющихъ, то такой фактъ не имѣлъ бы характера контрабанды, ибо, исходя отъ того государства, къ которому принадлежитъ корабль и все находящееся на немъ,—фактъ этотъ составлялъ бы прямую военную помощь, т. е. военное дѣйствіе, которое можетъ быть прекращено только объявленіемъ войны.

Такимъ образомъ цѣль осмотра была точно опредѣлена; поэтому легко было опредѣлить и тотъ способъ, которымъ онъ долженъ производиться. Первый международный актъ, опредѣлившій способъ производства осмотра, былъ трактатъ отъ 28 марта 1632 г., заключенный между Франціей и Англіей. Начиная съ этого времени, всѣ безъ исключенія трактаты, заключенные между морскими державами, содержатъ болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе точное опредѣленіе способа производства осмотра въ открытомъ

морѣ ([167]), и всѣ они согласны въ основныхъ принципахъ относительно времени, мѣста и способовъ.

Осмотръ можетъ имѣть мѣсто только во время войны, послѣ оффиціальнаго объявленія, сообщеннаго нейтральнымъ государствамъ; онъ прекращается тотчасъ же какъ миръ подписанъ, или когда заключено перемиріе. Эти предѣлы во времени не упоминаются ни въ одномъ изъ трактатовъ, но они вытекаютъ изъ естественнаго права и самаго существа осмотра. Международные акты ограничиваются только заявленіемъ, что осмотръ имѣетъ мѣсто во время войны.

Мѣста, гдѣ осмотръ можетъ быть произведенъ, суть: 1) открытое море и 2) территоріальныя моря, принадлежащія обоимъ воюющимъ, т. е. мѣста неподлежащія ничьей юрисдикціи, и мѣста подчиненныя суверенитету воюющихъ. Открытое море не принадлежитъ никому; это есть такое свободное мѣсто, гдѣ всякаго рода военныя дѣйствія законны; воюющій имѣетъ право нападать и брать всякія суда своего противника, которыя онъ встрѣтитъ на этомъ обширномъ пространствѣ, общемъ для всѣхъ народовъ, для всѣхъ націй; для возможности осуществлять это право — осмотръ и созданъ.

Территоріальное море, принадлежащее воюющему, производящему осмотръ, подчинено его постоянной юрисдикціи; поэтому онъ можетъ осуществлять здѣсь всѣ свои права войны. Что касается территоріальнаго моря, принадлежащаго противнику, то съ того момента, когда одно изъ вооруженныхъ судовъ воюющаго будетъ находиться на этой части непріятельской территоріи,—онъ завоевываетъ ее, подчиняетъ ее своему суверенитету и сохраняетъ надъ нею юрисдик-

---

([167]) См. именно: 1646 г. Франція и Соединенныя Провинціи, *Dumont*, t. VI. part. I, p. 343; 1665 г. Франція и Англія; 1661 г. Франція и Соединенныя Провинціи, t. VI, part. 2 p. 414; 1662 г. Англія и Триполи, t. VI, part. 2, p. 431: 1662 г. Данія и Франція, t. VI, part. 2, p. 438, art 21; 1664 г. Англія и Тунисъ, t. VI, part. 3, p. 32; 1674 г. Англія и Соединенныя Провинціи, t. VII, part. 1, p. 28; 1678 г. Франція и Голландія, t. VII, part. 1, p. 359, art. 20; 1697 г. Франція, Голландія, Англія и Испанія, art. 25 t. VII, part. 2, p. 386; 1701 г. Данія и Голландія, t. VIII, part. 1, p. 35 и пр.

цію впродолженіи всего того времени, пока продолжается это фактическое завладѣніе.

Но положительно воспрещается производить осмотръ на нейтральномъ территоріальномъ морѣ, т. е. на такомъ мѣстѣ, гдѣ воюющій никогда не можетъ имѣть никакой юрисдикціи, ибо нейтральное территоріальное море есть мѣсто священное и неприкосновенное, на которомъ никогда не должно происходить никакихъ военныхъ дѣйствій. Эти условія, касающіяся предѣловъ осмотра относительно мѣстъ, встрѣчаются во всѣхъ трактатахъ, которые занимаются этимъ предметомъ; но, запрещенія относительно мирныхъ территоріальныхъ морей чаще всего помѣщались въ числѣ условій, на которыхъ нейтральные предоставляли морское убѣжище судамъ воюющихъ націй.

Если крейсеръ,—военное судно или корсаръ,—встрѣчаетъ купеческій корабль и хочетъ его осмотрѣть, то онъ долженъ выразить свое намѣреніе, сдѣлавъ одинъ холостой выстрѣлъ изъ орудія; этотъ выстрѣлъ называется *пригласительнымъ* (*coup de semonce*). Предупрежденный такимъ выстрѣломъ корабль, обязанъ остановиться и ожидать прибытія крейсера. Этотъ послѣдній долженъ приступить къ осмотру согласно съ правилами, предписанными международными трактатами. Утрехтскіе трактаты даютъ намъ точное постановленіе положительнаго закона XVII ст.

Вотъ текстъ 24 ст. конвенціи, заключенной между Франціей и Соединенными Провинціями: «будутъ-ли суда на рейдахъ, или встрѣчены въ открытомъ морѣ какими бы то ни было судами поименованныхъ государствъ, или частными корсарами (арматорами), ихъ подданными,—означенныя суда Соединенныхъ Провинцій, для избѣжанія всякихъ безпорядковъ, не должны подходить къ французскимъ судамъ ближе, чѣмъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, и тогда могутъ послать на французскій корабль свою шлюпку съ приказаніемъ войти на корабль только двумъ или тремъ человѣкамъ; шхиперъ или хозяинъ французскаго корабля долженъ показать свои паспорты и корабельные документы, составленные и написанные по формѣ, приложенной въ концѣ

этого трактата. Изъ этихъ корабельныхъ документовъ осматривающій можетъ видѣть не только грузъ, но также мѣсто жительства и пребыванія какъ хозяина или шхипера, такъ и самаго корабля, дабы, посредствомъ этихъ двухъ способовъ можно было бы узнать, есть-ли на кораблѣ контрабанда, а также достаточно-ли удостовѣряется какъ самый корабль, такъ и его шхиперъ и хозяинъ. Означеннымъ паспортамъ (свидѣтельствамъ) и корабельнымъ документамъ должна быть даваема полная вѣра и довѣріе».

Дабы предупредить всякое недоразумѣніе, большинство трактатовъ, опредѣлявшихъ порядокъ производства осмотра, содержатъ форму того паспорта или свидѣтельства, которымъ нейтральныя суда должны быть снабжены и которое они обязаны показывать крейсеру; документъ этотъ служитъ для установленія національности корабля. Что касается груза, то законность или безвредность его доказывалась, въ тѣхъ случаяхъ когда въ томъ встрѣчалась надобность,—коносаментами, цертепартіями и др. Было бы долго и затруднительно перечислять всѣ документы, которые могли служить для доказательства законности груза; документы эти, по необходимости, были весьма различны, смотря по тому, какому государству принадлежалъ осматриваемый корабль, куда онъ шелъ, и даже смотря по роду операцій, для которыхъ онъ употреблялся. Нельзя было бы требовать отъ корабля нагруженнаго однимъ какимъ нибудь грузомъ, совершенно такихъ же документовъ, какіе могли находиться на кораблѣ нагруженномъ различными товарами и пр. Можно сказать, что корабельные документы тогда въ порядкѣ, если только они, будучи выданы отъ подлежащихъ, компетентныхъ властей, достаточно ясно констатируютъ родъ груза. Гюбнеръ (Hubner) насчитываетъ до одиннадцати документовъ полезныхъ, но не необходимыхъ, для доказательства національности и законности груза ([168]). Ламиреди (Lampredi) требуетъ для этого только пять, изъ которыхъ два относитъ къ грузу ([169]).

([168]) *Hubner*, »Saisie des bâtiments neutres», t. II, 2-e part. ch. 3, § 10.

([169]) Азуни (Azuni), Мартенсъ (Martens), Массэ (Massé) и др. одинаково со-

По моему мнѣнію, ничего невозможно опредѣлить по этому предмету.

Таковъ былъ осмотръ, установленный положительнымъ правомъ. Осмотръ этотъ, поставленный въ такіе предѣлы, ни чѣмъ непротиворѣчитъ праву естественному; онъ дозволяетъ воюющему пользоваться своими правами войны и не наноситъ никакого ущерба независимости нейтральныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, воюющій входитъ на неизвѣстный ему корабль, и лишь только нейтральность этого послѣдняго установлена документами, исходящими отъ самого нейтральнаго правительства,—онъ спѣшитъ оставить территорію, на которой не имѣетъ права совершать непріязненныя дѣйствія.

Такое опредѣленіе осмотра, столь положительное, столь абсолютное и единодушное, не можетъ оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно цѣли осмотра; цѣль его—есть именно та, которую я только что опредѣлилъ, и казалось бы невозможнымъ, чтобы народы могли не подчиняться постановленію, такъ правильно установленному относительно собственныхъ ихъ дѣйствій. Между тѣмъ это именно случалось. Въ осмотрѣ, такъ тщательно опредѣленномъ трактатами, воюющіе не находили никакихъ средствъ для удовлетворенія ихъ ненависти къ нейтральнымъ народамъ, никакого поощренія для своихъ корсаровъ (арматоровъ). Къ тому же, надо признать, что нейтральные народы, желавшіе увеличить свой флотъ, одинаково какъ воюющіе уничтожить его—прибѣгали къ различнымъ подлогамъ, съ цѣлью обмануть воюющихъ. Справедливость требуетъ прибавить, что эти подлоги, главнѣйшимъ образомъ дѣлались для того, чтобы обойти требованія, которыми воюющіе старались замѣнить постановленія положительнаго права.

Осмотръ имѣлъ цѣлью удостовѣриться въ томъ, что нейтральные исполняютъ свои обязанности; онъ, по необходимости, долженъ былъ расширяться по мѣрѣ того, какъ предъявляли нейтральнымъ народамъ новыя обязанности; такъ

гласны съ тѣмъ, что невозможно опредѣлить число и родъ документовъ, необходимыхъ для установленія законности или безвредности груза.

именно и случилось. Къ двумъ, вышеуказаннымъ мною цѣлямъ осмотра, прибавили три другія, а именно, желали удостовѣриться, во 1-хъ, въ томъ, что корабль не имѣетъ у себя непріятельской собственности; во 2-хъ, въ томъ, что на немъ нѣтъ произведеній фабрикъ или земли противника; и въ 3-хъ, въ томъ, что онъ не направляется къ фиктивно-блокированному порту, или не идетъ изъ такого порта. Слѣдуетъ замѣтить, что постепенныя расширенія права осмотра происходили гораздо болѣе изъ самыхъ фактовъ и тѣхъ инструкцій, которыя давались крейсерамъ, чѣмъ изъ постоянныхъ законовъ. Такія расширенія, безъ сомнѣнія, причиняли нейтральнымъ весьма серьезныя неудобства, но они были естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ незаконныхъ преградъ, которыя воюющіе ставили торговой свободѣ; они вытекали изъ тѣхъ притязаній, которыя воюющіе выставляли.

Тѣмъ не менѣе, на этихъ важныхъ нововведеніяхъ не остановились; видоизмѣнили, или скорѣе, совершенно измѣнили самую форму осмотра, который превратили въ *розыскъ* (*recherche*) ([170]). Согласно положительному закону, въ томъ видѣ какъ я его привелъ, — правильный осмотръ есть ничто иное какъ *изслѣдованіе флага* (*enquête de pavillon*); это выраженіе подходило бы даже лучше чѣмъ то, которое было принято. Воюющій, вмѣсто того чтобы *придавать полную вѣру и довѣріе* (*ajouter entière foi et créance*), какъ говорилъ Утрехтскій и множество другихъ трактатовъ, тѣмъ документамъ, которые представлялъ осматриваемый корабль,—пожелалъ самъ удостовѣриться: согласны-ли эти документы съ дѣйствительностію и нѣтъ-ли какихъ нибудь другихъ документовъ. Чтобы достигнуть этого, воюющій заставлялъ открывать, или самъ силою открывалъ, ящики, шкафы, мебель, дабы найти какія нибудь признаки подлога. Онъ заставлялъ

([170]) См. сочиненіе *Hautefeuille'я* «Des droits et des devoirs des nations neutres». Я сдѣлалъ это важное различіе и установилъ, что если осмотръ дозволителенъ и законенъ, то розыскъ—наоборотъ, ибо составляетъ актъ судебный и, слѣдовательно, посягающій на независимость нейтральныхъ народовъ. См. tit. XI, ch. I, tom. 2, и tit. XII, ch. I, tom. 3 (2-e édit.).

открывать или открывалъ люки, проникалъ въ трюмъ, перерывалъ грузъ, разламывалъ и разбивалъ тюки,—и все это для того, чтобы открыть хотя немного контрабанды, которая составляла предметъ его самыхъ горячихъ желаній. Но этимъ не ограничились и пошли еще далѣе: крейсеръ былъ уполномоченъ своимъ правительствомъ подвергать допросу офицеровъ и матросовъ нейтральнаго корабля, стараясь добиться какого нибудь одного слова, которое очень часто онъ вызывалъ или виномъ, или угрозами, или дурнымъ обращеніемъ и даже пытками. Одного слова, одного жеста, выскользнувшаго у этихъ несчастныхъ, языка которыхъ осматривающіе часто даже и не понимали,—было достаточно; корабль захватывали, ворочали его съ пути, отводили въ одинъ изъ портовъ воюющаго и очень часто конфисковали, ибо главнымъ образомъ и прежде всего надо было вознаградить и поощрить корсарство. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, если даже послѣ длинной процедуры, судно и отпускалось на свободу,—его торговыя операціи оставались невыполненными, его хозяева часто бывали раззорены, ибо никогда нельзя было достичь того, чтобы такой неосторожный или скорѣе жадный взятель былъ приговоренъ къ вознагражденію за умышленно причиненный имъ вредъ.

Насилія эти, какъ ни были они серьезны, не ограничивались вышеизложеннымъ. Осмотръ устанавливалъ національность корабля и законность или безвредность груза; самый тщательный розыскъ не могъ дать никакого признака виновности; допросъ экипажа оставался безплодпымъ и не давалъ повода къ столь горячо желательному захвату; тѣмъ не менѣе, крейсеръ былъ уполномоченъ остановить судно и отвести его на территорію своего государя, если онъ имѣлъ *серьезныя подозрѣнія* (*graves soupçons*) относительно вѣрности документовъ и всего что онъ видѣлъ. Уполномочить жаднаго къ наживѣ корсара захватывать иностранное судно по однимъ только его собственнымъ подозрѣніямъ! дозволить, даже приказать подобное злоупотребленіе въ то время, когда и безъ того всѣ преимущества были на сторонѣ этого подозрительнаго и ревностнаго охранителя интересовъ своего го-

сударства! если онъ достигалъ обвиненія этого судна—онъ обогащался! если судно отпускали на свободу—онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что его не приговорятъ ни къ какому вознагражденію. Не могли же наказывать его за то, что онъ имѣлъ подозрѣнія, дозволяемыя законами его страны! Развѣ все это не значило нагло смѣяться надъ самыми священными правами народовъ?

Эта картина насилій, совершавшихся воюющими, нисколько не преувеличена; это не есть разсказъ о какихъ нибудь единичныхъ фактахъ; это былъ обыкновенный образъ дѣйствій арматоровъ или корсаровъ, ибо военныя суда вообще вели себя болѣе согласно съ постановленіями положительнаго закона; они производили розыскъ, допрашивали экипажъ, они имѣли приказаніе дѣйствовать такимъ образомъ; они также могли имѣть *серьезныя подозрѣнія* и на основаніи этихъ подозрѣній, имѣли инструкціи останавливать суда,—но ихъ нельзя упрекнуть ни въ какихъ безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ, которыми запятнали себя частные корсары. Къ сожалѣнію для нейтральныхъ, военныя суда мало занимались этого рода морской полиціи; они предоставляли ее корсарамъ.

Доказательство этихъ столь печальныхъ фактовъ находится во внутреннихъ законахъ самихъ воюющихъ. Я ограничусь указаніемъ, для этого періода, на постановленіе французскаго совѣта отъ 26 октября 1692 г., о которомъ я уже имѣлъ случай говорить. Постановленіе это положительно объявляетъ, что допросъ, которому подвергаютъ офицеровъ и команду, долженъ имѣть силу противъ содержанія законныхъ и правильныхъ корабельныхъ документовъ. Законъ этотъ, такимъ образомъ, устанавливаетъ за крейсеромъ право подвергать допросу даже тогда, когда корабельные документы будутъ признаны правильными,—вопреки тексту трактатовъ и тѣмъ принципамъ, которые послужили основаніемъ къ учрежденію осмотра ([171]). Злоупотребленія совершаемыя кор-

---

([171]) См. текстъ этого постановленія у Валлэнъ (Valin), «Commentaire de l'ordonance de 1681» t. III, t. 9.

сарами дали поводъ, изданію въ Швеціи одного закона, который воспрещалъ командирамъ, шхиперамъ и хозяевамъ судовъ, допускать какой бы то ни было осмотръ со стороны иностранцевъ, и предписывалъ имъ отражать силою всякую попытку подобнаго рода ([172]).

Осмотръ, какъ его разумѣютъ воюющіе, или то, что я называю обыскомъ — существенно противенъ праву положительному. Мы видѣли уже, что согласно съ основными актами этого права, полная вѣра и довѣріе должны придаваться корабельнымъ документамъ. — Существуетъ нѣсколько трактатовъ, въ небольшомъ правда числѣ, которые содержатъ болѣе точное опредѣленіе осмотра. Изъ числа ихъ я приведу Утрехтскій трактатъ, заключенный между Франціей и Англіей; трактатъ этотъ, выставивъ капитану нейтральнаго корабля обязанность показывать его корабельные документы, прибавляетъ: «и будетъ свободно кораблю, показавшему свои документы продолжать его путь, безъ всякаго притѣсненія или какого бы то ни было осмотра».

Въ этой фразѣ, по тому значенію, которое мы придаемъ въ настоящее время слову *осмотръ*, (visite),—очевидно, что употребленное здѣсь слово *осмотръ* должно быть понято въ смыслѣ розыска.—Этотъ то розыскъ именно и воспрещенъ ([173]).

Розыскъ одинаково противорѣчитъ и естественному праву потому что онъ наноситъ серьезное оскорбленіе не только интересамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достоинству и независимости мирныхъ націй. Въ самомъ дѣлѣ, корабль представилъ документы, выданные правительствомъ того государства, флагъ котораго онъ носитъ; онъ доказалъ свою національность, а между тѣмъ осматривающій офицеръ остается на кораблѣ, производитъ розыскъ, допрашиваетъ капитана и команду, словомъ, совершаетъ судебные акты и тѣмъ самымъ проявляетъ суверенитетъ на кораблѣ, т. е. на территоріи, признанной нейтральною. Это есть посягательство на права націи, которой принадлежитъ корабль и поэтому—нарушеніе самыхъ существенныхъ принциповъ естественнаго права.

([172]) См. Code maritime Suedois, изданный въ 1667 году Карломъ II, 7 ч. гл. I.

([173]) См. также трактатъ 1668 г. между Англіей и Соединенными провинціями, ст. 8, —возобновленный въ 1674 г.

Примѣненіе права осмотра возбудило около половины XVII столѣтія, одинъ весьма серьезный вопросъ, который до настоящаго времени еще вполнѣ не разрѣшенъ морскими державами. Какъ я уже сказалъ, военныя суда во всѣ времена были изъяты отъ осмотра. Злоупотребленія, совершаемыя корсарами, заставили нѣсколько нейтральныхъ націй соединить ихъ коммерческія суда въ отряды и посылать подъ конвоемъ военныхъ судовъ. По всему вѣроятію, обычай этотъ былъ очень древній, и въ первыя времена установленія права осмотра, суда, находившіяся подъ конвоемъ были изъяты отъ осмотра; въ этомъ случаѣ довольствовались заявленіемъ, удостовѣреннымъ словомъ начальника конвоя, что суда, находящіяся подъ его конвоемъ не имѣютъ, ни военной контрабанды, ни непріятельской собственности; такъ было въ обычаѣ въ XV столѣтіи относительно коммерческихъ судовъ, плававшихъ отдѣльно, что видно изъ трактатовъ 1468 г. между Англичанами и Генуэзцами, и 1495 г. между Англичанами и герцогомъ Австрійскимъ ([174]). Этотъ обычай, по отношенію къ конвоируемымъ судамъ, долженъ былъ соблюдаться въ продолженіи XVI и начала XVII столѣтій; но вслѣдствіе того, что насильственныя дѣйствія все болѣе и болѣе усиливались,—нейтральные должны были увеличивать ихъ конвой. Такая мѣра, обезпечивая самымъ дѣйствительнымъ образомъ примѣненіе права войны и исполненіе обязанностей нейтралитета,—весьма мало способствовала вознагражденію и обогащенію корсаровъ и раззоренію нейтральнаго мореплаванія; а потому воюющіе возстали противъ этого и заявили притязаніе подвергать осмотру суда, находящіяся подъ конвоемъ. Нейтральные горячо протестовали противъ такого расширенія права войны.

Къ 1653 г., Шведская королева Христина, желая охранить своихъ подданныхъ отъ грабительскихъ дѣйствій, совершаемыхъ корсарами воюющихъ—приказала Шведскимъ судамъ соединиться сколь возможно въ отряды, которые она послала подъ конвоемъ военныхъ судовъ, и начальники конвоевъ получили инструкцію противиться даже силой всякой попыткѣ

([174]) Трактаты эти приведены выше, 2 періодъ, т. III, гл. 1, отд. 2.

осмотра кораблей, находившихся подъ ихъ конвоемъ.—Заключенный въ слѣдующемъ году миръ помѣшалъ тому, чтобы это приказаніе было приведено въ исполненіе.

Два года спустя, Голландія заключила одинъ торговый трактатъ съ Англіей; она употребила всѣ усилія, чтобы включить въ него спеціальную статью, которая освобождала-бы суда, находившіяся подъ конвоемъ—отъ осмотра; но Протекторъ не хотѣлъ согласиться на это.—Переговоры эти, продолжавшіеся очень долго, породили горячіе споры, въ которыхъ приняли участіе ученые и государственные люди обѣихъ сторонъ. Переговоры эти очевиднымъ образомъ показываютъ, что осмотръ понимамался въ Англіи какъ аттрибутъ морской сюпрематіи (владычества), и въ осебенности какъ могущественное средство для господства надъ нейтральными ([175]). Англичане продолжали подвергать осмотру суда, находившіяся подъ конвоемъ; тогда Голландцы отдали приказаніе своимъ начальникамъ конвоевъ отражать силою всякую попытку этого рода; но приказаніе это въ слѣдующемъ же году было отмѣнено. Тѣмъ не менѣе оно повело за собою столкновеніе между конвоемъ, находившимися подъ начальствомъ Рюйтера (Ruyter) и англійскою дивизіею, которая, бывши слишкомъ слабою, чтобъ рисковать шансами сраженія, должна была отказаться отъ осмотра и удовольствоваться заявленіемъ голландскаго офицера, что конвоируемыя суда не имѣли никакой испанской собственности.

Трактатъ 1666 г. не содержитъ никакого постановленія по этому вопросу; къ тому-же сами Соединенныя Провинціи, когда были воюющими, употребляли всѣ свои усилія, чтобы, сохранить право осмотра конвоируемыхъ судовъ. Вопросъ оставался открытымъ, ни одинъ трактатъ не разрѣшилъ его въ теченіи этого періода и между тѣмъ ни одно государство не отказалось отъ того, что оно называло своимъ правомъ. Поэтому, мы встрѣтимъ его цѣликомъ въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ онъ принялъ еще большіе размѣры.

([175]) См. исторію этихъ переговоровъ въ «Thurloë's state papers», t. VI и въ особенности въ «Temple's memoirs», t. II, p. 250; см. также у *Wheaton*, «Histoire des progrès du droit des gens» и пр., 1-re periode.

§ VI. *Призы непріятельскихъ кораблей; захватъ нейтральныхъ кораблей.*

Параграфъ этотъ посвященъ изслѣдованію двухъ вопросовъ, которые мнѣ представляются совершенно различными; а именно: вопроса о призахъ непріятельскихъ кораблей и вопроса о захватѣ нейтральныхъ кораблей. По моему мнѣнію, эти два вопроса имѣютъ столь существенное различіе, что они должны быть разсмотрѣны отдѣльно; но обыкновенно ихъ всегда смѣшивали; въ особенности воюющіе постоянно старались не дѣлать никакого различія между кораблемъ, задержаннымъ за нарушеніе нейтралитета, и кораблемъ непріятельскимъ; писатели до того усвоили привычку смѣшивать эти два вопроса, что я долженъ подчиниться этому обычаю. Я только постараюсь изложить сперва все то, что относится къ призамъ, дѣлаемымъ у непріятеля, для того, чтобы перейти къ тому, что относится къ призамъ, дѣлаемымъ у нейтральнаго. Употребляя выраженіе *призъ* (*prise*) и *захватъ* (*saisie*), я хочу обозначить то различіе, которое существуетъ между этими двумя фактами.—Почти нечего сказать относительно призовъ или взятія непріятельскихъ кораблей; такое взятіе есть естественное слѣдствіе права войны и не можетъ порождать большихъ измѣненій. Всѣ части плавающей непріятельской территоріи, какъ и территоріи сухопутной—подлежатъ завладѣнію. Это завладѣніе можетъ быть дѣлаемо какъ морскими вооруженными силами въ собственномъ смыслѣ, т. е. военными судами, такъ и вспомогательными силами—корсарами. Въ теченіи этого періода ни одинъ международный актъ не занимался спеціально морскими призами, дѣлаемыми у непріятеля; это есть безусловное право войны: побѣжденные дѣлаются подданными побѣдителя и должны повиноваться его законамъ. Единственно возможная регламентація—была относительно выполненія обязанностей человѣколюбія; ее предусматривали внутренніе законы.

Захватъ нейтральныхъ кораблей и конфискація ихъ, должны были возбудить гораздо болѣе недоразумѣній. Въ прин-

ципѣ и на основаніи естественнаго права, нейтральныя, Государства независимыя, ни въ какомъ случаѣ не должны быть подчиняемы никакому другому народу, кто бы онъ ни былъ. — Самая война не давала тѣмъ, кто ее велъ, никакого права надъ подданными мирныхъ государствъ; но война налагала на нейтральныхъ обязанности, которыя я изложилъ выше. — Каждое правительство несло на себѣ отвѣтственность за всѣ тѣ нарушенія, которыя совершались его подданными. и естественнымъ послѣдствіемъ которыхъ была утрата виновнымъ государствомъ характера нейтральнаго и вовлеченіе его въ военныя дѣйствія, которыхъ оно хотѣло избѣжать. Такимъ образомъ, жажда наживы, которую обѣщаетъ запрещенная торговля — всегда увлекала нейтральныхъ подданныхъ забывать ихъ обязанности, и правительство такихъ подданныхъ было почти въ невозможности воспротивиться подобнымъ дѣйствіямъ, совершавшимся часто за предѣлами его государства, въ мѣстахъ, гдѣ оно не имѣло никакого своего представителя. Поэтому, каждая морская война грозила бы сдѣлаться всемірною, еслибы преступленія отдѣльныхъ лицъ продолжали бы приписывать всему государству. Нейтральный хотѣлъ избавиться отъ отвѣтственности за дѣйствія, совершаемыя его подданными, дабы имѣть возможность сохранить свое мирное положеніе. — Онъ думалъ достигнуть этой цѣли — отреченіемъ отъ своего виновнаго подданнаго, отказомъ ему въ своемъ покровительствѣ. Съ другой стороны, воюющій боялся увеличить число своихъ враговъ; поэтому онъ предпочиталъ не дѣлать все государство, къ которому принадлежитъ виновный, — отвѣтственнымъ за преступленіе, совершенное его подданнымъ, и наказывать непосредственно самого виновнаго, захватывая, или предметы запрещенной торговли, которые тотъ везъ его врагу, или самый корабль.

Но такое подразумѣваемое согласіе не даетъ воюющему право суда надъ нейтральными подданными; оно ограничивается предоставленіемъ ему возможности завладѣть предметами, предназначаемыми наносить ему вредъ и принадлежащими тѣмъ изъ нейтральныхъ подданныхъ, которые нарушили обязанности нейтралитета, опредѣленныя правомъ естественнымъ

и правомъ положительнымъ.—Это достаточно доказывается всѣми приведенными нами трактатами. Ни одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, не содержитъ полнаго перечисленія случаевъ, когда захватъ и законная конфискація нейтральнаго корабля можетъ имѣть мѣсто; но всѣ они безъ исключенія показываютъ намъ тѣ обязанности, очень впрочемъ немногочисленныя, которыя война налагаетъ на мирные народы. Воюющій имѣетъ право захватить предметы или корабль нейтральнаго подданнаго, нарушающаго одну изъ этихъ обязанностей, т. е. выполнить постановленіе, заключающееся въ трактатахъ; онъ не совершаетъ судебнаго дѣйствія; онъ сообразуется съ родомъ мировой сдѣлки, о которой я только что сказалъ. Но онъ не имѣетъ права создавать или устанавливать новыхъ обязанностей для нейтральныхъ, диктовать имъ законы, изобрѣтать случаи конфискаціи,—для того чтобы удовлетворить свою жадность или обогатить своихъ корсаровъ, потому что всѣ такія дѣйствія составляютъ акты юрисдикціи, и никакой народъ, воюющій или мирный, не можетъ имѣть подобной власти надъ другими народами.

Нейтральный долженъ исполнить относительно воюющаго двѣ обязанности: 1) воздержаться отъ всякаго непріязненнаго дѣйствія и 2) оказать абсолютное безпристрастіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, не касающихся войны. Отвѣтственность, могущая вытекать изъ нарушенія второй обязанности, таковой какъ я опредѣлилъ ее выше ([176]) не можетъ падать на подданнаго; она должна всегда относиться къ правительству, къ самой націи; единственное возмездіе за нее—война. Первая обязанность одна, можетъ породить нарушенія, могущія дать мѣсто захвату нейтральной собственности и нейтральныхъ кораблей.

Первая обязанность нейтралитета можетъ быть нарушена самимъ государствомъ. Я не буду заниматься этого рода нарушеніями: онѣ могутъ повести за собою войну, если виновный не достаточно могущественъ, чтобы устрашить оскорбленнаго; онѣ остаются безнаказанными, если воюющій не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отмстить посредствомъ

([176]) См. выше, часть I, гл. 3. отд. 2.

оружія.—Единственныя преступныя дѣйствія, о которыхъ я долженъ сказать, это суть дѣйствія, совершаемыя нейтральными подданными безъ приказанія или дозволенія, по крайней мѣрѣ официіальнаго, ихъ правительства.

На основаніи трактатовъ, то есть положительнаго права,— существуетъ четыре нарушенія обязанностей нейтралитета, которыя могутъ дать мѣсто захвату нейтральной собственности или нейтральнаго корабля: 1) доставленіе непріятелю предметовъ, провизіи или товаровъ, включенныхъ трактатами въ число военной контрабанды; 2) нарушеніе дѣйствительной блокады; 3) военныя услуги, оказанныя непріятелю, и наконецъ 4) вооруженное сопротивленіе осмотру (visite), отсутствіе доказательствъ національности корабля или безвредности груза. Эти четыре причины захвата—суть единственно законныя. Нѣсколько замѣчаній необходимо сдѣлать относительно каждой изъ нихъ, для того чтобы точнѣе опредѣлить смыслъ международнаго закона и отличить его постановленія, отъ постановленій внутреннихъ законовъ, создаваемыхъ воюющими.

Для того чтобы нейтральный корабль могъ быть виновнымъ въ военной контрабандѣ—необходима совокупность двухъ условій: 1) корабль долженъ имѣть своимъ назначеніемъ — портъ воюющаго и именно врага того, кто производитъ осмотръ. Изъ этого правила существуетъ только одно исключеніе, вытекающее изъ факта завѣдомо—ложнаго пути корабля, напр. когда корабль имѣя у себя военную контрабанду, вмѣсто того чтобы направляться къ нейтральному порту, обозначенному въ его корабельныхъ документахъ, какъ мѣсто его назначенія,—будетъ задержанъ въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ войти въ портъ воюющаго, удаленный отъ того пути, по которому корабль долженъ былъ слѣдовать, и при этомъ не будетъ въ состояніи доказать уважительность причинъ, (force majeure), заставившихъ его перемѣнить путь. 2) Необходимо, чтобы предметы, торговля которыми воспрещена трактатами,—были найдены на кораблѣ въ самый моментъ его арестованія. Недостаточно, чтобы нейтральный нарушилъ свои обязанности когда нибудь

вообще; необходимо чтобы онъ былъ захваченъ en flagrant delit. Фактъ нахожденія контрабанды влечетъ за собою захватъ, но не корабля и всего его груза, а только тѣхъ предметовъ, торговля которыми воспрещена; такой выводъ вытекаетъ изъ всѣхъ трактатовъ XVII ст. Такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность захватить эти предметы, необходимо, чтобы корабль былъ застигнутъ en flagrant delit.

Нарушеніе блокады существенно отличается отъ торговли военною контрабандою; въ послѣднемъ случаѣ, одни только эти предметы контрабанды, если можно такъ выразиться, являются виновными и подлежащими захвату. Нарушеніе же блокады есть дѣйствіе самаго корабля: всякая торговля, всякое сообщеніе запрещены съ блокируемымъ мѣстомъ; корабль, пытаясь войти туда, тѣмъ самымъ преступаетъ законъ; такое нарушеніе влечетъ за собою арестованіе самого корабля и всего его груза. Сдѣлаться виновнымъ въ нарушеніи блокады можно двоякимъ способомъ: во 1-хъ, входомъ или покушеніемъ войти въ блокируемый портъ, а во 2-хъ выходомъ или покушеніемъ выйти изъ такого порта.

Трактаты, заключенные въ теченіи разсматриваемаго періода, не содержатъ никакого постановленія, предназначеннаго точно опредѣлить акты нарушенія блокады; но изъ трактатовъ этихъ вытекаетъ, что для того, чтобы существовала виновность со стороны нейтральнаго, необходимо чтобы блокада была дѣйствительна, и что слѣдовательно всѣ эти мнимыя, или фиктивныя блокады *по объявленію*, per notificationem, немогутъ создавать никакой обязанности для народовъ нейтральныхъ.

Невозможно перечислить всѣ способы, какими нейтральныя суда могутъ оказывать военныя услуги воюющимъ или одному изъ нихъ. Но съ того момента, когда корабль, принадлежащій мирному Государству приметъ на себя порученіе отъ воюющаго правительства оказать такую услугу которая прямо или косвенно относится къ военнымъ дѣйствіямъ, такой корабль перестаетъ быть нейтральнымъ, онъ становится воюющимъ, а слѣдовательно могущимъ быть добычею того, врагомъ котораго онъ сдѣлался. Значенія не имѣетъ, принялъ ли онъ порученіе добровольно, или онъ

былъ силою заставленъ выполнить его; это обстоятельство не касается взятеля. Встрѣченный имъ корабль, изъ нейтральнаго—сдѣлался воюющимъ, а потому захватывая такой корабль, онъ пользуется своимъ правомъ. На обязанности того Государства, которое употребило силу, чтобы заставить нейтральнаго нарушить его обязанность, должно лежать исправленіе всѣхъ послѣдствій, которыя насиліе это могло повлечь для его жертвы. Нейтральное Государство можетъ, скажу даже должно, потребовать для своихъ подданныхъ вознагражденіе за вредъ и убытки, понесенные отъ такого насилія.

Для того чтобы доставить воюющему возможность осуществлять свои права войны не нарушая тѣмъ правъ нейтралитета, положительный законъ далъ ему *право осмотра* (*droit de visite*). Этотъ же законъ налагаетъ на нейтральныхъ обязанность подчиняться этому праву, когда оно заключается въ предѣлахъ, имъ начертанныхъ. Нейтральный корабль, который, вмѣсто того чтобы послушаться приглашенія (semonce), будетъ сопротивляться крейсеру и вступитъ съ нимъ въ бой, тѣмъ самымъ отказывается отъ пользованія своимъ законнымъ правомъ, нарушаетъ свою обязанность, рискуетъ быть захваченнымъ и по международному обычаю можетъ быть конфискованъ со всѣмъ его грузомъ. Право осмотра, во всѣхъ мѣстахъ гдѣ оно дозволено, имѣетъ первою цѣлью показать воюющему національность встрѣченныхъ имъ судовъ. Такое удостовѣреніе дѣлается посредствомъ корабельныхъ документовъ, а чаще всего посредствомъ паспортовъ, форма которыхъ установлена трактатами. Корабль, даже въ дѣйствительности нейтральный, который незапасся подобнымъ паспортомъ, если форма этого послѣдняго была установлена между его Государемъ и воюющимъ, или равнозначущими документами, употребляемыми въ его странѣ, если формы не были установлены трактатами, не можетъ доказать свою національность; онъ разсматривается, какъ принадлежащій непріятелю, и вслѣдствіе этого, какъ подлежащій захвату и конфискаціи. Корабль доказавшій свою національность, если онъ шелъ въ непріятельскій для осматривающаго крейсера

портъ, долженъ былъ доказать документами, составленными по правиламъ его страны, что онъ не имѣетъ у себя никакой военной контрабанды; если онъ доказать этого не могъ, то могъ подвергнуться арестованію и быть отведенъ въ портъ осматривающаго, для провѣрки груза, а если было основаніе, то и конфискаціи тѣхъ товаровъ, торговля которыми воспрещена.

Таковы были въ XVII ст., согласно съ торжественными актами положительнаго права, мотивы, на основаніи которыхъ воюющіе имѣли право останавливать въ открытомъ морѣ, нейтральные корабли, захватывать ихъ и объявлять добрыми призами. Но внутренніе законы воюющихъ создали очень много другихъ мотивовъ, и къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ, также какъ и во всѣхъ тѣхъ, которые мы уже разсмотрѣли, и которые будемъ разсматривать,—внутренніе законы имѣли перевѣсъ надъ правомъ; они приводились въ исполненіе силою.

Говоря о военной контрабандѣ и блокадѣ, я указалъ какимъ образомъ воюющіе создавали безконечное число запрещеній, нарушеній, воображаемыхъ преступленій, которыя всѣ наказывались единственнымъ наказаніемъ—захватомъ и конфискаціей нейтральныхъ кораблей и ихъ грузовъ. Тоже самое было по отношенію перевозки непріятельской собственности: международный законъ дозволялъ перевозку ее, частные же законы воюющихъ воспрещали. Я считаю безполезнымъ перечислять всѣ эти несправедливости. Но съ тѣми поводами, которые были созданы единственною волею воюющихъ для захвата, необходимо ознакомиться.

Воюющіе сами диктовали нейтральнымъ тѣ условія, при которыхъ они соглашались разсматривать корабль, какъ принадлежащій этимъ иностраннымъ народамъ; условія эти были различны и касались: постройки и пріобрѣтенія корабля; формы акта, доказывающаго право собственности; національности шхипера, офицеровъ и матросовъ; представленія нѣкоторыхъ спеціальныхъ документовъ, нетребовавшихся даже трактатами; условій, при которыхъ документы эти должны были вручаться, дабы пріобрѣсти довѣріе въ

глазахъ этихъ всемірныхъ законодателей. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, корабельные документы, выданные независимыми Государями—объявлялись ничтожными потому только, что они вручались не согласно съ приказаніями болѣе сильнаго ([177]). Перечисленіе всѣхъ этихъ условій было бы слишкомъ длинно, потому что всѣ они были различны у различныхъ народовъ, позволявшихъ себѣ диктовать ихъ. Такимъ образомъ, доказательства національности, установленныя трактатами, падали передъ постановленіями внутренними; законъ международный былъ замѣненъ жадными капризами завистливыхъ Государствъ.

Четыре причины захвата, признанныя международнымъ правомъ, распространенныя, увеличенныя и преобразованныя внутренними законами, легко могли примѣняться ко всѣмъ безъ исключенія судамъ, пересѣкавшимъ океанъ; самый близкій каботажъ не былъ изъятъ. Трактаты объявляли, что торговля нейтральныхъ свободна, нетолько между ними, но и съ воюющими, за исключеніемъ военной контрабанды и блокады; законы внутренніе приговаривали всякій корабль, который занимался торговлею между воюющимъ и другимъ нейтральнымъ, всякій корабль, который выйдя изъ одного нейтральнаго порта, по назначенію въ другой нейтральный же портъ имѣлъ у себя произведенія непріятельской земли или фабрики; всякій корабль, который перевозилъ непріятельскіе товары; всякій корабль, который направлялся къ фиктивноблокируемому непріятельскому порту, или который шелъ изъ такого порта. Захватывали и приговаривали нейтральныя суда такія, на которыхъ экипажъ не былъ составленъ изъ туземцевъ въ извѣстной пропорціи,—и исполненіе всѣхъ этихъ приказаній ввѣряли корсарамъ, у которыхъ иностран-

---

([177]) Ст. 6. Гл. IX. кн. 3—Французскаго ордонанса 1681 г. объявляетъ конфискацію такого корабля, на которомъ не будетъ найдено цертепартій, коносаментовъ или фактуръ; грузъ подвергался той же участи. Ст. 8, закона 23 Іюля 1704 г. требуетъ, чтобы не придавалась никакая вѣра паспортамъ, выданнымъ нейтральными Государями извѣстнымъ лицамъ и въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ Французскимъ королемъ случаяхъ.

ные бродяги входили въ гораздо большей пропорціи въ составъ экипажа. Этимъ то авантюристамъ поручалось эксплуатировать въ ихъ собственную пользу, торговлю народовъ, которыхъ продолжали называть друзьями. Нельзя безъ глубокаго негодованія говорить о такихъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ весьма важно указать на нихъ для того, чтобы избѣжать, если возможно, продолженія или возвращенія ихъ.

Въ началѣ этого параграфа я сказалъ, что призы, дѣлаемые у непріятеля, могли сдѣлаться собственностію взятеля, не иначе, какъ послѣ представленія ихъ на разсмотрѣніе спеціальнаго, призоваго суда, который, особымъ приговоромъ, освященнымъ обычаемъ, объявлялъ призъ добрымъ и законнымъ. Эта формальность одинаково должна была примѣняться и къ нейтральнымъ кораблямъ, захваченнымъ воюющими крейсерами. Всѣ трактаты XVII ст. безусловно этого требовали. Достаточно указать только на тѣ изъ нихъ, на которыхъ я думаю въ особенности опереться, а именно: трактаты Пиренейскіе 1659 г., Нимегенскій 1674 г., Рисвикскій 1697 г. и Утрехтскій 1713 г. Изъ этой необходимости, признанной и установленной всѣми народами: подвергать разсмотрѣнію спеціальнаго суда всякій призъ, раньше чѣмъ отдать его въ собственность взятелю, — вытекаетъ, что нейтральный корабль, остановленный воюющимъ крейсеромъ находится первоначально подъ особаго рода секвестромъ; онъ не свободенъ, но онъ еще не конфискованъ. Такое состояніе я называю *захватомъ*. Всѣ трактаты въ точности постановляютъ, что въ этомъ положеніи, корабль и все что на немъ находится, должны быть уважаемы захватившими его: «не будетъ дозволено, — говорятъ Утрехтскіе трактаты,—«ни разламывать, ни открывать ящики, тюки, сундуки, чемоданы, бочки и другія вмѣстилища, ни перевозить ихъ, продавать, перемѣнять или инымъ образомъ распоряжаться ими раньше, пока они не будутъ представлены на разсмотрѣніе судьи адмиралтейства». Постановленіе это есть точное резюме международной юриспруденціи разсматриваемаго періода. По этому вопросу, внутренніе законы при-

шли на помощь положительному праву. Цѣль ихъ была покровительствовать совсѣмъ другимъ интересамъ, именно интересамъ членовъ общества снаряженія корсара-взятеля; но какова бы ни была ихъ цѣль, — они приняли тѣ же самые принципы. Захватъ корабля со всѣмъ находящимся на немъ, или только однихъ запрещенныхъ товаровъ, если дѣло идетъ о военной контрабандѣ, подлежалъ судебному разсмотрѣнію; обстоятельства, которыми мотивированъ захватъ,—подлежали изслѣдованію; если захватъ признавался законнымъ, — предметъ становился добрымъ призомъ и присуждался взятелю. Если, на оборотъ, крейсеръ нарушилъ свои обязанности, если онъ задержалъ нейтральнаго безъ причины, то запрещеніе отъ захвата снималось; собственникъ вступалъ во владѣніе своимъ имуществомъ и былъ свободенъ продолжать свою торговлю.

Обязательство подчинять захваты судебному разсмотрѣнію было установлено для того, чтобы дать мирнымъ народамъ гарантію или обезпеченіе противъ жадности, а очень часто и противъ жестокости корсаровъ, а также и для того чтобы обезпечить правительства въ томъ, что правосудіе будетъ дано ихъ подданнымъ, въ случаѣ такого произвольнаго арестованія.— Обязательство это, предупреждая разбойническія дѣйствія, выполняло только часть своего назначенія, но оно не могло служить къ обузданію жадности корсаровъ, поощряемыхъ ихъ государями; оно не могло, къ тому же, гарантировать мореплавателей отъ самаго сильнаго изъ ихъ бичей— отъ внутреннихъ законовъ воюющихъ.

Суды, обязанные постановить приговоръ о законности, сдѣланныхъ у нейтральныхъ захватовъ,—назначались воюющимъ, и изъ его подданныхъ; они засѣдали на его территоріи; однимъ словомъ, это были суды воюющаго. Казалось бы, ввѣрять одному изъ заинтересованныхъ судебное разсмотрѣніе его собственнаго дѣла—несправедливо; между тѣмъ, всѣ трактаты по смыслу своему, признавали законность такой юрисдикціи, и послѣ глубокаго изученія этого вопроса, я считаю возможнымъ сказать, что способъ этотъ—есть единственно возможный, скажу даже единственно законный. Нейтральный

подданный, нарушая свои обязанности, тѣмъ самымъ изолируетъ себя отъ своей націи; отъ него отрекается его государь, онъ становится врагомъ того воюющаго, во вредъ которому онъ дѣйствовалъ. Онъ попадаетъ въ руки оскорбленнаго и долженъ быть судимъ имъ. Кто другой могъ-бы это сдѣлать? Я не имѣю нужды говорить, что я примѣняю это разсужденіе только къ дѣйствительно—виновному нейтральному, то есть къ такому, который нарушилъ естественный или положительный международный законъ,—а отнюдь не къ тому, который, пользуясь своею естественною независимостью, руководствуясь трактатами и международными обычаями,—могъ преступить или нарушить тираническія приказанія одного изъ воюющихъ. Къ сожалѣнію, различіе это не могло быть установлено; одна только сила оружія могла-бы заставить его торжествовать, и сила эта всегда была на сторонѣ воюющихъ.

Судебныя разбирательства или приговоры касательно призовъ и захватовъ подлежали, если стороны того требовали, извѣстнаго рода аппеляціи или ревизіи въ высшей инстанціи, также учреждаемой самимъ воюющимъ; но рѣшенія или сентенціи этихъ послѣднихъ судей были окончательныя. Если, какъ это чаще всего и случалось, рѣшенія эти освящали примѣненіе внутреннихъ законовъ крейсера, т. е. международной несправедливости, то онѣ могли быть отмѣнены только силою оружія, т. е. войною.

Въ теченіе этого періода, положительное международное право сдѣлало по этому вопросу, какъ и по тѣмъ, которые мы уже разсмотрѣли, очень большіе успѣхи. Хотя оно не достигнуло той степени ясности и точности, до которой оно должно было достигнуть впослѣдствіи,—но оно начинаетъ, довольно положительнымъ образомъ, намѣчать права и обязанности народовъ. Но и по этому вопросу также, внутренніе законы уничтожаютъ международное право и замѣняютъ его. Какъ будто одно только объявленіе войны разрываетъ всѣ трактаты даже и тѣ, которые заключены съ націями, оставшимися мирными; существованіе нейтральныхъ признавали только для того, чтобы заставить ихъ заплатить расходы войны.

§ VII. Морское убѣжище (Азиль); неприкосновенность нейтральной территоріи.

Въ теченіе этого третьяго періода, право убѣжища было предметомъ большаго числа международныхъ договоровъ, которые всѣ приближаются весьма близко къ принципамъ естественнаго права, что придаетъ положительному праву очень большое значеніе.

Территоріальный Государь—есть полный хозяинъ: даровать убѣжище въ своихъ портахъ, или отказать судамъ всѣхъ націй, или только нѣкоторымъ изъ нихъ; онъ можетъ, наконецъ, дарованіе этой милости обусловить всѣми тѣми условіями, какія онъ признаетъ нужными или полезными для безопасности своего государства, для своихъ сношеній съ другими народами, однимъ словомъ, для своихъ интересовъ.—Отказъ въ убѣжищѣ или постановленіе какихъ бы то нибыло условій для пользованія имъ, не можетъ служить справедливою причиною или поводомъ къ войнѣ со стороны какой-бы то ни было націи противъ иностраннаго Государя.—Нація эта можетъ отказаться отъ пользованія такимъ, обусловленнымъ разрѣшеніемъ, но если она воспользовалась имъ, если она вошла въ портъ,—она должна подчиняться этимъ условіямъ.

Во время войны, нейтральный народъ можетъ одинаково, или отказать въ убѣжищѣ, или ограничить его; но онъ не свободенъ сдѣлать какое нибудь различіе въ пріемѣ въ своихъ портахъ между двумя воюющими; онъ долженъ поступать съ ними совершенно одинаковымъ образомъ, подъ страхомъ сдѣлаться виновнымъ въ пристрастіи, и слѣдовательно въ нарушеніи второй обязанности нейтралитета.—Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это обстоятельство, потому что очень большое число трактатовъ, заключенныхъ въ этотъ періодъ, выговариваетъ въ пользу договаривающихся сторонъ, въ случаѣ если онѣ будутъ находиться въ войнѣ,—обращеніе гораздо болѣе выгодное, чѣмъ то, которое онѣ оставляютъ для своихъ враговъ.

Такое условіе не могло бы быть выполнено во время войны; оно представляетъ серьезную опасность для той изъ договаривавшихся сторонъ, которая остается нейтральною. Въ самомъ дѣлѣ, если она захочетъ выполнить подобную статью, то она подставитъ себя подъ упреки и даже насилія со стороны того воюющаго, котораго она оскорбитъ нарушеніемъ своей обязанности безпристрастія. Если, наоборотъ, ради исполненія этой обязанности, она будетъ оказывать другому воюющему обращеніе такое же, какое договорено въ трактатѣ въ пользу перваго, то этотъ первый воюющій можетъ упрекать ее въ нарушеніи заключеннаго договора, и съ оружіемъ въ рукахъ требовать исполненія трактата; такимъ образомъ нейтральный можетъ быть вовлеченъ въ войну.

Морское убѣжище можетъ быть требуемо коммерческими судами, военными судами, корсарами и даже судами, взятыми воюющими у непріятеля или захваченными у нейтральнаго.— Обыкновенно выставляемыя условія—неодинаковы для этихъ четырехъ категорій судовъ.—Коммерческія суда беззащитны; ихъ присутствіе, въ какомъ бы числѣ ни было, не можетъ грозить опасностью для порта.—Военныя суда, даже въ мирное время, представляютъ такую большую силу, что они могутъ грозить безопасности и независимости государства, принявшаго ихъ въ свои владѣнія. Что касается корсаровъ, то они всегда подозрительны; многочисленный экипажъ, дурно дисциплинированный и очень часто составленный изъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго,—ставитъ корсаровъ въ особую, спеціальную категорію.—Наконецъ призы, взятые у одного изъ воюющихъ и суда, захваченныя у нейтральныхъ, часто представляютъ для территоріальнаго государя весьма серьезное затрудненіе, вслѣдствіе его отношеній къ тѣмъ государствамъ, къ которымъ суда эти принадлежали.—Вотъ тѣ, причины, которымъ слѣдуетъ приписать различіе въ обращеніи, оказываемомъ этимъ четыремъ категоріямъ судовъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать морское убѣжище, въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено положительнымъ правомъ, съ исполненіемъ долга человѣколюбія, которое требуетъ, чтобы всѣ народы принимали въ свои порта корабли, какого бы рода они

ни были, которые находятся въ опасности. Когда корабли, отдѣльные, или соединенные въ отряды, спасаясь отъ бури, отъ непріятеля, готовые пойти ко дну, неимѣющіе жизненныхъ припасовъ, подвергающіеся наконецъ всѣмъ такимъ многочисленнымъ и серьезнымъ опасностямъ, такъ часто грозящимъ мореплавателямъ, — являются чтобы найти убѣжище въ портѣ или на рейдѣ, — то они обыкновенно принимаются тамъ. Такіе корабли, если они не допущены пользоваться азилемъ въ собственномъ смыслѣ, должны оставаться на рейдѣ не входя въ портъ, не должны извлекать какіе бы то ни были выгоды отъ сосѣдства съ землею и должны уходить тотчасъ, какъ опасность миновала.—Однако же, во время своего пребыванія на рейдѣ, корабли эти должны подчиняться всѣмъ условіямъ, которыя имѣютъ цѣлію обезпечить свободное плаваніе этого порта и неприкосновенность той территоріи, на которой они нашли себѣ убѣжище.—Подобный пріемъ (traitement) нѣкоторые народы примѣняютъ къ корсарамъ.

Всѣ націи даютъ убѣжище коммерческимъ судамъ почти безъ всякихъ условій. Такая милость объясняется самимъ родомъ этихъ судовъ, которыя, будучи заняты единственно торговыми операціями и почти всегда совершенно лишены оружія,—не могутъ ни вредить, ни даже навлечь подозрѣніе территоріальнаго государя. Присутствіе ихъ въ портѣ очень часто, весьма выгодно для того народа, который даетъ убѣжище, потому что присутствіе это придаетъ болѣе дѣятельности торговымъ сношеніямъ.

Нельзя того же сказать о военныхъ судахъ. Всѣ націи предоставляютъ имъ, правда, убѣжище, но подъ различными условіями, выяснить которыя очень важно. Первое условіе есть опредѣленіе числа военныхъ судовъ, которыя могутъ быть допущены одновременно въ нейтральный портъ; условіе это, по необходимости весьма различно и зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ степени могущества того народа, который даетъ убѣжище, а часто также и отъ того вліянія, которое одна сторона имѣетъ на другую. Впрочемъ опредѣленіе числа мало имѣетъ значенія, ибо оно не касается

принципа; каждая нація можетъ варіировать его по своему желанію. Первый формальный трактатъ, упоминавшій объ этомъ условіи, былъ трактатъ 1604 г., заключенный между Испаніей и Англіей ([178]). Трактатъ 1630 г. между Франціей и Англіей, одинаково содержитъ такое же опредѣленіе. Начиная съ этой эпохи, большое число націй послѣдовало этому примѣру. Постановленіе это имѣетъ цѣлью предоставить націи, желающей пользоваться убѣжищемъ, новое право, которымъ она натурально не обладала, именно право требовать это убѣжище для опредѣленнаго въ трактатѣ числа судовъ. Ни одинъ актъ не говоритъ о силѣ этихъ судовъ; въ опредѣленномъ трактатомъ числѣ, рыболовное судно, вооруженное двумя пушками, считается наравнѣ съ линейнымъ кораблемъ перваго ранга.

Принятые въ дружескій портъ корабли могутъ исправлять свои аваріи, полученныя ими какъ во время плаванія, такъ даже и въ сраженіи; запасаться всякаго рода жизненными припасами; но этимъ ограничивается, во время войны и для воюющихъ, та помощь, которая можетъ быть имъ оказана безъ нарушенія обязанностей нейтралитета. Если корабли, пользующіеся убѣжищемъ принадлежатъ къ государству также мирному, то территоріальный государь можетъ предоставить имъ все, что онъ признаетъ удобнымъ; никакая обязанность не можетъ ограничить его гостепріимство.

На основаніи трактатовъ и внутреннихъ постановленій почти всѣхъ морскихъ державъ, — всѣ особенные, партикулярные законы территоріальнаго государя обязательны для пользующихся убѣжищемъ, такъ какъ это послѣднее есть право произвольное, факультативное. Условія, выставлявшіяся для допущенія военныхъ судовъ доходили, въ концѣ XVII ст. до 6; условія эти не всегда ясно были выражены, но

([178]) Ст. 10 этого трактата опредѣляетъ число отъ 6 до 8 военныхъ судовъ, которыя могутъ быть приняты въ порта другой націи; она постановляетъ также, но въ видѣ общаго правила и невходя ни въ какія подробности, другія условія азиля. См. *Dumont*, t. V part. 2, p. 34. Трактатъ 1630 г. между Франціей и Англіей содержитъ тоже опредѣленіе, но онъ болѣе ясенъ относительно другихъ условій. Ст. 8 и 16 того-же сочиненія, part. 3, p. 620.

они въ сущности были одни и тѣ же, и могутъ быть формулированы такъ: 1) корабли, принятые въ дружескій портъ должны жить въ полнѣйшемъ мирѣ со всѣми находящимися въ немъ, даже съ своими врагами; 2) они не должны пользоваться убѣжищемъ, ни для устройства засадъ своимъ противникамъ, ни для того, чтобы слѣдить за ихъ движеніями; 3) они не должны запасаться въ нейтральномъ портѣ ни оружіемъ, ни военными припасами, и не должны выходить изъ порта болѣе сильными, чѣмъ вошли въ него; 4) вслѣдствіе этого, воспрещается набирать или вербовать людей для пополненія экипажа, нанимать матросовъ, даже той націи, къ которой принадлежитъ пользующійся убѣжищемъ корабль; 5) одинаково воспрещается приступать къ продажѣ какого бы то ни было приза, раньше чѣмъ законность его не будетъ признана компетентными для того судами; наконецъ 6) всѣ тѣ, кто находится на этихъ корабляхъ, кто бы они ни были,—должны уважать законы территоріальнаго государя во всемъ, что касается ихъ сношеній съ территоріей, а равно съ обитающими на ней туземцами или иностранцами.

Первый трактатъ, занимавшійся этимъ вопросомъ былъ одинъ изъ первыхъ трактатовъ разсматриваемаго періода: онъ былъ заключенъ въ 1495 г. между Испаніей и Англіей. Ст. 22 этого трактата, не выставляя никакого условія, опредѣляетъ убѣжище для военныхъ судовъ «въ той-же мѣрѣ, въ какой оно предоставлено купеческимъ кораблямъ той націи, который принадлежитъ портъ» ([179]). Нѣсколько лѣтъ спустя, Франція и Англія начинаютъ регламентировать право убѣжища. Трактатъ 1630 г. опредѣляетъ число кораблей, которые могутъ быть одновременно допущены; но трактатъ этотъ не допускаетъ, чтобы они оставались въ портѣ убѣжища долѣе того, сколько нужно для необходимыхъ исправленій, или для пополненія тѣхъ припасовъ, въ которыхъ они имѣли нужду. Кромѣ того, онъ требуетъ, чтобы ничто не стѣсняло свободу торговли и правильное сообщеніе съ другими народами, и чтобы экипажъ этихъ судовъ велъ себя смирно, какъ подобаетъ друзьямъ и

([179]) См. *Dumont*, tom. III, part. 2, p. 322.

союзникамъ ([180]). Трактатъ отъ 21 октября 1661 г. между Швеціей и Англіей гораздо яснѣе; онъ содержитъ даже, довольно ясно и точно, почти всѣ условія убѣжища въ нейтральномъ портѣ ([181]).

Такое быстрое развитіе въ выясненіи постановленій, относившихся къ праву убѣжища, кажется остановившимся въ теченіи нѣкотораго времени. Пиренейскій трактатъ ничего не говоритъ по этому поводу; даже трактаты Нимегенскій, Рисвикскій и Утрехтскій содержатъ лишь очень туманныя разъясненія. Между тѣмъ одинъ актъ 1701 г., заключенный между Голландіей и Даніей, въ первый разъ установилъ новое правило, которое вскорѣ сдѣлалось общимъ, и о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей части. Никакой корабль, военный, или вооруженный для войны, не можетъ уйти изъ порта убѣжища (азиля) тотчасъ послѣ корабля, принадлежащаго къ той націи, съ которой онъ находится въ войнѣ. Промежутокъ времени въ 24 часа долженъ пройти между уходомъ двухъ враговъ ([182]). Я не поставилъ это условіе въ число тѣхъ, которыя были усвоены въ теченіи третьяго періода, потому что оно требовалось только однимъ этимъ трактатомъ.

([180]) Ст. 10 говоритъ такъ: «..... Sed etiam cum aliis suis navibus armatis ad hostium impetus cohibendas paratis, sive vi tempestatis apulerint, sive ad reficiendas naves vel ad emendum commeatum, modo si sponte accesserint numerum sex vel octo navium non excedant; neque diutius vel inportubus vel circa portus hæreant vel persistant quam illis ad refectionem et alia necessaria paranda fuerit necesse. Et modo in dictis portubus nihil hostiliter agant in præjudicium ipsorum principum, sed ut amici et confæderati degant et conquiescant». *Dumont*, t. V, part. 2, p. 34.

([181]) Было бы очень длинно выписывать здѣсь постановленіе 9 ст. этого трактата. См. *Dumont*, t. VI, part. 2, p. 385. См. также по вопросу о правѣ убѣжища трактаты: 1612 г. Голландія и Турція, t. V, part. 2, p. 213;—1664 года Англія и Португалія, t. VI, part. 2, p. 84;—1656 г. Англія и Швеція, t. VI, part. 2, p. 125; — 1661 г., Англія и Данія, тоже сочиненіе p. 348; — 1661 г. Франція и Голландія, тоже сочиненіе, p. 421;—1662 г. Франція и Данія, тоже сочин. p. 429, и пр. и пр.

([182]). Ст. 20: «Et d'autant plus que de tels vaisseaux, aussi longtemps qu'il's restent dans ces endroits, s'y doivent tenir paisibles et comme amis, ainsi qu'il convient à de hauts alliés; ils ne doivent aussi entreprendre aucune hostilité contre qui que ce soit, ni poursuivre de lá aucun vaisseau, quoique ennemi. Hormis qu'ils

Казалось бы совершенно безполезнымъ включать подобныя условія объ убѣжищѣ въ трактаты, ибо собственники портовъ были совершенно вольны выставлять такія условія, которыя казались имъ полезными или необходимыми, но всѣ государства старались обезпечить своему военному флоту мѣста для якорныхъ стоянокъ, отдыха и даже исправленій въ странахъ, отдаленныхъ отъ ихъ владѣній; и трактаты, о которыхъ я только что сказалъ, были достаточны для достиженія этой цѣли. Акты эти были совершены въ пользу тѣхъ судовъ, которыя могли потребовать убѣжища, а не въ пользу государствъ, предоставлявшихъ его.

Убѣжище, предоставлявшееся корсарамъ, повидимому не возбуждало, въ разсматриваемый періодъ, серьезныхъ затрудненій; ни одинъ изъ трактатовъ не упоминаетъ объ этомъ спеціально. По всѣму вѣроятію корсары допускались, лишь бы только они не приводили призовъ,—на тѣхъ же условіяхъ, какъ и военныя суда, и что они даже разумѣлись въ опредѣленномъ этими трактатами числѣ допускавшихся кораблей.

По отношенію къ призамъ, почти всѣ акты положительнаго права содержатъ одну статью, не только несправедливую, но даже невыполнимую. Они постановляютъ, что та изъ двухъ сторонъ, которая будетъ находиться въ мирѣ,—должна принимать въ свои порта корабли другой стороны съ тѣми призами, которые они могутъ взять у непріятеля, и что послѣ объявленія приза добрымъ, взятель можетъ продать суда въ нейтральномъ портѣ, или распорядиться ими, какъ ему заблагоразсудится. Такія условія вполнѣ законны, но трактаты прибавляютъ, что порта или рейды не будутъ

---

n'aient auparavant donné à ces vaisseaux ennemis le temps de 24 heures pour se retirer». Dumont, t. VIII, part. 1, p. 37. (... и тѣмъ болѣе что такія суда, все время пока они остаются въ этихъ мѣстахъ, должны держать себя мирно и дружески, какъ это подобаетъ высокимъ союзникамъ; они не должны также предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ кого бы то нибыло, ни преслѣдовать оттуда никакое судно, хотя-бы непріятельское. Исключая того, когда они дали раньше непріятельскимъ судамъ 24-хъ часовой промежутокъ времени, чтобы удалиться).

открыты для непріятельскихъ судовъ одной изъ договаривающихся сторонъ, — которыя взяли бы у нее призы, и что эти суда не могутъ пользоваться убѣжищемъ. Въ случаѣ вынужденной остановки, (relâche forcée), владѣлецъ порта не долженъ дозволить имъ никакого пребыванія въ своихъ государствахъ, а также долженъ разрѣшить имъ взять только такое количество съѣстныхъ припасовъ, которое строго необходимо, чтобы дойти до самого ближайшаго порта ихъ отечества. Такимъ образомъ, эти трактаты освящаютъ неравное обращеніе; они противны долгу безпристрастія. Я уже говорилъ о тѣхъ серьезныхъ неудобствахъ, которыя они могутъ навлечь на государство, оставшееся мирнымъ; но одно обстоятельство указываетъ на нелѣпость этихъ постановленій. Большинство морскихъ державъ заключило подобные трактаты между собою, такъ что они обязались оказывать пристрастіе противъ всѣхъ и въ пользу всѣхъ.

Владѣлецъ порта,—слѣдуетъ это хорошенько замѣтить, не обязанъ снабжать чѣмъ бы то ни было корабли, вошедшіе въ его владѣнія; онъ ограничивается дозволеніемъ этимъ кораблямъ достать себѣ, въ его странѣ, необходимые для нихъ предметы.

Таковы главнѣйшія условія убѣжища, признанныя и санкціонированныя положительнымъ правомъ. Нѣкоторые писатели смѣшивали убѣжище съ неприкосновенностію нейтральной территоріи, и изъ этой неприкосновенности морской территоріи, дѣлали седьмое условіе азиля ([183]); но это ошибка, ибо два права суть и должны оставаться раздѣльными.

Мы видѣли, что территорія государства была неприкосновенна, и что во время войны, воюющія стороны, съ величайшимъ тщаніемъ должны были воздерживаться отъ совершенія какого-бы то нибыло непріязненнаго дѣйствія на землѣ, подчиненной скиптру мирнаго народа. Несмотря на свободу, предоставленную всѣмъ мореплавателямъ проходить по иностраннымъ территоріальнымъ морямъ,—эта часть территоріи также

([183]) *Galiani,* «De'doveri de'principi neutrali», etc. et *Azuni,* «Du commerce neutre».

неприкосновенна: отсюда вытекаетъ, что никакое военное дѣйствіе не можетъ быть совершено на пространствѣ того моря, которое подчинено юрисдикціи нейтральнаго народа, и что лишь только они входятъ въ воды подобнаго рода, воюющія суда не могутъ начинать сраженіе и даже должны прекратить его, если оно было начато. Никакой призъ, никакой осмотръ не можетъ быть сдѣланъ на этомъ священномъ пространствѣ, хотя и открытомъ для прохода всѣхъ. Множество трактатовъ освятило такое преимущество мирныхъ территоріальныхъ морей. Принципъ былъ признанъ и принятъ всѣми народами; эти акты имѣли только цѣлію напомнить нейтральнымъ государствамъ обязанность, въ силу которой они должны воспротивиться, даже силою, всякому насильственному дѣйствію, которое могло бы совершиться на пространствѣ ихъ юрисдикціи; обязанность, которая вытекаетъ изъ естественнаго права и которую положительный законъ только напоминаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, обязанность всякаго государя защищать и покровительствовать всѣмъ тѣмъ, кто живетъ, или даже временно находится на его территоріи, къ какой бы націи они ни принадлежали; его обязанность въ особенности защищать независимость своего народа, и вслѣдствіе этого—удалять отъ своихъ границъ всякое дѣйствіе насильственное или непріязненное. Поэтому онъ долженъ употребить всѣ свои силы, корабли или сухопутныя батареи, чтобы заставить прекратить сраженіе, происходящее на водахъ, подчиненныхъ его юрисдикціи; онъ долженъ даже пустить ко дну или уничтожить зачинщика, если онъ не можетъ инымъ путемъ достигнуть защиты правъ своего владѣнія. Если же, несмотря на его усилія, вредъ будетъ причиненъ гостямъ, находившимся подъ его покровительствомъ,— то естественное право требуетъ, чтобы онъ самъ вознаградилъ бы этотъ вредъ, если онъ недостаточно силенъ, чтобы заставить виновнаго воюющаго вознаградить за этотъ вредъ. Это и есть тѣ первоначальные принципы, которые положительный законъ напоминалъ, съ тѣмъ, однако различіемъ, что онъ сводитъ отвѣтственность территоріальнаго государя

къ обязанности сдѣлать все возможное, чтобъ получить отъ оскорбителя справедливое вознагражденіе.

Первый трактатъ, занимавшійся этимъ вопросомъ, былъ только что приведенный мною трактатъ 1495 г. Онъ содержитъ обязательство для собственника территоріальнаго моря,— присоединить свои усилія для того, чтобы добиться возвращенія взятаго корабля обиженной сторонѣ ([184]). Утрехтскіе трактаты идутъ еще далѣе; приближаясь къ естественному закону, они требуютъ, чтобы государь, территоріальный суверенитетъ котораго былъ нарушенъ,—присоединилъ свои силы къ тому воюющему, который былъ аттакованъ въ мирныхъ водахъ,—для того чтобы добиться вознагражденія за причиненный вредъ; трактаты эти требуютъ, чтобы нейтральный вступилъ въ войну для полученія справедливаго вознагражденія. ([185]) Такое обязательство можетъ показаться суровымъ; между тѣмъ оно не болѣе какъ только справедливо. Нейтральный, пренебрегающій оказать защиту иностранцу, находящемуся на его территоріи, или даже потребовать должнаго вознагражденія, если онъ не могъ предупредить оскорбленіе,—не исполнитъ свой долгъ безпристрастія; онъ слѣдовательно будетъ благопріятствовать одному воюющему въ ущербъ другому.

([184] Ст. 19. «Item conventum est ut supra: quod si aliquae naves per aliquem non subditum principibus prædictis captæ fuerint in portu aliquo, aut in *franchisiis* alicujus prædictorum principum, tenebitur ille princeps in cujus portu vel *franchisiis* navis illa capta fuerit, una cum altero principe restitutionem dictæ navis prosequi, sumptibus tamen et expensis damnificatæ partis.» *Dumont*, t. v., part 2, p. 322.

([185]) Ст. 37 трактата, заключеннаго между Франціей и Англіей говоритъ: LL. M. M, S. S. de part et d'autre ne souffriront pas que sur les côtes et dans les ports et les riviéres de leur obéissanse, des navires et des marchandises des sujets de l'autre soient pris par des vaisseaux de guerre ou par d'autres qui seront pourvus de patentes de quelque prince, république ou ville quelconque; et en cas que cela arrive, l'une et l'autre partie emploieront leurs forces unies pour faire réparer le dommage causé».—(«И. В., съ той и другой стороны не допустятъ что-бы на берегахъ, въ портахъ и рѣкахъ, находящихся подъ ихъ властію—корабли и товары подданныхъ другой стороны были захватываемы военными судами или всякими другими, снабженными патентами отъ какого бы то нибыло государя, республики или города; и въ случаѣ если бы такой захватъ произошелъ, та и

§ VIII. *Отбитіе или репризъ.*

Въ теченіе этого періода, государства занимались опредѣленіемъ, посредствомъ внутреннихъ своихъ законовъ, судьбы кораблей взятыхъ непріятелемъ и обратно отбитыхъ отъ него. Во Франціи приняли систему мало либеральную. Репризъ, сдѣланный военнымъ судномъ или корсаромъ принадлежитъ цѣликомъ обратному взятелю, если только отбитый корабль оставался 24 часа или болѣе въ рукахъ первоначальнаго взятеля. Если же онъ оставался во власти непріятеля менѣе 24 часовъ, — то онъ долженъ быть возвращенъ собственнику, за вычетомъ одной трети стоимости корабля и груза, каковая треть вычиталась въ пользу тѣхъ, кто обратно отбилъ корабль. Если репризъ былъ сдѣланъ военнымъ судномъ, то призъ присуждался королю, отъ котораго зависѣло вознаградить экипажъ. ([186]) Корсары (арматоры) объявлялись собственниками отбитыхъ предметовъ, на томъ же основаніи какъ и при обыкновенныхъ призахъ.—Системѣ этой Франція слѣдовала въ теченіи всего разсматриваемаго періода.—Впрочемъ очень часто случалось, что король отказывался отъ своихъ правъ на отбитыя его кораблями суда, подъ условіемъ установленнаго вознагражденія обратнаго взятеля. ([187]) Корабль, который небудучи обратно отбитъ,—

другая сторона употребятъ свои соединенныя силы, чтобы заставить вознаградить причиненный вредъ»).

Ст 39 трактата, заключеннаго съ Соединенными Провинціями говоритъ тоже самое, и заканчивается слѣдующими словами: «emploieront leur autorité et leurs forces pour en obtenir la restitution ou réparation raisonnable». *Dumont*, tom. VIII, part. 1, p. 345 и 377; (употребятъ свою власть и свои силы, для того чтобы достигнуть надлежащаго возстановленія или вознагражденія.» См. также по этому вопросу, трактаты: 1604 г. Англія и Испанія, ст. 16;—1667 и 1670 гг., между тѣми же государствами;—1611 г. Испанія и Данія, ст. 12;—1648 г. Испанія и Соединенныя провинціи, ст. 23;—1667 и 1670 г. Англія и Соединенныя провинціи, и пр. и пр.

([186]) См. эдиктъ короля отъ марта мѣсяца 1584 г.; ордонансъ отъ августа мѣсяца 1681 г. l. III, t. 9, art. 8.

([187]) См. *Valin*, «Commentaire sur l'ordonnance de 1681»,—замѣчанія на означенную 8 ст. и *Emerigon*, «Traité des assurances», ch. XII. sect 23.

былъ покинутъ непріятелямъ раньше чѣмъ былъ отведенъ въ одинъ изъ его портовъ,—долженъ былъ возвращаться своему предъидущему собственнику, хотя бы онъ оставался въ плѣну болѣе 24 часовъ.

Испанскіе законы, по этому предмету тожественны съ французскими.

Англія до конца XVII ст. не объявляла спеціальнаго постановленія касательно репризовъ. Два писателя оставили намъ свѣдѣнія о тѣхъ обычаяхъ, которымъ она слѣдовала по этому вопросу; правда, что они до такой степени противорѣчивы, что трудно знать на чемъ оставиться. Одинъ говоритъ—что собственникъ отбитаго корабля могъ всегда требовать отбитое судно, какое-бы время оно ни находилось въ рукахъ непріятеля ([188]). Другой утверждаетъ, что возвращеніе имѣло мѣсто только подъ условіемъ уплаты извѣстной суммы, по опредѣленію Адмиралтейскаго суда, въ видѣ вознагражденія расходовъ за отбитіе, независимо отъ 24 часоваго промежутка, но лишь бы только судно не было отведено въ безопасное мѣсто: *intra prœsidia* ([189]). Послѣдняя система, весьма близко подходящая къ системѣ Консулата, мнѣ кажется болѣе вѣроятною.

Самое древнее англійское постановленіе, которое я могъ найти, относится къ 1692 г. Это есть парламентскій актъ, изданный вслѣдъ за конвенціей, заключенной въ 1689 г. съ Голландіею по этому самому предмету. Трактатъ этотъ послужилъ основаніемъ для внутренняго закона. Постановленія этого акта очень сложны. Если репризъ будетъ сдѣланъ военнымъ судномъ, то корабль и грузъ возвращаются первоначальному собственнику на основаніи рѣшенія адмирал-

---

([188]) *Park*, «System of insurances», cap. IV, § 29. *Weskett* приводитъ примѣръ одного Англійскаго корабля, который былъ взятъ призомъ, отведенъ въ портъ взятеля, объявленъ добрымъ призомъ, проданъ, перепроданъ, отосланъ вторымъ пріобрѣтателемъ на Антильскіе острова и отбитъ вовремя своего обратнаго плаванія,—и корабль этотъ былъ возвращенъ своему первоначальному собственнику. «Digest of the theory of insurances», V. capture.

([189]) См. *Molloy*, «De jure maritimo et navali», cap. 1, § 8. Этотъ авторъ приводитъ много примѣровъ для подтвержденія своего мнѣнія.

тейства, за исключеніемъ одной восьмой доли, которая идетъ въ пользу отбившихъ корабль. Если же обратнымъ взятелемъ будетъ корсаръ, то онъ имѣетъ право: на $^1/_8$ долю, тогда если отбитый имъ корабль не оставался въ рукахъ непріятеля 24 часа; на $^1/_5$ часть, если корабль оставался у непріятеля болѣе 24 и менѣе 48 часовъ; на $^1/_3$ часть—отъ 48 до 96 часовъ; и наконецъ, если корабль оставался во власти непріятеля свыше 96 часовъ, то отбившій его обратно имѣетъ право на половину всей стоимости корабля и его груза. Если отбитый корабль былъ отправленъ непріятелемъ въ море съ военнымъ вооруженіемъ, то собственникъ долженъ былъ одинаково уплатить половину за право отбитія или реприза.

Знаменитая конвенція 1689 г., заключенная между Англіей и Голландіей, содержала тѣ-же самыя постановленія и примѣняла ихъ къ судамъ обѣихъ націй, обратно отбитыхъ крейсерами одной изъ нихъ. Эта конвенція наступательнаго и оборонительнаго союза была заключена въ виду общей войны противъ Франціи, чѣмъ и объясняется умѣренность правъ реприза и полное принятіе частной системы одного изъ двухъ народовъ.

Въ Голландіи, въ теченіе XVII ст. внутренніе законы, относившіеся къ репризамъ, много измѣнялись; по этому предмету насчитываютъ не менѣе семи ордонансовъ. (190) Всѣ они принимаютъ за основаніе—возвращеніе отбитаго судна его прежнему собственнику подъ условіемъ уплаты за спасеніе судна извѣстной суммы, опредѣляемой продолжительностію времени, въ теченіе котораго судно оставалось во власти непріятеля. Но размѣръ этой суммы часто мѣнялся. Регламентъ 1677 г. создалъ основанія, принятыя конвенціею 1689 г. и оказался, слѣдовательно, согласнымъ съ только что разсмотрѣннымъ англійскимъ актомъ.

Въ Даніи, кодексъ Христіана V опредѣляетъ право ре-

---

(190) См. плакарды и ордонансы Генеральныхъ Штатовъ 1625. 1632, 1643, 1659, 1677 и 1702, а также: *Bynkershoeck*, «Quæst jur. publ.», cap. V, и *Martens*, «Essai sur les armateurs», etc., ch. III, § 66.

приза въ размѣрѣ половины стоимости судна и груза, если судно отбито ранѣе истеченія 24 часовъ.—По прошествіи этого срока, реппризъ цѣликомъ принадлежитъ обратному взятелю. Швеція предоставляла $^2/_3$ обратному взятелю, безъ различія времени, въ теченіе котораго отбитое обратно судно оставалось во власти непріятеля, и даже безъ различія качества обратнаго взятеля. Корсаръ, или военный корабль—пользовался одинаковымъ правомъ ([191]).

Все вышеизложенное примѣняется къ кораблямъ, принадлежащимъ подданнымъ одного изъ воюющихъ, обратно отбитыхъ отъ непріятеля другими подданными того же государства; это есть внутренній законъ каждаго государства, примѣняемый къ его собственнымъ гражданамъ. Сама англо-голландская конвенція 1689 г., какъ я это уже установилъ, имѣетъ такой частный характеръ. Государи вполнѣ могли предписывать все то, что они полагали полезнымъ для своей страны, и ихъ подданные должны были подчиняться ихъ законамъ. Прежде всего они приняли постановленія римскаго закона относительно права постлиминія; ([192]) затѣмъ, къ правилу объ отводѣ intra præsidia, присоединили правило о 24 или 48 часахъ. Но могли-ли эти частныя правила быть примѣняемы къ иностраннымъ государствамъ, къ нейтральнымъ?—Если обратимся къ самымъ элементарнымъ понятіямъ о справедливомъ и несправедливомъ, — то принуждены отвѣтить отрицательно. Между тѣмъ въ дѣйствительности, вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно; съ иностранцами обращались какъ съ своими подданными. Разница была однако большая.

Нейтральный корабль, остановленный воюющимъ не есть еще корабль взятый (pris) какъ призъ; онъ только захваченъ

([191]) *Codex leg. Danic.* lib. XIV, cap. 7, § 6 и *Martens*, выше-приведенный трактатъ, § 68. Шведскій морской ордонансъ 1667 г. содержитъ это постановленіе.

([192]) См. L. 5, § 1,—19, § 5,—и 30 ff *De captivis et postliminio.* Эти законы разсматривали сдѣлавшимися непріятельскою собственностью какъ вещи, такъ даже и людей, которые, будучи взяты непріятелемъ, были отведены въ безопасное мѣсто: *intra præsidia.*—Для прежняго собственника не было болѣе никакой надежды получить обратно свою вещь, ни для плѣнника—получить свободу.

(saisi); онъ можетъ добиться оправданія себѣ, и трибуналами взятеля можетъ быть объявленъ свободнымъ. Кромѣ того, хотя бы захватъ и былъ признанъ основательнымъ,—очень часто онъ распространяется только на грузъ, или даже на часть товаровъ.—Наконецъ, захватъ только потому и имѣлъ мѣсто, что воюющій находилъ, что нейтральный помогалъ его противнику; этотъ послѣдній, можетъ-ли претендовать присвоивать корабль своего друга, виновный въ томъ, что выказалъ себя слишкомъ преданнымъ его-же собственному дѣлу? Не смотря на всѣ эти разсужденія, отмѣчать которыя я остановлюсь,—внутренніе законы служили правилами для нейтральныхъ репризовъ, не считая весьма рѣдкихъ исключеній, внесенныхъ нѣкоторыми трактатами, которые были заключены по этому предмету въ разсматриваемый періодъ.

Францiя, въ теченіе XVII ст. не заключила ни одного трактата касательно репризовъ.—Англія заключила только одинъ, именно въ 1689 г., но и тотъ не примѣняется къ случаю нейтралитета. Голландія опредѣлила съ Испаніей способъ и образъ дѣйствій касательно репризовъ. Декларація, подписанная этими двумя державами 25 ноября 1676 г. требуетъ, чтобы обратно отбитое судно было возвращено собственнику, съ условіемъ уплаты за право отбитія: $^1/_5$ части стоимости судна и груза, если репризъ былъ сдѣланъ въ теченіи 48 часовъ послѣ приза; $^1/_3$—если между 48 и 96 часами; $^1/_2$—если отбитіе послѣдовало послѣ 96 часовъ. ([193]). Трактатъ 2 октября 1679 г., заключенный между Голландіей и Швеціей очень не ясенъ; между тѣмъ изъ него можно бы было, быть можетъ, извлечь аргументъ въ пользу принципа возвращенія обратно отбитыхъ кораблей. Трактатъ, заключенный Нидерландами съ Португаліей въ 1651 г., былъ того же рода. Въ немъ говорилось только о призахъ, сдѣланныхъ

---

(193) *Dumont*, «Corps diplom.», t. VII, part. 1, p. 325. Эта декларація была издана вслѣдъ за союзнымъ трактатомъ, заключеннымъ между двумя державами въ 1676 г.—Этимъ объясняется ея крайняя умѣренность; но она должна быть разсматриваема какъ прекратившаяся вмѣстѣ съ союзомъ, въ виду котораго она была издана. Мнѣніе это высказано *Martens*'омъ, но оно противно мнѣнію *Chevalier d'Abren*.

непріятелемъ у одной изъ договаривающихся сторонъ и отведенныхъ въ порта другой. Такіе корабли должны быть захвачены государемъ этого порта и возвращены ихъ первоначальному собственнику, если онъ потребуетъ ихъ въ извѣстный, опредѣленный срокъ. Это условіе совершенно противно всѣмъ постановленіямъ международнаго права; оно невыполнимо. Однако оно существуетъ, и казалось бы что репризъ, т. е. корабль обратно отбитый, тѣмъ подавнѣе долженъ бы быть возвращенъ собственнику.—Я не нашелъ никакого указанія на то, чтобы трактатъ этотъ былъ истолкованъ подобнымъ образомъ сторонами.—Въ теченіе этого періода, прочія націи, въ конвенціяхъ своихъ не занимались репризами.

Корабль. взятый непріятелемъ, потомъ покинутый имъ и скорѣе найденный, чѣмъ отбитый дружественнымъ кораблемъ можетъ ли быть разсматриваемъ какъ репризъ, или долженъ ли онъ быть возвращенъ его первоначальному собственнику? Французскіе внутренніе законы требуютъ, чтобы онъ былъ возвращенъ его собственнику, какъ бы ни былъ великъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго корабль этотъ оставался во власти непріятеля, лишь бы только онъ не былъ отведенъ въ портъ. Это—древнее правило римскаго права и Консулата ([194]). Испанія приняла это правило позже. Законъ не говоритъ о какомъ бы то ни было правѣ платить тому, кто привелъ корабль въ портъ. Valin утверждаетъ, что корабль долженъ заплатить одну треть стоимости за спасеніе, если на кораблѣ не было никого изъ людей,—и только одни расходы за доставленіе, если кто нибудь находился на кораблѣ. Такой фактъ онъ разсматриваетъ какъ обыкновенное спасеніе, въ случаѣ кораблекрушенія. ([195]) Прочія націи ничего не установили для подобнаго, спеціальнаго факта, который къ тому же не вызвалъ ни одного трактата.

Репризы, сдѣланные у пиратовъ опредѣлялись на основа-

([194]) См. французскій ордонансъ 1681 г., liv III, tit. 9, art. 9 и испанскій ордонансъ 21 августа 1702 г.

([195]) См. *Valin*, «Commentaire sur l'art. 9» ci-dessus cité.

нiи другихъ принциповъ.—Пираты находятся внѣ международнаго закона; они ни въ какомъ случаѣ не могутъ законно или легально прiобрѣсти право собственности на предметы, захваченные ими; къ нимъ нельзя примѣнить правило: quod occupatio bellica sit modus acquirendi dominium. Поэтому необходимо найти другiя правила для примѣненiя къ нимъ. Въ средніе вѣка, обратно отбитый корабль присуждали обратному взятелю; этотъ обычай соблюдался еще въ XVI и даже XVII ст. ([196]) Онъ не могъ быть оправданъ и казался въ противорѣчiи съ тѣмъ мнѣнiемъ, что призъ, сдѣланный пиратомъ не могъ измѣнить права собственности. Но онъ превосходно отвѣчалъ обще-чувствуемой потребности, поощрять посредствомъ богатой добычи, тѣхъ кто сражался съ пиратствомъ для совершеннаго его уничтоженiя.—Вскорѣ однако обычай этотъ былъ измѣненъ въ смыслѣ болѣе согласномъ съ справедливостью. Корабль обратно отбитый у пирата, былъ возвращаемъ его собственнику, съ условiемъ уплаты одной трети стоимости судна и груза. Время, въ теченiе котораго пираты, эти враги всего человѣческаго рода,—оставались хозяевами приза, не оказывало никакого влiянiя; но собственникъ долженъ былъ заявить свое требованiе въ опредѣленный срокъ, по прошествiи котораго репризъ цѣликомъ присуждался обратному взятелю ([197]). Нѣкоторые трактаты приняли эту систему, менѣе несправедливую чѣмъ та, которая опредѣляла обыкновенные репризы, но все же еще мало либеральную.

Таково было внутреннее законодательство относительно репризовъ въ теченiе этого перiода. Положительный законъ

([196]) Постановленiе Парижскаго Парламента отъ 24 Апрѣля 1621 г. присудило обратному взятелю стоимость корабля и груза обратно отбитаго у одного алжирскаго пирата. Согласно съ Гроцiемъ и его коментаторомъ Барбейракомъ,—такое постановленiе было основательно въ принципѣ и согласно съ законами всѣхъ нацiй.—См. *Barbeyrac*, sur Grotius, liv. III, ch. 9 §§ 16 et 17; *Cocceius*, *ad grotium*, loc. cit. *Loccenius*, «De jure marit.», lib. II, cap. 4. № 4 оспариваетъ справедливость установленныхъ этимъ постановленiемъ принциповъ.

([197]) См. французскiй ордонансъ 1681 г., liv. III, tit. 9, art. 10. Испанiя не приняла этого постановленiя; она сохранила прежнiй обычай.

начинаетъ стараться регламентировать этотъ предметъ, но онъ ограничивается пока нѣсколькими, весьма рѣдкими трактатами, и при томъ заключенными въ виду военнаго союза, а слѣдовательно, имѣющими характеръ частныхъ законовъ.– Правило, принятое этими трактатами и внутренними ордонансами было: что время, въ теченіе котораго корабль оставался во власти непріятеля, должно было обусловливать ту часть, которая подлежала возврату первоначальному собственнику, и даже опредѣляла: долженъ ли возвратъ имѣть мѣсто.—Между тѣмъ ничего не упоминается о томъ, столь важномъ различіи, которое существуетъ между воюющимъ кораблемъ, взятымъ непріятелемъ и обрато отбитымъ, и нейтральнымъ, который былъ захваченъ. Эта часть права находится еше въ младенчествѣ.

§ 9. *Ангарія. Эмбарго.*

Я считаю необходимымъ точно опредѣлить значеніе этихъ двухъ терминовъ, которые смѣшиваются нѣкоторыми писателями. –Ангарія есть фактъ временнаго завладѣнія государемъ порта,—всѣми иностранными кораблями, находящимися въ этомъ портѣ,—и употребленіе ихъ, равно какъ и экипажей, за извѣстную плату или вознагражденіе,—на общественную службу въ пользу его государства, даже противъ желанія владѣльцевъ и капитановъ.—Ангарія можетъ имѣть мѣсто въ особенности во время войны и для военной службы, какъ напр. перевозки войскъ, военныхъ запасовъ, оружія и провизіи.—Эмбарго есть запрещеніе, исходящее отъ государя,—кораблямъ одной или нѣсколькихъ иностранныхъ націй, выходить изъ его портовъ, въ которыхъ они находятся.

Ангарія, въ томъ видѣ какъ я ее только что опредѣлилъ, есть одно изъ самыхъ чудовищныхъ правъ, которыя воюющіе себѣ присвоили. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно допустить, чтобы государство, по тому только одному, что оно находится въ войнѣ—могло заставить иностранный и мирный корабль отказаться отъ своихъ торговыхъ операцій, для того чтобы

быть употребленнымъ для военной службы, которая заставляетъ его утратить нейтральный характеръ и подвергаетъ его всѣмъ опасностямъ войны, и все это—за плату, опредѣленную самимъ воюющимъ, сообразно съ его интересами, и очень часто не уплаченную? Это есть серьезное посягательство на свободу торговли и независимость народовъ,—и слѣдовательно нарушеніе самыхъ существенныхъ постановленій естественнаго закона. Можно-ли, по крайней мѣрѣ, найти происхожденіе этого злоупотребленія въ положительномъ правѣ? Нѣтъ; не существуетъ ни одного трактата, стариннаго или новѣйшаго, который бы устанавливалъ, санкціонировалъ или по крайней мѣрѣ признавалъ существованіе этого мнимаго права; и между тѣмъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, мы видимъ это право установившимся у всѣхъ націй. Это есть ничто иное, какъ неправильное примѣненіе римскаго права. Императоры, которые царствовали надъ тѣмъ, что называли тогда міромъ, могли законно предписывать, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ, или для войны, или даже для обезпеченія продовольствія столицы,—на всѣ корабли, находящіеся въ портахъ отправленія—было наложено запрещеніе. Эти корабли принадлежали ихъ собственнымъ подданнымъ; они имѣли неоспоримое право диктовать имъ законы, давать имъ повелѣнія,—и обязанность подданныхъ была повиноваться.—Но мнѣ кажется невозможнымъ перенести эту обязанность подданныхъ—на иностранцевъ и сдѣлать изъ внутренняго закона—законъ международный.—Между тѣмъ это сдѣлали.

Каково бы ни было его происхожденіе,—это мнимое право ангаріи представляется намъ, съ начала этого періода, фактически установившимся у всѣхъ морскихъ народовъ; и начиная съ половины XVII ст. мы видимъ, что всѣ націи употребляютъ величайшія усилія, чтобы уничтожить его. Всѣ выговариваютъ въ трактатахъ, что взаимные подданные и ихъ корабли, не могутъ быть, ни въ какомъ случаѣ, даже для защиты той страны, въ которой они находятся — быть принуждаемы исполнять какую бы то ни было общественную службу.

Одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ трактатовъ, который содержитъ эту статью,—есть трактатъ, заключенный между Франціей и Даніей въ 1645 г. ([198]). Точно также мы находимъ это условіе въ конвенціи 1654 г., заключенной между Англіей и Португаліей, въ очень большомъ числѣ торжественныхъ актовъ и именно въ Пиренейскихъ трактатахъ ([199]). Конвенціи эти, безъ сомнѣнія, не столь ясны и точны какъ тѣ, которыя мы будемъ разсматривать впослѣдствіи; но онѣ имѣютъ несомнѣнную цѣль: предохранить торговый флотъ отъ примѣненія къ нему этого мнимаго права ангаріи. Было бы безполезно цитировать многочисленные трактаты, которые воспрещали это злоупотребленіе территоріальною властью. Достаточно прибавить, что два Утрехтскіе трактата содержатъ, по этому поводу, очень опредѣленную статью. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ ни одного акта, который разсматривалъ бы ангарію какъ право территоріальнаго государя, отъ котораго старались бы избавлять подданныхъ договаривавшихся сторонъ особыми конвенціями. Ни одинъ не содержитъ ни одного слова, которое могло бы заставить думать, что ангарія была разсматриваема какъ *регальное право* (*droit regalien*). Это замѣчаніе очень важно; оно относится ко всѣмъ трактатамъ, которые занимались этимъ вопросомъ и отвѣчаетъ нѣкоторымъ писателямъ, которые считали себя обязанными придать такое названіе мнимому праву ангаріи.

Эмбарго есть мѣра менѣе серьезная чѣмъ та, о которой я только что сказалъ: она употреблялась въ различныхъ обстоятельствахъ, какъ родъ репрессалій, передъ началомъ военныхъ дѣйствій, для того, чтобы заставить другую націю согласиться на то, что отъ нее требовалось, или только для того

([198]) Ст. 11 этого трактата говоритъ, что суда военныя или купеческія не будутъ принуждаемы идти на войну, ни перевозить, чтобы то ни было, безъ согласія ихъ государя, хозяевъ или собственниковъ судовъ.

([199]) Ст. 6. «Ne pourront, d'un côté ni d'autre, les marchands, maitres de navires, pilotes, matelots, leurs vaisseaux, marchandises, denrées et autres biens à eux appartenant, etre arretés et saisis...... pour quelque cause que ce soit, ni même sous prétexte de s'en vouloir servir pour la conservation et deffense du pays......» *Dumont*, t. VI, part. 2, p. 266.

чтобы помѣшать разглашенію тайны какой нибудь экспедиціи, приготовленій къ войнѣ и т. п. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она продолжается не долго. Разсматриваемый мною періодъ не представляетъ ни одного памятнаго примѣра эмбарго; трактаты ничего не упоминаютъ объ этомъ.

---

*

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННІЕ ЗАКОНЫ; ПИСАТЕЛИ И ПУБЛИЦИСТЫ; ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНІЕ; ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Внутренніе законы.

Посреди всеобщаго движенія, которымъ отмѣчается начало этого періода, въ этомъ преобразованіи морской торговли и мореплаванія,—кажется труднымъ, чтобы торговые законы не подверглись значительнымъ перемѣнамъ. Между тѣмъ развитіе ихъ было довольно медленно до конца XVII ст. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ морскихъ странахъ появлялось большое число законовъ и ордонансовъ, которые предназначались или регулировать интересы и договоры, новыя или измѣненныя,—или возобновлять прежнія постановленія; но въ дѣйствительности, въ продолженіи самой большой части этой важной эпохи,—торговое законодательство не сдѣлало большихъ успѣховъ. Морской Консулатъ (le Consulat de la mer) и les Rôoles d'Oleron, дополненные нѣсколькими специальными постановленіями, могли служить для торговли гораздо болѣе развитой, чѣмъ та, для которой они были созданы. Не дѣлая перечисленія всѣхъ ордонансовъ, которые появились, я ограничусь указаніемъ на самые важные, и въ особенности на тѣ, которые содержатъ нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ сношеніямъ націй между собою.

До конца XV ст. Данія и Швеція не принимали еще участія въ торговыхъ операціяхъ Европы. Народы ихъ, будучи превосходными моряками, охотнѣе предавались пиратству

чѣмъ мирнымъ занятіямъ; къ тому же завистливая монополія, захваченная на Балтійскомъ морѣ Ганзейскими городами, старалась удалить эти народы отъ всякаго участія въ этихъ операціяхъ, изъ которыхъ Ганзейскіе города извлекали богатства и могущество, по истинѣ необычайныя. Въ началѣ XVI ст. Датчане вступили наконецъ въ общее движеніе. Въ кодексѣ частныхъ законовъ, изданномъ королемъ Іоанномъ въ 1508 г. мы находимъ нѣсколько постановленій, которыя спеціально относятся къ мореплаванію, но которыя суть ничто иное, какъ воспроизведеніе Ганзейскаго права, приспособленнаго къ нравамъ и обычаямъ Датчанъ. Только въ 1561 г. Данія имѣла спеціальный кодексъ законовъ торговыхъ и морскихъ. Ст. 2, гл. 7 этого кодекса содержитъ постановленіе, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, потому что оно указываетъ на существовавшіе тогда древніе обычаи, а также и на то, что уже тогда нѣкоторыя націи старались нарушить эти обычаи. Статья эта воспрещаетъ военнымъ судамъ, назначеннымъ конвоировать коммерческія суда, допускать, чтобы ни одно изъ этихъ послѣднихъ не было подвергаемо осмотру иностранными крейсерами, даже для провѣрки ихъ корабельныхъ бумагъ, и предписываетъ командирамъ конвоирующихъ судовъ отражать даже силою всякую попытку этого рода ([200]). Датское морское право было снова измѣнено изданіемъ общаго кодекса въ 1683 г., который не содержитъ никакого спеціальнаго постановленія, могущаго быть отмѣченнымъ.

Въ 1667 г. одно постановленіе, почти подобное тому, которое я только что отмѣтилъ въ законахъ Даніи,—появилось въ Шведскихъ законахъ. Морской кодексъ Густава II предписываетъ всякому капитану или хозяину: не допускать иностранцевъ производить осмотръ, и отражать силою всякую попытку этого рода. Въ ту эпоху, какъ мы уже видѣли это выше, Швеція была уже связана съ нѣсколькими державами трактатами, которые опредѣляли право осмотра. Безъ вся-

([200]). См. *Pardessus*, «Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle» ch. XVIII, t. 3, p. 192.

каго сомнѣнія, многочисленныя злоупотребленія, совершенныя воюющими заставили Густава II отказаться отъ исполненія этихъ конвенцій. Однако я долженъ прибавить, что въ исторіи нѣтъ ни одного факта, по которому можно бы было заключить, что Швеція заставляла исполнять этотъ законъ, противный положительному праву.

Ганзейскіе города и соединенныя провинціи Нидерландовъ издали большое число законовъ и регламентовъ касательно мореплаванія и морской торговли; но въ нихъ не встрѣчается никакого постановленія, относящагося къ международному праву. Такое молчаніе можетъ показаться удивительнымъ, въ особенности относительно Нидерландовъ, которые сдѣлались уже тогда первоклассною морскою державою; но оно легко объясняется. Генеральные штаты никогда не издавали постоянныхъ законовъ касательно мореплаванія и международныхъ сношеній, оставляя за собою право, лишь только начинались военныя дѣйствія, давать своимъ крейсерамъ спеціальныя инструкціи для каждой войны и даже для каждаго обстоятельства. Разсматривая различные вопросы, относящіеся въ военному времени, мы часто имѣли случай говорить объ этихъ инструкціяхъ или плакардахъ.

Такая политика съ того времени была принята Англіей.— Мы не находимъ у нее никакого закона, относящагося къ морскимъ международнымъ сношеніямъ. Даже торговые законы очень мало развиты. Однако существуетъ одинъ актъ, исходящій отъ этой націи, — который я не могу пройти молчаніемъ, потому что онъ много содѣйствовалъ морскому величію Англіи,—и потому, что его можно разсматривать какъ основаніе и фундаментъ ея могущества, которое въ настоящее время угрожаетъ свободѣ вселенной.—Я имѣю въ виду актъ о мореплаваніи, изданный Кромвелемъ въ 1651 г. Было бы очень длинно приводить весь этотъ документъ цѣликомъ ([201]). Онъ оставляетъ за Англійскимъ флотомъ абсо-

---

([201]) Текстъ акта о мореплаваніи находится въ различныхъ собраніяхъ той эпохи. Онъ приведенъ на французскомъ языкѣ у Ортолана, *Ortolan*, «Diplomatie de la mer», t. II, appendice.

лютную монополію, какъ въ самой Англіи, такъ и въ ея заморскихъ владѣніяхъ. Онъ требуетъ, чтобы всѣ произведенія колоній, были привозимы въ Англію на англійскихъ корабляхъ и чтобы никакое произведеніе земли или фабрики Азіи, Африки и Америки не могло быть получено на британскую землю, если оно не было погружено на національныя суда, по крайней мѣрѣ въ Средиземномъ морѣ или за мысомъ Доброй Надежды. Однимъ словомъ, онъ обезпечиваетъ отечественному мореплаванію такія привиллегіи, которыя неизбѣжно должны были ускорить и обезпечить его развитіе. Если бы, въ ту самую эпоху, когда актъ этотъ былъ изданъ, другія Европейскія націи послѣдовали примѣру Англіи, — она, безъ всякаго сомнѣнія, принуждена бы была отказаться отъ этой системы, подъ страхомъ очутиться только съ одною своею собственною торговлею; но потому-ли, что этотъ актъ не былъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ, или по другой причинѣ, — прочіе морскіе народы не послѣдовали за Англіей по этому пути, и территорія этой державы скоро сдѣлалась общимъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Азіи, Африки и Америки. Она потомъ снабжала ими другія европейскія націи, и англійскіе корабли опять имѣли привилегію вывоза этихъ товаровъ. — Подъ вліяніемъ такого законодательства, торговый флотъ Англіи получилъ чудовищное развитіе; онъ скоро сдѣлался первымъ въ мірѣ, и превосходство это въ настоящее время таково, что англійскій торговый флотъ можетъ обходиться безъ покровительства акта о мореплаваніи ([202]). Въ предъидущей главѣ я часто указывалъ на тѣ инструкціи, которыя англійское правительство давало своимъ крейсерамъ, и обращалъ вниманіе на ихъ полную несправедливость; эти законы, правда временные, но возобновлявшіеся при каждой войнѣ, показываютъ, до какой степени эта нація не уважаетъ свои собственныя клятвы, и насколько слѣдуетъ довѣрять ея слову.

Франція всегда слѣдовала пути, отличному отъ Англіи;

([202]) Актъ о мореплаваніи былъ отмѣненъ въ 1849 г. Монополія ограничена однимъ каботажемъ.

для опредѣленія своего образа дѣйствій во время войны относительно нейтральныхъ народовъ, — она издавала законы постоянные. Я имѣлъ уже случай замѣтить, что эти внутренніе законы были очень часто въ безусловномъ противорѣчіи не только съ естественнымъ правомъ, но даже съ актами положительнаго права, въ которыхъ эта держава принимала участіе въ качествѣ договаривающейся стороны. Первый изъ этихъ законовъ есть эдиктъ 1400 г.; онъ былъ нѣсколько разъ измѣненъ. Въ 1543 г. эдиктъ, изданный Францискомъ I— занимается военной контрабандой; онъ воспрещаетъ торговлю оружіемъ и военными припасами, но онъ не предоставляетъ воюющему права конфискаціи товаровъ, торговля которыми, съ непріятелемъ, объявлена не дозволенною. Воюющій могъ только вернуть нейтральный корабль съ его назначенія, и если признавалъ нужнымъ—купить предметы контрабанды за настоящую цѣну, опредѣленную третейскими судьями: ([203]) это есть право преимущественной покупки, (droit de préemption). Постановленіе это было воспроизведено въ эдиктѣ, изданномъ въ 1584 г. Генрихомъ III. Декларація 1650 г. не внесла никакого существеннаго измѣненія во французскій законъ. Наконецъ появился великій ордонансъ 1681 г.

Этотъ актъ долженъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ, совершенно различныхъ, точекъ зрѣнія. Какъ законъ частный, торговый и морской—онъ былъ самый полный и самый мудрый, какой когда либо былъ изданъ, достойный величайшаго министра, составившаго его, и величайшаго короля, подписавшаго этотъ законъ. Глава о консулахъ, касающаяся существеннымъ образомъ международнаго права—оказываетъ величайшее уваженіе дипломатическимъ конвенціямъ. Она обезпечиваетъ французамъ, поселившимся заграницей, всякое покровительство, какое просвѣщенное, твердое и могущественное правительство могло въ дѣйствительности дать своимъ подданнымъ, въ то время, какъ оно признавало всѣ права

([203]) Эдиктъ, относящійся до Адмиралтейства 1543 г. См. *Pardessus*, t. IV, p. 316.

за иностранными принцами, на ихъ собственной территоріи.—Всѣ виды и роды плаванія, начиная съ дальнихъ плаваній и кончая прибрежнымъ рыболовствомъ,—были предусмотрѣны и регламентированы этимъ закономъ. — Этотъ памятникъ человѣческой мудрости скоро сдѣлался общимъ закономъ всѣхъ націй, и большая часть постановленій дѣйствующаго французскаго торговаго кодекса, относящихся къ морской торговлѣ,—было заимствовано изъ ордонанса 1681 г.

Но если разсматривать этотъ законъ съ точки зрѣнія правилъ, установленныхъ имъ для международныхъ сношеній во время войны, то нельзя не признать, что французскій законодатель совершенно забылъ свои права и обязанности. — Постановленія 9-й главы III книги — противны всѣмъ принципамъ естественнаго права и опрокидываютъ всѣ самые торжественные трактаты, даже тѣ, которые были подписаны тѣмъ самымъ королемъ, который издалъ этотъ странный законъ. Я указалъ на многочисленныя различія, которыя существуютъ между внутреннимъ закономъ французовъ и ихъ международнымъ правомъ. Дѣйствительно, тяжело видѣть, когда самые цивилизованные народы такъ играютъ данными ими клятвами. Но лишь только они начинали войну, — всѣ націи поступали одинаково, съ тѣмъ лишь различіемъ, что при заключеніи мира, онѣ давали новыя клятвы, которыя предназначались быть нарушенными также какъ и первыя,—и освящали трактатами вѣчные принципы естественнаго права, для того, чтобы потоптать ихъ ногами, лишь только интересы этихъ націй или скорѣе ихъ низкая зависть того требовала. Въ моихъ глазахъ, та часть ордонанса 1681 г., которая относится къ международному праву во время войны, есть памятникъ несправедливости и тираніи по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ народамъ.

Заключеніе это, можетъ быть суровое, но точное и справедливое, съ бо̀льшимъ еще основаніемъ примѣняется къ регламенту 1704 г., въ которомъ государь Франціи повелительно диктуетъ самые несправедливые законы иностраннымъ народамъ и приказываетъ своимъ морскимъ силамъ приводить эти законы въ исполненіе относительно народовъ, не-

зависимыхъ отъ его скипетра. Эти акты и регламентъ, относящійся къ салютамъ въ морѣ ([204]) доказываютъ, какъ опасно оставлять международныя сношенія на произволъ внутреннихъ законовъ, и до какой степени гордость можетъ ослѣпить государей.

Испанія, въ теченіе этого періода, издала большое число законовъ для регламентированія торговли своей и своихъ американскихъ владѣній.—Главнѣйшіе изъ этихъ законовъ суть ордонансы: Бургоса (de Burgos), пересмотрѣнные въ 1538 г ; Бильбао (de Bilbao)—1560 г.; регламентъ Перу (du Perou)—1685 г. и друг. ([205]). Но эти законы, какъ чисто внутренніе, не имѣютъ никакого соотношенія съ разсматриваемымъ мною предметомъ. Въ 1702 г. Испанія заимствовала Французскій ордонансъ 1681 г. и именно тѣ постановленія, которыя я только что разсмотрѣлъ. До того времени, въ государствѣ этомъ не существовало никакого закона по этому предмету.

ОТДѢЛЪ II.

Писатели и публицисты.

Два открытія, которыми отмѣчается конецъ XV ст. и которыя открыли новый міръ для европейской дѣятельности, а также возрожденіе склонности къ серьезнымъ занятіямъ и изящной литературѣ, — должны были заставить ученыхъ заниматься наукою, неизвѣстною для древнихъ — именно отъисканіемъ такихъ законовъ, которые должны-бы были регулировать отношенія народовъ между собою,—т. е. международнымъ правомъ. Начиная съ начала XVI ст. право народовъ

([204]) Регламентъ этотъ, 1665 г. былъ причиною многихъ кровопролитныхъ сраженій, данныхъ во время полнаго мира, иностраннымъ кораблямъ, отказывавшимся салютовать французскому флагу, и именно — сраженіе 3 Іюня 1688 г., между шевалье де Турвиль, (chevalier de Tourville) и испанскимъ адмираломъ Папачинъ, (Papachin).—Объ этомъ дѣлѣ см. *Ortolan*, «Diplomatie de la mer», appendice au tome I, p. 443.

([205]) Объ этихъ законахъ см. собраніе *Pardessus*.

становится тѣмъ, чѣмъ оно никогда не было въ древности,— предметомъ мысли знаменитыхъ, по своей учености, людей: международное право начинаетъ преподаваться съ публичныхъ каѳедръ въ Испаніи и въ особенности въ Италіи, въ этой колыбели возрожденія. Многіе писатели занимались также разработкою этого предмета письменно. Эти первыя попытки, правда, касаются только отвлеченной, абстрактной части права народовъ; онѣ безпрестанно смѣшиваютъ философію и теологію съ самимъ правомъ. Фактъ этотъ не долженъ удивлять потому, что всѣ эти попытки исходятъ отъ казуистовъ и духовныхъ, очень часто чуждыхъ практическихъ дѣлъ.—Тѣмъ не менѣе онѣ подготовили путь для тѣхъ, кто долженъ былъ слѣдовать за ними. Въ числѣ этихъ писателей, слѣдуетъ въ особенности указать на *Франциска Витторіа* (*Francisco Vittoria*), доминиканскаго монаха. профессора Саламанскаго университета, и ученика его *Доменика Сотто* (*Domenico Sotto*). Около того же времени, Испанскій іезуитъ *Францискъ Сорецъ* (*Francisco Saurez*) началъ выдѣлять новую науку отъ всѣхъ постороннихъ разсужденій, которыми ее все еще окружали. Сочиненіе его, изданное подъ названіемъ «*De legibus ac Deo legislatore*» есть первое, которое раздѣлило предметъ на *право естественное* (*droit naturel*) и *право условное* (*droit conventionel*). Авторъ признавалъ примитивное (первоначальное) право происходящимъ отъ самого Бога: это и есть право естественное.—Обычаи, принятые націями, и акты, условленные между ними, составляютъ право народовъ условное. Какъ бы ни были несовѣршенны эти первыя сочиненія, но они указываютъ на громадный успѣхъ; они открываютъ новый путь и доказываютъ, насколько ощущали уже тогда потребность регулировать однообразнымъ способомъ отношенія народовъ между собою.

Въ концѣ XVI ст. появился одинъ ученый, который заставилъ науку сдѣлать большіе успѣхи. *Альберикъ Гентилисъ*, (*Alberico Gentilis*), итальянецъ по происхожденію, скрывшійся въ Англіи, гдѣ онъ сдѣлался профессоромъ юриспрюденціи въ Оксфордскомъ университетѣ,—написалъ первое систематическое сочиненіе о правѣ войны. Слишкомъ исключительно за-

нятый своимъ предметомъ, этотъ ученый оставилъ въ полномъ пренебреженіи нѣкоторыя, очень важныя части. Такъ, онъ забылъ, что нація, даже тогда, когда она находится въ войнѣ съ одною или нѣсколькими другими націями,—продолжаетъ жить въ мирѣ съ остальными; что всегда существуютъ нейтральные. Присутствіе мирныхъ народовъ его затрудняетъ; онъ указываетъ на затрудненіе, происходящее изъ тѣхъ правъ, которыя они могутъ предъявить или потребовать; но онъ еще болѣе осложняетъ это затрудненіе, признавая за воюющими и нейтральными права противуположныя и несогласимыя. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, который онъ самъ запуталъ этой системой, — онъ былъ вынужденъ признать за воюющимъ такія права, такое высшее качество, такое преимущество, которое должно было всегда давать ему перевѣсъ надъ другими ([206]). Гентилисъ забываетъ, что право, въ особенности между субъектами независимыми одинъ отъ другаго, есть понятіе абсолютное; онъ же дѣлаетъ его понятіемъ относительнымъ и предоставляетъ одной изъ сторонъ сужденіе о вопросахъ, которымъ придаетъ относительное качество. Не смотря на эту важную ошибку, сочиненіе Гентилиса могло бы разсматриваться, какъ chef-d'oeuvre человѣческаго ума, еслибы оно не вызвало на свѣтъ сочиненіе Гроціуса о правѣ войны и мира.

Гуго Гроціусъ (*Hugo Grotius*) родился въ концѣ XVI ст. Занимая высокія должности въ своемъ отечествѣ, въ Голландіи, онъ долженъ былъ скрыться во Францію, чтобы избѣжать религіозныхъ преслѣдованій. Во время этого изгнанія, въ 1625 г. онъ издалъ свое сочиненіе: *«De jure belli et pacis»*. Сочиненіе это произвело большую сенсацію въ Европѣ; оно сильно содѣйствовало къ реформированію права войны и сдѣлало это послѣднее болѣе согласнымъ съ законами человѣколюбія; наконецъ оно содѣйствовало учрежденію первой каѳедры, которая существовала въ Германіи для преподаванія народнаго права. Учрежденіе это было сдѣлано Курфирстомъ,

([206]) См. выше, гл. I. Происхожденіе мнимаго права необходимости. (Origine du prétendu droit de la nécessité).

Пфальцъ-графомъ Карломъ Людовикомъ въ Гейдельбергѣ. Первый профессоръ, Пуфендорфъ считалъ наилучшимъ излагать самое сочиненіе Гроціуса.—Португальцы оспаривали у всѣхъ націй и именно у Голландцевъ право плавать въ Индійскихъ моряхъ, надъ которыми они заявляли суверенитетъ на основаніи буллъ папы Александра Ш. Гроціусъ считалъ обязанностью поддержать возраженія своихъ соотечественниковъ и съ этою цѣлію издалъ сочиненіе подъ названіемъ «*Mare liberum*».—Это сочиненіе гораздо менѣе замѣчательно, чѣмъ первое ([207]). Гроціусъ въ своемъ большомъ трудѣ *De jure belli et pacis* сдѣлалъ ту же ошибку, какъ и Гентилисъ; исключительно занятый воюющими, онъ совершенно забылъ или даже принесъ въ жертву нейтральныхъ. Впрочемъ, морское право въ собственномъ смыслѣ мало нашло себѣ мѣста въ этой замѣчательной книгѣ. Авторъ занимается въ особенности великими принципами, примѣнимыми какъ на сушѣ, такъ и на морѣ,—но рѣдко снисходитъ до примѣненія. Въ самомъ изложеніи этихъ принциповъ, онъ часто приходитъ, вслѣдствіе исключительно господствующей у него идеи о войнѣ, — къ рѣшеніямъ совершенно противнымъ правамъ свободныхъ народовъ, и къ чрезмѣрному расширенію правъ воюющихъ.

Такъ напримѣръ, чтобы опредѣлить военную контрабанду,— единственный вопросъ морскаго права, которымъ онъ занимается,—Гроціусъ дѣлитъ предметы торговли на три класса. Подъ первымъ разумѣетъ оружія, военные припасы и предметы, исключительно годные для войны: торговля этими предметами должна быть безусловно воспрещена. Во второй классъ онъ ставитъ всѣ предметы, которые предназначены исключительно для развлеченія или удовольствія, и которые не могутъ быть годны для войны. Торговля этими предметами должна оставаться безусловно свободною. Предметы одина-

---

([207]) Англичанинъ *Сельденъ* (*Selden*) опровергалъ это сочиненіе въ своемъ трудѣ, которое онъ назвалъ: «*Mare Clausum*» и которое издалъ въ 1635 г. Цѣлью этого автора было оправдать притязаніе, предъявленное Англіей, на исключительный суверенитетъ надъ морями, которыя она такъ надменно называла *Британскими*.

ково полезныя, какъ во время мира, такъ и во время войны, какъ то: золото, серебро, всякаго рода металлы, жизненные припасы, лѣса, наконецъ всѣ вещи сомнительнаго употребленія (usûs ancipitis) составляютъ третій классъ. Торговля этими предметами обыкновенно не воспрещается, но если воюющій въ дѣйствительности не можетъ принять мѣръ къ своей защитѣ безъ запрещенія ихъ, то онъ можетъ это сдѣлать ([208]). Но кто будетъ судьей этой необходимости? Гроціусъ не говоритъ объ этомъ опредѣленно; но изъ сочиненія его вытекаетъ, что воюющій одинъ можетъ быть призванъ сдѣлать эту оцѣнку. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ великій ученый не признаетъ за воюющимъ права конфисковать предметы военной контрабанды; воюющій долженъ только вернуть ихъ и можетъ примѣнить право преимущественной покупки (droit de préemption).

Гроціусъ нисколько не занимался другими вопросами, которые затронуты морскимъ международнымъ правомъ; но идя по слѣдамъ Гентилиса, онъ говоритъ, правда весьма легко и безъ спора, въ нѣсколько пріемовъ—о существованіи того мнимаго права, который воюющій выводитъ изъ необходимости. Эти слова, не смотря на всю ихъ легкость, послужили точкою опоры самымъ тираническимъ притязаніямъ, самымъ серьезнымъ нападкомъ для свободы и независимости народовъ.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ XVII ст., *Пуфендорфъ* въ большомъ трудѣ своемъ *«De jure naturæ et gentium»* весьма мало занимался международнымъ правомъ вообще, и вовсе не занимался морскимъ правомъ. Но послѣ него осталось весьма большое число писемъ, въ родѣ заключеній или консультацій, данныхъ ученымъ профессоромъ, по тѣмъ вопросамъ, которые ему были поставлены. Переписка эта доказываетъ, насколько успѣхи теоріи о правѣ необходи-

---

([208]) «... In tertio illo genere usûs ancipitis distenguendus erit belli status, nam si tueri me non possum, nisi quæ mittuntur intercipiam, necessitas, ut alibi exposuimus, jus dabit, sed sub onere restitutionis, nisi causa alia accedat». «De jure belli et pacis», lib. III, cap. 1, § 5.

мости были быстры въ этомъ возвышенномъ умѣ. Невозможно выказать себя болѣе пристрастнымъ въ пользу воюющихъ. Точно также по вопросу о блокадѣ, онъ поддерживаетъ законность фиктивной блокады и одобряетъ систему, принятую Англіей и Голландіей въ знаменитой конвенціи 1689 г.

Лейбницъ (*Leibnitz*) не занимался спеціально морскимъ международнымъ правомъ; тѣмъ не менѣе мы находимъ разбросанными въ его трудахъ, въ его корреспонденціи и въ особенности въ предисловіи къ его собранію трактатовъ (1693 г.) истинные принципы естественнаго права, которые, еслибы примѣнялись добросовѣстно,—устранили бы большое число войнъ. Мнѣнія эти, къ тому же, изложены съ тѣмъ добродушіемъ и кротостью, которыя характеризуютъ великаго философа. *Спиноза* (*Spinosa*) столь-же твердый и рѣзкій, насколько Лейбницъ былъ человѣченъ, —въ сочиненіяхъ своихъ не оставилъ ничего кромѣ основныхъ только положеній, весьма часто нелѣпыхъ и отвратительныхъ. По словамъ этого автора, государи могутъ поступать только согласно съ своими удобствами и интересами; война есть нормальное состояніе рода человѣческаго; народы имѣютъ право нарушать трактаты, лишь только интересъ или опасность, бывшіе мотивомъ ихъ заключенія, миновались, и пр., и пр. Съ подобными доктринами нельзя бы было надѣяться смягчить нравы народовъ, ни достигнуть успокоенія ихъ страстей.

Зухъ (*Zouch*), англичанинъ, профессоръ римскаго права въ Оксфордскомъ университетѣ, членъ верхней палаты адмиралтейства, могъ бы, въ такомъ высокомъ положеніи, оставить полезныя наставленія по морскому международному праву. Единственный трудъ который онъ издалъ,—«*Juris et judicii fœcialis, sive juris inter gentes*»,—есть перечень великаго творенія Гроціуса, истолкованнаго при помощи римскаго права, то есть совершенно искаженнаго. Вторая глава этого небольшаго сочиненія: «*Jus inter gentes*» есть происхожденіе словъ: *международное право*, (*droit international*), которые впослѣдствіи приняты были вообще. Это почти все, что осталось отъ труда Зуха. Преемникъ его въ адмиралтей-

ствѣ, *Леолинъ Дженкинсъ* (*Léoline Jenkins*), употреблялся Карломъ II какъ дипломатъ и имѣлъ многія важныя порученія. Онъ оставилъ довольно большое число заключеній или консультацій по вопросамъ о морскихъ призахъ. Эти заключенія, вообще, были отвѣтами на вопросы, поставленные королемъ или палатой ученому юрисконсульту. Дженкинсъ былъ англичанинъ, до мозга костей придворный, служившій при государѣ, который мало терпѣлъ противорѣчій. Изъ этихъ обстоятельствъ позволительно заключить, что отвѣты были часто диктованы самимъ авторомъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, историкъ Дженкинса, *Wymne*, вполнѣ признавая только что высказанныя мною характеристическія черты своего героя, —утверждаетъ, что въ консультаціяхъ его, онъ съумѣлъ сохранить независимость судьи.

Гроціусъ, въ своемъ сочиненіи «*Mare liberum*», поддерживалъ безусловную свободу морей и невозможность допустить чей бы то ни было суверенитетъ надъ океаномъ. Англичанинъ *Джонъ Сельденъ* (*John Selden*) не много спустя (1635 г.) издалъ сочиненіе подъ названіемъ: «*Mare clausum*», имѣвшее цѣлью опровергнуть доктрины Гроціуса и въ особенности поддержать притязанія, заявленныя тогда Англіею относительно господства надъ морями, которыя она называла *Британскими*. Эти моря простирались, по мнѣнію этой державы, отъ 43° сѣверной широты до полюса. Невозможно вложить болѣе таланта и учености въ спорѣ за такое неправое дѣло. Сельденъ издалъ нѣсколько позднѣе, въ 1650 г. важное сочиненіе: «*De jure naturali et gentium, circa diciplinarum Hebraerum*». Этотъ трудъ не содержитъ ничего спеціальнаго по морскому праву; подобно тому, какъ многія сочиненія того времени, онъ все сводитъ къ принципамъ римскаго права. Авторъ усвоиваетъ дѣленіе, принятое Францискомъ Соресъ и различаетъ законъ естественный или природный отъ закона положительнаго, имѣющаго своимъ происхожденіемъ договоры и обычаи, установившіеся между націями.

Самуэль Рашель (*Samuel Rachel*) профессоръ юриспруденціи въ Кильскомъ университетѣ, знаменитый дипломатъ, издалъ въ 1676 г. двѣ диссертаціи: «*De jure naturæ et gentium*».

Главною цѣлью автора было оспорить и опровергнуть мнѣнія Пуфендорфа. По системѣ Рашеля, право народовъ основано исключительно на положительномъ или подразумѣваемомъ согласіи націй независимыхъ и не признающихъ надъ собою никакого общаго главы или государя; оно слѣдовательно, есть законъ положительный и установленіе второстепенное. Право это, которое авторъ называетъ *jus gentium*, совершенно чуждо римскому праву, которое есть ничто иное какъ право общественное (droit municipal). Онъ подраздѣляетъ право народовъ на право общее: *jus gentium commune*, и право народовъ особенное: *jus gentium proprium*. Первое есть то, которое будучи принято очень значительнымъ большинствомъ народовъ—обязательно для всѣхъ. Второе, будучи признано только нѣкоторыми,—обязательно только для тѣхъ, кто именно принялъ его. Впрочемъ, эти двѣ диссертаціи не содержатъ никакой специальной части, примѣнимой къ морскому международному праву.

Таковы главнѣйшіе писатели, занимавшіеся международнымъ правомъ въ теченіе этого періода, столь короткаго, но такъ хорошо наполненнаго. Сочиненія ихъ доказываютъ важный фактъ: именно, что эта отрасль права поднялась на степень науки и что изученіе ее было очень распространено въ концѣ XVII ст. Но всѣ эти писатели занимались почти исключительно войною и воюющими; никто изъ нихъ не принялъ на себя защиту народовъ нейтральныхъ, права которыхъ столь же священны, столь же ненарушимы какъ и права воюющихъ. Всѣ, даже тѣ, которые принадлежали къ морскимъ націямъ, исключительно занимались изученіемъ права вообще и его примѣненія на сушѣ, и совершенно оставляли въ пренебреженіи примѣненіе его на морѣ. Тѣ-же, которые вспомнили объ этой важной отрасли, занимались ею побочнымъ образомъ, или, какъ Гроціусъ и Сельденъ,—съ исключительной точки зрѣнія, или въ частномъ интересѣ какой нибудь націи.

Труды этихъ знаменитыхъ людей, и въ особенности труды знаменитѣйшаго изъ всѣхъ Гроціуса, произвели самые счастливые результаты на законъ сухопутный. Они смягчили бѣд-

ствія войны и научили солдата понимать, что непріятельскій подданный былъ врагомъ только тогда, когда имѣлъ оружіе въ рукахъ. Судьба плѣнныхъ была значительно улучшена: система взаимнаго размѣна плѣнныхъ сдѣлалась почти всеобщею; однимъ словомъ сухопутная война утратила много жестокости. Но весьма печальный фактъ, что эти ученые сдѣлали въ тоже время морскія войны гораздо болѣе суровыми и болѣе жестокими, чѣмъ когда бы то ни было для народовъ, оставшихся спокойными зрителями борьбы. Такой результатъ произошелъ отъ общаго направленія публицистовъ XVI и XVII ст.

Проникнутые полными мудрости принципами римскаго права, почти всѣ писатели хотѣли разрѣшить международные вопросы аксіомами этого права; они старались безпрестанно ввести этотъ частный законъ въ поднимавшіеся между народами споры. Одинъ примѣръ будетъ достаточенъ для доказательства опасности подобнаго смѣшенія. Римскій законъ грозилъ римскому подданному, занимавшемуся торговлею съ непріятелемъ, конфискаціей корабля и всего его груза, принадлежалъ-ли послѣдній или нѣтъ подданнымъ непріятельскаго государя. Морской Консулатъ (Consulat de la mer), мировою сдѣлкою, которую я не одобряю, но которая указываетъ на установившіеся въ средніе вѣка въ Средиземномъ морѣ обычаи, ограничился объявленіемъ конфискаціи непріятельскихъ товаровъ, находящихся на нейтральномъ кораблѣ. Публицисты XVII ст. примѣнили, по моему мнѣнію не кстати, римскій законъ, законъ частный и внутренній, изданный для подданныхъ законодателя,—къ народамъ свободнымъ и независимымъ, и объявили конфискацію корабля и нейтральнаго груза. Опираясь на сочиненія столь знаменитыхъ людей, воюющіе вѣрили, или притворялись вѣрить, что они имѣютъ дѣйствительное право примѣнять къ мирнымъ и независимымъ народамъ, тѣже самые законы, которые императоры примѣняли къ своимъ подданнымъ.

Я могъ бы привести много примѣровъ и доказать, что большинство только что указанныхъ мною злоупотребленій въ внутреннихъ законахъ, происходитъ отъ неправильнаго примѣненія римскаго права.

Поэтому, почти всѣ ученые писатели XVII ст., или по ошибкѣ, или изъ лести, много способствовали своими сочиненіями, заблужденію воюющихъ народовъ и внушенію имъ духа тираніи и глубокаго презрѣнія къ самымъ торжественнымъ договорамъ. Безъ сомнѣнія, эти народы были естественно склонны злоупотреблять своею силою; безъ сомнѣнія, они горячо желали овладѣть монополіей всего свѣта и слѣдовательно уничтожить всѣхъ своихъ конкурентовъ, друзей и враговъ. Но ученые, о которыхъ я говорю, приготовили имъ путь для тираніи и несправедливости; они истолковали римское право въ пользу этихъ дурныхъ страстей; для поддержанія ихъ, они изобрѣли мнимое право необходимости, печальныя слѣдствія котораго мы уже видѣли, и жестокія крайности котораго намъ придется изслѣдовать ниже.

ОТДѢЛЪ III.

Торговля и мореплаваніе; цивилизація.

Двойное и важное открытіе, которое отмѣчаетъ начало этого періода не было непредвидѣннымъ слѣдствіемъ счастливаго случая; открытіе это застало народы готовыми извлечь все возможное изъ этого новаго всемірнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ теченіе послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ, люди и событія подготовляются путемъ, безъ сомнѣнія, медленнымъ, но безпрерывнымъ къ великому событію. Изучая тщательно послѣднія времена этого долгаго, кажущагося сна, мы видимъ, что человѣческій умъ слѣдуетъ по пути, начертанному Богомъ и повинуется закону самосовершенствованія. Открытіе Христофора Колумба было подготовлено. Изученіе системы міра открыло ученымъ существованіе западнаго континента; отважные мореплаватели сѣверной Европы знали уже сѣверные берега Америки, около которыхъ не одно судно басковъ преслѣдовало китовъ. Изобрѣтеніе компаса явилось на помощь, поистинѣ смѣлой попыткѣ отважныхъ Генуэзцевъ,—попыткѣ, почитавшейся безразсудною, но предпринятой съ убѣжденіемъ о существованіи земли по ту сторону Атлантики.

*

Кромѣ всѣхъ этихъ, столь благопріятныхъ для поощренія предпріимчивыхъ умовъ, обстоятельствъ, португальцы, въ теченіе болѣе полустолѣтія передъ открытіемъ мыса Бурь, постепенно приближались, также какъ и французы къ южнымъ берегамъ Африки, слѣдуя по западному берегу почти до экватора. Они даже узнали группы острововъ, расположенныхъ далеко въ глубь океана. Когда Бартоломей Діазъ (Barthélemy Diaz) достигъ конечнаго пункта Африки, онъ не могъ, правда, догадаться къ какимъ именно странамъ должно вести это новое море, но онъ, по крайней мѣрѣ зналъ, что онъ находился за такими землями, съ которыми соотечественники его могли вести торговлю. Даже сами торговые законы, казалось, были изданы какъ бы въ виду предстоящаго бо̀льшаго развитія тѣхъ условій и договоровъ, которые они должны были регулировать. Les Rôoles d'Oleron, добавленные нѣсколькими статьями,– на сѣверѣ, Consulat de la mer—на югѣ,—могли регламентировать отношенія болѣе обширныя, болѣе пространныя, чѣмъ тѣ, которымъ они были обязаны происхожденіемъ. Народы, событія, словомъ все было подготовлено, когда два великія открытія явились для удовлетворенія нѣкотораго рода стремленія хотя и скрытаго, правда, но весьма положительнаго и весьма реальнаго.

Въ концѣ XV ст. торговля, а слѣдовательно и мореплаваніе были сосредоточены на Средиземномъ морѣ. Сѣверные и восточные народы производили весьма значительныя для той эпохи мѣны между собою, но ихъ корабли не ходили дальше Зеленаго мыса на югъ, и Исландіи—на сѣверозападъ отъ европейскаго континента. Открытіе Америки и морскаго пути въ Индію дало необычайный толчекъ двумъ, самымъ важнѣйшимъ отраслямъ человѣческой промышленности. Развитіе торговли и мореплаванія было немедленное и быстрое.

Необыкновенныя завоеванія Кортеза (Cortez) и Пизарре (Pizarre) въ Америкѣ, менѣе знаменитыя, но также чудесныя завоеванія Гама и Альбукерка въ Индіи,—привлекли подъ знамена этихъ по истинѣ замѣчательныхъ людей, авантюристовъ изъ всѣхъ странъ, и популяризировали мореплаваніе даже среди такихъ народовъ, которымъ оно прежде едва

было извѣстно. Новые пути требовали болѣе длинныхъ переходовъ и подвергали моряковъ болѣе серьезнымъ и болѣе многочисленнымъ опасностямъ; чтобы преодолѣть эти препятствія, начали строить болѣе прочные и болѣе вмѣстительные корабли. И дѣйствительно, для того чтобы перейти океанъ съ его бурями, чтобы пуститься въ эти длинные переходы, продолжавшіеся часто отъ шести до восьми мѣсяцевъ, необходимо было имѣть суда, способныя выдержать всѣ случайности путешествія и вмѣстить всѣ богатые грузы, которые имъ ввѣрялись. Эти длинные переходы образовали отважныхъ моряковъ и уже въ 1519 г. Фердинандъ Магелланъ могъ предпринять первое кругосвѣтное путешествіе, пройдя черезъ проливъ, которому онъ далъ свое имя, и проникнувъ черезъ него въ великій океанъ.

Между тѣмъ испанцы, съ первыхъ же временъ ихъ открытія, основали постоянныя учрежденія въ Америкѣ; португальцы основали колоніи въ восточной Азіи, и нѣсколько спустя—въ Бразиліи. Изобрѣтатели пути въ Индію и Америку имѣли притязаніе оставаться единственными собственниками своихъ открытій. Но они недолго оставались спокойными владѣльцами привилегіи, дарованной имъ папой. Въ 1595 г. Голландцы, пользуясь присоединеніемъ Португаліи къ Испаніи, съ которою онѣ были въ войнѣ,—начали плавать въ Индійскія моря и даже нападали на португальскія учрежденія. Вскорѣ послѣдовали за ними англичане, которые въ 1600 г. учредили первую восточно-индійскую компанію, которая въ 1619 г. основала городъ Батавію, на островѣ Ява. Въ слѣдующемъ году Датчане водворились на Коромандельскомъ берегу и основали тамъ факторіи, которыя долго оставались цвѣтущими.

Въ Америкѣ успѣхи были не менѣе быстры. Европейскія націи спѣшили принять свое участіе въ великомъ открытіи, обязанномъ генію Христофора Колумба.

Основаніе этихъ колоній, сохраненіе ихъ, необходимость оказывать защиту и покровительство купеческимъ кораблямъ въ отдаленныхъ моряхъ,—вынудило государей создать у себя постоянныя морскія силы. Флоты не состояли уже болѣе

какъ въ предъидущіе вѣка: изъ большихъ кораблей того времени, которые могли вмѣщать до двухъ и трехъ сотъ тоннъ, и которые считались тогда морскими колоссами. Начали строить суда достаточно вмѣстительныя для перевозки большаго числа солдатъ, необходимыхъ для охраненія заокеанскихъ крѣпостей и переселенцевъ, которые отправлялись искать счастія за океанъ, и достаточно крѣпкіе чтобы нести значительную артиллерію и чтобы держаться въ морѣ въ теченіи весьма долгаго времени. Однимъ словомъ, сами правительства должны были слѣдовать за громадными успѣхами, которые въ короткое время сдѣлали кораблестроеніе и военное искусство.

Поспѣшность, съ которою европейскіе народы основывали колоніи во всѣхъ вновь открытыхъ частяхъ земнаго шара, свидѣтельствуетъ, въ тоже время, какъ о дѣятельности морской торговли, такъ и о той цѣнѣ, которую державы придавали этимъ отдаленнымъ владѣніямъ, торговля и мореплаваніе съ которыми были оставлены исключительно за своими подданными. Всѣ сознавали въ дѣйствительности, что торговля была отнынѣ самымъ обильнымъ источникомъ богатства, силы и могущества. Къ несчастію, торговля эта, долженствовавшая быть средствомъ къ благоденствію для всѣхъ народовъ,—сдѣлалась предметомъ страшной зависти. Начали стараться всѣми способами раззорять торговыхъ соперниковъ, подобно тому какъ прежде старались побѣдить соперниковъ по могуществу. Даже самыя войны приняли оттѣнокъ коммерческій и часто имѣли причины единственно меркантильныя. Я часто долженъ былъ указывать на печальныя дѣйствія, которыя завистливое соперничество оказывало не на самое положительное право, а на его примѣненіе и на внутренніе законы. Я указывалъ, какъ Испанія, Англія, Франція и Голландія попирали самые торжественные трактаты и замѣняли ихъ несправедливыми внутренними законами, которые силою примѣняли къ народамъ слабымъ и безоружнымъ съ цѣлію раззорить торговлю этихъ народовъ, процвѣтавшихъ въ мирѣ.

Системѣ угнетенія безоружныхъ народовъ воюющими мно-

го способствовалъ одинъ фактъ, который очевидно также происхожденіемъ своимъ обязанъ торговому соперничеству. Четыре большія морскія державы всегда принимали участіе во всѣхъ войнахъ того времени, такъ что во время этихъ войнъ никогда не было въ числѣ нейтральныхъ ни одной достаточно сильной націи, которая могла бы противодѣйствовать воюющимъ и заставить ихъ уважать ихъ права и независимость. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже замѣтилъ, во время войны 1689 г, два слабые народа, датчане и шведы, утомленные *пиратскими дѣйствіями* (*actes de piraterie*) (выраженіе это было употреблено ими въ трактатѣ 1693 г.), совершавшимися англійскими, голландскими и французскими судами, — соединились и заставили великаго короля, Великобританію и надменныхъ голландскихъ купцовъ,—уважать ихъ флагъ. Для достиженія подобнаго результата, надо было, чтобы флотъ сдѣлалъ очень большіе успѣхи въ этихъ двухъ сѣверныхъ королевствахъ.

Въ теченіе только что разсмотрѣннаго нами періода, цивилизація Европы вообще и Европы западной и сѣверной въ особенности, достигла такой степени, до которой никогда не достигали ни греки, ни римляне. Достаточно назвать вѣкъ Людовика XIV, чтобы пробудить, даже въ наши дни, идеи очень передовой цивилизаціи. Сперва въ Италіи, а затѣмъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, изученіе наукъ, законовъ, литературы и искусствъ процвѣтало, поощряемое государями и вознаграждаемое самими народами. Университеты Франціи, Англіи, Испаніи и Германіи распространяли просвѣщеніе и склонность къ высшему образованію. Новѣйшіе языки, сформировавшись, получали окончательное совершенствованіе. Однимъ словомъ, цивилизація была больше и полнѣе, чѣмъ когда бы то ни было; но она была еще только поверхностная; она охватила лишь передовыя націи, высшіе классы, т. е. тѣ которые призываются управлять; но она не достигла еще классовъ среднихъ и низшихъ. Поэтому ей оставалось еще слѣлать длинный путь.

Въ международныхъ сношеніяхъ, цивилизація сдѣлала очень большіе успѣхи. Я сказалъ бы, что она была полная,

еслибы искусство дипломатіи, не было бы очень часто въ то время искусствомъ лжи и плутовства. Никогда Европа не видала болѣе ученыхъ министровъ, съ большимъ искусствомъ спорившихъ о мировыхъ интересахъ, какъ на Вестфальскомъ конгрессѣ. Никогда самые искусные законодатели, призванные своимъ государемъ, не составляли болѣе полнаго и болѣе мудраго торговаго закона какъ ордонансъ 1681 г. Я сказалъ: торговаго закона потому, что законъ этотъ, примѣняемый къ иностраннымъ подданнымъ, я не боюсь повторить, есть памятникъ тираніи и уничтоженія всѣхъ принциповъ, божескихъ и человѣческихъ.

Морской международный положительный законъ слѣдовалъ также этому быстрому и прогрессивному пути. Въ теченіе этого періода, онъ выходитъ изъ того мрака, въ которомъ онъ оставался съ начала происхожденія вѣковъ. Движеніе торговли и мореплаванія, охватившее очень большое число чуждыхъ и независимыхъ одинъ отъ другаго народовъ необходимо должно было породить многочисленныя столкновенія, поднять многіе вопросы, для которыхъ нужно было найти рѣшеніе. Въ томъ случаѣ, когда естественный инстинктъ націй не извращался какимъ нибудь интересомъ или какою нибудь другою страстью,—онъ весьма рѣдко удалялся отъ здраваго смысла и отъ принциповъ естественнаго, закона,—что съ очевидностію доказывается морскимъ международнымъ правомъ. Всякій разъ, когда націямъ приходилось устанавливать основанія этого права, въ теченіе этого періода, интересы двухъ договаривающихся націй были представляемы людьми знаменитыми, общественное настроеніе умовъ было спокойно и хладнокровно, потому что дѣло шло объ окончаніи, утомившаго всѣхъ разногласія или о предупрежденіи недоразумѣнія, послѣдствій котораго всѣ опасались. Совѣты мудрости, наставленія науки—слушались, они диктовали положительный законъ. Такимъ образомъ, этотъ законъ, въ томъ видѣ какъ онъ намъ завѣщанъ XVII столѣтіемъ, —долженъ регулировать всѣ морскія сношенія слѣдующаго столѣтія; онъ, за нѣкоторыми исключеніями, совершенно согласенъ съ естественнымъ правомъ.

ЧАСТЬ V.

Четвертый періодъ: съ Утрестскихъ трактатовъ до 1856 года. (1713—1856).

Въ теченіе этого періода, громадное развитіе промышленности, чудесныя открытія науки, непрестанные и быстрые успѣхи цивилизаціи,—дали морской торговлѣ и мореплаванію такое движеніе, которое превзошло всѣ ожиданія. Изслѣдованіе подобныхъ фактовъ не входитъ въ мой предметъ, но мнѣ дозволительно констатировать, что ни въ какую другую историческую эпоху, совершенствованіе человѣческаго ума не высказалось болѣе дѣятельнымъ; никогда сношенія между людьми, живущими на самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой частяхъ земнаго шара, не были болѣе часты и болѣе правильны; никогда, однимъ словомъ, торговля и мореплаваніе не были болѣе цвѣтущи. Если одно политическое событіе: французская революція и порожденныя ею войны, остановили на минуту этотъ чудный путь, то другое событіе, также политическое, могущественно содѣйствовало къ усиленію этого громаднаго движенія. На берегахъ двухъ морей, въ Америкѣ, Европейцы основали обширныя и цвѣтущія колоніи. Англія, Франція и Испанія—въ сѣверной Америкѣ; Испанія и Португалія—въ южной части новаго континента, завладѣли громадными странами, богатство которыхъ удивляло даже самихъ владѣльцевъ. — Большинство этихъ колоній стряхнуло съ себя иго своихъ метрополій и образовало свободныя государства. Новая Англія составляетъ въ настоящее время федеральную республику Соединенныхъ Штатовъ, одно изъ самыхъ могущественныхъ морскихъ госу-

дарствъ въ мірѣ.—Испанскія колоніи, освободившіяся полъстолѣтія спустя, раздѣлились на многія независимыя государства; наконецъ Бразилія образуетъ обширную имперію, будущность которой подаетъ самыя блестящія надежды, и которая подъ мудрымъ и успѣшнымъ управленіемъ должна скоро занять замѣтное мѣсто среди другихъ державъ.—Всѣ эти новыя націи открыли для всѣхъ флаговъ свои порта, предоставленные до того только метрополіи. События эти сдѣлались причиною громаднаго торговаго и морскаго развитія.

Открытіе двигательной силы пара, или скорѣе примѣненіе ее къ заводамъ, и въ особенности къ мореплаванію, а затѣмъ къ двигателямъ на сухомъ пути, и чудесное дѣйствіе электричества, начавшее служить для сообщеній человѣческихъ, — сблизили самыя отдаленныя одна отъ другой страны и сдѣлали легкими и пріятными такіе путешествія и переѣзды, на которые такъ недавно еще смотрѣли, какъ на опасные и почти невозможные. Успѣхи были громадные, и мы не можемъ предвидѣть, на какой степени Создателю будетъ угодно остановить путь своего созданія.

ГЛАВА I.

РАЗВИТІЕ И ИЗМѢНЕНІЕ МОРСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

ОТДѢЛЪ I.

Морское международное право во время мира.

§ 1. Консульскія учрежденія.

Мы видѣли, что въ теченіе XVI и XVII ст., консульскія учрежденія сдѣлали мало успѣховъ; тѣмъ не менѣе казалось, что онѣ должны были слѣдовать за постоянно возраставшимъ ходомъ торговли и мореплаванія. Я указалъ на двѣ причины, которыя, по моему мнѣнію, препятствовали ихъ развитію. Въ періодъ, въ который мы вступаемъ, развитіе это было гораздо быстрѣе, потому что правительства признали наконецъ безполезность права юридикціи, принадлежащаго прежде консулу, и сознали необходимость посылать подобнаго рода агентовъ во всѣ большіе торговые центры. Такимъ образомъ, я буду разсматривать консульскія учрежденія съ двухъ точекъ зрѣнія: во 1) развитіе ихъ у различныхъ народовъ; условія, которымъ они были подчинены и тѣ обязанности, которыя были возложены на консуловъ, и 2) — ихъ юридикцію.

По мѣрѣ того, какъ торговыя сношенія развивались и увлекали жителей морскихъ націй поселяться или, по крайней мѣрѣ, совершать путешествія въ иностранныя земли для занятія торговлею,—стали лучше понимать важность консульскихъ учрежденій.—Въ самомъ дѣлѣ, для людей, не знавшихъ ни обычаевъ, ни нравовъ, ни даже часто языка той

страны, куда они пріѣзжали—было очень полезно найти въ агентѣ ихъ отечества поддержку, часто даже руководителя, обязаннаго въ тоже время оказывать покровительство, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ имуществамъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сдѣлались виновными въ нарушеніи законовъ страны. Во время мира, необходимо, чтобы уполномоченный отъ страны могъ быть призванъ констатировать исполненіе предпринятаго путешествія, условія найма корабельныхъ служителей, обязанности вооруженія и плаванія; визировать или прописывать корабельные документы и даже выдавать новые; заботиться объ интересахъ отсутствующихъ; возвращать на родину тѣхъ, которые добровольно или по случайнымъ обстоятельствамъ не могли или не хотѣли этого сдѣлать. — Когда возникаетъ война, то одинаково необходимо, чтобы корабль былъ въ состояніи возвратиться въ свое отечество, не будучи подверженъ захвату или другимъ весьма раззорительнымъ задержкамъ, по недостатку требуемыхъ законами или трактатами корабельныхъ документовъ. Консулъ, назначаемый своимъ государемъ, долженъ былъ выполнять всѣ эти различныя обязанности.

Но было неизбѣжно, чтобы учрежденіе это подверглось весьма значительному измѣненію. Въ теченіе среднихъ вѣковъ и даже въ только что разсмотрѣнномъ нами третьемъ періодѣ, консулъ имѣлъ свои полномочія только отъ своего собственнаго государя.—Какъ только одно государство изъявляло свое согласіе на то, чтобы другое государство учредило консульскихъ агентовъ на его территоріи,—самая личность консула была ему безразлична; агентъ этотъ вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей по единственной волѣ своего государя и независимо отъ воли того государя, на территоріи котораго онъ долженъ былъ водвориться. Безъ сомнѣнія, этотъ послѣдній имѣлъ право отвергнуть того или другого, но онъ не могъ этого сдѣлать безъ нанесенія оскорбленія этому лицу и даже тому, кто его послалъ. Консулъ, чуждый мѣстнымъ властямъ, былъ очень часто безъ всякаго вліянія у нихъ, а иногда даже находился и во враждебныхъ съ ними отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ, онъ съ тру-

домъ могъ исполнять свои обязанности и покровительствовать своимъ соотечественникамъ.—Полагали, что было-бы полезно придать такимъ агентамъ офиціальный характеръ, признанный государемъ той страны, гдѣ они должны были исполнять свои обязанности. Для достиженія этого, требовали, чтобы агенты, ранѣе вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей, представляли-бы свои полномочія мѣстнымъ властямъ и получали отъ государя такой документъ, который признавалъ-бы ихъ въ качествѣ консуловъ: такой документъ назвали *экзекватура* (*éxequatur*). Первый торжественный актъ, упоминающій объ этой новой формальности, есть трактатъ 1769 г., заключенный между Франціей и Испаніей ([209]). Буквальныя выраженія этой конвенціи, спеціально опредѣляющей права и обязанности консуловъ обѣихъ націй, указываютъ на то, что обычай требованія экзекватуры былъ уже практикуемъ въ теченіе нѣкотораго времени. Съ тѣхъ поръ онъ практиковался всегда и разсматривается, какъ существенное право территоріальнаго государя. Право это въ дѣйствительности принадлежитъ ему потому, что на основаніи естественнаго закона онъ можетъ допустить или не допустить, единственно по своей волѣ, каждаго иностранца, который захочетъ вступить на его территорію, и что право это должно быть въ особенности примѣняемо, когда дѣло идетъ о такомъ чиновникѣ, который долженъ исполнять въ мѣстѣ его пребыванія, извѣстныя административныя обязанности.

([209]) Ст. 1-я говоритъ: «Les consuls qui seront nommés doivent être admis et reconnus réciproquement en présentant leurs provisions ou patentes de leur souverain, et en obtenant l'*éxequatur* ou dépêche d'approbation du prince chez qui ils doivent résider. Ils devront présenter les deux susdites dépêches au gouverneur ou magistrat du pays où ils doivent exercer leurs fonctions, comme on l'a pratiqué ou dû pratiquer jusqu'à présent». (Консулы, которые будутъ назначены, должны быть допускаемы и признаваемы взаимно по представленіи своихъ грамматъ или патентовъ отъ ихъ государя, и по полученіи *экзекватуры* или соизволенія отъ того государя, у котораго они должны имѣть пребываніе. Они должны представить эти два вышесказанные документа губернатору или судьѣ той мѣстности, гдѣ они должны исполнять свои обязанности, какъ это практиковалось или должно было практиковаться до настоящаго времени»). *Baron du Cussy*, «Règlements consulaires», p. 26. *de Martens* и *de Cussy*, «*Recueil*», t. I. p. 80.

Многочисленные трактаты, въ которыхъ говорилось о консулахъ—почти всѣ очень не полны; они ограничиваются однимъ только дозволеніемъ, даваемымъ каждою изъ договаривающихся сторонъ учреждать консуловъ на ея территоріи. Они не входятъ ни въ какія подробности и не опредѣляютъ ясно предметовъ вѣдомства этихъ агентовъ ([210]). Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ болѣе опредѣленны и хотя имѣютъ еще пропуски и страдаютъ часто отсутствіемъ ясности, но могутъ быть приведены, какъ образчики конвенцій этого рода. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: трактатъ *Прадо* (*de Prado*), о которомъ я уже говорилъ; трактатъ отъ 11 января 1787 г., заключенный между Россіей и Франціей; спеціальная консульская конвенція отъ 14 ноября 1788 г., заключенная между Франціей и Американскими Соединенными Штатами; трактатъ отъ 19 декабря 1819 г., заключенный между Россіей и Пруссіей; трактатъ отъ 8 мая 1827 г., заключенный между Франціей и Мексикой; и наконецъ и въ особенности конвенція отъ 23 февраля 1853 г., заключенная между Франціей и Американскими Соединенными Штатами ([211]).

Для того чтобы вполнѣ ознакомиться съ административными обязанностями, поручаемыми консуламъ, надо разсмотрѣть внутренніе законы тѣхъ народовъ, которые посылали своихъ агентовъ за границу. Въ теченіе этого періода, такихъ законовъ было издано очень много ([212]); но почти всѣ они весьма еще не полны. Законы Франціи представляютъ изъ себя цѣлое, наименѣе несовершенное; они содержатъ нѣкоторые пропуски, которые было бы легко восполнить; кромѣ того они имѣютъ серьезное неудобство, заключающееся въ ихъ многочисленности. Было-бы полезнѣе, если бы всѣ эти законы были сведены въ одинъ, который и составилъ бы полный и систематическій кодексъ, могущій служить

([210]) См. перечисленіе этихъ трактатовъ въ «Phases et causes célèbres» *du baron de Cussy*, t. I, p. 40 et suiv.

([211]) Конвенція эта приведена in extenso въ сочиненіи, которое я только что привелъ, въ примѣчаніи, стр. 131 и слѣд.

([212]) *Le baron de Cussy*, въ томъ же сочиненіи, дѣлаетъ также перечисленіе внутреннихъ законовъ и постановленій, стр. 40 и слѣд.

образцемъ для другихъ націй. Изъ этихъ законовъ и регламентовъ вытекаетъ, что консула, учрежденные въ христіанскихъ странахъ, имѣютъ многочисленныя и весьма разнообразныя обязанности. Всѣ народы въ настоящее время почти согласны относительно пространства этихъ обязанностей; достаточно будетъ сдѣлать быстрый обзоръ, основаніемъ для котораго я возьму трактаты, заключенные спеціально для регламентаціи консульствъ, а именно: трактаты: 1769 г. между Франціей и Испаніей; 1788 и 1853 г.г. между Франціей и Соединенными Штатами. Изъ внутреннихъ законовъ, я изберу французскіе, какъ самые полные.

Консулы обязаны оказывать покровительство своимъ соотечественникамъ, служить посредниками между ними и мѣстными властями; они должны заботиться объ исполненіи торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ ихъ государствомъ съ тѣмъ, въ которомъ они имѣютъ пребываніе, а также о томъ, чтобы подданные ихъ государя исполняли въ точности законы и постановленія своего отечества во всемъ что касается личности, мореплаванія и торговли. По отношенію къ торговому флоту, они обязаны слѣдить за исполненіемъ законовъ, касающихся морской полиціи, въ интересахъ экипажей, судохозяевъ и грузоотправителей. Они должны провѣрять и свидѣтельствовать всѣ корабельные документы, выдавать новые, если въ томъ встрѣчается необходимость для новыхъ путешествій. Они принимаютъ, какъ на кораблѣ, такъ и на берегу въ своей канцеляріи, донесенія, объявленія, протесты и другіе акты, касающіеся мореплаванія, аварій и всякихъ морскихъ случайностей; они составляютъ акты о гражданскомъ состояніи своихъ соотечественниковъ. Они исполняютъ также обязанности, присущіе нотаріусамъ, и принимаютъ на храненіе духовныя завѣщанія и другіе акты, которые экипажъ, пассажиры и соотечественники, живущіе на берегу, могутъ или хотятъ имъ ввѣрить. Они охраняютъ наслѣдства подданныхъ своего государя, умершихъ въ раіонѣ ихъ вѣдомства; завѣдываютъ оставшимися послѣ нихъ имуществами въ интересахъ отсутствующихъ. Консулъ имѣетъ попеченіе о спасеніи кораблей своей націи, потерпѣвшихъ крушеніе на

берегахъ, входящихъ въ предѣлы его вѣдомства, и заботится объ охраненіи правъ заинтересованныхъ лицъ. Санитарная полиція, на сколько она касается его соотечественниковъ, также входитъ въ кругъ его обязанностей. Въ случаѣ морскихъ призовъ, приводимыхъ въ порта его пребыванія, онъ долженъ выполнять первоначальныя формальности для подготовленія дѣла къ разбирательству. Въ тѣхъ государствахъ, въ настоящее время очень многочисленныхъ, гдѣ экстрадиція или выдача дезертировъ и бѣглыхъ матросовъ допускается, консулъ былъ обязанъ требовать выдачи этихъ людей и принимать мѣры къ возвращенію ихъ на родину.

По отношенію къ военному флоту, обязанности консуловъ менѣе многочисленны, но онѣ имѣютъ однакоже нѣкоторую важность. Консулъ обязанъ доводить до свѣдѣнія командировъ военныхъ судовъ всѣ обстоятельства, могущія служить на пользу государственной службы; испрашивать для нихъ аудіенціи у мѣстныхъ властей, опредѣлять совмѣстно съ командующими офицерами салюты и почести, отдаваемые и получаемые. Консулъ долженъ также оказывать содѣйствіе къ пріобрѣтенію необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и свѣжей провизіи для кораблей, и заботиться объ удовлетвореніи этихъ поставщиковъ.

Вопросъ о юридикціи, которая ввѣрялась въ древніе времена консуламъ, былъ уже затронутъ въ предъидущемъ періодѣ. Государи, во владѣніе которыхъ консулы посылались, старались отнять отъ нихъ ту власть, которая была ничто иное какъ часть ихъ собственной власти. Къ тому же, успѣхи, сдѣланные цивилизаціей у всѣхъ народовъ, уничтожали всякой предлогъ къ подобнымъ учрежденіямъ; иностранцы, какъ и туземные граждане, могли разсчитывать на безпристрастіе мѣстныхъ судей и не бояться увидѣть себя жертвами своей національности.

Движеніе это продолжалось и постепенно повело къ совершенному уничтоженію консульской юридикціи во всѣхъ христіанскихъ странахъ, не нанеся вреда дѣйствительности консульскихъ учрежденій. Такой прогрессъ, ибо въ моихъ глазахъ это есть прогрессъ,—совершился почти безмолвно; ин-

струкціи, дававшіяся государями консуламъ, которыхъ они посылали за границу, должны были быть, и въ дѣйствительности были согласны съ волею тѣхъ государей, во владѣніе которыхъ консула посылались; внутренніе законы также вступили на этотъ путь; реформа совершилась, не возбудивъ никакого серьезнаго затрудненія. Однако же нѣкоторые формальные трактаты содержатъ спеціальную отмѣну консульской юридикціи; но большинство ихъ ограничивается молчаніемъ по этому предмету. Правда, что такое молчаніе есть та же отмѣна, потому что столь существенное право не можетъ быть установлено безмолвно или подразумѣваемо. Если оно намѣренно не установлено, то значитъ оно не существуетъ.

Первый трактатъ этого періода, дѣйствительно занимавшійся консульскою юридикціею, есть трактатъ отъ 1 мая 1725 г., заключенный между Испаніей и Имперіей. Ст. 28 воспрещаетъ консуламъ присвоивать себѣ судейскія обязанности въ спорахъ, происходившихъ между ихъ соотечественниками, кромѣ только тѣхъ случаевъ, когда консула были добровольно избираемы третейскими судьями, посредниками или примирителями. Слѣдующая статья допускаетъ юрисдикцію *охранителей торговли* (*conservateurs du commerce*) только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такой судъ существуетъ уже для другихъ націй; наконецъ трактатъ постановляетъ и обѣщаетъ, что туземные суды будутъ оказывать скорое и справедливое правосудіе подданнымъ другаго государя, находящимся въ странѣ. ([213]). Трактатъ Прадо (Prado), 1769 г., требуетъ, чтобы консулы не могли вмѣшиваться въ дѣла своихъ соотечественниковъ, даже капитановъ и моряковъ, находящихся на корабляхъ, иначе какъ для улаживанія недоразумѣній посредствомъ третейскаго суда.—([214]). Здѣсь уже нѣтъ болѣе вопроса объ охранителяхъ торговли: эта юридикція была отмѣнена.

([213]) Трактатъ этотъ см. у *Dumont*, «Corps diplomatique», t. VIII, part. 2, p. 117

([214]) «Les consuls et vice-consuls ne s'ingéreront pas dans les affaires de vaisseaux de leur nation, autrement que pour accommoder par voie d'arbitrage les différends qui pourraient survenir entre le capitaine et les équipages.... Ils ne se mêleront pas autrement ni d'autre façon des différends entre les nationaux

Столь существенное право гражданской юридикціи не было однако покинуто безъ сожалѣній европейскими державами; два трактата конца XVIII ст. стараются удержать эту привилегію. Это—конвенціи, заключенныя Франціей въ 1787 г. съ Россіей и въ 1788 г. съ Американскими Соединенными Штатами. Первая, правда, допускаетъ право консула только лишь тогда, когда объ этомъ просятъ обѣ стороны; она дозволяетъ даже этимъ послѣднимъ обращаться къ правосудію мѣстныхъ судей; но рѣшеніямъ консуловъ она придаетъ исполнительную силу и предоставляетъ консуламъ право требовать общественную власть для приведенія рѣшеній въ исполненіе ([215]). Второй трактатъ выраженъ гораздо яснѣе; онъ устанавливаетъ полную и исключительную юридикцію консуловъ и воспрещаетъ мѣстнымъ судьямъ вмѣшиваться въ дѣла между французами ([216]). Эти акты

---

transuentes, que lorsque ceux-ci voudront se soumettre volontairement à l'arbitrage du consul ou vice-consul, laissant à chacun, capitaines, matelots ou nationaux *transuentes*, le droit d'avoir recours à la justice du pays». *De Martens* и *de Cussy*, «Recueil», t. I, p. 80.

([215]) Ст. 7. «Lorsque les sujets commerçants de l'une ou de l'autre des puissances contractantes auront entre eux des procés ou autres affaires à régler, ils pourront d'un commun accord s'adresser à leurs propres consuls, et les décisions de ceux—ci seront non-seulement valables et légales, mais ils auront le droit de demander, en cas de besoin, main-forte au gouvernement pour faire exécuter leurs sentences. Si l'une des parties ne consentait pas à recourir à l'autorité de son propre consul, elle pourra s'adresser aux tribunaux ordinaires de sa résidence, et toutes les deux seront tenues de s'y soumettre....» *De Martens*, «Recueil», t. IV, p. 199.

(Если торгующіе подданные той или другой изъ договаривающихся державъ будутъ имѣть между собою иски или другіе споры, то они могутъ съ общаго согласія обратиться къ своимъ собственнымъ консуламъ, и рѣшенія этихъ послѣднихъ будутъ не только дѣйствительны и законны, но консулы имѣютъ право требовать, въ случаѣ надобности, помощь отъ правительства для приведенія своихъ рѣшеній въ исполненіе.—Если одна изъ сторонъ не согласилась бы обратиться къ рѣшенію своего собственнаго консула, то она можетъ обратиться въ обыкновенные суды по мѣсту пребыванія, и обѣ стороны обязываются подчиниться имъ).

([216]) Ст. 12. «Tous différends et procés entre les sujets du roi T.—C., dans les Etats-Unis, seront terminés par les consuls et vice-consuls respectifs, soit par un rendoi devant arbitres, soit par un jugement sommaire et sans frais. Aucun officier territorial civil ou militaire ne pourra y intervenir ou prendre une part quelconque à l'affaire, et les appels des dits jugements consulaires seront portés devant les tribunaux de France, qui doivent en connâitre...» Meme recueil et vol. p. 404. (Всѣ недоразумѣнія и споры между подданными короля, въ Соединенныхъ Шта-

болѣе не существуютъ; они были замѣнены трактатами, которые всѣ отказали консуламъ въ судебной юридикціи. Нѣкоторые внутренніе законы также старались, въ теченіе долгаго времени, удержать за консулами права, которыя не имѣли уже причины существовать. Я ограничусь указаніемъ на французскіе законы. Эдиктъ 1778 г., во 2-ой его статьѣ воспрещаетъ каждому французу, поселившемуся за границей, обращаться къ мѣстнымъ судьямъ для отысканія правосудія въ спорахъ съ французами-же ([217]). Эдиктъ этотъ оставался въ силѣ до 1814 г., но онъ не могъ получить примѣненія по этой статьѣ.—Права французскихъ консуловъ за границей, въ настоящее время опредѣляются ордонансами 1833 г., дополненными особой инструкціей, утвержденной королемъ въ томъ же году.—Законодательство это, самое полное, какое когда либо существовало, не оставляетъ никакого сомнѣнія по вопросу о юридикціи консуловъ въ христіанскихъ странахъ; консулы не имѣютъ болѣе права судить, они могутъ дѣйствовать только какъ примирители.—Этотъ предѣлъ консульскихъ правъ былъ принятъ всѣми другими народами, кромѣ мусульманскихъ. — Я займусь, въ концѣ этого періода, консульствами въ этихъ послѣднихъ державахъ.

Есть однако одинъ спеціальный родъ юридикціи, который Франція всегда требовала для своихъ консуловъ заграницей,

---

тахъ, должны быть окончиваемы консулами и вице-консулами, или посредствомъ отсылки ихъ въ третейскій судъ, или посредствомъ краткаго (sommaire) и дароваго суда. Никакой мѣстный гражданскій чиновникъ или военный офицеръ не можетъ въ это вмѣшиваться или принимать какое бы то ни было участіе въ дѣлѣ,—и апелляціонное обжалованіе означенныхъ консульскихъ рѣшеній должно быть приносимо въ суды Франціи, которые должны ихъ вѣдать).

([217]). Эдиктъ, изданный въ іюнѣ 1778 г., содержащій постановленія о судебныхъ обязанностяхъ консуловъ, и пр. говоритъ, ст. 2: «Faisons trés-éxpresses inhibitions et défenses à nos sujets voyageant soit par terre, soit par mer, ou faisant le commerce dans les pays étrangers, d'y introduire, pour quelque cause que ce puisse étre, nos autres sujets devant les juges ou autres officiers des puissances étrangères, à peine de 1500 livres d'amende....» Тоже собраніе, t. II, p. 632. (Объявляемъ очень строгое запрещеніе нашимъ поданнымъ, путешествующимъ или на сушѣ, или на морѣ, или производящимъ торговлю въ иностранныхъ государствахъ, требовать по какому бы то ни было дѣлу, нашихъ другихъ поданныхъ къ судьямъ или другимъ чиновникамъ иностранныхъ государствъ, подъ страхомъ 1500 ливровъ штрафу).

и который она всегда предлагала, по началамъ взаимности, другимъ націямъ. Она утверждаетъ, и по моему мнѣнію основательно, что каждый фактъ, каждый проступокъ, даже каждое преступленіе, совершенное на бортѣ французскаго корабля, противъ капитана или всякаго другаго, находящагося на кораблѣ, остается подсуднымъ французской юридикціи, и что консулъ одинъ имѣетъ право произвести первоначальныя слѣдственныя дѣйствія и отослать обвиняемаго въ подлежащій французскій судъ. Это есть слѣдствіе принципа *территоріальности* корабля. Фактъ, совершенный на кораблѣ французомъ или другимъ лицомъ, находящимся на кораблѣ, безъ всякой связи съ иностранною страною и его жителями—считается совершеннымъ на частицѣ французской территоріи, т. е. во Франціи; поэтому, одни только французскіе суды—компетентны судить виновнаго. Мнѣніе государственнаго совѣта 1806 г. совершенно опредѣлило эту спеціальную юридикцію, которая и была включена въ ордонансъ 1833 г., но только на столько, на сколько нація, владѣтельница территоріи это позволитъ. Ордонансъ, въ дѣйствительности, рекомендуетъ консулу употребить всѣ усилія, чтобы получить признаніе этого права, подъ условіемъ взаимности. Въ настоящее время большинство государствъ приняло этотъ принципъ относительно Франціи. Консулы этой державы имѣютъ полную юридикцію относительно всѣхъ дѣйствій, происходящихъ на корабляхъ ихъ націи, между лицами, находящимися на этихъ корабляхъ, и не имѣющими никакой связи съ территоріей и ея обитателями. Консулы одни должны вѣдать, помимо всякой другой мѣстной юридикціи, всѣ ссоры и недоразумѣнія, могущія возникнуть между людьми экипажа французскаго корабля, въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, которыя будутъ имъ ввѣрены французскимъ правительствомъ. ([218]). Наконецъ на консуловъ возлагается внутренняя полиція на всѣхъ купеческихъ корабляхъ ихъ націи. Но эта юридикція еще не вполнѣ принята въ сношеніяхъ другихъ народовъ между собою.

([218]) См. трактатъ отъ 23 февраля 1853 г. между Франціей и Американскими Соединенными Штатами, ст. 8.

Одинъ французскій, очень недавній законъ ([219]), изданный въ такой моментъ, когда верховной власти было очень трудно изслѣдовать или даже поручить изслѣдовать постановленія, представленныя на ея утвержденіе—установилъ учрежденіе особаго морскаго исправительнаго суда на берегу, при французскихъ консулахъ заграницей. Эта идея, положенная неумѣлою рукою въ проэктъ, принятый безъ провѣрки,—была противна самымъ элементарнымъ понятіямъ о международномъ правѣ. Морскіе консульскіе суды никогда не дѣйствовали.—Тяжело, среди наименѣе несовершеннаго въ мірѣ спеціальнаго законодательства, найти законъ, который какъ бы обвиняетъ французскаго законодателя въ незнаніи основныхъ принциповъ международнаго закона.

Все, только что мною сказанное примѣняется къ консульствамъ въ христіанскихъ странахъ. Для консульствъ, которые учреждались въ мусульманскихъ государствахъ, на берегахъ Средиземнаго моря, международное законодательство не измѣнялось со времени учрежденія первыхъ консуловъ. Древнія капитуляціи, или не подверглись совсѣмъ, или подверглись весьма незначительнымъ измѣненіямъ. Консульская юридикція существуетъ не только по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ, но даже по дѣламъ исправительнымъ и уголовнымъ; предѣлы ее опредѣляются единственно государемъ консула. Всѣ народы, занимающіеся торговлею, имѣютъ консуловъ, облеченныхъ подобными полными и широкими полномочіями во всѣхъ приморскихъ городахъ на востокѣ, въ существующихъ еще государствахъ на сѣверномъ берегу Африки, въ Египтѣ, и въ другихъ государствахъ турецкаго императора. Франція, какъ я уже сказалъ выше, къ прежнимъ консульскимъ учрежденіямъ, прибавило консульства, учрежденныя въ Китаѣ, въ государствахъ Маскатскаго имама. Одинъ законъ, изданный въ 1858 г. на основаніи трактата, заключеннаго между Франціей и Персидской имперіей, ставитъ консульства, учрежденныя въ этой послѣдней имперіи въ тотъ же классъ; онъ присоединяетъ также сюда консульства, могущія быть учре-

---

([219]) См. дисциплинарный декретъ торговаго флота отъ 23 марта 1852 г.

жденными въ Кохинхинѣ. Для этой націи, гражданская и уголовная юридикція консуловъ въ вышепоименованныхъ странахъ, опредѣлена постановленіями: эдикта отъ іюня 1778 г., законовъ: 28 мая 1836 г. и 1852 г. Съ нѣкотораго времени, мусульманскія государства употребляютъ весьма послѣдовательныя усилія къ тому, чтобы измѣнить старинныя капитуляціи и отмѣнить юридикцію консуловъ.

Таковы, въ дѣйствующемъ законодательствѣ различныхъ народовъ и на основаніи актовъ международнаго права, полномочія, ввѣряемыя консуламъ. Они должны, кромѣ того, посредствомъ частыхъ и точныхъ донесеній, увѣдомлять свое правительство о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть какое-бы то ни было вліяніе на торговлю, мореплаваніе и даже на политическія отношенія обѣихъ странъ. Эти обязанности очень многочисленны и очень разнообразны; онѣ требуютъ отъ тѣхъ, кто долженъ ихъ исполнять—спеціальнаго и очень обширнаго образованія. Во Франціи существуетъ очень небольшое число семействъ, которыя посвящаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ исключительно этой карьерѣ, и въ которыхъ традиціи были почти наслѣдственны. Было-бы желательно, чтобы этотъ пробѣлъ былъ восполненъ учрежденіемъ спеціальной школы, въ которой молодые люди, предназначающіе себя для занятія консульскихъ мѣстъ, могли бы найти образованіе достаточно полное для того, чтобы имѣть возможность выполнять съ успѣхомъ миссію, безъ сомнѣнія прекрасную, но очень трудную, и оказать своимъ согражданамъ и всему государству тѣ услуги, которыя они въ правѣ ожидать отъ представителей Франціи заграницей.

§ II. *Право кораблекрушенія.*
(*Droit de naufrage*).

Уже давно это печальное право было отмѣнено; даже нельзя бы было дать названіе права—разграбленію вещей, принадлежащихъ несчастнымъ, потерпѣвшимъ крушеніе, потому что всѣ державы отказались отъ этихъ постыдныхъ

доходовъ; всѣ государства оказывали покровительство жертвамъ бури и возвращали имъ остатки ихъ имуществъ, спасенныхъ изъ волнъ. Самыя строгія наказанія даже были объявлены законами всѣхъ народовъ, противъ тѣхъ, кто завладѣвалъ имуществами, потерпѣвшими крушеніе или даже противъ тѣхъ, кто ихъ скрывалъ. Тѣмъ не менѣе, никакъ не могли убѣдить прибрежныхъ жителей, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, что выброшенные на берегъ остатки, товары и всякаго рода предметы, вытащенные изъ моря,—не были собственностію того, кому удавалось овладѣть ими. Въ теченіе этого послѣдняго періода, успѣхи образованія, проникшіе во всѣ классы населенія, и въ особенности мѣры, принятыя правительствами, достигли полнаго торжества надъ этимъ варварскимъ обычаемъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одной цивилизованной страны, въ которой несчастныя жертвы ярости волнъ не были бы увѣрены встрѣтить помощь и покровительство. Консулъ той націи, къ которой принадлежитъ корабль потерпѣвшій крушеніе, или, за неимѣніемъ консула, мѣстная власть обязана заботиться объ охраненіи правъ отсутствующихъ; спасенныя вещи, или ихъ стоимость, старательно охраняются и возвращаются собственнику, который явится за ними въ теченіе одного года. По прошествіи этого срока, вещи эти поступаютъ въ казну или въ пользу спасшихъ ихъ.

§ III. *Трактаты о торговлѣ и мореплаваніи.*

Указанное мною въ соотвѣтствующемъ параграфѣ предъидущаго періода развитіе продолжалось въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Всѣ цивилизованныя націи міра соединены въ настоящее время между собою торговыми трактатами. Весьма полезно взглянуть на главнѣйшія постановленія, которыя сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ составными частями положительнаго закона. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, не имѣютъ прямаго отношенія къ торговлѣ и мореплаванію, но онѣ устанавливаютъ сближеніе между различными народами, и слѣдовательно должны были содѣйствовать къ учащенію торговыхъ и морскихъ сношеній.

Во всѣхъ европейскихъ націяхъ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ, иностранецъ, поселившійся въ странѣ подлежалъ особому, специальному съ нимъ обращенію, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; если онъ умиралъ, его наслѣдство поступало частію, а иногда даже и цѣликомъ въ казну, или по меньшей мѣрѣ облагалось весьма значительными налогами. Права казны на наслѣдство иностранца (droits d'aubaine), клевета и тому подобное, безпрестанно поражали иностранца и удаляли его отъ той земли, которая не была для него землею отечества. Начиная съ 1767 г. Франція подала примѣръ болѣе либеральнаго, болѣе человѣчнаго образа дѣйствій; она поняла, что обращеніе съ иностранцемъ, поселившимся въ странѣ, какъ съ своимъ гражданиномъ составляетъ хорошую политику. Она согласилась на заключеніе одного трактата, которымъ она отмѣнила всѣ права, тяготѣвшія надъ иностранцами, пребывающими во Франціи. Она пошла еще далѣе, она предложила эту уступку всѣмъ націямъ, которыя пожелали бы обезпечить такое же обхожденіе тѣмъ изъ ея подданныхъ, которые захотѣли-бы поселиться на ихъ территоріи. Однакоже XVIII ст. видѣло только очень небольшое число формальныхъ актовъ, санкціонировавшихъ эту статью, по истинѣ достойную той націи, которая ее предложила. Войны, поднявшія часть Европы противъ Франціи, съ 1793 по 1814 г. остановили это движеніе; но лишь только миръ былъ возстановленъ, идея эта вернулась съ бо̀льшею силою а главное съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Положительный законъ XIX ст. оцѣнилъ по справедливости всѣ эти непомѣрныя пошлины; онъ отмѣнилъ права, стѣснявшія иностранцевъ. Въ настоящее время всѣ европейскія націи связаны между собою трактатами, которые обезпечиваютъ ихъ подданнымъ, находящимся за границей, такое же гражданское обхожденіе какъ и самимъ гражданамъ той страны, въ которой они находятся. Стараніе добиться этихъ важныхъ уступокъ отдѣльными конвенціями, было очень большое; въ одномъ 1818 г. было заключено четыре.

Другое постановленіе, которое послѣ возстановленія мира

сдѣлалось почти общимъ среди европейскихъ націй, есть экстрадиція или выдача преступниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что экстрадиція, принятая положительнымъ закономъ, можетъ касаться только тѣхъ преступниковъ, которые обвиняются въ преступленіяхъ противъ общаго права и при томъ точно опредѣленныхъ въ актахъ. Экстрадиція не можетъ, ни въ какомъ случаѣ примѣняться къ лицамъ, обвиняемымъ въ простыхъ проступкахъ (delits), ни даже къ тѣмъ, которые преслѣдуются за преступленія политическія. Выдача морскихъ дезертировъ еще болѣе общепринята морскими націями.

Въ предъидущей части мы замѣтили, что почти всѣ торговые трактаты, заключенные въ теченіе XVII ст. содержали одну спеціальную статью, которая, предусматривая случай разрыва между двумя договаривающимися сторонами, предоставляла подданнымъ одной изъ нихъ, поселившимся у другой, достаточно долгій срокъ для того, чтобы выѣхать и увезти свои имущества, или располагать ими по своему желанію и съ полною свободою. Мы видѣли, что эти, столь мудрыя и человѣчныя статьи, были почти всегда нарушаемы подъ тѣмъ предлогомъ, что война разрывала всѣ принятыя воюющими на себя обязательства, всѣ трактаты, заключенные съ націей, сдѣлавшейся врагомъ. Болѣе просвѣщенная политика европейскихъ націй, заставляла ихъ, не только продолжать включать это условіе во всѣ трактаты, заключенные въ теченіе четвертаго періода, но еще и исполнять его добросовѣстно. Онѣ пошли даже далѣе: онѣ приняли въ формальныхъ актахъ одно постановленіе, на основаніи котораго, въ случаѣ разрыва между двумя сторонами, подданные одной изъ нихъ, живущіе у другой, имѣли свободу оставаться на территоріи, сдѣлавшейся непріятельскою и нашли бы тамъ полное покровительство для продолженія своихъ дѣлъ, —подъ единственнымъ условіемъ, согласоваться съ законами страны и не злоупотреблять полученнымъ ими гостепріимствомъ. Война которую Англія, Франція и Сардинія вели съ Россіей доставила этимъ державамъ случай сдѣлать примѣненіе этого постановленія. Подданные, которые съ той и съ другой стороны, находили удобнымъ оставаться на непріятельской тер-

риторіи, продолжали быть третируемы также, какъ и во время мира.

Одинъ родъ трактатовъ, почти неизвѣстный до XIX ст., который однако, увеличивъ и облегчивъ сношенія народовъ, могущественно содѣйствовалъ къ развитію торговли,—почтовыя конвенціи сдѣлались очень многочисленны съ четверть столѣтія тому назадъ.

У всѣхъ народовъ, морская торговля обложена пошлинами, взимаемыми въ пользу націи-собственницы того порта, въ которомъ торговля ведется. Эти пошлины главнымъ образомъ суть двухъ родовъ. Однѣ взимаются за ввозъ или вывозъ извѣстныхъ произведеній, и извѣстны подъ названіемъ таможенныхъ. Другія, называемыя навигаціонными пошлинами, падаютъ на самый корабль. Таможенныя и навигаціонныя пошлины не всегда одинаковы для всѣхъ націй; часто, въ особенности столѣтіе тому назадъ, существовали большія различія въ обращеніи, которое оказывалось различнымъ флагамъ.

Трактаты, за весьма рѣдкими исключеніями, не опредѣляютъ размѣръ пошлинъ, какъ таможенныхъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. взимаемыхъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ, такъ и лоцманскихъ, якорныхъ, портовыхъ, доковыхъ, привальныхъ и другихъ, подразумѣваемыхъ подъ общимъ названіемъ навигаціонныхъ пошлинъ. Опредѣленіе это предоставлялось внутреннимъ законамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ тарифовъ. То, чего торговые народы желаютъ въ особенности — это добиться обхожденія съ ними (traitement) если не болѣе благопріятнаго, то по крайней мѣрѣ равнаго съ тѣмъ, какое оказывается другимъ народамъ, занимающимся тою-же торговлею. Желаніе это продиктовало одну спеціальную статью, которая находится во всѣхъ почти торговыхъ трактатахъ, а именно: *«быть третируемымъ какъ самая благопріятствуемая нація»* (*«d'être traité comme la nation la plus favorisée»*), т. е. не подлежать платежу никакой другой или бо̀льшей пошлины, чѣмъ та, которая взимается съ націи, платящей наименьшій размѣръ. Это условіе было включаемо почти во всѣ торговыя конвенціи, заключенныя болѣе

чѣмъ за сто лѣтъ, такъ что всѣ торговыя націи оказываются третируемыми въ иностранныхъ портахъ на основаніи совершеннаго равенства. Надо замѣтить, что условіе: быть третируемымъ, какъ самая благопріятствуемая нація, относится только къ преимуществамъ, существующимъ въ моментъ подписанія трактата, а не къ тѣмъ, которыя могли бы быть предоставлены впослѣдствіе другому народу, безвозмездно или взамѣнъ какихъ нибудь новыхъ уступокъ.

Кюсси (de Cussy) думаетъ, что статья, о которой я говорю, должна предоставить націи, получившей ее, всѣ преимущества, которыя могутъ быть предоставлены въ будущемъ другому народу, если только онѣ не были пріобрѣтены посредствомъ условія тягостнаго, т. е. взамѣнъ территоріи или какихъ нибудь спеціальныхъ привилегій. Я не могу раздѣлять такого мнѣнія; постановленіе это должно быть разсматриваемо въ тотъ самый моментъ, когда оно установлено; оно примѣняется ко всему, что существовало въ этотъ моментъ, но оно не можетъ распространяться на то, что можетъ наступить впослѣдствіи. Такое толкованіе подтверждается большимъ числомъ новѣйшихъ трактатовъ, въ которыхъ договаривавшіяся стороны, желая предупредить неравенство третированія, могущее возникнуть впослѣдствіе,— условились: «не предоставлять другимъ націямъ никакой особой льготы, относящейся къ торговлѣ и мореплаванію, безъ того, чтобы эта льгота не сдѣлалась-бы немедленно общею для той и другой изъ сторонъ, которая будетъ пользоваться ею безвозмездно, если уступка была безвозмездная, и которая предложитъ тѣ же вознагражденія, если уступка была сдѣлана подъ извѣстнымъ условіемъ» ([220]).

Статья эта, сдѣлавшаяся въ настоящее время общею, мнѣ кажется представляетъ большія преимущества; она обезпечиваетъ одинаковую свободу торговли для всѣхъ народовъ, и

([220]) См. 16 мая 1832 г. Соединенные Штаты и Чили, ст. 2; *de Martens* и *de Cussy*, «Recueil», t. IV, p. 343. Почти всѣ трактаты, заключенные Соединенными Штатами съ новыми республиками, основанными въ Америкѣ, содержатъ эту статью, но за исключеніемъ преимуществъ, предоставленныхъ другимъ государствамъ, образовавшимся изъ остатковъ прежней испанской имперіи въ этихъ странахъ.

могущественно содѣйствуетъ развитію мореплаванія и промышленности у наименѣе могущественныхъ націй, которыя вслѣдствіе своей слабости, имѣли менѣе возможности добиться благопріятныхъ торговыхъ условій для того, чтобы бороться противъ болѣе сильныхъ государствъ.

Въ большомъ числѣ трактатовъ находимъ одну статью, которая имѣетъ большую аналогію съ тою статьею, о которой я только что сказалъ, а именно: *«быть третируемымъ, какъ сами туземцы»* (*«d'être traité comme les nationaux eux-mêmes»*). Вообще, она примѣняется къ навигаціоннымъ пошлинамъ, а не къ таможеннымъ. Однако-же она употреблена въ нѣкоторыхъ актахъ для того, чтобы уничтожить дифференціальныя пошлины, требуемыя на нѣкоторые товары, когда эти послѣдніе ввозятся на иностранныхъ корабляхъ. Есть даже нѣкоторые трактаты, но въ очень небольшомъ числѣ, которые устанавливаютъ совершенное равенство для таможенныхъ пошлинъ между судами иностранными и туземными. Иногда одинъ и тотъ-же актъ содержитъ два постановленія: *третированіе какъ самой благопріятствуемой націи* (*traitement de la nation la plus favorisée*) и *третированіе національное, туземное* (*traitement national*). Такое двойное условіе не содержитъ въ себѣ ни противорѣчія, ни плеоназма, потому что, какъ я только что сказалъ, оно примѣняется къ различнымъ пошлинамъ.

Въ нѣкоторыхъ трактатахъ, договаривающіяся стороны ограничиваются установленіемъ совершенной взаимности. Эта статья должна въ особенности относиться къ навигаціоннымъ пошлинамъ, такъ какъ очень рѣдко, чтобы два народа привозили одинъ къ другому товары одинаковаго рода, и слѣдовательно взаимность не могла бы примѣняться къ таможеннымъ пошлинамъ, по крайней мѣрѣ безъ подробнаго обозначенія этихъ пошлинъ, примѣняемыхъ къ каждому роду товаровъ, для установленія равенства;—или безъ отмѣны всѣхъ пошлинъ. Такое обозначеніе существуетъ только въ очень небольшомъ числѣ актовъ, и никогда не имѣло, я полагаю, цѣлью исполненіе статьи о взаимности.

Со времени Вѣнскаго конгресса, одинъ родъ торговли, су-

ществовавшій уже нѣсколько вѣковъ никогда не обращая на себя вниманіе народовъ,—торговля африканскими рабами, называемая *торгъ неграми* (*traite des nègres*), далъ мѣсто очень большому числу трактатовъ. Необходимо изслѣдовать ихъ тщательно, потому что они живо интересуютъ морскую независимость народовъ, потому что они имѣли уже важныя послѣдствія и грозятъ имѣть еще болѣе важныя ([221]).—Я не буду разъискивать, какая была цѣль той державы, которая употребляла коварство и насиліе для того, чтобы заставить морскія націи вступить на этотъ путь. Было ли это, какъ она громко провозгласила, интересъ человѣколюбія и религіозное рвеніе? Не было ли это скорѣе въ эгоистичныхъ и очень искусно разсчитанныхъ интересахъ ея морскаго могущества и ея торговли? Этотъ вопросъ не входитъ въ мой предметъ; онъ будетъ легко разрѣшенъ всякимъ, кто захочетъ изучать съ небольшимъ стараніемъ, факты, трактаты и въ особенности исполненіе трактатовъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда Европа только что окончила долгія и жестокія войны противъ Франціи, Великобританія, объятая прекраснымъ, филантропическимъ рвеніемъ къ страданіямъ негровъ, покупаемыхъ на африканскихъ берегахъ и перевозимыхъ въ европейскія колоніи въ Америку,—предложила собравшимся представителямъ Европы, уничтоженіе торга черными. — Продолжительныя конференціи происходили въ 1817 и 1818 гг., какъ въ Лондонѣ, такъ и въ хенѣ Асъ цѣлію изысканія дѣйствительнаго средства къ достиженію цѣли, предложенной Англіей и желаемой, по крайней мѣрѣ по наружности, всѣми народами. — Лордъ Кэстльри (Castelreagh) не находилъ никакого другаго средства, какъ уполномочить всѣ суда, плавающія въ тѣхъ во-

([221]) О злоупотребленіяхъ и насиліяхъ, совершенныхъ англійскими крейсерами противъ всѣхъ націй, подъ предлогомъ уничтоженія торга, см. *le baron F. de Cussy*, «Phases et causes célèbres». liv. II. ch 31, и именно взятіе трехъ американскихъ кораблей, многихъ французскихъ наконецъ, и въ 1850 г. взятіе и сожженіе бразильскаго корабля «*Santo-Cruz*», уничтоженнаго въ самыхъ Бразильскихъ водахъ. См. также мое сочиненіе «Des droits et des devoirs des nations neutres», titre II, *de la visite*, ch. I, sect. 2, t. III. (2-e edit).

дахъ, въ которыхъ ведется торгъ, производить осмотръ (подъ осмотромъ благородный лордъ разумѣлъ какъ осмотръ, такъ и розыскъ въ томъ видѣ, какъ я опредѣлилъ въ предъидущей части); захватывать тѣ суда, которыя могли казаться подозрѣваемыми въ занятіи запрещенною торговлею и судить ихъ особою смѣшанною коммисіею, спеціально учреждаемою для этой цѣли. Средство это было искусно; оно отдавало въ руки Великобританіи право полиціи надъ всѣми флотами вселенной, потому что эта держава, по числу своихъ крейсеровъ, была увѣрена въ томъ, что будетъ имѣть самое большое участіе въ репрессивныхъ мѣрахъ и будетъ предписывать свои законы всѣмъ народамъ, которые подписали бы подобный трактатъ.

Россія и Австрія слабо и медленно, Пруссія и въ особенности Франція съ большою энергіею отказались принять такой странный способъ обузданія.—Записка герцога Ришелье, французскаго уполномоченнаго на Ахенскомъ конгрессѣ — весьма замѣчательна. Онъ безусловно отвергаетъ право осмотра въ мирное время, захватъ и судъ смѣшанной коммиссіи, — какъ дѣйствія противныя основнымъ принципамъ международнаго права и посягающія на достоинство и независимость народовъ.—Лордъ Кэстльри въ своемъ отвѣтѣ не упустилъ указать на то, что̀ происходитъ во время войны относительно осмотра нейтральныхъ кораблей, ихъ захвата и суда трибуналами воюющихъ (222). Отказъ Франціи и Пруссіи помѣшалъ осуществленію этой попытки. Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1817 г., Голландія, Португалія и Испанія заключили трактаты подобнаго рода съ Англіей.

Великобританія не покинула свой проэктъ; она снова подняла этотъ вопросъ на Веронскомъ конгрессѣ, въ 1823 г., но также безъ успѣха. Французскій уполномоченный, Г. де Шатобріанъ (M. de Chateaubriant) снова воспротивился принятію предложенныхъ мѣръ. Но если Англія не имѣла успѣха

---

(222) См. *de Martens*, nouveau suppl. au rec., p. 48 и 96. Трактатъ 1823 г. между Голландіей и Англіей также помѣщенъ въ новомъ дополненіи, t. I, p. 612 и протоколы Веронскаго конгресса въ томъ же томѣ, стр. 599 и слѣд.

съ этой стороны, то она затягивала цѣпи, наложенныя ею на тѣ народы, которыя поддавались на ея рѣчи, или которые уступали ея угрозамъ. Трактатъ отъ 25 Января 1823 г. идетъ въ своихъ постановленіяхъ до того, что опредѣляетъ внутреннее расположеніе корабля, который по этому только одному, хотя бы у него никогда не было ни одного негра, долженъ подлежать осужденію, какъ виновный въ преступленіи торга. Наконецъ Франція въ 1831 г. также согласилась на заключеніе трактата о взаимномъ осмотрѣ; трактатъ этотъ былъ возобновленъ и дополненъ въ 1833 г. ([223]). Въ 1841 г. новый трактатъ былъ заключенъ между обѣими державами для расширенія и усиленія постановленій трактата 1833 г. Но уступая энергическому порицанію законодательныхъ палатъ, французское правительство отказалось ратификовать его. Наконецъ въ 1845 г. послѣдній трактатъ ограничилъ право иностранныхъ крейсеровъ простымъ изслѣдованіемъ флага (enquête de pavillon), т. е. удостовѣреніемъ, что встрѣченный корабль дѣйствительно принадлежитъ къ той націи, флагъ которой онъ несетъ. Если встрѣченный и признанный принадлежащимъ другой державѣ корабль подозрѣвался въ занятіи запрещенною торговлею, то о такомъ кораблѣ должно быть сообщено крейсеру его собственной страны. Англія достигла согласія почти всѣхъ морскихъ націй Европы и Америки на принятіе ея очень искусной системы. Одни Соединенные Штаты упорствовали и отказывались согласиться на производство осмотра въ мирное время, какъ на дѣйствіе посягающее на независимость націи.

Насколько подобаетъ человѣку и христіанину, я порицаю торговлю, извѣстную подъ названіемъ торгъ неграми; я разумѣю рабство противнымъ человѣколюбію и священнымъ принципамъ нашей святой религіи; но какъ писатель, какъ человѣкъ и какъ христіанинъ, я не могу не порицать, громко и энергично, средство предложенное Англій и принятое другими націями для уничтоженія этой торговли. Прежде всего,

([223]) См. трактатъ 1831 г., *de Martens*, «Nouveau recueil», t. IX, p. 547. Трактатъ 1833 г. помѣщенъ вслѣдъ за нимъ.

употребляемое средство совершенно безсильно. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтній опытъ достаточно доказалъ это. Но если бы оно было столь-же дѣйствительно, какъ оно было безуспѣшно, то и тогда оно должно бы было быть отвергнуто, потому что оно противно всѣмъ принципамъ естественного права и положительнаго закона, потому что оно создаетъ посягательство на существенную независимость народовъ. Въ моихъ глазахъ, было бы предпочтительнѣе видѣть, чтобъ гнусная торговля неграми продолжала существовать, чѣмъ стараться уничтожить ее такими мѣрами, которыя наносятъ смертельный ударъ правамъ всѣхъ народовъ. Я мало придаю значенія всѣмъ тираническимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ англійскіе крейсеры были обвиняемы; я полагаю, что онѣ, какъ и тѣ жестокости, въ которыхъ обвиняютъ людей, занимающихся торгомъ, слишкомъ преувеличены. Но по крайней мѣрѣ, послѣднее преувеличеніе было извинительно: оно исходило изъ чувства національнаго достоинства, оскорбленнаго несправедливыми мѣрами; тогда какъ первое никогда не имѣло въ основаніи никакой другой побудительной причины, кромѣ интереса эгоистичнаго и дурно замаскированнаго подъ двойной мантіей религіи и человѣколюбія.

Право осмотра было создано положительнымъ правомъ въ пользу воюющихъ только для того, чтобы дать имъ дѣйствительное средство къ осуществленію ихъ права войны. Внѣ войны—право это не существуетъ; оно не можетъ существовать. Къ тому же, торговля неграми можетъ быть преступленіемъ къ глазахъ христіанскихъ націй, религія которыхъ осуждаетъ рабство; но торговля эта не составляетъ преступленія для мусульманъ, догматы которыхъ различны.—Христіанскія государства сами суть единственные судьи надъ своею совѣстью; онѣ могутъ или отрицать, или допускать рабство, по своему желанію, и никакая другая нація, даже сама Англія, не можетъ имѣть права вмѣшиваться въ ихъ рѣшеніе. Торгъ неграми, поэтому, не составляетъ преступленія абсолютнаго; онъ есть преступленіе чисто относительное; тотъ, кто занимается этимъ торгомъ, виновенъ, относительно людей, только передъ своимъ государемъ, если онъ

запретилъ подобную торговлю. Это есть посягательство не международнаго, а только внутренняго права относительно тѣхъ государствъ, которыя придаютъ ему такой характеръ. Поэтому, надлежало бы оставить каждому народу заботу обуздывать нарушенія его собственныхъ законовъ, совершенныя его собственными подданными. Это средство имѣло бы большую дѣйствительность, если бы, какъ утверждали, всѣ націи имѣли глубокое отвращеніе къ торгу неграми, если бы всѣ его запрещали. Въ дѣйствительности, было бы достаточно, чтобы всѣ государства закрыли свои порта для негритянскихъ кораблей и строго наказывали бы тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые служили бы на такихъ корабляхъ; тогда эта торговля прекратилась бы естественно и очень быстро.—Этого именно и хотѣли Россія и Австрія на Ахенскомъ конгрессѣ, совѣтуя подождать опредѣленіемъ средствъ исполненія до тѣхъ поръ, пока будетъ получено согласіе всѣхъ заинтересованныхъ народовъ.

Но это было не то, чего желала держава, изобрѣвшая этотъ вопросъ. Она имѣла сокровенную цѣль, которую это средство, столь простое и дѣйствительное, не могло выполнить. Право полиціи надъ всѣми флотами вселенной было гораздо болѣе желательно для нее, чѣмъ быстрое уничтоженіе торга неграми, достигнуть котораго она мало заботилась потому, что сама занималась этимъ торгомъ въ большихъ размѣрахъ, удовлетворяясь называть *охотниками* (*engagés volontaires*) тѣхъ, которыхъ до того называли *рабами* (*esclaves*).

Въ международномъ правѣ, осмотръ (visite), самый простой, именно тотъ, который во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія слѣдовало бы называть *изслѣдованіемъ флага*, (*enquête du pavillon*)—есть въ мирное время посягательство на независимость народовъ; что касается обыска, разрѣшаемаго многими трактатами, касающимися торга неграми, то онъ еще болѣе ненавистенъ. Подъ вліяніемъ французскаго общественнаго мнѣнія, которое такъ энергично высказалось противъ трактата 1841 г., составители конвенціи 1845 г. чувствовали всю справедливость того, что я высказываю. Ихъ трудъ доказываетъ даже это: ничего нѣтъ болѣе не яснаго, болѣе

запутаннаго, какъ эта редакція; между тѣмъ, она составлена на французскомъ языкѣ, т. е. на языкѣ самомъ ясномъ, самомъ положительномъ, на языкѣ по преимуществу дипломатическомъ. Ст. 8, главная изъ всего трактата и единственная въ которой говорится объ этой мѣрѣ, не произноситъ слово *осмотръ* (*visite*), ни даже *изслѣдованіе флага* (*enquête de pavillon*); она покоится на разсужденіяхъ гипотетическихъ. Составители этого акта предполагаютъ, что торгъ неграми часто сопровождается тиранствомъ, преступленіемъ опаснымъ для всѣхъ народовъ; предположеніе, которое было бы трудно доказать; они опасаются, что французскимъ и англійскимъ флагами часто злоупотребляютъ иностранцы для занятія торгомъ неграми, или *всякой другой недозволенной торговлей* (*tout autre commerce illicite*); но они не опредѣляютъ тотъ родъ торговли, который самъ по себѣ, былъ бы не дозволенъ съ точки зрѣнія международной; я не думаю, чтобы существовалъ хотя бы одинъ такой родъ. Наконецъ, составители трактата выводятъ изъ этихъ гипотезъ заключеніе, что если флагъ корабля будетъ, *primâ facie* (слогъ англійской канцеляріи) служить признакомъ національности, то такое предположеніе недостаточно для того, чтобы воспретить всякое удостовѣреніе.—Такая редакція, въ срединѣ XIX ст. достаточна, чтобы доказать, что этотъ трактатъ и всѣ мѣры въ немъ содержащіяся—дурны и противны дѣйствительнымъ и неотъемлемымъ правамъ націй.

Въ теченіе этого періода, освобожденіе большинства европейскихъ колоній, основанныхъ нѣкогда на американскомъ континентѣ и включеніе ихъ въ число независимыхъ государствъ,—могущественно содѣйствовали развитію торговли и мореплаванія и дало мѣсто очень большому числу международныхъ трактатовъ.

Поддержаніе европейскаго континентальнаго равновѣсія было все еще предметомъ заботливости всѣхъ націй и подало поводъ къ многимъ кровопролитнымъ войнамъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ считать и ту, которая окончилась съ такимъ успѣхомъ для Франціи въ 1856 г.,—а также и къ большому числу мирныхъ сдѣлокъ. Но въ теченіи XVIII и XIX ст.,

какъ и въ предшествовавшія времена, народы совершенно забыли принимать мѣры къ тому, чтобы установить на океанѣ то равновѣсіе, относительно котораго они оказались столь ревнивыми на сушѣ, и между тѣмъ, они жестоко испытали тѣ бѣдствія, которыя можетъ причинить всему свѣту чрезмѣрное превосходство одной какой нибудь морской націи.

ОТДѢЛЪ II.

Морское международное право во время войны.

Періодъ, который подлежитъ разсмотрѣнію, представляетъ зрѣлище, полное интереса какъ для историка, и государственнаго человѣка, такъ равно и для писателя. Изъ четырехъ націй, оспоривавшихъ господство надъ морями,— одна, Испанія, утратила все свое могущество; вторая, Голландія находилась уже на склонѣ и должна была скоро удовольствоваться лишь второстепенною ролью.

Такимъ образомъ оставались двѣ націи, между которыми началась борьба, борьба горячая, ожесточенная, въ которой Франція должна была уступить подъ ударами ея соперницы и оставить ей господство надъ морями. Но Франція не есть нація могущественная единственно только своимъ флотомъ; она не извлекаетъ всѣхъ своихъ богатствъ изъ торговли; она сильна и велика сама по себѣ, богатствомъ своей собственной земли и въ особенности громадною дѣятельностію ума ея населенія; она никогда не была такъ ослаблена какъ Испанія и Голландія. Каждая война уносила часть ея морскихъ силъ; каждый мирный договоръ уменьшалъ, по крайней мѣрѣ повидимому, ея морскія силы; но черезъ нѣсколько лѣтъ —ее опять снова находили готовою къ борьбѣ, и если-бы ея соперница дала ей время,—то она была бы въ состояніи оспоривать трезубецъ Нептуна, сдѣлавшійся отнынѣ скипетромъ свѣта. Но эта искусная соперница умѣла нападать всегда во время и не оставлять своему противнику свободнаго времени для возстановленія всѣхъ своихъ силъ. Она умѣла пользоваться даже

собственными своими пораженіями, чтобы ослаблять ту, которой она опасалась; она въ особенности умѣла навлекать на свою континентальную сосѣдку войны и затрудненія на сушѣ и тѣмъ поглощать ея вниманіе и ея силы. Но историкъ долженъ быть вѣренъ принятой на себя задачѣ; необходимо чтобы онъ говорилъ правду даже тогда, когда эта правда также прискорбна, какъ въ настоящее время (*), когда двѣ націи, только что кончили общими силами войну и живутъ, соединенныя узами дружбы, которая кажется истинною.

Чтобы исполнить эту обязанность, я долженъ сказать, что Великобританія вела политику эгоистичную, но вполнѣ искусную, и при томъ политику, которую она преслѣдовала съ удивительнымъ постоянствомъ. Она имѣла двойную цѣль, которую она никогда не упускала изъ виду: она хотѣла достигнуть исключительнаго господства надъ морями и всемірной монополіи. Она преслѣдовала, никогда, ни на одну минуту неуклоняясь,—эту двойную цѣль своего честолюбія, и никакое препятствіе не могло помѣшать ей.—Для достиженія этой цѣли, надо было достигнуть двоякихъ результатовъ: уничтожить могущество непріятеля и раззорить нейтральные флоты. Мы увидимъ, что она горячо трудилась для достиженія этихъ цѣлей.

Каждый разъ когда Англія вступала въ войну, она заявляла новыя притязанія для того, чтобы уменьшить или уничтожить нейтральные флоты, и притязанія эти она заставляла исполнять силою. Такимъ образомъ она старалась, посредствомъ деспотизма, обезпечить за собою монополію, потому что даже и во время войны, ея коммерческій флотъ процвѣталъ подъ сѣнію военнаго; мы увидимъ, что она дозволяла своимъ подданнымъ вести, даже съ непріятелемъ, такія отрасли торговли, которыя она запрещала народамъ мирнымъ. Такою искусною политикою она ослабляла своихъ друзей и увеличивала свои собственныя силы. Когда-же наступалъ миръ,—который она старалась заключить на самыхъ узкихъ основа-

---

(*) Авторъ писалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

ніяхъ естественнаго и положительнаго международнаго права, —она обладала всѣми отраслями торговли, всѣми международными рынками. Она обогащалась на счетъ своихъ друзей и враговъ, на счетъ всей вселенной.

И такъ, мы видимъ что о морскомъ равновѣсіи не было никакого вопроса. Англія не имѣла противовѣса, и все болѣе и болѣе становилось трудно найти таковой.—Однако-же, во время войны за независимость Сѣверо-Американскихъ колоній, средство установить равновѣсіе, а слѣдовательно положить предѣлъ тираническимъ притязаніямъ Великобританіи,—было найдено и примѣнено на практикѣ.—Нейтральные народы составили коалицію; они образовали союзъ, извѣстный подъ названіемъ *вооруженнаго нейтралитета* (*neutralitè armée*). Союзныя государства не принимали никакаго участія въ войнѣ; онѣ строго исполняли обязанности нейтралитета; но онѣ вооружили свои флоты и приказали имъ противиться всякимъ требованіямъ воюющихъ, неоснованнымъ на трактатахъ. Такимъ образомъ эти государства фактически уничтожили всѣ внутренніе законы, которые воюющіе выставляли имъ до того. Вооруженный нейтралитетъ 1780 г., также какъ и вооруженный нейтралитетъ 1792 г., превосходно достигъ своей цѣли.—Нейтралитетъ этотъ, признанный и уважаемый Франціей, которая поддерживала его принципы, а также и Испаніей,—заставилъ Англію отказаться отъ ея частнаго права для выполненія закона международнаго.

Противовѣсъ, необходимый для установленія морскаго равновѣсія былъ найденъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, притязанія Великобританіи были-бы уничтожены навсегда, если-бы не случилось событіе, которое взволновало Европу,—именно французская революція.

Борьба другого рода, борьба принциповъ установилась также между двумя соперничествовавшими народами. Англія, всегда преслѣдующая свою цѣль,—съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сжимала тотъ, и безъ того очень тѣсный кругъ, который она оставляла для независимости мирныхъ народовъ; она создавала сама для себя право, въ интересахъ своихъ плановъ; она была сильнѣйшая—она диктовала законы, ко-

торые могутъ быть объяснены ничѣмъ другимъ, какъ только страстной жаждой наживы и меркантильною жадностію. Франція, на оборотъ, расширяла этотъ кругъ и дошла до признанія большинства принциповъ естественнаго морскаго международнаго права и всѣхъ принциповъ положительнаго закона. Ей, естественно, слѣдовали второстепенныя націи или скорѣе, тѣ націи, которыя предшествовали ей въ этомъ направленіи, присоединились къ ней, но только въ принципѣ, никогда не связывая свою судьбу съ ея судьбою въ войнѣ.

Впродолженіе всего XVIII-го ст., трактаты продолжали провозглашать истинные принципы международнаго права; они старались быть почти точнымъ выраженіемъ правъ и обязанностей всѣхъ народовъ. Но, также какъ и въ теченіе XVII ст., лишь только начинались военныя дѣйствія,—трактаты, самые торжественные разрывались, топтались ногами и замѣнялись внутренними законами, которые было угодно воюющимъ издавать. Такимъ образомъ было два международныхъ права: одно, поддерживаемое Франціею и почти всѣми второстепенными государствами,—которое можно-бы было назвать французскимъ правомъ, но которое я называю морскимъ международнымъ правомъ, потому что за нѣкоторыми исключеніями, оно есть выраженіе естественнаго права; потому что оно, въ человѣческомъ трудѣ болѣе всего приближается къ типу совершенства.—Другое, право англійское, которому сама Англія осмѣливается въ настоящее время давать названіе международнаго права, есть право спеціальное, не писанное, если не считать приказовъ совѣта, обращенныхъ къ командирамъ военныхъ кораблей этой державы, и въ той-же формѣ и по тому же случаю—къ независимымъ народамъ, дабы тѣ и другіе исполняли ихъ съ одинаковымъ подчиненіемъ.

Этотъ антагонизмъ принциповъ въ особенности проявился во время войнъ конца XVIII и начала XIX ст., во всей своей силѣ. Французская революція низвергла прежнюю династію; революція эта представлялась какимъ то кро-

вавымъ призракомъ; всѣ старыя европейскія монархіи страшились. Англія считала моментъ удобнымъ для окончательнаго уничтоженія своей соперницы, которую цѣлое столѣтіе войнъ не могло покорить, и для достиженія единственной цѣли ея глубокой политики. Она напустила на Францію всю Европу съ суши; сама же атаковала ее съ моря. Революція лишила Францію почти всѣхъ ея офицеровъ; одни заплатили своею головою за преданность своему государю; другіе—томились въ изгнаніи. Импровизированныя арміи безъ вооруженія, безъ продовольственныхъ запасовъ, безъ обмундированія — отразили зачинщиковъ и заставили дрожать членовъ коалиціи. Но на морѣ, храбрость не можетъ замѣнять опытность; Франція испытала большія несчастія, ея флотъ былъ уничтоженъ; Англія наконецъ увидала себя единственною властительницею океана. Въ теченіе 20 лѣтъ почти непрерывныхъ войнъ, Великобританія исчерпала всѣ средства самой искусной политики, чтобы сдѣлать всѣ второстепенныя морскія націи участницами паденія Франціи. Ея тиранія не знала болѣе границъ; въ общемъ преслѣдованіи, она смѣшала все, что не было англійскимъ.

Чтобы противодѣйствовать такимъ намѣреніямъ, европейскія сѣверныя націи хотѣли возобновить союзъ вооруженнаго нейтралитета. Англія почувствовала опасность, и раньше чѣмъ Россія и Швеція имѣли время вооружить свои флоты—безъ всякаго повода, безъ объявленія войны, безъ всякаго предупрежденія,—она напала и уничтожила датскій флотъ въ самомъ Копенгагенскомъ портѣ. Дѣйствіе это, которое не можетъ быть достаточно строго оцѣнено, — безъ сомнѣнія не могло разстроить коалицію союзниковъ; но одновременно съ этимъ измѣнилась политика Русскаго кабинета, и это событіе нанесло послѣдній ударъ союзу нейтральныхъ; онъ былъ разстроенъ, и Великобританія осталась свободною вводить свою систему. Тотчасъ послѣ разрыва мира, или скорѣе—Аміенскаго перемирія, британская тиранія выказалась болѣе жестокою, чѣмъ когда бы то нибыло; повелѣнія совѣта управляли вселенною единственно въ интересахъ англійскаго флота.

Данія и Швеція пытались еще бороться и защищать свою независимость; если бы имъ удалось это, то съ Англій было бы покончено.—Что бы устрашить эти государства,—необходимъ былъ еще одинъ ужасный примѣръ; онъ былъ сдѣланъ: во время полнаго мира, Копенгагенъ былъ бомбардированъ и взятъ; устрашенныя государства склонили свою голову подъ желѣзнымъ британскимъ скипетромъ. Великій человѣкъ, который, положивъ конецъ революціи,—основалъ французскую имперію,—въ отвѣтъ на повелѣнія совѣта, господствовавшія на океанѣ, изобрѣлъ континентальную блокаду, идею, которая,—если бы была выполнена всѣми европейскими націями, которыхъ онъ подчинилъ своему оружію или связалъ съ своей судьбой, — поставила-бы въ опасность торговлю, промышленность и самое мореплаваніе Англіи, т. е. ея существованіе. Въ этой борьбѣ повелѣній совѣта и декретовъ, воюющіе безнаказанно играли самыми священными правами иностранныхъ народовъ. Всему международному праву грозило полное уничтоженіе. Англія дѣйствовала на основаніи того, что она называла правомъ необходимости (droit de nécessité); Франція употребляла репресаліи; всѣ, принятыя ею тираническія мѣры имѣли цѣлію отвѣтить на такія же мѣры ея врага.

Но что было съ мирными народами во время этой страшной борьбы? Ихъ торговля, ихъ флоты были уничтожены, и когда наконецъ война кончилась, Великобританія была очень близка къ достиженію цѣли своей вѣковой политики. Она была полною хозяйкою моря, ея честолюбіе было удовлетворено; она имѣла почти всемірную монополію; ея торговая зависть, ея жажда наживы,—достигли столь горячо преслѣдуемой цѣли. Франція не имѣла болѣе флота; нейтральное мореплаваніе было, или покрайней мѣрѣ казалось, уничтоженнымъ.

Всѣ такія дѣйствія Великобританіи находились въ полномъ противорѣчіи съ содержаніемъ трактатовъ, заключенныхъ этою державою со всѣми другими націями. Весьма долго она старалась маскировать свое поведеніе и придавать ему видъ правоваго, и только за послѣдніе года, увѣрен-

ная въ своей силѣ, она считала возможнымъ сбросить маску и болѣе не прибавлять лжи къ тираніи. Какой же былъ предлогъ, какое было право, которое могло разрѣшать ей нарушать всѣ самыя священныя ея обязательства, не признавать самыя простыя и самыя положительныя понятія разума? Большинство актовъ британскаго совѣта показываетъ намъ, что Англія пользовалась *правомъ необходимости* (*droit de nécessité*). Въ предварительной части этого труда я изслѣдовалъ, въ чемъ состоитъ это мнимое право; я считаю доказаннымъ, что оно не существуетъ, что оно никогда не существовало. Оно не вытекаетъ изъ естественнаго закона, оно не было создано положительнымъ правомъ; оно не имѣетъ другаго основанія, какъ тиранію воюющихъ націй.

Декреты, изданные Франціею не были, ни менѣе насильственны, ни менѣе стѣснительны; но эта держава могла считать себя въ правѣ такъ поступать. Нейтральные, слишкомъ слабые, чтобы противиться Англіи, подчинялись ея несправедливымъ законамъ, которые она имъ предписывала, и однимъ этимъ фактомъ должны были подчиняться законамъ такимъ-же или противнымъ, которые Франція могла издавать. Нейтральные могли даже быть третированы какъ враги, потому что они оказывали, правда, вслѣдствіе своей слабости, большое пристрастіе въ пользу врага Франціи. Такимъ образомъ эта послѣдняя держава дѣйствовала только въ видѣ репресалій. Всѣ акты, о которыхъ я говорю, доказываютъ это; всѣ они содержатъ въ себѣ отказъ или отмѣну относительно тѣхъ народовъ, которые перестанутъ повиноваться англичанамъ, и полную отмѣну—лишь только Великобританія измѣнитъ свои приказы совѣта.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію тѣхъ измѣненій, которыя испыталъ положительный законъ въ теченіе этого періода, необходимо сдѣлать одно важное замѣчаніе. Число трактатовъ, заключенныхъ въ теченіе XVIII и XIX ст. относительно морскаго международнаго права очень значительно; всѣ націи ясно выразили свои взгляды, свои притязанія по всѣмъ вопросамъ, которые связаны съ этимъ пра-

вомъ. Но сначала этого столѣтія, одинъ народъ, и народъ самый могущественный на морѣ, народъ англійскій, по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ этому праву, хранилъ полное, абсолютное молчаніе. Ни одинъ изъ трактатовъ, въ которыхъ Англія участвовала, не говоритъ объ этой важной и интересной части международнаго права. (Изъ этого замѣчанія слѣдуетъ исключить трактатъ, заключенный въ Парижѣ 30 марта 1856 г. или вѣрнѣе декларацію отъ 16 апрѣля, приложенную къ этому трактату). Такимъ образомъ, Вѣнскіе трактаты, которые такъ тщательно опредѣлили плаваніе по Рейну, ни слова не говорятъ о плаваніи по океану. Трудно объяснить себѣ цѣль подобнаго молчанія со стороны Англіи, особливо въ такую эпоху, когда всѣ націи воспользовались однимъ изъ самыхъ продолжительныхъ морскихъ мировъ, какіе существовали въ теченіе многихъ вѣковъ,—для усовершенствованія и пополненія положительнаго права, относящагося къ мореплаванію. Первая война, въ которой эта нація будетъ участвовать одна — покажетъ разгадку этаго молчанія, ибо нельзя приписать такое поведеніе забывчивости; оно кроетъ какую нибудь цѣль которую мы можемъ угадывать, но которую предпочитаемъ не излагать въ этомъ трудѣ.

§ 1. *Военная контрабанда.*

Утрехтскіе трактаты, подписанные четырьмя главнѣйшими европейскими морскими державами,—Англіей, Франціей, Голландіей и Испаніей, принятые Пруссіей и Венеціей.—дали полное перечисленіе тѣхъ товаровъ, которыми нейтральные не должны, во время войны, торговать съ воюющими, т. е. которые составляютъ военную контрабанду. Это перечисленіе, согласное съ естественнымъ правомъ, воспроизводило съ бо́льшею подробностію и бо́льшею ясностію, тотъ перечень, который находился уже во всѣхъ почти конвенціяхъ, заключеныхъ въ теченіе XVII ст. Контрабанда была съ точностію ограничена оружіемъ, боевыми запасами и инструментами. Эти акты не ограничились установленіемъ списка запрещен-

ныхъ предметовъ; ст. 20 содержала также списокъ тѣхъ съѣстныхъ припасовъ, невинность которыхъ могла быть въ сомнѣніи, предметовъ *usûs ancipitis*, какъ говорилъ Гроцій, и объявляла ихъ безусловно свободными. Въ этой категоріи находятся золото и серебро, въ монетѣ или въ слиткахъ, съѣстные припасы всякаго рода, матеріалы, годные для постройки, тимберовки и вооруженія кораблей и пр. Эти трактаты должны были оказать большое вліяніе на европейское морское право. Дѣйствительно, въ продолженіе всего XVIII ст. мы видимъ, что трактаты эти составляютъ основаніе этого права. во всѣхъ почти его постановленіяхъ и именно въ тѣхъ, которыя касаются военной контрабанды; сдѣланное ими опредѣленіе, мы находимъ принятымъ безъ измѣненій почти всѣми конвенціями, заключенными въ этомъ столѣтіи. Я ограничусь указаніемъ на нѣкоторые изъ этихъ актовъ, на тѣ въ особенности, въ которыхъ участвовала Англія: таковы трактаты: 1720 г. съ Швеціей; 1754 и 1769 съ Россіей ([224]); Ахенскій, заключенный въ 1748 г. съ Франціей, Испаніей и Голландіей ([225]); Парижскій, заключенный въ 1763 г. ([226]) съ Франціей; Версальскій, заключенный въ 1783 г. съ тою же державою. Эти три послѣдніе трактата, подписанные какъ и Утрехтскіе главнѣйшими морскими державами, ограничиваются возобновленіемъ именно постановленій 1713 г., даже не переписывая ихъ. Франція и другія государства также твердо придерживались постановленій, принятыхъ ими раньше.

Первый трактатъ, заключенный молодою американскою республикою 2 февраля 1778 г. съ Франціею, былъ составленъ на тѣхъ же основаніяхъ ([227]); и начиная съ слѣдую-

([224]) См. трактатъ 1720 г. у *Rousset*, «Recueil d'actes, traités, mémoires», tom. II, p. 476. Два другіе смотри у *Martens'a*, «Rec.», t. I, p. 394.

([225]) См. *Venk*, «Codex jur. gent. recentiss.», t. III, p. 410 art. 1.

([226]). Тоже собраніе, tom. III. p. 368 и *Martens*, tom. I, p. 104.

([227]) Ст. 24 заканчиваетъ перечисленіе предметовъ, объявленныхъ контрабандою, такими словами «....et tous autres instruments de guerre quelconques». Трактатъ даетъ затѣмъ списокъ предметовъ сомнительныхъ, торговлю которыми онъ объявляетъ свободною; въ числѣ этихъ предметовъ онъ ставитъ: золото и серебо въ монетѣ и не въ монетѣ, съѣстные припасы всякаго рода, морскіе припасы и пр. См. *Martens*, «Recueil», t. II, p. 587.

щаго мая мѣсяца, конгрессъ новой націи объявилъ всему міру тѣ принципы, на которыхъ онъ желалъ основать свою политику ([228]). Принципы эти, посколько они касаются контрабанды, были тѣ же, какіе были приняты Франціей и другими европейскими государствами. Всѣ трактаты, заключенные Соединенными Штатами съ державами стараго континента, въ моментъ ихъ освобожденія, согласны съ этими принципами.

Всѣ акты, положенные въ основаніе вооруженнаго нейтралитета 1780 г., акты, которые были подписаны Россіей, Пруссіей, Швеціей, Даніей, обѣими Сициліями, Португаліей и Имперіей, которые получили согласіе Франціи, Испаніи, Голландіи и Соединенныхъ Штатовъ, которые, слѣдовательно, соединили согласіе всѣхъ державъ, за исключеніемъ Англіи, заключаютъ военную котрабанду въ тѣ же самые предѣлы, какіе были установлены Утрехтскими трактатами.

Акты, положившіе конецъ войнѣ за американскую независимость, подписанные Франціей, Испаніей, Голландіей и Великобританіей также приняли тоже опредѣленіе, или точнымъ перечисленіемъ, или возобновленіемъ прежнихъ трактатовъ. Наконецъ торговая и морская конвенція, заключенная въ 1786 г. между Франціей и Англіей, буквально воспроизводитъ постановленія 19 и 20 ст. трактатовъ 1713 г. Знаменитая конвенція 1801 г., навязанная британскимъ правительствомъ Россіи, Швеціи и Даніи, влѣдствіе истребленія англичанами датскаго флота и кончины русскаго Императора Павла I,—конвенція, о которой мнѣ часто придется упоминать,—также приняла тоже опредѣленіе контрабанды.

Почти всѣ трактаты конца XVIII ст. не исключая даже тѣхъ, въ которыхъ участвовала Англія, всѣ трактаты, заключенные послѣ 1800 г. и въ особенности послѣ возстановленія мира въ 1815 г., всѣми европейскими державами, за исключеніемъ Англіи,—какъ между собою, такъ и съ новыми Американскими государствами согласны съ этими принципами.

([228]) См. *Martens*, t. III, p. 17.

Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ трататовъ болѣе опредѣлительны даже, чѣмъ трактаты Утрехтскіе. Я приведу, между прочими, трактатъ, заключенный 13 ноября 1836 г. между Американскими Соединенными Штатами и Перу-Боливіанскою республикою,—который, перечисливъ предметы контрабанды прибавляетъ: «.....4) и вообще всякій родъ оружія или орудій изъ желѣза, стали, бронзы, мѣди или всякого, какого бы то нибыло другаго матеріала,—изготовленныхъ, сдѣланныхъ или фабрикованныхъ именно для войны на сушѣ или на морѣ» (*). Это есть именно то опредѣленіе, которое мы сдѣлали какъ истинное выраженіе обязанности, налагаемой естественнымъ правомъ на мирные народы.

Что касается Англіи, то начиная со времени мира 1815 г. она воздерживалась отъ установленія чего бы то нибыло касательно военной контрабанды; Парижскій трактатъ 30 марта 1856 г. дѣлая перечень принциповъ морскаго международнаго права—недостаточно ясно выраженъ; онъ не содержитъ опредѣленія военной контрабанды.

Всѣ трактаты, о которыхъ я только что сказалъ, даютъ воюющему право конфисковать захваченные имъ запрещенные товары, предназначенные его врагу; но всѣ эти трактаты требуютъ, чтобы корабль и остальной грузъ оставались свободны. Большое число новѣйшихъ актовъ разрѣшаетъ даже нейтральному сдать захваченные предметы крейсеру, если онъ можетъ принять ихъ и свободно продолжать свой путь. Это постановленіе, еслибы оно было сдѣлано болѣе категорически относительно осматривающаго крейсера—было-бы очень выгодно для нейтральнаго. Но въ дѣйствительности, оно почти призрачно, такъ какъ крейсеръ всегда можетъ заявить о невозможности принять къ себѣ захваченные предметы, а также и состояніе моря можетъ помѣшать такой перегрузкѣ. Тѣмъ не менѣе эти трактаты содержатъ одну, очень важную статью, именно ту, которая дозволяетъ

(*) «.......4. Et généralement toute espéce d'armes ou d'instruments en fer, acier, bronze, cuivre ou tout autre matière quelconque, manufacturés, préparès et fabriqués expressément pour faire la guerre sur terre ou sur mer.»

нейтральному выгрузить запрещенные товары тотчасъ по приходѣ въ портъ, и продолжать свой путь не ожидая исхода или конца процесса.

На ряду съ этими, столь многочисленными актами, исходящими отъ всѣхъ народовъ, мы находимъ четыре, которые расширяли списокъ военной контрабанды: всѣ они принадлежатъ Англіи, и три изъ нихъ относятся къ концу XVIII ст.

Въ 1670 г. Англія заключила съ Даніей одинъ трактатъ, который сдѣлавъ перечисленіе предметовъ военной контрабанды въ томъ видѣ, какъ оно вытекало тогда изъ положительнаго закона, т. е. ограничивая ее оружіемъ, военными припасами и военными инструментами,—заканчиваетъ это опредѣленіе слѣдующими словами: «.....корабли и другія вещи необходимыя для употребленія въ войнѣ». («.....navires, et autres choses nécessaire pour l'usage de la guerre»). Въ 1780 г., во время войны за независимость колоній, Англія потребовала толкованія этихъ послѣднихъ словъ. которыя, по мнѣнію Сентъ-Джемскаго кабинета, должны были подразумѣвать морскіе припасы. Требованіе это было заявлено такимъ угрожающимъ образомъ, что Данія, одинокая еще тогда и не будучи въ состояніи сопротивляться, подчинилась закону болѣе сильнаго и подписала 4-го іюня требуемое толкованіе. Но съ 9 іюля того же года, Копенгагенскій кабинетъ, возвративъ себѣ свою свободу, заключилъ съ Россіей и Швеціей трактаты вооруженнаго нейтралитета, и эти трактаты поставили военную контрабанду въ ея справедливые предѣлы и возвратили трактату 1670 г. его истинное значеніе.

Обстоятельства абсолютно тождественыя повели къ заключенію акта отъ 25 іюля 1803 г. между Англіей и Швеціей;—дѣло шло также о толкованіи одного стариннаго трактата, именно отъ 21 октября 1661 г. Таже причина повела за собою почти тождественный результатъ. Трактатъ этотъ различалъ два рода военной контрабанды: одинъ, заключалъ въ себѣ оружіе, военные припасы и инструменты, т. е. безусловную контрабанду, которая всегда подлежитъ конфиска-

ціи; другой—контрабанду относительную или условную, вытекающую изъ простаго объявленія воюющаго; этою послѣднею контрабандою, воюющій имѣетъ право завладѣть, уплативъ стоимость нейтральному собственнику: это и есть такъ называемое *право преимущественной покупки*, (*droit de préemption*) (229). Лишь только этотъ трактатъ былъ заключенъ, какъ Швеція поспѣшила, насколько это было въ ея возможности, уничтожить его, издавъ одну декларацію, которая возвратила запрещенную торговлю въ ея истинные предѣлы (230).

Важнѣйшій изъ ограничительныхъ трактатовъ—есть трактатъ 1794—95 гг, заключенный между Англіей и Американскими Соединенными Штатами. Онъ различаетъ два рода контрабанды, одинъ—безусловный, содержащій въ себѣ всѣ предметы, запрещенные положительнымъ закономъ, съ прибавленіемъ морскихъ припасовъ; другой, которому даже въ Англіи дали названіе *контрабанды случайной*, (*contrebande par accident*) разумѣетъ не только провіантскіе и всякаго рода съѣстные и колоніальные припасы, которые Гроцій назвалъ *usûs ancipitis*, но и всѣ прочіе предметы, которые вообще не составляютъ контрабанды и которые воюющій будетъ считать себя обязаннымъ включить въ разрядъ запрещенныхъ. Эти товары, если они будутъ захвачены, не подлежатъ конфискаціи, но за нихъ должна быть немедленно уплачена нейтральному собственнику полная ихъ стоимость. Это то, что я назвалъ выше контрабандою *ab libitum*. Эта статья трактата 1794—95 гг. есть примѣненіе права необходимости: она есть единственная, которая встрѣчается въ торжественныхъ актахъ.—Конвенцію эту, не согласную съ политикою Соединенныхъ Штатовъ, весьма трудно понять; между тѣмъ обстоятельства, въ которыхъ находились тогда Соединенные Штаты, лишенные всякой поддержки со стороны Франціи и Европы, одни противъ прежней метрополіи

(229) См. Англо-шведскую конвенцію отъ 25 іюля 1803 г. *Martens* t. VIII, p. 91.

(230) См. Шведскій ордонансъ для опредѣленія мореплаванія во время войны отъ 25 января 1804 г.

—могутъ помочь объясненію этой конвенціи. Впрочемъ, заключеніе ее вызвало большія затрудненія; будучи подписана въ 1794 г. она была ратификована сенатомъ только лишь въ 1796 г. Въ теченіе этого длиннаго промежутка, однимъ изъ постановленій британскаго парламента была запрещена торговля зерновымъ хлѣбомъ, мукой и другими съѣстными припасами съ Франціей; большое число американскихъ кораблей было захвачено и присуждено какъ добрый призъ. Послѣ долгихъ споровъ, смѣшанная коммисія, на которую былъ возложенъ разборъ этого дѣла, присудила американцамъ требуемое вознагражденіе (231). Споръ этотъ доказываетъ, что начиная уже съ той эпохи, стороны не были согласны относительно приданія истиннаго смысла второму параграфу 18-й ст. трактата. Послѣдняя конвенція этой категоріи есть трактатъ, заключенный Англіей съ Бразиліей въ 1827 г.

Нѣкоторые трактаты измѣнили военную контрабанду въ смыслѣ болѣе либеральномъ; въ этотъ періодъ можно насчитать только два трактата, заключенные, оба, Американскими Соединенными Штатами съ Пруссіей (232). Эти акты не отмѣняютъ контрабанду, но они ограничиваютъ право воюющаго

---

(231) *Wheaton* въ своей «Histoire des progrés du droit des gens», periode 4-e § 5 даетъ полное извлеченіе изъ этого важнаго спора, результатомъ котораго было если не совершенная отмѣна, то во всякомъ случаѣ коренное измѣненіе 2-го параграфа 18-ой ст. трактата 1794 г., при помощи котораго англичане хотѣли повредить американскому флоту.

(232) Ст. 13 перваго трактата отъ 10 октября 1785 г. содержитъ слѣдующее: «pour prévenir les difficultés et les discussions qui surviennent ordinairement par rapport aux marchandises ci-devant appelées de contrebande, telles que armes, munitions et autres provisions de toute espéce, aucun de ces articles chargés à bord des citoyens ou sujets de l'une des parties, et destinés pour l'ennemi de l'autre, ne sera censé de contrebande au point d'impliquer confiscation ou condamnation, et d'entraîner la perte de la proprtété des individus. Néanmoins, il sera permis d'arrêter ces sortes de vaisseaux et effets, et de les retenir pendant tout le temps que le preneur croira nécessare. Mais, dans ce cas, on accordera une compensation raisonable pour les pertes qui auront été occasionnées par la saisie. Il sera permis en outre aux preneurs d'employer à leur service, en tout ou en partie, les provisions militaires détenues, en payant aux propriétaires la pleine valeur à déterminer sur le prix qui aura cours à l'endroit de leur destination». *Martens*, t. IV, p. 83. Второй трактатъ—отъ 11 іюля 1799 г.

удерживать запрещенныя вещи впродолженіе всего того времени, какое онъ признаетъ полезнымъ,—обязанностью уплатить нейтральному собственнику вознагражденіе; онъ можетъ даже взять ихъ за свой счетъ, заплативъ за нихъ цѣну, которую они стоятъ въ мѣстѣ назначенія. Въ дѣйствительности, это есть—право удержанія и преимущественной покупки, (droit de rétention et de préemption), замѣняющее собою право конфискаціи; конвенція эта болѣе согласна съ естественнымъ закономъ, но она противорѣчитъ закону положительному. Первый изъ этихъ трактатовъ не содержитъ перечисленія запрещенныхъ предметовъ; списокъ такихъ предметовъ находится во второмъ; онъ согласенъ съ общепринятымъ обычаемъ.

Эти рѣдкія исключенія изъ признаннаго всѣми народами принципа, не могутъ имѣть никакого вліянія на положительный законъ; онъ остается по этому вопросу, тотъ-же, какой существовалъ въ теченіе XVII ст. Оружіе, военные припасы и инструменты суть единственные предметы, которыми мирные народы не могутъ торговать на моряхъ съ воюющими. Этотъ законъ согласенъ съ принципами естественнаго права. Воюющій имѣетъ право конфисковать захваченные имъ запрещенные товары; но онъ долженъ оставить свободнымъ корабль и остальной грузъ. Это постановленіе болѣе строго чѣмъ постановленіе естественнаго закона, но оно получило согласіе всѣхъ націй вселенной.

Внутренніе законы морскихъ державъ продолжали по прежнему удаляться отъ постановленій положительнаго права, или точнѣе, нарушать большинство изъ этихъ постановленій. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ констатировать замѣтное улучшеніе въ политикѣ многихъ націй, и въ особенности Франціи. Съ другой стороны, мы должны указать на весьма большое увеличеніе законовъ, издававшихся Великобританіею, смотря по обстоятельствамъ.

Въ предъидущей части мы разсмотрѣли постановленія французскаго закона 1704 г. Мы видѣли, что онъ, не содержа въ себѣ ни слова о контрабандѣ, запрещалъ торговлю произведеніями непріятельской земли или фабрики, и грозилъ

конфискацiей этихъ предметовъ, найденныхъ на тѣхъ нейтральныхъ корабляхъ, которые не везли ихъ прямо изъ страны ихъ произведенiя, въ ихъ собственную страну. Въ случаѣ нарушенiя этого закона, подлежали конфискацiи одни только запрещенные предметы; корабль-же и дозволенная часть груза были свободны. Этотъ законъ оставался въ силѣ до 1744 г.—Въ тотъ моментъ, когда вспыхнула война между Францiей и Англiей, первая изъ этихъ державъ издала новый законъ, сохранившiй тѣ-же самыя постановленiя относительно контрабанды и торговли произведенiями непрiятельской земли или фабрики. Ахенскiй трактатъ, положившiй конецъ этой войнѣ, хотя въ точности возобновилъ всѣ постановленiя Утрехтскихъ конвенцiй, но не внесъ никакого измѣненiя или ограниченiя въ этотъ законъ, который имѣлъ еще примѣненiе во время войны 1755 г. между Францiей и Англiей.

Въ тотъ моментъ, когда военныя дѣйствiя должны были снова вспыхнуть между двумя соперничавшими нацiями, въ 1778 г., Францiя издала одно постановленiе, относительно нейтральнаго мореплаванiя. Статья, касавшаяся контрабанды, не дѣлая никакого перечисленiя запрещенныхъ предметовъ, требуетъ, чтобы только эти предметы и были конфискованы; корабль-же и остальной грузъ должны оставаться свободными, если только контрабандные товары не составляютъ трехъ четвертей стоимости груза, въ каковомъ случаѣ корабль и весь грузъ объявлялись добрымъ призомъ—([233]). О воспрещенiи торговать произведенiями непрiятельской земли или фабрики нѣтъ вопроса; это есть, за исключенiемъ только что указаннаго постановленiя, возстановленiе силы ордонанса 1681 г., о которомъ тамъ именно и упоминалось, и который, слѣдовательно, долженъ былъ замѣнить молчанiе этого постановленiя, касательно опредѣленiя предметовъ контрабанды ([234]).

([233]) См. 1-ю ст. закона 1778 г. во всѣхъ собранiяхъ, и именно въ собранiи *Martens'a* t. III p. 18.

([234]) Ст. 15 и послѣдняя закона 1778г. требуетъ, чтобы ордонансъ 1681 г. примѣнялся во всѣхъ его постановленiяхъ, не противныхъ тексту этого закона. См относительно опредѣленiя контрабанды, ордонансъ 1681 г. liv. III, tit. 9.

Такимъ образомъ Франція, по этому вопросу, вступаетъ на путь исполненія трактатовъ, или по крайней мѣрѣ приближается къ этому.

Законъ 1778 г. оставался въ силѣ до тѣхъ ожесточенныхъ войнъ, которыя обагрили кровью всю Европу,—войнъ продолжавшихся съ 1807 по 1814 гг. Въ эту эпоху, Франція дала себя увлечь въ подражаніи своему врагу; она сама установила всѣ запрещенія, всѣ конфискаціи, которыя были приняты Англіею противъ нейтральнаго мореплаванія. Поведеніе ея не было согласно съ положительнымъ закономъ. Она, безъ сомнѣнія, нарушала всѣ права независимыхъ народовъ, но было-бы трудно осуждать ее слишкомъ строго. Можно даже сказать, что она поступала такъ въ силу права. Мирные народы подчинялись тираническимъ требованіямъ Англіи; они, поэтому, должны были подчиняться также желаніямъ Франціи, потому что одна изъ самыхъ настоятельныхъ обязанностей мирныхъ народовъ—защищать свою независимость отъ всѣхъ и противъ всѣхъ. Если-же они не исполняютъ эту обязанность въ пользу одного изъ воюющихъ, то они должны одинаково не исполнять ее и въ пользу другаго.

За исключеніемъ того постановленія, которое провозглашало конфискацію корабля и груза, въ томъ случаѣ когда стоимость контрабандныхъ предметовъ составляетъ три четверти всего груза,—регламентъ 1778 г. все еще есть законъ, которымъ во Франціи опредѣляется военная контрабанда. Измѣненный такимъ образомъ, законъ этотъ весьма приближается къ положительному праву. Будемъ надѣяться, что скоро французское правительство поставитъ свой внутренній законъ въ полное согласіе съ трактатами, или вѣрнѣе, что единственнымъ закономъ, по отношенію къ независимымъ иностранцамъ, будетъ самый текстъ международныхъ трактатовъ.

Голландія, въ эпоху наибольшаго своего могущества, была первая, игравшая трактатами и увеличивавшая списокъ контрабандныхъ предметовъ. Она продолжала идти по этому прискорбному пути до тѣхъ поръ, пока ея силы позволяли извлекать изъ этого какія нибудь выгоды.—Она первая раз-

сматривала какъ запрещенные предметы: золото и серебро, жизненные припасы, морскіе припасы, однимъ словомъ всѣ, такъ называемыя предметы: *usûs ancipitis*; она возобновляла часто свои приказанія относительно этого пункта. Но ея могущество продолжалось не долго: въ срединѣ XVIII ст. она была уже въ полномъ упадкѣ; съ этого момента, она начинаетъ измѣнять и ограничивать свои внутренніе законы и ставить ихъ въ согласіе съ трактатами. Военная контрабанда была ею ограничена оружіемъ, боевыми припасами и инструментами. Во время войны 1755 г., Голландія считала своимъ долгомъ оставаться нейтральною; она хотѣла скрыть упадокъ своихъ силъ; она, поэтому, поставлена была въ необходимость поддерживать политику, діаметрально противоположную той, которую она практиковала въ теченіе болѣе цѣлаго столѣтія, и требовать точнаго исполненія трактатовъ, которые она сама такъ часто нарушала. Когда англійскія колоніи подняли знамя возстанія, и когда война распространилась и на Европу,—Голландія хотѣла остаться мирною зрительницею борьбы; она сдѣлалась на одну минуту членомъ союза нейтральныхъ, но Великобританія заставила ее принять участіе въ войнѣ. Она присоединилась, поэтому, къ Франціи и Испаніи противъ своей прежней союзницы, сдѣлавшейся уже давно ея тиранической повелительницей. Голландія признала и уважала принципы вооруженнаго нейтралитета и слѣдовательно предѣлы контрабанды. Съ этой эпохи она играла только второстепенную роль.

Великобританія, какъ я уже замѣтилъ, не имѣетъ постоянныхъ законовъ для опредѣленія образа ея дѣйствій во время войны; приказанія, издаваемыя смотря по обстоятельствамъ, и посылаемыя ею крейсерамъ,—опредѣляютъ обязанности, которымъ она подчиняетъ свободные и чуждые ей народы; всѣ, кто не повинуется имъ—подлежатъ захвату и лишенію собственности. Эти приказанія варіируются, и слѣдуя единственно только ея интересамъ, капризу или всякой другой причинѣ, ставятъ ее въ *необходимость* поступать такимъ или инымъ образомъ. Система эта очень искусна; постановленія парламента исчезаютъ вмѣстѣ съ войною, и всегда почти

трудно бываетъ доказать Англіи, что она нарушала трактаты. Но уже давно сдѣлалось невозможнымъ скрыть официальный документъ: лишь только онъ появляется, пресса овладѣваетъ имъ для того, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ всѣмъ и передать потомству.

Мы знаемъ состояніе положительнаго права, касательно контрабанды. Англія была связана со всѣми морскими націями трактатами, которые ограничивали запрещеніе: оружіемъ, боевыми запасами и инструментами. Въ 1744 г. начались непріязненныя дѣйствія между Англіей и Франціей. Тотчасъ-же морскіе припасы были включены Великобританіей въ списокъ контрабандныхъ предметовъ. Торговля и мореплаваніе сѣверныхъ государствъ, у которыхъ припасы эти составляли главнѣйшіе источники доходовъ,—получили очень существенный ущербъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ 1710 г., когда Данія, бывши въ войнѣ со Швеціей, считала возможнымъ также увеличить списокъ контрабандныхъ предметовъ, и включить въ него зерновой хлѣбъ, муку и другіе жизненные припасы, то Англія, остававшаяся тогда нейтральною, заявила Фридриху IV, что эти своеволія суть исключительное достояніе силы, и заставила его отказаться отъ притязаній. Ахенскій трактатъ положилъ конецъ войнѣ 1748 г. Онъ напомнилъ и возстановилъ силу опредѣленія контрабанды, сдѣланнаго Утрехтскими трактатами; Англія оказалась опять связанною со всѣми европейскими государствами. Въ 1754 г. она заключила одну конвенцію съ Россіей и снова опредѣлила контрабанду въ тѣхъ же предѣлахъ.

Въ слѣдующемъ, 1755 году война вспыхнула между Англіей и Франціей. Тотчасъ-же британскій кабинетъ объявилъ, сперва морскіе припасы, а затѣмъ всякаго рода жизненные припасы и произведенія непріятельскихъ колоній—предметами контрабанды. Парижскій трактатъ возстановилъ миръ въ 1763 г. и возобновилъ всѣ постановленія прежнихъ трактатовъ, касавшихся контрабанды; онъ исполнялся не лучше другихъ. Начиная со времени открытія военныхъ дѣйствій въ 1778 г., Англія находилась въ *необходимости* предпринимать свою обыкновенную систему; но на этотъ разъ

ей помѣшали въ исполненіи ея предположеній. Нейтральныя націи нашлись также въ *необходимости* защищать ихъ нарушенныя права; онѣ соединились и заставили Сентъ-Джемскій кабинетъ исполнять, покраней мѣрѣ хоть отчасти, конвенціи, имъ-же подписанныя.

Англія не замедлила снова принять свою систему. Французская революція доставила ей случай, тѣмъ болѣе удобный, что почти всѣ европейскія державы соединились противъ Франціи, и что государства, оставшіеся нейтральными, были слишкомъ слабы, чтобы противиться желаніямъ повелительницы морей, — или устоять противъ ея силъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они пробовали противиться.—Съ 1793 г. жизненные припасы были включены въ списокъ контрабандныхъ предметовъ. Большое число другихъ постановленій парламента было издано, но такъ какъ они распространяютъ запрещеніе торговли на всѣ товары, то они мнѣ кажутся относящимся скорѣе къ блокадѣ, чѣмъ къ контрабандѣ. На основаніи этихъ постановленій, корабль захваченный за контрабанду подлежалъ конфискаціи съ полнымъ его грузомъ.

За исключеніемъ попытки, сдѣланной Даніей въ 1710 г. сѣверныя государства выказались до 1793 г. вѣрными исполнителями трактатовъ. Въ эту эпоху, Россія, подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ французской революціи, вступила въ союзъ съ Англіей, для войны, и соединилась съ нею для примѣненія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя поражали въ особенности народовъ, не причастныхъ революціи; она издала законъ о включеніи въ число контрабандныхъ предметовъ—зерновыхъ хлѣбовъ, муки и всякаго рода жизненныхъ припасовъ. Эта политика, столь противуположная всей предшествовавшей политики Россіи, которая нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была первою и самою горячею зачинщицею вооруженнаго нейтралитета, была скоро покинута. Поведеніе Англіи по отношенію къ Даніи открыло глаза С.-Петербургскому кабинету. Онъ былъ послѣ того союзникомъ Великобританіи противъ Франціи, но онъ не издавалъ болѣе внутреннихъ законовъ о военной контрабандѣ. Остальныя сѣвер-

ныя державы, всегда почти остававшіяся нейтральными въ морскихъ войнахъ, никогда не пытались расширять запрещеніе.

Испанія, въ эпоху своего морскаго могущества, высказалась очень расположенною увеличивать число предметовъ, торговля которыми воспрещалась между нейтральными и воюющими. Со времени Утрехтскихъ трактатовъ, держава эта, наоборотъ, всегда согласовалась съ постановленіями конвенцій. Итальянскіе народы, всегда остававшіеся нейтральными во время большихъ морскихъ войнъ этого періода, были естественно принуждены исполнять эти столь мудрыя постановленія положительнаго закона.

Американскіе Соединенные Штаты, со времени включенія ихъ въ число независимыхъ государствъ, постоянно держали, внутренними своими законами, военную контрабанду въ границахъ, опредѣленныхъ трактатами. Той же политикѣ слѣдовали, до настоящаго времени, новые народы, образовавшіеся на развалинахъ испанскихъ и португальскихъ колоній въ обѣихъ Америкахъ.

Во время войны 1744 г., Пруссія имѣла съ Англіею одно очень серьезное, недоразумѣніе, въ которомъ вопросъ о контрабандѣ входилъ только весьма слабою частію, и которое главнымъ образомъ относилось къ примѣненію правила: *корабль свободенъ, грузъ свободенъ* (*navire libre, marchandises libres*). Этотъ вопросъ я разсмотрю въ послѣдствіи.

§ II. *Новая торговля.*

Франція, какъ и всѣ европейскія націи, всегда оставляла за собою монополію надъ своими колоніями; торговля и мореплаваніе этихъ колоній велись исключительно на французскихъ корабляхъ. Во время войны 1755 г., слишкомъ слабая для того, чтобы имѣть возможность продовольствовать свои колоніи, и держать ихъ въ цвѣтущемъ состояніи единственно однимъ своимъ торговымъ флотомъ,—Франція открыла для нейтраль-

ныхъ нѣкоторые привелигированные порта, и позволила имъ тамъ вести торговлю; она даже приглашала ихъ приходить въ свою страну грузить зерновые хлѣба, муку, вина, водку и другіе жизненные припасы для того, чтобы продавать все это въ колоніяхъ и перевозить ихъ произведенія въ метрополію. Для націй этихъ, это была такая новая отрасль торговли, которую они никогда не эксплуатировали, и которую они должны были эксплуатировать только лишь во время военныхъ дѣйствій. Одно изъ постановленій британскаго парламента воспретило эту торговлю и объявило, что всякій нейтральный корабль, нагруженный и направляющійся въ непріятельскія колоніи, или возвращающійся оттуда,—будетъ захваченъ и объявленъ добрымъ призомъ, какъ виновный въ производствѣ *новой торговли*, (*commerce nouveau*). Здѣсь дѣло шло не о военной контрабандѣ; колоніи не были объявлены, даже фиктивно, въ состояніи блокады; это, слѣдовательно, былъ фактъ новый, не предусмотрѣнный трактатами. Необходимо изслѣдовать, на какомъ основаніи опиралось требованіе, заявленное Англіей въ 1755 г. и возобновленное въ 1801 г.

Многіе писатели, опредѣляя нейтралитетъ, высказывали, что онъ есть точное продолженіе мирнаго состоянія. Исходя изъ этого ошибочнаго основанія, они выводили изъ него въ числѣ другихъ, еще болѣе ошибочныхъ послѣдствій, слѣдующее: что нейтральные народы не должны увеличивать, ни свои торговыя сношенія, ни свое мореплаваніе, однимъ словомъ не должны извлекать выгоду изъ разрыва, происшедшаго между ихъ сосѣдями. Никакое другое заключеніе не могло быть болѣе пріятно для воюющихъ; оно льстило ихъ преобладающей страсти, ихъ зависти относительно нейтральныхъ. Между тѣмъ, ничто не было болѣе ложно, какъ такое заключеніе, потому что если естественные и положительные законы вѣрно исполняются всѣми; если воюющіе и нейтральные въ точности исполняютъ свои обязанности и вполнѣ пользуются своими правами,— то нейтральные извлекаютъ нѣкоторыя торговыя выгоды изъ своего положенія. Они дѣлаются коммисіонерами, маклерами, перевощиками для

обѣихъ сторонъ, или по крайней мѣрѣ для слабѣйшей изъ двухъ, и такимъ образомъ извлекаютъ законную. на мои глаза, выгоду изъ своего положенія. Ложное заключеніе это и нелѣпый выводъ, который изъ него сдѣлали, послужили основаніями для притязаній Англіи,—притязаній, которыя положительно осуждены и разумомъ, и трактатами.

На основаніи естественнаго права, нейтральные пользуются вполнѣ и всецѣло своею естественною независимостью. За единственнымъ исключеніемъ, исполнять двѣ обязанности: не вмѣшиваться въ непріязненныя дѣйствія и оставаться безпристрастными,—они вполнѣ и совершено свободны; они слѣдовательно могутъ дѣлать все, что имъ заблагоразсудится, не имѣя надобности справляться съ волею или желаніемъ другихъ націй. Положительное право еще болѣе опредѣленно по этому предмету: «дозволяется всѣмъ нейтральнымъ подданнымъ плавать и торговать, на своихъ корабляхъ и своими товарами, съ тою же свободою и безопасностію въ мѣстахъ, портахъ и мѣстечкахъ, принадлежащихъ обѣимъ непріятельскимъ сторонамъ, или одной изъ нихъ, безъ всякаго опасенія или тревоги, а также ходить прямо, не только изъ выше сказанныхъ непріятельскихъ мѣстъ въ мѣсто нейтралное, но даже изъ одного непріятельскаго мѣста въ другое непріятельское же мѣсто, будутъ-ли они находиться подъ властью одного и того-же государя, или разныхъ государей». —(235) Постановленіе это, извлеченное изъ Утрехтскаго трактата, заключеннаго между Франціей и Англіей, было воспроизведеніемъ того постановленія, которое находилось во всѣхъ предъидущихъ трактатахъ, и затѣмъ было воспроизведено всѣми послѣдующими трактатами. Оно весьма точно; оно не только не дѣлаетъ никакого различія, никакого изъятія относительно новой торговли, но оно даже именно включаетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, оно разрѣшаетъ нейтральному совершать плаванія по берегамъ воюющаго, и ходить изъ одного порта въ другой портъ, принадлежащій одному и тому же

---

(235) Трактатъ отъ 11 апрѣля 1713 г. между Франціей и Англіей, ст. 17. См. *Dumont*, t. VIII, part. I. p. 348.

государю. Такое дозволеніе, очевидно, разумѣетъ торговлю колоніальную и даже каботажъ, который у всѣхъ народовъ всегда предоставлялся національному флагу. Поэтому, постановленія британскаго парламента, на основаніи положительнаго права, представляются незаконными. Но я пойду еще далѣе: они должны быть осуждены даже, принимая въ основаніе то ложное заключеніе, на которомъ они построены.

Нейтралитетъ есть точное продолженіе мирнаго состоянія. Нейтральные, слѣдовательно, могутъ дѣлать во время войны все, что имъ было дозволено во время мира. Такимъ образомъ, предположимъ, что какой нибудь государь, напримѣръ англійскій, въ 1750 г., слѣдовательно во время полнаго мира, дозволилъ другимъ народамъ, или только нѣкоторымъ изъ нихъ, вести торговлю съ его колоніями въ теченіе одного года, пяти лѣтъ или въ теченіе всякаго другого опредѣленнаго промежутка. Торговое запрещеніе (интердикція), которое было обыкновеннымъ правиломъ, - исходило отъ англійскаго правительства; это правительство брало его обратно,—оно имѣло на то безусловное право; народы, которымъ оно предлагало это условіе, имѣли право принять его и пользоваться имъ. Они имѣли это право во время мира; если нейтралитетъ есть продолженіе мирнаго состоянія, то они сохраняютъ это право и во время войны. Сама Англія примѣняла его во время войны, но не въ своихъ колоніяхъ, а въ своихъ собственныхъ портахъ. Въ 1801 г. во время войны съ Франціей, страшный голодъ далъ себя почувствовать на Британскихъ островахъ. Въ обыкновенное время, было запрещено иностранцамъ привозить на эти острова хлѣбъ, муку и другіе жизненные припасы. Питтъ (Pitt) отмѣнилъ всѣ запрещенія, отмѣнилъ пошлины, предоставилъ даже значительныя преміи всѣмъ нейтральнымъ кораблямъ, которые привезутъ съѣстные припасы въ Англію. Принимая эту новую торговлю, были-ли виновны мирные народы относительно другого воюющаго? конечно нѣтъ, и британскій кабинетъ не упустилъ-бы заявить горячіе протесты, еслибы попытались указать на притязаніе, заявленное имъ въ 1755 г.,

и въ томъ-же 1801 г. Это есть новая торговля, но торговля дозволенная. Поэтому англійское притязаніе не можетъ выдержать критики.

§ III. *Корсарство.*

(*Course maritime*).

Въ теченіе этого періода, положительное право не подверглось никакому важному и рѣшительному измѣненію относительно корсарства. Тѣмъ не менѣе, періодъ этотъ разрѣшилъ нѣсколько вопросовъ, которые будетъ полезно разсмотрѣть, хотя они ни въ чемъ не касаются основнаго законодательства по этому предмету.

Я уже указалъ на непомѣрное желаніе воюющихъ: увеличивать сколь возможно число корсаровъ, дабы наносить вредъ своимъ врагамъ, а въ особенности своимъ друзьямъ. Стремленіе это простиралось такъ далеко, что стали давать корсарскіе патенты (lettres de marque) иностранцамъ, находившимся на иностранныхъ корабляхъ, вооруженныхъ въ иностранныхъ портахъ. Отсюда возникъ вопросъ: могутъ-ли подобные корсары считаться дѣйствительно вспомогательными силами военнаго флота государя, и не должны ли они скорѣе быть разсматриваемы какъ пираты. Вопросъ этотъ въ дѣйствительности не могъ подлежать спору. Воюющій можетъ избирать своихъ помощниковъ, также какъ и союзниковъ, вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится. Съ того момента, какъ корсарскій патентъ выданъ, онъ придаетъ тому, кто владѣетъ патентомъ, такой характеръ, который долженъ быть уважаемъ другимъ воюющимъ; владѣлецъ патента долженъ быть разсматриваемъ, какъ законный врагъ. Безъ сомнѣнія, на обязанности нейтральныхъ государей лежитъ воспрепятствовать своимъ подданнымъ принимать подобныя порученія,—и воспротивиться тому, чтобы подобнаго рода вооруженія дѣлались въ ихъ портахъ. Они являются отвѣтственными лицами относительно оскорбленной націи, и за поведеніе своихъ подданныхъ, и за злоупотребленіе, которое можетъ быть

сдѣлано ихъ территоріею. Они могутъ быть разсматриваемы какъ враги. потому что они доставляютъ или дозволяютъ своимъ подданнымъ доставлять прямую помощь врагу. Поэтому. оскорбленная сторона можетъ объявить имъ войну; но вообще, опасеніе увеличить число своихъ враговъ удерживаетъ воюющаго, и дѣлаетъ его жертвою такого нарушенія законовъ нейтралитета, а виновный почти всегда ускользаетъ отъ того наказанія, которое онъ заслуживаетъ.

Чтобы исправить такое важное злоупотребленіе, большое число націй включили въ свои трактаты одну специальную статью, для того чтобы воспретить подданнымъ той изъ двухъ сторонъ, которая осталась бы мирною въ то время, когда другая сторона находилась въ войнѣ,—принимать порученія или корсарскіе патенты отъ другаго воюющаго; санкція этой статьи заключалась въ томъ, что подданный, виновный въ нарушеніи этого, въ случаѣ если онъ попадалъ въ руки оскорбленнаго воюющаго, разсматривался какъ пиратъ, то есть приговаривался къ смертной казни. Эти трактаты были столь многочисленны, что пріобрѣли большой авторитетъ ([236]). Между тѣмъ я не думаю, чтобы было возможно разсматривать эту статью, какъ международный законъ, и примѣнять ее къ гражданамъ такой націи, со стороны которой не было опредѣленнаго согласія на принятіе ее, съ тѣмъ воюющимъ, который желаетъ ее примѣнять.

([236]) См. именно слѣдующіе трактаты: 1739 г. Франція и Голландія;—1742 г. Швеція и Сицилія;—1748 г., Данія и Сицилія; 1751 г., Англія и Триполи;—1778 г., Франція и Американскіе Соединенные Штаты;—1782 г., Голландія и Соединенные Штаты;—1785 г., Пруссія и Соединенные Штаты; — 1789 г., Данія и Генуа. Вотъ текстъ 21 ст. трактата 1778 г., заключеннаго между Франціей и Соединенными Штатами: «Aucun sujet du roi T. C. ne prendra de commission, ni lettre de marque, pour armer quelque vaisseau à l'effet d'agir comme corsaire contre lesdits Etats-Unis, ou quelques-uns d'entre eux, les sujets, peuples ou habitants dieceux, ou contre leurs propriétés ou celles des habitants, de quelque prince que ce soit, avec lequel lesdits Etats-Unis seront en guerre. De même. . (статья о взаимности); et si quelqu'un de l'une ou de l'autre nation prenait de pareilles commissions ou lettres de marque, il sera puni comme pirate». *Martens*, «Rec.» t. II, p. 597.

Почти всѣ трактаты, заключенные между Европейскими и Американскими морскими державами продолжали считать залогъ, требуемый отъ каждаго вооружаемаго судна, условіемъ существеннымъ. Но эта статья осталась безъ всякой санкціи; даже было бы трудно установить какую бы то ни было гарантію ея исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы корсаръ отправился въ море не выполнивъ этой формальности, то вина была бы не его, а его государя. Къ тому же, залогъ можетъ имѣть значеніе на столько, на сколько онъ въ дѣйствительности предназначенъ для вознагражденія причиненнаго вреда и незаконныхъ дѣйствій, совершенныхъ корсарами относительно нейтральныхъ. А между тѣмъ, не смотря на огромныя злоупотребленія, совершавшіеся корсарами, очень рѣдко встрѣчался государь, который счелъ бы себя обязаннымъ наказать эти нарушенія народныхъ правъ.

Одинъ трактатъ, заключенный между Американскими Соединенными штатами и Пруссіей въ 1785 г. заслуживаетъ вниманія. Онъ не отмѣняетъ корсарство, но онъ содержитъ двойное обязательство: во 1-хъ уважать частную собственность, а во 2-хъ не выдавать никакого патента (commission), могущаго дозволить захватъ такой собственности ([237]). Такимъ образомъ онъ сохраняетъ корсарство, но онъ ограничиваетъ его дѣйствіе нападеніемъ на военныя суда и, по всему вѣроятію также,—полицейскимъ надзоромъ за плаваніемъ нейтральныхъ. Онъ не говоритъ этого прямо, но это вытекаетъ изъ

([237]) Ст. 23 ... «Tous les vaisseaux marchands et commerçants emploayés à l'échange des productions de différents endroits, et par conséquent destinés à faciliter et à répandre les nécessités, les commodités et les douceurs de la vie, passeront librement et sans être inquiétés ni molestés. Et les deux puissances contractantes s'engagent à n'accorder aucune commission à des vaisseaux armés en course, qui les autorisât àprendre ou à détruire ces sortes de vaisseaux marchands, ou à interrompre leur commerce». (Всѣ корабли, купеческіе и торговые, употребляемые для обмѣна произведеній различныхъ мѣстъ, и слѣдовательно предназначаемые для способствованія и распространенія предметовъ, необходимыхъ для удобства и сладости жизни, будутъ проходить свободно, не будучи тревожены и безпокоены. И обѣ договаривающіяся державы обязываются не выдавать никакого патента кораблямъ, вооруженнымъ для корсарства, который разрѣшалъ бы захватывать или истреблять такого рода купеческіе корабли, или мѣшать ихъ торговлѣ. *Martens*, «*Rec.*», t. IV, p. 47.

текста 15 ст., которая опредѣляетъ способъ осмотра корсарами воюющей стороны—кораблей другой стороны. Постановленіе это, безъ сомнѣнія, беретъ свое начало изъ какихънибудь философскихъ или гуманныхъ идей его авторовъ; въ дѣйствительности, оно имѣло весьма малое значеніе для двухъ державъ, изъ которыхъ одна была преимущественно морская, а другая съ трудомъ владѣла нѣсколькими кораблями. Оно не могло даже найти себѣ мѣсто въ трактатѣ 1799 г., заключенномъ между тѣми-же державами. Оно не представляется мнѣ принадлежащимъ къ числу такихъ, которыя могли бы быть приняты морскими націями. Невозможно представить себѣ корсарство, лишеннымъ его дѣйствительнаго назначенія, вредить непріятелю,—и только обязаннымъ имѣть полицейскій надзоръ надъ нейтральными, т. е. совершать дѣйствія, противныя самымъ яснымъ понятіямъ естественнаго права. Отмѣна захвата частной непріятельской собственности должна повести, какъ невольное слѣдствіе, полную отмѣну корсарства.

Послѣ всѣхъ насилій, совершенныхъ корсарами надъ нейтральными народами, можетъ показаться страннымъ, что трактаты не требуютъ новыхъ гарантій противъ этихъ злоупотребленій; что они не содержатъ постановленій болѣе ясныхъ, болѣе точныхъ, относительно той роли, которая должна быть предоставлена этимъ вспомогательнымъ силамъ военнаго флота. Между тѣмъ весьма легко объяснить этотъ фактъ. Корсары имѣютъ своимъ назначеніемъ наблюдать за тѣмъ, чтобы нейтральные народы вѣрно исполняли постановленія международныхъ конвенцій. Это назначеніе противно естественному закону, но оно существуетъ и признается всѣми народами. Редакторы этихъ конвенцій должны были, поэтому, обратить все свое вниманіе на постановленія, относящіяся къ обязанностямъ, выставляемымъ нейтральными, и къ той свободѣ, которая имъ предоставляется, дабы хорошо опредѣлить тѣ случаи, когда корсары имѣли бы право исправлять свою грозную должность, и тѣ факты, которые давали-бы право захватывать.—Разъ, эти пункты хорошо опредѣлены, если воюющій добросовѣстно исполняетъ законы

сторонъ,—корсары не могутъ совершить никакого злоупотребленія. По этой именно причинѣ, трактаты XVIII и XIX ст. стараются придать болѣе ясности и положительности постановленіямъ положительнаго права, относительно правъ и обязанностей нейтральныхъ и воюющихъ, ничего не прибавляя къ условіямъ гарантій, требуемыхъ отъ корсаровъ. Къ несчастію, державы, находившіяся въ войнѣ, или по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, весьма рѣдко оказывались добросовѣстными исполнительницами положительнаго права, какъ это доказываютъ внутренніе законы.

Никакой вопросъ не далъ мѣста такому большому числу законовъ, ордонансовъ, регламентовъ, какъ корсарство (course maritime). При началѣ каждой войны, часто даже во время самыхъ непріязненныхъ дѣйствій, воюющіе издавали какіе нибудь законы по этому вопросу, видимая цѣль которыхъ, была служить инструкціей, не столько для командировъ военныхъ судовъ, какъ для корсаровъ. Если бы законы эти ограничивались вѣрнымъ воспроизведеніямъ постановленій положительнаго права, которыхъ крейсеры могли не знать, то такіе внутренніе законы, по моему мнѣнію, были-бы хороши и полезны; но на дѣлѣ было не такъ. Дѣйствительною цѣлью такихъ законовъ было, сдѣлать извѣстными независимымъ народамъ, болѣе или менѣе незаконныя и тираническія требованія воюющаго, и новыя обязанности, которыя налагали на нихъ силою. Предназначенныя, по крайней мѣрѣ по видимому, для крейсеровъ правительственныхъ и партикулярныхъ, законы эти не содержатъ часто никакого постановленія, примѣнимаго къ самому корсарству и къ условіямъ его существованія. Они ограничиваются указаніемъ тѣхъ случаевъ, когда, по волѣ могущественнаго воюющаго, корсары уполномочиваются захватывать нейтральные корабли, встрѣченные въ морѣ. Не смотря на названіе большинства этихъ внутреннихъ актовъ, они должны быть разсмотрѣны не въ этомъ параграфѣ; они будутъ разсмотрѣны тогда, когда я буду заниматься вопросами, о которыхъ они говорятъ, и въ особенности когда буду разсматривать захватъ и призы нейтральныхъ судовъ.

Внутренніе законы, дѣйствительно предназначавшіеся регламентировать корсарство—очень не многочисленны. Всѣ они, безъ исключенія, требуютъ отъ корсара выполненія трехъ условій, выставляемыхъ положительнымъ правомъ: 1) залогъ, стоимость котораго мѣняется смотря по странѣ и по трактатамъ; 2) патентъ или полномочіе отъ воюющаго государя; и 3) запрещеніе располагать призомъ раньше приговора или рѣшенія суда, учреждаемаго для обсужденія его законности. Но главнѣйшая цѣль этихъ актовъ, опредѣлить внутреннія условія, требуемыя отъ корсара, сдѣлать извѣстнымъ тѣ выгоды, которыя государь предоставляетъ своимъ подданнымъ для того, чтобы поощрить ихъ къ корсарству; опредѣлить ту часть или долю, которая отдается лицамъ, заинтересованнымъ въ призахъ; наконецъ, опредѣлить поведеніе взятелей относительно арестованныхъ судовъ. Вся эта регламентація дѣлалась никакъ не въ интересахъ нейтральныхъ или захваченныхъ, и не для обезпеченія должнаго уваженія къ трактатамъ, но единственно для того, чтобы охранить интересы тѣхъ лицъ, которыя, оказавъ своими деньгами содѣйствіе къ отправленію въ море, сами остались на берегу; тѣхъ, настоящихъ корсаровъ, которые не рискуя своею личностію,—составляли душу предпріятія, и безъ которыхъ корсарство не было бы возможно. Это ясно вытекаетъ изъ постановленій тѣхъ ордонансовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такимъ образомъ, запрещенія: пускать ко дну взятыя суда, отпускать на свободу всѣхъ плѣнныхъ или высаживать ихъ въ мѣста пустынныя, уничтожать корабельные документы и т. п. запрещенія, выставлявшіяся подъ страхомъ очень серьезныхъ наказаній и даже смертной казни, имѣли единственною цѣлію охранять права заинтересованныхъ лицъ. Строгость этихъ законовъ доказываетъ, на сколько поведеніе корсаровъ часто было преступно ([238]).

([238]) См. именно французскій регламентъ отъ 2 преріаля XI г. (22 мая 1803 г.), *Martens*, t. VIII, p. 9. Я ограничиваюсь приведеніемъ этого документа потому, что онъ есть одинъ изъ самыхъ гуманныхъ, и потому, что онъ дѣйствуетъ и по настоящее время (1869) во Франціи.

При разсмотрѣніи актовъ положительнаго права, я говорилъ объ одномъ трактатѣ, который не отмѣняя корсарства, какъ будто однако стремится къ достиженію этого результата ([239]).

Внутренніе законы представляютъ намъ также нѣсколько примѣровъ подобной попытки. Во время войны, которую Россія вела съ Турціей съ 1767 г. до 1774 г., первая изъ этихъ державъ объявила, что она отказывается отъ употребленія патентовъ (lettres de marque), и въ дѣйствительности она не выдала ни одного. Однако же, начиная съ 1787 г., при новомъ разрывѣ между этими двумя имперіями, Россія возвратилась къ системѣ корсаровъ; изданный ею законъ отъ 31 декабря 1787 г., хотя и носитъ на себѣ отпечатокъ большой умѣренности въ нѣкоторыхъ его постановленіяхъ, тѣмъ не менѣе разрѣшаетъ крейсерамъ захватывать нейтральныя суда по однимъ только простымъ подозрѣніямъ ([240]).

([239]) Трактатъ 1785 г. между Американскими Соединенными Штатами и Пруссіей, приведенный выше.

([240]) См. именно ст. 2 объ осмотрѣ и ст. 3. о военной контрабандѣ. Законъ этотъ приведенъ Мартенсомъ, t. IV, p. 337.

Въ ссылкѣ этой вкрались нѣкоторыя неточности. Объ осмотрѣ говоритъ не 2-я, а 3-я статья, Высочайше утвержденныхъ 31 декабря 1787 г. «Правилъ для партикулярныхъ корсеровъ» (см. Полн. Собр. Зак., за 1787 г. № 16599). Статья эта говоритъ: «Какъ въ военное время нерѣдко бываетъ, что непріятельскій корабль или судно укрывается подъ флагомъ нейтральной Державы, равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ нейтральныхъ подданныхъ, побуждаемые корыстолюбіемъ, возятъ къ непріятелямъ припасы, военными правами запрещенные, то предосторожность требуетъ, чтобъ никакія купеческія суда, плывущія къ ихъ берегамъ, безъ осмотра пропускаемы не были; почему вооруженные Россійскіе корсеры и могутъ всякое судно, плавающее въ Левантѣ и Архипелагѣ, подъ какимъ бы оно флагомъ ни было, останавливать и осматривать».

Слѣдующая, 4-я статья говоритъ о самомъ порядкѣ производства осмотра: «къ осмотру всякаго судна подъ флагомъ христіанскимъ должно посылать на шлюпкѣ одного изъ штурмановъ, человѣка благоразумнаго, а по пристаніи его къ борту, одинъ только сей штурманъ а никто другой и ни подъ какимъ видомъ взойти на судно не можетъ. Потомъ, долженъ онъ, со всякою благопристойностію, истребовать у шкипера паспорты, коносаменты, контракты, или шартопартіи и аттестатъ о здоровьѣ экипажа. А когда по симъ бумагамъ довольно будетъ видно, что какъ судно, такъ и экипажъ дѣйствительно принадлежатъ нейтральной державѣ, и что на немъ никакихъ нѣтъ запрещенныхъ военныхъ припасовъ, въ такомъ случаѣ *немедленно* должно его отпустить въ желаемый путь, хотябъ впрочемъ и всѣ нагруженные на немъ товары дѣйствительно принадлежали непріятелю; ибо по при-

Вторая попытка, сдѣланная къ уничтоженію корсарства была такого рода, что могла бы оказать большое вліяніе на націи, если бы она была сдѣлана въ другое время и правильно признаннымъ правительствомъ. Въ 1792 г. Французское Законодательное Собраніе издало одну прокламацію, содержавшую въ себѣ приглашеніе ко всѣмъ націямъ, согласиться на отмѣну: во 1-хъ конфискаціи частной собственности, и во 2-хъ корсарства. Идея эта, очень философская, имѣла мало успѣха; одинъ только городъ Гамбургъ отвѣтилъ на это приглашеніе (241). Для достиженія этой цѣли необходимо согласіе всеобщее; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я смотрѣлъ на это согласіе какъ на невозможное; въ настоящее время (1856 г.) я на него смотрю все еще какъ на очень трудное; но одинъ очень важный фактъ заставляетъ измѣнить мое мнѣніе.

Въ 1854 г., въ тотъ моментъ, когда Франція и Англія соединились вмѣстѣ и объявили Россіи войну, эти двѣ дер-

---

нятому Ея Императорскимъ Величествомъ правилу, и самая непріятельская собственность покрывается нейтральнымъ флагомъ. При таковомъ осмотрѣ не дѣлать впрочемъ ни малѣйшей грубости, угроженія или принужденія, и ни подъ какимъ видомъ ничего не брать и не касаться ни до малѣйшей вещи».

Ни въ одной изъ приведенныхъ здѣсь статей не говорится однако о разрѣшеніи захватывать нейтральныя суда по однимъ только подозрѣніямъ. Наоборотъ, здѣсь высказывается полное уваженіе къ принципу неприкосновенности нейтральнаго флага.

Ст. 2 тѣхъ же Правилъ говоритъ о захватѣ судовъ непріятельскихъ: «непріятельскія суда, какъ военныя такъ и торговыя, Россійскіе арматоры имѣютъ право преслѣдовать, атаковать, захватывать или истреблять вездѣ, гдѣ только случай къ тому представится; выключая того, если непріятельское судно, укрываясь, успѣетъ стать подъ пушечный выстрѣлъ отъ пристани или берега нейтральной державы; равнымъ образомъ никакихъ непріятельскихъ дѣйствій не должны они себѣ дозволять въ портахъ или рейдахъ, нейтральнымъ державамъ принадлежащихъ, доколѣ непріятельскія суда неудалятся отъ оныхъ далѣе пушечнаго выстрѣла». И здѣсь высказывается тотъ же принципъ неприкосновенности нейтральной территоріи.

Въ ст. 5 говорится о военной контрабандѣ. Послѣ перечисленія тѣхъ предметовъ, которые должны составлять военную контрабанду, статья эта заканчивается словами: «всѣ означенныя вещи, исключая количество потребное для самаго судна, для экипажа и пассажировъ подвержены будутъ по всѣмъ военнымъ правамъ, какъ и по самымъ нейтральнымъ конвенціямъ, конфискаціи и захвату».

Примѣч. Перев.

(241) См. *Ortolan*, «Règles internationales», tom. II, liv. 3, ch. 3, текстъ декрета національнаго собранія.

жавы отказались отъ употребленія корсарства. Не будучи въ состояніи вредить этимъ двумъ націямъ, мѣра эта могла много облегчить бѣдствія войны. Соединенные флоты обѣихъ державъ могли, какъ они и сдѣлали, блокировать дѣйствительно и фактически всѣ порта ихъ непріятеля, и слѣдовательно воспрепятствовать всякому русскому мореплаванію и всякому сообщенію нейтральныхъ съ берегами ихъ противника. Система эта, принятая на обѣихъ моряхъ, омывающихъ берега Россіи, была очень дѣйствительна и оставила корсарамъ, если бы таковые были, очень мало шансовъ на добычу. Такой отказъ отъ подобнаго средства войны, сдѣланный спеціально для извѣстнаго случая и безъ всякихъ обязательствъ на будущее время былъ, въ моихъ глазахъ, актомъ одинаково политичнымъ и выгоднымъ для союзныхъ націй.

Трактатъ 30 марта 1856 г. положилъ конецъ этой войнѣ. Декларація 16 апрѣля, приложенная къ этому трактату и принятая всѣми державами, имѣвшими своихъ представителей на Парижскомъ конгрессѣ, провозглашаетъ отмѣну корсарства и приглашаетъ всѣ народы присоединиться къ ея постановленіямъ. Я буду имѣть случай сдѣлать оцѣнку этого важнаго рѣшенія, а потому и ограничусь здѣсь только замѣчаніемъ, что рѣшеніе это мнѣ кажется, насколько искуснымъ (habile) со стороны Англіи, настолько-же не политичнымъ и опаснымъ (impolitique et dangereuse) для всѣхъ другихъ Государствъ и главнымъ образомъ для Франціи ([242]) Парижскій трактатъ есть единственный, который провозглашаетъ отмѣну корсарства; не смотря на громадный авторитетъ, который ему придаютъ, на условія, при которыхъ онъ заключенъ и на могущество государствъ, подписавшихъ его,—онъ все таки не можетъ составлять законодательства международнаго; поэтому необходимо, указавъ на его постановленія, продолжать изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ корсарству.

Одинъ изъ вопросовъ, затронутыхъ трактатами XVIII ст. есть вопросъ о выдачѣ патентовъ (lettres de marque) поддан-

([242]) См. ниже, послѣдн. часть.

нымъ иностраннымъ и нейтральнымъ. Международный законъ не старался отнять у воюющаго его неоспоримаго права—набирать вооруженныя силы у иностранцевъ, вербовать вспомогательныя силы у всѣхъ другихъ народовъ ([243]), но онъ поставилъ серьезныя препятствія для пользованія этимъ правомъ, предписавъ нейтральнымъ исполнять ихъ обязанности, и, слѣдовательно, воспрещать ихъ подданнымъ принимать приглашенія или патенты (commissions de guerre) отъ воюющихъ. Внутренніе законы весьма сильно помогли, въ этомъ отношеніи, международному праву. Франція всегда запрещала своимъ подданнымъ, подъ страхомъ очень серьезныхъ наказаній, принимать патенты или полномочія отъ иностранныхъ государей. Ордонансъ 1681 г. объявлялъ виновнаго подлежащимъ наказанію, опредѣленному за пиратство; всѣ другіе внутренніе законы этого государства сохранили это строгое постановленіе и опредѣленныя для него наказанія ([244]). Всѣ другія государства послѣдовали этому примѣру ([245]). Я не могъ, однако, найти ни одного англійскаго текста, относящагося къ этому вопросу и это заставляетъ меня думать, что Англія воздержалась установлять чтобы то ни было по этому предмету. Внутренніе законы одинаково воспрещаютъ въ нейтральныхъ портахъ вооруженіе и даже постройку кораблей, предназначенныхъ для корсарства. Я не знаю ни одного закона, который воспрещалъ-бы

([243]) См. Шведскій ордонансъ 1715 г.; ст. I именно подтверждаетъ это право.

([244]) Ст. 3, ч. IX, кн. 3 ордонанса 1681 г. говоритъ: «Défendons à tous nos sujets de prendre commissions d'aucuns rois, princes ou Etats étrangers, pour armer des vaisseaux en guerre sous leur bannière, si ce n'est par notre permission, à peine d'être traités comme pirates.» (Запрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ принимать патенты (commissions) отъ какихъ бы то ни было иностранныхъ королей, принцевъ или государствъ, на вооруженіе кораблей для войны подъ ихъ флагомъ, если на это не будетъ нашего разрѣшенія,—подъ страхомъ быть сужденными какъ пираты). Регламентъ 2 преріаля XI г. возобновилъ это запрещеніе, а законъ 10 апрѣля 1825 г. назначаетъ виновнымъ заключеніе. (ст. 3, §§ 1 и 7).

([245]) См. Голландія, плакардъ отъ 3 мая 1779 г.; Испанія, ордонансъ отъ 1 іюля 1779 г., *Martens*, t. III, p. 62 и 139; и всѣ ордонансы, изданные во время войны за независимость Америки,—Венеціей, Обѣими Сициліями, римскими государствами, Швеціей, Генуей, Тосканой и др. Всѣ эти акты приведены у *Martens*'a, t. IV, p. 209 и слѣд.

воюющему вербовать арматоровъ въ иностранныхъ государствахъ.

Но есть одинъ фактъ, который повторяется очень часто, и который не предусмотрѣнъ ни трактатами, ни внутренними законами: это приглашеніе нейтральныхъ подданныхъ на иностранные корсарскіе корабли. Въ тотъ моментъ, когда вспыхнула послѣдняя война между Соединенными Штатами и Мексикой, эта послѣдняя сдѣлала въ европейскихъ портахъ, и въ особенности во Франціи и Англіи, самыя блестящія предложенія морякамъ, которые согласились бы поступить на ея корсарскіе корабли. Соединенные Штаты поспѣшили сдѣлать энергическія представленія французскому и англійскому правительствамъ, стараясь добиться запрещенія ихъ подданнымъ принимать эти предложенія; но та и другая державы были безсильны. Французскіе законы не предусматривали этотъ спеціальный случай. Они запрещали и наказывали фактъ принятія патента (lettre de marque) отъ иностраннаго государства, т. е. командованіе иностраннымъ корсарскимъ кораблемъ, — но не поступленіе на службу на такой корабль въ качествѣ матроса или въ какой нибудь другой, подчиненной должности. Столь быстрый исходъ этой войны отнялъ весь интересъ у этого вопроса, который, впрочемъ, не легко разрѣшить. Всѣ націи допускаютъ въ составѣ экипажей корсаровъ значительное число иностранцевъ.— Первая нація, которая воспретила бы своимъ подданнымъ служить на судахъ, вооруженныхъ воюющими,—была бы очевидно подвергнута репресаліямъ со стороны всѣхъ остальныхъ, которыя, однако, продолжали бы пользоваться существующимъ порядкомъ вещей, и даже обратили-бы его противъ той, которая предприняла нововведеніе. По этому предмету, какъ почти по всѣмъ международнымъ вопросамъ, необходимо единодушное согласіе всѣхъ морскихъ націй. Я долженъ прибавить, что разрѣшеніе подданнымъ поступать на службу къ одной изъ воюющихъ сторонъ, — противно обязанностямъ нейтралитета; то обстоятельство, что служба будетъ имѣть мѣсто на кораблѣ корсарскомъ, а не на военномъ — мало имѣетъ значенія. Во всякомъ случаѣ это будетъ непріяз-

ненное дѣйствіе, запрещенное для націй, желающихъ остаться мирными.

Въ теченіе нѣкотораго времени во Франціи было въ обычаѣ, что государство ссужало частнымъ лицамъ военныя суда для корсарства. Такіе корсары, конструкція и вооруженіе которыхъ дѣлали ихъ весьма грозными для непріятеля, были подчинены тѣмъ-же формальностямъ, какъ и всѣ другіе корсары. Такъ, въ 1760 г. нѣкто г. Гадесъ (Gadès) изъ Бордо, получивъ отъ короля въ ссуду фрегаты *Opale* и *Brune* думалъ, что они могутъ обойтись безъ взятія патентовъ. По возвращеніи ихъ, четыре приза, которые они сдѣлали у Англичанъ, были конфискованы въ пользу короля, какъ сдѣланные неправильными корсарами. Если бы они имѣли несчастіе попасть въ руки непріятеля, то по всѣму вѣроятію, съ ними поступили-бы какъ съ пиратами. Я не думаю, чтобы такого роды ссуды могли когда нибудь войти въ употребленіе. Горозда приличнѣе, когда государство не вмѣшивается въ вооруженія подобнаго рода.

Патенты (lettres de marque), какъ я уже сказалъ, должны исходить отъ воюющаго государя и должны быть выдаваемы отъ его имени, уполномоченными имъ чиновниками. Это существенное условіе законности патентовъ породило весьма серьезный вопросъ.—При началѣ войны за Американскую независимость, въ 1778 г. Англичане отказались признавать американскихъ корсаровъ законными врагами, подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣвшіеся у нихъ патенты исходили не отъ государя, а отъ возставшихъ подданныхъ. Великобританія однако должна была вскорѣ отказаться отъ такого притязанія, и практиковать, съ возставшими противъ своей метрополіи колонистами, международное обращеніе. Подобное затрудненіе было также заявлено со стороны Россіи и Англіи въ 1793 г. относительно французскихъ корсаровъ. Эти двѣ державы дѣлали даже энергичныя представленія передъ Копенгагенскимъ и Стокгольмскимъ кабинетами, съ цѣлію склонить ихъ принять такое-же мнѣніе, но представленія эти остались тщетными, такъ какъ Данія и Швеція энергично воспротивились. Попытка эта имѣла такую же судьбу, какъ и предъ-

идущая. Опасеніе репресалій, какъ замѣчаетъ Мартенсъ, быстро приводитъ воюющихъ къ умѣренности ([246]). Въ самомъ дѣлѣ, если одна изъ сторонъ практикуетъ, по отношенію къ корсарамъ другой, обращеніе какъ съ пиратами, то она должна ожидать, что и всѣ ея подданные, которые попадутъ въ руки непріятеля, будутъ подвержены той же участи. Этотъ вопросъ могъ бы встрѣтиться довольно часто: каждый разъ, когда провинціи возстаютъ для завоеванія себѣ свободы; каждый разъ, когда случается захватъ власти, или когда два соперника оспариваютъ корону и т. п. Но существуетъ принципъ, что иностранцы всегда должны признавать законною ту власть, которая существуетъ въ государствѣ.

Можетъ-ли корсаръ взять патенты отъ двухъ или нѣсколькихъ различныхъ государей? Внутренніе законы всѣхъ націй разсматриваютъ такое дѣйствіе какъ пиратское, даже тогда, когда патенты исходятъ отъ двухъ государей, вступившихъ въ союзъ для веденія одной общей войны.—Невозможно допустить, чтобы одно и тоже судно находилось на службѣ двумъ различнымъ націямъ ([247]).

§ IV. *Непріятельская собственность на нейтральныхъ корабляхъ.*

Правило: *флагъ покрываетъ грузъ*,—въ концѣ предшествовавшаго періода, было уже признано и санкціонировано, всѣми націями въ мірѣ. Всѣ морскіе народы, всѣ трактаты провозгласили его; трактаты, закончившіе войну за испанское наслѣдство присоединили свой громадный авторитетъ къ предшествовавшимъ актамъ. Въ теченіе XVIII ст. многочисленныя, тождественныя конвенціи были заключены между различными морскими народами, и всѣ эти акты, за исключе-

---

([246]) Ноты, врученныя по этому случаю русскимъ и англійскимъ послами датскому и шведскому правительствамъ, также какъ и отвѣты этихъ послѣднихъ, находятся въ «*Recueil*». *Martens*'а, t. V, p. 255. Отвѣтъ датскаго министра г. Бернсторфа достоинъ этого великаго государственнаго человѣка.

([247]) См. «Essai sur les armateurs, les prises et surtout les reprises», ch. 1.

ніемъ только четырехъ, освятили правило: *корабль свободенъ—грузъ свободенъ*, (*navire libre,—marchandises libres*). Достаточно будетъ привести нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ, а именно: Парижскій, 1748 г., заключенный между Франціей, Англіей и Голландіей; трактатъ 1763 г., заключенный между первыми двумя державами; трактаты, образовавшіе вооруженный нейтралитетъ въ 1780 г., принятые или одобренные всѣми морскими націями, за исключеніемъ Англіи; Версальскій трактатъ 1783 г., заключенный между Франціей, Испаніей, Голландіей и Англіей; наконецъ, англо-французская торговая конвенція 1786 г. Всѣ европейскія державы, даже Англія, и болѣе того, новое государство, только что образовавшееся по ту сторону Атлантическаго океана,—были связаны между собою; положительный законъ, по этому предмету, былъ полонъ, на сколько это возможно.

Такое же единодушіе мы находимъ въ актахъ, заключенныхъ въ теченіе первой половины XIX ст.; всѣ трактаты, подписанные въ теченіе этого промежутка времени, за двумя исключеніями,—признаютъ принципъ: *корабль свободенъ, грузъ свободенъ*, (*navire libre, marchandises libres*). Слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ, Великобританія почти постоянно отказывалась включать въ торжественный актъ принципы морскаго права вообще и въ частности тотъ, о которомъ идетъ рѣчь. Однакоже она прервала это молчаніе, слишкомъ упорное, чтобы не быть слѣдствіемъ какого нибудь разсчета,—при очень торжественномъ обстоятельствѣ: декларація отъ 16 апрѣля 1856 г., присоединенная къ трактату отъ 30 марта того же года, была подписана ею, и эта декларація провозглашаетъ преимущество нейтральнаго флага.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ трактатовъ содержатъ одно ограничительное постановленіе; они объявляютъ, что статья: *флагъ покрываетъ грузъ*—будетъ имѣть силу во время войны, только тогда, когда обѣ воюющія стороны одинаково признаютъ ее ([248]). Такое ограниченіе, практикуемое въ особен-

([248]) «....Toutefois il est entendu et convenu que les stipulations contenues dans le présent article, et qui portent que le pavillon couvre la marchandise, ne seront applicables qu'aux puissances qui reconnaissent ce principe. Mais si l'une des

ности Соединенными Штатами, можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Оно мнѣ представляется совершенно согласнымъ съ принципами международнаго права. Дѣйствительно, невозможно допустить, чтобы одинъ изъ воюющихъ сталъ уважать собственность своего противника, найденную на нейтральномъ кораблѣ, тогда какъ его собственные товары, или грузы, находящіеся на томъ-же самомъ кораблѣ, подлежали-бы конфискаціи со стороны его противника. По моему мнѣнію, такое ограниченіе не имѣло даже надобности быть выраженнымъ, потому что оно могло быть сдѣлано по праву. Обязанность нейтральнаго—быть безпристрастнымъ относительно обоихъ воюющихъ, обходиться съ обоими съ одинаковою благосклонностью; слѣдовательно, если, на основаніи-ли особыхъ конвенцій, или даже вслѣдствіе слабости, нейтральный допускаетъ, что одна изъ воюющихъ сторонъ является на его корабли, на его территорію, захватывать и конфисковать имущества, принадлежащія другой сторонѣ,—онъ не можетъ, каковы бы ни были обязательства, принятыя этимъ послѣднимъ воюющимъ, требовать чтобы онъ уважалъ грузъ своего противника, находящійся подъ такимъ флагомъ, который не могъ охранить его собственный грузъ.—Безъ сомнѣнія, очень большое несчастіе для нейтральнаго быть слишкомъ слабымъ для того, чтобы не имѣть возможности заставить уважать свое право, но даже это несчастіе есть нарушеніе самой важнѣйшей обязанности нейтралитета. Разсмотрѣніе шести тракта-

---

parties contractantes est en guerre avee une tierce puissance, et que l'autre garde la neutralité, le pavillon de celle-ci couvrira la propriété des ennemis dont le gouvernement aura reconnu le méme principe». «Однако условлено и постановлено, что правила, содержащіяся въ настоящей статьѣ и опредѣляющія, что флагъ покрываетъ грузъ, будутъ примѣняемы только къ тѣмъ державамъ, которыя признаютъ этотъ принципъ. Но если одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ находиться въ войнѣ съ третьею державою, а другая будетъ сохранять нейтралитетъ, то флагъ этой послѣдней будетъ покрывать собственность непріятеля, правительство котораго будетъ признавать тотъ-же принципъ»). Ст. 12 трактата отъ 30 октября 1824 г., заключеннаго между Соединенными Штатами и Колумбіей, *Martens*, «Nouv. Supp.», t. II, p. 412. См. также трактаты: 1825 г. между Соединенными Штатами и Гватемалой, ст. 14 и 16;—1832 г., съ Чили, ст. 12 и 13;—1836 г., сь Перу;—1839 г. между Франціей и Техасомъ;—1843 и 1846 г. между Франціей и Венецуэлой, и др.

товъ, которые въ теченіе полутора столѣтій отвергали принципъ, принятый всѣми, доставитъ намъ замѣчательный примѣръ подобной отвѣтственности нейтральнаго.

Въ 1716 г. Франція заключила съ Ганзейскими городами одинъ трактатъ, въ которомъ непріятельская собственность была объявлена подлежащею конфискаціи на нейтральныхъ корабляхъ. Трактатъ этотъ былъ возобновленъ съ тою-же статьею въ 1769 г. ([249]). Актъ этотъ, предложенный Франціей свободнымъ Германскимъ городамъ былъ бы необъяснимъ, если бы мы не вспомнили, что во время войны за испанское наслѣдство и во время войнъ, слѣдовавшихъ за нею,— города эти терпѣли, безъ всякаго сопротивленія, требованія Англіи и допускали конфискацію французской собственности, находившейся на ихъ корабляхъ. Поэтому, вышеприведенный трактатъ былъ, со стороны Франціи, родомъ репресаліи. Тотъ-же самый мотивъ долженъ быть приложенъ къ трактату, заключенному въ 1779 г. тою же державою съ Мекленбургомъ.

Четвертый трактатъ, заключенный въ теченіе XVIII ст. принадлежитъ Англіи: это трактатъ 1794—1795 г. съ Американскими Соединенными Штатами, о которомъ я уже говорилъ по поводу военной контрабанды. Трактатъ этотъ былъ очевидно неравный.—Молодая республика, совершенно одинокая, была принуждена договариваться, одинъ на одинъ, съ своею прежнею метрополіею. Она должна была покориться и принять отрицаніе такихъ правилъ, на которыхъ она основала свою независимость. Послѣ долгихъ сопротивленій и колебаній, она подписала актъ, содержащій, по крайней мѣрѣ частью, основанія политики своей гордой и могущественной противницы. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ этомъ трактатѣ, на который Америка согласилась съ такимъ трудомъ, принципъ: флагъ не покрываетъ грузъ, допущенъ только временно, а не какъ абсолютный принципъ.—([250]). Этотъ актъ возбудилъ серьезныя недоразумѣнія.

([249]) См. ст. 13 трактата отъ 28 сентября 1716 г., *Dumont*, t. VIII, part. 1.

([250]) 12 ст, 5-го § этого трактата говоритъ: «il est convenu que cet article, ainsi que toutes les dispositions qu'ils renferme, subsisteront tout le temps que du-

Франція, которая въ 1778 г. первая признала американскую независимость и подписала съ возставшими колоніями трактатъ, основанный на принципѣ: *корабль свободенъ, грузъ свободенъ*, энергически протестовала противъ нарушенія принятыхъ обязательствъ и противъ пристрастнаго поведенія Соединенныхъ Штатовъ. Она прекратила все дѣйствіе трактата 1778 г, и объявила подлежащими конфискаціи всѣ англійскіе товары, найденные на американскихъ корабляхъ.—([251]). Наконецъ между двумя націями вспыхнула война. Она продолжалась не долго и закончилась трактатомъ 1800 г., 14-ая статья котораго воспроизвела принципъ торговой свободы нейтральныхъ.

Два акта, заключенные въ теченіе XIX ст. принадлежатъ оба Великобританіи. Въ 1800 г., Россія, Данія и Швеція, утомленныя тираническими, и даже пиратскими дѣйствіями англійскаго флота, рѣшились возобновить союзъ вооруженнаго нейтралитета. Чтобы помѣшать такому дѣйствію, выполненіе котораго могло компрометировать успѣхъ ея политики, Англія считала нужнымъ нанести энергичный ударъ. Она атаковала и истребила датскій флотъ въ самомъ Копенгагенскомъ портѣ, (2 апрѣля 1801 г.). Въ это время, Русскій Императоръ Павелъ I скончался и его преемникъ былъ сторонникомъ Англіи. Эта держава не упустила столь благопріятный случай. 11 іюня *) была подписана Императоромъ Александромъ I одна морская конвенція, о которой я буду часто говорить. Непріятельская собственность была объяв-

---

rera la guerre dans laquelle S. M. se trouve engagée, et deux aus au delà de ceterme.... Les deux parties renouvelleront alors leurs discussions, et chercheront à déterminer s'il est vrai qu'il y ait des cas où la propriété ennemie puisse être protégée par le pavillon neutre».... («условлено, что эта статья, также какъ и всѣ постановленія, которыя она содержитъ, будутъ оставаться въ силѣ въ продолженіе всего того времени, пока будетъ продолжаться война, въ которой Е. В. участвуетъ и, два года спустя послѣ того....Обѣ стороны возобновятъ тогда свои переговоры и постараются опредѣлить: будетъ-ли справедливо, чтобы допустить случаи, когда непріятельская собственность можетъ быть охраняема нейтральнымъ флагомъ....») См. *Martens*, «Rec»., t. V, p. 637.

([251]) См. декретъ, изданный исполнительной директоріей отъ 2 марта 1797 г. *Bull. des lois*, 1797 г. (вантоза годъ V) и *Martens*, t V, p. 393.

*) 5 (17) іюня 1801 г. См. Полн. Собр. Зак. № 19907.

Прим. Перевод.

лена подлежащею конфискаціи на нейтральныхъ корабляхъ (*), и Россія, которая была первою зачинщицею, предположеннаго въ 1800 г. союза, должна была убѣждать Данію и Швецію подписать эту конвенцію, и употребить всѣ средства, даже силу, чтобы достигнуть этого результата. Послѣ безполезныхъ усилій добиться нѣкоторыхъ измѣненій, эти двѣ націи должны были уступить силѣ; онѣ подписали трактатъ 1801 г. Я нахожу безполезнымъ дѣлать какія бы то нибыло замѣчанія объ этомъ мнимомъ трактатѣ. Россія сама взяла на себя комментировать его; она сдѣлала это весьма положительнымъ образомъ въ своемъ объявленіи войны 1807 г. Она отмѣнила трактатъ 1801 г. Англія, съ своей стороны, офиціально объявила всѣмъ державамъ, что она отказывается отъ этого трактата, дабы придерживаться того, что̀ она называетъ своимъ частнымъ морскимъ правомъ. Трактатъ отъ 5 іюля 1812 г., положившій конецъ войнѣ между двумя державами, не напоминаетъ ни одного изъ прежнихъ трактатовъ, ни даже трактата 1801 г.; онъ идетъ еще дальше, и регулированіе морскихъ и торговыхъ вопросовъ, предоставляетъ будущему соглашенію (**), которое осуществилось только въ 1856 г., декларацією отъ 16 апрѣля, приложенной къ Парижскому трактату. Такимъ образомъ, трактатъ 1801 г. въ дѣйствительности отмѣненъ; ничтожный съ самаго своего происхожденія, какъ навязанный силою, онъ былъ уни-

(*) 2-й пунктъ III статьи Конвенціи, заключенной Россіей съ Великобританіей $^{5}/_{17}$ іюня 1801 г. говоритъ: 2) «Чтобы вещи, нагруженныя на нейтральныхъ корабляхъ были свободны, *за исключеніемъ военныхъ заповѣдныхъ снарядовъ и непріятельской собственности*, однако-же соглашено не полагать въ число послѣдней товары производимые, произростающіе или обдѣлываемые въ воюющихъ Государствахъ, какъ скоро они куплены подданными нейтральной Державы и перевозятся на счетъ ихъ, и таковыхъ товаровъ нельзя ни въ какомъ случаѣ исключить изъ льготы, дозволенной флагу вышесказанной Державы». См. Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 19907. *Прим. Перевод.*

(**) Ст. IV мирнаго договора, заключеннаго въ Эребро 6 (18) іюля 1812 года между Россіей и Англіей говоритъ: «Обѣ высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ, сколь можно скорѣе условиться и согласиться во всемъ томъ, что могло-бы имѣть отношеніе ко взаимнымъ ихъ пользамъ, какъ политическимъ, такъ и коммерческимъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1812 г. № 27177. *Прим. Перевод.*

чтоженъ самими договаривавшимися сторонами еще въ 1807 г. ([252]).

Послѣдній трактатъ, санкціонировавшій принципъ, противоположный общему праву, былъ заключенъ въ 1842 г. Англіею съ Португаліею. Всѣ прежнія конвенціи, заключенныя между этими государствами, были согласны съ всеобщимъ законодательствомъ; этотъ же трактатъ отступилъ отъ него. Было-бы трудно объяснить принятіе Португаліей этой статьи, если-бы не было извѣстно положеніе этой монархіи по отношенію къ Англіи, и если бы мы не знали, насколько Португалія спѣшила освободиться отъ тѣхъ оковъ, которыя на нее были наложены, болѣе столѣтія тому назадъ, (1703 г.)., Метуэнскимъ

([252]) Вотъ нѣкоторыя части русской деклараціи отъ 7 ноября 1807 г.: «L'Empereur déclare qu'il annule, et pour toujours, tout acte conclu précédemment entre la Grande—Bretagne et la Russie, et notamment la convention faite en 1801, $^5/_{17}$ juin; il proclame de nouveau les principes de la neutralité armée, ce monument de la sagesse de l'Impératrice Catherine, et s'engage à ne jamais déroger á ce système». *Martens*, t. VII. p. 706.

«Его Величество объявляетъ, что навсегда уничтожаются всѣ акты до сего времени между Россіею и Англіею установленные, и именно конвенція въ 5 (17) день іюня 1801 года заключенная. Его Величество подтверждаетъ начала вооруженнаго нейтралитета, сей памятникъ мудрости Ея Величества Императрицы Екатерины Вторыя, и пріемлетъ на Себя обязанность никогда не отступать отъ сея системы». См. Декларацію отъ 24 октября 1801 г. о разрывѣ мира съ Англіею. Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 22653. Англійская декларація отъ 18 декабря 1807 г. говоритъ: «S. M. proclame de nouveau les principes de la loi maritime contre lesquels fut dirigée la neutralité armée, sous les auspices de l'impératrice Catherine, et contre lesquels la Russie dénonce actuellement les hostilités. Ces principes ont été reconnus par toutes les puissances de l'Europe; ils ont, de tout temps, essentiellement contribué au maintien de la puissance maritime de l'Angleterre; mais ils sont devenus d'une importance incalculable à une époque où la puissance maritime de la Grande-Bretagne est le seul boulevard existant contre les usurpations sans cesse renaissantes de la France, et le seul refuge auquel d'autres nations puissent avoir recours dans des temps plus heureux». *Martens*, loc. cit., p. 717. (Е. В. снова подтверждаетъ тѣ принципы морскаго закона, противъ которыхъ былъ направленъ вооруженный нейтралитетъ подъ покровительствомъ Императрицы Екатерины, и противъ которыхъ Россія объявляетъ нынѣ войну. Эти принципы были признаны всѣми европейскими державами; принципы эти всегда существенно содѣйствовали къ поддержанію морскаго могущества Англіи; но они сдѣлались неисчислимо важными въ то время, когда морское могущество Великобританіи есть единственный существующій оплотъ противъ безпрестанно возобновляющихся узурпацій Франціи, и единственное убѣжище, къ которому другія націи могутъ прибѣгать въ болѣе счастливыя времена»).

трактатомъ.—Довольно странно видѣть въ актѣ 1842 г.. актѣ, чисто фискальномъ и торговомъ,—среди постановленій таможенныхъ и не имѣющихъ ничего общаго съ этимъ вопросомъ, маленькую статью, очень лаконическую, но измѣняющую вѣковую политику Португаліи по такому важному принципу.

Шесть, только что разсмотрѣнныхъ мною, трактатовъ, достаточны-ли для того, чтобы нанести вредъ законодательству, вытекающему изъ болѣе чѣмъ ста тождественныхъ актовъ, подписанныхъ всѣми европейскими націями? ([253]) Очевидно нѣтъ. Положительный законъ постояненъ; онъ провозглашаетъ принципъ: *корабль свободенъ — грузъ свободенъ.*

Внутренніе законы націй, правда, не слѣдовали вполнѣ за положительнымъ закономъ; однако же, съ живымъ удовольствіемъ мы можемъ констатировать, что они начали приближаться къ тѣмъ принципамъ, отъ которыхъ они никогда недолжны - бы были уклоняться. потому что единственною цѣлью внутреннихъ законовъ должно быть: обезпеченіе полнаго и точнаго исполненія трактатовъ, подданными государей, которые ихъ подписали. Франція, въ особенности, открыто вступила на путь торговой свободы; каждый изъ ея внутреннихъ актовъ, за тѣми исключеніями, которыя если не могутъ быть мотивированы, то могутъ быть извинены правомъ репресалій, стараются возвратить морскимъ націямъ ту свободу, которой онѣ такъ долго были лишены. Остальныя государства послѣдовали примѣру, поданному Франціей. Одна держава осталась изолированною отъ общаго движенія—это Великобританія.

Законъ 1704 г.,—былъ законъ французскій, дѣйствовавшій въ тотъ моментъ, когда начинается этотъ періодъ; онъ назначалъ, не только конфискацію непріятельской собственности

([253]) M. le baron F. de Cussy, въ своемъ сочиненіи «Fhases et causes célèbres» признаетъ существованіе 122 трактатовъ, заключенныхъ въ періодъ съ 1746 по 1846 г., провозглашающихъ принципъ: *корабль свободенъ, грузъ свободенъ.* — 24 были подписаны Франціей, 17 — Голландіей, 10 — Великобританіей, 16 — Соединенными Штатами, и пр.

на нейтральномъ кораблѣ, но даже конфискацію самого корабля и всего его груза. Болѣе того, онъ воспрещалъ всякую косвенную торговлю произведеніями непріятельской земли и фабрики, кто-бы ни былъ собственникъ этихъ произведеній. Когда въ 1744 г. вспыхнула война между Франціей и Англіей—то былъ изданъ новый ордонансъ. Конфискація непріятельскихъ товаровъ была сохранена, но корабль и остальной грузъ оставались свободными: торговля произведеніями непріятельской земли и фабрики продолжала, впрочемъ, оставаться запрещенною. Это былъ шагъ къ лучшему, но это еще не было самое лучшее. Законъ этотъ оставался въ силѣ до іюля 1778 г.; онъ, слѣдовательно, примѣнялся во время войны 1744 и 1755 гг.

Въ тотъ моментъ, когда началась война за американскую независимость, Франція издала регламентъ отъ 26 іюля 1778 г., примѣняемый еще и въ настоящее время (*) во многихъ его постановленіяхъ. Принципъ: *корабль свободенъ—грузъ свободенъ* былъ, наконецъ, признанъ внутреннимъ закономъ. Франція, первая, имѣетъ славу вписать его въ свое законодательство. Правда, онъ былъ провозглашенъ не очень ясно, но онъ былъ изданъ. Нѣкоторыя лица старались возбудить сомнѣніе по этому предмету, но фактъ не можетъ быть серьезно оспориваемъ: къ тому же, уже три четверти столѣтія, какъ законъ 1778 г. истолковывался и примѣнялся именно въ этомъ смыслѣ.

Оговорка, которою заканчивается 1-я ст., есть ничто иное, какъ оговорка принятая американскими трактатами, о которыхъ я замѣтилъ; она предоставляла иностраннымъ державамъ шесть мѣсяцевъ для того, чтобы дать Франціи тѣже преимущества, подъ страхомъ видѣть себя лишенными ихъ. Эта оговорка, была примѣняема въ этомъ смыслѣ, начиная съ 1779 г. Голландцы много колебались относительно того, какъ имъ поступить; тѣмъ временемъ, они оказывали англичанамъ угодливость, несовмѣстимую съ качествами нейтральныхъ, каковыми они хотѣли казаться; въ числѣ другихъ

(*) 1869 г.

уступокъ, они предоставляли право производить на своихъ корабляхъ розыскъ непріятельской собственности, захватывать ее и конфисковать. Постановленіе совѣта отъ 14 января 1779 г. отмѣнило примѣненіе закона 1778 г. по отношенію къ Голландцамъ, и опять снова поставило корабли этой націи подъ дѣйствіе ордонанса 1774 г.: «*потому что*,—говоритъ постановленіе,—*республика не получила отъ Лондонскаго двора свободу для мореплаванія равную той, которую королъ условно обѣщалъ ея флоту, и которую ея трактаты съ Англіей ей обезпечивали*». Это еще не значитъ, что я одобряю законы, такимъ образомъ продиктованные воюющими—нейтральнымъ націямъ; я нахожу ихъ несправедливыми и посягающими на независимость народовъ; но фактъ этотъ оправдывается уступчивостію Голландіи по отношенію къ требованіямъ Великобританіи, и доказываетъ, что регламентъ 1778 г., отъ начала своего происхожденія, истолковывался такъ, какъ я его понимаю и какъ понялъ его ученый Мерлинъ (Merlin) [254]).

По этому спеціальному вопросу, внутренніе законы Франціи находились, слѣдовательно, въ полномъ согласіи съ предписаніями положительнаго, а также и естественнаго права. Съ тѣхъ поръ, эта нація продолжала идти по этому пути съ благородною настойчивостью; и даже тогда, когда она считала себя въ правѣ употреблять репресаліи; когда нейтральные, или изъ слабости, или преднамѣренно, считали себя въ правѣ нарушать свои обязанности и уступать тираническимъ требованіямъ Англіи,—Франція всегда старалась помнить основные принципы права, и согласовать съ ними свое поведеніе, лишь только ея противникъ соглашался подражать ей, или когда нейтральныя націи умѣли исполнять свои обязанности и заставить уважать свои права. Условіе это ясно выражено во всѣхъ актахъ, изданныхъ французскимъ правительствомъ отъ 1793 до 1814 г. въ отвѣтъ на приказы британскаго кабинета ([255]).

([254]) См. *Merlin*, «Répertoire de jurisprudence», V° Prises maritimes, § 3, art. 3.

([255]) См. декретъ отъ 9 мая 1779 г., «Bull. des lois», t. IX p. 52; законъ 19 вантоза III г., «Bull.», t. XIII, bull. 107, № 559; законъ 12 вантоза V г. относительно американскихъ кораблей, «Bull.». t. XVII, bull. 3, № 1049; наконецъ, декреты:

Со времени мира 1815 г., Францiя имѣла одинъ только случай провозгласить свои принципы. Когда вспыхнула война противъ Россiи, 29 марта 1854 г., императорское правительство обнародовало формальное объявленiе: «корабли Е. В. не будутъ захватывать непрiятельскую собственность, находящуюся на нейтральномъ суднѣ» ([256]).

Такимъ образомъ, французское правило было совершенно установлено; это былъ принципъ: *navire libre, marchandises libres*, *(корабль свободенъ, грузъ свободенъ)*.

Испанiя шла по стопамъ Францiи. Хотя испанскiе ордонансы 1702 и 1718 гг. воспроизводили постановленiя законовъ, изданныхъ Людовикомъ XIV въ 1681 и 1704 гг., но ордонансъ 1779 г. былъ основанъ на французскомъ регламентѣ предъидущаго года; онъ провозглашаетъ тотъ-же принципъ.

Россiя, до конца XVIII ст. не имѣла внутреннихъ законовъ, относящихся къ этому вопросу; но 28 февраля 1780 г. въ эпоху образованiя вооруженнаго нейтралитета (*); 31 декабря

Берлинскiй и Миланскiй 1806 и 1807 г. Послѣднiй оканчивается такъ: «Art. 4 Ces mesures, qui ne sont qu'une juste réciprocité pour le systéme barbare adopté par le gouvernement anglais, qui assimile sa legislation à celle d'Alger, cesseront d'avoir leur effet pour toutes les nations qui sauraient obliger le gouvernement anglais à respecter leur pavillon. Elles continueront d'étre en vigueur tout le temps que ce gouvernement ne reviendra pas aux principes qui règlent les Etats civiisés dans l'état de guerre». (Ст. 4. Мѣры эти, которыя суть ничто иное, какъ справедливая взаимность за варварскую систему,принятую англiйскимъ правительствомъ, которое уподобляетъ свое законодательство Алжирскому, —перестанутъ имѣть свое дѣйствiе относительно каждой нацiи, которая съумѣетъ заставить англiйское правительствоуважать ея флагъ. Онѣ будутъ продолжать быть въ силѣ все время, пока это правительство не возвратится къ тѣмъ принципамъ,которые управляютъ цивилизованными государствами во время войны». Эти два послѣднiе декрета находятся въ «Bull. des lois»; они были включены въ «Mémoire officiel» de 1812, pièces justificatives № 42 et 43 и у *Martens'a*, «Nouv. rec.», t. p. 452.

([256]) См. «Bull. des lois», 1 сентября 1854 г. стр. 841.

(*) Ст. II Декларацiи отъ 27 февраля 1780 г., на началахъ которой былъ созданъ, по почину Императрицы Екатерины II союзъ вооруженнаго нейтралитета: «Que les effets appartenants aux sujets des dites Puissances en guerre, soient libres sur les vaisseaux neutres, a l'exception des marchandises de contrebande». См. Морск. Сборн. за 1859 г. № 10, стр 336.—2-й пунктъ III-го артикула Морской конвенцiи для охраненiя нейтральнаго торговаго кораблестроенiя, заключенной между Россiей и Данiей въ Копенгагенѣ, 28 iюня (9 iюля) 1780 г.: «Что бъ то-

1787 г., по случаю своего разрыва съ Портою(*); 6 мая 1789 г., во время войны съ Швецiею; и 7 ноября 1807 г., когда она объявила войну Англiи (**),—она издала декларацiи, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ выраженiе ея политики. Слѣдуетъ поэтому считать эту державу, какъ принявшую принципы положительнаго права относительно торговой свободы мирныхъ народовъ.

Данiя и Швецiя, столь неустрашимыя защитницы правъ нейтральныхъ нацiй, никогда не отклонялись отъ правилъ, опредѣленныхъ трактатами. Австрiя и Ганзейскiе города, въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда они призывались высказать свое мнѣнiе,—всегда выказывали величайшее уваженiе къ условленному закону. То же можно сказать о Пруссiи. Эта держава имѣла даже по поводу того принципа, о которомъ я говорю, серьезный споръ съ Англiей. При началѣ войны 1744 г. Великобританiя, вѣрная своей системѣ,

---

вары принадлежащiе подданнымъ реченныхъ воюющихъ Державъ, были свободны на нейтральныхъ корабляхъ, изключая заповѣдные товары». См. Полн. Собр. Зак. за 1780 г., № 15023. *Прим: Перевод.*

(*) См. «Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. правила для партикулярныхъ корсеровъ», ст. 4. «.... А когда по симъ бумагамъ довольно будетъ видно, что какъ судно, такъ и экипажъ дѣйствительно принадлежатъ нейтральной Державѣ, и что на немъ никакихъ нѣтъ запрещенныхъ военныхъ припасовъ, въ такомъ случаѣ немедленно должно его отпустить въ желаемый путь, хотя бъ впрочемъ и всѣ нагруженные на немъ товары дѣйствительно принадлежали непрiятелю; ибо по принятому Ея Императорскимъ Величествомъ правилу, и самая непрiятельская собственность покрывается нейтральнымъ флагомъ».

Ст. 17. «Всѣхъ торговыхъ судовъ подъ флагомъ нейтральнымъ идущихъ изъ Леванта и Архипелага въ страны Европы къ весту, которыя уже находятся къ вестовой сторонѣ Мореи, Россiйскiе корсеры отнюдь не должны осматривать, ниже останавливать въ ихъ путешествiи».

Ст. 18. «Торговое судно, остановленное Россiйскимъ корсеромъ, хотя дѣйствительно будетъ турецкой конструкцiи, но когда оное подъ флагомъ нейтральнымъ,и шкиперъ со служителями, на немъ находящiеся, также бумаги и документы, ясно докажутъ собственность нейтральную, тогда должно его признавать совершенно нейтральнымъ и до него далѣе не касаться». Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16599. *Прим. Перевод.*

(**) См. Декларацiю отъ 24 октября 1807 г., о разрывѣ мира съ Англiей: «...Его Величество подтверждаетъ начала вооруженнаго нейтралитета, сей памятникъ мудрости Ея Величества Императрицы Екатерины Вторыя, и прiемлетъ на Себя обязанность никогда не отступать отъ сея системы». См. Полн. Собр. Зак. за 1807 г., № 22653. *Прим. Перевод.*

захватила весьма большое число прусскихъ кораблей, которые были объявлены добрыми призами вслѣдствіе того, что имѣли у себя французскую собственность. Такъ какъ самые энергическіе протесты оставались безплодными, то Фридрихъ приказалъ захватить капиталъ съ процентами, данный въ ссуду англійскими подданными подъ залогъ доходовъ Силезіи въ то время, когда эта провинція принадлежала еще Имперіи и который Пруссія была обязана выплатить послѣ того, какъ она вступитъ въ обладаніе этой провинціи. Тщетно Великобританія употребляла всѣ свои средства; надо было начать правильные переговоры. Для обсужденія этого серьезнаго вопроса была образована смѣшанная коммисія. Она находилась подъ предсѣдательствомъ, со стороны Англіи—Муррея (Murray), впослѣдствіи лорда Мэнсфильда, (Mansfield), а со стороны Пруссіи — знаменитаго коментатора Гроціуса,—Коккеіуса, (Cocceius). Не смотря на все искуство, выказанное англійскими членами,—коммисія приговорила британское правительство къ вознагражденію прусскихъ подданныхъ, корабли которыхъ были конфискованы ([257]).

Итальянскія государства и сама Турція, хотя ее и не считали еще тогда въ системѣ европейской политики,—одинаково поддерживали принципъ преимущества флага. Наконецъ, Американскіе Соединенные Штаты и всѣ новыя націи, образовавшіяся въ Новомъ Свѣтѣ приняли тѣ-же принципы. Было бы безполезно и слишкомъ длинно перечислять всѣ внутренніе акты, въ которыхъ эти націи высказали основанія своей политической системы.

Такимъ образомъ, существуетъ почти единодушіе между всѣми народами; но это единодушіе еще не совсѣмъ полное. Есть одинъ народъ, который противится еще, но этотъ народъ есть самый могущественный во всей вселенной, по своему флоту и по своей торговлѣ; это народъ англійскій. До конца XVIII ст. онъ соглашался во всѣхъ трактатахъ, которые онъ подписывалъ, провозглашать принципъ непри-

([257]) Объ этомъ дѣлѣ см. у *Wheaton*'а, «Histoire des progrès du droit des gens» etc, pèriode 2, § 10 и у *Ch. de Martens*'а, «Causes célèbres du droit des gens» t. III.

косновенности нейтральнаго флага, но онъ никогда не хотѣлъ согласиться исполнять эти торжественныя постановленія.— Лишь только военныя дѣйствія начинались,—*онъ находился въ необходимости* нарушать эти постановленія. Такъ, во время войнъ 1744, 1755 и 1778 гг., онъ приказалъ арестовать и конфисковать, не только непріятельскіе товары, нагруженные на нейтральные корабли, но даже самые корабли и остальной грузъ. Постановленія британскаго совѣта 1793 и 1794 гг. не упоминаютъ именно о захватѣ непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ, но изъ содержанія этихъ актовъ достаточно вытекаетъ, что захватъ этотъ подразумѣвался, по смыслу, въ числѣ предписанныхъ конфискацій; факты достаточно доказали, что постановленія эти такъ именно и должны были быть истолкованы.

Швеція, и въ особенности Данія, энергически воспротивились такимъ притязаніямъ, но Россія была тогда въ союзѣ съ Англіей; она присоединилась къ тѣмъ мѣрамъ, которыя практиковались тогда Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ. Пруссія также придерживалась къ этимъ двумъ великимъ державамъ, а потому Швеція и Данія не могли надѣяться заставить восторжествовать столь справедливое дѣло противъ такихъ могущественныхъ враговъ. Споръ, возбужденный Даніей, которая была однажды покинута Швеціей, доставили министру иностранныхъ дѣлъ Копенгагенскаго кабинета, графу Бернсторфу случай написать нѣсколько депешъ, весьма замѣчательныхъ по своей твердости и умѣренности тона. Права нейтральныхъ очерчены тамъ съ такою силою и ясностью, которыя ставятъ ихъ автора въ число знаменитыхъ людей своего вѣка.

Съ разрывомъ Аміенскаго мира, Англія снова начала приводить въ исполненіе свои намѣренія съ безпримѣрною до того суровостью. Безполезно приводить всѣ приказы, исходившіе отъ британскаго совѣта, потому что въ приказахъ этихъ уже не было вопроса о томъ или другомъ спеціальномъ запрещеніи; въ нихъ даже не говорится болѣе о правилѣ: *непріятельская собственность конфискуетъ нейтральный корабль, на которомъ она находится и остальной его грузъ*; Англія считаетъ и провозглашаетъ, что *для поддержанія столь важнаго*

для нее и столь драгоцѣннаго для всѣхъ свободныхъ народовъ, морскаго ея превосходства, она находится **въ необходимости** *воспретить всякое нейтральное мореплаваніе.* ([258]).

Такой порядокъ вещей продолжался до мира 1815 г. Съ тѣхъ поръ и до 1854 г., Англія имѣла только одинъ случай показать, насколько она настаивала на томъ, что она называла, въ 1807 г., своимъ морскимъ правомъ. Въ моментъ своего союза съ Франціей противъ Россіи, приказъ совѣта отъ 29 марта 1854 г. объявилъ, что флагъ будетъ покрывать грузъ; слѣдовательно, Сенъ-Джемскій кабинетъ призналъ правило, принятое всѣми морскими народами. Но признаніе это было сдѣлано только условно и ограничено начатою тогда войною ([259]).

Нельзя сомнѣваться, что вліяніе ея союзницы и возможность для двухъ державъ закрыть дѣйствительною блокадою всѣ порта непріятеля, могущественно содѣйствовали тому, что Великобританія сдѣлала эту уступку. Еслибы эта держава согласилась, наконецъ, признать право, принятое всѣми, а главное выполнять его искренно и честно, то союзъ Франціи съ Англіей для войны 1854 г. и самая эта война могла бы быть разсматриваема какъ большое благодѣяніе для торговаго міра. Трактатъ 1856 г. какъ будто обѣщаетъ этотъ счастливый результатъ. Можетъ-ли онъ быть для британскаго правительства узами, болѣе прочными, чѣмъ тѣ, которые ему предшествовали.

§ V. *Нейтральная собственность на непріятельскихъ корабляхъ.*

Въ послѣднемъ періодѣ я указалъ на общее направленіе, которое заставляло всѣ народы подвергать конфискаціи нейтральные товары, найденные на непріятельскихъ корабляхъ. Находили удобнымъ разсматривать національность одного ко-

---

([258]) См. приказы британскаго совѣта отъ 3 августа 1805 г., 16 мая 1806 г., 16 января и 11 ноября 1807 г. «Mémoire» de 1812 г., pièces justificatives.

([259]) См. англійскую декларацію отъ 29 марта 1854 г., «Moniteur français» du 31 mars 1854.

рабля, объявлять свободнымъ все, что находилось подъ дружескимъ флагомъ, и конфисковать все то, что было покрыто флагомъ непріятельскимъ. Такое направленіе еще болѣе усилилось въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Принципъ: *корабль непріятельскій,—грузы непріятельскіе*, (*navire ennemi, marchandises ennemies*), разсматривался, повидимому, какъ естественное и непремѣнное послѣдствіе другаго принципа: *корабль свободенъ,—грузы свободны*, (*navire libre,—marchandises libres*). Я не могу не возставать слишкомъ горячо противъ подобной системы; она существенно противна принципамъ естественнаго права, но законъ положительный вполнѣ усвоилъ ее. За исключеніемъ трактата 1856 г., всѣ акты, которые я привелъ въ предъидущемъ параграфѣ и которые объявляли непріятельскую собственность свободною на нейтральныхъ корабляхъ, въ тоже время провозглашали нейтральный товаръ, подлежащимъ конфискаціи на непріятельскомъ кораблѣ.

Утрехтскіе трактаты содержатъ двойное правило: *корабль свободенъ,—грузы свободны*, (*navire libre, marchandises libres*); *корабль непріятельскій,—грузы непріятельскіе*, (*navire ennemi—marchandises ennemies*). Акты эти послужили образцами для всѣхъ тѣхъ конвенцій, которыя были заключены въ продолженіе около полутора столѣтій послѣ того по этому вопросу. Эти двѣ аксіомы были разсматриваемы столь тѣсно связанными одна съ другой, что въ трактатахъ, которые были заключены на новыхъ основаніяхъ, данныхъ Соединенными Штатами, и которые признали преимущество нейтральнаго флага только тогда, когда оба воюющіе будутъ одинаково признавать это,—формально объявлялось, что въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ не желаетъ признавать это преимущество и будетъ подвергать конфискаціи непріятельскую собственность, находящуюся на нейтральныхъ корабляхъ,—то дружескіе товары должны оставаться свободными на непріятельскихъ корабляхъ ([260]). Парижскій трактатъ 1856 г., наконецъ, открыто вступилъ на истинный путь; онъ соеди-

([260]) См. трактаты приведенные въ предъидущемъ параграфѣ

няетъ два принципа: *дружескій флагъ покрываетъ непріятельскую собственность; непріятельскій флагъ не конфискуетъ дружескую собственность.* (*pavillon ami couvre la propriété ennemie; le pavillon ennemi ne confisque pas la propriété amie*). Но хотя трактатъ 1856 г. подписанъ многими и могущественными націями, хотя онъ получилъ одобреніе и согласіе многихъ народовъ, тѣмъ не менѣе онъ есть актъ еще единичный, по крайней мѣрѣ относительно той статьи, о которой идетъ рѣчь ([261]); трактатъ этотъ, одинъ, самъ по себѣ не можетъ составлять международное законодательство.

Что касается актовъ, столь, впрочемъ не многочисленныхъ которые отвергли принципъ: *корабль свободенъ,—грузы свободны*, то они хранили молчаніе по занимаемому насъ вопросу; одинъ только актъ, именно заключенный въ 1716 г. между Франціей и Ганзейскими городами, объявляетъ конфискацію во всѣхъ случаяхъ. Онъ конфискуетъ дружескую собственность, находящуюся на непріятельскомъ кораблѣ, и непріятельскую собственность—на дружескомъ кораблѣ. Молчаніе пяти другихъ трактатовъ должно быть истолковано въ томъ смыслѣ. что они вполнѣ придерживаются системѣ Морскаго Консулата, и что, слѣдовательно, нейтральные товары, найденные на непріятельскомъ кораблѣ, должны быть возвращаемы ихъ собственнику.

Такимъ образомъ, положительное право не можетъ представлять никакого сомнѣнія; оно противно, по моему мнѣнію, естественному закону, но оно совершенно установлено. Оно провозглашаетъ конфискацію.

Однакоже, освящая то, что я разсматриваю какъ несправедливость,—трактаты старались смягчить суровость, или, по крайней мѣрѣ опредѣлить ея примѣненіе. Такъ, многіе акты постановляютъ, что нейтральный грузъ не можетъ быть конфискуемъ, если онъ былъ нагруженъ на непріятельское

([261]) Многія націи отвѣтили уже на приглашеніе державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, по поводу принятія принциповъ, содержащихся въ морской деклараціи 16 апрѣля. Можно указать именно на Американскіе Соединенные Штаты, которыхъ принятіе, ограниченное тремя послѣдними статьями есть формальное и безусловное. См. депешу Г. Марси, (M. Marcy) отъ 28 іюля 1856 г.

судно ранѣе объявленія войны, или даже хотя и послѣ объявленія, но въ такой періодъ времени, когда объявленіе это не могло быть извѣстно въ портѣ нагрузки. Нѣкоторые изъ трактатовъ шли даже до того, что опредѣляли именно тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго разрывъ мира долженъ почитаться извѣстнымъ въ различныхъ частяхъ свѣта ([262]).

Внутренніе законы Франціи, по этому вопросу, были согласны съ положительнымъ правомъ. За долго до признанія преимущества нейтральнаго флага, эта держава конфисковала все, что̀ находилось на непріятельскомъ кораблѣ. Она сохранила этотъ обычай. Ордонансъ 1704 г. объявлялъ эту конфискацію, и въ этой части былъ скопированъ регламентомъ 1744 г. Такое нарушеніе естественнаго закона снова встрѣчается въ регламентѣ 1778 г. Этотъ послѣдній, правда, не очень ясенъ, но онъ отсылаетъ къ ордонансу 1681 г., постановленія котораго не могутъ оставлять никакого сомнѣнія. Во время войны 1854 г., Франція формально объявила, что она не предполагаетъ пользоваться правомъ конфискаціи нейтральной собственности, найденной на непріятельскихъ корабляхъ ([263]). Такимъ образомъ, въ первый разъ мы находимъ соединенными въ одномъ внутреннемъ законѣ два принципа: *корабль свободенъ,—грузы свободны*; *нейтральная собственность свободна на непріятельскомъ кораблѣ*, (*navire libre,—marhandises libres; propriété neutre est libre sur navire ennemi*). Это суть истинные принципы естественнаго закона. Я счастливъ и горжусь тѣмъ, что соединеніе ихъ принадлежитъ моему отечеству. Къ тому

([262]) См. между прочими, трактатъ 1786 г., заключенный между Франціей и Англіей; ст. 29 говоритъ: «excépté les marchandises, qui auront été chargées dans ce vaisseau avant la déclaration de guerre, ou l'ordre général de représailles, ou même depuis la déclaration, pourvu que ç'ait été dans les termes qui suivent: de deux mois après cette déclaration ou l'ordre de représailles, si elles ont été chargées dans quelque port et lieu compris dans l'espace, qui est entre Archangel, Saint-Pétersbourg et les Sorlingues., etc etc» (за исключеніемъ товаровъ, которые будутъ погружены на этотъ корабль ранѣе объявленія войны, или общаго приказа о репресаліяхъ, или даже послѣ объявленія, если только это было въ слѣдующіе промежутки времени: двухъ мѣсяцевъ послѣ объявленія или приказа о репресаліяхъ, если товары были погружены въ какомъ бы то ни было портѣ или мѣстѣ въ пространствѣ между Архангельскомъ, С.-Петербургомъ и островами Сили, и пр. и пр.).

([263]) См. французскую декларацію отъ 29 марта 1854 г.

же я всегда думалъ, что Францiя, которая уже заставила международное право сдѣлать столь большiе успѣхи — призвана его усовершенствовать.

Испанiя слѣдовала за Францiей; ея ордонансъ 1779 г. согласенъ съ французскимъ регламентомъ 1778 г. Другiя европейскiя нацiи, даже тѣ, которыя чаще всего оставались нейтральными, приняли тотъ-же принципъ, который одинаково былъ принятъ и новыми Американскими государствами. Что касается Великобританiи, то очень трудно сказать, каковы ея внутреннiя законы по этому вопросу. Приказы совѣта какъ будто провозглашаютъ свободу нейтральной собственности на непрiятельскомъ кораблѣ; но приказы эти формулированы такъ темно, они обставляютъ эту свободу такимъ большимъ числомъ ограниченiй, что всегда очень легко истолковать ихъ по желанiю. Въ дѣйствительности можно сказать, что Англiя никогда не возвращаетъ, или очень рѣдко, нейтральные товары, найденные на непрiятельскихъ корабляхъ. Судебныя рѣшенiя конфискуютъ то, что законъ позволяетъ оставлять свободнымъ. Во время войны 1854 г., Англiя провозгласила принципъ, который она требуетъ обратно какъ принадлежащiй къ ея частному морскому праву: *непрiятельскiй корабль не конфискуетъ дружеской собственности*, (*le navire enneтi ne confisque pas la propriété amie*). Принципъ этотъ былъ добросовѣстно примѣняемъ державами, вступившими тогда въ союзъ противъ Россiи.

§ VI. *Блокада.*

Вопросъ о правѣ блокады есть одинъ изъ тѣхъ, которые сдѣлали наибольшiй успѣхъ въ теченiе разсматриваемаго нами перiода. До трактатовъ, подписанныхъ въ Утрехтѣ, въ 1713 г., за исключенiемъ небольшаго числа актовъ, которые говорили о дѣйствительности блокады и которые остались безъ подражанiя, — положительное право ограничивалось констатированiемъ существованiя этого права, но не опредѣляло его и не поставляло ему предѣловъ. Такой же пробѣлъ встрѣ-

чается въ большинствѣ актовъ, заключенныхъ въ теченіе XVIII ст. до того момента, когда вспыхнула война за американскую независимость. Однакоже, нѣкоторыя конвенціи, заключенныя въ теченіе этого промежутка времени, абсолютно воспретили фиктивныя блокады; были даже такія конвенціи, которыя дошли до опредѣленія числа кораблей, присутствіе которыхъ необходимо для того, чтобы образовать закрытіе порта. Между прочими, можно указать на трактатъ 1742 г., заключенный между Франціей и Даніей, и на трактатъ 1753 г., заключенный между Голландіей и Королевствомъ Обѣихъ Сицилій ([264]).

Одно изъ злоупотребленій, на которое нейтральные народы болѣе всего могли жаловаться, было именно то злоупотребленіе, которое воюющіе дѣлали изъ права блокады. Какъ только война была объявлена, одна изъ сторонъ, а часто и обѣ, объявляли всѣ непріятельскіе порта въ блокадѣ, не давая, впрочемъ, себѣ труда посылать ни одного судна для выполненія такой блокады. Такимъ образомъ, посредствомъ одного объявленія, они прекращали для нейтральныхъ всякую торговлю съ мѣстами, объявленными въ блокадѣ, которая стоила имъ одинъ только почеркъ пера. Воюющіе поддерживали эти призраки блокады посредствомъ мнимыхъ правъ предупрежденія и преслѣдованія (droits de prévention et de suite), изъ которыхъ они дѣлали даже злоупотребленіе. Такъ поступали Англія и Голландія въ 1689, 1701 и 1744 гг.; такимъ же образомъ поступала Англія одна въ 1755 г; тотъ же образъ дѣйствій она практиковала въ 1780 г.

([264]) Первый изъ этихъ трактатовъ приведенъ *Wenck*'омъ, «Codex juris gent. recentiss.», t. I, p. 521. Ст. 22 втораго трактата, говоритъ: «il est convenu que nul port ou ville ne seront tenus pour assiégés ou bloqués, à moins qu'ils ne soient investis soit par mer, par six vaisseaux de guerre au moins, d'un peu au delà de la portée du canon de la place; soit du côté de la terre, par des batteries de canon et autres ouvrages, tellement qu'on ne pourrait y entrer sans passer sous le canon des assiégeants». («Постановлено, что никакой портъ или городъ не будетъ считаться осажденнымъ или блокируемымъ, если онъ не будетъ обложенъ, или съ моря, покрайней мѣрѣ шестью военными кораблями, поставленными не много далѣе пушечнаго выстрѣла, или съ суши, артиллерійскими батареями или другими сооруженіями такъ, чтобы нельзя было войти въ него не пройдя подъ пушками осаждающихъ»).

Трактаты, образовавшіе вооруженный нейтралитетъ, дали нѣкотораго рода опредѣленіе блокадѣ, или скорѣе блокируемому порту. «Названіе это будетъ даваться, говорятъ акты 1780 г., только такому порту, гдѣ есть, по распоряженію державы, которая его аттакуетъ кораблями тамъ поставленными и достаточно близкими, —опасность войти....» Это есть блокада дѣйствительная и положительная, это есть морская побѣда атакующаго надъ атакуемымъ; это есть блокада такая, которая вытекаетъ изъ естественнаго закона, какимъ я опредѣлилъ его въ предъидущей части.

Трактаты 1780 г. должны имѣть очень большой вѣсъ въ положительномъ правѣ. Они были подписаны Россіей, Швеціей, Даніей, Пруссіей и Австріей; приняты Франціей, Испаніей, Голландіей и новыми Соединенными Штатами; наконецъ, признаны всѣми государствами Италіи, которыя присоединились къ нимъ. Такимъ образомъ трактаты эти соединили въ себѣ согласіе всѣхъ морскихъ державъ, за исключеніемъ одной; они суть въ дѣйствительности трактаты европейскіе. Слѣдуетъ замѣтить, что эти акты, требуя дѣйствительности блокады, не говорятъ о мнимыхъ правахъ предупрежденія и преслѣдованія. Въ предъидущей части я объяснилъ, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ этими правами. Такое молчаніе, признаюсь, кажется должно быть разсматриваемо какъ признаніе притязаній воюющихъ.

Начиная съ этой эпохи, каждый изъ заключенныхъ трактатовъ продолжалъ начатую работу. Трактатъ 1786—1787 г., заключенный между Россіей и Франціей доказываетъ нѣкоторый прогрессъ. Онъ требуетъ, чтобы блокирующія суда были *въ соразмѣрномъ числѣ*, (*en nombre proportionné*) безъ сомнѣнія, съ важностью и силою порта; но трактатъ этого не договариваетъ *). Акты, относящіеся ко второму вооруженному ней-

*) Считаемъ необходимымъ исправить эту неточность. Трактатъ, заключенный 31 декабря 1786 г. между Россіей и Франціею «о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи»—весьма опредѣленно и ясно высказываетъ эту мысль. 3 пунктъ XXVII статьи этого трактата говоритъ: «....что для опредѣленія того, что можетъ ознаменовать блокированный портъ, долженъ почитаться таковымъ только тотъ, ко-

тралитету 1800 г. повторяютъ постановленія 1780 г., не прибавляя къ нимъ ничего Со времени мира 1815 г., между различными державами было заключено очень большое число трактатовъ, а именно между Франціей и новыми независимыми Американскими государствами. Въ конвенціяхъ этихъ мы находимъ прогрессивное и довольно быстрое стремленіе къ опредѣленію блокады въ томъ видѣ, какъ она вытекаетъ изъ естественнаго права; конвенціи эти начинаютъ давать этому праву его истинное происхожденіе и выводятъ его изъ дѣйствительнаго и продолжительнаго завладѣнія непріятельскимъ территоріальнымъ моремъ.

Первый трактатъ, заключенный въ этомъ смыслѣ, былъ трактатъ отъ 4 сентября 1816 г., ратификованный только лишь 24 іюля 1818 г., между Соединенными Штатами и Швеціей ([265]). Онъ безусловно отмѣняетъ право предупреж-

торый будетъ осажденъ *числомъ кораблей соразмѣрнымъ силѣ того мѣста*, и кои будутъ подведены къ оному столь близко, чтобъ существовала очевидная опасность для входа въ оной». См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489.

Прим. Перевод.

([265]). Ст. 13. «Vu l'éloignement des pays respectifs et l'incertitude qui en résulte sur les événements qui peuvent avoir lieu, il est convenu qu'un bâtiment marchand, appartenant à l'une des parties contractantes et se trouvant destiné pour un port qui serait supposé bloqué au moment du départ du bâtiment, ne sera cependant pas capturé ni condamné pour avoir essayé d'entrer dans ledit port, à moins qu'il ne puisse être prouvé que ledit bâtiment a pu et dû apprendre en route que l'état de blocus de la place en question continuait. Mais les bâtiments qui, après avoir été avertis une première fois, essaieraient, pendant le même voyage, d'éntrer une seconde fois, durant la continuation du blocus, se trouveraient alors sujets à être détenus et condamnés». *Martens*, t. VIII, p. 251. («Принимая во вниманіе обоюдную отдаленность странъ и вытекающую отсюда неизвѣстность относительно тѣхъ случайностей, которыя могутъ имѣть мѣсто, постановляется, что купеческое судно, принадлежащее одной изъ договаривающихся сторонъ и идущее въ такой портъ, который предполагается блокируемымъ въ моментъ отправленія судна,—не будетъ однако же ни захвачено, ни осуждено за попытку войти въ сказанный портъ, если только не можетъ быть доказано, что такое судно могло и должно было узнать въ пути, что состояніе означенной блокады продолжается. Но тѣ суда, которыя бывъ предупреждены одинъ разъ, пытались-бы въ продолженіе одного и того-же путешествія, войти вторично во время продолженія блокады, — будутъ подлежать задержанію и осужденію»). Тоже постановленіе находится въ трактатѣ отъ 26 ноября 1838 г., между Соединенными Штатами и Сардиніей; *Martens* и *Cussy*, «Recueil», t. IV, p. 552; см. также трактаты: отъ 4 іюля 1827 г., между Соединенными Штатами и Швеціей, ст. 18; отъ 1 мая 1828 г., между Соединенными

денія, но оставляетъ право преслѣдованія. Дѣйствительно, 13 ст. требуетъ, чтобы нейтральный корабль, могущій *сомнѣваться въ существованіи блокады*, о которой онъ уже зналъ, могъ подойти въ первый разъ къ блокируемому порту, не будучи подверженъ захвату. Онъ подлежитъ конфискаціи только въ томъ случаѣ, если въ продолженіе одного и того же путешествія онъ будетъ пытаться во второй разъ войти въ блокируемый портъ. Такимъ образомъ, уже не дозволяется болѣе останавливать и захватывать судно за то только одно, что судно находится на пути въ портъ, дѣйствительно блокируемый. Мѣра эта есть конечно самая дѣйствительная, или вѣрнѣе, единственно дѣйствительная для того, чтобы прекратить фиктивныя блокады.—Мѣра эта повела за собою введеніе спеціальнаго объявленія. Такое названіе было дано тому объявленію, которое должно было дѣлаться, однимъ изъ офицеровъ блокирующей эскадры, каждому кораблю, который желалъ войти въ блокируемый портъ.—До этого объявленія, которое должно доказывать дѣйствительность блокады, нейтральный корабль, направляющійся въ блокируемый портъ, не виновенъ. Но начиная съ того момента, когда корабль, такимъ образомъ, могъ убѣдиться въ существованіи факта, когда онъ удостовѣрился въ дѣйствительности блокады,—если онъ появится во второй разъ, въ продолженіе одного и того же путешествія, для того, чтобы войти въ портъ, при существованіи еще блокады,—онъ будетъ виновенъ въ нарушеніи таковой, и будетъ подлежать конфискаціи со всѣми находящимися на немъ товарами. Таковы постановленія новѣйшихъ тракта-

---

Штатами и Пруссіей. *Martens* и *Cussy*, t. IV, p. 95; отъ 5 апрѣля 1831 г. между Соединенными Штатами и Мексикой, тоже собраніе, стр. 315;—отъ 16 мая 1832 г., между Соединенными Штатами и Чили, тоже собраніе, стр. 348;—отъ 12 декабря 1828 г., между Соединенными Штатами и Бразиліей, тоже собраніе, стр. 194;—отъ 18 февраля 1831 г., между Пруссіей и Мексикой, тоже собраніе, стр. 267;—отъ 13 ноября 1836 г., между Соединенными Штатами и Перу, тоже собраніе, стр. 454;—отъ 10 декабря 1837 г., между Соединенными Штатами и Греціей, тоже собраніе, стр. 501;—отъ 31 іюля 1839 г., между Пруссіей и Греціей, тоже собраніе, стр. 615;—отъ 25 сентября 1839 г, между Франціей и Техасомъ, тоже собраніе, стр. 619.

товъ ([266]). Трактаты эти довольно многочисленны; но такъ какъ они заключены только нѣкоторыми европейскими державами съ государствами американскими, или этими послѣдними между собою,—то они не могутъ еще быть разсматриваемы, какъ составляющіе полное законадательство. Я смѣю надѣяться, что они послужатъ основаніемъ для всѣхъ будущихъ конвенцій и слѣдовательно—для положительнаго международнаго закона.

Это послѣднее замѣчаніе примѣняется одинаково, и съ большимъ еще основаніемъ, къ тѣмъ весьма рѣдкимъ трактатамъ, которые проводя далѣе истинныя и неоспоримыя послѣдствія происхожденія и природы права блокады, отмѣнили не только право предупрежденія, но даже и право преслѣдованія. Я знаю только пять конвенцій этого рода; четыре изъ нихъ исходятъ отъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ([267]). Онѣ доказываютъ громадный прогрессъ въ международномъ правѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что эта важная статья скоро будетъ принята всѣми націями. Она заключаетъ право блокады въ тѣ истинные предѣлы, которые ему указаны естественнымъ закономъ. Права предупрежденія и преслѣдованія, безъ сомнѣнія, не основываются ни на какомъ постановленіи трактатовъ, даже самыхъ древнихъ; онѣ опираются только на внутреннихъ законахъ воюющихъ; между тѣмъ, было бы полезно и даже необходимо, чтобы торжественные акты формально отмѣнили оба эти права, положительно опредѣливъ права воюющихъ и обязанности мирныхъ націй. Трактатъ, заключенный 22 февраля 1856 г. между Франціей и республикой Гондурасъ есть одинъ изъ самыхъ точныхъ по

([266]) См. трактаты, приведенные въ предъидушей выноскѣ, а также, трактаты: отъ 31 августа 1828 г., между Франціей и Бразиліей;—отъ 15 сентября 1828 г., между Бразиліей и Ганзейскими городами;—отъ 20 января 1836 г., между Соединенными Штатами и Венецуэлой;—отъ 26 сентября 1836 г., между Соединенными Штатами и Сардиніей;—отъ 25 сентября 1839 г., между Франціей и Техасомъ;—отъ 1839 г., между Соединенными Штатами и республикой Экваторъ;—отъ 6 іюня 1843 г., между Франціей и Венецуэлой;—отъ 1843 г., между Франціей и республикой Экваторъ;—отъ 24 октября 1844 г., между Франціей и Новой Гренадой;—отъ 22 февраля 1856 г., между Франціей и Гондурасомъ.

([267]) См. отъ 4 іюля 1827 г. съ Швеціей;—отъ 5 апрѣля 1831 г. съ Мексикой;—отъ 16 мая 1832 г. съ Чили;—отъ 13 ноября 1836 г. съ Перу.

этому предмету; онъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ націй ([268]).

Къ сожалѣнію, декларація 16 апрѣля 1856 г. не дала никакого развитія выставленнымъ ею принципамъ по поводу блокады; декларація эта ограничивается требованіемъ, чтобы блокада была дѣйствительная, и чтобы она поддерживалась силою, достаточною для воспрепятствованія доступа къ непріятельскому берегу ([269]).

Излишне, безъ сомнѣнія, прибавлять, что начиная съ начала этого столѣтія и за исключеніемъ деклараціи 16 апрѣля 1856 г., Англія не подписала ни одного торжественнаго акта, могущаго ограничить или регламентировать право блокады въ томъ видѣ, какъ она его понимаетъ и какъ она его практикуетъ. Есть однако одно исключеніе: въ знаменитой морской конвенціи 1801 г., предложенной Великобританіей тремъ сѣвернымъ державамъ, Сенъ-Джемскій кабинетъ, какъ бы принимаетъ то опредѣленіе блокады, которое было сдѣлано вооруженнымъ нейтралитетомъ: «названіе это придается только такому порту, гдѣ по распоряженію державы, которая его блокируетъ судами, тамъ находящимися *и* достаточно близкими.... и пр.»; но Англія перемѣнила только одно слово, одинъ союзъ; союзъ *и*, она замѣнила союзомъ *или* (*).—Такою

([268]) См. *Moniteur* отъ 14 ноября 1857 г.

([269]) Уполномоченные, по взаимному соглашенію, установили эту декларацію въ слѣдующихъ словахъ: «.... 4) Les blocus, pour être obligatoires, doivent être effectifs, c'est à dire maintenus par une force suffisante pour interdire réellement l'accès du littoral de l'ennemi». («Блокады, чтобы быть обязательными, должны быть дѣйствительными, т. е. должны быть поддерживаемы силою, достаточною для того, чтобы въ дѣйствительности воспретить доступъ къ непріятельскому берегу»). Декларація 16 августа 1856 г., приложенная къ трактату 30 марта того-же года. См. *Moniteur* отъ 29 апрѣля 1856 г.

(*) 4 пунктъ III статьи концеціи, заключенной $^{5}|_{17}$ іюня 1801 г. въ С.-Петербургѣ, между Россіей и Англіей о взаимной дружбѣ, говоритъ: «Чтобъ означить свойство блокированнаго порта, наименованіе сіе слѣдуетъ тому единственно порту, въ который войти предстоитъ очевидная опасность, по послѣдствію распоряженія Державы его атакующей кораблями, на мѣстѣ стоящими *или* довольно въ близкомъ отъ него разстояніи находящимися». См. Пол. Соб. Зак. за 1801 г. № 19907. Въ трактатахъ-же 1780 г. вездѣ употребленъ союзъ *и*. (См. 3 пунктъ, арт. III морской конвенціи, заключенной $\frac{28 \text{ іюня}}{9 \text{ іюля}}$ 1780 г., между Россіей и Даніей. Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 15023).

замѣною Англія вполнѣ достигла, по ея толкованію, принятія собственной ея системы. Одно маленькое военное судно, крейсерующее вдоль берега, на 500 миль протяженія, считалось тамъ находящимся *или* достаточно близкимъ для образованія дѣйствительной блокады. И такимъ образомъ, самъ Питтъ (Pitt) въ англійскомъ парламентѣ, возобновляя знаменитый споръ Brid' Oison'a,—утверждалъ, что трактатъ этотъ былъ освященіемъ англійской системы (270).

Внутренніе законы, по этому важному вопросу, слѣдовали за развитіемъ положительнаго права. Франція, во главѣ всѣхъ націй, показала примѣръ справедливости и умѣренности. Мы уже замѣтили, что Франція никогда не старалась расширить право блокады, что она прибѣгала къ фиктивнымъ блокадамъ только тогда, когда, пораженная сама средствами подобнаго рода, и видя, что нейтральные подчиняются требованіямъ ея враговъ, — была принуждена прибѣгать къ репресаліямъ. Она всегда продолжала держаться того же образа дѣйствій. Регламенты 1744 и 1778 гг. не содержатъ никакого спеціальнаго постановленія относительно блокады. Во время войнъ революціи и имперіи, Франція должна была объявить Британскіе острова въ блокадѣ, и подвергать конфискаціи нейтральные корабли, которые были захвачены на пути въ англійскія владѣнія. Но эти исключительныя мѣры были принимаемы съ предложеніемъ взять ихъ назадъ, лишь только нейтральные перестанутъ подчиняться требованіямъ Великобританіи, и уважать фиктивныя блокады, которыя она распространила на всѣ владѣнія, принадлежавшія Франціи. Тотчасъ по возстановленіи мира, Франція снова приняла свое прежнее законодательство, и правильно измѣнила его, для согласованія съ тѣми трактатами, которые она заключила съ другими націями.

Въ 1838 г. мы видимъ, что французское правительство, по случаю блокады мексиканскихъ береговъ, предписываетъ своимъ офицерамъ дѣлать нейтральнымъ кораблямъ спеціаль-

---

(270) См. *Wheaton*, «Histoire des progrès du droit des gens», etc., 4-e periode, § 9, и *Ortolan*, «Diplomatie de la mer», t. II, ch. 9.

ное объявленіе ([271]). Призовый судъ согласуетъ свои сужденія съ этими инструкціями, и постановляетъ приговоры на основаніи этихъ принциповъ по тѣмъ дѣламъ, которыя ему подлежатъ. Однимъ словомъ, положительное право совершенно соотвѣтствуетъ внутреннимъ законамъ, которые съ тѣхъ поръ и по этому предмету входятъ въ единственно принадлежащую имъ роль. Въ этомъ именно смыслѣ французскія инструкціи опредѣляютъ тотъ способъ, которымъ командиры судовъ, поддерживающихъ блокаду, должны будутъ дѣлать спеціальное объявленіе каждому нейтральному кораблю, который подойдетъ для того, чтобы войти въ блокируемые порта. Онѣ требуютъ, чтобы объявленіе это было вписано тѣмъ офицеромъ, который будетъ уполномоченъ на то начальникомъ блокады, въ шханечный (корабельный) журналъ предупрежденнаго корабля, всегда, по крайней мѣрѣ, когда состояніе моря то позволитъ. Такой, столь совершенный, способъ объявленія нейтральнымъ судамъ о существованіи блокады, Франція примѣняетъ даже относительно такихъ народовъ, съ которыми она не соединена по этому предмету никакими спеціальными трактатами ([272]).

Впродолженіе войны 1854 г., блокады употреблялись очень часто; но никакое офиціальное объявленіе не говорило: какимъ образомъ должны были поступать французскія суда,

---

([271]) См. письмо, написанное въ 1838 г. графомъ Молэ (Molé), бывшимъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ; мы находимъ тамъ слѣдующее: «.... Je ne rappellerai pas les raisons d'après lesquelles, indépendamment de la notification officielle et diplomatique d'un blocus, tout navire qui se présente devant un port bloqué doit recevoir, de la part du commandaut des bâtiments chargés de faire respecter le blocus, l'avertissement, qui est à la fois dans l'intérêt de ce navire et dans l'intérêt de la responsabilité de l'officier commis à l'exécution du blocus...» («Я не буду напоминать тѣ основанія, по которымъ, независимо отъ объявленія офиціальнаго и дипломатическаго о блокадѣ, каждый корабль, который подойдетъ къ блокируемому порту долженъ получить отъ командующаго судами, содержащими блокаду, предупрежденіе, которое въ одно и тоже время будетъ какъ въ интересахъ этого корабля, такъ равно и въ интересахъ отвѣтственности офицера, назначеннаго къ выполненію блокады....» (*Ortolan*, «Diplomatie de la mer», t. 2, liv. 3, p. 304. Депеша отъ 17 мая 1838 г. касательно блокады береговъ Лаплаты—написана въ томъ же смыслѣ.

([272]) См. рѣшеніе государственнаго совѣта, постановлявшаго въ качествѣ призоваго суда по дѣлу американской шхуны «la Josephine», отъ 17 іюля 1843 г.

назначенныя, совмѣстно съ англійскими, поддерживать блокаду. Я опасаюсь того, что при невозможности заставить свою союзницу принять свою систему цѣликомъ, Франція отказалась отъ спеціальнаго объявленія. Въ мнѣніи этомъ утверждаетъ то, весьма большое стараніе, съ которымъ публикованы дипломатическія объявленія о наложеніи и снятіи блокады. Предосторожность эта, мнѣ кажется, должна указывать на отреченіе отъ нѣкоторой части французской политики. Никакой офиціальный документъ, никакое рѣшеніе призовыхъ судовъ не могло разъяснить высказанныя мною сомнѣнія. Впрочемъ, главный пунктъ этой политики былъ принатъ и выполненъ; всѣ объявленныя блокады были дѣйствительны и поддерживались силами, болѣе чѣмъ достаточными для того, чтобы воспретить всякое сообщеніе съ берегами, означенными въ офиціальныхъ объявленіяхъ.

Въ теченіе этого періода, Голландія, которая въ дни своего могущества была изобрѣтательницею фиктивной блокады, послѣ своего упадка, трактатами признала необходимость дѣйствительности этого военнаго дѣйствія, но она не издала ни одного внутренняго закона по этому предмету. Также было съ Испаніей, и съ большинствомъ другихъ націй; однако исторія указываетъ на два факта, которые должны быть отмѣчены.

Въ 1781 г., когда Испанія наложила блокаду на Гибралтаръ, она издала одинъ ордонансъ, который существенно вредилъ правамъ мирныхъ народовъ, и расширялъ права воюющихъ за ихъ истинные предѣлы. Но мѣра эта не относилась въ сущности къ блокадѣ, по поводу которой она была принята. Испанія хотѣла издать законы о плаваніи по проливу, каковому плаванію она не имѣла права, ни препятствовать, ни даже регламентировать его ([273]). Въ эпоху француз-

---

([273]) См. *Martens*, «Rec.», t. III, p. 92; документъ въ формѣ письма, адресованнаго графомъ Флорида Біанка, испанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, на имя морскаго министра маркиза де Гонзалесъ,—а также мое сочиненіе «Des droits et des devoirs», etc., tit. IX, tom. II. 2-e éd.

ской революціи, въ 1793 г., Россія вполнѣ присоединилась къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были принимаемы ея союзницею, Англіею, и слѣдовательно объявила много блокадъ фиктивныхъ. Но эти факты не должны быть разсматриваемы, какъ измѣненіе политики со стороны этой державы. Россія была первою изобрѣтательницею союза нейтральныхъ въ 1780 г. и издала самыя положительныя деклараціи по вопросу о блокадѣ. Послѣ того, и въ 1807 г. она снова вернулась къ этимъ принципамъ для того, чтобы никогда болѣе не покидать ихъ. Во время послѣдней (крымской) войны, Россія не могла показать, осталась ли она вѣрна своей политикѣ; морскія ея силы, запертыя въ своихъ портахъ, не могли вступать въ борьбу съ непріятельскими, а слѣдовательно не могли налогать никакой блокады.

Англія, далекая отъ того, чтобы слѣдовать за развитіемъ другихъ націй, далекая отъ того, чтобы вести свою политику правильнымъ и прогрессивнымъ путемъ, и возможно болѣе приближаться къ прицепамъ естественнаго закона, и въ особенности положительнаго права,—какъ бы напротивъ, все болѣе и болѣе удаляется отъ нихъ. Въ теченіе XVIII столѣтія, каждая новая война заставала ее съ новыми и болѣе непомѣрными притязаніями. Морское ея могущество возрастало, а съ этимъ вмѣстѣ возрастали также ея идеи объ исключительномъ господствѣ на океанѣ, о монополіи надъ всею вселенною, и ея зависть противъ всѣхъ народовъ, которые находили еще въ торговлѣ и мореплаваніи—средства или благосостояніе. Въ 1744 г. она объявила въ блокадѣ часть береговъ Франціи, къ которымъ она не послала ни одного корабля. Она дошла даже до того, что заявила, что берега ея соперницы находятся естественно блокируемыми по ихъ географическому положенію, по отношенію къ британскимъ берегамъ! Въ 1756 г., уже не часть французскихъ береговъ, а все побережье на трехъ моряхъ было объявлено въ фиктивной блокадѣ. Въ силу такихъ объявленій,—которыя имѣли цѣлью и послѣдствіемъ замѣну флотовъ однимъ листомъ бумаги; замѣну фактовъ или дѣйствительнаго завладѣнія желаніемъ или капризомъ государя, всѣ нейтральные корабли,

*

направлявшіеся въ тѣ мѣста, которыя были означены въ такой мнимой блокадѣ, подвергались захвату и конфискаціи. Голландія, оставшись нейтральною въ этой послѣдней войнѣ, лишилась очень большаго числа коммерческихъ своихъ судовъ, захваченныхъ подъ предлогомъ нарушенія блокады; тщетно она заявляла самые энергичные протесты; она уже болѣе не была достаточно могущественною, чтобы поддержать ихъ. Она изобрѣла фиктивныя блокады, и она же сдѣлалась жертвою этого; она должна была даже признать законность этого ([274]).

Съ начала войны за независимость колоній, Англія готовилась слѣдовать той же системѣ; союзъ вооруженнаго нейтралитета остановилъ ее въ исполненіи ея намѣреній. Она, между тѣмъ, старалась поддерживать и даже оправдывать эту систему; одно изъ основаній, самыхъ сильныхъ и самыхъ логическихъ, на которыя Англія ссылалась, было то, что берега Франціи были естественно блокируемы по ихъ географическому положенію относительно береговъ Великобританіи. На такую идею достаточно только указать мимоходомъ, она не можетъ заслуживать опроверженія.

Если союзъ мирныхъ націй нейтрализовалъ политику Англіи въ 1780 г., то эта держава страшно отмстила за это во время войнъ революціи и имперіи. Сперва одна Франція, затѣмъ Франція и ея колоніи, потомъ Франція, ея колоніи, союзники Франціи и ихъ колоніи, а также націи, находившіяся подъ французскимъ вліяніемъ и ихъ колоніи—были объявлены въ состояніи блокады; половина міра была блокирована по средствамъ однихъ клочковъ бумаги. Такіе факты вызвали нѣкоторые протесты со стороны Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Англія не захотѣла разрыва съ этою зараждавшеюся, но уже грозною націею; она не хотѣла также совершенно отрицать принципы международнаго права; отвѣтъ ея достоинъ, чтобы быть цитированнымъ. Блокада

([274]) Относительно сношеній, возникшихъ между Англіей и Голландіей по поводу протестовъ этой послѣдней, см. у *Flassan'a*, «Diplomatie française», t. VI, p. 64.

должна быть дѣйствительною, говорилъ Фоксъ, но для того, чтобы она имѣла это качество, достаточно, чтобы держава, которая объявляетъ ее, имѣла силы достаточныя для поддержанія ее. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Англія имѣетъ достаточно кораблей для поддержанія блокадъ, объявленныхъ ею въ маѣ 1806 г. Блокады эти, слѣдовательно, дѣйствительны и законны. Фактически,—такое заключеніе ложно, если даже принять толкованіе Питта; силы Великобританіи не могли быть достаточны, чтобы образовать подобную блокаду; юридически—мнѣ кажется безполезнымъ опровергать подобную игру словъ.

Въ войну 1854 г., Англія ничего не издала спеціальнаго по вопросу о блокадахъ, но она не пыталась объявлять блокады фиктивныя. Всѣ тѣ, которыя она объявляла, или одна, или при помощи Франціи, были дѣйствительны и полны. Точно тоже было съ нѣкоторыми дѣйствіями этого рода, примѣненными послѣ 1815 г. тою же державою на берегахъ новыхъ американскихъ государствъ, для полученія удовлетворенія за болѣе или менѣе серьезныя обиды. Относительно Великобританіи, не можетъ быть вопроса о спеціальномъ объявленіи, законность котораго она никогда не признавала; даже тогда, когда она накладываетъ блокаду дѣйствительную,— она ограничивается однимъ только дипломатическимъ объявленіемъ о началѣ блокады; въ той же формѣ она объявляетъ о снятіи блокады и сохраняетъ право предупрежденія и преслѣдованія, такъ что она задерживаетъ и конфискуетъ всякій нейтральный корабль, встрѣченный въ морѣ въ промежутокъ времени между двумя объявленіями, если корабль этотъ направляется къ блокируемому порту или выходитъ изъ него. Двойное объявленіе, имѣетъ, къ тому же, серьезное неудобство: оно устанавливаетъ запрещеніе торговли ранѣе блокады, и продолжаетъ ее за предѣлы дѣйствительнаго существованія факта. Наконецъ, Великобританія не придаетъ никакого значенія такимъ перерывамъ блокады, которые могутъ происходить отъ обстоятельствъ какъ случайныхъ такъ предвидѣнныхъ, перерывамъ, которые законно должны оставлять входъ въ портъ свобод-

нымъ. Безъ сомнѣнія, это уже не фиктивная блокада, но во всякомъ случаѣ, это есть блокада неправильная и тираническая.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершился одинъ новый фактъ, важность котораго громадна и который слѣдовательно долженъ быть отмѣченъ. Я хочу сказать объ одномъ родѣ блокады, который дѣлается безъ объявленія войны и даже тогда, когда блокирующая держава заявляетъ, что она находится въ мирѣ съ государемъ блокируемаго порта. За недостаткомъ болѣе правильнаго выраженія, я буду называть такую блокаду—*мирною* (*blocus pacifique*).

Блокада есть завладѣніе, и слѣдовательно это есть дѣйствіе военное, которое не можетъ имѣть мѣста во время мира, потому что одно уже существованіе такого дѣйствія есть разрывъ мирныхъ сношеній. Я не буду разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія обоихъ воюющихъ; каждый изъ нихъ имѣетъ право наносить другому вредъ, всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами дозволенными; каждый изъ нихъ, одинаково можетъ, отказаться отъ части своихъ правъ и удовольствоваться нанесеніемъ вреда только лишь средствами ограниченными. Онъ можетъ, поэтому, отказаться отъ всѣхъ другихъ непріязненныхъ дѣйствій и ограничиться одною блокадою. Тѣмъ не менѣе это всегда будетъ дѣйствіе военное, дѣйствіе, исключающее состояніе мира, и противникъ можетъ отвѣтить ему по своему желанію, или употребивъ всѣ средства, или также ограничившись примѣненіемъ такого-же права. Но та часть этого вопроса, которая касается международныхъ сношеній вообще, и въ частности сношеній торговыхъ— гораздо менѣе проста. Во время мира, торговля всѣхъ народовъ безусловно свободна; война измѣняетъ это существенное право, такъ какъ она приноситъ нѣкоторыя ограниченія этой свободѣ; она налагаетъ извѣстныя обязанности на всѣ народы, оставшіеся мирными. Въ числѣ этихъ обязанностей есть обязанность не имѣть никакого сообщенія съ мѣстами блокируемыми, осажденными или обложенными. Но обязанность эта существуетъ только во время войны, и только вслѣдствіе войны. Поэтому, если нѣтъ офиціально объявленной войны, то невозможно и требовать отъ нейтральныхъ

народовъ исполненія обязанности, которая не существуетъ. Я говорю о войнѣ, объявленной офиціально, потому что только одно офиціальное объявленіе или извѣщеніе можетъ обязать нейтральныхъ, исполнять новыя обязанности, которыя новый порядокъ вещей налагаетъ на нихъ.

Я прекрасно понимаю цѣль тѣхъ державъ, которыя прибѣгаютъ къ мирнымъ блокадамъ; я не смѣю называть ихъ воюющими, потому что онѣ утверждаютъ, что находятся въ мирѣ. Вообще-же, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, это были державы первоклассныя, нападавшія на народы гораздо болѣе слабые. Онѣ хотятъ, избѣгая объявленія войны, избѣжать затрудненій, расходовъ, даже опасностей, которыя война влечетъ за собою. Если бы Франція или Англія объявили войну Мексикѣ или какой нибудь восточной республикѣ, то были бы принуждены, для чести своего оружія, снаряжать раззорительныя экспедиціи, дабы покончить съ врагомъ быстро; ограничиваясь же мирною блокадою, онѣ могутъ, безъ урона чести, продолжать этотъ мнимый миръ въ продолженіе десятка лѣтъ.—Болѣе того, слѣдуетъ замѣтить, что не объявляя войну, державы эти сохраняютъ торговлю своихъ подданныхъ со всѣми портами атакованной націи, на которые не наложена блокада, иногда даже съ тѣми, на которые блокада наложена только для виду. Но невозможно допустить, чтобы для удовлетворенія своихъ экономическихъ нуждъ, для удовлетворенія своего самолюбія и въ особенности для благопріятствованія торговлѣ своихъ подданныхъ, націи, каковы бы ни были къ тому же ихъ силы, могли выставлять затрудненія для свободы торговли независимыхъ народовъ. Между миромъ и войною, для нейтральныхъ нѣтъ и не можетъ быть состоянія средняго. Если миръ существуетъ, иностранцы пользуются полною своею независимостію; когда же наступаетъ война, то она налагаетъ обязанности по отношенію къ воюющимъ и въ пользу ихъ; воюющіе, съ своей стороны, также подчиняются всѣмъ шансамъ —дурнымъ и хорошимъ. И именно только вслѣдствіе этихъ шансовъ—обязанности налагаются на мирные народы. Однимъ словомъ, только одна война порождаетъ нейтралитетъ и всѣ его обязательства.

Первый примѣръ мирной блокады не восходитъ ранѣе 1827 г. Блокада эта продолжалась однако недолго; она не оказала никакого вліянія на нейтральные народы. Россія, Франція и Англія, желая, справедливо или нѣтъ,—здѣсь не мѣсто разбирать это,—положить конецъ губительной войнѣ, которая существовала между Турціей и возставшими греками,—блокировали всѣ мѣста, гдѣ находилась оттоманская армія и флотъ. Между тѣмъ послы этихъ трехъ державъ оставались въ Константинополѣ и заявляли о дружбѣ, питаемой ихъ государями къ султану. Подобныя заявленія повторялись и возобновлялись каждый день, и даже наканунѣ Наваринскаго сраженія, когда три соединенныя эскадры уничтожили турецко-египетскій флотъ.

Начиная съ этой эпохи, Франція и Англія много разъ употребляли мирную блокаду противъ американскихъ государствъ; но онѣ распространяли дѣйствіе этихъ блокадъ на нейтральные народы; онѣ поддерживали такой порядокъ вещей впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, Франція держала въ блокадѣ часть береговъ Мексики въ продолженіи двухъ лѣтъ, и если война была наконецъ объявлена, то ее объявила Мексика послѣ того, какъ французская дивизія бомбардировала и разрушила Saint-Jean d'Ulloa, не смотря на существованіе мнимаго мира. Въ продолженіе этой блокады, торговля была подчинена всѣмъ ограниченіямъ войны; но при этомъ дошли до такого страннаго результата, что мексиканскія суда, захваченныя до объявленія войны, оставались подъ простымъ секвестромъ и были обратно возвращены лишь только миръ былъ подписанъ, тогда какъ нейтральныя суда, захваченныя въ одно и тоже время были осуждены и конфискованы ([275]). Одного подобнаго резуль-

---

([275]) Сорокъ шесть, захваченныхъ иностранныхъ кораблей были присуждены какъ виновные въ нарушеніи блокады, а четыре мексиканскія судна были обратно возвращены. См. донесеніе, представленное въ палату депутатовъ 21 іюня 1839 г. *Moniteur* отъ 22 іюня и трактатъ отъ 9 марта 1839 г., ст. 2. *Martens*, «Nouv. rec.», t. XVI, p. 607. Англичане, болѣе логичные чѣмъ французы, конфисковали суда, принадлежащія блокируемой націи.

тата достаточно, чтобы показать огромную несправедливость этихъ мнимыхъ мирныхъ блокадъ.

Франція и Англія, вмѣстѣ и отдѣльно, въ продолженіи около десяти лѣтъ держали порта Ла-Платы, принадлежащіе Аргентинской республикѣ, въ мирной блокадѣ; продолжая оставаться въ мирѣ, какъ онѣ заявляли, онѣ имѣли нѣсколько кровопролитныхъ сраженій. Безъ сомнѣнія, блокады эти поддерживались достаточными силами, и слѣдовательно были дѣйствительными; безъ сомнѣнія, всѣ формальности, указанныя положительнымъ закономъ были строго выполнены; спеціальное объявленіе было дѣлаемо каждому кораблю, но имѣли-ли эти державы право, находясь въ мирѣ съ атакуемыми націями, препятствовать другимъ народамъ продолжать ихъ торговлю съ территоріею тѣхъ, кого онѣ продолжали все еще называть своими друзьями? Имѣли-ли онѣ право, онѣ, мирныя ниціи, останавливать, захватывать и присуждать корабли другихъ, такихъ-же мирныхъ націй? Очевидно нѣтъ; подобное право не можетъ существовать.

Пусть правительства вообще и французское въ особенности, хорошенько разсудятъ о такомъ фактѣ; онъ—величайшей важности. Посредствомъ мирной блокады легко будетъ причинить торговлѣ всѣхъ народовъ столько-же вреда, какъ нѣкогда было причинено нейтральнымъ націямъ посредствомъ фиктивныхъ блокадъ; средство это будетъ тѣмъ болѣе опасно, что блокирующій можетъ продолжать свои торговыя операціи. Націи должны открыто и добросовѣстно принимать всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій. Если онѣ желаютъ потребовать силою оружія, удовлетворенія за какія нибудь оскорбленія,— пусть онѣ объявляютъ войну, и тогда нейтральные должны будутъ исполнять свои обязанности; если они не исполнятъ ихъ, то подвергнутся всѣмъ тѣмъ наказаніямъ и послѣдствіямъ, которыя опредѣлены международнымъ закономъ. Къ тому же, объявленіе войны не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы воюющій ограничивалъ свои военныя операціи тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ или тѣмъ, что онъ находитъ удобнымъ; онъ можетъ ограничиться наложеніемъ блокады на одинъ или на нѣсколько портовъ своего врага; въ

этомъ отношеніи ничто не можетъ стѣснять его волю, я даже скажу его гуманность. Такой образъ дѣйствій, болѣе откровенный, болѣе честный относительно противника, есть единственно законный по отношенію къ иностраннымъ націямъ.

§ VII. *Осмотръ нейтральныхъ кораблей.*

Вопросъ объ осмотрѣ нейтральныхъ кораблей, встрѣченныхъ въ морѣ военными судами и корсарами воюющихъ— весьма ясно разрѣшенъ положительнымъ правомъ. Число трактатовъ, регламентировавшихъ этотъ осмотръ въ теченіе разсматриваемаго нами періода, очень значительно, и за очень небольшимъ числомъ исключеній, всѣ они приняли тѣ же принципы, и тѣ же правила, которые существовали въ XVII столѣтіи. По этому вопросу есть только одно важное измѣненіе, которое и будетъ разсмотрѣно. Я полагаю, что было-бы совершенно безполезно перечислять тѣ торжественные акты, которые установили или санкціонировали положительный законъ. Достаточно будетъ сказать, что всѣ безъ исключенія націи соединены договорами, безусловно тождественными ([276]). По этому предмету, какъ и по всѣмъ другимъ,

---

([276]) Я приведу именно акты 1716 г., заключенные между Франціей и Ганзейскими городами;—1725 г., между Испаніей и Голландіей;—1742 г., между Франціей и Даніей;—1742 г., между Швеціей и Сициліей;—1748 г., между Даніей и Сициліей;—1748 г., между Франціей и Англіей;—1758 г., между Голландіей и Сициліей;—1763 г., между Франціей и Англіей;—1760 г., между Англіей и Мароко;—1778 г., между Франціей и Соединенными Штатами;—1786 г., между Франціей и Англіей;—1787 г., между Россіей и Франціей*); 1818 г., между Даніей и Пруссіей;—1824 г., между Соединенными Штатами и Колумбіей;—1844 г., между Франціей и Новой Гренадой, и пр. и пр.

*) Ст. XXXI трактата, заключеннаго 31 декабря 1787 г. между Россіею и Франціею, о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи, говоритъ: «Если одна изъ двухъ договаривающихся Державъ, будетъ воевать съ какимъ другимъ Государствомъ, военные ея корабли или частные арматоры имѣютъ право осматривать купеческія суда, принадлежащія подданнымъ другой договаривающейся Державы, встрѣченныя ими на пути безъ конвоя у береговъ или въ открытомъ морѣ; но какъ симъ послѣднимъ именно запрещается бросать въ море какія либо бумаги, такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, ни когда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полувыстрѣла пушеч-

начиная съ 1801 г. Англія всегда отказывалась подписать какой-бы то ни было трактатъ; она соединена только актами предшествовавшими этой эпохѣ.

Цѣль осмотра—двоякая: во 1-хъ узнать національность встрѣченнаго корабля, а во 2-хъ, въ случаѣ, если корабль направляется въ непріятельскій портъ, то удостовѣриться: не везетъ-ли онъ военную контрабанду.—Это двоякое удостовѣреніе должно дѣлаться исключительно посредствомъ осмотра корабельныхъ документовъ. Способъ самаго осмотра установленъ не менѣе ясно. Для того, чтобы осмотрѣть корабельные документы, крейсеръ долженъ: во 1-хъ предупредить встрѣченное судно и пригласить его остановиться; такое предупрежденіе дѣлается посредствомъ *пригласительнаго выстрѣла* изъ пушки, (*coup de semonce*); нейтральный корабль обязанъ остановиться и ждать военнаго крейсера; во 2-хъ, остановиться на разстояніи пушечнаго выстрѣла; въ 3-хъ, послать къ борту нейтральнаго корабля шлюпку, изъ которой могутъ войти на нейтральный корабль не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ; въ 4-хъ, потребовать представленія корабельныхъ документовъ, которые вообще, должны быть согласны съ образцами, приложенными къ трактатамъ; въ 5-хъ, если изъ этихъ документовъ будетъ видно, что осматриваемое судно есть нейтральное, и предназначено идти въ портъ нейтральный, то осматривающій долженъ удалиться и предоставить судну свободно продолжать свой путь; въ 6-хъ, если судно, признанное нейтральнымъ, направляется въ непріятельскій портъ, то осматривающій офицеръ долженъ потребовать представленія документовъ, относящихся къ грузу, и если эти документы докажутъ, что грузъ не содержитъ въ

наго. А для предупрежденія всякаго безпорядка и насилія, Высокія договаривающіяся стороны соглашаются, чтобъ первые не могли никогда посылать на своихъ шлюпкахъ болѣе двухъ или трехъ человѣкъ на корабль къ послѣднимъ для освидѣтельствованія паспортовъ и морскихъ бумагъ, коими утверждается собственность и грузъ упоминаемыхъ купеческихъ судовъ; для вящагожъ предваренія всѣхъ случаевъ. Высокія договаривающіяся стороны согласились сообщить взаимно форму доказательствъ и морскихъ бумагъ и приложить образцы оныя къ ратификаціямъ....». См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16489. *Прим. перев.*

себѣ никакой военной контрабанды, то офицеръ долженъ немедленно удалиться. Если же окажутся предметы военной контрабанды, то онъ можетъ захватить корабль. Ни въ какомъ случаѣ, даже послѣ захвата, не дозволяется крейсеру открывать какіе бы то ни было ящики, сундуки или другую мебель, какіе бы то ни было тюки или кипы для того, чтобы отъискивать тамъ самому, или другіе документы, или подозрительные товары.— То, что я назвалъ *обыскомъ*—именно воспрещено. Корабельные документы, тѣ, которые предусмотрѣны трактатами, должны быть согласны съ образцами, приложенными къ этимъ трактатамъ; что касается другихъ документовъ, а также и тѣхъ, относительно которыхъ трактаты не даютъ образцовъ,—то воюющій долженъ удовольствоваться только лишь тѣмъ, чтобы документы эти были правильны и согласны съ обычаями той націи, которой принадлежитъ корабль.—Многіе новѣйшіе трактаты именно упоминаютъ объ этой обязанности, которая вытекаетъ изъ смысла всѣхъ торжественныхъ актовъ.

Таковъ способъ осмотра, принятый положительнымъ закономъ. Нѣкоторые трактаты содержатъ измѣненія, которыя, будучи повидимому маловажными, тѣмъ не менѣе существенно противорѣчатъ этому закону. Такъ, число людей, которые могутъ войти на осматриваемый корабль, обыкновенно опредѣляется не болѣе трехъ; нѣкоторые акты требуютъ, чтобы могъ входить не больше какъ одинъ. Различіе это слишкомъ ничтожно, чтобы нанести какой нибудь ущербъ общему закону.

Но существуетъ одно различіе, которое гораздо болѣе существенно. Громадное большинство трактатовъ и, слѣдовательно, самъ положительный законъ требуетъ, чтобы крейсеръ останавливался далѣе пушечнаго выстрѣла, или, по нѣкоторымъ трактатамъ,—на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ осматриваемаго судна. Цѣль—очевидна: осмотръ не есть дѣйствіе судебное; это есть только средство, даваемое воюющему для осуществленія его права войны; поэтому, онъ не долженъ облекать форму осмотра—въ дѣйствіе власти; не слѣдуетъ, чтобы онъ опирался на силу. Къ тому же, необходимо избѣгать, чтобы крейсеръ могъ пользоваться артиллерійскимъ

огнемъ, или даже присутствіемъ своей артиллеріи для того, чтобы предъявить нейтральному тѣ незаконныя требованія, которыя осматривающій офицеръ могъ-бы пожелать. Такова была цѣль націй. Весьма многочисленные трактаты, въ особенности заключенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не признали мудрыхъ постановленій закона; они постепенно измѣняли это разстояніе, разсчитанное столь справедливо. Конвенція 1787 г., заключенная между Россіей и Франціей, нанесла первый ударъ, опредѣливъ это разстояніе въ половину пушечнаго выстрѣла ([277]). Трактаты, заключенные въ 1766 г. и 21 февраля 1797 г. между Россіей и Англіей шли гораздо дальше; они предоставляли, въ этомъ отношеніи, самый способъ производства осмотра вполнѣ на произволъ воюющаго, выставляя ему одно только обязательство: употреблять при осмотрѣ столько умѣренности, сколько обстоятельства могутъ позволить ([278]). Время заключенія этого послѣдняго трактата, и державы, которыя его заключили, отнимаютъ у него всякое международное значеніе. Ослѣпленная ненавистью къ французской революціи, Россія вступила въ союзъ съ Англіей противъ Франціи, и отказалась отъ своей политики для того, чтобы

([277]) Ст. 31 «......Il n'est pas moins strictement ordonné aux dits vaisseaux de guerre ou armateurs de ne jamais s'approcher des dits navires marchands qu'á la distance, au plus, de la demi-portée du canon.» *Lampredi*, «Commerce des neutres», 2 partie, p. 304 и *Martens*, «Rec.» t. VI, p. 357. (Ст. 31 трактата, заключеннаго 31 декабря 1786 г. между Россіею и Франціею, о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи, говоритъ: «.....такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, ни когда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полувыстрѣла пушечнаго». (См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489,

([278]) Ст. 10. «.... Quant à la visite des vaisseaux marchands, les vaisseaux de guerre et corsaires se conduiront avec *autant de modération* que les circonstances de la guerre permettent d'en user envers les puissances amies qui sont restées neutres, et en observant, *le plus qu'il sera possible*, les principes généralement reconnus, et les préceptes du droit des gens». *Martens*, «Rec.», t. VI, p. 357. («Трактатъ 1766 г. о дружбѣ и коммерціи между Россійскою Имперіею и короною Великобританскою, заключенный въ Санктпетербургѣ». Артикулъ 10: «..... При осмотрѣ же торговыхъ судовъ, арматоры и военные корабли имѣютъ поступать такъ, какъ настоящій тогда военный резонъ только дозволить можетъ въ разсужденіи наидружественнѣйшихъ державъ, пребывающихъ въ нейтралитетѣ, *съ возможнымъ* сохраненіемъ общепризнанныхъ принциповъ и правилъ всенародныхъ правъ», См. Пол. Собр. Закон. за 1766 г. № 12682. *Прим. перев.*

принять, даже съ преувеличеніемъ, политику своего новаго друга. Трактаты 1797 г. допускаютъ подозрѣнія и всякія насилія, какія воюющій можетъ захотѣть себѣ позволить.

Конвенція отъ 16 мая 1832 г., заключенная между Соединенными Штатами и Чили, совершенно отмѣняетъ предосторожности, принимаемыя положительнымъ правомъ, и отдаетъ нейтральнаго на произволъ воюющихъ крейсеровъ, то есть корсаровъ, людей, которымъ чужды всякія чувства кромѣ жажды наживы. Этотъ трактатъ разрѣшаетъ вооруженному судну останавливаться на такомъ наибольшемъ разстояніи, которое будетъ обусловливаться цѣлью осмотра, состояніемъ моря и степенью подозрѣнія, имѣемаго относительно осматриваемаго корабля ([279]). Постановленіе это было повторено большинствомъ трактатовъ, заключенныхъ, начиная съ 1832 г. Соединенными Штатами съ американскими народами. Оно почти столь же опасно, какъ и постановленіе трактата 1797 г.; оно оставляетъ все на произволъ крейсера, который одинъ можетъ судить о состояніи моря, и въ особенности о степени подозрѣнія, и который слѣдовательно является, и одною изъ сторонъ въ дѣлѣ, и судьею. Но эти акты, однако, не дозволяютъ дѣлать обыскъ.

Изъ общаго смысла всѣхъ трактатовъ вытекаетъ, что крейсеръ, желающій произвести осмотръ, долженъ самъ отправиться на корабль, подлежащій осмотру, и что онъ не можетъ требовать, чтобы нейтральный явился къ нему на корабль, для представленія ему своихъ корабельныхъ документовъ.—Между тѣмъ, трактаты эти не содержатъ никакой спеціальной статьи относительно этого важнаго вопроса. Изъ такого молчанія, нѣкоторыя вооруженныя суда считали возможнымъ заключить, что имъ было дозволено требовать къ себѣ нейтральнаго, и онѣ въ дѣйствительности практиковали такое серьезное насиліе. Для того, чтобы предупредить возобновленіе подобнаго злоупотребленія, большое число новѣй-

---

([279]) Art. 3: «Le bâtiment de guerre se tiendra à la plus grande distance compatible avec *le but* de la visite, les circonstances de la mer et du vent, et le degré de suspicion portant surle vaisseau visité....» *Martens*, «Nouv. rec.», t. II, p. 438.

шихъ конвенцій формально объявило, что ни въ какомъ случаѣ, люди, составляющіе экипажъ корабля, подлежащаго осмотру, не могутъ быть требуемы на корабль, который производитъ осмотръ ([280]).

Представляется весьма страннымъ, что трактаты, образовавшіе вооруженный нейтралитетъ 1780 г. сохранили молчаніе относительно осмотра, и что трактаты вооруженнаго нейтралитета 1800 г. говорили только объ осмотрѣ судовъ, находившихся подъ конвоемъ военныхъ кораблей. Обращая вниманіе на такое умолчаніе, современный писатель можетъ объяснить его двумя причинами: во 1-хъ, опасеніемъ возбудить Францію и Испанію, которыя были тогда воюющими; державы эти согласились признать принципы права, провозглашенные трактатами вооруженнаго нейтралитета, но внутренніе законы этихъ державъ находились въ противорѣчіи съ истиннымъ опредѣленіемъ осмотра; а во 2-хъ, можетъ быть тѣмъ убѣжденіемъ, что правила производства осмотра были до такой степени опредѣлены и установлены, что было безполезно повторять ихъ въ трактатахъ.

Въ концѣ послѣдней части я говорилъ по вопросу объ осмотрѣ коммерческихъ судовъ, находящихся подъ конвоемъ одного или нѣсколькихъ военныхъ судовъ. Англія доводила притязаніе подвергать нейтральные корабли, находящіеся подъ конвоемъ, осмотру, также какъ и всѣ другія суда. Въ теченіи XVIII столѣтія, каждый разъ когда Великобританія находилась въ войнѣ, она возобновляла это притязаніе, но каждый разъ она получала новыя тому сопротивленія, часто даже вызывавшія кровопролитныя схватки. Осмотръ кораблей, находящихся подъ конвоемъ, гораздо менѣе тягостенъ для

([280]) Одинъ изъ первыхъ трактатовъ, принявшихъ эту мудрую предосторожность, есть трактатъ отъ 30 сентября 1800 г., заключенный между Франціей и Американскими Соединенными Штатами. Ст. 18 оканчивается такъ: «il est expressément convenu, que le neutre ne pourra être contraint d'aller à bord du vaisseau visitant, pour y faire l'exhibition demandée des papiers, ou pour tout autre cause». («Именно постановляется, что нейтральный не можетъ быть принуждаемъ являться на корабль, производящій осмотръ, ни для того чтобы представить корабельные документы, ни для чего бы то нибыло другаго»). Съ тѣхъ поръ, большое число торжественныхъ актовъ приняло это постановленіе.

нейтральныхъ, чѣмъ большинство другихъ притязаній со стороны воюющихъ и въ особенности со стороны Англіи, но такой осмотръ очень близко задѣваетъ національную независимость; онъ болѣе живо оскорбляетъ самолюбіе правительствъ и народовъ; онъ совершается передъ глазами общественной силѣ государствъ и вопреки этой силы. Вопросъ этотъ хотя и былъ поднятъ въ XVII столѣтіи, но не былъ разрѣшенъ ни однимъ изъ трактатовъ той эпохи, и даже тѣ трактаты, которые были заключены въ теченіе наибольшей части XVIII столѣтія, хранили абсолютное по этому пункту молчаніе. Трактаты, образовавшіе вооруженный нейтралитетъ 1780 г., также не занимались этимъ вопросомъ. Между тѣмъ, державы, вступившія въ союзъ поставлены были въ необходимости высказать свое мнѣніе. Шведское военное судно *Ваза* (*Wasa*), конвоировавшее отрядъ коммерческихъ судовъ, силою воспротивилось англійскимъ крейсерамъ, которые хотѣли подвергнуть осмотру суда, находившіяся подъ его конвоемъ. Англійское правительство заявило энергическіе протесты Стокгольмскому. Россія, къ которой Швеція обратилась за совѣтомъ, объявила, что сопротивленіе было законно, потому что суда, находящіяся подъ конвоемъ, не могли быть подвержены осмотру. С.-Петербургскій кабинетъ разослалъ даже циркуляръ иностраннымъ дворамъ, для того, чтобы сдѣлать имъ извѣстнымъ то мнѣніе, которое имъ было высказано и которое онъ былъ готовъ поддерживать даже силою.—Англія, не отступаясь отъ своего притязанія, отказалась въ тотъ моментъ требовать его исполненія.

Наконецъ почувствовали необходимость опредѣлить или рѣшить этотъ вопросъ трактатами. Самый древній актъ, въ которомъ мы находимъ это рѣшеніе, есть трактатъ, заключенный въ 1782 году между Голландіей и Американскими Соединенными Штатами. ([281]). Послѣ того, очень большое чи-

---

([281]) Ст. 10: «.... Cependant, on ne le demandera pas des vaisseaux convoyés par des vaisseaux de guerre, mais on ajoutera foi á la parole de l'officier qui conduira le convoi». (Однако не будутъ требовать его отъ судовъ конвоируемыхъ военными судами, но будутъ придавать вѣру слову офицера, который будетъ вести отрядъ) *Martens*, Rec.» tom. III, p. 427.

сло торжественныхъ трактатовъ, разрѣшило этотъ вопросъ, и всѣ они, за исключенiемъ одного, сдѣлали это одинаковымъ образомъ. Нейтральныя суда, конвоируемыя однимъ или нѣсколькими военными судами—изъяты отъ осмотра воюющими крейсерами; осмотръ этотъ, по отношенiю къ конвоируемымъ судамъ, замѣненъ словеснымъ заявленiемъ офицера, командующаго конвоемъ, что суда, находящiяся подъ его конвоемъ дѣйствительно принадлежатъ къ его нацiи и не везутъ предметовъ военной контрабанды къ врагу крейсера. Такое заявленiе, какъ это можно видѣть, удовлетворяло двоякой цѣли осмотра(282).

---

(282) См. трактаты, заключенные: 19 сентября 1782 г., между Россiей и Данiей *);—17 января 1787 г., между Россiей и Сицилiей **);—12 января 1787 г., между Россiей и Францiей ***);—25 января 1787 г., между Соединенными Штатами и Мароко;—20 декабря 1787 г., между Россiей и Португалiей****);—20 декабря 1800 г., трактаты

(*) «Трактатъ о дружбѣ и торговлѣ, заключенный $^{8}/_{19}$ октября 1782 г. въ Санкт-Петербургѣ между Россiйскою Имперiею и Датскою Короною»: Ст. 18 этого трактата говоритъ: «....Когда же такiя купеческiя суда будутъ провожаемы однимъ или многими военными кораблями; тогда одно объявленiе отъ командующаго конвоемъ офицера, что на сихъ судахъ нѣтъ заповѣдныхъ товаровъ, долженствуетъ почитаемо быть совершенно достаточнымъ, и за онымъ никакой уже осмотръ мѣста имѣть не можетъ». Ст. 19 того же трактата: «Какъ скоро по предъявленнымъ доказательствамъ, или по словесному увѣренiю командующаго конвоемъ офицера окажется, что купеческiя суда, такимъ образомъ въ морѣ встрѣченныя, не гружены заповѣдными товарами, тогда позволится имъ продолжать свой путь безъ всякаго уже препятствiя; а то обѣихъ сторонъ военные корабли, или арматоры, кои, не взирая на сiе, отважатся какимъ либо образомъ обидить или повредить реченныя суда, имѣютъ отвѣтствовать въ томъ и лицами и именiемъ ихъ, сверхъ надлежащаго удовлетворенiя за оскорбленiе причиненное флагу». См. Полн. Собр. Зак. за 1782 г., № 15537. *Прим. Перевод.*

(**) «Договоръ, заключенный $^{6}/_{17}$ генваря 1787 г. между Россiею и Королемъ Обѣихъ Сицилiй о взаимной дружбѣ и о торговлѣ»; ст. XX и XXI этого договора содержатъ буквальное повторенiя ст. 18 и 19 трактата заключеннаго $^{8}/_{19}$ октября 1782 г. между Россiей и Данiей. См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г., № 16498. *Прим. Перевод.*

(***) «Трактатъ, заключенный $\frac{\text{31 Декабря 1786 г.}}{\text{12 Января 1787 г.}}$ между Россiею и Францiею, о дружбѣ, торговлѣ и мореплаванiи». Такое-же постановленiе содержится въ XXXI и XXXII статьяхъ этого трактата. См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489. *Прим. Перевод.*

(****) Договоръ, заключенный $^{9}/_{20}$ декабря 1787 г. между Императрицею Всероссiйскою и Королевою Португальскою—о взаимной дружбѣ и торговлѣ». Ст. XXV и XXVI этого договора содержатъ буквальное повторенiе XXXI и XXXII статей трактата, заключеннаго $\frac{\text{31 Декабря 1786 г.}}{\text{12 Января 1787 г.}}$ между Россiей и Францiей. См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16594. *Прим. Перевод.*

Нѣкоторые трактаты требуютъ, чтобы заявленіе это было сдѣлано подъ ручательствомъ честнаго слова начальника конвоя. Трактаты, принявшіе такое рѣшеніе, очень многочисленны, но они не включаютъ въ себя всѣхъ тѣхъ, которые были заключены послѣ 1782 г. Нѣкоторое число торжественныхъ актовъ, а именно всѣ тѣ, въ которыхъ Англія принимала участіе,—сохранили молчаніе по этому вопросу. Рѣшеніе это, какъ можно видѣть, есть сохраненіе, по отношенію

вооруженнаго нейтралитета между Россіей, Швеціей. Даніей и Пруссіей *****);— 3 декабря 1824 г., между Соединенными Штатами и Колумбіей;—18 марта 1829 г., между Соединенными Штатами и Бразиліей;—5 апрѣля 1831 г., между Соединенными Штатами и Мексикой;—25 сентября 1839 г., между Франціей и Техасомъ;—18 сентября 1840 г., между Голландіей и Техасомъ;—18 октября 1844 г., между Франціей и Новой Гренадой, и пр. и пр. Всѣ эти трактаты находятся въ Собраніи *Martens'a*.

(*****) «Конвенція морскаго вооруженнаго нейтралитета, заключенная $^6/_{18}$ декабря 1800 г. между Ихъ Величествами, Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ Прусскимъ»:—5-й пунктъ III статьи этой конвенціи говоритъ: «что объявленіе офицера, командующаго кораблемъ или кораблями Императорскаго или Королевскаго флота, препровождающими конвой одного или многихъ купеческихъ судовъ, что его конвой не имѣетъ на бортѣ никакого заповѣднаго товара, достаточно для отвращенія осмотра на его бортѣ, или на бортахъ судовъ его конвоя. А чтобъ тѣмъ удобнѣе доставить симъ началамъ уваженіе, каковое принадлежитъ условіямъ предначертаннымъ безкорыстнымъ желаніемъ охранить безсрочныя права нейтральныхъ народовъ, и дабы изъявить новый опытъ своего праводушія и своей любви къ справедливости, то Высокія договаривающіяся стороны возпріемлютъ черезъ сіе на себя точнѣйшую обязанность возобновить строжайшія запрещенія своимъ капитанамъ военныхъ кораблей и шкиперамъ купеческихъ судовъ, чтобы не грузить, не держать, или не укрывать на своихъ бортахъ ни котораго изъ товаровъ, кои по содержанію сей конвенціи могутъ быть сочтены контрабандою, и надзирать у себя за исполненіемъ предписаній, которыя онѣ повелятъ публиковать въ своихъ Адмиралтействахъ и повсюду, гдѣ то надобно будетъ, ради чего учрежденіе, которымъ имѣетъ быть возобновлено таковое запрещеніе подъ строжайшими наказаніями, напечатано будетъ за симъ актомъ, дабы не можно было извиняться подъ предлогомъ невѣденія оного». См. Полн. Собр. Зак. за 1800 г. № 19676.

«Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный $^1/_{13}$ марта 1801 г. между Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ Шведскимъ». 5-й пунктъ XXIV статьи этого договора говоритъ: «что объявленіе офицера, командующаго кораблемъ Императорскаго или Королевскаго флота, прикрывающимъ одинъ или многіе купеческіе корабли, что на судахъ, имъ провожаемыхъ, нѣтъ никакихъ заповѣдныхъ товаровъ, должно быть достаточно, дабы не дѣлать никакого осмотра на его кораблѣ и на судахъ, подъ прикрытіемъ его идущихъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 19767. *Прим. Перевод.*

къ нейтральнымъ судамъ, находящимся подъ конвоемъ, осмотра въ томъ видѣ, въ какомъ онъ практиковался въ XVI столѣтіи, по отношенію ко всѣмъ вообще судамъ.

Единственный трактатъ, который разрѣшилъ этотъ вопросъ въ англійскомъ смыслѣ, есть знаменитая конвенція 1801 г., о которой я уже говорилъ. Россія, Данія и Швеція, правда, подписали ее, но конвенція эта не можетъ быть разсматриваема, какъ актъ положительнаго права; она не можетъ имѣть никакого значенія. Актъ этотъ, относительно осмотра судовъ, находящихся подъ конвоемъ, содержитъ одну, очень пространную статью. Осмотръ объявленъ законнымъ, но только военными судами воюющихъ; корсары же не могутъ практиковать его. Крейсеръ можетъ всегда, не смотря на правильность корабельныхъ бумагъ, если онъ имѣетъ достаточные мотивы къ подозрѣнію, мотивы, въ достаточности которыхъ онъ одинъ есть судья,—приступить къ производству обыска на корабляхъ и къ допросу экипажа, въ присутствіи одного изъ офицеровъ конвоя, если начальникъ этого конвоя признаетъ нужнымъ послать его туда. Наконецъ, онъ можетъ захватить и увести тѣ изъ коммерческихъ судовъ, относительно которыхъ онъ имѣетъ достаточныя и справедливыя причины, чтобы задержать. Начальникъ конвоя имѣетъ право послать одного изъ своихъ офицеровъ, для сопровожденія захваченныхъ судовъ. Таковъ анализъ этой статьи, которая имѣетъ не менѣе пяти параграфовъ, написанныхъ въ стилѣ англійской канцеляріи, т. е. очень темно ([283]).

([283]) См. текстъ этой 4-й статьи у *Martens*'а, «Rec.» t. VII, p. 172.

Конвенція, заключенная $^{5}/_{17}$ іюня 1801 г., въ С-Петербургѣ между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ Соединеннаго Королевства Великобританскаго и Ирландскаго—о взаимной дружбѣ». Ст. IV: «Обѣ высокія договаривающіяся стороны, желая и на будущее время всякій поводъ къ раздорамъ упредить ограниченіемъ права осматривать купеческія подъ прикрытіемъ ходящія суда на тѣ только случаи, когда бы воюющая держава дѣйствительно потерпѣть могла убытокъ чрезъ злоупотребленіе нейтральнаго флага, согласились: 1) чтобы право осматриванія купеческихъ судовъ, принадлежащихъ подданнымъ одной изъ договаривающихся державъ и подъ прикрытіемъ военнаго той державы корабля плавающихъ, предоставлено было единственно военнымъ кораблямъ воюющей стороны, отнюдь не распространяя оное на арматоровъ, корсеровъ и на прочія суда, какъ скоро оныя ни къ Императорскому ни къ Королевскому Ихъ Величествъ

Хотя трактаты и несогласны въ рѣшеніи этого вопроса, но я считаю возможнымъ разсматривать его рѣшеннымъ международнымъ правомъ, въ смыслѣ этихъ актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, право осмотра есть изобрѣтеніе положительнаго права, двоякая цѣль котораго совершенно достигается тою мѣрою, которая принята только что разсмотрѣнными мною трактатами. Съ другой стороны, военныя суда всегда были изъяты отъ осмотра по самому роду своему, и потому, что мѣра эта никогда не была создана для нихъ. Наконецъ, право захватывать и конфисковать нейтральныя суда, виновныя въ неисполненіи своихъ обязанностей, принадлежитъ воюющему только въ силу того, что нейтральный госу-

---

флотамъ не принадлежать, но подданнымп ихъ вооружены будутъ». Далѣе опредѣляется самый способъ осмотра кораблей, находящихся подъ конвоемъ: крейсеръ не могъ подходить на пушечный выстрѣлъ «развѣ состояніе моря или мѣсто встрѣчи приневолитъ къ большему сближенію». Крейсеръ долженъ былъ послать шлюпку къ конвоиру, для взаимнаго разсмотрѣнія бумагъ, т. е. крейсеръ, долженъ былъ удостовѣриться, въ томъ что конвоиру поручено вести купеческія суда, и что на этихъ послѣднихъ нѣтъ контрабанды, а конвоиръ долженъ былъ удостовѣриться, что осматривающій крейсеръ дѣйствительно принадлежитъ къ Императорскому или Королевскому флоту. «Послѣ такой повѣрки—никакого осмотра не чинить, если только бумаги правильны и если нѣтъ никакого дѣйствительнаго повода къ подозрѣнію». Въ противномъ случаѣ, конвоиръ, по требованію крейсера долженъ остановиться и задержать конвоируемыя имъ суда, а крейсеръ—приступаетъ къ осмотру, при чемъ конвоиръ имѣлъ право послать отъ себя «одного или многихъ офицеровъ» въ качествѣ депутатовъ, при производствѣ осмотра. 5-й пунктъ этой статьи дозволяетъ крейсеру не ограничиваться однимъ только разсмотрѣніемъ корабельныхъ документовъ, но и подвергать допросу шкипера и экипажъ, а въ случаѣ «истинныхъ и достаточныхъ причинъ»,—крейсеръ могъ задержать купеческое судно, для дальнѣйшаго розыска, и въ такомъ случаѣ судно это отводилось «въ ближайшій и способнѣйшій портъ».

Слѣдующая статья того-же трактата устанавливала отвѣтственность командира военнаго корабля въ томъ случаѣ, если купеческое судно, находившееся подъ военнымъ конвоемъ было задержано «безъ справедливой и достаточной причины».— Статья эта заканчивается слѣдующими словами: «напротивъ того ни подъ какимъ предлогомъ не позволяется конвоирующему кораблю употреблять насилія для недопущенія военнаго корабля или кораблей воюющей державы задерживать судно или суда купеческія, чего однакоже не обязанъ наблюдать начальникъ конвоирующаго корабля въ разсужденіи корсеровъ и арматоровъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 19906.

Конвенція эта, какъ извѣстно, была отмѣнена «конвенціею отъ 24 октября 1807 г. о разрывѣ мира съ Англіей», См. Полн. Собр. Зак. за 1807 г. № 22653.

Прим. Перевод.

дарь, или положительно, или подразумѣваемо, предоставляетъ ему тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые не признаютъ ни законовъ общихъ, ни законовъ своей страны. Такимъ образомъ, въ занимаемомъ насъ случаѣ, никакой государь и никакой народъ никогда не изъявлялъ согласія, даже подразумѣваемаго, на то, чтобы его коммерческія суда, находящіяся подъ конвоемъ, были подвергаемы осмотру, и, слѣдовательно захвату и конфискаціи; и если бы нейтральный сталъ защищать свою независимость, то воюющій не могъ бы, законно, считать себя оскорбленнымъ, наоборотъ, онъ самъ былъ бы оскорбителемъ, посягая на самую существенную прерогативу мирныхъ націй. На основаніи этихъ принциповъ, которые я считаю неоспоримыми, регламентація осмотра, на сколько она касается конвоируемыхъ судовъ, мнѣ кажется столь-же разумною какъ и раціональною.

Всѣ народы согласны между собою въ томъ, чтобы принять такую регламентацію; одна Англія противится, она одна хочетъ требовать, чтобы суда, находящіяся подъ конвоемъ, были подвергаемы осмотру также, какъ и суда, идущія безъ конвоя. Такое упорство весьма легко можно понять; помимо своего самолюбія, которое оказалось бы оскорбленнымъ въ случаѣ, если бы Англія покинула хоть одинъ пунктъ изъ того, что она называетъ своимъ морскимъ правомъ,—она увидала бы всю свою систему разрушенною, если бы она допустила правила, опредѣленныя трактатами и здравымъ смысломъ. Въ дѣйствительности, она одна до сихъ поръ настаивала на томъ, чтобы захватывать непріятельскіе товары, нагруженные на нейтральныхъ корабляхъ; она одна старается расширить списокъ предметовъ военной контрабанды за предѣлы, указанные трактатами; она одна практикуетъ фиктивныя блокады и поддерживаетъ ихъ посредствомъ, такъ называемыхъ мнимыхъ правъ предупрежденія и преслѣдованія; она одна, наконецъ, запрещаетъ новыя отрасли торговли. Если бы она допустила неприкосновенность кораблей, находящихся подъ конвоемъ, то она лишилась бы возможности осуществлять, по отношенію къ этимъ кораблямъ, всѣ тѣ права,

которыя она себѣ присвоиваетъ; она утратила бы многочисленные случаи захватывать и конфисковать нейтральные корабли—предметъ ея страстныхъ желаній; она не имѣла бы болѣе возможности раззорять дружественные флоты, уничтоженіе которыхъ составляетъ главнѣйшую цѣль ея меркантильной зависти. Позволительно даже думать, что нація эта находитъ извѣстнаго рода удовлетвореніе унижать военныхъ офицеровъ мирныхъ націй, безъ сомнѣнія для того, чтобы пріучить ихъ уважать всемірный морской деспотизмъ, къ которому она стремится изъ всѣхъ своихъ силъ. Если эта мысль вѣрна, то очень возможно, что поведеніе Англіи произведетъ дѣйствіе совершенно противуположное, и далеко не подготовивъ ей пути къ владычеству, навлечетъ ей многочисленныхъ и храбрыхъ враговъ.

Во время войны временъ французской революціи, вопросъ объ осмотрѣ кораблей, находящихся подъ конвоемъ, горячо оспоривался сѣверными державами; между нейтральными конвоирами съ одной стороны, и воюющими (англійскими) крейсерами—съ другой, произошли даже многія сраженія ([284]). Датчане выдержали два. Великобританія возбудила, по этому поводу, горячій споръ, въ которомъ посредники ея, Mercy и Whitworth не могли достигнуть установленія даже тѣни права, противъ искусной и энергичной аргументаціи графа Бернсторфа ([285]). Желая придать болѣе силы своимъ аргументамъ и добиться формальнаго обязательства со стороны Даніи, Лондонскій кабинетъ приказалъ подкрѣпить переговоры эскадрою изъ шестнадцати линейныхъ кораблей. Подъ такимъ давленіемъ, Данія подписала одну конвенцію, въ которой она обязалась, въ теченіе существовавшей тогда войны, не посылать коммерческія суда подъ военнымъ конво-

---

([284]) Въ 1798 г., Шведскій фрегатъ «*Ulla-Fersen*» выдержалъ сраженіе противъ англійской дивизіи и былъ взятъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ конвоемъ. Въ 1799 г., датскій фрегатъ «*Haufemen*» также вступилъ въ сраженіе съ нѣсколькими англійскими фрегатами. Наконецъ, 25 іюля 1800 г., другой датскій фрегатъ «*Freya*» сдался только послѣ очень жаркаго боя съ шестью англійскими кораблями.

([285]) См. у *Martens*'а «Rec.», t. VII, p. 130 и слѣд., относящіеся къ этому различные документы дипломатическому спору.

емъ, но она вполнѣ сохранила всѣ свои права ([286]). Актъ этотъ, въ дѣйствительности хотя и ничтожный, тяготилъ Копенгагенскій дворъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Данія вступила въ союзъ вооруженнаго нейтралитета; но 2 апрѣля 1801 г. Англія, которая во что бы ни стало хотѣла сломить это сопротивленіе и помѣшать возобновленію союза 1780 г., напала на датскій флотъ въ самомъ Капенгагенскомъ портѣ и сожгла его, затѣмъ заставила подписать знаменитую конвенцію 1801 г., о которой я говорилъ выше, и которая есть единственный актъ, благопріятный англійскимъ притязаніямъ, актъ уничтоженный Россіей и покинутый самой Англіей въ 1807 г.

Внутренніе законы народовъ признаютъ право осмотра, но вообще они не содержатъ никакого постановленія касательно способа примѣненія этого права; кажется, что трактаты считались достаточными, для опредѣленія этого способа. Ордонансы могущественныхъ народовъ, когда эти послѣдніе находятся въ войнѣ, имѣютъ единственною цѣлью предписать своимъ крейсерамъ останавливать нейтральныя суда, которыя будутъ находиться въ обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ этими законами и очень часто противными трактатамъ. Законы мирныхъ народовъ предписываютъ своимъ подданымъ исполнять торжественные договоры, и обязываютъ ихъ запасаться корабельными документами, необходимыми для того, чтобы доказать свою національность и невинность ихъ груза, дабы избѣжать, если это возможно, алчности воюющихъ. Но эти законы ничего не говорятъ о самомъ способѣ производства осмотра.

Однако, въ числѣ ордонансовъ, исходившихъ отъ воюющихъ, существуетъ два, которые занимались осмотромъ. Первый былъ изданъ Нидерландскими генеральными штатами 26 января 1781 г. въ тотъ моментъ, когда они очутились вовлеченными въ войну за американскую независимость.—За исключеніемъ опредѣленія контрабанды, которая далеко переходитъ за границы, опредѣленныя трактатами, ордонансъ

([286]) См. эту конвенцію изъ трехъ статей у *Martens*'а, t. VII, p. 149.

этотъ есть самый умѣренный изъ всѣхъ, которые до 1854 г. были обнародованы воюющими націями. Не входя въ большія подробности, 6 ст. предписывала крейсерамъ обращаться къ корабельнымъ документамъ нейтральныхъ судовъ, и признавала, что суда, находящіяся подъ конвоемъ, изъяты отъ осмотра ([287]). Было бы желательно, чтобы всѣ могущественныя націи, которыя подражали злоупотребленіямъ, совершеннымъ голландцами въ теченіе XVII столѣтія, послѣдовали бы также примѣру, данному ими въ этомъ случаѣ; бѣдствія, которыя морская война причиняетъ всѣмъ націямъ свѣта, были-бы значительно уменьшены.

Голландскій ордонансъ оканчивается очень важнымъ постановленіемъ, обращеннымъ къ адмиралтейству, а именно: вручать каждому командиру военнаго судна, каждому капитану корсарскаго корабля, извлеченіе изъ всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ съ нейтральными народами, для того чтобы эти уполномоченные верховнаго права войны, могли въ точности знать всѣ обязательства, существующія съ другими націями. Хотя ордонансъ и не говоритъ этого, но по всему вѣроятію извлеченія эти должны были быть сдѣланы на голландскомъ языкѣ.

Второе исключеніе существуетъ въ смыслѣ противоположномъ; оно находится въ русскомъ законѣ 1787 г. Законъ этотъ уполномочиваетъ крейсеровъ всякаго рода, какъ военныя суда такъ и корсаровъ (арматоровъ), распространять или расширять осмотръ до такихъ предѣловъ, какъ это они будутъ считать полезнымъ, и даже захватывать нейтральный

([287]) «...Quant aux vaisseaux sous convoi, on devra ajouter foi aux déclarations des officiers des convois, que les navires sous leur convoi n'ont point chargé de marchandises de contrebande, selon la pleine connaissance qu'ils en doivent avoir, et dès lors il ne sera point exigé de visite ultérieure». (Что касается кораблей находящихся подъ конвоемъ, то должны будутъ давать вѣру заявленіямъ начальниковъ конвоя, что находящіяся подъ ихъ конвоемъ суда не нагружены предметами контрабанды, на основаніи полнаго знанія, которое они должны объ этомъ имѣть, и послѣ такого заявленія не слѣдуетъ требовать никакого дальнѣйшаго осмотра). *Martens*, t, IV, p. 281.

корабль по однимъ простымъ подозрѣніямъ (*). Слѣдуетъ замѣтить, что законъ этотъ согласенъ съ трактатомъ 1766 г., заключеннымъ между Россіей и Великобританіей, который предоставляетъ воюющему заботу опредѣлить способъ производства

(*) Законъ этотъ есть «Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. правила для партикулярныхъ корсеровъ». Ст. 2 говоритъ: «Какъ въ военное время нерѣдко бываетъ, что непріятельскій корабль или судно укрывается подъ флагомъ нейтральной державы, равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ нейтральныхъ подданныхъ, побуждаемые корыстолюбіемъ, возятъ къ непріятелямъ припасы, военными правами запрещенные, то предосторожность требуетъ, чтобъ никакія купеческія суда, плывущія къ ихъ берегамъ, безъ осмотра пропускаемы небыли; по чему вооруженные Россійскіе корсеры и могутъ всякое судно, плавающее въ Левантѣ и Архипелагѣ, подъ какимъ бы оно флагомъ ни было, останавливать и осматривать».

4-ая ст. говоритъ о самомъ способѣ производства осмотра и заканчивается словами: «.....а когда по симъ бумагамъ довольно будетъ видно, что какъ судно, такъ и экипажъ дѣйствительно принадлежатъ нейтральной державѣ, и что на немъ никакихъ нѣтъ запрещенныхъ военныхъ припасовъ, въ такомъ случаѣ немедленно должно его отпустить въ желаемый путь, хотя-бъ впрочемъ и всѣ нагруженные на немъ товары дѣйствительно принадлежали непріятелю; ибо, по принятому Ея Императорскимъ Величествомъ правилу, и самая непріятельская собственность покрывается нейтральнымъ флагомъ. При таковомъ осмотрѣ не дѣлать впрочемъ ни малѣйшей грубости, угроженія, или принужденія, и ни подъ какимъ видомъ ни чего не брать и не касаться ни до малѣйшей вещи». Такимъ образомъ въ этихъ статьяхъ ни слова не говорится о правѣ военнаго корабля или корсара распространять или расширять осмотръ до такихъ предѣловъ, какъ это они будутъ считать полезнымъ, а тѣмъ паче о правѣ захватывать нейтральный корабль по однимъ простымъ подозрѣніямъ. Указанія на это можно найти въ 6 ст., которая говоритъ: «какъ на нейтральныхъ судахъ, промышляющихъ перевозомъ къ непріятелю заповѣдныхъ припасовъ за всегда бываютъ двойные документы, то должно стараться развѣдывать у шкипера или служителей, не находятся-ли у нихъ таковые припасы на суднѣ. Въ случаѣ, ежели штурманъ или кто изъ служителей объявитъ о семь, или же корсаръ самъ имѣетъ *достовѣрное свѣденіе* о томъ, что таковые военные припасы дѣйствительно на суднѣ находятся, то корсаръ можетъ тогда люки на суднѣ открыть и учинить осмотръ въ интрюмѣ; но сіе производить ему со всякою благопристойностію и осторожностію, дабы черезъ то другіе товары не были повреждены. И если заповѣдные военные припасы на суднѣ найдены будутъ, или же двойныя бумаги и документы, доказывающія объ оныхъ, въ такомъ случаѣ то судно можетъ онъ взять и привести къ Императорскому флоту, если оный уже находиться будетъ въ Средиземномъ морѣ, въ небытность его еще тамъ, въ Неаполь къ Полномочному Е. И. В. Министру Каммергеру Графу Скавронскому, и въ Венецію, пребывающему тамъ въ таковомъ же званіи Генералъ-Маіору Мордвинову, если отъ тамошняго правительства не будетъ въ томъ возбраняемо, а имъ препоручены разбирательство и судъ о захватахъ до прибытія флота». См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г., № 16599. Такимъ образомъ, если въ статьѣ этой и говорится о томъ,

осмотра (*). Но мы должны указать, что трактатъ этотъ абсолютно противенъ всѣмъ трактатамъ, которые соединяли тогда Россію съ другими державами, и именно трактату 1787 г., заключенному съ Франціей (**).

что корсаръ имѣетъ право приступить къ осмотру если самъ имѣетъ достовѣрное свѣдѣніе,—но право это относится только къ такимъ нейтральнымъ судамъ, которыя *промышляютъ* перевозкою контрабандныхъ товаровъ, а не ко всѣмъ вообще.

Прим. Перевод.

(*) «Трактатъ о дружбѣ и коммерціи между Россійскою Имперіею и Короною Великобританскою, заключенный въ Санктпетербургѣ 23 августа 1766 г.», артикулъ 10: «.....при осмотрѣ-же торговыхъ судовъ, арматоры и военные корабли имѣютъ поступать такъ, какъ настоящій тогда военный резонъ только дозволить можетъ, въ разсужденіи наидружественнѣйшихъ державъ, пребывающихъ въ нейтралитетѣ, съ возможнымъ сохраненіемъ обще признанныхъ принципій и правилъ всенародныхъ правъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1766 г. № 12682.

Прим. Перевод.

(**) Статьи, трактата, заключеннаго между Россіей и Франціей 31 декабря 1786 г., суть слѣдующія: Ст. XXXI. «Если одна изъ двухъ договаривающихся державъ, будетъ воевать съ какимъ другимъ государствомъ, военные ея корабли или частные арматоры имѣютъ право осматривать купеческія суда, принадлежащія подданнымъ другой договаривающейся державы, встрѣченныя ими на пути безъ конвоя у береговъ или въ открытомъ морѣ; но какъ симъ послѣднимъ именно запрещается бросать въ семъ случаѣ въ море какія либо бумаги, такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, никогда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полувыстрѣла пушечнаго. А для предупрежденія всякаго безпорядка и насилія, высокія договаривающіяся стороны соглашаются, чтобъ первые не могли никогда посылать на своихъ шлюпкахъ болѣе двухъ или трехъ человѣкъ на корабль къ послѣднимъ для освидѣтельствованія паспортовъ и морскихъ бумагъ, коими утверждается собственность и грузъ упоминаемыхъ купеческихъ судовъ; для вящшаго-жъ предваренія всѣхъ случаевъ, Высокія договаривающіяся стороны согласились сообщить взаимно форму доказательствъ и морскихъ бумагъ и приложить образцы оные къ ратификаціямъ. Но ежели сіи купеческія суда будутъ конвоированы однимъ или многими военными кораблями, то простое объявленіе офицера, начальствующаго надъ конвоемъ, что на сихъ судахъ нѣтъ никакихъ заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, должно быть достаточно, чтобъ не дѣлать никакого осмотра. Ст. XXXII. Какъ скоро, по освидѣтельствованіи доказательствъ купеческихъ судовъ, встрѣченныхъ на морѣ или по словесному увѣренію офицера начальствующаго надъ конвоемъ, окажется, что они не нагружены заповѣдными военными товарами, то оныя могутъ тогда-же свободно продолжать свой путь.

Но если, не смотря на то, сіи купеческія суда претерпятъ обиду или вредъ какимъ бы то образомъ ни было отъ военныхъ кораблей или арматоровъ воюющей державы, начальники сихъ послѣднихъ должны будутъ за всѣ причиненные ими убытки и вредъ отвѣчать лично и имѣніемъ своимъ, а сверхъ того и обида, причиненная флагу, совершенно удовлетворится.

Законы, изданные мирными націями были очень многочисленны, въ особенности послѣ войны 1778 г. ([288]), между тѣмъ только одинъ изъ нихъ опредѣляетъ обязанности воюющаго и нейтральнаго яснымъ и положительнымъ образомъ: это шведскій ордонансъ 1779 г. ([289]) Нейтральный государь объявляетъ,

---

Ст. XXXIII. Буде-же въ ономъ купеческомъ суднѣ по таковому осмотру на морѣ найдутся заповѣдные военные товары, то не дозволяется отбивать люкъ, или разкрывать какихъ либо ящиковъ, сундуковъ, бауловъ, тюковъ, или бочекъ, ниже что либо трогать съ мѣста въ помянутомъ суднѣ. Но корабельщикъ судна можетъ, если за благо разсудитъ, выдать тотъ часъ заповѣдные военные товары своему взятелю, который долженъ быть доволенъ сею самопроизвольною выдачею, и не дѣлая никакого задержанія, обиды и безпокойства судну и служителямъ онаго, позволить ему тогда же продолжать свободно путь свой. Ежелижъ онъ не захочетъ выдать нагруженныхъ у него заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, то взятель имѣетъ только право отвести его въ портъ, гдѣ разсмотрится его дѣло предъ судьями въ Адмиралтействѣ по законамъ и судебнымъ обрядамъ того мѣста; и, по учиненіи на то рѣшительнаго приговора, одни только товары признанные военными заповѣдными, будутъ отобраны, а всѣ прочія вещи, неозначенныя въ XXIX статьѣ, вѣрно возвращены, изъ коихъ при томъ не позволяется что либо удержать подъ предлогомъ издержекъ или пени. Корабельщикъ таковаго судна или занимающій мѣсто онаго не будетъ обязанъ дожидаться противъ воли окончанія судопроизводства, но можетъ свободно плыть въ море со своимъ кораблемъ, экипажемъ и остальнымъ своимъ грузомъ, отдавъ добровольно заповѣдные военные товары, кои имѣлъ на своемъ суднѣ«. См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489.

Прим. Перевод.

([288]) См. le «Recueil» *Martens*'а за 1778, 1779, 1780 и 1781 гг., и именно ордонансы: великаго Герцога Тосканскаго отъ 1 августа 1780 г.;—Гамбургскій, отъ 10 сентября 1778 г.;—отъ 29 сентября 1778 г., Обѣихъ Сицилій; Папскій, отъ 9 марта 1779 г.;—Генуэзскій, отъ 1 іюля 1779 г.;—Венеціанскій, отъ 9 сентября 1779 г.;—Турецкій, отъ 12 февраля 1780 г., и пр. и пр.

([289]) «Il est permis à tous mes fidèles sujets de poursuivre tout autre commerce (excepté la contrebande) et navigation librement et sans empêchement, de la manière que leur assurent les traités et le droit des gens en général, et attendu que les papiers de mer doivent être la preuve unique que les batiments appartiennent effectivement à nos sujets, nous voulons aussi les avertir de se munir de toutes les lettres et passe-ports nécessaires, pour prouver tant l'endroit auquel les vaisseaux appartiennent, que ce qui est d'ailleurs d'usage de la part des armateurs.... Le tout, afin qu'ils puissent jouir de notre protection et réclamer l'appui de nos ministres, agents et consuls dans les pays étrangers....» (Дозволяется всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ заниматься всякаго рода торговлею (за исключеніемъ контрабанды) и мореплаваніемъ свободно и безпрепятственно, такъ, какъ имъ обезпечиваютъ это трактаты и право народовъ вообще, и принимая во вниманіе, что корабельные документы должны служить единственнымъ доказательствомъ того, что суда дѣйствительно принадлежатъ нашимъ подданнымъ, мы желаемъ также предупредить ихъ запасаться всѣми корабельными документами и паспортами

что онъ разсматриваетъ трактаты, какъ единственное правило и руководство для поведенія своихъ подданныхъ, съ тою достойною твердостью, которая какъ бы указываетъ на то, что онъ расположенъ заставить уважать свои права даже силою, какъ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ въ теченіе той войны, вмѣстѣ съ Россіей и Даніей.

Обыскъ, которому воюющіе такъ непремѣнно хотѣли подвергать нейтральныхъ подъ названіемъ *осмотра*, не находитъ никакой опоры въ трактатахъ, заключенныхъ, начиная съ 1713 г. до настоящаго времени. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ, очень точны; они воспроизводятъ постановленіе утрехтскаго трактата, заключеннаго между Франціей и Англіей и слѣдовательно воспрещаютъ всякой другой способъ *осмотра* кромѣ какъ изслѣдованіе корабельныхъ документовъ; (290) и подъ этимъ словомъ: *осмотръ* (*visite*), какъ я уже замѣтилъ это, дипломатическій языкъ XVIII столѣтія разумѣлъ то, что я назвалъ *обыскомъ*. Наибольшее число трактатовъ хранятъ по этому вопросу полное молчаніе; но даже это молчаніе доказываетъ, что они отвергаютъ этотъ способъ производства осмотра. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ трактаты опредѣляютъ съ величайшимъ стараніемъ и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, повѣрку національности нейтральныхъ кораблей и законность ихъ груза, и ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ о правѣ гораздо болѣе важномъ, гораздо бо-

---

необходимыми для доказательства какъ того мѣста, къ которому суда эти принадлежатъ, такъ и того, что сверхъ того принято арматорами.... Главное, дабы они могли пользоваться нашимъ покровительствомъ и требовать помощи отъ нашихъ министровъ, агентовъ и консуловъ, въ иностранныхъ государствахъ). Шведскій ордонансъ отъ марта 1779 г., *Martens*, «Rec.», t. III, p. 60.

(290) См. въ числѣ другихъ, трактаты: Ахенскій, 1748 г.;—Парижскій, 1763 г.; трактаты 1783 и 1786 гг., заключенные между Франціей и Англіей. Послѣдній говоритъ, ст. 26: «.... et il sera libre aux vaisseaux qui les aura montrés (les papiers de bord), de poursuivre sa route, sans qu'il soit permis de le molester et *visiter* en façon quelconque». (И корабли, которые ихъ покажутъ (корабельные документы) могутъ свободно продолжать свой путь безъ того, чтобы было дозволено безпокоить или осматривать ихъ какимъ-бы то нибыло образомъ). *Martens*, t. IV, p. 155. Приводя этотъ актъ, *Lampredi* не говоритъ о 26 ст., которая однако относится къ одному изъ разсматриваемыхъ имъ предметовъ. Это безъ, сомнѣнія, происходитъ отъ того, что авторъ поддерживаетъ законность обысковъ. См. «Commerce des neutres», 2 partie, p. 450.

лѣе непомѣрномъ, предъявляемомъ воющими—производить обыскъ и самимъ разыскивать въ ящикахъ и шкафахъ другіе документы, кромѣ тѣхъ, которые имъ представлены; вскрывать тюки, переворачивать грузъ, подвергать капитана и матросовъ допросу и пр., и пр. Такимъ образомъ очевидно, что еслибы международный законъ создалъ или призналъ такое право, то націи, заключавшія тѣ трактаты, о которыхъ я только что сказалъ, озаботились бы регламентировать такое право. Общее-же молчаніе, хранимое по такому важному предмету достаточно для того, чтобы доказать, что ни одинъ народъ не допускалъ этого мнимаго права; молчаніе это въ особенности имѣетъ такое значеніе, если сопоставить его съ столь точнымъ содержаніемъ трактатовъ, относительно простаго, дѣйствительно признаваемаго осмотра.

Единственный актъ, но за которымъ я уже не призналъ никакого международнаго значенія,—конвенція 1801 г., навязанная Англіею, Россіи, Даніи и Швеціи, дозволяетъ производить обыскъ (*). Lampredi совершилъ серьезную ошибку

(*) Ст. IV «Конвенціи, заключенной $^{5}/_{17}$ іюня въ С.-Петербургѣ между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ соединеннаго Королевства Великобританскаго и Ирландскаго»,—разрѣшаетъ подвергать осмотру купеческія суда, находящіяся подъ военнымъ конвоемъ, при чемъ самый осмотръ долженъ заключаться въ разсмотрѣніи и повѣркѣ документовъ. «Послѣ таковой повѣрки»,—говоритъ 4-й пунктъ этой статьи,—«никакого осмотра не чинить, если только бумаги правильны и *если нѣтъ никакого дѣйствительнаго повода къ подозрѣнію.* Въ противномъ же случаѣ, начальникъ нейтральнаго военнаго корабля (по воспослѣдованіи о томъ достодолжнаго отъ начальствующаго надъ кораблемъ или надъ кораблями воюющей державы) обязанъ спустить парусы и задержать свой конвой столько времени, сколько нужно будетъ для осмотра кораблей оный конвой составляющихъ; но ему предоставляется право назначить и отправить одного или многихъ офицеровъ для бытія при осмотрѣ помянутыхъ кораблей, и тогда уже въ лицѣ ихъ и офицера или офицеровъ, коихъ начальствующій надъ кораблемъ воюющей державы также назначитъ, каждое купеческое судно осмотрѣно будетъ. Если случится, что начальствующій надъ кораблемъ или надъ кораблями воюющей державы, по разсмотрѣніи бумагъ, найденныхъ на суднѣ, и *по учиненіи допроса шкиперу и экипажу,* замѣтитъ истинныя и достаточныя причины къ задержанію купеческаго судна *для дальнѣйшаго розыска,* то о таковомъ намѣреніи долженъ онъ дать знать конвоющаго корабля начальнику, который тогда властенъ будетъ отрядить офицера съ тѣмъ, чтобы онъ оставался на задержанномъ вышесказаннымъ образомъ суднѣ и былъ при изслѣдованіи причины задержанія онаго. Купеческое судно безъ замедленія отведено будетъ въ

сказавъ, что трактатъ 1766 г., заключенный между Россіей и Англіей допускаетъ обыскъ. Такая ошибка происходитъ отъ того, что онъ дурно переписалъ 10-ю статью; вмѣсто словъ: «quant aux *recherches* à faire sur les vaisseaux marchands»... («что касается обыска, производимаго на купеческихъ корабляхъ»), которыя авторъ приводитъ,—слѣдуетъ читать: «*lors de la visit* des vaisseaux marchands....», («*при осмотрѣ* купеческихъ кораблей....») (291). При такой редакціи, которая есть единственно официіальная, трактатъ входитъ въ разрядъ тѣхъ, которые хранили молчаніе относительно обысковъ.

Въ теченіе этого періода, внутренніе законы не переставали быть въ противорѣчіи съ положительнымъ правомъ. Во Франціи, ордонансъ 1681 г., разъясненный постановленіемъ совѣта 1692 г., продолжаетъ регламентировать производство осмотра, и разрѣшаетъ тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ я возстаю; злоупотребленія, которыя всегда были совершаемы французами. Русскій законъ 1787 г., столь замѣчательный, впрочемъ, по своему уваженію къ мирнымъ народамъ, формально признаетъ право обыска (292). Изъ числа воюющихъ

ближайшій и способнѣйшій портъ, принадлежащій воюющей державѣ, и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть имѣетъ со всевозможною поспѣшностію». См. Полн. Собр. Зак. за 1801 г., № 19907.

Прим. Перевод.

(291) *Lampredi*, (2-me partie, p. 343) приводитъ текстъ этого трактата. Официіальный, французскій текстъ изъ С.-Петербурга содержитъ 10-ю статью въ томъ видѣ, какъ я только что ее привелъ. Она такъ же изложена въ «Political Register», London, t. II, p. 1, и въ *Jenkinson's treaties*, t. III, p. 215. Наконецъ, этотъ самый текстъ былъ принятъ всѣми собраніями дипломатическихъ актовъ, и именно у *Wenk*'a «Cod. jur. publ.», t. III, p. 572 и у *Martens*'a, t. 1, p. 141.

Ст. 10 трактата, заключеннаго 23 августа 1766 г. между Россіей и Англіей, говоритъ: «...*при осмотрѣ-же* торговыхъ судовъ, арматоры и военные корабли имѣютъ поступать такъ, какъ настоящій тогда военный резонъ только дозволить можетъ, въ разсужденіи наидружественнѣйшихъ Державъ пребывающихъ въ нейтралитетѣ, съ возможнымъ сохраненіемъ общепризнанныхъ принципій и правилъ всенародныхъ правъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1766 г. № 12682.

(292) Ст. 6. «Puisque, sur les vaisseaux neutres qui font profession de porter de la contrebande de guerre à l'ennemi, il y a toujours doubles documents, il faut tâcher de s'enquérir, auprès du capitaine et des gens de l'équipage, si le navire n'est pas chargé de semblables munitions. S'il arrive que le pilote ou quelqu'un de l'équipage en donne avis, ou bien que l'armateur lui-même a des renseignements suffisants qu'il y a, en effet, de pareille contrebande sur le navire, alors il est

нашелся только одинъ, который въ своемъ внутреннемъ законѣ предписалъ своимъ крейсерамъ точное исполненіе трактатовъ по этому предмету; это—Генеральные Штаты Голландіи. Ордонансъ отъ 26 января 1781 г. говоритъ очень опредѣленно по этому пункту ([293]). Другіе народы не высказались по этому вопросу, но всѣ воюющіе практиковали обыскъ, въ особенности по отношенію къ народамъ, болѣе слабымъ чѣмъ они сами, и мщенія которыхъ они не боялись.

Увлеченные тою авторитетностью, которую часто придаютъ историческимъ фактамъ, почти всѣ писатели разсматри-

---

permis à l'armateur d'ouvrir les écoutilles et de faire la visite, tant dans le couloir que dans le fond; mais il y procédera avec autant d'honnêteté que de précaution, pour ne point endommager le reste des marchandises....» *Martens*, t. IV, p. 338.

Русскій текстъ этого закона слѣдующій: ст. 6. «Какъ на нейтральныхъ судахъ, промышляющихъ перевозомъ къ непріятелю заповѣдныхъ припасовъ за всегда бываютъ двойные документы, то должно стараться развѣдывать у шкипера или служителей, не находятся-ли у нихъ таковые припасы на суднѣ. Въ случаѣ ежели штурманъ или кто изъ служителей объявитъ о семъ, или-же корсеръ самъ имѣетъ достовѣрное свѣдѣніе о томъ, что таковые военные припасы дѣйствительно на суднѣ находятся, то корсеръ можетъ тогда люки на суднѣ открыть и учинить осмотръ въ интрюмѣ; но сіе производить ему со всякою благопристойностію и осторожностію, дабы чрезъ то другіе товары не были повреждены. И если заповѣдные военные припасы на суднѣ найдены будутъ, или-же двойныя бумаги и документы, доказывающіе объ оныхъ, въ такомъ случаѣ, то судно можетъ онъ взять и привести къ Императорскому флоту, если оный уже находиться будетъ въ Средиземномъ морѣ, въ небытность его еще тамъ, въ Неаполь къ полномочному Ея Императорскаго Величества Министру Каммергеру Графу Скавронскому и въ Венецію, къ пребывающему тамъ въ таковомъ-же званіи Генералъ-Маіору Мордвинову, если отъ тамошняго правительства не будетъ въ томъ возбраняемо, а имъ препоручены разбирательство и судъ о захватахъ до прибытія флота». Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. правила для партикулярныхъ корсеровъ. См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16599.

([293]) Ст. 6 «.... Il sera permis aux susdits capitaines d'accoster en mer tous les vaisseaux contre lesquels il y aurait quelques soupçons, et d'exiger d'eux leurs lettres de mer, passe-ports, lettres d'adresses et connaissements, pour prouver à qui les vaisseaux appartienneent, où et dans quelle place ils ont été chargés, en quoi consistent leurs cargaisons et en quels lieux elles seront déchargées, ce qui leur étant démontré, et ayant trouvé que les susdits vaisseaux n'ont point été destinés, avec aucunes marchandises de contrebande, devers quelques ports ou places de la domination du roi de la Grande Bretagne, ils les laisseront passer librement»...... «*Martens*, t. III, p. 280. («Дозволяется вышепоименованнымъ капитанамъ останавливать въ морѣ всѣ суда, противъ которыхъ будутъ имѣться какія либо подо-

ваютъ обыскъ какъ право воюющихъ народовъ; они требуютъ только, чтобы эти послѣдніе пользовались этимъ правомъ со всевозможнымъ уваженіемъ къ нейтральнымъ ([294]). Требовать уваженія отъ корсара, всегда жаднаго къ наживѣ! Между тѣмъ Hubner, первый защитникъ мирныхъ народовъ, совершенно отвергаетъ это мнимое право, предоставляемое націямъ, находящимся въ войнѣ; и Rayneval допускаетъ его только по отношенію къ судамъ, встрѣченнымъ въ территоріальныхъ моряхъ обоихъ воюющихъ. Я не нахожу, ни въ положительномъ законѣ, ни даже во внутреннихъ ордонансахъ, никакого основанія къ тому, чтобы дѣлать подобное различіе. Наконецъ Massé, высказавшись противъ обысковъ, дѣлаетъ другое исключеніе, которое мнѣ представляется не болѣе основательнымъ чѣмъ первое; онъ считаетъ возможнымъ допустить это право только тогда, когда корабельные документы не вполнѣ правильны и не достаточно доказываютъ мирный характеръ груза.

Не смотря на историческіе факты, не смотря на всѣ эти авторитеты, я смотрю на обыскъ, какъ на злоупотребленіе силою, какъ на нарушеніе правъ нейтральныхъ и обязанностей воюющихъ; обыски противны и естественному, и положительному закону, который именно воспрещаетъ ихъ.

зрѣнія, и потребовать отъ нихъ ихъ корабельные документы, паспорты, рекомендательныя письма и коносаменты для доказательства, кому суда эти принадлежатъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ они были нагружены, изъ чего состоятъ ихъ грузы и въ какихъ мѣстахъ они будутъ выгружены, и послѣ того, какъ все это имъ будетъ показано и ими будетъ признано, что вышепоименованныя суда не были предназначены ни съ какими контрабандными товарами, ни въ какіе порта или мѣста, находящіеся подъ властью короля Великобританіи,—они дозволятъ имъ свободно продолжать путь»).

([294]) См. *Lampredi*, «Du commerce des neutres», § 12; *Azuni*, «Droit maritime de l'Europe», ch. III, art. 4, § 8, t. II, p. 272; *Ortolan*, «Dipl. de la mer.», liv. III, ch. 7; *Martens*, «Essai sur les armateurs», ch. II, § 22, p. 77; *Vattel*, «Droit des gens», t. II, liv. 3, ch. 7, § 114; *Klüber*, «Droit des gens moderne de l'Europe», 2 part., t. II, ch. 2, § 274; *Massé*, «Droit commercial», t. 1, liv. 2, tit. 1, ch. 2, sect. 2, § 5; *Hubner*, «Saisie des bâtiments neutres», t. 1, part. 2, ch. 3, § 11; *Rayneval*, «De la liberté des mers», 1-re part., t. 1, ch. 16, § 4. Эти три послѣдніе писатели, одни только поддерживали несуществованіе права обысковъ. См. мое сочиненіе «Des droits et devoirs des nations neutres», etc., въ которомъ я также поддерживалъ и развивалъ это мнѣніе.

Резюмируя сказанное, право осмотра въ теченіе этого періода, созданное въ пользу воюющихъ, было все болѣе и болѣе приводимо въ его истинные предѣлы тѣми трактатами, которые болѣе положительно и болѣе ясно опредѣлили способъ осуществленія этого права. Вопросъ объ осмотрѣ кораблей, находящихся подъ военнымъ конвоемъ, поднятый и остававшійся безъ разрѣшенія въ теченіе XVII столѣтія, былъ разрѣшенъ справедливымъ образомъ; наконецъ обыскъ былъ снова и болѣе положительно воспрещенъ. Таковъ былъ въ дѣйствительности—прогрессивный путь положительнаго закона. На дѣлѣ-же, воюющіе не выказали себя болѣе заботливыми къ исполненію самыхъ положительныхъ своихъ обязательствъ, чѣмъ въ прошедшее время. Всѣ націи, находившіяся въ войнѣ, практиковали обыскъ съ самою смѣлою суровостью. Англія продолжала требовать, какъ права, осмотра нейтральныхъ кораблей, находившихся подъ военнымъ конвоемъ и она употребляла силу для выполненія этого. Франція, которая по всѣмъ другимъ вопросамъ подавала и подаетъ еще свѣту столь прекрасный примѣръ умѣренности, не сдѣлала никакого успѣха въ томъ, что касается осмотра; она приняла даже обыскъ, а между тѣмъ всѣ трактаты формальны; всѣ они осуждаютъ поведеніе самой либеральной изъ всей вселенной державы. Будемъ надѣяться, что вѣрная своей миссіи, Франція скоро поставитъ свои внутренніе морскіе законы въ согласіе съ положительнымъ правомъ по этому вопросу, какъ это уже сдѣлано по многимъ другимъ очень важнымъ вопросамъ.

§ VIII. *Захватъ и взятіе нейтральныхъ кораблей.*

Положительный законъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ формулированъ трактатами XVII столѣтія, а также и Утрехтскими по предмету захвата и взятія нейтральныхъ кораблей, подвергся лишь очень слабымъ измѣненіямъ въ теченіе этого періода. Принципы остались тѣ-же; только нѣкоторые международные акты признали, какъ причины зах-

вата, такія дѣйствія, которыя на основаніи естественнаго права и существующаго положительнаго закона не составляли никакого нарушенія обязанностей нейтралитета, но которыя уже давно были признаваемы воюющими въ числѣ основаній или причинъ конфискаціи. Всѣ эти новыя причины, принятыя трактатами XVIII и XIX столѣтій принадлежатъ къ послѣдней изъ тѣхъ категорій, которыя я указалъ въ предъидущей части; всѣ онѣ относятся къ доказательству національности корабля или законности груза.

Первая изъ нихъ заключается въ истребленіи корабельныхъ документовъ или другихъ бумагъ, при приближеніи крейсера. Такое дѣйствіе влечетъ за собою конфискацію корабля и всего на немъ находящагося. Одинъ изъ первыхъ трактатовъ, который упоминалъ объ этой причинѣ захвата, былъ трактатъ отъ 1 апрѣля 1769 г., заключенный между Франціей и городомъ Гамбургомъ, и возобновленный двадцать лѣтъ спустя, 17 марта 1789 г. Послѣ того, постановленіе это было включено въ очень большое число торжественныхъ актовъ XVIII столѣтія ([295]). Постановленіе это было заимствовано изъ французскаго ордонанса 1681 г. Трактаты эти правильны, и слѣдовательно обязательны для тѣхъ націй, ко-

---

([295]) См. между другими, слѣдующіе трактаты: 1779 г., между Франціей и Мекленбургомъ;—1782 г., между Россіей и Даніей;—1787 г., между Россіей и Франціей;—1787 г., между Россіей и Обѣими Сициліями и пр. пр. *Martens*, «Rec», à la date».

(Ст. 31 трактата, заключеннаго $\frac{\text{31 Декабря 1786 г.}}{\text{11 Января 1787 г.}}$ между Россіей и Франціей: «если одна изъ двухъ договаривающихся Державъ, будетъ воевать съ какимъ другимъ Государствомъ, военные ея корабли или частные арматоры имѣютъ право осматривать купеческія суда, принадлежащія подданнымъ другой договаривающейся Державы, встрѣченныя ими на пути безъ конвоя у береговъ или въ открытомъ морѣ; но какъ симъ послѣднимъ именно запрещается бросать въ семъ случаѣ въ море какія либо бумаги, такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, никогда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полупушечнаго выстрѣла». См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489.

Такое-же постановленіе содержится: въ 20 ст. трактата, заключеннаго $^{6}/_{17}$ января 1787 г. между Россіей и Королевствомъ Обѣихъ Сицилій. (См. Полн. Соб. Зак. за 1787 г. № 16498) и въ 27 ст. трактата, заключеннаго $^{9}/_{20}$ декабря 1787 г. между Россіей и Португаліей. (См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16594).

Прим. Перевод.

торыя ихъ подписали; но я не могу допустить, чтобы они могли имѣть силу и значеніе международнаго законодательства или быть примѣняемы къ тѣмъ народамъ, со стороны которыхъ нѣтъ положительнаго на нихъ согласія. Въ самомъ дѣлѣ, такое дѣйствіе, совершенное нейтральнымъ, т. е. лицемъ свободнымъ и независимымъ отъ воюющаго, какъ уничтоженіе документовъ, каковы бы они ни были, не можетъ нанести воюющему прямаго и дѣйствительнаго вреда, могущаго дать право на примѣненіе права войны; такое дѣйствіе не содержитъ никакого нарушенія ни обязанности нейтралитета, ни правъ воюющихъ. Къ тому же, крейсеръ не можетъ узнать объ истребленіи документовъ иначе, какъ посредствомъ обыска, который противенъ, какъ естественному, такъ и положительному праву народовъ, и который часто воспрещенъ даже тѣми трактатами, которые разрѣшаютъ захватъ за такое дѣйствіе. Нейтральный который захочетъ уничтожить свои документы, не будетъ ждать, когда люди обязанные произвести осмотръ прибудутъ къ нему на корабль; онъ не станетъ добровольно объявлять о такомъ дѣйствіи; поэтому, крейсеръ не можетъ узнать объ этомъ иначе, какъ посредствомъ допроса экипажа. Такой допросъ, въ моихъ глазахъ, гораздо важнѣе всѣхъ дѣйствій, составляющихъ собою обыскъ. Впрочемъ, я тщетно разсматривалъ трактаты, заключенные въ теченіе первой половины XIX столѣтія, чтобы найти въ нихъ эту статью; ни одинъ не содержитъ ее. Изъ такого молчанія можно заключить, что она отнынѣ покинута.

Нѣкоторые трактаты налагаютъ на ту изъ договаривающихся сторонъ, которая останется нейтральною въ то время, когда другая будетъ находиться въ войнѣ, какъ существенное условіе національности, чтобы экипажъ ея кораблей былъ составленъ въ извѣстной пропорціи изъ подданныхъ той націи, къ которой принадлежитъ корабль. Пропорція эта въ различныхъ актахъ варіируется отъ половины до трехъ четвертей; одинъ или два трактата ограничиваются требованіемъ, чтобы капитанъ (шхиперъ) или хозяинъ былъ гражданиномъ

того государства, флагъ котораго судно носитъ (296). Такая статья, которую многія націи, и именно Франція, выставляли уже нейтральнымъ въ своихъ внутреннихъ законахъ, съ того момента какъ она принята обѣими сторонами, ничего не содержитъ въ себѣ противнаго естественному закону; она должна быть исполняема обѣими договорившимися сторонами; но какъ прецедентъ, она не можетъ составлять положительный законъ, даже тогда, если-бы почти всѣ трактаты были согласны ее принять. Но это не такъ; число такихъ актовъ очень ограничено (297).

Для всѣхъ тѣхъ народовъ, которые не согласились на заключеніе подобныхъ конвенцій, захватъ корабля можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда экипажъ его составленъ не согласно съ его внутреннимъ закономъ, если таковой законъ существуетъ. Въ такомъ именно смыслѣ, многіе изъ позднѣйшихъ трактатовъ постановили, объявивъ, что доказательства національности корабля должны быть совершены въ той формѣ, какая указана законами или правилами ихъ собственной страны (298). Когда вспыхиваетъ война, то мирные народы не могутъ быть принуждаемы измѣнять свои внутренніе законы, для того чтобы повиноваться воюющимъ; всякое притязаніе, заявляемое этими послѣдними, съ цѣлію выставить нейтральнымъ мореплавателямъ какое либо условіе подобнаго рода, будетъ составлять посягательство на независимость націй, которое можетъ и должно быть отражено силою. Къ тому же, странно, что воюющіе выказываются столь несправедливо-требовательными къ другимъ націямъ въ

---

(296) См. 9 сентября 1841 г., Мексика и Ганзейскіе города.

(297) Достаточно привести слѣдующіе трактаты: отъ 16 іюня 1800 г., между Россіей и Даніей; отъ того же числа, между Россіей и Швеціей (вооруженный нейтралитетъ 1800 г.);—отъ 17 іюня 1816 г., между Даніей и Пруссіей; отъ 20 ноября 1826 г , между Англіей и Ганзейскими городами; отъ 6 іюня 1826., между Франціей и Бразиліей; отъ 6 сентября 1841 г., между Англіей и Сардиніей.

(298) Трактаты, заключенные: 15 іюня 1827 г., между Мексикой и Нидерландами;—26 апрѣля 1828 г., между Даніей и Бразиліей;—18 февраля 1831 г., между Пруссіей и Мексикой;—4 марта 1835 г., между Австріей и Греціей;—7 августа 1837 г., между Греціей и Швеціей;—27 мая 1837 г., между Ганзейскими городами и Венецуэлой;—31 іюля 1839 г., между Пруссіей и Греціей;—29 октября 1839 г., между Швеціей и Сардиніей, и пр.

то время, когда сами измѣняютъ свои собственные законы въ обратномъ смыслѣ и допускаютъ на своихъ корсарахъ процентъ иностранцевъ гораздо большій, чѣмъ на своихъ купеческихъ корабляхъ. А эта мѣра гораздо болѣе серьезна, потому что корсары суть уполномоченные на право войны, и имѣющіе, хотя безъ сомнѣнія и неправильно, но фактически обязанность слѣдить и даже уничтожать нейтральное мореплаваніе.

Нѣкоторые трактаты, въ небольшомъ, правда, числѣ, установили не одинаковымъ образомъ относительно состава экипажей, требуемаго какъ доказательство національности. Это обстоятельство не стоило-бы того, чтобы о немъ упоминать, если-бы такое неравенство было допущено въ пользу слабѣйшей націи, морское населеніе которой было-бы ниже потребностей мореплаванія; но неравенство это допущено именно обратно; оно допущено въ пользу наиболѣе могущественной изъ двухъ договаривавшихся сторонъ, а именно: въ пользу Франціи,—въ одномъ изъ трактатовъ, и въ пользу Англіи,—въ трехъ или четырехъ трактатахъ ([299]). Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ думать, что эти двѣ націи будутъ согласоваться съ ихъ внутренними законами, съ тѣмъ актомъ о мореплаваніи, который дѣйствуетъ въ ихъ странѣ, но онѣ не принимаютъ на себя никакого обязательства; онѣ могутъ измѣнить эти акты и онѣ отнимаютъ отъ своихъ слабыхъ содоговаривающихся сторонъ возможность поступить одинаково.

Многіе торжественные акты опредѣлили тѣ условія, ко-

([299]) По отношенію къ Франціи, см. трактатъ отъ 16 іюня 1826 г., заключенный съ Бразиліей, ст. 10: «Seront considérés comme brésiliens les bâtiments qui seront construits ou possédés par des sujets brésiliens, et dont le capitaine et les trois quarts de l'équipage seront brésiliens.... et comme français, ceux qui navigueront et seront possédes conformément aux réglements en vigueur en France». («Будутъ разсматриваемы какъ бразильскія такія суда, которыя будутъ построены или пріобрѣтены бразильскими подданными, и на которыхъ капитанъ и три четверти экипажа—будутъ бразильцы.... и какъ французскія, такія суда, которыя будутъ плавать и будутъ пріобрѣтены согласно съ дѣйствующими во Франціи законами»).

По отношенію къ Англіи, см. трактаты: отъ 27 октября 1837 г., заключенный съ Нидерландами, ст. 3;—отъ 17 августа 1827 г., заключенный съ Бразиліей, ст. 12;—отъ 26 декабря 1826 г., заключенный съ Мексикой, ст. 7.

торыя должны быть выполнены нейтральными подданными для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительными собственниками кораблей, принадлежавшихъ прежде той націи, которая сдѣлалась врагомъ одного изъ договаривающихся. Вообще, число этихъ условій сводится къ тремъ: 1) покупка должна была быть совершена ранѣе извѣстнаго промежутка времени (въ большинствѣ трактатовъ—трехъ мѣсяцевъ) до объявленія войны; 2) покупка должна была быть совершена въ присутствіи правительственнаго чиновника, самимъ собственникомъ или уполномоченнымъ отъ него; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, довѣренность должна оставаться приложенною къ акту (купчей крѣпости); наконецъ 3) актъ продажи (купчая крѣпость) долженъ находиться на кораблѣ и быть предъявляемъ крейсеру въ случаѣ осмотра. Читая эти трактаты, развѣ нельзя принять ихъ за законъ, изданный государемъ для своихъ собственныхъ подданныхъ, и предназначенный опредѣлять извѣстныя формальности дѣлопроизводства при переходѣ частнаго имущества? Это конечно не есть законъ международный.

Наконецъ, мы находимъ въ весьма большомъ числѣ торжественныхъ актовъ, которые почти всѣ были заключены Франціею, статью, на основаніи которой, всякій корабль, который не остановится по приглашенію (semonce) осматривающаго крейсера (*) и слѣдовательно откажется подчиниться осмотру, или который вступитъ въ сраженіе для того, чтобы избѣжать осмотра, въ случаѣ если будетъ захваченъ, будетъ разсматриваться какъ добрый призъ ([300]). Внутренніе французскіе законы, изъ которыхъ заимствовано это постановленіе, назначаютъ конфискацію только въ томъ лишь случаѣ, когда есть

(*) Крейсеръ, желающій произвести осмотръ нейтральнаго купеческаго корабля, приглашаетъ его остановиться, и для этого дѣлаетъ выстрѣлъ изъ орудія, который и называется *coup de semonce*.

Прим. Перевод.

([300]) См. именно трактатъ отъ 28 сентября 1716 г., заключенный между Франціей и Ганзейскими городами, ст. 19, *Dumont*, t. VIII; трактатъ отъ 18 сентября 1799 г., заключенный между Франціей и Мекленбургомъ, ст. 18, *Martens*, t. II, p. 709; трактаты 1769 и 1789 гг., заключенные между Франціей и Гамбургомъ.

сопротивленіе (*resistance*) *и сраженіе* (*combat*) ([301]). Трактаты говорятъ: корабль, который будетъ *сопротивляться или вступитъ въ бой* (le navire qui aura *résisté ou combattu*); выраженіе это повидимому даетъ большее распространеніе праву конфискаціи и включаетъ даже корабль, который будетъ отказываться остановиться или обратится въ бѣгство. Но оно не можетъ получить такое толкованіе, потому что всѣ трактаты отдѣльно предусмотрѣли этотъ послѣдній фактъ и ограничились постановленіемъ, что корабль, который откажется остановиться или который обратится въ бѣгство, можетъ быть силою или артиллеріею принужденъ подвергнуться осмотру, и что причиненный этимъ вредъ будетъ отнесенъ на его счетъ. Постановленіе это одинаково находится во внутреннихъ законахъ([302]). Эта причина конфискаціи мнѣ кажется гораздо болѣе справедливою чѣмъ предъидущія. Всѣ безъ исключенія націи признали необходимость осмотра, который, вслѣдствіе такого общаго согласія, сдѣлался правомъ воюющаго и слѣдовательно обязанностью для нейтральнаго. Сопротивленіе производству осмотра есть, поэтому, нарушеніе этого права и этой обязанности,—и должно быть обуздано силою, подобно тому, какъ контрабанда, какъ всякое другое дѣйствіе подобнаго рода.

Положительное право подвергаетъ захвату и конфискаціи всякій нейтральный корабль, который не будетъ имѣть у себя оправдательныхъ документовъ его національности и безвред-

---

([301]) См. французскіе ордонансы: 1584 г. ст. 65;—1681 г., liv. III, tit. 9, art. 12; законъ 2 преріаля XI г., ст. 57; испанскіе ордонансы 1718 г., ст. 13, и 1779 г. ст. 6; шведскій законъ 1715 г., ст. 4 и пр.

([302]) Достаточно привести 20 статью трактата отъ 1 апрѣля 1769 г., заключеннаго между Франціей и Гамбургомъ: «Les patrons des navires de ladite ville de Hambourg, qui auront *refusé d'amener leurs voiles* après la semonce, qui leur en aura été faite par les vaisseaux de S. M. ou par ceux de ses sujets armés en guerre, pourront *y être contraints; et, en cas de résistance ou de combat,* lesdits navires seront de bonne prise». *Martens*, t. 1, p. 642. (Хозяева кораблей вышесказаннаго города Гамбурга, которые будутъ отказываться спустить свои паруса (остановиться) послѣ приглашенія, которое имъ будетъ сдѣлано кораблями Е. В. или кораблями его подданныхъ, вооруженными для войны, могутъ быть къ тому принуждены; и въ случаѣ сопротивленія или сраженія, сказанные корабли будутъ составлять добрый призъ»).

ности его груза; но ни одинъ трактатъ не опредѣлилъ вполнѣ, какіе именно документы необходимы для такого двойнаго доказательства. Начиная съ XVII столѣтія, очень большое число конвенцій опредѣлило форму документовъ, долженствующихъ доказывать національность. Такому пути продолжали слѣдовать въ теченіе этого послѣдняго періода; нѣкоторые акты дошли до того, что требовали спеціальный документъ, доказывающій, что корабль есть національной постройки, или, если онъ былъ постройки заграничной, то что онъ дѣйствительно составляетъ собственность нейтральнаго; но въ тракактахъ этихъ ничего не было постановлено относительно формы этихъ актовъ. То же самое относительно документовъ, предназначенныхъ доказывать безвредность груза; невозможно съ точностію опредѣлить, ни тѣ документы, которые должны находиться на кораблѣ, ни ихъ форму. Поэтому слѣдуетъ сообразоваться съ обычаями той страны, къ которой принадлежитъ корабль. Къ несчастію, воюющіе, а въ особенности корсары, не всегда придерживаются такого мнѣнія; къ тому же капитаны корсарскихъ кораблей и часто даже офицеры, командующіе военными судами, не знаютъ законовъ и даже языка нейтральныхъ народовъ; отсюда вытекаютъ серьезныя затрудненія, особливо со стороны частныхъ крейсеровъ (*), которые разрѣшаютъ всѣ эти вопросы, посредствомъ захвата кораблей, даже не виновныхъ. Для того, чтобы исправить эти серьезныя неудобства, было бы достаточно вручать каждому корсару и всѣмъ военнымъ судамъ извлеченіе изъ трактатовъ и иностранныхъ законовъ, подобно тому, какъ это предписывалъ одинъ голландскій законъ 1781 г., о которомъ я уже говорилъ въ предъидущемъ параграфѣ.

Корабль, который не можетъ доказать свою національность согласно съ трактатами, если таковые спеціально существуютъ между его государемъ и государемъ крейсера, или въ случаѣ отсутствія спеціальныхъ конвенцій,—согласно съ законами его собственной страны,—подлежитъ конфискаціи со всѣмъ

(*) Вѣроятно подъ словами, «*croiseurs privés*», авторъ разумѣетъ корсаровъ.
Прим. Перевод.

своимъ грузомъ; таковъ обычай всѣхъ народовъ, обычай, признанный нѣкоторыми трактатами. Онъ очень суровъ, но не несправедливъ; корабль, не могущій доказать свою національность, почитается непріятельскимъ. Но за доказательство принимаютъ только тѣ документы, которые будутъ найдены на кораблѣ въ моментъ его захвата; всякіе другіе документы, которые могли-бы быть доставлены впослѣдствіи—отвергаются. Такой способъ удостовѣренія безусловно несправедливъ; онъ оставляетъ нейтральныхъ на добычу жадности корсаровъ, которые всегда могутъ, не смотря на назначенныя за подобное преступленіе наказанія, уничтожить часть документовъ, найденныхъ на кораблѣ; это есть дѣйствіе тираническое со стороны воюющихъ. Въ самомъ дѣлѣ, корабль можетъ, по причинамъ совершенно случайнымъ, оказаться безъ своихъ корабельныхъ документовъ, или по крайней мѣрѣ безъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ, которые требуются трактатами, и тѣмъ не менѣе онъ не будетъ виновнымъ; подвергать его, поэтому, конфискаціи—будетъ несправедливо.

Франція и Англія старались измѣнить это правило; въ конвенціи, заключенной 26 сентября 1786 г. онѣ постановили, что національность можетъ быть доказана даже документами и всякими другими доказательствами, представленными послѣ захвата ([303]). Примѣръ этотъ остался безъ подражанія; однако-же, нѣкоторые новѣйшіе торжественные акты, но въ очень небольшомъ числѣ, и при томъ, исходящіе, всѣ

([303]) Ст. 33 трактата говоритъ: «.... Mais si le navire marchand se trouvait dépourvu de ses lettres de mer ou de certificats, il pourra alors être examiné par un juge compétent, de façon cependant que si, par d'autres indices et documents, il se trouve qu'il appartienne réellement à un des sujets desdits souverains, et qu'il ne contienne aucune marchandise de contrebande destinée pour l'ennemi de l'un d'eux, il ne devra point être confisqué, mais il sera relaché avec sa charge, afin qu'il poursuive son voyage». (Но если купеческое судно окажется не имѣющимъ своихъ корабельныхъ документовъ или сертификатовъ, то оно въ такомъ случаѣ, можетъ быть изслѣдовано компетентнымъ судьей, такъ, однако, что если по другимъ признакамъ и документамъ, обнаружится, что онъ дѣйствительно принадлежитъ одному изъ подданныхъ сказанныхъ государей, и что онъ не содержитъ никакого контрабанднаго товара, предназначеннаго для непріятеля одного изъ нихъ, то онъ не долженъ быть конфискованъ, а долженъ быть отпущенъ съ его грузомъ, дабы онъ могъ продолжать свое путешествіе).

отъ Соединенныхъ Штатовъ, допускаютъ такое, столь законное, исключеніе и дозволяютъ доказывать національность новыми документами или свидѣтельскими показаніями, отобранными внѣ корабля. Но только корабль, захваченный при подобныхъ обстоятельствахъ и освобожденный на основаніи новыхъ доказательствъ, не имѣетъ право ни на какое вознагражденіе со стороны взятеля. Статья эта—самая справедливая и должна-бы была быть принята всѣми народами ([304]). Тоже самое слѣдуетъ сказать о другомъ нововведеніи, которое находится въ тѣхъ же трактатахъ, и которое изъемлетъ отъ захвата всякій нейтральный корабль, вышедшій въ море ранѣе объявленія войны, не имѣя у себя документовъ, необходимыхъ для доказательства своей нейтральности, т. е. такого качества, которое не существовало еще въ моментъ его отправленія ([305]).

Трактаты, заключенные въ теченіе этого періода, сохранили, безъ всякаго измѣненія, тѣ причины или поводы за-

---

([304]) Трактатъ отъ 12 октября 1828 г. между Соединенными Штатами и Бразиліей, ст. 21: «.... Unless, the said defect shall be proved to be owing to accident, and be satisfied and supplied by testimony entirely equivalent».

Трактатъ отъ 16 мая 1832 г., между Соединенными Штатами и Чили, ст. 19. «A défaut de ces piéces, lesdits navires pourront être détenus, pour être soumis au jugement du tribunal compétent et être déclarés de bonne prise, à moins que leur absence ne puisse être justifiée ou suppléée par un témoignage entiérement equivalent». (За недостаткомъ этихъ документовъ, сказанные корабли могутъ быть задержаны для представленія къ компетентному суду и могутъ быть объявлены добрыми призами, если только отсутствіе этихъ документовъ не можетъ быть доказано или замѣнено свидѣтельствомъ совершенно равнымъ). Тоже самое постановленіе, но еще болѣе ясно выражено въ трактатѣ отъ 13 ноября 1836 г., заключенномъ между Соединенными Штатами и Перу-боливіанскою республикою. Эти три трактата находятся въ «*Recueil*», *Martens'a* и у *Cussy*, t. IV.

([305]) См. трактаты, приведенные въ предъидущей выноскѣ, и кромѣ того, трактатъ отъ 27 мая 1837 г., заключенный между Ганзейскими городами и Венецуэлой; ст. 18 говоритъ: «.... Le bâtiment neutre ne pourra, néanmoins être détenu pour défaut des dispositions mentionnées ci-dessus, ni pour aucune cause relative à la propriéte ou á la nature de son chargement, si, avant son depart, la déclaration de guerre n'était pas encore connue dans le lieu d'où il venait.» (Нейтральное судно не можетъ быть, однакоже, задержано вслѣдствіе недостатка вышеупомянутыхъ постановленій, ни по какой другой причинѣ, относящейся къ собственности или къ свойству его груза, если, ранѣе его отправленія, объявленіе войны не было еще извѣстно въ томъ мѣстѣ, откуда онъ вышелъ). *Martens* и *Cussy*, t. IV, p. 475.

хвата, которые вытекаютъ изъ военныхъ услугъ, оказанныхъ непріятелю, а также, съ однимъ только измѣненіемъ, тѣ поводы, которые относятся къ военной контрабандѣ. Очень большое число этихъ актовъ, постановляя, что самый корабль и невинная часть груза не подлежитъ конфискаціи, прибавляетъ, что корабль, такимъ образомъ остановленный, не можетъ быть, ни захваченъ, ни отведенъ въ одинъ изъ портовъ воюющаго, если суперкаргъ или капитанъ предложитъ отдать крейсеру, находящіеся на остановленномъ кораблѣ предметы военной контрабанды. Изъ этихъ трактатовъ вытекаетъ даже, что воюющій можетъ отказаться перегрузить къ себѣ эти предметы и отпустить нейтральнаго продолжать свой путь, только въ такомъ случаѣ, когда контрабандные предметы будутъ столь значительны, что крейсеръ будетъ находиться въ невозможности перевезти ихъ къ себѣ на корабль. Въ этомъ только случаѣ, нейтральный корабль подвергается захвату и можетъ быть отведенъ въ одинъ изъ портовъ воюющаго ([306]). Постановленіе это, которое съ перваго

([306]) См. трактаты: 1739 г., между Франціей и Голландіей;—1742 г., между Франціей и Даніей;—1763 и 1786 г.г., между Франціей и Англіей;—1769 и 1789 г.г., между Франціей и Гамбургомъ;—1778 г., между Франціей и Соединенными Штатами;—1779 г., между Франціей и Мекленбургомъ;—1742 г., между Швеціей и Сициліей;—1753 г., между Сициліей и Голландіей;—1782 г., между Соединенными Штатами и Голландіей;—1782 г., между Россіей и Даніей (*);—1783 г., между Соединенными Штатами и Швеціей;—1787 г., между Россіей и Франціей (**). Всѣ трактаты, относящіеся къ вооруженнымъ нейтралитетамъ: 1780 и 1800 г.г. написаны въ томъ же смыслѣ, но они весьма неясны.—1800 г. между Франціей и Соединенными Штатами;—3 октября 1824 г., между Соединенными Штатами и Колумбіей;—8 іюня 1843 г., между Франціей и Экваторомъ;—22 февраля 1856 г., между Франціей и Гондурасомъ. Статья эта повторяется во всѣхъ новѣйшихъ трактатахъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ участвуетъ Англія.

(*) Ст. 20 «Трактата о дружбѣ и торговлѣ, заключеннаго $^{8}/_{19}$ октября 1782 г. въ Санктпетербургѣ между Россійскою Имперіею и Датскою Короною; «.....буде же купеческое судно той изъ обѣихъ Державъ, которая пребываетъ въ мирѣ, схвачено будетъ въ открытомъ морѣ военнымъ кораблемъ, или арматоромъ другой въ войнѣ находящейся, и окажется съ товаромъ признаннымъ контробандою, тогда такому купеческому судну, если похочетъ, вольно будетъ уступить тотчасъ контрабанду взятелю, который довольствуясь сею добровольною отдачею, не властенъ уже, какимъ-либо образомъ удержать, обидѣть, или безпокоить судно и экипажъ онаго, которыя могутъ тотчасъ свободно продолжать путь свой». См. Полн. Собран. Закон. за 1782 г., № 15537. *Прим. Перевод.*

(**) Ст. XXXIII трактата, заключеннаго 31 декабря 1786 г. между Россіею и Франціею о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи: «буде-же въ ономъ купеческом

взгляда представляется какъ бы очень выгоднымъ для нейтральныхъ, въ дѣйствительности очень призрачно. Не говоря уже о трудности производить перегрузку въ открытомъ морѣ,— командиръ военнаго корабля есть единственный судья о возможности или невозможности перегрузить къ себѣ запрещенные предметы, и очень сомнительно, чтобы онъ легко согласился взять къ себѣ на корабль товары, которые могутъ только стѣснить его въ теченіе всего крейсерства и располагать которыми ему запрещено до тѣхъ поръ, пока законность захвата не будетъ признана. Онъ имѣетъ гораздо болѣе интереса, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не касается вещей не очень громоздкихъ, или въ очень небольшомъ количествѣ,—захватить самый нейтральный корабль. Поэтому, болѣе всего вѣроятно, что крейсеръ скорѣе изберетъ это послѣднее средство, не смотря на категорическое содержаніе трактатовъ. Если же капитанъ захваченнаго корабля не захочетъ воспользоваться этимъ постановленіемъ, или, если крейсеръ откажется перегрузить къ себѣ контрабандные предметы, то нейтральный, по прибытіи въ портъ воюющаго, не обязанъ ожидать конца судебнаго процесса; онъ

суднѣ по таковому осмотру на морѣ найдутся заповѣдные военные товары, то не дозволяется отбивать люкъ, ни разкрывать какихъ либо ящиковъ, сундуковъ, бауловъ, тюковъ, или бочекъ, ниже что либо трогать съ мѣста въ помянутомъ суднѣ. Но корабельщикъ судна можетъ, если за благо разсудитъ, выдать тотъ часъ заповѣдные военные товары своему взятелю, который долженъ быть доволенъ сею самопроизвольною выдачею, и не дѣлая никакого задержанія, обиды и безпокойства судну и служителямъ онаго, позволитъ ему тогда же продолжать свободно путь свой. Ежелижъ онъ не захочетъ выдать нагруженныхъ у него заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, то взятель имѣетъ только право отвести его въ портъ, гдѣ разсмотрится его дѣло предъ судьями въ Адмиралтействѣ по законамъ и судебнымъ обрядамъ того мѣста; и, по учиненіи на то рѣшительнаго приговора, одни только товары признанные военными заповѣдными, будутъ отобраны, а всѣ прочія вещи, неозначенныя въ XXIX статьѣ, вѣрно возвращены, изъ коихъ при томъ не позволяется что либо удержать подъ предлогомъ издержекъ или пени.

Корабельщикъ таковаго судна, или занимающій мѣсто оного не будетъ обязанъ дожидаться противъ воли окончанія судопроизводства, но можетъ свободно плыть въ море съ своимъ кораблемъ, экипажемъ и остальнымъ своимъ грузомъ, отдавъ добровольно заповѣдные военные товары, кои имѣлъ на своемъ суднѣ». См. Полн. Собр. Закон. за 1786 г., № 16489.

Прим. Перевод.

можетъ, выгрузивъ запрещенные товары, свободно продолжать свое путешествіе ([307]).

Тѣ поводы захвата, которые вытекаютъ изъ нарушенія блокады, въ новѣйшихъ трактатахъ опредѣлены болѣе ясно, чѣмъ они были въ продолженіе XVII столѣтія. Право, которое воюющіе присвоивали себѣ останавливать и подвергать конфискаціи каждый корабль, идущій въ портъ осажденный, блокируемый или обложенный, и которое я назвалъ правомъ предупрежденія (droit de prévention)—совершенно отмѣнено положительнымъ правомъ XIX столѣтія. Что же касается права преслѣдованія (droit de suite), въ силу котораго каждый корабль, вышедшій изъ блокируемаго порта, считается подлежащимъ конфискаціи въ теченіе всего перваго его

([307]) См. большинство трактатовъ, приведенныхъ въ предъидущей выноскѣ. Статья 5 конвенціи 1785 г., заключенной между Россіей и Австріей, говоритъ слѣдующее: «Pendant la durée du procès, le capitaine, après avoir délivré les marchandises reconnues de contrebande, ne sera point obligé, malgré lui, d'attendre la fin de son affaire; mais nous voulons qu'il puisse se mettre à la mer avec son vaisseau et le reste de sa cargaison»....

(Упоминаемаго здѣсь трактата мы не нашли; но 15-ая статья «Манифеста отъ 1 ноября 1785 г. объ открытіи торговли между Россійскою Имперіею и Областями Австрійской Монархіи» содержитъ слѣдующее: «Если случится осматриваемое Австрійское судно найти везущимъ заповѣдные товары, въ такомъ случаѣ мы запрещаемъ разбивать погруженные въ ономъ ящики, сундуки, кипы и бочки, или отлучать малѣйшую часть товаровъ; но взятель судна властенъ привести его въ портъ, гдѣ, по произведеніи суда въ учрежденныхъ на то правительствахъ, и по воспослѣдованіи рѣшительнаго приговора на основаніи законовъ и предписанныхъ правилъ, заповѣдный или контрабандою признанный товаръ имѣетъ быть конфискованъ; прочія-же вещи и товары, буде на томъ суднѣ находятся, да будутъ возвращены безъ удержанія судна и вещей, подъ предлогомъ расходовъ или денежной пени. Въ продолженіе суда корабельщикъ по выдачѣ имъ товара, признаннаго контрабандою, не будетъ принуждаемъ ждать конца своему дѣлу; но соизволяемъ, чтобъ онъ по волѣ своей могъ отправляться въ море съ судномъ своимъ и остальнымъ грузомъ; буде-же Австрійское купеческое судно схвачено будетъ въ открытомъ морѣ Нашимъ военнымъ кораблемъ, или арматоромъ, и окажется съ товаромъ, признаннымъ контробандою, тогда такому купеческому судну, если похочетъ, вольно будетъ уступить тотъ часъ контробанду взятелю, который довольствуясь сею добровольною отдачею, не властенъ уже какимъ либо образомъ удержать, обидѣть, или безпокоить судно и экипажъ онаго, которыя могутъ тотъ часъ свободно продолжать путь свой».

Къ манифесту этому приложенъ «Манифестъ Римскаго Императора Іосифа II», содержащій, въ 17 стат., то-же самое, буквально, постановленіе. См. Полн. Собр. Закон. за 1785 г., № 16284. *Прим. Перевод.*

плаванія,—то такое право продолжало еще существовать, но не въ силу какихъ бы то ни было трактатовъ, а фактически и единственно по волѣ націй, вступившихъ въ непріязненныя дѣйствія. Между тѣмъ четыре торжественные акта формально его отмѣнили; три изъ нихъ исходятъ отъ Соединенныхъ Штатовъ; четвертый, есть трактатъ, заключенный 22 февраля 1856 г. между Франціей и республикой Гондурасъ. Можно надѣяться, что европейскія націи не замедлятъ послѣдовать такому хорошему примѣру, и уничтожатъ обычай столь-же варварскій какъ и нелѣпый; потому что несправедливо считать захваченнымъ en flagrant dèlit такой корабль, котораго никто не преслѣдовалъ, даже никто не видѣлъ въ моментъ его выхода изъ порта, и тѣмъ еще болѣе нелѣпо заявлять притязаніе продолжать это flagrant dèlit втеченіе всего плаванія корабля, какъ-бы оно нибыло продолжительно, не допуская даже, что остановки могутъ прекратить такое преступленіе·

Такимъ образомъ, положительное право продолжало приближаться, хотя безъ сомнѣнія и медленно, но постоянно къ той цѣли, которой оно должно стараться достигнуть и которая заключается въ томъ, чтобы обезпечить всѣмъ безъ исключенія народамъ, какъ воюющимъ, такъ и нейтральнымъ, какъ слабымъ, такъ и могущественнымъ, свободное пользованіе всѣми ихъ правами, и заставить ихъ исполнять всѣ ихъ обязанности. Цѣль эта еще не достигнута, она еще далека, но уже имѣется весьма положительный прогрессъ, и для насъ составляетъ счастіи констатировать его.

Внутренніе законы воюющихъ государствъ, въ теченіе всего XVIII столѣтія и до 1815 г., продолжали выставлять нейтральнымъ цѣлую массу различныхъ причинъ или поводовъ захвата и конфискаціи, противныхъ не только естественному праву, но даже и праву положительному. Въ предъидущихъ параграфахъ, разсматривая различныя вопросы, мы видѣли, въ чемъ заключались главнѣйшія постановленія этихъ законовъ. Изъ нихъ есть нѣкоторые такіе, которые не относятся прямо ни къ одному изъ этихъ вопросовъ, и которые слѣдовательно необходимо разсмотрѣть.

Французскій законъ, силу и законность паспорта ограничи-

ваетъ однимъ только плаваніемъ, и не обращая вниманіе на обычаи другихъ націй, которые могутъ предоставлять болѣе продолжительный срокъ такому важному документу,– онъ объявляетъ подлежащимъ захвату и конфискаціи каждый корабль, встрѣченный въ морѣ съ просроченнымъ, на основаніи этого закона, паспортомъ.—Та же участь постигаетъ: 1) корабль который не находится въ одномъ изъ портовъ своего государя въ тотъ моментъ, когда документы его были ему выданы; 2) корабль, который бывъ непріятельскою собственностію, не имѣетъ у себя извѣстныхъ оправдательныхъ документовъ о перемѣнѣ собственника; 3) каждый корабль, на которомъ будетъ найденъ капитанъ, хозяинъ или патронъ—иностранецъ, если только онъ не былъ законнымъ образомъ натурализованъ до войны; 4) корабль, который будетъ у себя имѣть старшаго офицера или суперкарга или уполномоченнаго—изъ иностранцевъ; 5) корабль, который не будетъ у себя имѣть *роль* или *списокъ корабельныхъ служителей*, (role d'équipage). *Роль*—есть документъ преимущественно французскій; онъ неизвѣстенъ многимъ изъ націй и никакой трактатъ никогда не требовалъ его (*); эта послѣдняя причина конфискаціи, поэтому, крайне несправедлива. Примѣненіе ее вызвало въ 1804 г. одно рѣшеніе призоваго суда, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь.

Американскій корабль Пегу (Pégou) былъ захваченъ, какъ корабль плававшій безъ списка корабельныхъ служителей, вопреки постановленію 9 ст. регламента 1778 г.; но рѣшеніемъ отъ 9 преріаля IX г. онъ былъ освобожденъ отъ захвата на основаніи того мотива, что трактатъ, заключенный въ 1778 г. между Франціей и Соединенными Штатами не упоминалъ объ этомъ документѣ, который, къ тому же, не требо-

---

(*) *Примѣчаніе*. Наше законодательство, въ числѣ документовъ, признаваемыхъ необходимыми для каждаго мореходнаго судна, включаетъ и *списокъ корабельныхъ служителей* или *судовую роль*. (См. 19-ую ст. правилъ о порядкѣ выдачи патентовъ на русскій флагъ, приложеніе по продолженію 1876 г. къ 839 ст. ч. XI т. Св. Зак. уст. торг. *Примѣч. Перевод.*

вался и законами американскими ([308]). Такое рѣшеніе какъ бы указываетъ на то, что начиная съ этой эпохи, Францiя отказалась заставлять примѣнять свои внутренніе законы по отношенію къ иностраннымъ народамъ, съ которыми она была соединена трактатами, противными этимъ законамъ. Это, слѣдовательно, составляло прогрессъ, но это еще не все. Это все—есть абсолютный отказъ отъ примѣненія внутреннихъ законовъ къ иностраннымъ народамъ.

Испанія въ своихъ ордонансахъ 1716 и 1779 г. слѣдовала примѣру Франціи съ которою она часто находилась въ союзѣ въ теченіе XVIII столѣтія. Тѣмъ не менѣе, во время войны за американскую независимость и по случаю блокады Гибралтара, она пыталась установить противъ нейтральныхъ многіе случаи конфискаціи, противные постановленіямъ положительнаго права. Попытка эта не имѣла послѣдствій. Шведскій регламентъ 1715 г. провозгласилъ почти тѣ же принципы какъ и французскій ордонансъ 1681 г.

Я уже говорилъ о голландскомъ плакардѣ отъ 12 января 1787 г.; законъ этотъ, изъ всѣхъ актовъ, которые были издаваемы воюющими народами,—болѣе другихъ высказываетъ уваженія къ трактатамъ, и я не колеблюсь представить его какъ образецъ честности и умѣренности. Русскій законъ 1787 г. (*) содержитъ весьма большое число постановленій, вполнѣ достойныхъ державы—создательницы вооруженнаго нейтралитета 1780 г.; но статьи, относящіяся къ производству осмотра и обыска (**) до такой степени, неумѣренны, что

([308]) M. Portalis, который былъ назначенъ коммисаромъ отъ правительства въ призовомъ судѣ, въ заключеніяхъ своихъ, данныхъ имъ по этому вопросу, открыто провозгласилъ тотъ принципъ, что законы внутренніе не имѣютъ никакой силы противъ трактатовъ. Онъ долженъ былъ идти еще дальше и сказать, что они никогда немогутъ имѣть никакой силы относительно иностранныхъ народовъ.

*) Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. Правила для партикулярныхъ корсеровъ. Полн. Собр. Закон. № 16599.

**) Статьи, содержащія въ себѣ поводы къ захвату и производство самого осмотра суть слѣдующіе:

Ст. 2.: «Непріятельскія суда, какъ военныя, такъ и торговыя, Россійскіе арматоры имѣютъ преслѣдовать, атаковать, захватывать, или истреблять вездѣ, гдѣ только случай къ тому представится; выключая того, если непріятельское

онѣ создаютъ цѣлую серію поводовъ или причинъ захвата, противныхъ правамъ естественному и положительному.

Я не считаю нужнымъ перечислять здѣсь весьма многочисленные акты, которыми Великобританія старалась установить то, что она называла своимъ морскимъ правомъ, во время войнъ 1744, 1755, 1778, 1793 и 1803 гг. Во время послѣднихъ войнъ съ Франціей, Великобританія дошла до того, что объявила подлежащимъ конфискаціи всякій корабль, къ какой-бы націи и странѣ онъ ни принадлежалъ,—который не зашелъ бы въ одинъ изъ ея портовъ для того, чтобы купить тамъ, цѣною денегъ, *дозволеніе плавать въ океанѣ*, (*un permis de naviguer sur l'Ocean*). Мѣра эта, которой нельзя пріискать и названія, дѣлала англійскій паспортъ докумен-

---

судно, укрываясь, успѣетъ стать подъ пушечный выстрѣлъ отъ пристани или отъ берега нейтральной Державы; равнымъ образомъ никакихъ непріятельскихъ дѣйствій не должны они себѣ дозволять въ портахъ или рейдахъ, нейтральнымъ Державамъ принадлежащихъ, доколѣ непріятельскія суда не удалятся отъ оныхъ далѣе пушечнаго выстрѣла».

Ст. 3. «Какъ въ военное время нерѣдко бываетъ, что непріятельскій корабль или судно укрывается подъ флагомъ нейтральной Державы, равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ нейтральныхъ подданныхъ, побуждаемые корыстолюбіемъ, возятъ къ непріятелямъ припасы, военными правами запрещенные, то предосторожность требуетъ, чтобъ никакія купеческія суда, плывущія къ ихъ берегамъ, безъ осмотра пропускаемы не были; почему вооруженные Россійскіе корсеры и могутъ всякое судно, плавающее въ Левантѣ и Архипелагѣ, подъ какимъ бы оно флагомъ ни было, останавливать и осматривать».

Ст. 4. «Къ осмотру всякаго судна подъ флагомъ христіанскимъ, должно посылать на шлюпкѣ одного изъ штурмановъ человѣка благоразумнаго, а по приставаніи его къ борту, одинъ только сей штурманъ, а никто другой и ни подъ какимъ видомъ взойти на судно не можетъ. Потомъ долженъ онъ со всякою благопристойностію изтребовать у шхипера паспорты, коносаменты, контракты, или шартопартіи и аттестатъ о здоровьѣ экипажа. А когда по симъ бумагамъ довольно будетъ видно, что какъ судно, такъ и экипажь дѣйствительно принадлежатъ нейтральной Державѣ, и что на немъ никакихъ нѣтъ запрещенныхъ военныхъ припасовъ, въ такомъ случаѣ немедленно должно его отпустить въ желаемый путь, хотя-бъ впрочемъ и всѣ нагруженные на немъ товары дѣйствительно принадлежали непріятелю, ибо по принятому Ея Императорскимъ Величествомъ правилу, и самая непріятельская собственность покрывается нейтральнымъ флагомъ. *При таковомъ осмотрѣ не дѣлать впрочемъ ни малѣйшей грубости, угроженія, или принужденія, и ни подъ какимъ видомъ ни чего небрать и некасаться ни до малѣйшей вещи*».

томъ необходимымъ для всѣхъ народовъ, желавшихъ плавать въ морѣ.

Трактаты весьма мало занимались самымъ порядкомъ или формою производства захвата; но эти не многочисленныя постановленія, которыя содержатся въ нихъ по этому предмету, были дополнены и развиты внутренними законами, которые въ общемъ уважали основанія, установленныя положительнымъ закономъ. Когда крейсеръ признаетъ необходимымъ подвергнуть осматриваемый нейтральный корабль захвату, онъ объявляетъ объ этомъ капитану, отбираетъ отъ него корабельные документы, составляетъ двойную опись или инвентарь и запечатываетъ документы въ особый пакетъ. Капитанъ, хозяинъ или патронъ арестованнаго корабля, обязанъ подписать описи и инвентари, копіи которыхъ вручаются ему, и запечатать пакетъ, содержащій въ себѣ корабельные документы. Затѣмъ, составляется протоколъ о причинахъ захвата и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали его; протоколъ этотъ также долженъ быть подпи-

---

Ст. 6. «Какъ на нейтральныхъ судахъ, *промышляющихъ* перевозомъ къ непріятелю заповѣдныхъ припасовъ за всегда бываютъ двойные документы, то должно стараться развѣдывать у шхипера или служителей, не находятся-ли у нихъ таковые припасы на суднѣ. Въ случаѣ, ежели штурманъ или кто изъ служителей объявитъ о семъ, или же корсеръ самъ имѣетъ достовѣрное свѣденіе о томъ, что таковые военные припасы дѣйствительно на суднѣ находятся, то корсеръ можетъ тогда люки на суднѣ открыть и учинить осмотръ въ интрюмѣ; но сіе производить ему со всякою благопристойностію и осторожностію, дабы чрезъ то другіе товары не были повреждены. И если заповѣдные военные припасы на суднѣ найдены будутъ, или же двойные бумаги и документы, доказывающіе объ оныхъ, въ такомъ случаѣ то судно можетъ онъ взять и привести къ Императорскому флоту, еели оный уже находиться будетъ въ Средиземномъ морѣ, въ небытность его еще тамъ, въ Неаполь къ Полномочному Е. И. В. Министру Каммергеру Графу Скавронскому, и въ Венецію, къ пребывающему тамъ въ таковомъ же званіи Генералъ-Маіору Мордвинову, если отъ тамошняго Правительства не будетъ въ томъ возбраняемо, а имъ препоручены разбирательство и судъ о захватахъ до прибытія флота».

Мы нарочно привели подлинныя статьи этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ закона Императрицы Екатерины II. Изъ статьи 4 мы видимъ, что самый порядокъ производства осмотра вовсе не содержитъ въ себѣ ничего неумѣреннаго (exorbitant); наоборотъ, онъ опредѣленъ съ такою мягкостію и человѣколюбіемъ, какими вообще отличаются законы Императрицы Екатерины II, въ особенности относившіеся къ правамъ нейтральнымъ.

санъ капитаномъ. При такихъ условіяхъ корабль считается захваченнымъ, но онъ еще не взятъ, хозяиномъ его остается прежній; поэтому офицеръ, присланный съ крейсера, долженъ воздерживаться не только отъ всякаго насильственнаго дѣйствія относительно личностей, но даже и отъ какого бы то ни было разграбленія корабля и его груза. Онъ не долженъ ни открывать, ни разламывать, ни расколачивать никакихъ тюковъ; обязанность его наблюдать за тѣмъ, чтобы сопровождающіе его люди не совершали никакого воровства или насилія во вредъ захваченному кораблю; онъ приказываетъ запереть и запечатать люки и двери въ тѣ мѣста, гдѣ находятся товары. Корабль затѣмъ отводится насколько возможно въ одинъ изъ портовъ, принадлежащихъ государю взятеля ([309]).

Если-же въ ст. 6 и говорится дѣйствительно о производствѣ обыска, то не слѣдуетъ забывать что общій, нормальный, такъ сказать, порядокъ производства осмотра изложенъ въ 4 ст.—6-я же статья говоритъ спеціально о «нейтральныхъ судахъ, *промышляющихъ* перевозомъ къ непріятелю заповѣдныхъ припасовъ», слѣдовательно о такихъ судахъ, которыя уже неоднократно были замѣчены въ занятіи такою перевозкою, какъ прямымъ своимъ промысломъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что противъ такихъ судовъ были приняты и мѣры чрезвычайныя. Но и при всемъ томъ, статья эта предписываетъ производить осмотръ и «обыскъ со всякою благопристойностію и осторожностію».

Доказательствомъ справедливости сказаннаго служитъ ст. 12 тѣхъ же правилъ. Статья эта говоритъ: «когда на какомъ нейтральномъ суднѣ находиться будутъ запрещенные припасы или снаряды», и шхиперъ добровольно о томъ объявитъ, то такое судно, отдавши все запрещенное корсару—могло свободно продолжать свой путь. Очевидно, эта статья есть также общая, не относящаяся къ судамъ, *промышляющимъ* перевозкою контрабандныхъ предметовъ. Военный флагъ уважается въ полной мѣрѣ: ст. 13 предписываетъ «удовольствоваться» объявленіемъ начальника конвоя и «осмотру не требовать». Не меньшею гумманностію отличаются и другія статьи этихъ правилъ. Такъ, ст. 7 предписываетъ «поступать съ плѣнными Турками со всякимъ человѣколюбіемъ и довольствовать ихъ пищею и всѣмъ нужнымъ безъ недостатка, платья у нихъ отнюдь не отнимать и лишней строгости надъ ними не употреблять»; «а если между ними будутъ находиться раненые, таковыхъ стараться лѣчить и подавать имъ всякую помощь по долгу человѣчества, отнюдь же не отдавать и не продавать въ неволю какой либо другой землѣ». *Прим. Перевод.*

([309]) См. трактаты, заключенные: въ 1739 г. между Франціей и Голландіей, ст. 27;—въ 1742 г., между Франціей и Даніей, ст. 23—25;—въ 1748 г., между Даніей и Сициліей, ст. 23;—въ 1753 г., между Голландіей и Сициліей, ст. 31;—въ 1769 г., между Франціей и Гамбургомъ, ст. 24;—въ 1778 г., между Франціей и

Если арестованіе корабля послѣдовало вслѣдствіе перевозки къ непріятелю предметовъ военной контрабанды, то трактаты предоставляютъ капитану нейтральнаго корабля право отдать взявелю запрещенные товары и свободно продолжать свой путь. Если крейсеръ можетъ или вѣрнѣе, пожелаетъ взять эти предметы, то онъ составляетъ имъ, въ двухъ экземплярахъ, опись или инвентарь, который долженъ быть подписанъ какъ взятелемъ, такъ и капитаномъ захваченнаго корабля, который получаетъ одинъ экземпляръ такой описи; затѣмъ, по отношенію къ захваченной части груза должны быть выполнены такія-же формальности, какія требуются относительно самаго корабля. Товары эти, въ дѣйствитель-

---

Соединенными Штатами, ст. 15;—въ 1782 г., между Голландіей и Соединенными Штатами;—въ 1786 г., между Франціей и Англіей, ст. 28, 30 и 42;—въ 1787 г., между Россіей и Франціей, ст. 31 (*);—въ 1789 г., между Даніей и Генуа.

(*) Ст. XXXI трактата, заключеннаго 31 декабря 1786 г. между Россіею и Франціею о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи, говоритъ: Если «одна изъ двухъ договаривающихся Державъ, будетъ воевать съ какимъ другимъ государствомъ, военные ея корабли или частные арматоры имѣютъ право осматривать купеческія суда, принадлежащія подданнымъ другой договаривающейся Державы, встрѣченныя ими на пути безъ конвоя у береговъ или въ открытомъ морѣ; но какъ симъ послѣднимъ именно запрещается бросать въ семъ случаѣ въ море какія либо бумаги, такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, никогда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полувыстрѣла пушечнаго. А для предупрежденія всякаго безпорядка и насилія, высокія договаривающіяся стороны соглашаются, чтобъ первые не могли никогда посылать на своихъ шлюпкахъ болѣе двухъ или трехъ человѣкъ на корабль къ послѣднимъ для освидѣтельствованія паспортовъ и морскихъ бумагъ, коими утверждается собственность и грузъ, упоминаемыхъ купеческихъ судовъ; для вящшаго жъ предваренія всѣхъ случаевъ, высокія договаривающіяся стороны согласились сообщить взятелю форму доказательствъ и морскихъ бумагъ и приложить образцы оные къ ратификаціямъ. Но ежели сіи купеческія суда будутъ конвоированы однимъ или многими военными кораблями, то простое объявленіе офицера, начальствующаго надъ конвоемъ, что на сихъ судахъ нѣтъ никакихъ заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, должно быть достаточно, чтобъ не дѣлать никакого осмотра». Ст. XXXIII: «буде-же въ ономъ купеческомъ суднѣ по таковому осмотру на морѣ найдутся заповѣдные военные товары, то не дозволяется отбивать люкъ, ни раскрывать никакихъ либо ящиковъ, сундуковъ, бауловъ, тюковъ или бочекъ, ниже что либо трогать съ мѣста на помянутомъ суднѣ.....

.....Ежели-жъ онъ (корабельщикъ) не захочетъ выдать нагруженныхъ у него заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, то взятель имѣетъ только право отвести его въ портъ гдѣ разсмотрится его дѣло предъ судьями въ Адмиралтействѣ, по законамъ и судебнымъ обрядамъ того мѣста.....».

ности, только еще захвачены, и отдача ихъ, сдѣланная нейтральнымъ капитаномъ, хотя-бы и добровольно, не измѣняетъ свойства этого дѣйствія; одинъ только приговоръ подлежащаго суда можетъ подвергнуть конфискаціи.

Внутренніе законы содержатъ весьма большія предосторожности противъ разграбленія захваченныхъ кораблей ([103]).

Всѣ эти предосторожности, правда, имѣютъ своею цѣлью гораздо менѣе пользу захваченнаго, чѣмъ захватывавшихъ; онѣ въ особенности стараются обезпечить лицамъ заинтересованнымъ въ вооруженіи корсара, ту часть, которая должна причитаться имъ изъ этого общаго предпріятія; но онѣ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ воспрепятствованіе расхищенія предметовъ, найденныхъ на кораблѣ, и слѣдовательно обезпечиваютъ возвращеніе ихъ въ томъ случаѣ, если бы корабль былъ освобожденъ отъ захвата и запрещеніе снято въ пользу собственниковъ. Эти статьи опредѣлены почти одинаковымъ образомъ у всѣхъ націй. ([311]).

Что касается обсужденія законности захвата, то оно принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, трибуналамъ или судамъ воюющихъ. Всѣ трактаты, безъ единаго исключенія, признаютъ законность такой юридикціи, которая въ дѣйствительности есть единственно компетентная, скажу даже единственно возможная. Она никогда не возбуждала никакихъ серьезныхъ возраженій, по отношенію къ судамъ, отведеннымъ въ порта взятеля; она признана и усвоена всѣми народами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые вопросы были затронуты и до настоящаго времени еще не получили своего

([310]) См. для Франціи у *Valin*, «Commentaire . de l'ordonance de 1681» многочисленные ордонансы относительно уничтоженія грабежей, совершаемыхъ надъ кораблями.—Голландія, плакарды 1743 и 1781 гг.—Швеція, ордонансы 1715 и 1741 гг.—Англія, 19, Георгъ III, Cap. 67, statut 14 и пр. и пр. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ *Martens* («Essai sur les armateurs)», всѣ эти ордонансы имѣли весьма малую дѣйствительность. Причина, которая парализовала исполненіе ихъ,—есть непомѣрное желаніе воюющихъ поощрить снаряженіе и повредить нейтральнымъ.

([311]) См. Франція, ордонансы: 1400 г., ст. 7, и 1681 г. ст. 18, ч. IX, кн. 3; Испанія, ордонансъ 1779 г., ст. 6—29;—Данія, 1710 г.;—Швеція, 1715 г.;—Голландія, 1781 г.;—Англія, 19. Георгъ III, cap. 67, statut 50.

рѣшенія; но положительное право даже не занималось ими. Я ограничусь только указаніемъ на эти вопросы, и не входя въ подробное обсужденіе, постараюсь дать имъ то рѣшеніе, которое мнѣ кажется наиболѣе справедливымъ.

Кто можетъ быть компетентнымъ судьей надъ нейтральнымъ кораблемъ, захваченнымъ и отведеннымъ въ нейтральный портъ, — кромѣ судьи его собственной страны? долженъ-ли корабль быть отведенъ въ портъ, принадлежащій его собственному государю? или онъ долженъ быть отведенъ въ портъ, принадлежащій врагу взятеля? хотя эти вопроса и не представляютъ серьезныхъ затрудненій, но они должны-бы были быть разрѣшены ясно трактатами. Я говорю, ясно потому, что первый изъ нихъ, по крайней мѣрѣ мнѣ кажется подразумѣваемо-рѣшеннымъ очень большимъ числомъ торжественныхъ актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, то постановленіе, такъ часто включаемое въ конвенціи, что сторона оставшаяся нейтральною должна допускать въ свои порта вооруженныя суда другой стороны, съ взятыми ими призами; или постановленіе, встрѣчающееся рѣже, но все таки довольно часто, которое требуетъ, чтобы призы не могли быть продаваемы въ нейтральномъ портѣ раньше, пока не окончится судъ о законности ихъ—достаточно указываютъ на то, что трибуналы или суды взятеля признаются единственно компетентными. Это общее правило допускаетъ только одно исключеніе. Если корабль нейтральный или воюющій былъ захваченъ или взятъ на пространствѣ территоріальнаго моря, принадлежащаго тому нейтральному государю, въ портъ котораго корабль этотъ былъ потомъ приведенъ,—то государь этотъ можетъ и долженъ не подвергать призъ суду, но добровольно или силою овладѣть этимъ призомъ и возвратить его законному собственнику. Это есть его строгая обязанность. Тоже самое слѣдуетъ сказать относительно кораблей осмотрѣнныхъ, задержанныхъ или захваченныхъ съ нарушеніемъ тѣхъ условій нейтральнаго азиля или убѣжища, которыя будутъ разсмотрѣны въ слѣдующемъ параграфѣ.

Второй вопросъ не представляется мнѣ могущимъ возбу-

дить серьезныя затрудненія; статьи, изложенныя выше, могутъ быть примѣнены и здѣсь; къ тому же, если захваченный корабль дѣйствительно виновенъ, то фактъ приведенія приза въ портъ его страны не можетъ сдѣлать его невиновнымъ. По моему мнѣнію, подсудность не можетъ быть измѣнена. Французскій ордонансъ 1681 г. рѣшилъ это иначе; онъ требовалъ въ этомъ случаѣ, чтобы корабль былъ отданъ собственнику; онъ идетъ даже далѣе: онъ требуетъ, чтобы французская собственность, какова бы она ни была, военная-ли контрабанда, или предметы дозволенные, найденная на задержанномъ или захваченномъ кораблѣ, хотя и иностранномъ, но приведеннымъ въ одинъ изъ французскихъ портовъ,—была возвращена ея владѣльцу ([312]).

Что касается третьяго вопроса, то мнѣ кажется, что онъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи тѣхъ принциповъ, которыми опредѣляется положеніе кораблей, взятыхъ и покинутыхъ непріятелемъ, принциповъ, которые были установлены въ предъидущей части ([313]).

Большое число писателей занималось этимъ вопросомъ о подсудности; всѣ они признали, что право суда должно принадлежать воюющему; только два изъ нихъ предложили учрежденіе трибуналовъ смѣшанныхъ, которые я не боюсь назвать невозможными ([314]).

Порядокъ разбирательства или производства дѣлъ въ призовыхъ судахъ не опредѣленъ положительнымъ закономъ; однакоже въ весьма большомъ числѣ тождественныхъ актовъ содержится постановленіе о томъ, что недовольная сторона имѣетъ право, на рѣшеніе призоваго суда приносить аппеляцію въ судъ высшей инстанціи. Почти всѣ трактаты требуютъ, чтобы разбирательство дѣла было окончено въ возможно скорѣйшемъ времени и чтобы рѣшеніе было основано на началахъ справедливости и законности, то есть на основаніи конвенцій, существующихъ между обѣими націями.

([312]) См. ордонансъ 1681 г., liv. III, tit. 9, «Des prises».

([313]) См. выше, часть IV, гл. 1, отд. 2, § 8, Репризы, и ниже, § 10, Репризы.

([314]) *Hubner*, «De la saisie des bâtiments neutres» и *Galiani*, «De' driti e de' doveri» etc. предложили судъ смѣшанный, какъ единственно справедливый.

Наконецъ самые позднѣйшіе торжественные акты постановляютъ, что рѣшеніе должно быть мотивировано и что точная копія этого рѣшенія должна быть вручена заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ ([315]).

Что касается состава трибуналовъ или призовыхъ судовъ, какъ въ первой инстанціи, такъ и во второй, и судопроизводства въ собственномъ смыслѣ, то трактаты рѣшительно ничего объ этомъ не говорятъ. Поэтому, одни только внутренніе законы воюющихъ должны опредѣлить и рѣшить эти вопросы.

Законы эти, слѣдуетъ замѣтить, не всегда основаны на самой строгой справедливости; по нѣкоторымъ пунктамъ, они даже очень несправедливы. Такъ, для того чтобы привести примѣръ, можно указать на слѣдующее: у всѣхъ народовъ, захваченый корабль разсматривается a priori какъ виновный, и капитану такого корабля предлагаютъ доказать его невиновность. Крейсеръ останавливаетъ корабль, и командиръ крейсера отбираетъ корабельные документы и удерживаетъ ихъ у себя; онъ отводитъ захваченное судно въ одинъ изъ портовъ своего государя, слѣдовательно въ такой портъ, который, для захваченнаго судна, есть портъ иностранный,—и тамъ, командиръ крейсера требуетъ отъ суда своей собственной страны, чтобы онъ осудилъ этого иностранца, и призналъ его виновнымъ въ томъ дѣйствіи, въ которомъ онъ его обвиняетъ; однимъ словомъ, командиръ крейсера является обвинителемъ, онъ не обязанъ представлять никакихъ доказательствъ, а наоборотъ, обвиняемый долженъ доказать... отрицаніе, то есть свою невиновность. Подобный порядокъ есть извращеніе всякой идеи о справедливомъ судопроизводствѣ. Вездѣ, у всѣхъ народовъ, обвинитель долженъ доказать тѣ факты, въ которыхъ онъ обвиняетъ. Это есть принципъ всеобщаго разума.

([315]) См. именно трактаты: 16 марта 1832 г., между Соединенными Штатами и Чили, ст. 21;—5 апрѣля 1831 г., между Соединенными Штатами и Мексикой;—12 декабря 1828 г., между Соединенными Штатами и Бразиліей. Эти три трактата находятся въ «Recueil» *Martens'а, и Cussy*, t. IV.

Нѣкоторыя націи, и я долженъ признаться, что и Францiя принадлежитъ къ числу ихъ, отвергаютъ всякія доказательства иныя, кромѣ только тѣхъ, которыя будутъ находиться на кораблѣ въ самый моментъ захвата (316). Англія, которая обыкновенно относится не очень благопріятно къ нейтральнымъ, является болѣе справедливою въ этомъ отношеніи; она допускаетъ всякія доказательства, какія могутъ быть представлены; но только въ случаѣ, когда снятіе запрещенія или освобожденіе отъ захвата основывается на такихъ документахъ, которые не находились на захваченномъ кораблѣ, и которые вслѣдствіе этого не могли быть представлены крейсеру для обсужденія правильности, то захваченный нейтральный корабль приговаривается къ уплатѣ расходовъ, вызванныхъ такимъ процессомъ; и надо сказать, что расходы эти въ Англіи часто бываютъ очень значительны. (317) Швеція скопировала французскій законъ; Данія также слѣдовала этому закону до 1711 г., но съ этого времени она приняла законъ англійскій (318). Въ Испаніи допускается представленіе документовъ, добытыхъ послѣ захвата въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ доказано, что захваченный корабль не имѣлъ этихъ документовъ не по винѣ капитана. Такимъ образомъ, положительный законъ, какъ я уже сказалъ это говоря о трактатахъ, начинаетъ отвергать и осуждать такой несправедливый порядокъ судопроизводства.

Одно изъ наиболѣе серьезныхъ затрудненій, которыя возбуждаются захватомъ нейтральныхъ кораблей, является вознагражденіе, или опредѣленіе тѣхъ проторей и убытковъ, которые нейтральные корабли имѣютъ право потребовать въ тѣхъ слу-

---

(316) Во Франціи, см. регламентъ 1778 г., ст. 11. Регламентъ XI г. не воспроизводитъ это постановленіе, но онъ и не отмѣняетъ его, а потому законъ 1778 г. продолжалъ быть въ силѣ. Въ Швеціи, ордонансъ 1715 г., ст. 7.

(317) По этому предмету см. *Steck*, «Essai», 1794, p. 115.

(318) Датскій ордонансъ 1711 г. говоритъ: «art. 11. S'il conste de l'innocence de la prise par d'autres preuves que celles qui se trouvaient á bord du navire lors de la prise, le capteur sera dispensè de rembourser les frais». (Если невинность приза будетъ явствовать изъ доказательствъ иныхъ, кромѣ тѣхъ, которыя находились на кораблѣ во время захвата, то взятель будетъ освобожденъ отъ платежа расходовъ).

чаяхъ, когда они были жертвами безповоднаго или безпричиннаго захвата. Начиная со времени Утрехтскихъ трактатовъ и до настоящаго времени, всѣ безъ исключенія морскія конвенціи, обязывали корсаровъ представлять денежный залогъ или обезпеченіе, предназначаемое для вознагражденія тѣхъ убытковъ, которые они могутъ причинить мирнымъ иностранцамъ. Самые новѣйшіе акты опредѣлили съ большою тщательностію обязанность воюющаго вознаградить всѣ потери, причиненныя нейтральнымъ мореплавателямъ тѣми лицами, которыя были уполномочены имъ на право веденія войны, и именно произвольными или безповодными захватами. Но внутренніе законы не воспроизвели, какъ они должны-бы были сдѣлать, предписанія положительнаго права. Къ тому же почти всѣ внутренніе законы допускаютъ захватъ на основаніи только лишь простыхъ предположеній или подозрѣній корсара, и призовые суды руководствуются и примѣняютъ эти законы, вопреки праву международному. Такимъ образомъ, трактаты остаются мертвою буквою; корсары, увѣренные въ своей безнаказанности, совершаютъ захваты, самые неосновательные и безпричинные. Для того, чтобы быть оправданнымъ, достаточно чтобы корсаръ заявилъ передъ судьями, что онъ имѣлъ подозрѣніе относительно тѣхъ, кого онъ задержалъ; такимъ образомъ, весьма понятно, что подобное заявленіе немного значитъ для корсара. Такое законодательство, въ которомъ виновны всѣ націи, уничтожаетъ всѣ гарантіи, которыя трактаты хотѣли дать нейтральнымъ народамъ; оно основывается единственно на томъ поощреніи, которое воюющіе хотятъ предоставить корсарамъ, и главное, — на желаніи нанести вредъ нейтральной торговлѣ и мореплаванію.

Вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные нейтральнымъ народамъ вслѣдствіе произвольныхъ или неосновательныхъ захватовъ ихъ кораблей, былъ-бы разрѣшенъ гораздо легче, если бы по этому вопросу слѣдовали указаніямъ естественнаго закона. Правительство воюющаго государства было-бы тогда прямо отвѣтственнымъ за всѣ

дѣйствія тѣхъ лицъ, которымъ оно разрѣшаетъ заниматься корсарствомъ (faire la course), съ тѣмъ, чтобы всѣ заплаченныя за такіе убытки суммы, оно имѣло бы право возвратить себѣ изъ залога, вносимаго его-же подданными (корсарами) ([319]). Нейтральныя правительства, соединившись вмѣстѣ, могли-бы достигнуть вознагражденія своихъ подданныхъ, потому что во всемъ мірѣ нѣтъ державы, которая могла бы воспротивиться подобной коалиціи, хотя бы эта послѣдняя ограничилась только закрытіемъ своихъ портовъ для такого упорствующаго воюющаго,—и отраженіемъ его нападеній.

Къ концу XVII столѣтія, одинъ обычай, хотя уже и древній, потому что слѣды его мы находимъ въ Consulat de la mer, но уже давно покинутый, а именно: отпускать взятые призы на выкупъ,—снова появляется въ морскихъ войнахъ, но однако не дѣлается общимъ. Великобританія воспрещала его и даже наказывала за взятіе такого выкупа какъ за дѣйствіе пиратское ([320]). Франція, принявъ его какъ общее правило, ограничила его однако единственно только призами, взятыми у непріятеля ([321]). Испанія разрѣшала корсару, не имѣющему уже у себя три приза, брать выкупъ со всѣхъ тѣхъ призовъ, которые корабли ея сдѣлаютъ послѣ того, у непріятеля ([322]). Въ Россіи, всякаго рода выкупъ былъ воспрещенъ ([323]). Обычай этотъ мнѣ представляется могущимъ поро-

---

([419]) См. мое сочиненіе «Des droits et des devoirs», etc., tit. XIII, tom. III, 2-e éd.

([320]) 19, Georges III, cap. VII, stat. 11 (1779); 22. Georges III, cap. XXV stat. 1 (1782).

([321]) Ордонансъ 1681 г. разрѣшалъ выкупъ непріятельскихъ кораблей, а можетъ быть и нейтральныхъ, потому что въ законѣ этомъ не сдѣлано никакого по этому предмету различія. Послѣ многочисленныхъ измѣненій, выкупъ былъ окончательно воспрещенъ ордонансомъ отъ 30 августа 1782 г.; регламентъ же XI года снова возстановилъ его, но только по отношенію къ призамъ, взятымъ у непріятеля; ст. 39, гл. 5 положительно воспрещаетъ брать выкупъ съ кораблей, имѣющихъ у себя нейтральный паспортъ, хотя бы даже незаконный или просроченный. Смѣю признаться, что я не понимаю, какимъ образомъ возможно брать выкупъ съ корабля, только еще захваченнаго, но неприсужденнаго какъ добрый призъ, т. е. съ корабля нейтральнаго.

([322]) Въ Испаніи, см. ордонансъ 1779 г.

([323]) Въ Россіи, см. законъ 1787 г.; ст. 27 воспрещаетъ отпускать на выкупъ даже корабли, взятые у непріятеля.

дить весьма серьезные безпорядки; онъ долженъ-бы быть совершенно отмѣненъ.

§ IX. *Неприкосновенность нейтральной территоріи; право убѣжища или азиля.*

Я уже выяснилъ, что слѣдуетъ понимать подъ неприкосновенностію или ненарушимостью морской нейтральной территоріи. — Неприкосновенность эта состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ воспрещеніи воюющимъ совершать какія бы то ни было военныя или непріязненныя дѣйствія, по отношенію къ своимъ врагамъ, въ предѣлахъ или на пространствѣ територіальнаго моря, принадлежащаго мирной или нейтральной націи. Положительное право было уже вполнѣ сформировано по этому предмету втеченіе XVII столѣтія. Очень большое число трактатовъ, заключенныхъ втеченіе этого послѣдняго періода,—только лишь подтвердило,—не прибавивъ ничего новаго,—преимущество территоріальнаго моря, принадлежащаго нейтральнымъ народамъ ([324]).

См. Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. правила для партикулярныхъ корсеровъ, ст. 27.: «Никакому корсеру не дозволяется самопроизвольно освобождать или отдавать на выкупъ корабль или судно непріятельскія, или товары и вещи на нихъ нагруженныя и единожды захваченныя и взятыя». См. Пол. Собр. Зак. за 1787 г., № 16599. *Примѣч. Перевод.*

([324]) См. въ числѣ другихъ, трактаты: 1715 г., заключенные между Испаніей и Португаліей, ст. 19; — 1725 г., между Испаніей и Австріей, ст. 3 и 5; — 1742 г., между Даніей и Франціей, ст. 33;—1742 г., между Даніей и Испаніей; — 1760 г., между Англіей и Мароко; — 1763 г., между Франціей и Англіей; — 1778 г., между Франціей и Соединенными Штатами;—1782 г., между Испаніей и Турціей; — 1782 г., между Соединенными Штатами и Голландіей, ст. 5; — 1783 г., между Швеціей и Соединенными Штатами, отдѣльныя ст. 1 и 2; — 1786 г., между Франціей и Англіей, ст. 41: трактатъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ точныхъ по этому предмету; — 1787 г., между Россіей и Франціей; *) —

*) Ст. XXVIII трактата, заключеннаго 31 декабря 1786 г., между Россіей и Франціей, «о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи»: «въ слѣдствіе сихъ правилъ, Высокія договаривающіяся стороны обязуются взаимно, въ случаѣ, если одна изъ нихъ будетъ имѣть войну съ какою бы то ни было Державою, не нападать никогда на непріятельскіе корабли далѣе пушечнаго выстрѣла разстояніемъ отъ береговъ союзной ей Державы. Они также обязываются взаимно наблюдать совершеннѣйшій нейтралитетъ въ принадлежащихъ имъ портахъ, пристаняхъ, заливахъ и другихъ водахъ, кои разумѣются подъ именемъ запертыхъ водъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489.

Подъ именемъ территорріальнаго моря разумѣется та часть моря, которая омываетъ берега на пространствѣ самаго дальняго выстрѣла изъ пушки, поставленной на берегу; территоріальное море это простирается по всѣмъ берегамъ государства и даже такимъ, на которыхъ не существуетъ никакихъ укрѣпленій, или фортификаціонныхъ вооруженій, даже по такимъ берегамъ, которые совершенно необитаемы, если бы существовали таковые.—Я упоминаю и настаиваю на этомъ послѣднемъ пунктѣ потому, что одинъ изъ новѣйшихъ писателей, считая запрещеніе, поставляемое воюющимъ сражаться на пространствѣ территоріальнаго моря, — какъ основанное на томъ вредѣ, который ядра и бомбы могутъ причинить мѣстнымъ жителямъ, утверждаетъ, что военныя дѣйствія должны быть дозволены на такихъ территоріальныхъ водахъ, которыя омываютъ берега пустынныя или необитаемыя (325).

Единственная и настоящая причина такого запрещенія есть то уваженіе, которое должно быть оказываемо территоріи дружественнаго народа, и которое выражается въ неприкосновенности этой территоріи. Поэтому, весьма малое значеніе имѣетъ то обстоятельство, будутъ ли берега обитаемы или необитаемы; юридикція нейтральнаго государя продолжаетъ существовать на всякихъ берегахъ, и всѣ корабли, которые войдутъ въ это частное, территоріальное море, по отноше-

---

1787 г., между Россіей и Неаполемъ, ст. 19; **)—1787 г., между Соединенными Штатами и Мароко;—1795 г., между Соединенными Штатами и Испаніей, ст. 6;—1795 г., между Соединенными Штатами и Англіей; — 1815 г., между Соединенными Штатами и Алжиромъ;—1818 г., между Даніей и Пруссіей, и пр. и пр.

**) Ст. XIX договора, заключеннаго $^{6}/_{17}$ января 1787 г., между Россіей и Королемъ Обѣихъ Сицилій «о взаимной дружбѣ и о торговлѣ»: «сверхъ сего обѣ Высокія договаривающіяся Державы, для отвращенія всякаго повода къ недоразумѣнію, а при томъ и для постановленія общеполезнаго начала права народнаго, касательно мореплаванія нейтральныхъ народовъ, согласились между собою, чтобы всякій разъ, когда одна изъ нихъ вступитъ въ войну съ другою какою Державою, не подходила къ непріятельскимъ кораблямъ ближе пушечнаго выстрѣла разстояніемъ отъ береговъ другой Державы, пребывающей нейтральною. Равнымъ образомъ наблюдать совершенный нейтралитетъ въ портахъ, пристаняхъ, заливахъ и безъ различія во всѣхъ водахъ имъ принадлежащихъ и извѣстныхъ подъ названіемъ запертыхъ водъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г., № 16498.

(325) См. *Ortolan*. «Diplomatie de la mer», liv. III, ch. 8, tom. II, p. 244. Авторъ признаетъ правило противное, но фактически дозволяетъ сражаться.

нію къ тѣмъ водамъ, въ которыхъ корабли эти находятся, а также и во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ тѣми, кто на такихъ водахъ находится — подчиняются юридикціи территоріальнаго государя. И потому, такъ какъ сраженіе есть актъ или отношеніе къ тѣмъ индивидуумамъ, которые на его территоріи находятся, то оно не можетъ имѣть мѣсто безъ приказанія или разрѣшенія того государя, которому принадлежитъ юридикція надъ этимъ пространствомъ.

Всякое непріязненное или военное дѣйствіе, осмотръ, захватъ, взятіе приза или сраженіе —воспрещается на всемъ пространствѣ территоріальнаго моря, принадлежащаго нейтральной націи. Нѣкоторые писатели, и именно *Bynkershoek*, утверждаютъ, что сраженіе, начавшееся за предѣлами территоріальнаго моря — можетъ быть продолжаемо и на пространствѣ этого моря. (326) Но такое мнѣніе, которое самъ голландскій ученый несчиталъ возможнымъ развивать, мнѣ представляется весьма большимъ заблужденіемъ, и я тщетно искалъ какое нибудь основаніе или мотивъ, на которомъ можно бы было опереть его. Тотъ фактъ, что сраженіе уже было начато, *dum fervet opus*,—не можетъ измѣнить свойства неприкосновенности территоріи, каковое свойство должно быть единственнымъ основаніемъ того правила, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Позднѣе, *Ortolan* воспроизвелъ и развилъ идею *Bynkershoek*'а. Не смотря на приводимые имъ аргументы, я продолжаю настаивать на томъ, что такое мнѣніе составляетъ весьма большое заблужденіе.

Внутренніе законы нейтральныхъ народовъ, съ величайшимъ тщаніемъ воспроизвели это постановленіе положительнаго права. (327) Мы видѣли даже, что Соединенные Штаты,

---

(326) «Territorium communis amici valet ad prohibendam vim quæ ibi inchoatur, non valet ad exhibendam quæ extra territorium inchoata *dum fervet opus* in ipso territorio continuatur», «Quæst. jur. pub.», lib. I, cap. 8. См. также *Ortolan* «Diplomatie de la mer», t. II, liv. 3, ch. 8.

(327) См: постановленія, изданныя нейтральными во время войны 1778 г., а именно: 1 августа 1778 г., Тоскана;—12 февраля 1780 г., Турція;—31 декабря

въ то время когда они сражались за свою независимость, то-есть тогда, когда они были воюющими, — издали одинъ спеціальный законъ, предназначавшійся для того, чтобы напомнить исполненіе этихъ священныхъ правилъ нѣкоторымъ изъ своихъ крейсеровъ, которые уклонились отъ нихъ. (328) Къ сожалѣнію, воюющіе вообще оказываются не всегда столь добросовѣстными исполнителями международныхъ законовъ.

Нейтральный, на территоріи котораго совершается какое-бы то ни было военное дѣйствіе, можетъ, или вѣрнѣе долженъ, потому что это есть его прямая обязанность, употребить всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи, для того чтобы прекратить это непріязненное дѣйствіе. Онъ долженъ употребить всѣ свои силы для того, чтобы оказать покровительство иностранцу; онъ долженъ воспользоваться своими военными кораблями, если таковые находятся въ томъ мѣстѣ,

---

1787 г., Россія; *)—7 августа 1803 г., Австрія, и пр. пр. См. также трактаты и постановленія, вооруженнаго нейтралитета 1780 и 1800 гг. **).

*) См. Высочайше утвержденныя 31 декабря 1787 г. правила для партикулярныхъ корсеровъ», ст. 2.: «непріятельскія суда, какъ военныя, такъ и торговыя, Россійскіе арматоры (корсары) имѣютъ преслѣдовать, атаковать, захватывать или истреблять вездѣ, гдѣ только случай къ тому представится; выключая того, если непріятельское судно, укрываясь, успѣетъ стать подъ пушечный выстрѣлъ отъ пристани или берега нейтральной Державы; равнымъ образомъ никакихъ непріятельскихъ дѣйствій не должны они себѣ дозволять въ портахъ или рейдахъ, нейтральнымъ Державамъ принадлежащихъ, доколѣ непріятельскія суда не удалятся отъ оныхъ далѣе пушечнаго выстрѣла». См. Полн. Собр. Зак. за 1787 г. № 16599.

Точно такое же постановленіе содержится въ правилахъ, изложенныхъ въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ отъ 10 сентября 1788 г., данномъ Вице-Адмиралу фонъ-Дезину, — «о дозволеніи частнымъ людямъ вооружить каперы для поисковъ надъ шведскими купеческими кораблями и объ учрежденіи Суда для разбора и рѣшенія о призахъ». См. Полн. Собр. Зак. за 1788 г., № 16708.

**) См. «Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія», заключенный $^{1}/_{13}$ марта 1801 г. между Россіей и Швеціей, ст. XXV: «...... Обѣ договаривающіяся стороны взаимно соглашаются, ежели бы одной изъ нихъ случилось быть въ войнѣ съ какою бы то ни было Державою, не иначе атаковать непріятельскіе корабли, какъ за пушечный выстрѣлъ отъ береговъ своего союзника. Они также взаимно обязываются наблюдать совершеннѣйшій нейтралитетъ въ обоюдныхъ портахъ, пристаняхъ, заливахъ и на прочихъ водахъ, разумѣемыхъ подъ именемъ запертыхъ водъ......» См. Полн. Собр. Зак. за 1801 г., № 19767.

(328) См. американскій законъ отъ 9 мая 1778 г. *Martens*, «Rec.», tom III, стр. 16.

своею артиллеріею,—и потопить или уничтожить виновнаго, если это будетъ нужно, для того чтобы положить конецъ сраженію. Къ тому же, слѣдуетъ хорошенько это замѣтить, что территоріальный государь долженъ быть отвѣтственнымъ за весь вредъ, какой будетъ причиненъ иностранцу на всемъ пространствѣ территоріи, находящейся подъ властію этого государя. На основаніи закона естественнаго, онъ долженъ вознаградить за весь причиненный вредъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы территоріальный государь находился въ невозможности помѣшать причиненію этого вреда. Положительное право не распространяло эту отвѣтственность такъ далеко, но оно требуетъ, чтобы народъ, территоріальныя права котораго были нарушены, употребилъ всѣ усилія и даже присоединился-бы къ той націи, которой принадлежитъ захваченное или атакованное судно,— для того чтобы добиться справедливаго вознагражденія ([329]). Кромѣ того, нейтральный, который терпитъ, что одинъ изъ воюющихъ нарушаетъ правило о территоріальной неприкосновенности, — однимъ уже этимъ фактомъ находится въ необходимости терпѣть такое же оскорбленіе отъ другой стороны, и такимъ образомъ, его собственныя моря могутъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій.

Втеченіе этого періода исторія занесла на свои страницы многочисленные случаи серьезныхъ нарушеній столь справедливаго правила о неприкосновенности нейтральной морской территоріи. Я ограничусь указаніемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1759 г. англійскій флотъ, состоявшій изъ 16 кораблей напалъ на четыре французскіе корабля и преслѣдовалъ до Португальскихъ территоріальныхъ водъ, гдѣ захватилъ два корабля, а остальные два сжегъ. Португальскія батареи присоединили свой огонь къ огню французовъ, но батареи эти были слишкомъ слабы для того, чтобы предупредить или помѣшать такому нарушенію неприкосновенности территоріи. Англія, не только не заявила никакой жа-

---

([329]) См. всѣ трактаты, приведенные въ выноскѣ, помѣщенной въ началѣ этого параграфа.

лобы, но даже вслѣдствіе энергическихъ протестовъ португальскаго министра де-Помбаля, она послала чрезвычайнаго посла въ Лиссабонъ для принесенія извиненій передъ оскорбленнымъ ею португальскимъ правительствомъ. Но она отказалась возвратить взятые ею призы и вознаградить за причиненный вредъ. Франція же считала Португалію отвѣтственною за этотъ вредъ, потому что она отказалась присоединиться къ ней во время войны, и обстоятельство это было одною изъ причинъ тѣхъ непріязненныхъ дѣйствій, которыя вспыхнули между этими двумя націями въ 1762 г. (330).

Во время войны 1778 г., бальи де Сюффренъ считалъ возможнымъ напасть на англійскую эскадру, находившуюся на рейдѣ Порто-Прайя (на островахъ Зеленаго мыса); Португальскіе форта присоединились къ англичанамъ для того, чтобы отразить это нападеніе, столь противное принципамъ международнаго права, и весьма сильно содѣйствовали тому, чтобы парализовать намѣренія французскаго адмирала. Версальскій кабинетъ хотя не высказалъ никакого порицанія Сюффрену,—и поступилъ очень неправильно, но въ тоже время онъ не заявилъ также никакой жалобы Лиссабонскому кабинету. Губернаторъ острова воспользовался принадлежащимъ ему правомъ; онъ сдѣлалъ даже больше того,—онъ выполнилъ свою обязанность. Въ 1807 и послѣдующіе года, англійскіе крейсеры часто оказывались виновными въ этомъ международномъ преступленіи, на территоріальныхъ водахъ Швеціи: всѣ протесты Стокгольмскаго двора оставались тщетными.

Преимущество нейтральной территоріи не ограничивается только тѣмъ, что на территоріи этой воспрещается совершать прямыя или непосредственныя военныя дѣйствія; преимущество это простирается до того, что на нейтральной территоріи не могутъ быть совершаемы военныя дѣйствія косвенныя; такъ, воюющій не долженъ пользоваться территоріальнымъ моремъ дружественнаго народа, а также находящимися

(330) См. *Flassan* «Histoire de la diplomatie française», t. VI.

на этомъ морѣ островами или скалами, для того, чтобы устраивать засады или слѣдить за непріятельскими или нейтральными судами, могущими входить или выходить изъ портовъ нейтральнаго государства. Воюющій не можетъ учреждать крейсерство въ территоріальныхъ водахъ. Трактаты, правда, ничего не говорятъ о такихъ ограниченіяхъ, лежащихъ на воюющемъ, но ограниченія эти содержатся во всѣхъ внутреннихъ законахъ народовъ; онѣ, къ тому же признаны всѣми народами. По этому вопросу, внутренніе законы должны имѣть рѣшающее значеніе потому, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы опредѣлить образъ дѣйствія и поведенія свободныхъ народовъ на морѣ свободномъ или на моряхъ не принадлежащихъ тому государству, которое издаетъ внутренній законъ, но о томъ, чтобы опредѣлить тотъ образъ дѣйствій, которому должны придерживаться всѣ тѣ, даже иностранцы, кто вступаетъ на территорію государства, издающаго законъ, т. е. въ такія мѣста, въ которыхъ государство это пользуется своею полною юридикціею и своимъ неотъемлемымъ правомъ требовать полнаго повиновенія. Многіе писатели включали эту обязанность воюющаго въ число тѣхъ условій, которыя нейтральные выставляютъ военнымъ судамъ для права пользоваться азилемъ или убѣжищемъ въ своихъ портахъ ([331]). Но это есть заблужденіе; право азиля или убѣжища начинается только съ момента входа судна въ портъ или на рейдъ, гдѣ судно это принимается подъ извѣстными условіями.

Обязанность уважать неприкосновенность территоріальнаго моря распространяется на всѣ вообще территоріальныя моря, даже на такія, на которыхъ нѣтъ ни порта, ни рейда, ни гавани; обязанность эта существуетъ даже въ томъ случаѣ, если нейтральный берегъ совершенно пустыненъ. Она примѣняется также къ тѣмъ судамъ, которыя только пересѣкаютъ территоріальное море, не имѣя даже намѣренія остановиться на немъ.

([331]) См. *Galiani*, «Dé dritti et dé overi di popoli», etc. cap. X. § 4, и *Azuni*, «Droit maritime de l'Europe», ch. V, art. 1.

Право азиля или убѣжища не принадлежитъ къ числу такихъ правъ, которыя могутъ быть регламентированы посредствомъ трактатовъ; оно существеннымъ образомъ составляетъ принадлежность внутреннихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, международные договоры могутъ заниматься имъ, и постановленія, которыя они содержатъ, обязательны для договаривающихся. Цѣлью первыхъ трактатовъ, заключенныхъ по этому предмету было, очевидно, обезпечить для военныхъ судовъ мѣсто остановки и снабженія съѣстными припасами; но вскорѣ затѣмъ трактаты перешли за предѣлы, поставленные этою законною цѣлью и большинство актовъ, содержавшихъ въ себѣ постановленія о правѣ азиля, поставили этотъ вопросъ такъ, что постановленія эти сдѣлались невыполнимыми. Вмѣсто того, чтобы установить условія такія, которыя были бы одинаковы для всѣхъ, каждый народъ старался обезпечить для своихъ кораблей, для своихъ корсаровъ и даже для взятыхъ имъ у непріятеля призовъ,—условія гораздо болѣе выгодныя и благопріятныя чѣмъ тѣ, которыя предоставлялись другому воюющему, или даже совершенно заставить исключить этого послѣдняго; или другими словами, примѣненіемъ подобныхъ трактатовъ поставить нейтральныхъ въ необходимость нарушать: или эти самые трактаты, или самую основную обязанность нейтралитета—безпристрастіе. Я уже указалъ на опасность постановленій подобнаго рода, столь распространенныхъ въ теченіе XVII столѣтія. Но ихъ продолжали включать въ акты, заключенные въ два послѣдующія столѣтія и при томъ въ такой степени, что они сдѣлались общими, и что всѣ народы включали ихъ въ договоры, заключенные съ другими. Такая общепринятость дѣлаетъ, можетъ быть, опасность менѣе серьезною, но за то въ сущности она уничтожаетъ самую статью; для народа весьма мало достойно принимать такое условіе, которое онъ признаетъ невыполнимымъ ([332]).

([332]) Я ограничусь указаніемъ на слѣдующіе трактаты: 1778 г., между Франціей и Соединенными Штатами;—1794—1795 гг., между Англіей и Соединенными Штатами, ст. 24 и 25;—24 сентября 1786 г., между Франціей и Англіей, ст. 40;—1793 г., между Франціей и римскими государствами, ст. 4;—19 февраля 1810 г., между Англіей и Португаліей, ст. 8, и пр., и пр.

Новѣйшая исторія представляетъ намъ примѣръ опасности статей о неравномъ обращеніи. Статья 17 трактата 1778 г., заключеннаго между Франціей и Американскими Соединенными Штатами, содержала въ себѣ то постановленіе, которое я порицаю. Въ 1794—95 гг. тѣже самые Соединенные Штаты предоставили то-же право Англіи; эта послѣдняя пріобрѣла даже нѣкоторыя преимущества передъ Франціей. Лишь только трактатъ этотъ былъ заключенъ, какъ французское правительство заявило энергическій протестъ передъ Вашингтонскимъ кабинетомъ, который, впрочемъ, не могъ, или не хотѣлъ удовлетворить его. Обстоятельство это было одною изъ причинъ войны, которая вспыхнула между двумя націями, изъ которыхъ одна, менѣе чѣмъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, обезпечила независимость другой. Болѣе позднѣйшіе американскіе трактаты не содержатъ уже этого постановленія; безъ сомнѣнія, американская республика признала, на сколько подобное постановленіе незаконно, а въ особенности опасно.

Въ нѣкоторыхъ трактатахъ, договаривающіяся стороны постановляютъ, что судно, которому дозволено пользоваться азилемъ, можетъ запасаться всякими жизненными припасами, такелажемъ, снастями; производить всѣ необходимыя исправленія и даже починивать самый корабль. Статья эта, если только она не предоставлена одному изъ воюющихъ исключительно передъ другимъ, — совершенно справедлива. Собственникъ порта, можетъ предоставлять все что ему угодно, лишь бы только онъ не дошелъ до оказанія военной помощи кораблю, принятому въ его государствѣ. — Тѣ международные акты, которые опредѣляли число кораблей, могущихъ быть допущенными одновременно въ портъ убѣжища, были менѣе многочисленны въ теченіе этого періода, чѣмъ въ предшествовавшемъ; однако же нѣсколько такихъ актовъ было подписано ([333]).

Постановленія о правѣ азиля слѣдуетъ искать во внутрен-

([333]) Трактаты, заключенные: 30 іюля 1789 г., между Даніей и Генуэй;—8 октября 1796 г. между Франціей и Неаполемъ;—22 декабря 1798 г., между Россіей и

нихъ законахъ націй. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда дѣло касается фактовъ или такихъ дѣйствій, которыя должны происходить на территоріи и подъ верховною юридикціею другой націи, и когда вопросъ заключается въ регламентированіи того азиля, который эта нація можетъ разрѣшить или отказать, по своему собственному желанію, и которому она имѣетъ право выставить всякія, какія она признаетъ нужными условія, — внутренній законъ этой націи обязателенъ для всѣхъ остальныхъ націй.

Во время войнъ 1744 и 1755 гг. королевство Силиція отказало всякого рода азиль для корсаровъ воюющихъ. Подобная же строгая, но законная политика была принята

Португаліей (*). Трактатъ, заключенный 19 февраля 1810 г. между Великобританіей и Португаліей, допускаетъ въ порта этого послѣдняго государства англійскіе корабли въ опредѣленнномъ числѣ, но за то исключаетъ изъ этого всѣ корабли враговъ Англіи.

(*) См. «Договоръ. заключеный $^{16}/_{27}$ декабря 1798 г. въ С.-Петербургѣ между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и Королевою Португальскою,— о возобновленіи прежняго трактата $^{9}/_{20}$ декабря 1787 г. касательно дружбы, море плаванія и торговли». С. XIV: «всякій разъ, когда Россійскіе или Португальскіе корабли найдутся принужденными отъ бури или для спасенія себя отъ погони какого либо морскаго разбойника, или-же по какой иной причинѣ, входить въ пристани взаимныхъ государствъ, дозволяется имъ въ оныхъ починиваться, запасаться всѣми нужными вещами и свободно въ море отплыть, не платя никакой таможенной ниже другой пошлины, какъ только за освѣщеніе маяковъ и за портовые сборы, разумѣя однако-жъ, что во время пребыванія ихъ въ реченныхъ пристаняхъ изъ вышеозначенныхъ кораблей, никакіе товары выгружены и никакая продажа произведена не будетъ; но если хозяинъ или корабельщикъ какого нибудь изъ помянутыхъ кораблей заблаго разсудилъ-бы продать какой либо товаръ то въ случаѣ такомъ, принужденъ онъ будетъ сообразоваться законамъ, учрежденіямъ и тарифамъ того мѣста, гдѣ онъ находиться будетъ».

Ст. XV: «Военнымъ кораблямъ обѣихъ союзныхъ Державъ, будутъ во взаимныхъ государствахъ свободны и отверсты рейды, рѣки, порты и пристани для входа или выхода и стоянія тамо на якоряхъ, сколько имъ нужно будетъ, не подвергаясь никакому осмотру, только бы они сообразовались общимъ закономъ благочинія и предписаніямъ карантиннымъ, во взаимныхъ государствахъ учрежденнымъ. Въ большія пристани не могутъ входить вмѣстѣ болѣе шести военныхъ кораблей, а въ малыя, болѣе трехъ; развѣ на входъ въ оныя превосходнѣйшаго числа, по требованію, послѣдуетъ дозволеніе. Что же касается до снабженія ихъ нужными припасами, какъ съѣстными и питейными, такъ и другими и до починки, то все оное можно будетъ покупать по настоящимъ цѣнамъ безъ всякаго помѣшательства и препятствія; и съ реченными военными кораблями поступаемо будетъ наравнѣ съ кораблями всѣхъ другихъ націй». См. Полн. Собр. Зак. за 1798 г. № 18779.

Португаліей, во время войнъ французской революціи ([334]). Я говорю здѣсь о томъ азилѣ, какъ я опредѣлилъ его, а не объ убѣжищѣ (refuge), которое допускается въ случаѣ грозящей опасности, т. е. не о томъ убѣжищѣ, которое въ силу человѣколюбія, переходитъ въ обязанность давать его всякому, чья жизнь находится въ опасности ([335]).

Тѣ шесть условій, которыя выставляются азилю, даваемому военнымъ судамъ, и которыя я опредѣлилъ въ предъидущей части, не получили никакого важнаго измѣненія въ теченіе этого періода. Но къ нимъ прибавили еще седьмое условіе, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ потому, что не будучи принято вообще, оно начало уже устанавливаться въ первые годы XVIII столѣтія. Условіе это заключается въ томъ, что на всякое военное судно, допущенное въ нейтральный портъ налагается обязанность не выходить изъ порта раньше извѣстнаго промежутка времени послѣ выхода корабля, принадлежащаго другой воюющей сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ трактатахъ, условіе это выражено очень точно, но число такихъ трактатовъ не велико и всѣ они заключены между христіанскими державами и мусульманскими государствами ([336]). Первыя, какъ будто, меньше имѣли довѣрія къ магометанамъ. Между тѣмъ эти послѣднія націи, которыхъ мы называемъ невѣрными, весьма часто оказываются, болѣе чѣмъ другія, добросовѣстными исполнительницами международныхъ законовъ. Большинство внутреннихъ законовъ, изданныхъ мирными народами, въ особенности въ 1778 и послѣдующихъ годахъ,—предусмотрѣло это столь важное условіе и опредѣлило въ двадцать четыре часа тотъ промежутокъ

([334]) См. Португальскіе декреты отъ 17 сентября 1796 г. *Martens*, t. VII, p. 140 и отъ 3 іюня 1803 г. *Supp.*, t. III, p. 536.

([335]) О томъ различіи, которое существуетъ между убѣжищемъ и азилемъ см. выше, часть IV, гл. 1, отд. 3, § 7.

([336]) См. трактаты, заключенные: 28 іюля 1760 г., между Англіей и Марокко, ст. 22 опредѣляетъ этотъ промежутокъ въ 40 часовъ;—отъ 17 мая 1767 г., между Франціей и Марокко;—отъ 10 сентября 1784 г., между Испаніей и Триполи;—отъ 4 ноября 1796 г., между Соединенными Штатами и Триполи;—отъ 14 іюля 1814 г., между Португаліей и Алжиромъ;—отъ 3 іюля 1815 г., между Соединенными Штатами и Алжиромъ, и пр.

времени, который долженъ пройти между выходами изъ порта двухъ враговъ ([337]). Регламентъ великаго герцога Тосканскаго, 1778 г. болѣе ясно, чѣмъ другіе опредѣлилъ это условіе.

Всякое воюющее военное судно, всякій корсаръ или арматоръ, допущенный въ нейтральный портъ, можетъ свободно выйти изъ него, но если корабль другой воюющей державы находится въ томъ же портѣ, то первый корабль не можетъ сняться съ якоря и уйти въ море раньше чѣмъ по истеченіи двадцати четырехъ часовъ послѣ ухода своего врага изъ этого порта; и еслибы, по состояніи моря или вѣтра, ушедшій корабль находился еще въ виду или на горизонтѣ въ продолженіи означеннаго промежутка времени, то оставшійся въ портѣ корабль долженъ ждать сверхъ двадцати четырехъ часовъ до тѣхъ поръ, пока непріятель его не удалится совершенно. Правило это одинаково примѣняется какъ къ судамъ военнымъ, такъ и къ судамъ вооруженнымъ для войны а также и къ коммерческимъ судамъ, потому что было бы противно международному закону еслибы азиль сдѣлался поводомъ или средствомъ для сраженія или средствомъ для подстереганія и преслѣдованія непріятельскихъ коммерческихъ судовъ. Послѣ того сдѣлалось необходимымъ установить: кому должно принадлежать право выходить первымъ изъ порта азиля. Всеобщій обычай, и даже нѣсколько постановленій предоставляли это право тому судну, которое вошло первымъ въ портъ азиля ([338]). Если такое судно

([337]) См.: 1 августа 1778 г., тосканскій;—19 сентября 1778 г., неаполитанскій;—5 марта 1779 г., папскій эдиктъ;—марта 1779 г., шведскій;—3 мая 1779 г., голландскій;—1 іюля 1779 г., генуэзскій;—9 сентября 1779 г.. венеціанскій; всѣ эти документы находятся собранными въ 3 т. «Recueil» *Martens'a*;—4 мая 1803 г., датскій;—7 августа 1803 г., австрійскій;—9 іюля 1803 г., республики семи острововъ и пр.

([338]) См. австрійскій законъ 1803 г., ст. 3 «....bien entendu que le bâtiment qui le premier a jété l'ancre dans le port conservera la faculté de remettre en mer avant ou aprés l'autre....» (....Само собою разумѣется, что то судно, которое первое бросило якорь въ портѣ,—сохранитъ за собою право отправиться въ море ранѣе или послѣ другаго.... Тосканскій законъ 1778 г., ст. 4....» Quando abbia dato fondo al molo o spiaggia, qualunque bastimento di nazione in guerra, il partir primo o dopo stia nell'arbitrio di quello che fu il primo ad accostarsivi....»

откажется воспользоваться своимъ правомъ первенства, то корабль другой воюющей державы можетъ требовать себѣ права уйти изъ порта раньше его, и въ такомъ случаѣ первое судно должно быть обязано выждать двадцати четырехъ часовой срокъ. Для выполненія всѣхъ этихъ формальностей необходимо, чтобы командиры судовъ сообщили о своихъ намѣреніяхъ касательно выхода портовому начальству, которое съ своей стороны сообщаетъ ихъ другому противнику. Двадцати четырехъ часовой срокъ считается не съ момента заявленія, а съ момента дѣйствительнаго выхода корабля изъ порта. Въ 1759 г. былъ замѣчательный примѣръ примѣненія этого правила. Одинъ французскій отрядъ судовъ вошелъ на Кадикскій рейдъ; въ очень близкомъ разстояніи за этимъ отрядомъ слѣдовала англійская эскадра, гораздо болѣе сильная. Право первенства для выхода изъ порта принадлежало французамъ; непріятельскій адмиралъ хотѣлъ, чтобы двадцати четырехъ часовой срокъ исчислялся съ момента заявленія, сдѣланнаго французскимъ отрядомъ Испанскому правительству о желаніи своемъ оставить портъ; но Испанское правительство отнеслось къ такому притязанію вполнѣ справедливо и задержало англійскую эскадру въ портѣ до полнаго истеченія двадцати четырехъ часовъ, считая срокъ этотъ съ момента дѣйствительнаго выхода французскихъ судовъ ([339]).

Вышеизложенное правило равнымъ образомъ примѣняется къ выходу нейтральныхъ коммерческихъ судовъ. Воюющіе, имѣя право подвергать ихъ осмотру и въ извѣстныхъ случаяхъ захватывать ихъ, должны одинаково выжидать истеченія двадцати четырехъ часоваго срока между уходомъ этихъ судовъ и ихъ собственнымъ. Наконецъ, лишь только какой нибудь корабль показался на горизонтѣ или о приближеніи его получено извѣстіе, то суда военныя или вооруженныя для войны не должны выходить изъ порта, который оказалъ имъ гостепріимство.

Двойная эта обязанность могла бы причинить большія

([393]) Объ этомъ дѣлѣ см. Ortolan, «Diplomatie de la mer», liv. III, ch. 8, tom II, p. 249.

задержки и промедленія для судовъ, которыя добровольно, или вслѣдствіе обстоятельствъ отъ непреодолимой силы происходящихъ, вошли въ нейтральные порта, въ особенности въ порта очень часто посѣщаемые. Для избѣжанія этого серьознаго неудобства, установился обычай: дозволять военнымъ судамъ свободно уходить изъ порта, не выжидая истеченія установленнаго двадцати четырехъ часоваго срока, но съ обязанностію, которую командиры судовъ и эскадръ принимаютъ на себя подъ честнымъ ихъ словомъ,—не нападать и не безпокоить всѣ тѣ встрѣченныя ими суда, къ какой бы націи онѣ ни принадлежали, которыя вышли изъ порта азиля въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, предшествовавшихъ выходу военнаго судна,—а также и всѣ суда, направляющіяся въ портъ, находящіяся на горизонтѣ, или о приближеніи которыхъ послѣдовало извѣщеніе. Обѣщаніе это берется единожды на все продолженіе войны отъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ, эскадръ или флотовъ, и при каждомъ отправленіи—огъ командировъ отдѣльныхъ судовъ ([340]). Что касается корсаровъ, то они могутъ пользоваться подобнымъ правомъ только лишь подъ условіемъ внесенія дѣйствительнаго залога, который могъ бы служить, для удовлетворенія вреда и убытковъ, могущихъ быть причиненными такимъ судамъ, которыя должны пользоваться правомъ азиля. Государь порта есть единственный судья правильности исполненія подобнаго обѣщанія и тѣхъ случаевъ, когда отвѣтственность должна падать на залогъ.

Я нѣсколько разъ упоминалъ о регламентѣ, изданномъ герцогомъ Тосканскимъ 1 августа 1778 г.; актъ этотъ со-

([340]) E perche venendo frequentemente de' bastimenti ai nostri porti ed in spece a quello di Livorno, e partendone con egual frequenza, potrebbe lungamente restare impedito di partire ai bastimenti di nazione in guerra in pregiudizio del commercio, vogliamo che la partenze da' medesimi si permetta anche nei tempi vietati della nostra costituzione, perche i capitani dei bastimenti da guerra sempre chevorano partire, o commandanti delle flotte o squadre una volta per tutto, diana la loro parola d'onore ai governatori di Livorno o di Portoferrajo di non molestare i bastimenti marcati o quelli che fossera alle viste o quelli partiti dentro le 24 orei i qualunquc nazione o bandiera siano...» Тосканскій законъ 1778 г., ст. 5. См. также австрійскій ордонансъ 803 г. и другія постановленія, изданныя нейтральными государсгвами и приведенныя выше.

держитъ, подъ общепризнанными условіями, одно исключеніе, слишкомъ важное, чтобы не быть отмѣченнымъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Ливорно есть порто-франко, регламентъ дозволяетъ военнымъ судамъ воюющихъ, приходящимъ туда искать азиля,—покупать тамъ оружіе и военные припасы ([341]). Ни одно государство никогда не протестовало противъ этого постановленія, которое, между тѣмъ, противно самимъ законамъ о нейтралитетѣ; потому что хотя право покупать оружіе и военные припасы будетъ предоставлено одинаково обѣимъ сторонамъ, но невозможно, чтобы оно имѣло одинаковую степень полезности для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Такъ, во время войны 1778 г., вслѣдствіе которой регламентъ этотъ и былъ изданъ,—то исключеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было гораздо болѣе выгодно для Великобританіи, чѣмъ для Франціи. Отдаленность англійскихъ портовъ дѣлала болѣе цѣнною, для кораблей этой націи, возможность покупать оружіе и военные припасы, чѣмъ это могло бы быть для французовъ, которые находились очень близко отъ своихъ собственныхъ арсеналовъ.

Тотъ-же регламентъ и основанный на немъ ордонансъ, изданный Австріею 7 августа 1803 г., предоставляютъ пользующимся азилемъ судамъ право вербовать матросовъ, лишь-бы только суда эти не забирали людей силою и не вербовали никого изъ подданныхъ территоріальнаго государя ([342]).

([341]) La contrattazione e caricazione di armi, polveri et munizioni da guerra o da bocca sara sempre permessa a chiunque e sopra qualsivoglia bastimento nel porto-franco di Livorno, ove stato e deve esser sempre libero il trafico di simili generi considerati come mercanzia. Ancorche i medisimi potessero servire per rinforzo di bastimenti gia armati in guerra o in corso». Тосканск. реглам., ст 16.

([342]) «Sara lecito a qualunque bastimento di nazione in guerra, di reciforzare il suo equipaggio nei porti del granducato, purche non si tratti di sudditi o abitanti, e non possono prendersi con violenza marinari anche' da altri bastimenti dell'istessa nazione; ma l'augmento e rinforzo sia di persone che vadano volontariamente». Ст. 13 австрійскій ордонансъ изложенъ не въ столь общихъ выраженіяхъ. «.....et dans le cas où les bâtiments appartenant à ces puissances (belligérantes) auraient besoin de quelques hommes pourcompléter leurs équipageet leur est permis de s'en procurer, à condition toutefois qu'ils n'engageronts, un de nos sujets ou habitants du pays, et qu'ils n'enlèveront pas de force laucipage d'un autre bâtiment de la même puissance belligérante, mais que le compément de luer équipage se fera avec des individus qui se seront engagés volontairement»

Трактатъ, заключенный 8 октября 1782 г. между Соединенными Штатами и Голландіей, также допускаетъ это исключеніе, но это есть единственный торжественный актъ, который принялъ эту систему. Подобное разрѣшеніе, присоединенное къ тому, о которомъ я только что сказалъ, противно всѣмъ принципамъ положительнаго права, которое безусловно воспрещаетъ нейтральнымъ народамъ дозволять воюющимъ вооружать свои суда въ нейтральныхъ портахъ, подъ страхомъ быть разсматриваемыми какъ виновными въ принятіи прямаго, и активнаго участія въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Я признаю только одно исключеніе изъ правилъ, воспрещающихъ судамъ воюющаго покупать оружіе и военные припасы и пополнять ихъ экипажи въ портѣ азиля,—и при томъ, такое, которое не признается еще всѣми писателями ([343]). Исключеніе это состоитъ въ слѣдующемъ: корабль воюющаго встрѣчаетъ въ портѣ азиля одно или нѣсколько судовъ своего отечества; я смотрю какъ на дѣйствіе законное со стороны командующаго офицера, если онъ возьметъ на свой корабль людей, оружіе или военные припасы, находящіеся на другихъ корабляхъ, и слѣдовательно пополнитъ свой экипажъ и выйдетъ изъ порта азиля болѣе сильнымъ, лучше вооруженнымъ и болѣе готовымъ къ сраженію, чѣмъ онъ былъ въ моментъ своего прибытія въ этотъ портъ. Основаніе къ такому исключенію заключается въ томъ, что корабли, принадлежащіе одному и тому же воюющему государству, хотя-бы и находились въ въ портѣ нейтральномъ, остаются, за исключеніемъ всего

(...и въ случаѣ если бы суда принадлежащія этимъ державамъ, (воюющимъ) встрѣтили бы надобность имѣть нѣсколько человѣкъ для пополненія своихъ экипажей,—имъ дозволяется взять таковыхъ, но однако съ условіемъ, что онѣ не будутъ брать никого изъ нашихъ подданныхъ или живущихъ въ странѣ, и что онѣ не будутъ вербовать силою экипажъ другого корабля той же воюющей державы, но что пополненіи ихъ экипажа будетъ дѣлаемо такими людьми, которые поступятъ къ намъ добровольно.

([343]) *Kluber*, «Droit des gens moderne de l'Europe, t. II, part. 2, sect. 2, § 285. Онъ основываетъ свое мнѣніе на возможности для воюющаго послать транспортныя суда, нагруженныя оружіемъ, военными припасами и пр.,—въ нейтральные порта, которые такимъ образомъ становятся арсеналами. См. также *Ch. d'Abreu*, «Tratado de las presas maritimas», part. 1, cap. V.

того, что касается ихъ сношеній съ нейтральнымъ берегомъ и живущими на такомъ берегу людьми,—подъ властію и юридикціею офицера, командующаго военнымъ судномъ, и что слѣдовательно, командиръ этотъ имѣетъ право давать имъ приказанія и требовать исполненія этихъ приказаній, не прибѣгая къ содѣйствію мѣстныхъ властей и даже противъ ихъ желанія. Это есть прямое слѣдствіе территоріальности корабля ([344]). Кромѣ этого исключенія самое правило, мнѣ кажется, должно быть безусловнымъ.

Пятое условіе, поставляемое праву азиля, т. е. воспрещеніе продавать приведенные въ нейтральный портъ призы раньше производства суда и разбирательства о законности ихъ,—можетъ возбудить нѣкоторыя затрудненія по отношенію къ вопросу о компетентности; но затрудненія эти не могли-бы быть разсмотрѣны въ этомъ сочиненіи. По моему мнѣнію и въ противность французскому закону ([345]), владѣлецъ порта никогда не долженъ вмѣшиваться въ разбирательство или оцѣнку законности приза, даже если-бы призъ былъ сдѣланъ у его собственныхъ подданныхъ. Изъ этого принципа можетъ быть допущено только одно исключеніе; я уже указалъ на него: это тотъ случай, когда призъ былъ сдѣланъ на пространствѣ территоріальнаго моря, принадлежащаго нейтральному государству,—или съ нарушеніемъ условій, на основаніи которыхъ допускается пользованіе азилемъ. Во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, даже тогда, когда захваченный корабль принадлежалъ бы другому воюющему,—нація, которой принадлежитъ портъ азиля, не только можетъ, но и должна овладѣть такимъ судномъ и возвратить его законному его собственнику.

([344]) См. выше ч. 1 гл. 2 и сочиненіе Hautefeuill'я «Des droits et devoirs des nations neutres», tit. VI, ch. 2, sect. 1, t. 1, p. 360 (2 ed.).

([345]) Ордонансъ 1681 г., liv. III, tit 9. art. 15. говоритъ: «Si dans les prises amenées dans nos ports par des navires de guerre armés sous commission étrangère, il se trouve des marchandises qui sont à nos sujets ou alliés, celles de nos sujets leur seront rendues....,» (Если въ составѣ призовъ, приведенныхъ въ наши порта военными кораблями, вооруженными по иностранному полномочію, будутъ находиться товары, принадлежащіе подданнымъ нашимъ или нашихъ союзниковъ,—то товары нашихъ подданныхъ будутъ имъ возвращены).

Cheryl—
The one variation
we didn't try!
Please re-search,
Jim

Исторія указываетъ намъ на нѣсколько фактовъ, совершенныхъ воюющими съ нарушеніемъ правилъ или условій, на основаніи которыхъ допускается азиль ([346]); но факты эти, приводимые какъ примѣры незаконныхъ дѣйствій ихъ авторовъ не могутъ набросить сомнѣніе на самое существованіе этихъ правилъ. Онѣ находятся въ законахъ всѣхъ народовъ, онѣ признаны и приняты за такія правила, которыя дѣйствительно составляютъ часть положительнаго закона.

§ X. *Обратное отбитіе или репризъ.*

Международное право втеченіе этого періода сдѣлало весьма мало успѣховъ по вопросу о репризахъ, и внутренніе законы подверглись лишь небольшимъ измѣненіямъ. Франція заключила только два трактата по этому предмету. Первый, въ 1781 г., съ Голландіей и второй, въ 1786 г. съ Англіей. Оба эти трактаты приняли французское правило ([347]). Въ тотъ самый моментъ, когда трактатъ 1781 г. только лишь былъ подписанъ и раньше чѣмъ ратификаціи были размѣнены,—французская дивизія, находившаяся подъ командою Lamotte-Piquet сдѣлала значительный репризъ очень большаго числа голландскихъ кораблей, захваченныхъ англичанами въ портѣ Saint Thomas, въ то время когда послѣдніе завладѣли этимъ островомъ. Рѣшеніемъ, состоявшимся 30 мая 1781 г. и утвержденнымъ королевскимъ финансовымъ совѣтомъ, всѣ призы въ полномъ составѣ были присуждены въ пользу обратныхъ взятелей, т. е. военныхъ кораблей на томъ основаніи, что трактатъ не былъ еще обязателенъ для исполненія, такъ какъ онъ не былъ еще ратификованъ въ моментъ обратнаго отбитія голландскихъ кораблей, и что слѣдовательно въ такомъ случаѣ долженъ былъ

([346]) См. именно дѣло о французскомъ фрегатѣ *«La Modeste»*, приведенномъ англійскимъ кораблемъ въ 1794 г. въ Генуэзскій портъ, *Azuni*, tom II, ch. 5, art. 1, а также у *Ortolan*'a другіе примѣры подобныхъ нарушеній.

([347]) См. эти два трактата у *Martens*'a, «Rec.» t. II, p. 127 и 680.

примѣняться законъ общій. Такое рѣшеніе не можетъ выдержать никакой критики.

За исключеніемъ трактата 1786 г., заключеннаго съ Франціей, Англія не заключала никакихъ другихъ конвенцій относительно репризовъ впродолженіе XVIII столѣтія.— 5 февраля 1814 г. она заключила съ Испаніей одинъ, очень замѣчательный трактатъ по этому предмету. Обратно-отбитый корабль долженъ быть возвращенъ своему собственнику, какъ-бы ни было продолжительно то время, втеченіе котораго корабль оставался въ рукахъ непріятеля, и даже если-бы онъ былъ отведенъ *intra* præ sidia; право обратнаго отбитія опредѣлено въ размѣрѣ одной шестой части, если обратнымъ взятелемъ будетъ корсаръ, и въ размѣрѣ одной восьмой—если таковымъ будетъ военный корабль. Система эта должна была примѣняться даже къ такимъ кораблямъ, которые были уже присуждены трибуналами воюющаго государства. Единственный случай, когда возвращеніе приза собственнику не должно было имѣть мѣста, это тогда, если, захваченный корабль былъ вооруженъ для войны и отправленъ въ море первоначальнымъ взятелемъ для корсарства или для веденія прямой войны ([348]).

Въ 1725 г., Австрія и Испанія условились, что обратно отбитыя суда будутъ возвращаемы за извѣстное вознагражденіе, опредѣленное въ размѣрѣ одной пятой части стоимости корабля и его груза, если обратное отбитіе совершилось впродолженіе срока восьми часовъ отъ первоначальнаго захвата приза; въ размѣрѣ одной третьей части—если оно было сдѣлано впродолженіе девяносто шести часовъ, и въ размѣрѣ половины,—когда оно было сдѣлано по прошествіи этого срока. Послѣ трактата 1781 г., Голландія заключила по вопросу о репризахъ, только одинъ трактатъ въ 1782 г. съ Соединенными Штатами; она приняла систему французскую.—Данія заключила по этому предмету только одинъ трактатъ съ Генуэзской республикой; но трактатъ

([348]) Трактатъ этотъ находится у *Murhard'a* продолжателя трудовъ *Martens'a*, «Nouv. supl.», t. II, p. 210; онъ замѣчателенъ тѣмъ, что имѣлъ единственную цѣль—опредѣлить право репризовъ.

подписанный въ 1789 г. между этими двумя націями, есть наиболѣе справедливый изъ всѣхъ, какіе были заключены по этому вопросу; онъ достоенъ служить образцомъ для всѣхъ конвенцій, могущихъ быть заключенными между цивилизованными націями. Трактатъ этотъ требуетъ, чтобы обратно отбитое нейтральное судно было немедленно отпущено на свободу и получило-бы право свободно продолжать свой путь, подъ какимъ-бы предлогомъ оно ни было первоначально захвачено и во всякомъ случаѣ безъ какого-бы то ни было вознагражденія за право обратнаго отбитія (349). Трактатъ указываетъ даже, и превосходно доказываетъ причину такой необыкновенной либеральности, «потому что никакое нейтральное судно,—говоритъ онъ, не можетъ быть разсматриваемо какъ призъ, раньше чѣмъ таковымъ оно будетъ законно признано трибуналомъ адмиралтейства» (350).

Конвенція 1783 г., заключенная между Швеціей и Американскими Соединенными Штатами, не входя ни въ какія подробности, также постановляетъ, что нейтральные корабли, обратно отбитые отъ непріятеля — будутъ возвращены въ полномъ составѣ нейтральному собственнику (351).

Внутренніе законы оставались вездѣ почти тѣ же самые. Во Франціи ордонансъ 1681 г. продолжалъ оставаться въ силѣ по этому предмету до изданія закона отъ 2 преріаля XI года, ограничившагося воспроизведеніемъ тѣхъ-же самыхъ постановленій. Великобританія придерживалась системѣ, провозглашенной ею парламентскимъ актомъ 1692 г., и возобновленной ею въ 1740, 1744 и 1756 гг. Во время войны за независимость ея американскихъ колоній, право это подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ; Англія не смотрѣла на американцевъ какъ на законныхъ враговъ; въ глазахъ ея они были мятежники, которые не имѣли права на обращеніе съ ними такое, какое предоставляется международнымъ

---

(349) Основанія этого трактата находятся помѣщенными, но не развитыми въ трактатѣ 1759 г. См. у *Martens'a*, «Rec»., tom. IV, p, 438.

(350) Ст. 11 трактата 1789 г. заключеннаго между Даніей и Генуэй.

(351) См. *Martens*, «Rec.,» tom III, p. 565, и «Acts of the Congress.,» 2-e ss. 284.

правомъ законнымъ и правильнымъ комбатантамъ. Вслѣдствіе такого мнѣнія, она объявила, что всѣ репризы, могущіе быть сдѣланными у американцевъ—будутъ возвращаемы ихъ національнымъ собственникамъ подъ условіемъ уплаты вознагражденія въ размѣрѣ одной восьмой части въ пользу обратнаго взятеля. Это было ни что иное, какъ то условіе, которое существуетъ относительно репризовъ, дѣлаемыхъ у пиратовъ ([352]); но весьма странно видѣть, что такое новое законодательство примѣнялось къ репризамъ, отбитымъ отъ французовъ, испанцевъ и голландцевъ, когда они приняли участіе въ войнѣ ([353]). Система эта оставалась въ силѣ до заключенія мира въ 1783 г.; послѣ того, Англія возобновила обычаи 1756 г.

Втеченіе этого періода, какъ и въ періоды предшествовавшіе, ни одинъ внутренній законъ специально не упоминалъ объ обратномъ отбитіи нейтральныхъ кораблей; всѣ эти законы говорили исключительно о корабляхъ національныхъ, т. е. своихъ собственныхъ, обратно отбитыхъ отъ непріятеля; на практикѣ-же, законы эти примѣнялись и къ нейтральнымъ кораблямъ, захваченнымъ однимъ изъ воюющихъ и обратно отбитымъ отъ него другимъ воюющимъ. Я уже указалъ на всю несправедливость подобнаго примѣненія.

Весьма большое число писателей занималось вопросомъ о репризахъ; почти всѣ они ограничивались комментированіемъ внутреннихъ законовъ націй, какъ будто-бы законы эти имѣли какое нибудь международное значеніе; они принимаютъ это варварское законодательство и какъ будто одобряютъ его. Однако же многіе требуютъ, что для того, чтобы признать нейтральный корабль репризомъ и имѣть право получить извѣстное вознагражденіе за право обратнаго отбитія,—необходимо чтобы первоначальный захватъ такого корабля былъ законенъ.—Такое ограниченіе возбуждаетъ одно

([352]) См. парламентскіе акты, 16, Georges III, cap. V. stat. 24; *Runnington*, «Laws of the admiralty» t. XII, p. 436 (1776); 17, Georges III, cap. VII (1777).

([353]) См. 19, Georges III, cap. LXVII, stat. 44; *Runnington*, приведен. сочин., tom. III, p. 463.

важное затрудненіе, не указывая на возможное устраненіе его. Кто долженъ быть судьей законности такого захвата Причина той ошибки, въ которую впадаютъ писатели,— есть смѣшеніе, дѣлаемое ими между репризами національными, т. е. кораблями собственными, обратно отбитыми отъ непріятеля, и репризами нейтральными, — смѣшеніе которое встрѣчается въ комментируемыхъ ими внутреннихъ законахъ. — Руководствомъ къ такому комментированію они приняли законъ римскій, на основаніи котораго война есть средство пріобрѣсти собственность; Grotius примѣнялъ его не только къ собственности, принадлежащей воюющимъ, но также и къ собственности нейтральной, по отношенію къ которой законъ этотъ долженъ оставаться чуждымъ ([354]); Bynkershoek ([355]), Vattel ([356]), Puffendorf ([357]) слѣдовали тому же пути и разсматривали захваченный корабль, какъ собственность взятеля съ того момента, какъ корабль этотъ былъ отведенъ въ безопасное мѣсто. Но они не обратили вниманія на то, что принципъ этотъ, вѣрный, когда дѣло идетъ о кораблѣ непріятельскомъ,—перестаетъ быть таковымъ, когда дѣло касается корабля нейтральнаго, подлежащаго только одному задержанію, (а не захвату въ качествѣ приза), часто пристрастному и при томъ такому, который по окончательному судебному рѣшенію всегда можетъ быть признанъ неправильнымъ, а слѣдовательно отмѣненнымъ. Столь существенное различіе это ускользнуло отъ писателей, которыхъ я только что назвалъ, также какъ и отъ многихъ, и именно отъ Valin ([358]).

Единственные только два новѣйшихъ писателя поддерживали истинные, по моему мнѣнію, принципы. Они считаютъ правила, усвоенныя до настоящаго времени внутренними за-

---

([354]) «De jure belli et pacis», lib. III, cap. 5, § 3.

([355]) «Quæst jur. publ.,» lib. I. cap, 4.

([356]) «Droit des gens», tom. II, lib. 3, ch. 9, § 13 и 24.

([357]) *Puffendorf*, liv. IV, ch. 6, § 12.

([358]) «Traité des prises», ch. VI, sect. 1, § 4. См. также въ томъ-же смыслѣ: *Zouchœus*, «De jure feciali», part. 1, sect. 8, quæst. 1; *Loccenius*, «De jure marit.», lib. II, cap. V; *da Luca*, «De credito», disc. 4, № 9.

конами и трактатами, за исключеніемъ только что указанныхъ мною двухъ,—примѣнимыми единственно только къ судамъ, принадлежащимъ воюющимъ, и порицаютъ тѣ націи, которыя хотятъ распространять ихъ и на нейтральныхъ. Martens ([359]) и Massé ([360]) утверждаютъ, что обратно отбитый нейтральный корабль долженъ быть немедленно возвращенъ своему собственнику, безъ требованія какого бы то ни было вознагражденія за право реприза или обратнаго отбитія. Они развиваютъ эту систему до той степени, которая, какъ мнѣ кажется, вполнѣ устанавливаетъ справедливость ихъ мнѣнія и вызываетъ необходимость реформы въ этой части международнаго закона. Мы также высказали и поддерживали это мнѣніе ([361]).

Резюмируя все сказанное мы видимъ, что положительное право, за исключеніемъ нѣсколькихъ трактатовъ, которые отмѣчены мною ([362]), оставалось въ томъ-же видѣ, въ какомъ оно было во время заключенія Утрехтскихъ трактатовъ. Господствующимъ обычаемъ былъ обычай, принятый Франціей, то есть возвращеніе обратно отбитаго корабля его первоначальному собственнику—если обратное отбитіе произошло втеченіе двадцати четырехъ часовъ со времени взятія корабля призомъ,—подъ условіемъ уплаты вознагражденія за право обратнаго отбитія въ размѣрѣ одной третьей части стоимости корабля и его груза,—если обратнымъ взятелемъ былъ корсаръ, и одной тридцатой части,—если таковымъ былъ военный корабль; полное присужденіе реприза въ пользу корсара, если репризъ оставался въ рукахъ непріятеля болѣе двадцати четырехъ часовъ; или уплата пошлины въ размѣрѣ одной десятой, если обратнымъ взятелемъ былъ

([359]) «Essai sur les armateurs», etc.. chap. III, sect. 1, § 40 à 55.

([360]) «Droit commercial» etc., liv. II, tit. 1, ch. 2 sect. 3, § 6, № 420.

([361]) «Des droits et des devoirs des nations neutres», etc., tit XIII, ch. 3, sect. 1, t. III, (2e-e édit.).

([362]) См. вышеприведенные трактаты: 1783 г., между Соединенными Штатами и Швеціей, и 1789 между Даніей и Генуэй; См. также трактаты, заключенные: въ 1814 г. между Англіей и Испаніей и въ 1785 г.—между Прусіей и Соединенными Штатами.

военный корабль. Остальные обычаи были менѣе строги, но всѣ они требовали уплаты очень высокаго вознагражденія за право обратнаго отбитія.—Такое рѣшеніе противно естественному праву; оно создаетъ, по отношенію къ нейтральнымъ, весьма серьезную несправедливость.

Относительно репризовъ, отнимаемыхъ отъ пиратовъ, положительное право и внутренніе законы, гораздо болѣе справедливые, не подверглись никакому измѣненію. Суда, обратно отбитыя отъ пиратовъ должны были быть возвращаемы ихъ собственникамъ, если таковые заявили о возвращеніи своихъ судовъ втеченіе годичнаго срока и могли доказать свои права на эти суда. По прошествіи годичнаго срока, такія суда предоставлялись въ пользу обратнаго взятеля. Очень большое число новѣйшихъ трактатовъ приняло у себя это постановленіе и распространило его даже на товары и грузы, захваченные пиратами и какимъ бы то ни было образомъ доставленные на территорію одной изъ договаривавшихся націй ([363]). Весьма странно видѣть, что народы занимаются репризами, дѣлаемыми у пиратовъ, т. е. такимъ фактомъ, который встрѣчается довольно рѣдко и слѣдовательно представляетъ весьма небольшую важность,—въ то время какъ тѣ-же самые народы оставляютъ въ полномъ пренебреженіи вопросы о репризахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. такіе вопросы, которые столь часто повторяются во время войны.

Втеченіе этого періода не было введено ничего новаго относительно судьбы кораблей, взятыхъ непріятелемъ и покинутыхъ имъ, и затѣмъ найденныхъ и приведенныхъ въ портъ судами другаго воюющаго. На основаніи внутреннихъ законовъ, съ такими судами поступаютъ также, какъ и съ судами, потерпѣвшими крушеніе.

([363]) См. именно трактаты, заключенные европейскими державами и Соединенными Штатами съ новыми американскими государствами. Почти всѣ они содержатъ одну спеціальную статью, относящуюся къ такому возвращенію.

*

§ XI. *Ангарія и Эмбарго.*

Число трактатовъ, которые втеченіе этого періода отмѣнили ангарію такъ значительно, что можно сказать не боясь ошибиться, что международное законодательство совершенно и вполнѣ высказалось противъ этого мнимаго права, присвоимаго себѣ воюющими. Такимъ образомъ, юридически, право ангаріи,—если только такое право когда нибудь законно существовало, что я всегда отрицалъ, перестало быть признаваемымъ; положительный законъ, согласно съ разумомъ и справедливостью, совершенно отмѣнилъ его. Трактаты эти, доходящіе, по словамъ Cussy, болѣе чѣмъ до семидесяти, не могутъ быть, конечно, перечислены здѣсь, (364) и

(364) См. между прочими, трактаты:—1725 г., между Австріей и Испаніей;—1742 г, между Франціей и Даніей;—1748 г., между Голандіей и Сициліей,—1785 г., между Соединенными Штатами и Пруссіей;—1787 г., между Франціей и Голандіей;—1787 г., между Россіей и Франціей (*);—1795 г., между Соеди-

(*) См. трактать, заключенный 31 декабря 1786 г. между Россіей и Франціей, «о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи», ст, XXI: «никакой военной корабль одной изъ договаривающихся Державъ, ниже кто либо изъ экипажа онаго, не можетъ быть задержанъ въ портахъ другой Державы; начальники-же сихъ кораблей должны рачительно воздерживаться, чтобъ не давать никакого убѣжища на своихъ корабляхъ дезертерамъ, контрабандщикамъ и другимъ какимъ бы то ни было бѣглецамъ, преступникамъ или злодѣямъ, и не дѣлать ни малѣйшаго затрудненія въ выдачѣ оныхъ по требованію правительства».

Ст. XXII: «никакое купеческое судно взаимныхъ подданныхъ и никто изъ его экипажа не можетъ быть задержанъ, ни товары захвачены въ портахъ другой Державы, выключая случай судебнаго задержанія, или захвата, по долгамъ ли личнымъ, нажитымъ въ той землѣ хозяевами ли судна, или груза онаго, или за принятіе на корабль заповѣдныхъ по таможеннымъ тарифамъ товаровъ или за утайку вещей, кои на ономъ будутъ спрятаны банкрутами или другими должниками во вредъ ихъ законныхъ заимодавцевъ, или за умыслъ ихъ способствовать въ побѣгѣ или укрывательствѣ какому либо дезертеру сухопутныхъ или морскихъ силъ, контрабандщикамъ или кому другому, неимѣющему законнаго паспорта; ибо таковые бѣглецы должны быть выданы правительству, равно какъ и преступники, кои могли бы скрыться на такомъ суднѣ; но правительство во взаимныхъ областяхъ будетъ имѣть особенное вниманіе, чтобъ помянутые корабли не были задерживаемы болѣе надлежащаго. Во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, равно и въ личныхъ преступленіяхъ каждый будетъ подверженъ наказаніямъ по законамъ, установленнымъ въ той землѣ, гдѣ пристанетъ судно и служители оного, и судимъ по обрядамъ того мѣста, гдѣ преступленіе учинено».

съ тѣхъ поръ, какъ націи начали заключать между собою конвенціи и договоры, не существовало ни одного трактата, который-бы, я не скажу признавалъ, но даже просто упоминалъ-бы объ этомъ мнимомъ правѣ ангаріи.—Законодательство это столь полно, что я могъ бы считать са-

---

ненными Штатами и Испаніей;—1801 г., между Россіей и Швеціей (**);—1827 г., между Соединенными Штатами и Швеціей;—1831 г., между Пруссіей и Мексикой;—1840 г., между Англіей и Боливіей;—1846 г., между Даніей и Греціей, и пр. и пр.

Ст. XXIII: «суда одной изъ высокихъ договаривающихся Державъ не могутъ ни подъ какимъ предлогомъ быть принуждаемы въ военное время служить во флотахъ или эскадрахъ другой, ниже взяты быть подъ какой либо перевозъ».

Ст. XXIV: «а дабы наиболѣе воспоспѣшествовать торговлѣ между обоими народами, соглашено, чтобъ въ случаѣ когда воспослѣдуетъ война между высокими договаривающимися сторонами (отъ чего Боже сохрани), дать, послѣ объявленія войны, съ обѣихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ годовый срокъ торгующимъ взаимнымъ подданнымъ, для собранія, перевоза или продажи ихъ пожитковъ или товаровъ, и на проѣздъ ихъ куда они за благо разсудятъ; а если у нихъ будетъ что нибудь отнято, или описано подъ предлогомъ войны съ ихъ Государемъ, или если имъ въ теченіе онаго года будетъ сдѣлана какая нибудь обида во владѣніяхъ непріятельской Державы: въ таковомъ случаѣ, сдѣлано имъ будетъ полное и совершенное удовольствіе. Сіе равно разумѣется и о находящихся въ службѣ непріятельской державы взаимныхъ подданныхъ, изъ коихъ тѣмъ и другимъ позволяется выѣхать, коль скоро они заплатятъ свои долги, и предъ отъѣздомъ своимъ располагаютъ по волѣ и удобству тѣми пожитками, коихъ они не могли-бы распродать, равно какъ и имѣющимися ихъ на другихъ долгами, по коимъ должники обязаны будутъ удовлетворить точно такъ, какъ-бы разрыва не было». См. Полн. Собр. Зак. за 1786 г. № 16489.

(**) См. «Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный $^1/_{13}$ марта 1801 года между Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ Шведскимъ».

Ст. XXXII: «корабли, люди и вещи воюющей стороны, находящіеся въ портахъ или во владѣніяхъ нейтральной стороны, ограждаемы будутъ покровительствомъ и безопасностію также, какъ и природные той земли жители. Равнымъ образомъ корабли, люди и вещи нейтральной стороны пользоваться будутъ во владѣніяхъ другой стороны, во время войны, тою-же свободою и безопасностію, какъ и въ мирное время, и на корабли ихъ нельзя будетъ наложить запрещенія, ни противъ воли принуждать ихъ къ перевозкамъ, ниже къ иному военному наряду; а экипажей и пассажировъ отнюдь не записывать и не забирать ни въ какую службу, исключая однако-же тотъ случай, когда съ одной и съ другой стороны приняты будутъ всеобщія мѣры, въ разсужденіи наложенія на всѣ безъ изъятія купеческія суда запрещенія; но и въ семъ случаѣ таковое запрещеніе не будетъ относиться ни до экипажа, ни до груза, принадлежащаго подданнымъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ».

мое слово «ангарія» вычеркнутымъ изъ международнаго лексикона, и о правѣ этомъ я могъ-бы говорить только какъ о варварскомъ обычаѣ, уже давно отмѣненномъ,—еслибы заключаемыя между государствами конвенціи всегда вѣрно и строго исполнялись. Но къ сожалѣнію это не такъ. Ангарія, созданная въ нарушеніе естественнаго закона, продолжаетъ существовать, не смотря на положительный законъ; юридически осужденная, она продолжаеть существовать фактически, и надо сказать, что среди писателей она нашла многочисленныхъ и горячихъ себѣ защитниковъ ([365]).

Новѣйшій писатель, который болѣе другихъ развилъ свое мнѣніе есть Azuni; онъ, впрочемъ, согласовался съ идеями тѣхъ писателей, которые предшествовали ему. Въ глазахъ своихъ защитниковъ, ангарія законна потому, что она составляетъ право регальное или государственное ([366]), потому что владѣлецъ порта находится въ необходимости поступить

Ст. XXXIV «Для наилучшаго-же споспѣшествованія торговли обоихъ народовъ соглашено, чтобъ въ случаѣ войны, могущей послѣдовать между двумя договаривающимися сторонами, (отъ чего Боже сохрани), дать съ обѣихъ сторонъ по объявленіи оной, годовой срокъ торгующимъ взаимнымъ подданнымъ для собранія, вывоза или продажи ихъ пожитковъ и товаровъ, и не препятствовать имъ въ проѣздахъ для таковаго оборота, куда они заблагоразсудятъ. А если что либо будетъ у нихъ взято или конфисковано подъ предлогомъ войны противу ихъ Государя, или если имъ въ продолженіе того года учинена будетъ какая либо обида въ областяхъ непріятельской Державы, въ такомъ случаѣ сдѣлано имъ быть имѣетъ полное и совершенное удовлетвореніе; сіе же разумѣется равномѣрно и о находящихся въ службѣ непріятельской Державы взаимныхъ подданныхъ, изъ коихъ тѣмъ и другимъ позволяется выѣхать, коль скоро заплатятъ они свои долги, и предъ отъѣздомъ своимъ располагать по волѣ и удобности тѣми пожитками, коихъ они не могли бы распродать, равно какъ и своими на другихъ долговыми претензіями, по коимъ должники обязаны будутъ удовлетворить ихъ точно такъ, какъ бы разрыва не было». Полн. Собр. Зак. за 1801 г. № 19767. *Примѣч. Перевод.*

([365]) *Vinnius* ad Pekium, «Des navib. non excus».; *Stypmannus*, «Ad jus. marit, ansea», part. 5, cap. 1. n°23; *Loccenius*, «De jure marit.», cap. V, § 3; *Azuni*, «Droit maritime de l'Europe», t. 1, ch. 3, art. 5. *Feudor*, «Quæ sunt regaliæ»; *Cussy*, «Phases et causes célèbres», t. 1, liv. 1, tit. II, § 49.

([366]) «Elles sont au nombre des prérogatives de la puissance suprême... Ce droit d'angarie est un droit régalien dont jouissent les puissances suprêmes, dans les cas de nécessité et d'utilité publique....» (Онѣ—въ числѣ прерогативъ верховной власти... Это право ангаріи есть право регальное, которымъ пользуются верховныя власти въ случаяхъ необходимости и общественной пользы...») *Azuni*, loc. cit.

такъ для своей собственной защиты, потому что онъ уплачиваетъ за тѣ услуги, которыя онъ насильно заставляетъ оказывать себѣ([367]). Наконецъ самый сильный аргументъ, приводимый этими авторами состоитъ въ слѣдующемъ: законное существованіе ангаріи доказывается самими трактатами, потому что тѣ націи, которыя хотѣли избавиться отъ ангаріи, должны были, для достиженія этого, включать въ трактаты спеціальныя постановленія.

Мнѣ кажется невозможнымъ разсматривать ангарію какъ право регальное, потому что права этой категоріи могутъ быть установлены только относительно людей и относительно вещей, находящихся подъ скипетромъ того государя, который пользуется такими правами. Такимъ образомъ несомнѣнно, и я считаю это доказаннымъ, что ни иностранной корабль, ни люди на такомъ кораблѣ находящіеся,—не состоятъ въ подданствѣ и не подчинены мѣстному государю того порта, въ которомъ они временно находятся въ данную минуту. Къ тому же, если бы подобное право въ дѣйствительности существовало, то какіе нибудь слѣды его должны бы были находиться въ международныхъ или внутреннихъ законахъ; объемъ и пространство этого права, его предѣлы, способъ пользованія и т. п. все это было бы опредѣлено; но ничего подобнаго не существуетъ. Безъ сомнѣнія, праву этому придаютъ тѣ предѣлы, которые вызываются необходимостію, испытываемою каждый разъ воюющимъ, или даже которые обусловливаются пользою, извлекаемою изъ этого права ([368]). Но вѣдь единственнымъ судьей этихъ предѣловъ

([367]) «.... Cum hac tamen lege ut sui laboris et officii digna capiant prae-mia emolumentaque....» *Stypmannus*, loc. cit. *Masse*, котораго я не считаю въ числѣ защитниковъ права ангаріи, потому что онъ ограничивается однимъ только констатированіемъ факта, не оправдывая его, или даже порицая его, говоритъ: «замѣтимъ впрочемъ, что услуги, налагаемыя на корабли, постигнутые правомъ ангаріи,—не даровыя, и что суда должны получить вознагражденіе за ту насильственную службу, которую они оказали». «Droit commercial», etc., tom. I, liv. 2, cit. 1, chap. 2, sect. 7, § 5.

([368]) «....За всѣмъ тѣмъ она не уничтожаетъ свободу торговли и мореплаванія, потому что ангарія есть ничто иное какъ мѣра временная, которая имѣетъ примѣненіе только тогда, когда необходимость или общественная польза того требуетъ....» *Azuni*, ubi suprà.

необходимости и общественной пользы является самъ воюющій, т. е. другими словами, судьи такого нѣтъ. Къ тому же, я надѣюсь что я вполнѣ доказалъ, что права необходимости не существуетъ; что право это есть изобрѣтеніе зависти и самолюбія тѣхъ націй, которыя имѣютъ въ своихъ рукахъ оружіе.

Что касается вознагражденія, о которомъ говоритъ Stypmannus, то оно не можетъ сдѣлать законнымъ такое дѣйствіе, которое незаконно само по себѣ; оно не можетъ замѣнять собою того, чего не существуетъ, т. е. взаимнаго согласія заинтересованныхъ сторонъ. Къ тому же, самый фактъ необходимости уплачивать вознагражденіе — противорѣчитъ съ первоначальною идеею пользованія этимъ правомъ. Въ дѣйствительности, если ангарія есть право, то субъектъ, которому такое право принадлежитъ не долженъ быть обязанъ платить вознагражденіе за пользованіе такимъ правомъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о правѣ международномъ, которое, какъ всѣ права подобнаго рода, должно быть, если оно существуетъ, абсолютнымъ, а не о правѣ гражданскомъ, которое будучи создано закономъ внутреннимъ, можетъ быть измѣняемо тѣмъ законодателемъ, который издалъ его. Обязанность уплачивать вознагражденіе за пользованіе правомъ ангаріи исключаетъ собою всякую идею о томъ, что право это есть регальное. И въ чемъ заключается это мнимое вознагражденіе? Иностранный корабль—подъ охраною трактатовъ, вошелъ въ портъ для того, чтобы заниматься тамъ торговлею; государь этого порта его захватываетъ, заставляетъ выгрузить на берегъ его товары и грузы, заставляетъ его прервать и измѣнить направленіе его торговаго путешествія, его контракты и договоры торговые, страховые и др., и наконецъ заставляетъ его нести военную службу, которая подставляетъ его подъ всѣ опасности войны. Если корабль этотъ будетъ взятъ въ плѣнъ противникомъ, на него будутъ смотрѣть какъ на врага и онъ будетъ конфискованъ; если онъ потерпитъ крушеніе,—онъ не будетъ имѣть права ни на какое вознагражденіе; люди его экипажа должны будутъ подчиняться военному закону иностраннаго народа и должны бу-

дутъ подлежать всѣмъ наказаніямъ, самымъ строгимъ, даже смертной казни, если они нарушатъ кодексъ, котораго они не знаютъ; и за всѣ такія жертвы, за всѣ эти опасности, какое-же будетъ вознагражденіе? Фрахтъ или плата за перевозъ тѣхъ вещей, которыя заставятъ его перевозить; фрахтъ, назначенный самимъ государемъ, который будетъ пользоваться этимъ мнимымъ правомъ ангаріи. Такое вознагражденіе, поэтому, является въ дѣйствительности призрачнымъ. Наконецъ тотъ, который находится въ необходимости прибѣгать къ подобному средству, можетъ также находиться въ необходимости совсѣмъ не платить никакого вознагражденія, что очень часто и случается.

Что касается пресловутаго аргумента, извлекаемаго изъ трактатовъ, то при помощи именно этого аргумента Jenkinson взялся оправдывать всѣ притязанія Великобританіи. Если бы допустить такой аргументъ, то изъ этого вытекало-бы, что всѣ постановленія положительнаго права были бы противны закону естественному, что свобода торговли и мореплаванія и всѣ права народовъ, на основаніи которыхъ совершаются человѣческія сношенія — суть исключенія изъ правилъ, совершенно противоположныхъ и предсуществующихъ. Нелѣпость такого разсужденія слишкомъ очевидна, чтобы была надобность опровергать его.

Писатели, о которыхъ я только что сказалъ, распространили право ангаріи даже на мирное время: когда дѣло касается вступленія во владѣніе, или уступленною территоріею, или вновь открытымъ островомъ, или выполненія выгодной экспедиціи; однимъ словомъ, когда того требуетъ общественная польза. Это уже не есть болѣе право необходимости; это есть право новое, право полезности (369).

---

(369) «.... Надо, впрочемъ, отличать ангарію, употребляемую вслѣдствіе войны, отъ той ангаріи, которая употребляется для перевозки товаровъ въ случаѣ какого либо открытія или завладѣнія какимъ нибудь мѣстомъ или островомъ въ новомъ свѣтѣ, или для другихъ подвозовъ подобнаго рода....» *Azuni* loc. *cit.* § 7. Въ этихъ случаяхъ авторъ выражаетъ желаніе, чтобы государь былъ отвѣтственъ за всѣ аваріи и кораблекрушенія.

Положительный международный законъ никогда не признавалъ существованіе права ангаріи; всѣ акты, заключенные между народами осуждаютъ его; даже не существуетъ ни одного внутренняго закона, который говорилъ бы объ этомъ правѣ; право это, по этому, не существуетъ. Война 1856 г. показала, какъ абсурдна эта мнимая необходимость ангаріи. Двѣ могущественныя націи, за тысячи верстъ отъ своей территоріи сражались съ народомъ столь-же могущественнымъ; надобно было перевозить многочисленныя арміи, продовольствовать ихъ въ чужой странѣ, перевозить жизненные припасы, военные припасы и всякаго рода матеріалы, необходимые для войны въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, и между тѣмъ ни Франція, ни Англія не прибѣгали къ ангаріи. Фактъ этотъ доказываетъ, что *необходимость* есть одно только названіе, предназначенное для того, чтобы маскировать желаніе воюющихъ раззорять нейтральныхъ.

Право *эмбарго*, втеченіе этого періода было примѣняемо гораздо чаще, чѣмъ когда бы то ни было; оно породило даже мѣры самой высшей несправедливости, и нарушеніе всѣхъ главнѣйшихъ законовъ, естественныхъ и положительныхъ. Какъ я уже сказалъ, въ большинствѣ трактатовъ, заключенныхъ послѣ Утрехтскаго мира, договаривавшіяся державы включали одно специальное постановленіе, на основаніи котораго, въ случаѣ разрыва мира, онѣ обезпечивали своимъ взаимнымъ подданнымъ, которые могли бы находиться на территоріи, сдѣлавшейся непріятельскою, опредѣленный срокъ для того, чтобы свободно уѣхать и увезти свои имущества или вещи (*).

Эмбарго служило къ тому, чтобы обходить или скорѣе нарушать это мудрое и гуманное постановленіе. Много разъ случалось, что націи, находившіяся еще въ мирномъ состояніи, но наканунѣ объявленія войны, налагали эмбарго на

(*) См. выша. стр. 452, вын. 364, ст. XIV трактата, заключеннаго 31 декабря 1786 г. между Россіей и Франціей, и ст. XXXIV договора, заключеннаго 1 марта 1801 г. между Россіей и Швеціей.—Въ трактатахъ этихъ, срокъ для выѣзда назначенъ годичный. *Примѣч. Перев.*

корабли, принадлежащіе подданнымъ ихъ будущаго врага и находившіеся въ ихъ портахъ, и какъ только война начиналась, корабли эти, арестованные заблаговременно, приговаривались въ качествѣ добрыхъ призовъ. Подобное нарушеніе всѣхъ принциповъ должно быть отмѣчено всеобщимъ негодованіемъ.

Существуетъ еще другая мѣра такого-же рода, которая опредѣлена весьма дурно для того, чтобы могла примѣняться ко всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ: это—*arrêt de prince* или *par ordre de puissance. Massé* опредѣляетъ ее такъ: «мѣра безопасности, которая, не считая случая войны, препятствуетъ отправленію корабля или задерживаетъ его въ морѣ для того, чтобы остановить его плаваніе». Первая часть этого опредѣленія есть по моему мнѣнію опредѣленія эмбарго, налагаемаго въ мирное время. Что-же касается второй части, то самый фактъ остановки иностраннаго корабля, въ мирное время, въ открытомъ морѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ—всегда будетъ составлять посягательство на свободу морей и на независимость той націи, которой принадлежитъ корабль. Такой фактъ всегда будетъ составлять справедливый поводъ къ войнѣ.

ГЛАВА II.

Внутренніе торговые законы; торговля и мореплаваніе; цивилизація; писатели.

ОТДѢЛЪ 1.

Внутренніе торговые законы.

Втеченіе XVIII столѣтія мы не можемъ указать на большія измѣненія во внутреннемъ торговомъ законодательствѣ народовъ, или покрайней мѣрѣ на такія, которыя могли бы найти себѣ мѣсто въ настоящемъ трудѣ. Націи поняли то различіе, которое существуетъ между постановленіями законодательными, касающимися ихъ торговли и мореплаванія, и тѣми постановленіями, которыми должны опредѣляться ихъ отношенія къ иностраннымъ народамъ; эти два порядка идей, столь часто смѣшиваемые,—все болѣе и болѣе раздѣлялись, и это самое раздѣленіе сдѣлало большой успѣхъ. Тѣ измѣненія, которыя были приняты,—главнѣйшимъ образомъ заключались въ усовершенствованіяхъ существовавшихъ законодательствъ; всѣ онѣ отличаются общимъ стремленіемъ приблизиться къ постановленіямъ французскаго закона, и именно ордонанса 1681 г. Одинъ фактъ можетъ показаться удивительнымъ: ни одна нація не подумала, втеченіе этого столѣтія, усвоить себѣ другой французскій законъ, именно морскую инструкцію, такъ прекрасно опредѣленную ордонансомъ 1689 г. Въ 1793 г. Франція издала одинъ законъ, касающійся мореплаванія, который ясно опредѣлилъ условія морскихъ судовъ, права и преимущества, присвоенныя національному мореплаванію. Законъ этотъ въ большей части

своихъ постановленій оставался въ силѣ и былъ отмѣненъ только лишь въ 1863 году.

Во Франціи, ордонансъ 1681 года оставался торговымъ закономъ до начала XIX столѣтія. Въ 1810 г. былъ изданъ торговый кодексъ. Законъ этотъ, наиболѣе полный изъ всѣхъ, какіе существовали до того времени,—обнимаетъ собою не только торговлю морскую, но также торговлю сухопутную, и опредѣляетъ всѣ торговыя сношенія; но онъ не содержитъ никакого постановленія международнаго. Большинство европейскихъ народовъ, или подражало этому закону, или скопировало его. Въ 1825 году появился одинъ законъ, предназначенный обезпечить безопасность мореплаванія; это—законъ, направленный противъ пиратства и злоупотребленія патроновъ. Будучи обсужденъ во время очень серьезныхъ политическихъ заботъ, законъ этотъ очень далекъ отъ того, чтобы выполнить ту цѣль, которою задавался законодатель; въ этомъ законѣ не достаетъ точности и ясности. Во Франціи, законы, относящіеся къ консульскимъ учрежденіямъ получили въ періодъ времени съ 1833 по 1836 г. очень значительныя улучшенія; законы эти,—самые полные во всемъ мірѣ. Я говорилъ о нихъ, когда занимался этими учрежденіями.

Великобританія всегда сохраняла свое старинное торговое законодательство, или вѣрнѣе она продолжала не имѣть никакого, потому что можно сказать вмѣстѣ съ Cussy, что у нее нѣтъ морскаго кодекса ([370]). Адмиралтейство основываетъ свои рѣшенія по очередно, на законахъ родосскихъ, на Rôoles d'Oleron, на Consulat de la mer и на законѣ 1302 г., называемомъ *lex mercatoria*; но его главнѣйшее руководство есть собраніе прежнихъ рѣшеній или прецедентовъ. Законодательство это никогда не было оффиціально собрано для того, чтобы образовать одинъ сводъ законовъ или кодексъ. Между тѣмъ ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не ведетъ торговлю болѣе выгодную, какъ народъ англійскій; ни одинъ торго-

([370]) *Cussy*, «Phases et causes célèbres du droit maritime des nations, liv. 1 tit. 1, § 6.

вый флотъ не считается столь могущественнымъ, какъ флотъ англійскій. Геній націи легко замѣняетъ тѣ недостатки, которые могутъ встрѣчаться въ ея писанныхъ законахъ, и парламентъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ въ 1749 г. отвергнувъ проэктъ закона, который ему былъ представленъ. Такъ какъ существующіе законы вполнѣ достаточны для самой цвѣтущей въ мірѣ торговли, то всѣ измѣненія могли быть только опасны.

Но если Англія сохранила большинство изъ своихъ внутреннихъ торговыхъ и морскихъ законовъ, то она увидѣла себя въ необходимости измѣнить важнѣйшій изъ всѣхъ такихъ законовъ, а именно, ея актъ о мореплаваніи. Въ концѣ войнъ съ Франціей, въ 1815 г., Англія пользовалась съ такимъ искуствомъ тѣмъ, что она называетъ своимъ морскимъ правомъ; она конфисковала столь большое число нейтральныхъ кораблей, виновныхъ въ нарушеніи не существовавшихъ блокадъ, въ перевозкѣ не запрещенныхъ товаровъ, и даже въ невзятіи англійскаго паспорта для плаванія въ океанѣ; она бомбардировала и сожгла Копенгагенъ и совершила такъ много всякихъ другихъ злоупотребленій,— что во всемъ мірѣ не осталось болѣе другихъ торговыхъ флотовъ, кромѣ флота англійскаго. Англія, слѣдовательно, стала полною хозяйкою всей всемірной торговли; это и было тою цѣлью, которую она преслѣдовала очень давно. Но вовремя долгаго мира, которымъ Европа могла наконецъ пользоваться,—промышленность развилась во всѣхъ европейскихъ государствахъ, флоты мало по мало увеличились и Великобританія увидѣла себя въ опасности утратить плоды всѣхъ ея продолжительныхъ и настойчивыхъ усилій. Для того, чтобы отвратить эту опасность, она не поколебалась пригласить всѣ народы міра къ одной, насколько смѣлой, настолько же и искусной реформѣ, а именно къ провозглашенію безусловной торговой свободы. Но столь-же политичная въ этомъ обстоятельствѣ, какъ и тогда, когда она хотѣла раззорить колоніи своихъ соперниковъ въ Америкѣ, Англія прикрылась тогой человѣколюбія; она стала провозглашать братство, которое должно соединять всѣхъ людей, начала

говорить о развитіи просвѣщенія и благосостоянія классовъ бѣдныхъ. Прикрываясь такою тогою, она провозгласила то, что она громко называла *торговою свободою,* сдѣлала въ своей таможенной системѣ всѣ тѣ измѣненія, которыя могли способствовать ея процвѣтанію, но ни мало не трогая тѣ статьи, которыя могли повредить ея доходамъ.—Она дошла даже до того, что отмѣнила свой актъ о мореплаваніи ([371]); правда, она считала, что ей нечего бояться; она думала, что ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ представлять конкуренціи ея торговому флоту. Пресловутый свободный обмѣнъ былъ ничто иное какъ приманка; отмѣна или уменьшеніе пошлинъ распространялось въ дѣйствительности только: на предметы, составлявшіе первую необходимость для ея фабрикъ, дабы поставить ихъ въ возможность работать за болѣе дешевую цѣну; на жизненные припасы, необходимые для ея рабочихъ, дабы не быть принужденною увеличивать ихъ заработную плату, и на нѣкоторые предметы такіе, въ производствѣ которыхъ она не имѣла соперниковъ.

Мѣра эта принадлежала къ числу самыхъ искуснѣйшихъ; еслибы всѣ другіе народы дали себя увлечь этими, столь увлекательными словами, какъ того надѣялся Робертъ Пиль, въ такое столѣтіе, когда слова имѣютъ такое сильное могущество, то Англія, эта громадная фабрика всей вселенной,— еще разъ, и на этотъ разъ среди полнаго мира, завладѣла бы монополіей всего свѣта. Къ счастію, этого не случилось тотчасъ; безъ сомнѣнія, нѣкоторыя державы ([372]) согласились на установленіе взаимности касательно англійской мѣры; но эта взаимность была заключена въ такія рамки, на которыя никакъ не расчитывали создатели пресловутой свободы.

Вопросъ о *свободномъ обмѣнѣ*, таково было названіе, данное предложенной Англіею системѣ, породилъ весьма горячую полемику между ея сторонниками и противниками, которымъ

([371]) Отмѣна эта послѣдовала въ 1849 г.

([372]) Соединенные Штаты, Австрія, Пруссія, Швеція, Бразилія и Данія подъ различными, весьма существенными ограниченіями, согласились на предложенія Англіи.

дали также названіе, можетъ быть ироническое—*протекціонистовъ*. Громкія слова, пущенныя Англіею для прикрытія системы, новизна системы, однимъ словомъ мода, имѣли очень большую часть въ энтузіазмѣ той минуты.

Таможенные законы, издаваемые для того, чтобы покровительствовать національной промышленности, хороши только на извѣстное, и при томъ, часто, весьма короткое время; продолжительность ихъ дѣйствія должна быть всегда подчинена или обусловлена различными обстоятельствами, часто непредвиденными. Хорошій тарифъ—есть одно изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ трудныхъ изобрѣтеній, и онъ никогда не будетъ хорошимъ, если онъ не будетъ пересматриваться каждый разъ, когда обстоятельства потребуютъ этого или позволятъ. Безусловныя запрещенія дурны и должны совершенно исчезнуть. Покровительственныя пошлины должны понижаться постепенно, дабы не обезпечить за какою нибудь одною отраслью промышленности—монополіи безъ всякой возможной конкуренціи, потому что, иначе, такая отрасль осталась-бы неподвижною, безъ развитія и усовершенствованія, или даже начала бы ослабѣвать, и слѣдовательно сдѣлалась бы убыточною для страны. Поэтому, покровительственныя пошлины должны, напротивъ, возвышаться въ пользу новыхъ отраслей производительности, а также и въ пользу такихъ, которыхъ постигло какое нибудь бѣдствіе и которыя нуждаются въ помощи, для того чтобы снова подняться. Наконецъ пошлины эти должны быть разсчитаны такъ, чтобы никогда одна какая нибудь отрасль промышленности не осталась бы безъ возможной конкуренціи со стороны иностранной производительности, въ томъ случаѣ, если бы отрасль эта остановилась въ своемъ развитіи или стала бы возвышать свои цѣны.—Эта возможная конкуренція есть необходимое возбуждающее средство для національной производительности. Сырые матеріалы должны быть освобождены сколь возможно болѣе и скорѣе, для того. чтобы понизить свою цѣну произведенныхъ предметовъ и тѣмъ обезпечить за ними сбытъ на иностранныхъ рынкахъ при конкуренціи съ однородными соперниками.

Что касается дѣйствительнаго *свободнаго обмѣна*, то я отвергаю его всѣми моими силами; онъ будетъ роковымъ для большинства европейскихъ государствъ и въ особенности для Франціи. Между тѣмъ Франція попалась въ искусно разставленную ловушку и трактатами 1860 г. допустила свободный обмѣнъ; одна только Англія будетъ имѣть возможность извлечь изъ этого пользу. Это—ловушка, разставленная ея торговымъ искуствомъ для всѣхъ націй, которыя со времени мира достигли возможности сами производить такіе предметы, которые прежде онѣ были обязаны покупать отъ англичанъ.

Великобританія, до 1849 г. сохранила знаменитый актъ о мореплаваніи, происхожденіемъ своимъ обязанный генію Кромвеля; въ 1849 г. она считала возможнымъ отмѣнить его и открыла порта свои собственные и своихъ колоній—для свободной конкуренціи флаговъ, государи которыхъ предоставляли ей одинаковую взаимность; она сохранила за собою только исключительное право каботажа. Многія націи приняли эти новыя условія. Мѣра эта не имѣла очень хорошаго результата въ морскомъ отношеніи; безъ сомнѣнія торговля вообще могла отъ этого выиграть, но иностранцы одни только воспользовались открытіемъ портовъ; число же тоннъ національныхъ кораблей осталось неизмѣннымъ. Нововведеніе это, какъ мнѣ кажется, не было благопріятно для англійскаго мореплаванія, расходы котораго гораздо болѣе высоки, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, и именно въ сѣверныхъ государствахъ.

Голландія не имѣетъ свода морскихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но она руководствуется постановленіями, извлеченными изъ французскаго торговаго кодекса. Данія и Швеція одинаково измѣнили ихъ старинное законодательство въ томъ же смыслѣ. Россія издала въ 1833 г. торговый уставъ, который весьма близко подходитъ къ французскимъ законамъ (*). Испанія все еще руководствуется Consu-

(*) Уставъ торговый помѣщается во 2 части XI т. Св. зак. Третья книга этого устава содержитъ въ себѣ законы относящіеся къ торговому судостроенію и мореплаванію. см. (ст. 779 — 1266).

lat de la mer-для своихъ южныхъ провинцій и Consulat de Bilbao-для океанскихъ береговъ; нѣкоторыя измѣненія, сдѣланныя въ этихъ старинныхъ законахъ были достаточны для того, чтобы сдѣлать послѣдніе примѣнимыми къ настоящему времени. Но всѣ эти законы, какова бы ни была ихъ древность и ихъ происхожденіе,—имѣютъ между собою величайшее сходство или аналогію. Это потому, что въ дѣйствительности, какъ я уже замѣтилъ, этотъ спеціальный родъ законодательства менѣе всего поддается вліяніямъ чисто національнымъ.

ОТДѢЛЪ II.

Торговля и мореплаваніе.

Втеченіе XVIII столѣтія и всего этого періода, торговля и мореплаваніе продолжали развиваться съ громадною энергіею и такою быстротою, какую никому на свѣтѣ нельзя было предвидѣть. Войны 1744- 1755 гг., 1778 г. и въ особенности войны временъ французской революціи и имперіи, причинили въ различныя эпохи, весьма большое разстройство, этимъ двумъ, столь существеннымъ человѣческимъ промышленностямъ. Торговля и торговый флотъ были раззорены не только у одного изъ воюющихъ, у Франціи, но политика, которой Англія слѣдовала во всѣ эти эпохи обрушилэ на мирныя націи всѣ бѣдствія войны. Одна только держава извлекла выгоду изъ стольких несчастій, и когда она подписала миръ, то ея торговый флотъ былъ богаче и могущественнѣе чѣмъ при началѣ военныхъ дѣйствій. Непріятель былъ ослабленъ своими потерями; нейтральные были раззорены различными конфискаціями, изобрѣтенными и исполнявшимися именно съ этою единственною цѣлію,—такъ что ни тѣ ни другіе не могли уже болѣе представлять изъ себя конкуренціи; она одна была госпожею торговли всего свѣта. Тѣмъ не менѣе, даже втеченіе XVIII столѣтія европейская морская торговля сдѣлала большіе успѣхи. Къ концу этого

столѣтія, сѣверо-американскія англійскія колоніи освободились изъ подъ ига своей метрополіи, и также приняли большое участіе въ общемъ движеніи. Соединенные Штаты, съ самого своего возникновенія, показали, что скоро они займутъ мѣсто въ числѣ самыхъ могущественныхъ на океанѣ народовъ.

Первые года XIX столѣтія представляли весьма печальное зрѣлище; я не считаю себя обязаннымъ описывать здѣсь то состояніе, до котораго упала морская торговля и которое заставило одного современнаго писателя выразиться: «что никогда не видѣли торговлю, доведенною до такой степени» (373). Море сдѣлалось добычею единственнаго только народа, торговля была его достояніемъ. Но лишь только миръ былъ возстановленъ, какъ всѣ націи энергически принялись работать надъ возстановленіемъ и исправленіемъ своихъ потерь. Одно громаднѣйшей важности открытіе послужило для торговыхъ націй новымъ толчкомъ. Сила пара, примѣненная къ мореплаванію придала международнымъ сношеніямъ ту быстроту и въ особенности ту правильность, которыхъ имъ до того не доставало. Съ другой стороны, обширныя испанскія и португальскія владѣнія въ Америкѣ сбросили съ себя иго своихъ метрополій; онѣ открыли свои порта для кораблей всѣхъ народовъ. Наконецъ одна война, несправедливость которой должна составить эпоху въ исторіи (374), уничтожила тѣ преграды, которыя закрывали для европейской торговли порта Китайской имперіи, страны, стоявшей весьма далеко отъ общаго движенія, и полагавшей, что сношеніе или соприкосновеніе съ иностранцами, можетъ угрожать ея существованію. Британское владычество въ восточной

(373) Kluber, «Droit des gens moderne de l'Europe», part. 2. tit. II, § 310.

(374) Выставленная Англіею причина войны, которую она объявила Китаю въ 1840 г., заключалась въ отказѣ китайскаго императора оставить свободною торговлю опіумомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что одно государство, съ оружіемъ въ рукахъ старается принудить другое государство принять такую торговлю, которую оно отвергло, и это, первое государство считается однимъ изъ самыхъ цивилизованныхъ въ мірѣ.

*

Азіи распространилось на страны едва извѣстныя; были основаны новыя колоніи; были открыты громадныя богатства, привлекшія на берега Тихаго океана тѣхъ отважныхъ людей, которые появлялись всегда, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, и которые въ нѣкоторомъ родѣ предназначены быть піонерами человѣчества.

Глубокій миръ, которымъ государства пользовались втеченіе около сорока лѣтъ, — потому что нельзя считать войнами тѣ небольшія распри, которыя произошли въ періодъ времени съ 1815 до 1854 г. между большими морскими державами и нѣкоторыми небольшими народами,—могущественно содѣйствовалъ развитію торговли и промышленности. Столь сильныя потрясенія, испытанныя въ 1848 г. нѣсколькими государствами, имѣли весьма небольшое вліяніе на международныя отношенія; въ настоящее время потрясенія эти утихли. Война, которая недавно угрожала Европѣ, счастливо окончена. Успѣхи, достигнутые человѣчествомъ громадны, но если Богу будетъ угодно продолжить миръ, то кто можетъ предусмотрѣть, гдѣ остановится этотъ путь человѣческаго генія, это стремленіе къ самосовершенствованію, которое постоянно заставляетъ людей искать новыхъ открытій.

Всѣ искуства, всѣ отрасли промышленности, которыя соприкасаются съ мореплаваніемъ, подверглись громадному развитію и были доведены до той степени человѣческаго совершенства, которая была неизвѣстна нашимъ предкамъ. Число кораблей, ихъ величина значительно увеличились; корабельная архитектура начала выпускать громадныхъ колоссовъ на океаны, которые съ удивленіемъ стали видѣть суда, построенныя изъ желѣза.

ОТДѢЛЪ III.

Цивилизація.

Ни въ какую эпоху исторіи, человѣческая цивилизація не достигла еще той высоты, на которой мы видимъ ее въ настоящее время; путь ее, какъ путь всего человѣчес-

каго—шелъ тихо, но прогрессивно и черезъ это самое болѣе вѣрно. Еслибы мы захотѣли убѣдиться въ ея громадныхъ успѣхахъ, то намъ было бы достаточно сравнить только что окончившуюся войну, съ тою войною, которая происходила сто лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1756 г. Тѣ громадныя различія, которыя мы видѣли въ самыхъ причинахъ или поводахъ къ войнѣ, въ способѣ ея веденія, въ этомъ, столь справедливомъ желаніи упрочить миръ продолжительный, сдѣлавъ его почетнымъ для всѣхъ сторонъ, доказываютъ до какой степени цивилизаціи мы достигли.

Искуства, науки, человѣческая промышленность никогда не достигали еще той степени совершенства, до которой мы ихъ видимъ въ настоящее время. Паровое мореплаваніе о которомъ я только что сказалъ, желѣзныя дороги, электрическія проволоки, которыя обхватываютъ своею громадною сѣтью всю Европу. соединяютъ острова съ континентами и связываютъ даже разъединенные до того морями континенты между собою, все это показываетъ, до какой степени совершенствованія достигла человѣческая цивилизація. Но въ особенности меня поражаетъ одинъ прогрессъ, отъ котораго я ожидаю величайшей пользы; я хочу сказать объ уменьшеніи меркантильнаго соперничества между народами. Онъ выразился главнымъ образомъ въ тѣхъ выставкахъ, на которыхъ всѣ народы вселенной стремятся показать другимъ самыя лучшія произведенія своей земли и промышленности, и въ нѣкоторомъ родѣ открыть имъ секретъ ихъ производства и тѣмъ пригласить ихъ къ подражанію. Эти праздники «мира», какъ ихъ основательно назвали, мнѣ представляются весьма счастливымъ предзнаменованіемъ; они обезпечиваютъ народамъ болѣе мирное будущее, потому что они научаютъ эти народы узнавать другъ друга и тѣмъ слѣдовательно взаимно цѣнить и уважать другъ друга.

Среди этого общаго прогресса, морское международное право не осталось позади другихъ наукъ. Я уже указалъ выше его путь и его дѣйствительное состояніе; безъ сомнѣнія, ему еще остается очень много сдѣлать, для того чтобы приблизиться, насколько это возможно для человѣческаго совер-

шенства, къ закону естественному или божественному. Одинъ Богъ знаетъ тотъ предѣлъ, на которомъ Онъ захочетъ остановить путь своего созданія; но я долженъ констатировать, что морское международное право слѣдуетъ за развитіемъ цивилизаціи, и что эта послѣдняя заставляетъ его идти по пути къ совершенствованію. Большинство тѣхъ принциповъ, которые въ настоящее время уже приняты торжественными актами—были также признаны трактатами XVII столѣтія, но внутренніе законы могущественныхъ народовъ, парализировали эти принципы и замѣняли ихъ на практикѣ узкими и несправедливыми постановленіями эгоизма и зависти. Такой прискорбный порядокъ вещей продолжался, покрайней мѣрѣ со стороны одной изъ самыхъ могущественныхъ въ мірѣ націй, до начала настоящаго столѣтія. Будетъ ли онъ продолжаться въ томъ же видѣ и въ будущемъ? Смѣю надѣяться — нѣтъ; духъ союза, который такъ сильно развился четверть столѣтія тому назадъ, долженъ охватить собою и государственныхъ людей. Они знаютъ что на морѣ, какъ и на сушѣ, безъ равновѣсія силъ не можетъ быть свободы, и что единственное средство установить это равновѣсіе при настоящемъ положеніи вещей,—это союзъ всѣхъ второстепенныхъ націй, но не для войны, а для поддержанія мира и для защиты правъ всѣхъ и каждаго.

Развитіе морскаго международнаго права втеченіе этого періода замѣчательно; ему безъ сомнѣнія остается еще очень много сдѣлать, но я могу повторить слова Wheaton'а: «можно сказать, что право условное или договорное, вытекающее изъ трактатовъ,—указываетъ на весьма замѣтный прогрессъ къ безопасности торговли мирныхъ націй и на стремленіе къ уменьшенію гибельныхъ послѣдствій войны» ([375]).

ОТДѢЛЪ IV.

Писатели.

XVIII столѣтіе насчитываетъ очень большое число писателей, которые занимались, или спеціально, или побочно мор-

---

([375]) «Histoire des progrès du droit desgens», etc., rèsumé general, p. 445.

скимъ международнымъ правомъ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ есть *Bynkershoek*, голландскій юристъ и судья, родившійся въ Миддельбургѣ въ 1673 г. и умершій въ 1743 г. Напечатанное имъ сочиненіе, «De dominio maris», было главнымъ образомъ направлено противъ притязаній Англіи на исключительное господство надъ морями, которыя она называла *британскими*, и противъ притязаній Венеціи на такое-же исключительное господство, или даже исключительную принадлежность ей Адріатическаго моря. Въ сочиненіи этомъ, по истинѣ замѣчательномъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, въ настоящее время принятому всѣми цивилизованными народами, что частная собственность націй—ограничивается только тою частью моря, которая омываетъ ихъ берега на разстояніе самаго дальняго выстрѣла изъ пушки, помѣщенной на берегу. Я не буду останавливаться на другомъ, также великомъ трудѣ Bynkershoek'a — «De foro legatorum», — но въ 1737 г. онъ издалъ сочиненіе, озаглавленное: «Quæstiones juris publici»; первая книга этого сочиненія исключительно посвящена глубокому изслѣдованію вопросовъ морскаго международнаго права во время войны. Это было первое спеціальное сочиненіе по такому интереснѣйшему предмету. Авторъ, президентъ высшаго совѣта соединенныхъ провинцій, въ сочиненіи своемъ, очень часто поддается вліянію внутреннихъ законовъ его собственной страны,—т. е. такихъ законовъ, на которые никогда не должно бы было ссылаться, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ международныхъ. Онъ любитъ опираться на плакарды генеральныхъ штатовъ и часто старается оправдать такія постановленія, которыя менѣе всего могутъ быть оправданы, даже въ своихъ собственныхъ глазахъ; такъ именно случилось по вопросу о фиктивныхъ блокадахъ, изобрѣтенныхъ самими же голландцами.

Bynkerschoek принялъ принципы Consulat de la mer: *robe ennemie est confisquée sur navire ami*; (*непріятельскіе товары подлежатъ конфискаціи на дружественномъ кораблѣ*); *robe amie est sauve sur navire ennemi*, (*дружескіе товары невредимы на непріятельскомъ кораблѣ*). По вопросу о контрабандѣ, онъ ограничиваетъ запрещеніе оружіемъ, военными инструментами

и припасами; онъ требуетъ, чтобы сырые продукты оставались предметомъ свободной торговли; но однако-же, увлекаемый необходимостью оправдать законы своей страны, онъ допускаетъ, что могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, которыя могутъ дозволить воспрещеніе торговли морскими припасами. Онъ требуетъ чтобы блокада была дѣйствительная, и въ то же время допускаетъ такъ называемыя мнимыя или фиктивныя права, которыя, по моему мнѣнію суть, исключительныя послѣдствія фиктивной блокады. Та часть этого сочиненія, которая относится къ захвату нейтральныхъ кораблей и къ репресаліямъ—очень замѣчательна; въ ней мы находимъ такія мнѣнія, которыя одержали верхъ впослѣдствіи, такъ какъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сочиненіе написано было въ 1737 г.

По этому краткому разбору видно, что я оспариваю справедливость большей части рѣшеній, данныхъ Bynkershoek'омъ; но тѣмъ не менѣе, я не колеблюсь разсматривать его сочиненіе, какъ самое замѣчательное изъ всѣхъ тѣхъ, которыя были изданы по этому предмету втеченіе XVIII ст. Если бы ученый судья написалъ это сочиненіе послѣ войны 1744 г. и въ особенности послѣ семилѣтней войны, то я не могу сомнѣваться, что тѣ злоупотребленія, которыя совершены воюющими, даже противъ голландцевъ, остававшихся нейтральными во время этой послѣдней войны, глубоко измѣнили бы многія изъ его мнѣній.

Wolf ([376]) посвятилъ нѣсколько краткихъ мѣстъ своего большаго сочиненія: *Jus naturæ methodo scientifica pertractatum* — изслѣдованію морскихъ вопросовъ. Сочиненіе это, которое состоитъ не менѣе какъ изъ девяти большихъ томовъ in—4°,— содержитъ весьма важное различіе между правомъ естественнымъ и правомъ народовъ. Это чисто философское различіе,

---

([376]) Chrétien-Fredéric de Wolf родился въ 1679 г. въ Силезіи, послѣдователь Лейбница, изучалъ въ Іенѣ математическія науки, сдѣлался профессоромъ въ Галлѣ гдѣ давалъ свои первые уроки на нѣмецкомъ языкѣ. Изгнанный изъ Пруссіи въ 1723 г. по обвиненію въ невѣріи, онъ возвратился въ свое отечество, снова получилъ свою каѳедру въ 1740 г. и умеръ въ 1759 г.

которое я слишкомъ далекъ допустить, произвело въ то время весьма большую сенсацію.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1758 г., *Vattel* ([377]) издалъ подъ заглавіемъ: *Le droit des gens, ou principes de la loi naturelle appliqués aux affaires des nations et des souverains*,—сочиненіе, которое есть ничто иное, какъ извлеченіе изъ труда Вольфа. Самъ Ваттель сознается, что онъ ограничился извлеченіемъ изъ сочиненія Jus naturæ etc. всего того, что онъ нашелъ лучшимъ, въ особенности опредѣленія и общіе принципы. ([378]) Въ этомъ сочиненіи находится нѣсколько отдѣловъ VII главы, III книги, которые занимаются морскимъ правомъ во время войны. Вся система автора цѣликомъ основана на предположеніи, которое я уже разсматривалъ, о противуположности правъ. Воюющіе и нейтральные имѣютъ права равныя, но противуположныя и несогласимыя. Поэтому получаются столкновенія или споръ, но воюющій сверхъ того имѣетъ одно спеціальное право; именно—право необходимости. Уже извѣстно, что этого одного права достаточно, чтобы уничтожить всѣ остальныя. Несмотря на всѣ ошибки, Ваттеля обыкновенно разсматриваютъ какъ одного изъ самыхъ выдающихся писателей XVIII столѣтія; на его авторитетъ часто ссылаются воюющіе и въ особенности Англія, для которой мнѣнія Ваттеля благопріятны.

Въ 1748 г. *Henneccius*, авторъ сочиненія: *Elementa juris naturæ et gentium*, издалъ подъ названіемъ: *De navibus ob vecturam vetitarum mercium commissis* — одну спеціальную диссертацію относительно военной контрабанды. Противуположность правъ воюющаго и народовъ мирныхъ, допущеніе, въ пользу перваго, права необходимости, составляютъ опять главное основаніе этого труда и разрѣшаютъ націи, находящейся въ войнѣ, включать въ число предметовъ, торговля которыми воспрещена,—всѣ тѣ предметы, которые Гроціусъ обозначаетъ, какъ входящіе въ классъ *usûs ancipitis*. Я уже

([377]) *Vattel* родился въ 1714 г. въ Невшателѣ, въ Швейцаріи, обучался въ Базенѣ, слѣдовалъ системѣ Лейбница, служилъ совѣтникомъ посольства и министромъ Саксонскаго курфирста Августа III. Онъ умеръ въ своемъ отечествѣ въ 1767 г.

([378]) См. *Vattel*, «Droit des gens», etc., préface.

разсматривалъ эту систему и полагаю, что я показалъ, что она не можетъ выдержать серьезной критики.

Злоупотребленія всякаго рода, совершенныя Англіей во время семилѣтней войны, возбудили горячіе протесты со стороны нейтральныхъ народовъ и именно со стороны голландцевъ и датчанъ. Англійское правительство считало себя обязаннымъ издать оправдательную записку о своемъ образѣ дѣйствій и поручило эту работу *Jenkinson'y*, который издалъ ее въ 1757 г. Это оправдательное сочиненіе поистинѣ замѣчательно; очень тяжело видѣть столько таланта, употребленнаго на защиту такого несправедливаго дѣла. Сочиненіе это доставило автору состояніе, онъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ, подъ именемъ лорда Ливерпуля. Сочиненіе Jenkinson'a приведено почти цѣликомъ *Rayneval*'емъ, который написалъ опроверженіе на него въ своемъ сочиненіи: *De la liberté des mers*.

Такимъ образомъ, какъ я только что сказалъ, во время войны 1755 г. Данія заявила горячіе протесты противъ поведенія воюющихъ. По этому случаю, Копенгагенскій дворъ послалъ во Францію *Hubner'a* въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Результатомъ этой миссіи было изданіе сочиненія: *De la saisie des bâtiments neutres*, напечатаннаго въ Гагѣ въ 1759 г. Безусловная свобода морей и слѣдовательно свобода торговли и мореплаванія—служитъ основаніемъ всей системы автора. Война, возникшая между двумя народами, не измѣняетъ прежде существовавшихъ правъ тѣхъ націй, которыя остались мирными, если только принятіемъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, онѣ не перестанутъ быть нейтральными. Hubner, какъ я уже сказалъ, для опредѣленія контрабанды,—разсматриваетъ не только родъ или качество предметовъ, но также и мѣсто ихъ назначенія. Онъ ограничиваетъ военную контрабанду предметами прямо и непосредственно могущими быть пригодными для войны. Однакоже онъ требуетъ, чтобы съѣстные припасы, принадлежащіе, по Гроцію, къ третьему классу (usûs ancipitis) были бы равнымъ образомъ, если не представлены, то по крайней мѣрѣ предложены обоимъ воюющимъ; въ противномъ случаѣ онъ уполномочиваетъ

ту изъ двухъ сторонъ, которая получила отказъ—объявить ихъ контрабандою. Онъ смотритъ на отказъ, сдѣланный одному изъ воюющихъ, какъ на актъ пристрастія, какъ на нарушеніе нейтралитета.

Hubner принимаетъ правило: *корабль свободенъ — грузы свободны;* онъ отрицаетъ всякую силу и значеніе Consulat de la mer,—компиляціи неполной и лишенной всякаго законодательнаго характера, даже внутренняго; компиляціи, составленной изъ частныхъ законовъ и ордонансовъ, весьма дурно выбранныхъ изъ числа актовъ среднихъ вѣковъ и мало просвѣщенныхъ временъ. Такое сужденіе, безъ сомнѣнія слишкомъ суровое, вызвало болѣе суровый еще отвѣтъ со стороны *Pardessus.* ([379]). Я полагаю что оба были правы. Датскій дипломатъ разсматриваетъ Consulat de la mer исключительно съ той точки зрѣнія, съ которой старались примѣнять этотъ законъ въ 1756 г., т. е. съ точки зрѣнія международной,— и онъ былъ совершенно правъ, разсматривая его какъ компиляцію, лишенную всякаго законодательнаго значенія. Pardessus, на оборотъ, изучалъ и разсматривалъ это собраніе, какъ памятникъ коммерческаго законодательства, и съ этой точки зрѣнія,—онъ отдавалъ справедливый долгъ удивленія столь замѣчательному труду. Такимъ образомъ оба, я повторяю, были правы въ своихъ опредѣленіяхъ и оцѣнкахъ.

Hubner смотритъ на осмотръ корабля какъ на право воюющихъ, но онъ отвергаетъ всякаго рода обыски. Осмотръ долженъ состоять единственно изъ разсмотрѣнія корабельныхъ документовъ, долженствующихъ доказывать національность корабля и безвредность груза; онъ идетъ даже до того, что предлагаетъ списокъ тѣхъ документовъ, которые необходимы для этого двойнаго доказательства. Новыя отрасли торговли ему кажутся законными; несправедливо полагаетъ Wheaton, что Hubner колеблется разрѣшить этотъ вопросъ ([380]). Блокада

([379]) См. *Pardessus*, «Collection des lois commerciales antérieures au XVIII siècle» t. II.

([380]) См. *Wheaton*, «Histoire des progrés du droit des gens», 3e periode, § 12 p. 159. Hubner, между тѣмъ, выражается очень положительно: изложивъ аргументы противные, онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «я не вижу, почему госу-

должна быть дѣйствительною, и какъ вообще авторъ не признаетъ за воюющимъ права захватывать нейтральные корабли въ открытомъ морѣ,—онъ отвергаетъ права: предупрежденія и преслѣдованія.

Всѣ эти вопросы, разсмотрѣнные и разрѣшенные на основаніи естественнаго права, Hubner старается доказать, что они разрѣшены въ томъ же самомъ смыслѣ и правомъ положительнымъ, т. е. трактатами.

Большая часть труда датскаго ученаго посвящена изслѣдованію вопроса о судѣ, компетентномъ для сужденія нейтральныхъ призовъ. Онъ порицаетъ обычай, усвоенный всѣми націями, потому что согласно этому обычаю—судьею является одна изъ заинтересованныхъ сторонъ,—и предлагаетъ учрежденія суда смѣшаннаго. Это есть не болѣе какъ мечта. Кто изъ воюющихъ согласится подчинить свое поведеніе оцѣнкѣ или обсужденію иностраннаго суда. Къ тому же, какъ составить подобный ареопагъ?

Hubner былъ первый, который написалъ сочиненіе спеціально въ пользу правъ нейтральныхъ. До него, всѣ писатели и даже самъ Bynkershoek, самый безпристрастный изъ всѣхъ, занимались нейтральными народами только второстепенно и между прочимъ. Права войны были главнѣйшимъ предметомъ ихъ изслѣдованій. Легко понять, какъ часто второстепенное или придаточное должно быть приносимо въ жертву главнѣйшему. Послѣ только что сдѣланнаго мною краткаго анализа, уже безполезно говорить, что я часто ссылался на превосходное сочиненіе Hubner'a. Единственный упрекъ, который я могу ему сдѣлать—это черезчуръ большая лаконичность и система доказывать болѣе приговорами и рѣшеніями, чѣмъ разсужденіями.

Въ 1760 г. Valin издалъ комментарій ордонанса 1681 г. Я уже имѣлъ случай дѣлать оцѣнку этого ордонанса. Въ моихъ глазахъ, онъ есть превосходнѣйшій законодательный памятникъ изъ всѣхъ, какіе были изданы до того—относительно всего,

---

дарства, оставшіяся нейтральными, должны-бы были отказываться отъ тѣхъ значительныхъ прибылей, которыя имъ могли-бы представиться, если только государства эти воздержатся снабжать эти колоніи всѣми тѣми предметами, торговля которыми воспрещена во время войны. «Tom I, art I, ch. 4, § 6.

что касается морской торговли. Изданный въ ту эпоху, когда великій король, стремившійся къ исключительному господству надъ морями, предписывалъ всѣмъ народамъ салютовать его флагу, а своимъ офицерамъ—принуждать, даже силою оружія, всѣхъ тѣхъ, которые отказывались бы отдавать ему эту почесть,—законъ этотъ, разсматриваемый какъ право международное, есть памятникъ тираніи, какую одинъ народъ желалъ обрушить на всѣ остальные народы. Комментарій Valin'a сохраняетъ двойной характеръ ордонанса, которому онъ присвоивалъ значеніе замѣчательнаго труда, когда дѣло касается постановленій коммерческихъ и морскихъ; но онъ противенъ всѣмъ принципамъ справедливости и добра въ главѣ IX, ч. 1 книги III ордонанса. По моему мнѣнію, законодательный актъ 1681 г. есть законъ внутренній и ни какъ не законъ международный; Valin былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ юрисконсультовъ, но не писателей. Такое мнѣніе одинаково можетъ примѣняться къ другому сочиненію подъ названіемъ Traité des prises, изданному тѣмъ же авторомъ въ 1753 г., которое въ дѣйствительности есть ничто иное, какъ комментарій той главы ордонанса, которая говоритъ о призахъ, и которая была выдѣлена и издана отдѣльно.

Въ Испаніи, *chevalier d'Abreu* издалъ, въ 1743 г., въ Кадиксѣ сочиненіе подъ названіемъ: *Tratado de las presas maritimas*, которое было толкованіемъ ордонанса 1702 г. и другихъ испанскихъ законовъ относительно призовъ. Сочиненіе это есть также трудъ юрисконсульта, непредставляющій никакого интереса съ точки зрѣнія международнаго права.

Одинъ изъ главнѣйшихъ поборниковъ американской независимости *Franklin* написалъ одинъ проэктъ, доказывавшій необходимость введенія, какъ въ морскихъ, такъ и въ сухопутныхъ войнахъ, весьма большого смягченія, и именно уваженіе частной непріятельской собственности и отмѣну корсарства. Этотъ проэктъ, который я считаю не только мечтою, но даже не политичнымъ и опаснымъ, въ особенности въ настоящее время и при полномъ отсутствіи какого бы то нибыло морскаго равновѣсія, — начинаетъ приводиться въ исполненіе; Парижскій трактатъ (1856 г.) объявилъ отмѣну корсар-

ства. Но даже соотечественники Франклина отказываются принять мѣру, всю опасность которой сами они сознаютъ ([381]).

Въ 1729 г. аббатъ *Saint-Pierre*; въ 1761 г. *J. J. Rousseau*, въ 1789 г. знаменитый *Bentham* ([382]), наконецъ въ 1795 г. философъ *Kant* написали проэкты о вѣчномъ мирѣ, на которые слѣдуетъ смотрѣть какъ на утопіи. Всѣ четыре писатели основывались на одной и той же идеи, а именно на союзѣ, составленномъ отъ всѣхъ европейскихъ націй, въ видѣ конгресса. Но только Кантъ требуетъ, какъ условія предварительнаго и неизбѣжнаго для исполненія этого прекраснаго проэкта, чтобы всѣ союзныя государства, были бы организованы республиками, т. е. единственной формой правленія при которой всѣ граждане могли бы быть призваны рѣшать политическіе вопросы и слѣдовательно вопросы о войнѣ и мирѣ. Кантъ полагаетъ, что никогда граждане какого бы то ни было государства не будутъ расположены и не захотятъ взять на себя отвѣтственность за все то зло и за всѣ тѣ несчастія, которыя всегда влечетъ за собою война, даже самая счастливая. Система эта была впослѣдствіи принята и развита другимъ нѣмецкимъ философомъ *Fichte*, но также безъ успѣха.

Въ 1782 г., неаполитанскій монахъ и дипломатъ *Galiani* издалъ, безъ сомнѣнія, по приказанію Неаполитанскаго короля ([383]) сочиненіе по международному праву подъ названіемъ: *De' doveri e de' dritti de' principi neutrali verso i guerreggianti; e di questi verso i neutrali*. Авторъ, который старается привести разрѣшеніе этихъ важныхъ вопросовъ къ опредѣленію геометрической аксіомы, посвятивъ цѣлую главу къ установленію основныхъ началъ и принципивъ,—занимается наконецъ вопросомъ о военной контрабандѣ. По его словамъ, слѣдуетъ включать въ категорію запрещенныхъ предметовъ, не только

([381]) См. ниже, часть VI. гл. 1, отд. 2. § 3.

([382]) Проэктъ этотъ былъ найденъ въ рукописяхъ Бентама и изданъ уже послѣ его смерти.

([383]) По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ слѣдующей фразы, находящейся въ предисловіи Галіани: «un irresistible comando ha prodotto quest opera». Я не могъ найти никакого разъясненія отъ самого автора.

оружіе, снаряженіе и военные инструменты, но также еще и всѣ тѣ матеріалы, которые служатъ для постройки большихъ судовъ. Воюющій не долженъ захватывать предметы военной контрабанды; онъ долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы вернуть корабль, на которомъ находится военная контрабанда и отдать его собственному его государю, которому одному принадлежитъ право судить его. Вознагражденіе за причиненные вредъ и убытки и даже самая война—суть тѣ послѣдствія, которыя могутъ грозить нейтральному государю въ случаѣ, еслибы онъ не наказалъ своихъ подданныхъ, виновныхъ въ занятіи контрабандою.

По мнѣнію Галіани, фиктивная блокада, не будучи дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы заставить непріятеля заключить миръ,—не есть законное средство войны и не должно быть употребляемо. Этотъ авторъ не занимается изслѣдованіемъ вопроса: долженъ ли флагъ прикрывать грузъ; между тѣмъ изъ совокупности всѣхъ этихъ разсужденій положительно вытекаетъ, что авторъ склоняется къ рѣшенію утвердительному, но вслѣдствіи совершенно особыхъ мотивовъ, неизвѣстныхъ до него другимъ писателямъ. Осмотръ корабля онъ признаетъ неизбѣжнымъ, потому что безопасность воюющаго того требуетъ; но осмотръ этотъ долженъ ограничиваться простымъ изслѣдованіемъ флага; обыски—воспрещаются, потому что они составляютъ актъ судопроизводства, который не можетъ принадлежать никакому народу относительно свободныхъ и независимыхъ націй; корабль, встрѣченный крейсеромъ можетъ избавиться отъ осмотра посредствомъ бѣгства, потому что тотъ, кто спасается бѣгствомъ, не можетъ угрожать безопасности крейсера. Судъ, могущій быть компетентнымъ для опредѣленія законности призовъ, приведенныхъ въ порта взятеля, долженъ быть судъ смѣшанный, въ родѣ того, какой былъ предложенъ Гюбнеромъ; для тѣхъ призовъ, которые будутъ приведены въ нейтральные порта—судьею долженъ быть самъ государь этихъ портовъ. Писатель этотъ—отличается длиннотою и распространенностью. Очень часто, желая порицать своихъ предшественниковъ, онъ принужденъ пріискивать но-

вые аргументы и необычайныя рѣшенія, чтобы не прибѣгать къ тѣмъ, которые употреблены другими авторами. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе его основано на принципахъ естественаго права и положительнаго закона; оно весьма содѣйствовало развитію науки.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1788 г., *Lampredi* ([384]), уже извѣстный своимъ сочиненіемъ подъ названіемъ: *Droit de la nature et des gens* (1776) издалъ спеціальное сочиненіе подъ такимъ названіемъ: *De commercio dei popoli neutrali, in tempo di guerra*. Авторъ начинаетъ съ установленія, въ принципѣ, того положенія, что война, возникшая между двумя націями, ни въ чемъ не измѣняетъ правъ народовъ, оставшихся нейтральными; если только они остаются безпристрастными, то они сохраняютъ цѣликомъ и вполнѣ свою независимость. Они, слѣдовательно, свободны вести всякаго рода торговлю безъ исключенія, и даже торговлю оружіемъ и военными припасами, подъ единственнымъ условіемъ — не оказывать никакого преимущества ни для которого изъ противниковъ. Такое положеніе гораздо шире того, какого когда либо требовали себѣ мирные народы. Но на ряду съ такою полною и широкою свободою, съ такими безусловными правами, авторъ ставитъ права воюющаго, права столь же полныя и широкія, столь же безусловныя, и до такой степени совершенно имъ противоположныя, что одновременное существованіе этихъ двухъ правъ становится невозможнымъ. Права воюющаго подкрѣплены правомъ столь же настоятельнымъ, какъ право необходимости. Въ такомъ случаѣ—все измѣняется. Нація, находящаяся въ войнѣ можетъ воспретить всякую торговлю съ ея врагомъ, если эта торговля стѣсняетъ исполненіе ея предположеній, или если нація находится въ необходимости поступить такимъ образомъ. Lampredi не признаетъ военной контрабанды; тѣже предметы, которые при-

---

([384]) Lampredi, профессоръ права въ Пизанской академіи написалъ свое первое сочиненіе на латинскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Juris publici universalis, sive juris naturæ et gentium theoremata,* 1776—1778. Второе его сочиненіе, написанное на итальянскомъ языкѣ было переведено на французскій въ 1802 г. *M. Peuchet*'омъ, который прибавилъ къ нему нѣсколько своихъ замѣчаній.

числены нѣкоторыми трактатами къ военной контрабандѣ— были названы таковою вслѣдствіе особаго рода сдѣлки между сторонами, для согласованія, насколько это возможно, двухъ несогласимыхъ правъ. Но *необходимость* уполномочиваетъ всегда воюющаго не уважать эту сдѣлку; онъ всегда можетъ воспретить всякую торговлю съ своимъ врагомъ. Впрочемъ, авторъ много опирается на такой фактъ, который можетъ быть болѣе или менѣе вѣренъ, но который не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе вопроса. Онъ полагаетъ, что воспрещеніе торговли съ однимъ изъ воюющихъ или даже съ обоими, можетъ причинить только лишь небольшой вредъ мирнымъ народамъ. Онъ развиваетъ, значительно увеличивая, идею, высказанную Альберикомъ Гентилисомъ: *«lucrum illi commerciorum sibi perire nolunt, Angli nolunt quid fieri quod contra suam salutem est»*.

Lampredi много распространяется относительно различія, которое никогда не могло составлять вопроса: можетъ-ли нейтральный законно продавать на своей собственной территоріи воюющему оружіе, военные припасы и проч? Онъ отвѣчаетъ, что одна только перевозка составляетъ контрабанду. Галіани также занимался изслѣдованіемъ этого вопроса, и его рѣшеніе, по моему мнѣнію, было болѣе раціонально, чѣмъ рѣшеніе его горячаго противника; но и оно не было полно. Не входя въ споръ о томъ недоразумѣніи, которое никогда не было затронуто или поднято, я считаю возможнымъ дать отвѣтъ, который мнѣ представляется единственно правильнымъ. Обязанность нейтральнаго—абсолютна; онъ не можетъ безъ нарушенія этой обязанности, продавать, даже на собственной своей территоріи, ни которому изъ воюющихъ оружіе, военные припасы и т. п.; но оскорбленной націи нѣтъ возможности такъ воспротивиться этой преступной торговлѣ, какъ нація можетъ возстать противъ перевозки; оскорбленная нація, поэтому находится въ необходимости стерпѣть оскорбленіе, если только она не будетъ настолько сильна, чтобы объявить войну виновному нейтральному. Такая причина войны была бы совершенно справедлива.

Онъ не допускаетъ чтобы флагъ могъ покрывать грузъ, но онъ вполнѣ придерживается постановленій Consulat de la mer; нейтральный долженъ быть удовлетворенъ даже за самый ничтожный вредъ, который могъ быть причиненъ ему остановкою или арестованіемъ. Онъ утверждаетъ, что принципъ: *корабль свободенъ—грузы свободны*—дѣлаетъ очень труднымъ и даже, невозможнымъ защиту воюющаго; и что слѣдовательно воюющій находится въ необходимости конфисковать собственность своего врага даже на нейтральномъ кораблѣ. Къ тому же подобная конфискація причиняетъ мирнымъ народамъ лишь весьма небольшой вредъ; ограничиваются свозомъ съ ихъ судовъ товаровъ, которые имъ не принадлежатъ. Дружеская собственность, найденная на непріятельскомъ кораблѣ должна быть возвращена ея собственнику. Итальянскій ученый разсматриваетъ осмотръ кораблей, какъ безусловное право воюющаго и дозволяетъ производить обыски во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не смотря на видимую правильность корабельныхъ документовъ, крейсеръ будетъ имѣть подозрѣніе въ подлинности и вѣрности ихъ. Единственнымъ компетентнымъ судьей взятаго приза, авторъ признаетъ воюющаго взятеля, за исключеніемъ развѣ только тѣхъ случаевъ, когда призъ, сдѣланный съ нарушеніемъ территоріальныхъ правъ — былъ бы приведенъ въ одинъ изъ портовъ оскорбленнаго такимъ нарушеніемъ государя. Въ такомъ исключительномъ случаѣ, этотъ государь можетъ разсматривать дѣло о призѣ и объявить его незаконнымъ или неправильнымъ. Lampredi посвятилъ весьма значительную часть своего сочиненія—на опроверженіе мнѣнія Гюбнера и въ особенности Галіани. Онъ третируетъ послѣдняго безпощадно; правда что и Галіани, о сочиненіи его: *Du droit de la nature et des gens* высказался въ выраженіяхъ весьма не лестныхъ. Къ труду Lampredi, впрочемъ очень краткому, приложено собраніе международныхъ актовъ, которымъ можно сдѣлать упрекъ въ недостаточной точности.

Martens ([385]) написалъ въ 1778 г. подъ названіемъ *Pré-*

([385]) *Georges-Frédéric de Martens*, профессоръ Геттингенскаго университета; онъ издалъ сперва резюме своихъ лекцій по положительному праву народовъ (*Primæ lineæ juris gentium europeanorum practici*). Позднѣе, онъ пересмотрѣлъ и дополнилъ

cis du droit des gens moderne en Europe—очень замѣчательное руководство по международному праву. Въ 1795 г. онъ издалъ свое сочиненіе подъ названіемъ: *Essai sur les armateurs, les prises, et surtout les reprises.* Этотъ трудъ гораздо выше всего того, что было написано по этому предмету; онъ основанъ на принципѣ: *корабль свободенъ—грузъ свободенъ.* Трудно выказать болѣе научныхъ свѣдѣній и знанія всѣхъ частей права народовъ,—чѣмъ это сдѣлалъ Martens въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя сопровождаютъ каждый параграфъ этого небольшаго сочиненія. Однако можно поставить ему въ упрекъ то обстоятельство, что онъ часто придаетъ болѣе значенія внутреннимъ законамъ народовъ, чѣмъ торжественнымъ актамъ положительнаго права. Авторъ этотъ началъ весьма почтенное собраніе трактатовъ и другихъ дипломатическихъ актовъ, начиная съ 1761 г.,—которое послѣ него продолжалъ сперва Murhard ([386]) а затѣмъ до 1869 г., Ch. Samwer.

Azuni ([387]) напечаталъ въ 1805 г. сочиненіе подъ названіемъ *Du droit maritime de l'Europe*, которое, хотя нѣсколько менѣе враждебно для нейтральныхъ, но тѣмъ не менѣе представляется точнымъ подражаніемъ сочиненію Лампреди. За исключеніемъ нѣсколькихъ общихъ принциповъ,—вся первая часть употреблена на изложеніе исторіи древнихъ морскихъ законодательствъ. Вторая часть содержитъ собственно говоря трактатъ, разсужденія котораго, вообще, болѣе ясны, чѣмъ разсужденія Пизанскаго профессора. Главнѣйшее основаніе его труда есть существованіе двухъ несогласимыхъ правъ и слѣдовательно—права необходимости. Авторъ ограничиваетъ военную контрабанду оружіемъ, военными припасами и инструментами; не

свое сочиненіе и издалъ его на латинскомъ языкѣ въ 1788 г., на нѣмецкомъ въ 1796 г. и на французскомъ въ 1801 г.

([386]) Собраніе это, вмѣстѣ съ «*Codex juis gentium*» Wenk'a и Corps diplomatique—Dumont'a составляютъ полную коллекцію самыхъ важнѣйшихъ актовъ междупародного права.

([387]) *Azuni*—бывшій сенаторъ и членъ Ницскаго коммерческаго суда, членъ Марсельской академіи наукъ и многихъ итальянскихъ ученыхъ обществъ. Онъ написалъ въ 1795 г. на итальянскомъ языкѣ: *Sistema universale dei principii del diritto marittimo dell Europa.* Неточность, допущенная во французскомъ переводѣ этого сочиненія, дала автору случай написать то сочиненіе, о которомъ я здѣсь упоминаю.

*

высказывая это категорически, авторъ склоняется къ правилу *корабль свободенъ—грузы свободны*; наконецъ онъ допускаетъ осмотръ кораблей, обыски и даже захватъ—на основаніо простыхъ подозрѣній. *Azuni* не занимался другими вопросами: и именно—о блокадѣ.

Въ 1811 г. *Rayneval* издалъ сочиненіе подъ названіемъ: *De la liberté des mers*; сочиненіе это—для свѣтскихъ людей. Авторъ мало приводитъ доказательствъ и рѣдко цитируетъ тѣ авторитеты, на мнѣніи которыхъ основывается; но его разсужденія полны силы и логики. Въ первой части своего труда онъ занимается изслѣдованіемъ всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ морскимъ международнымъ правомъ и разрѣшаетъ ихъ на основаніи естественнаго права и положительнаго закона. Во второй части онъ исключительно занимается возраженіемъ на сочиненіе Selden'a—*mare clausum* и на оправдательныя рѣчи лорда Ливерпуль (Jenkinson). Система, принятая Рейневалемъ, возражать, въ нѣкоторомъ родѣ, фраза за фразой,—дѣлаетъ весьма темною эту часть сочиненія.

Klüber написалъ въ 1831 г. подъ названіемъ: *Droit de gens moderne de l'Europe* одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій этого періода. Это—очень краткое и очень ясное руководство по международному праву. Первая часть посвящена изложенію принциповъ и народнаго права во время мира. Во второй части авторъ занимается правами и обязанностями народовъ во время войны. На первомъ мѣстѣ среди обязанностей мирныхъ народовъ, Клюберъ ставитъ обязанность заставить воюющихъ уважать ихъ независимость. Военная контрабанда имѣетъ свое происхожденіе не отъ естественнаго права; это есть изобрѣтеніе положительнаго закона. Поэтому, нація, свободная отъ всякихъ обязательствъ, можетъ законно привозить оружіе и военные припасы къ воюющимъ. Точно также относительно осмотра кораблей; онъ можетъ примѣняться только къ кораблямъ, плавающимъ отдѣльно, одиноко, безъ конвоя. Авторъ какъ будто допускаетъ обыски, но онъ нигдѣ прямо не говоритъ объ этомъ. Корабль есть часть территоріи того государства, къ которому онъ принадлежитъ; слѣдовательно, флагъ этого корабля покрываетъ все, что на ко-

раблѣ находится; если онъ нейтральный, то и грузъ его есть также нейтральный. Съ другой стороны, нейтральная собственность не теряетъ этого свойства, если будетъ найдена на непріятельскомъ кораблѣ. Принципы эти, которые авторъ объявляетъ вытекающими изъ естественнаго права, не всегда примѣнялись на дѣлѣ; на практикѣ были многочисленныя уклоненія, о которыхъ слѣдуетъ сожалѣть и которыя должны заставлять желать изданія всемірнаго морскаго кодекса.

Клюберъ отвергаетъ всякаго рода фиктивныя блокады подъ какимъ бы названіемъ онѣ не скрывались; онъ одобряетъ принципы, провозглашенные обоими вооруженными нейтралитетами, а также и сами эти союзы, которые ему представляются стремленіемъ или попыткою къ изданію этого всемірнаго морскаго кодекса, горячо имъ желаемаго. Этотъ авторъ—одинъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ свободы морей; его сочиненіе, котораго единственный недостатокъ—слишкомъ большая краткость,—обогащенъ многочисленными замѣчаніями, въ которыхъ приведены съ кропотливымъ тщаніемъ и глубокими научными знаніями—всѣ тѣ источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ.

Одинъ, очень замѣчательной членъ американскаго дипломатическаго корпуса, весьма долго бывшій посланникомъ въ Берлинѣ и при другихъ европейскихъ дворахъ, *Wheaton* издалъ въ 1836 г. весьма важный трудъ подъ названіемъ: *Elements of international law*. Въ 1841 г. онъ написалъ: *Histoire des progrés du droit des gens en Europe, depuis le traitè de Westphalie jusqu'a nos jours*. Часть, относящаяся къ морскому праву весьма развита. Авторъ, открытый сторонникъ англійской политики, часто выказываетъ большое пристрастіе противъ тѣхъ народовъ, которые осмѣливаются возвысить голосъ противъ притязаній Англіи. Такая наклонность замѣтна въ особенности, когда авторъ говоритъ о морской конвенціи, предложенной лондонскимъ кабинетомъ въ 1801 г. сѣвернымъ державамъ. Wheaton не колеблется разсматривать этотъ трактатъ,—ничтожный съ самаго своего происхожденія, уничтоженный въ 1807 г. самими договорившимися сторонами,—какъ оставшійся въ силѣ и долженствующій въ будущемъ опредѣлять морскія

сношенія тѣхъ народовъ, которые его подписали ([388]). Не смотря на такое различіе мнѣній, я долженъ признать что трудъ Wheaton'a есть безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ самыхъ лучшихъ перечней по исторіи новѣйшаго права европейскихъ народовъ.

Въ 1844 г., *Massé*, бывшій прежде парижскимъ адвокатомъ (avocat au barreau), а затѣмъ совѣтникомъ кассаціоннаго суда издалъ замѣчательное сочиненіе по торговому праву, въ связи съ международнымъ правомъ и съ гражданскимъ правомъ. Вопросы, касающіеся отношеній между народами, содержатся въ первой части. Въ основаніе своего сочиненія, авторъ принимаетъ принципы естественнаго права, санкціонированные въ настоящее время положительнымъ закономъ Ясность и точность аргументовъ, вѣрность и энергичность въ рѣшеніяхъ составляютъ качества, отличающія это сочиненіе. Надо сожалѣть, что авторъ не далъ большаго развитія этой части своего труда.

Около того же времени, *James Reddie* издалъ въ Эдинбургѣ сочиненіе подъ названіемъ: «*Researches historical and critical in maritime international law*». Сочиненіе это мнѣ извѣстно только лишь по тому разбору и по тѣмъ извѣстіямъ, которыя дѣлаетъ Ортоланъ. Авторъ старается оправдать поведеніе своего отечества во время войнъ 1793 и 1803 г. Онъ опирается, слѣдовательно, на такое право, какъ понимаетъ его Великобританія.

Ortolan, офицеръ французской военно-морской службы издалъ въ 1845 г, сочиненіе подъ названіемъ: *Régles internationales et diplomatie de la mer*. Первая часть этого труда содержитъ правила, относящіяся къ времени мирному; во второй—авторъ

([388]) См. Histoire des progrès etc, 4-e période, § 9. Разсужденіе объ этой конвенціи занимаетъ не менѣе 15 страницъ. Тамъ находимъ такія слова: «nous avons cru nécessaire d'entrer dans tous ces détails des circonstances, qui ont accomp pagné la formation de la convention de 1801, parce que, suivant nous, elle doiêtre regardée non seulement comme formant une nouvelle loi conventionnelle entre les parties contractantes, mais comme renfermant une reconnaissance de ces droits universels préexistants, qu'elles ne pouvaient justement réfuser d'accorder aux autres puissances».

занимается вопросами, относящимися къ военному времени. Принципы, на которыхъ построено сочиненіе, суть тѣ же самые, которые поддерживаетъ Франція, т. е. тѣ, которые содержатся въ регламентѣ 1778 г.

Бывшій французскій генеральный консулъ *Baron Ferdinand de Cussy* издалъ нѣсколько сочиненій относящихся къ международному праву. Я спеціально укажу на собраніе консульскихъ регламентовъ главнѣйшихъ морскихъ государствъ Европы и Америки, напечатанное въ Лейпцигѣ въ 1851 г., а также и на сочиненіе подъ названіемъ: *Phases et causes célèbres du droit maritime des nations* (1856). Авторъ поддерживаетъ принципы французскаго права; онъ желалъ-бы даже видѣть прибавленіе нѣкоторыхъ, болѣе либеральныхъ постановленій: возвращенія нейтральной собственности, найденной на непріятельскомъ кораблѣ и полную отмѣну корсарства. Оба эти желанія уже исполнены; первое вполнѣ справедливо и я уже давно его высказывалъ; что касается втораго, то оно очень смѣло, и я горячо желаю, чтобы Франція не стала раскаяваться въ томъ, что уступила мало обдуманному увлеченію по такому вопросу, по которому со стороны ея союзницы было положено гораздо болѣе меркантильныхъ расчетовъ чѣмъ человѣколюбія.

Втеченіе этого періода и въ особенности начиная съ начала XIX столѣтія, торговая морская свобода, даже во время войны, нашла наконецъ себѣ защитниковъ. До того, писатели занятые исключительно правами воюющихъ, казалось забыли, что во всѣхъ войнахъ, на ряду съ народами находящимися въ войнѣ—имѣются народы свободные и независимые, которые хотятъ оставаться непричастными военнымъ дѣйствіямъ; что эти націи также имѣютъ свои права, которыя желаютъ заставить уважать и желаютъ сохранить свою независимость. Злоупотребленія всякаго рода, совершенныя воюющими относительно нейтральныхъ, возбудили наконецъ вниманіе писателей. Bynkershoek, хотя и мало благопріятствующій мирнымъ народамъ—констатируетъ часть ихъ правъ; Hubner также сдѣлалъ справедливыя возраженія по этому предмету; энергическая твердость прусскаго короля по дѣлу силезскаго займа, полный успѣхъ коалиціи нейтральныхъ въ

1780 г. (*) заставили наконецъ ученыхъ заниматься этими вопросами, такъ долго заброшенными. Авторы, безъ сомнѣнія не отличаются единодушіемъ; большинство изъ нихъ и до настоящаго времени поддерживаетъ еще право войны, въ томъ видѣ, какъ его понимали, или вѣрнѣе какъ его примѣняли въ XVII столѣтіи. Но уже найдется почти ровное число писателей, которые возьмутъ на себя защиту свободы, торговой и морской. Къ тому же, сами защитники тираніи воюющихъ послужили на защиту этой свободы; принужденные отстаивать мнимыя права, которыя они хотѣли поддерживать, они дали могущественное оружіе своимъ противникамъ, они обнаружили слабость защищаемаго ими дѣла. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разумно поддерживать антагонизмъ и совмѣстное существованіе правъ? Какъ серьезно утверждать мнимое право необходимости? и въ особенности тѣ примѣненія этого права, которыя были сдѣланы? Эти споры и разсужденія повели за собою большое развитіе и успѣхи для науки морскаго международнаго права, и это развитіе было сдѣлано въ смыслѣ истинной свободы и независимости всѣхъ націй.

(*) Союзъ перваго вооруженнаго нейтралитета. *Примѣч. Переводч.*

ЧАСТЬ VI.

Разсмотрѣніе главнѣйшихъ вопросовъ, которые должны быть разрѣшены морскимъ международнымъ правомъ. Заключеніе.

Въ древнія времена и до паденія Восточной Имперіи, положительный морской международный законъ не существовалъ. Получивъ свое происхожденіе изъ раздѣленія римскихъ провинцій между народами чуждыми, иностранными и часто враждебными, законъ этотъ дѣлалъ весьма мало успѣховъ втеченіе первой части среднихъ вѣковъ; но онъ началъ развиваться съ тѣхъ поръ, когда, втеченіе послѣднихъ вѣковъ этого длиннаго періода, торговля и мореплаваніе увеличили сношенія народовъ между собою. Изобрѣтеніе компаса, открытіе Америки, открытіе морскаго пути въ Индію въ тотъ моментъ, когда европейская цивилизація начала распространяться—все это придало громадный толчекъ сношеніямъ различныхъ государствъ между собою; законъ, который долженъ былъ опредѣлять эти сношенія, долженъ былъ слѣдовать за общимъ развитіемъ.

Положительный морской законъ въ особенности сталъ формироваться втеченіе XVII столѣтія. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ развиваться; по немногу, онъ приближался къ единственно совершенному типу—къ закону естественному или божескому. Но онъ еще весьма далекъ отъ этой цѣли; и чтобы достичь ея, надо сдѣлать много усилій; надо побороть много предразсудковъ и много страстей. Не смотря на всѣ послѣдовательныя улучшенія—большое число вопросовъ остаются все еще нерѣшенными, или были разрѣшены про-

тивно справедливости. Попробуемъ отмѣтить главнѣйшие вопросы, до сихъ поръ не рѣшенные, и въ особенности тѣ, которые были разрѣшены скорѣе силою, чѣмъ духомъ справедливости.

Трудъ этотъ, всегда столь интересный, представляетъ еще болѣе интереса въ такой моментъ, когда всѣ цивилизованныя націи какъ будто захотѣли серьезно заняться опредѣленіемъ или установленіемъ принциповъ морскаго международнаго права, которое онѣ въ нѣкоторомъ родѣ забыли болѣе сорока лѣтъ; въ тотъ моментъ, когда Парижскій конгрессъ (1856 г.) далъ народамъ, въ своей декларации отъ 16 апрѣля 1856 г. родъ програмы.

Раньше чѣмъ приступить къ этому труду, необходимо предостеречь націи отъ двухъ опасностей, одинаково важныхъ, которыя необходимо избѣгать при составленіи трактатовъ: многословія и умолчанія. Составитель, который при редактированіи торжественнаго акта, пріискиваетъ фразы длинныя и затруднительныя, выраженія общія и двусмысленныя—выкажетъ недобросовѣстность; онъ захочетъ сохранить своему государству средство обходить трактатъ или истолковывать его въ свою пользу; подобныхъ конвенцій не слѣдуетъ принимать. Другой недостатокъ тѣмъ болѣе опасенъ, что часто онъ кажется не опаснымъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что самый фактъ заключенія новаго трактата, не принявъ во вниманіе и не возстановивъ силы прежнихъ постановленій и условій, можетъ, и вполнѣ законно, быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что отказываются отъ тѣхъ актовъ, о которыхъ не вспомнили и которые, слѣдовательно считаютъ какъ бы отмѣненными.

Начиная съ начала этого столѣтія, Великобританія заключила съ каждой изъ морскихъ державъ, по одному или по нѣсколько трактатовъ. Почти во всѣхъ, за исключеніемъ трактата 1856 г. она хранила разсчитанное молчаніе по всѣмъ морскимъ вопросамъ; тѣ рѣдкія исключенія, которыя она дѣлала изъ этой системы—имѣли мѣсто въ томъ случаѣ, когда она могла заставить принять другою стороною нѣкоторыя статьи *ея собственнаго частнаго морскаго права*. Какой смыслъ даетъ она

этому молчанію? Прошедшее отвѣчаетъ за будущее. Въ трактатѣ 1802 г. Франція упустила изъ виду принять во вниманіе прежнія морскія конвенціи, а также—установить какое либо условіе, относительно мореплаванія; Англія утверждала, что вслѣдствіе этого, морскіе трактаты 1713, 1763, 1783 и 1786 гг. были отмѣнены. Такое законодательство, которое, я повторяю, не было лишено справедливости,—примѣняемо ко всѣмъ державамъ, дѣлало Англію свободною отъ всѣхъ обязательствъ по морскимъ вопросамъ. Она связана въ настоящее время однимъ только трактатомъ 1856 г. Она могла бы поэтому, не нарушая своего слова, примѣнять свое морское право.

Я знаю, что двусмысленныя редакціи и умолчаніе, также какъ и нѣкоторыя тяжелыя условія,—налагаются силою; однако же необходимо отмѣтить опасности, могущія быть отъ этихъ двухъ причинъ, дабы предупрежденныя націи, употребили всѣ свои усилія, чтобы избѣжать ихъ. Къ тому же, въ слѣдующей главѣ мы займемся разсмотрѣніемъ вопроса о томъ: нѣтъ-ли какихъ нибудь средствъ, чтобы придать національной независимости всю ея силу и дѣйствительность, и сдѣлать болѣе рѣдкими заключеніе неравныхъ трактатовъ. Націи, когда онѣ заключаютъ конвенціи, никогда не должны упускать изъ виду ту истину, что международный актъ, не могущій быть подвергнутымъ разсмотрѣнію и толкованію какого бы то ни было безпристрастнаго судьи—долженъ содержать въ себѣ все то, что желали включить въ него, и ничего болѣе. Поэтому, никогда не слѣдуетъ, во избѣжаніе серьезныхъ споровъ, проходить молчаніемъ пункты, какъ бы ничтожны они не казались, потому что они могутъ впослѣдствіи получить большую важность; а также принимать двусмысленную редакцію, которая въ будущемъ можетъ породить весьма серьезное усложненіе и запутанность.

ГЛАВА I.

Разсмотрѣніе главнѣйшихъ вопросовъ, которые должны быть разрѣшены морскимъ международнымъ правомъ.

ОТДѢЛЪ I.

Консульства и другіе вопросы, относящіеся къ мирному времени.

Консульства, учреждаемыя для покровительства подданныхъ и торговли какой нибудь націи заграницей,—опредѣляются трактатами, которые страдаютъ отсутствіемъ однообразности между собою, и которые въ особенности, представляютъ всѣ, прискорбные пробѣлы. Самый полный актъ по этому предмету—былъ трактатъ отъ 22 февраля 1853 г., заключенный между Франціей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами; между тѣмъ и этотъ актъ ничего не упоминаетъ о томъ званіи или положеніи, которое предоставляется консуламъ для большинства тѣхъ преимуществъ, на которыя лица эти могутъ имѣть право,—трактатъ отсылаетъ къ общепринятымъ обычаямъ; наконецъ, онъ не опредѣляетъ достаточно ясно и достаточно полно тѣ обязанности, которыя возлагаются на этихъ иностранныхъ агентовъ. Между тѣмъ было бы очень важно, по этому предмету какъ и по всѣмъ другимъ, чтобы націи пришли наконецъ къ соглашенію и дали бы всѣмъ, посылаемымъ консуламъ одинаковое званіе или положеніе, однѣ и тѣже прерогативы, одинаковыя обязанности. Я говорю только о консулахъ *посылаемыхъ*, т. е. о подданныхъ того государя, который ввѣряетъ имъ часть своей власти, слѣдо-

вательно не о коммерческихъ агентахъ, а о лицахъ, которымъ спеціально поручено; потому что всѣ другіе, какъ мнѣ кажется, не могутъ пользоваться одинаковымъ положеніемъ и такою большою властью, какъ тѣ, которые соединяютъ въ себѣ же эти качества. Такого единодушнаго согласія всѣхъ народовъ, можетъ быть трудно добиться, но оно не невозможно. Я полагаю даже, что много преувеличиваютъ эти трудности для того, можетъ быть, чтобы не преодолѣвать ихъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ главнѣйшіе пункты, которые трактаты должны бы были содержать въ себѣ, на основаніи однообразной системы, принятой всѣми націями: 1) консулъ долженъ быть подданный, природный или натурализованный, того государя, который его назначаетъ; онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ заниматься прямо или косвенно, посредственно или непосредственно какими бы то нибыло коммерческими или промышленными операціями въ той странѣ, гдѣ онъ исполняетъ свои обязанности; 2) званіе или положеніе, которое присвоивается консулу должно быть точно опредѣлено. Я не думаю, чтобы консула, даже генеральные,—если только они не дипломатическіе агенты, акредитованные при маленькихъ государствахъ подъ этимъ, болѣе скромнымъ званіемъ,—должны быть облечены званіемъ представителя; изъ этого могли-бы возникать очень серьезныя неудобства и затрудненія, потому что учрежденіе подобнаго консульства встрѣчало бы всегда многочисленныя препятствія со стороны той націи, въ которой желали бы его учредить; 3) случаи, когда консула должны подлежать территоріальной юрисдикціи, гражданской, исправительной и уголовной—должны быть съ точностію опредѣлены. По моему мнѣнію, консула должны подлежать мѣстной юрисдикціи по всѣмъ дѣламъ, которыя не вытекаютъ изъ самого существа ихъ обязанностей, безъ всякаго исключенія; 4) не менѣе важно опредѣлить тѣ преимущества, которыя должны быть предоставлены консулу относительно почестей лицамъ, принадлежащимъ къ составу консульства; входящимъ въ составъ канцелярій, наконецъ самому жилищу консула и его канцеляріи.

Что касается обязанностей, возлагаемыхъ на консуловъ,

то онѣ бываютъ или административныя, или судебныя. Было бы, безъ сомнѣнія, хорошо, чтобы и первыя обязанности были опредѣлены трактатами, но это менѣе важно, потому что онѣ мало могутъ интересовать или касаться территоріальнаго суверенитета. Поэтому, заботу объ опредѣленіи этихъ обязанностей можно предоставить внутреннимъ законамъ того государства, которое учреждаетъ консульство. Но нельзя того же сказать объ обязанностяхъ судебныхъ, потому что право юрисдикціи есть существенная часть суверенитета и что слѣдовательно никто не можетъ пользоваться этимъ правомъ, даже частію этого права, на иностранной территоріи, если онъ не будетъ спеціально уполномоченъ на то главою государства. Единственная юрисдикція, которая могла бы быть присвоена консуламъ—это всѣ дѣла, гражданскія и уголовныя, по дѣяніямъ, совершеннымъ на корабляхъ ихъ націи, между лицами внесенными, подъ какимъ бы то ни было званіемъ въ списокъ корабельныхъ служителей этого корабля, или всякаго другаго корабля той же націи, въ морѣ, на рейдѣ и даже въ портахъ, всякій разъ, когда общественный порядокъ не былъ нарушенъ и когда дѣянія эти ни въ чемъ не касаются сношеній корабля или его экипажа съ берегомъ или его обитателями. Эта юрисдикція должна принадлежать консулу исключительно передъ мѣстными властями, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе будутъ опредѣлены въ полномочіяхъ, полученныхъ имъ отъ своего государя. Для всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя выходятъ изъ этихъ предѣловъ, должно быть произведено слѣдствіе, а затѣмъ виновный или обѣ стороны должны быть отосланы въ подлежащій отечественный свой судъ, который долженъ быть одинъ компетентенъ разсмотрѣть дѣло и произнести приговоръ. Конвенція 22 февраля 1853 г. весьма ясно говоритъ объ этомъ. Всякаго рода юрисдикція надъ соотечественниками, поселившимся на берегу должна быть изъята отъ консуловъ, за исключеніемъ права примирительнаго разбирательства въ случаѣ недоразумѣній, или разбора дѣлъ въ качествѣ третейскаго судьи, когда обѣ стороны будутъ просить такого разбора.

Обязанности, которыя можно назвать quasi—судебными, то

есть право составлять и принимать извѣстные документы, удостовѣрять ихъ подлинность, завѣдывать наслѣдствомъ своихъ соотечественниковъ, имуществомъ, спасеннымъ послѣ кораблекрушенія и пр. и пр.—должны быть обозначены въ трактатахъ; но обязанности эти, также какъ и административныя—должны быть опредѣлены его государемъ, которому одному принадлежитъ право опредѣлить тѣ полномочія и тѣ права, которыя онъ предоставляетъ или ввѣряетъ своему уполномоченному. Таковы суть главнѣйшіе пункты, которые должны быть регламентированы по этому важному институту.

Особенному вниманію слѣдовало бы рекомендовать націямъ, никогда не соглашаться на такія постановленія, которыя могутъ нанести ударъ или ущербъ ихъ независимости и сколь возможно скорѣе и безъ нарушенія силы, принадлежащей трактатамъ, отдѣлываться отъ такихъ, которыя могутъ имѣть этотъ характеръ. Конвенціи, которыя подъ благовиднымъ предлогомъ уничтожить торговлю неграми,—установили осмотръ кораблей въ мирное время—принадлежатъ къ этой категоріи; такія конвенціи должны быть уничтожены, лишь только добросовѣстность позволитъ это. Англія, я это знаю, очень стоитъ за это право полиціи на всѣхъ моряхъ вселенной; для нее это есть такое главенство, которое она можетъ практиковать, и изъ котораго она умѣетъ извлекать большую пользу; она хотѣла даже увеличить его, попытавшись подчинить ему единственный народъ, занимающійся мореплаваніемъ, который отказался однако признать за нею это право. Но попытка эта не имѣла однако для нее успѣха; американцы—суть англичане: они знаютъ духъ ихъ бывшей метрополіи и умѣютъ оцѣнивать по ихъ истинной торговой цѣнѣ ея прекрасныя религіозныя и филантропическія чувства; они съумѣютъ также воспользоваться обстоятельствами, въ которыхъ находится Англія, чтобы заставить ее дорого заплатить за осмотръ, сдѣланный ея крейсерами американскихъ кораблей въ Мексиканскомъ заливѣ ([389]). Было-бы

([389]) Англійскіе крейсеры позволили себѣ осмотрѣть нѣсколько американскихъ кораблей въ Мексиканскомъ заливѣ. Такое нарушеніе народнаго права въ высшей степени возбудило самолюбіе американцевъ, которые заявили горячіе протесты.

желательно чтобы націи, дѣйствительно соединенныя трактатами объ осмотрѣ кораблей—отказались бы отъ нихъ и объявили ихъ уничтоженными, и чтобы всѣ согласились временно поддерживать другъ друга, и тогда Англія, съ большимъ сожалѣніемъ и конечно послѣ прекрасныхъ философскихъ тирадъ, должна будетъ уступить; она должна будетъ повиноваться необходимости, какъ она это уже и дѣлала, и какъ она должна будетъ сдѣлать по отношенію къ Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Нѣсколько уже лѣтъ Англія заявляетъ новое притязаніе, или вѣрнѣе—изъ древняго обычая, хочетъ вывести новое право, противъ котораго всѣ народы должны быть на сторожѣ. Она присваиваетъ себѣ, относительно ея поданныхъ, поселившихся въ другихъ государствахъ, право покровительства, угрожая независимости тѣхъ націй, которыя имѣютъ несчастіе принять къ себѣ такихъ подданныхъ; она распространяетъ это покровительство даже на тѣхъ иностранцевъ, которые просятъ его. Какъ только она считаетъ, что покровительствуемыя ею лица обижены въ томъ, что ей угодно назвать ихъ интересами или ихъ правами, она принимаетъ ихъ сторону, и если нація слабая, то она обращается съ нею съ самами серьезными оскорбленіями. Англія хочетъ, чтобы ея подданные были у всѣхъ народовъ міра какъ у себя въ Англіи; чтобы они были внѣ мѣстныхъ законовъ; чтобы они имѣли льготы и преимущества такія, какихъ не имѣютъ туземные жители; она хочетъ, въ особенности пмѣть предлоги для того, чтобы послѣдовательно тревожить всѣ народы, чтобы парализировать, страхомъ войны, развитіе торговли, а въ случаѣ нужды чтобы уничтожить флотъ, который хотя и слабѣе относительно ея флота—но находится въ цвѣтущемъ состояніи и слѣдовательно возбуждаетъ ея подозрительную зависть. Она хочетъ поддерживать, посредствомъ своего грознаго флота, нѣкотораго рода тираническое первенство надъ всѣми народами, и унижать правительства въ глазахъ ихъ собственныхъ подданныхъ, выставляя имъ постыдныя условія и заставляя ихъ платить просимыя суммы вознагражденія, за недоказанные убытки, причиненные якобы англійскимъ подданнымъ.

Никто не забылъ постыднаго дѣла португальскаго жида Пачифико, принятаго въ подданство англійскимъ посломъ въ Аѳинахъ, дабы имѣть предлогъ направить нападеніе на греческій флотъ, благосостояніе котораго было непріятно хозяевамъ океана (390). Всѣ помнятъ сильные протесты, заявленные противъ тосканскаго правительства по поводу миссіонеровъ, виновныхъ въ нарушеніи законовъ той страны, гдѣ они были приняты; протесты заявленные противъ Неаполитанскаго короля. Единственно только вмѣшательство Россіи и Франціи помѣшало тому, чтобы оба эти государства подверглись участи Греціи (391).

Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, англійскій парламентъ каждый день издаетъ самые рѣзкіе заявленія противъ неаполитанскаго правительства по поводу двухъ англійскихъ механиковъ, найденныхъ на сардинскомъ кораблѣ «Cagliari». Я не занимаюсь разсмотрѣніемъ захвата этого корабля; это—вопросъ между дворами неаполитанскимъ и туринскимъ; я ограничиваюсь только тѣмъ, что касается индивидумовъ, о которыхъ Англія протестуетъ. Эти два человѣка, гдѣ бы ни было ихъ мѣсто рожденія, были сардинцы, а не англичане, потому что они служили на сардинскомъ суднѣ и находились подъ дѣйствіемъ сардинскаго закона. Между тѣмъ Англія воспользовалась этимъ случаемъ; она принудила неаполитанское правительство освободить этихъ двухъ сардинскихъ подданныхъ, и съ большимъ жаромъ взяла на себя трудъ заставить дать имъ вознагражденіе, которое, если бы и дѣйствительно слѣдовало, должно принадлежать сардинцамъ, а не англичанамъ, и должно-бы было быть потребовано посланникомъ пьемонтскимъ, а никакъ не англійскимъ. Но на этомъ не остановились, пошли еще далѣе. Старались вовлечь туринское правительство въ войну съ Неаполемъ, обѣщавъ ему по-

(390) О дѣлѣ Пачифико см. *Baron de Cussy*, «Phases et causes celébre», t. II, p. 491 и 520, а также мое сочиненіе: «Des droits et des devoirs des nations neutres», etc., discours preliminaires, t, I, p. 24.

(391) Объ этихъ двухъ дѣлахъ, см. *Baron de Cussy*, въ сочиненіи, приведенномъ въ предьидущей выноскѣ; онъ приводитъ цѣликомъ ноту С.-Петербургскаго кабинета.

мощь; затѣмъ, когда замѣтили, что вопросъ этотъ можетъ повести за собою вооруженное вмѣшательство Австріи и Франціи,—тотчасъ отступились отъ него и оставили Сардинію въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе дурно начатыхъ переговоровъ. Вопросъ этотъ былъ очень простъ, Англія его запутала; такимъ способомъ она могла уничтожить, одинъ послѣ другаго, оба второстепенные, но процвѣтавшіе флота, и результатъ этотъ безъ сомнѣнія могъ льстить низкой зависти.

Было бы крайне необходимо, чтобы положительное право предупреждало подобныя злоупотребленія, которыя угрожаютъ всѣмъ второстепеннымъ державамъ и отдаетъ ихъ во власть дурнымъ желаніямъ народа могущественнаго и малодобросовѣстнаго. Покровительство консуловъ и посланниковъ принадлежитъ только тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые тотчасъ по прибытіи въ иностранное государство, были вписаны въ особыя книги или списки, имѣющіяся у этихъ чиновниковъ; и покровительство это, ни въ какомъ случаѣ не должно идти далѣе того, чтобы обезпечить своимъ соотечественникамъ тѣ права, которыми пользуются туземные жители, не выводя ихъ изъ подъ дѣйствія законовъ страны. Англія безъ всякаго сомнѣнія, будетъ стараться пользоваться своею силою для того, чтобы избѣжать исполненія этихъ постановленій; но въ такомъ случаѣ желательно, чтобы всѣ второстепенныя государства, угрожаемыя этимъ непомѣрнымъ притязаніемъ, соединились и поддержали бы другъ друга, и тогда они легко достигнутъ возможности держать англійское покровительство въ настоящихъ его предѣлахъ, изъ которыхъ оно не должно выходить. Такой способъ есть единственно дѣйствительный для достиженія цѣли и для избѣжанія этой безпрестанной угрозы, которую недобросовѣстность (déloyautè) англійская держитъ надъ всѣми тѣми странами, которыя имѣютъ въ глазахъ Англіи очень важную вину—быть спокойными и цвѣтущими.

Различныя условія и постановленія, которыя могутъ быть включены въ трактаты для опредѣленія взаимныхъ отношеній народовъ во время мира, очень многочисленны, а главное весьма разнообразны, чтобы могли найти себѣ мѣсто въ этомъ

краткомъ очеркѣ. Новѣйшія конвенціи содержатъ много такихъ статей, которыя очень важно сохранить, а для народовъ, не участвующихъ еще въ этихъ конвенціяхъ, принять ихъ.

ОТДѢЛЪ II.

Военная контрабанда и новыя отрасли торговли.

Почти всѣ трактаты весьма ясно опредѣлили военную контрабанду; большое число изъ нихъ дошли до того, что содержатъ въ себѣ списокъ тѣхъ предметовъ, которые могли бы быть причислены къ категоріи предметовъ сомнительныхъ (usûs ancipitis), для того, чтобы обезпечить свободу торговли ими. По этому предмету не много остается сдѣлать; положительный законъ является почти полнымъ. Тѣмъ не менѣе списокъ предметовъ военной контрабанды не совершенно одинаковъ во всѣхъ трактатахъ; есть даже нѣкоторые такіе, которые воспрещаютъ торговлю предметами совершенно невинными, на основаніи принциповъ права. Націи должны прилагать величайшее стараніе къ тому, чтобы статьи, содержащія въ себѣ перечисленіе предметовъ военной контрабанды—были бы тождественны, одинаковы, а главное чтобы въ трактатахъ не было бы никакихъ выраженій родовыхъ или общихъ, способныхъ дать возможность къ такимъ толкованіямъ, жертвами которыхъ будутъ сами націи. Націи никогда не должны упускать изъ виду тотъ способъ, какимъ Англія истолковала въ 1780 г. трактатъ, заключенный ею сто лѣтъ тому назадъ съ Даніей, а также и въ 1803 году, — трактатъ, заключенный ею со Швеціей ([392]).

Нѣсколько новѣйшихъ трактатовъ, заключенныхъ въ особенности съ Американскими Соединенными Штатами заканчиваютъ перечисленіе предметовъ военной контрабанды одною фразою, къ которой было бы достаточно прибавить одно слово для того, чтобы сдѣлать ее вполнѣ справедливою и совершенно

([392]) См. часть V, глава 1 отдѣлъ 2 § 1 о томъ, какъ Англія истолковала трактаты 1670 г. съ Даніей и 1661 г. съ Швеціей.

полною. Вотъ какъ трактаты эти говорятъ: и 4) и всякаго рода оружіе или инструменты, сдѣланные изъ желѣза, стали, бронзы, мѣди или изъ какихъ-бы то нибыло другихъ матеріаловъ, *сдѣланные, приготовленные и фабрикованные именно для войны, сухопутной или морской* ([393]). Прибавивъ въ послѣдней части этой фразы, одно только слово и заключивъ ее такъ: «именно и *единственно* предназначенные,.... и пр. получилось бы очень точное опредѣленіе военной контрабанды. Я не колеблюсь рекомендовать редакцію такого рода всѣмъ народамъ потому что, будучи примѣняема добросовѣстно, фраза эта никогда не можетъ возбудить никакого затрудненія или недоразумѣнія и потому, что она очевидно исключаетъ всѣ предметы которые, для того, чтобы быть пригодными для войны, должны подвергнуться измѣненію или передѣлкѣ человѣческою рукою; всѣ такъ называемые сырые матеріалы; наконецъ потому, что она удерживаетъ военную контрабанду въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны естественнымъ правомъ и даже положительнымъ закономъ такимъ, какимъ онъ завѣщанъ намъ восемнадтцатымъ столѣтіемъ.

Если мы будемъ разсматривать, или буквальный текстъ, или смыслъ трактатовъ, заключенныхъ впродолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, то мы находимъ въ нихъ тотъ принципъ, что торговля нейтральныхъ съ воюющимъ, кромѣ исключенія, относящагося къ военной контрабандѣ и сношеній съ блокируемыми мѣстами, должна оставаться совершенно свободною; что народы, оставшіеся мирными, могутъ производить торговлю на своихъ корабляхъ, какъ изъ иностраннаго порта въ портъ воюющаго, такъ изъ одного непріятельскаго порта въ другой непріятельскій же портъ, *все равно будутъли эти порта подъ властію одного и того же, или разныхъ государей.* Слова эти суть точное выраженіе Утрехтскихъ ([394]) и большаго числа дру-

([393]) См. трактатъ отъ 13 ноября 1836 г., заключенный между Американскими Соединенными Штатами и Перу-боливіанскою республикою, ст. 13;—трактатъ отъ 22 февраля 1856 г., заключенный между Франціей и Гондурасомъ.

([394]) См. именно ст. 17 торговой конвенціи, заключенной между Франціей и Англіей, а также трактаты 1763 г. заключенные между тѣми же державами; трак-

гихъ трактатовъ. Новыя отрасли торговли, такимъ образомъ, именно предусмотрѣны и разрѣшены положительнымъ закономъ. Между тѣмъ Англія возбудила притязаніе запретить ихъ и сдѣлала примѣненіе своихъ новыхъ требованій силою, конфисковавъ всѣ нейтральные корабли, которые производили торговлю съ французскими колоніями.

Въ виду такихъ фактовъ, трактаты, которые будутъ заключены въ будущемъ, должны содержать ясную и положительную статью, въ которой было бы постановлено, что торговая свобода нейтральныхъ народовъ должна распространяться и на тѣ отрасли торговли, которыя во время мира, были имъ воспрещены территоріальнымъ государемъ, хотя-бы право это было предоставлено имъ вслѣдствіе войны и только на время ея продолженія.

ОТДѢЛЪ III.

Корсарство (Course maritime).

По происхожденію своему, корсарство было направлено единственно противъ непріятеля; корсаръ (corsaire) былъ сила вспомогательная—силамъ регулярнымъ, т. е. флоту, когда онъ былъ, и оказывалъ государствамъ услуги дѣйствительныя и несомнѣнныя; онъ обезпечивалъ успѣхъ ихъ оружія, или уравновѣшивалъ неравенство ихъ морскихъ силъ. Въ дѣйствительности, націи, могущественныя на морѣ, имѣютъ вообще, очень значительный торговый флотъ; очень часто это составляетъ единственную сторону, въ которую онѣ могутъ быть уязвимы. Тревожить торговое мореплаваніе, захватывать ея корабли, мѣшать и даже раззорять если возможно, торговлю такой націи,—часто составляетъ единственное средство принудить ее сознать свою вину и обуздывать ея несправедливыя или опасныя для другихъ народовъ предпріятія и посягатель-

---

таты: 1766 г., заключенный между Россіей и Англіей;—1778 г., между Франціей и Соединенными Штатами;—1783 г. и 1786 г., между Франціей и Англіей: ст. 20 этого послѣдняго трактата очень ясно говоритъ; и пр. и пр.

ства. Такимъ образомъ, корсары прекрасно годятся для этого рода войны; это собственно говоря, есть ихъ настоящее назначеніе. По этой именно причинѣ я и сказалъ: корсарство есть законный способъ войны и нанесенія вреда непріятелю; я сказалъ это, и нисколько не боюсь повторить, съ рискомъ подставить себя снова подъ брань этихъ, состоящихъ на жалованьѣ писателей, которые пишутъ для того, чтобы поддержать эфемерныя мнѣнія тѣхъ, которые имъ платятъ.

Съ давнихъ уже поръ, правда, и даже невозможно опредѣлить то время, когда корсарство уклонилось отъ своей первоначальной и естественной цѣли. Воюющіе, завидуя благосостоянію нейтральныхъ народовъ, всѣми средствами старались вредить тѣмъ, кого они называли своими друзьями. Для того чтобы раззорять мирныя націи, они изобрѣли цѣлую массу обязанностей, которыя и наложили на нихъ; воюющіе присвоили себѣ цѣлую массу воображаемыхъ или мнимыхъ правъ и именно право подвергать наказанію за нарушеніе ихъ несправедливыхъ законовъ—посредствомъ захвата и конфискаціи нейтральныхъ судовъ. Затѣмъ, для того, чтобы увеличить число корсаровъ посредствомъ приманки наживою, они уполномочили этихъ послѣднихъ имѣть полицейскій надзоръ за нейтральными кораблями, захватывать мирныя суда, виновныя въ неисполненіи ихъ тираническихъ приказаній. Наконецъ, воюющіе стали оплачивать своихъ корсаровъ посредствомъ призовъ, дѣлаемыхъ у своихъ же друзей. Это уже не есть право пользованія, но злоупотребленіе корсарствомъ.

Вооруженные подобными полномочіями, поддерживаемые своими государями до тѣхъ поръ, пока они ограничиваются нанесеніемъ вреда нейтральной торговлѣ, увѣренные въ безнаказанности за всѣ свои проступки, лишъ бы только они воздерживались отъ преступленій слишкомъ тяжкихъ,—корсары предавались самымъ сильнымъ злоупотребленіямъ и сдѣлались бичами океана. Я не хочу оправдывать факты неоправдываемые, я готовъ быть первымъ, чтобы признать, что корсары самыхъ цивилизованныхъ націй сдѣлались виновными въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ. Но я утверждаю, и это весьма легко доказать,—что всѣ эти преступленія должны быть отнесены

и вмѣнены въ вину гораздо болѣе правительствамъ воюющихъ, которыя уполномочивали корсаровъ, чѣмъ тѣмъ, которые исполняли это. Одинъ примѣръ, выбранный изъ тысячи другихъ будетъ достаточенъ для того, чтобы доказать это мнѣніе. Если бы, не смотря на категорическое содержаніе трактатовъ, Франція не позволила, даже воспретила своимъ корсарамъ производить обыски на осматриваемыхъ нейтральныхъ корабляхъ, подвергать допросу экипажъ этихъ кораблей; если бы на оборотъ, она строго наказывала тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые оказывались виновными въ подобныхъ нарушеніяхъ международныхъ конвенцій,—она избѣжала бы всѣхъ грабежей, источникомъ которыхъ служили обыски; дурнаго обращенія, даже самыхъ пытокъ, причиняемыхъ нейтральнымъ морякамъ для того, чтобы заставить ихъ признаваться въ ложныхъ фактахъ; однимъ словомъ,—всѣхъ преступленій, совершенныхъ французскими корсарами вслѣдствіе такого нарушенія положительнаго закона. То что я сказалъ о Франціи, я могу сказать о всѣхъ народахъ и въ особенности объ Англіи, которая болѣе чѣмъ всякая другая нація благопріятствовала и поощряла гнусное поведеніе своихъ корсаровъ.

Для того, чтобы предупредить всѣ эти преступленія необходима одна только мѣра, и она одна только и можетъ быть дѣйствительною. Необходимо отнять отъ корсаровъ то право, которымъ они никогда не должны бы были пользоваться,— право полицейскаго надзора за нейтральнымъ мореплаваніемъ. Необходимо, чтобы корсарство было ограничено его естественною и законною ролью—сражаться съ непріятелемъ, тревожить его торговлю, захватывать его корабли; но чтобы корсаръ никогда не имѣлъ никакой власти надъ нейтральнымъ кораблемъ,—и тогда тѣ преступленія, которыя часто и съ такою справедливостію ставятся въ упрекъ корсарству, значительно уменьшатся и совершенно исчезнутъ, если воюющіе захотятъ наконецъ услышать голосъ справедливости и строго наказывать тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые окажутся виновными въ этихъ преступленіяхъ, столь обыкновенныхъ во время войны.

Противъ только что высказанной мною системы могутъ

быть сдѣланы нѣкоторыя возраженія. Вотъ главнѣйшія, которыя я могу предвидѣть: «если корсары не будутъ имѣть никакихъ правъ надъ нейтральнымъ флагомъ, то всѣ непріятельскіе корабли ускользнутъ отъ нихъ, поднявъ этотъ флагъ». Такое возраженіе не кажется мнѣ серьезнымъ, потому что не давая корсару никакихъ правъ надъ нейтральнымъ кораблемъ, можно предоставить ему право изслѣдованія флага; онъ можетъ производить осмотръ встрѣченнаго корабля, и какъ только корабельные документы нейтральнаго корабля будутъ ему показаны, онъ долженъ будетъ удалиться, не справляясь и не освѣдомляясь ни о чемъ другомъ, даже ни о назначеніи этого корабля, или свойствѣ его груза.

Но, могутъ сказать, если вы отнимаете отъ корсаровъ право захватывать нейтральные корабли и обогащаться ими какъ добычею, то корсарство недостаточно вознагражденное, не будетъ имѣть возможности держаться и прекратится само собою. Если корсарство безполезно какъ способъ прямой и непосредственной войны, то оно должно быть осуждено. Но тѣ народы, для которыхъ этотъ способъ будетъ необходимъ или полезенъ, всегда будутъ имѣть надлежащее средство, чтобы поддержать его; достаточно будетъ давать корсарамъ, сдѣлавшимся настоящими вспомогательными силами флота, полезными комбатантами, субсидіи достаточно значительныя для того, чтобы побуждать ихъ идти въ море. Такимъ способомъ будутъ имѣть корсаровъ гораздо меньшее число, можетъ быть, но за то лучшаго качества. Всѣ тѣ, которые искали бы только добычи легкой и безоружной—исчезнутъ. Такая система дастъ достаточное число сражающихся и гораздо менѣе разбойниковъ.

Самое серьезное возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано на мое предложеніе есть слѣдующее: большое число нейтральныхъ подданныхъ воспользуется войною для того, чтобы обогатиться, нарушивъ всѣ свои обязанности. Они будутъ прорывать блокады, будутъ вести торговлю предметами военной контрабанды съ непріятелемъ, флагомъ своимъ будутъ покрывать корабли, принадлежащіе воюющимъ, и пр. и пр. Совершенно вѣрно, что жажда наживы, даже незаконной, встрѣ-

чается столь же часто у народовъ мирныхъ, какъ и у воюющихъ; но для послѣднихъ опасность не очень велика. Нейтральный, какъ бы ни было велико его искусство, не можетъ безнаказанно нарушить блокаду, такую, какъ ее понимаетъ положительный законъ, то есть блокаду дѣйствительную; и когда онъ будетъ пытаться это сдѣлать, корсары вооруженные даже такими полномочіями, какія они имѣютъ въ настоящее время, не могли бы ему помѣшать въ томъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда корсары не были способны, ни учреждать, ни поддерживать дѣйствительную блокаду; эти обязанности оставлялись исключительно для военныхъ судовъ. До настоящаго времени, корсары могли служить въ подобныхъ случаяхъ только лишь для того, чтобы дѣлать примѣненіе мнимыхъ правъ предупрежденія и преслѣдованія,—гнусныхъ злоупотребленій, придуманныхъ и приводимыхъ въ исполненіе грубою силою, но осужденныхъ международнымъ правомъ.

Что касается военной контрабанды, то ее безъ сомнѣнія было бы болѣе трудно обуздать; но обязанность эта могла бы быть возложена на военные крейсера, и нейтральныя правительства были бы принуждены наблюдать болѣе точно за исполненіемъ трактатовъ. Наконецъ, та часть этой торговли, которая ускользнула бы отъ этого двойнаго надзора, не могла бы быть настолько значительна, чтобы существенно повредить воюющему. Я не раздѣляю мнѣніе Галіани, который требуетъ, чтобы запрещеніе торговли предметами такъ называемой военной контрабанды, какъ не имѣющее никакой дѣйствительности для принужденія одного изъ воюющихъ заключить миръ— должно быть уничтожено или отмѣнено. Я не думаю,—вмѣстѣ съ правительствомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ([395]), что запрещеніе это должно исчезнуть изъ международнаго кодекса, но я полагаю, что воюющій можетъ под-

---

([395]) См. депешу отъ 28 іюля 1856 г. *M. Marcy*, присланную имъ въ отвѣтъ на приглашеніе европейскихъ державъ, имѣвшихъ своихъ представителей на Парижскомъ конгрессѣ, присоединиться къ декларацiи 16 апрѣля 1856 г.

держивать его только лишь средствами, признаваемыми самою добросовѣстностью.

Непріятельскіе корабли очень часто ходятъ подъ нейтральнымъ флагомъ, даннымъ имъ или по невѣденію, или вслѣдствіе злоумышленія. Такое злоупотребленіе очень важно, но исправить его очень легко, — и если оно существуетъ до настоящаго времени, то только потому что воюющіе не подумали еще считать себя обязанными уничтожить его; всѣ находили въ этомъ незаконную пользу. Нейтральнымъ всегда удавалось спасать какіе нибудь изъ кораблей, на которыхъ обманомъ былъ поднятъ ихъ флагъ; воюющій отдавалъ своимъ корсарамъ, какъ добычу, непріятельскіе корабли, которые безъ этого подлога оставались бы въ безопасности въ портахъ. Фактъ дозволенія иностранному кораблю поднять національный флагъ и снабженіе его корабельными документами, есть слѣдствіе преступнаго соглашенія нейтральнаго правительства съ своими подданными и съ подданными воюющаго. Поэтому нейтральное правительство является отвѣтственнымъ по отношенію къ другому воюющему, за всѣ дѣйствія подобнаго рода, которыя происходили на его территоріи.

Такимъ образомъ, весьма легко этому послѣднему пригрозить виновному нейтральному вовлечь его въ войну, если онъ не перестанетъ нарушать свои обязанности. Ему даже дозволяется привести въ исполненіе эту угрозу, если нейтральный продолжаетъ упорствовать и давать разрѣшеніе на поднятіе его флага такимъ судамъ, которыя не удовлетворяютъ условіямъ, требуемымъ трактатами, если таковые имѣются спеціально по этому предмету,—или внутренними законами нейтральнаго народа. Такая угроза, сдѣланная энергически, была бы гораздо болѣе дѣйствительна, чѣмъ захватъ и конфискація нѣсколькихъ подложныхъ кораблей. Она достигала бы цѣли—уничтоженія злоупотребленій,—тѣмъ болѣе легко, что громадная гласность и быстрота сообщеній позволяютъ воюющему тотчасъ-же узнавать все, что происходитъ въ иностранныхъ портахъ.

Корсарство, такимъ образомъ опредѣленное съ добросовѣст-

ною и энергическою строгостью и поставленное въ свои первоначальные предѣлы, есть не только способъ войны, согласный съ правомъ естественнымъ или божескимъ и съ закономъ положительнымъ, но также одно изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для установленія морскаго равновѣсія, или по крайней мѣрѣ для того, чтобы хотя отчасти уравнять ту несоразмѣрность, которая существуетъ въ настоящее время въ морскихъ силахъ различныхъ государствъ. Могущество Англіи достигло въ настоящее время такого развитія, что ни одна нація не можетъ въ дѣйствительности противиться тому гнету, который она держитъ надъ цѣлымъ свѣтомъ и который она называетъ своимъ морскимъ правомъ; а на основаніи прежняго ея поведенія, позволительно утверждать, что лишь только она найдетъ случай, она снова приметъ свою вѣковую политику и возстановитъ всѣ тѣ изобрѣтенія, которыя она такъ хорошо умѣетъ находить въ неистощимомъ арсеналѣ права необходимости. Никакой народъ не можетъ противупоставить англійскому флоту—флотъ равный по численности; никто достаточно не силенъ, чтобы надѣяться покорить эту державу до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ быть угрозою для независимости всѣхъ націй міра. Но Англія имѣетъ одну уязвимую сторону: ея торговый флотъ чрезвычайно развитъ и торговля составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ ея существованія; она совершаетъ всѣ тѣ злоупотребленія, въ которыхъ упрекаютъ ее — для увеличенія еще этой торговли. Напасть на ея торговый флотъ, пустить въ погоню за ея безчисленными кораблями корсаровъ—значитъ ударить ее въ самое чувствительное мѣсто. Ея военные корабли, какъ бы многочисленны ни были, недостаточны для того, чтобы защитить всѣ ея купеческія суда, на всѣхъ моряхъ земнаго шара. Атакованная такимъ образомъ, Англія должна будетъ, или покинуть свою торговлю на добычу непріятельскихъ крейсеровъ, или, чтобы защитить ее—раздѣлить свои морскія силы и слѣдовательно сдѣлать ихъ менѣе страшными. Такимъ образомъ корсарство становится средствомъ, если не единственнымъ, то по крайней мѣрѣ очень дѣйствительнымъ для установленія нѣкотораго рода равновѣсія,

котораго, къ несчастью для всѣхъ націй въ мірѣ, нѣтъ еще на океанѣ ([396]).

Англія хорошо поняла такое положеніе, и всегда искусная, она снова надѣла на себя старинную мантію человѣколюбія и благочестія, которая уже служила ей для того, чтобы добиться права осмотра кораблей во время мира, и, подъ такимъ лицемѣріемъ, она потребовала или заставила потребовать на Парижскомъ конгрессѣ полную отмѣну корсарства, этого института временъ варварскихъ, этого средства войны, достойнаго по меньшей мѣрѣ IX столѣтія и сарациновъ. Она безъ сомнѣнія забыла, что ея приватиры были изъ числа тѣхъ, которые совершали самыя грубыя злоупотребленія, что чаще всего, они дѣйствовали только въ силу приказаній британскаго совѣта и что никогда англійское адмиралтейство не думало наказывать ихъ за самыя ужасныя преступленія.

Уполномоченные, собравшіеся на Парижскомъ конгрессѣ, представители шести главнѣйшихъ европейскихъ державъ, приняли это искусное и коварное предложеніе. Декларація 16 апрѣля 1856 г. объявляетъ полную отмѣну корсарства. Безъ сомнѣнія, можетъ показаться смѣлымъ съ моей стороны думать и высказывать, что уполномоченные нѣсколькихъ великихъ націй поддались въ обманъ, что они приняли отъ имени своихъ государей, постановленіе опасное для будущаго; тѣмъ не менѣе я считаю своею обязанностію высказать мою мысль, и, не отрицая, не критикуя рѣшенія—разсмотрѣть его и обратиться къ тѣмъ же самымъ уполномоченнымъ и ихъ государямъ съ разъясненіемъ. Отмѣна корсарства есть желаніе Англіи; если бы можно было сомнѣваться, то самыя слова одного изъ уполномоченныхъ, перваго министра этой страны, слова произнесенныя громко въ парламентѣ доказали бы истину того, что я говорю ([397]). Предложеніе это

([396]) См. ниже, глава 2, средтсво, предложенное для установленія морскаго равновѣсія.

([397]) «Lorsque le bâtiment marchand et le corsaire attendaient tous deux leur force motrice du vent, ils etaient comparativement sur le pied d'égalité, et c'était le plus fin voilier qui prenait l'avance. Mais la majeure partie de *notre* commerce, se faisant actuellement sur des batiments à voiles, serait absolument à la merçi d'un

было сдѣлано во имя человѣколюбія. Всегда есть столько увлекательнаго, когда взываютъ къ этой высокой добродѣтели, когда говорятъ о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ себѣ подобными, предлагая прекратить ихъ! Такъ трудно придти и отъ имени цѣлой націи сказать: я отказываюсь подписать эту человѣколюбивую мѣру,—въ особенности тогда, когда условія политики и необходимость поддержать самое лучшее согласіе между всѣми сторонами — препятствуютъ разоблачить разставленныя сѣти и сорвать маску притворства и лицемѣрія. Предложеніе было принято.

Корсарство отмѣнено, по крайней мѣрѣ для всѣхъ тѣхъ націй, которыя имѣли своихъ представителей на Парижскомъ конгрессѣ. По отношенію къ этимъ націямъ, Англія слѣдовательно выиграла партію. Въ случаѣ войны, ея торговый флотъ не будетъ болѣе тревожимъ корсарами, а слѣдовательно одна часть ея морскихъ силъ будетъ имѣть возможность содержать блокады или противустать флотамъ ея непріятеля, тогда какъ другая часть будетъ уничтожать торговлю ея противника.

---

corsaire, quelque petit qu'il fût, faisant la course à la vapeur. En conséquence je regarde l'abolition des lettres de marque, comme étant *du plus grand avantage pour un peuple aussi commerçant que le peuple anglais*» (Applaudissements). (Если бы купеческое судно и корсаръ, оба, имѣли свою двигательную силу отъ вѣтра, то они были бы сравнительно на равной ногѣ и въ такомъ случаѣ, лучшій парусный ходокъ ушелъ бы впередъ. Но такъ какъ наибольшая часть *нашей* торговли въ дѣйствительности производится на парусныхъ судахъ, то она находилась бы безусловно во власти корсара, какъ бы малъ онъ ни былъ, если онъ паровой. Вслѣдствіе этого, я смотрю на отмѣну корсарскихъ патентовъ какъ на дѣло, имѣющее *самую большую выгоду для народа столь коммерческаго, какъ народъ англійскій*) (аплодисменты). Рѣчь лорда Кларендона въ палатѣ пэровъ 22 мая 1856 г. *Times* отъ 23 мая. «...*C'est nous qui avons le plus gagné* à ce changement, par suite duquel, pendant toute cette guerre, nos relations commerciales n'ont pas souffert et j'ai la confiance que nous aurons fait faire un grand pas à la cause de l'humanité, si nous parvenons à faire abolir la pratique d'armer en course et de délivrer des lettres de marque». (Это мы, которые болѣе всего выиграли отъ этого измѣненія, вслѣдствіе котораго, впродолженіе всей этой войны наши торговыя сношенія не пострадали, и я вѣрю, что мы заставимъ сдѣлать большой шагъ на пользу человѣчества, если мы достигнемъ отмѣны вооруженія судовъ для корсарства и выдачи корсарскихъ патентовъ). Рѣчь лорда Пальмерстона въ палатѣ общинъ въ засѣданіи 6 мая.

Декларація 16 апрѣля 1856 г. была разослана ко всѣмъ морскимъ націямъ; всѣ онѣ были приглашены присоединиться къ державамъ, подписавшимъ эту декларацію для того, чтобы признать и принять принципы, которые въ ней изложены, а въ томъ числѣ и отмѣну корсарства. 28 іюля 1856 г. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты прислали свой отвѣтъ на это приглашеніе. Государство это, которое по численности своего торговаго флота занимаетъ второе мѣсто въ цѣломъ мірѣ (если только не первое), но военныя морскія силы котораго далеко не развиты въ такой же пропорціи ([398]), отказалась согласиться на отмѣну корсарства. Мотивы, приведенные M.Marcy въ его депешѣ, хотя и не совершенно тѣ же, какіе я только что изложилъ, но весьма близко сходятся. Всѣ они, главнымъ образомъ, основываются на томъ, что предназначенная мѣра представляется исключительною въ интересахъ тѣхъ націй, которыя содержатъ постоянныя значительныя морскія силы, и что мѣра эта можетъ быть только гибельна для государствъ второстепенныхъ, которыя, въ случаѣ войны съ одною изъ сильныхъ морскихъ державъ, *увидѣли бы свой флотъ парализованнымъ одною лишь частью непріятельскаго флота, тогда какъ другая часть могла бы уничтожить ихъ торговлю на океанѣ*. По мнѣнію американскаго правительства: *«нація, которая имѣетъ дѣйствительное превосходство, была бы фактически госпожей надъ океаномъ, и вслѣдствіе отмѣны корсарства, такое господство было бы болѣе крѣпко обезпечено»* ([399]).

Отвѣты другихъ государствъ не были опубликованы, или по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ихъ. Но каковы они ни были— предложенной мѣрѣ все таки не достаетъ согласія со стороны первоклассной державы, которая по самому роду ея силъ и ея политическаго устройства—можетъ сдѣлать самое широкое и самое дѣйствительное примѣненіе вооруженій корсаровъ; со стороны, наконецъ, державы, которая, какъ сказалъ это лордъ

([398]) На основаніи статистическихъ данныхъ, вѣрность которыхъ невозможно гарантировать, Соединенные Штаты занимаютъ только лишь четвертое мѣсто среди морскихъ державъ. Ихъ флотъ считался отъ 70 до 80 судовъ, носившихъ до 2120 артиллерійскихъ орудій.

([399]) См. ноту M. Marcy отъ 28 іюля 1856 г.

Кларендонъ, должна разсматриваться какъ покровительница всѣхъ нейтральныхъ государствъ ([400]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе вышеизложеннаго, мѣра эта не вошла еще въ международное право.

Если всѣ разсужденія, которыя только что изложилъ, основаны, какъ я полагаю, на разумѣ и на правильно понятыхъ интересахъ всѣхъ народовъ, за исключеніемъ одного; если мотивы, приведенные американскимъ правительствомъ справедливы, то націи, подписавшія эту декларацію 16 апрѣля должны употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы освободиться отъ принятыхъ обязательствъ во всемъ, что касается перваго предложенія, то есть полной отмѣны корсарства.

Трактатъ, безъ сомнѣнія, обязателенъ для всѣхъ націй, которыя его подписали, по отношенію ко всѣмъ договарившимся сторонамъ; но, кромѣ того, что конвенція подобнаго рода, хотя и заключенная какъ бы безусловно, — всегда должна быть отмѣнима, съ выполненіемъ конечно всѣхъ формальностей касательно объявленія о томъ. Англія сама не замедлитъ доставить другимъ державамъ достаточный мотивъ для того, чтобы вернуться къ этому важному постановленію. Я могу даже сказать, что если бы пожелали воспользоваться такимъ мотивомъ, то она уже доставила очень важный. Кромѣ отмѣны корсарства, декларація 16 апрѣля 1856 г. содержитъ еще признаніе двухъ принциповъ: 1) корабль свободенъ—грузъ свободенъ; и 2) блокада должна быть дѣйствительною. Эти два основные принципа морскаго международнаго права—существенно противорѣчатъ тому, что Англія называетъ своимъ частнымъ правомъ, основанія котораго: 1) фиктивныя блокады; 2) конфискація непріятельской собственности, находящейся на нейтральныхъ корабляхъ. Уже десять разъ, въ десяти торжественныхъ актахъ, Англія признавала первый изъ вышеозначенныхъ принциповъ, и десять разъ она нарушала свои обязательства; она только что признала его еще разъ; сдержитъ-ли она на этотъ разъ лучше

([400]) См. рѣчь лорда Кларендона, указанная въ одной изъ предъидущихъ выносокъ.

свои клятвы? Я могъ бы сказать, что прошедшее отвѣчаетъ за будущее, и слѣдовательно могъ бы утверждать, что декларація 1856 г. не будетъ для лондонскаго кабинета болѣе священною, чѣмъ трактаты 1713, 1763, 1783, 1786 гг. и другіе. Но я не имѣю надобности, для того чтобы предвидѣть судьбу, предназначенную творенію парижскаго конгресса,— вдаваться въ болѣе или менѣе гадательныя предположенія; сама Англія провозгласила уже передъ лицомъ всего свѣта, то уваженіе, которое внушаютъ ей новыя ея обязательства. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени подписанія трактата, какъ 14 іюля 1857 г. во время засѣданія парламента, декларація 16 апрѣля 1856 г. въ томъ, что касается принципа: *корабль свободенъ—грузы свободны* была объявлена тягостною для Англіи, раззорительною и вредною для ея торговаго благосостоянія, *невыполнимою*, и министры съ трудомъ защитили этотъ трактатъ. Затѣмъ, заключили, что въ случаѣ войны, нація обратится въ палату общинъ, чтобы быть освобожденною отъ ея обязательствъ по отношенію къ иностраннымъ народамъ ([401]). Не видно-ли изъ этого, что англійская палата общинъ издаетъ законы для всей вселенной. Но парижскій трактатъ составляетъ одно цѣлое, нѣчто недѣлимое; если одно изъ его постановленій будетъ нарушено или отвергнуто одною изъ сторонъ, то и весь трактатъ становится ничтожнымъ для всѣхъ остальныхъ державъ; каждая изъ нихъ снова получаетъ свою свободу; корсарство, такимъ образомъ, снова дѣлается для европейскихъ націй, также какъ и для Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—законнымъ средсвомъ войны и весьма грознымъ орудіемъ противъ непріятеля.

Резюмируя все сказанное, по моему мнѣнію выходитъ, что трактаты, которые имѣютъ быть заключены въ будущемъ, должны бы были постановить, что корсарство будетъ употребляемо

([401]) См. Moniteur français отъ 17 іюля 1857 г. отчетъ о засѣданіи палаты общинъ 14 іюля 1857 г.: рѣчи M. M. Lyndsay и Bentink и lord John Russel. Раньше, начиная съ 22 мая 1856 г., lord Colchester предложилъ мнѣніе: выразить порицаніе палаты лордовъ относительно того же принципа: *корабль свободенъ—грузы свободны,* и *102* голоса поддержали это предложеніе, отвергнутое 156 голосами.

на будущее время исключительно противъ непріятельскихъ судовъ,—и никогда не противъ нейтральныхъ; что корсары будутъ имѣть права осматривать нейтральные корабли только лишь для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ національности, каковой фактъ долженъ быть установленъ посредствомъ правильныхъ корабельныхъ документовъ,—которымъ должна быть придаваема вѣра, какъ говоритъ это одинъ изъ утрехтскихъ трактатовъ; наконецъ, что никакой корсаръ, подъ страхомъ быть наказаннымъ какъ пиратъ, или своимъ собственнымъ правительствомъ, или заинтересованнымъ въ томъ нейтральнымъ правительствомъ—не будетъ имѣть права завладѣвать никакимъ кораблемъ, принадлежащимъ мирному народу.

Различныя государства одинаково должны взять на себя обязательство никогда не допускать на своихъ вооруженныхъ корабляхъ иностранныхъ подданныхъ, и слѣдовательно, не допускать, чтобы ихъ собственные подданные поступали на службу къ корсарамъ другой націи.

ОТДѢЛЪ IV.

Непріятельская собственность на нейтральныхъ корабляхъ; нейтральная собственность на непріятельскихъ корабляхъ.

Положительное международное право, по вопросу о непріятельской собственности, находящейся на нейтральномъ кораблѣ, такъ полно, какъ только оно можетъ быть; почти всѣ трактаты провозглашаютъ, что собственность эта—свободна, какъ и самый корабль: *navire libre*, *marchandises libres*, корабль свободенъ, грузъ свободенъ. Это есть принципъ закона естественнаго. Принципъ этотъ, только что снова санкціонированъ декларацією 16 апрѣля 1856 г., и въ первый разъ, начиная съ начала столѣтія, Англія признала правило, которое она прежде часто обязывалась исполнять, но которое она всегда нарушала. Каковы бы ни были мотивы, заставившіе ее дать

свое согласіе, страхъ-ли, внушенный Англіи могуществомъ американскаго флота оказалъ значительную долю участія въ ея рѣшеніи ([402]), какъ бы тамъ ни было, но она дала его. Поэтому, законъ существуетъ, и все что теперь необходимо— это обезпечить его исполненіе. Въ слѣдующей главѣ мы займемся изслѣдованіемъ вопроса: нѣтъ-ли средства заставить всѣ народы, даже самые могущественные, добросовѣстно исполнять заключенные ими трактаты.

До Парижскаго трактата 1856 г., всѣ государства, которыя признавали принципъ: *корабль свободенъ—грузы свободны*,— объявляли конфискацію нейтральной собственности, находящейся на непріятельскомъ кораблѣ. Это была вопіющая несправедливость; но мѣру эту разсматривали какъ невольное слѣдствіе перваго принципа. Декларація 16 апрѣля доказала, что можно быть справедливымъ во всѣхъ случаяхъ. Она требуетъ, чтобы нейтральный флагъ защищалъ все, что находится подъ его прикрытіемъ, за исключеніемъ военной контрабанды, и чтобы нейтральная собственность, также за исключеніемъ военной контрабанды, оставалась свободною, даже на непріятельскомъ кораблѣ. Это суть истинные принципы правды и справедливости. Отнынѣ ни одна нація не должна согласиться на заключеніе такого трактата, который не будетъ содержать въ себѣ обоихъ этихъ принциповъ. Положительный законъ, принявъ эти принципы, сдѣлалъ большой шагъ къ совершенствованію, потому что этотъ двойной вопросъ есть одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ для торговли всѣхъ народовъ вселенной.

([402]) «Англія рѣдко бывала нейтральною во время большой войны; но Америка, которая въ настоящее время сдѣлалась большою морскою державою, разсматривается какъ покровительница всѣхъ нейтральныхъ государствъ. Въ предшествовавшихъ войнахъ, американскій флотъ былъ относительно слабъ; въ началѣ настоящей войны, онъ превосходитъ 5 милліоновъ тоннъ. Америка не подчинится нашему исключительному закону (конфискаціи непріятельской собственности на нейтральныхъ корабляхъ)». Рѣчь лорда Кларендона, приведенная въ предшествующихъ выноскахъ.

ОТДѢЛЪ V.

Блокада.

Трактаты, которые самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ требуютъ, чтобы блокада была дѣйствительною, правда, не очень многочисленны; но трактаты эти, какъ и другіе международные акты, содержатъ, по крайней мѣрѣ по смыслу своему, то-же самое обязательство, а потому все это достаточно, чтобы образовать совершенно полный положительный законъ. Къ тому же, нѣтъ ни одной конвенціи, которая признавала бы или санкціонировала, даже косвенно, существованіе блокадъ фиктивныхъ. Декларація 16 апрѣля 1856 г. снова провозгласила тотъ же принципъ; это—первый разъ, начиная почти около столѣтія, что Англія согласилась допустить его. Остается пожалѣть, что актъ этотъ не вошелъ ни въ какое объясненіе или толкованіе. Онъ ограничивается однимъ только объявленіямъ принципа. Всѣ государства находятся въ полномъ согласіи, блокада должна быть дѣйствительною, то есть, атакованный портъ долженъ быть окруженъ такимъ числомъ военныхъ кораблей, котораго было бы достаточно для того, чтобы никакой корабль не могъ туда проникнуть безъ того, чтобы не подвергнуться артиллерійскому огню съ этихъ кораблей. Между тѣмъ, большое число трактатовъ—неполно; весьма важно, чтобы международный законъ былъ выраженъ болѣе ясно. Международные акты, имѣющіе быть заключенными въ будущемъ, должны всѣ содержать положительную о томъ статью; они могли бы заимствовать опредѣленіе, данное конвенціями, образовавшими вооруженный нейтралитетъ 1780 г., которое гораздо яснѣе опредѣленія, даннаго деклараціей 1856 г. Однакоже было бы предпочтительнѣе дать опредѣленіе еще болѣе полное. Я полагаю, что необходимо запретить безусловнымъ образомъ, всякаго рода блокады фиктивныя, бумажныя (на бумагѣ), кабинетныя, per notificationem, посредствомъ крейсерства и пр. и пр., которыми такъ часто и такъ много злоупотребляли.

*

Весьма важно, чтобы торжественные акты, имѣющіе быть заключенными въ будущемъ, опредѣлили бы, и при томъ точнымъ и абсолютнымъ образомъ, значеніе объявленій блокады, дѣлаемыхъ дипломатическимъ путемъ. Такія объявленія, сами по себѣ не должны имѣть никакой силы; онѣ не должны служить для опредѣленія, ни того момента съ котораго начинается блокированіе или обложеніе, ни того момента, когда оно кончается. Обложеніе порта или блокированіе есть фактъ, который не можетъ ни начинаться, ни продолжаться, не раньше, не позже своего фактическаго, матеріальнаго существованія. Придавать дипломатическому объявленію значеніе дѣйствительное, существующее,—значило бы возстановить блокады *per notificationem*, то есть бумажныя. По этому предмету, какъ и по другимъ, но по этому въ особенности, парижская декларація отличается слишкомъ большою лаконичностью. Необходимо, по этому, чтобы трактаты выражались яснѣе. Дипломатическое объявленіе не есть актъ, обязательный со стороны воюющаго; онъ не обязателенъ для нейтральныхъ; это есть актъ чистой вѣжливости со стороны перваго, практикуемый для того, чтобы дать возможность нейтральнымъ подданнымъ избѣжать тѣхъ убытковъ, которые могла бы причинить отправка кораблей въ порта, въ которые они не могли бы войти.

Для того, чтобы обезпечить дѣйствительность блокадъ, надо, какъ это дѣлаетъ весьма большое число новѣйшихъ трактатовъ, предоставить каждому нейтральному кораблю право провѣрить самому существованіе блокады или дѣйствительнаго обложенія. По прибытіи на мѣсто, онъ долженъ получить спеціальное объявленіе, въ формѣ принятой Франціей во время блокады мексиканскихъ береговъ; и нейтральный, можетъ быть разсматриваемъ и наказанъ какъ виновный въ нарушеніи блокады только въ такомъ случаѣ, когда онъ въ продолженіе одного и того же пути, придетъ во второй разъ для того, чтобы войти въ блокируемый портъ. Что же касается судовъ, которыя находятся въ портѣ въ моментъ его обложенія, то конвенціи должны обезпечить за ними свободный выходъ, если они нагружены баластомъ, или когда они

имѣютъ у себя только лишь товары, нагруженные до начала блокады. Такія суда должны явиться къ одному изъ блокирующихъ кораблей для того, чтобы засвидѣтельствовать добросовѣстное исполненіе этого условія. Если же на кораблѣ будутъ находиться товары, нагруженные послѣ закрытія порта, то корабль долженъ быть отосланъ обратно въ портъ для выгрузки товаровъ, и если онъ появится снова для того, чтобы уйти не выгрузивъ ихъ, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ подлежать конфискаціи, какъ виновный въ нарушеніи блокады.

Съ давнихъ поръ воюющіе присвоили себѣ два мнимыя права, которыя я назвалъ: *право предупрежденія*, (*droit de prevention*) *и право преслѣдованія* (*droit de suite*). Ни то, ни другое никогда не имѣли законнаго существованія; между тѣмъ оба эти права примѣнялись во всѣхъ войнахъ. Принятіе всѣми народами принципа дѣйствительности блокады и необходимости спеціальнаго объявленія—уничтожило-бы оба эти права, еслибы они въ дѣйствительности существовали. Не смотря на такое, вполнѣ логическое слѣдствіе, вытекающее изъ принятыхъ принциповъ, необходимо упоминать положительно во всѣхъ трактатахъ о томъ, что нейтральный корабль, встрѣченный въ морѣ на пути къ блокируемому порту—не можетъ быть признанъ виновнымъ въ нарушеніи блокады, даже тогда, когда фактъ наложенія блокады былъ извѣстенъ этому кораблю въ портѣ отправленія, до ухода корабля изъ порта; что слѣдовательно такой корабль не можетъ быть ни захваченъ, ни возвращенъ съ своего пути, ни какъ бы то ни было безпокоенъ; что нейтральный корабль, вышедшій изъ блокируемаго порта не можетъ быть захваченъ въ открытомъ морѣ, если онъ не былъ замѣченъ въ моментъ своего выхода или преслѣдуемъ въ виду однимъ изъ блокирующихъ кораблей, которые одни только и могутъ его остановить.

Наконецъ, относительно блокады есть еще другое постановленіе новое, но очень важное: это безусловное воспрещеніе того рода блокады, которую я назвалъ *мирною* ([403]). Трактаты

([403]) См. выше, ч. V, гл. I, отд. 2, § 6, а также сочиненіе того же автора. «Des droits et des devoirs des nations neutres», etc., tit. IX, tom. 2. (2-e édit.).

должны объявить ничтожными и необязательными для нейтральныхъ народовъ всѣ тѣ блокады и обложенія, которыя учреждены раньше объявленія войны, и сообщены мирнымъ народамъ аттакующею стороною въ общепринятой формѣ.

ОТДѢЛЪ VI.

Осмотръ нейтральныхъ кораблей.

Международное законодательство во всемъ что касается осмотра кораблей, было довольно полно въ концѣ послѣдняго столѣтія; оно самымъ точнымъ образомъ опредѣляло обязанности крейсера и осматриваемаго судна; цѣль осмотра, была указана, можетъ быть, нѣсколько не ясно; довѣріе корабельнымъ документамъ было признано; наконецъ обыски были воспрещены. Въ продолженіе этихъ послѣднихъ лѣтъ сдѣлано было серьезное нововведеніе, а именно: разстояніе, на которомъ воюющій крейсеръ долженъ остановиться отъ осматриваемаго судна для производства осмотра, предоставлено на произволъ перваго. Это новое постановленіе еще не сдѣлалось закономъ для всѣхъ націй: его необходимо отвергнуть теперь же, потому что оно совершенно измѣняетъ существенный характеръ осмотра.

Кромѣ постановленій, содержащихся въ трактатахъ XVII и XVIII столѣтій, новыя конвенціи должны заключать въ себѣ условіе, что ни въ какомъ случаѣ капитанъ нейтральнаго корабля и никто другой изъ его экипажа не можетъ быть потребованъ на военный корабль, для представленія туда корабельныхъ документовъ или по какой бы то ни было другой причинѣ. Всякого рода обыски, вскрытіе ящиковъ, шкафовъ и т. п. предметовъ; всякій допросъ или распросъ, или капитана, или кого бы то ни было изъ его экипажа; какой бы то ни былъ актъ власти,—все это должно быть строго воспрещено, подъ страхомъ серьезныхъ и опредѣленныхъ наказаній.

Одна очень важная статья, которая не должна быть упущена ни въ какомъ трактатѣ, это именно та, что ни въ какомъ случаѣ корабли, конвоируемые однимъ или нѣсколькими

военными кораблями не могутъ быть подвергнуты осмотру. Если корабль воюющаго пожелаетъ удостовѣриться въ національности и назначеніи кораблей, а также въ безвредности ихъ груза, онъ долженъ обратиться къ начальнику конвоя и придать полную и совершенную вѣру словесному объявленію этого офицера. Если осматривающій будетъ корсаръ воюющаго— то было бы необходимо, по моему мнѣнію, чтобы начальникъ нейтральнаго конвоя могъ, если захочетъ, осмотрѣть самъ корсара и удостовѣриться въ правильности его полномочій и патентовъ. Могутъ ли военныя суда нейтральной націи брать подъ свой конвой корабли націй иностранныхъ, но нейтральныхъ? Утвердительный отвѣтъ не можетъ казаться сомнительнымъ; но было бы полезно, чтобы трактаты содержали спеціальное постановленіе по этому вопросу. Въ настоящемъ состояніи положительнаго международнаго закона, можно утверждать, что конвоированіе иностранныхъ кораблей не дозволяется.

Если предложенное мною измѣненіе въ правахъ, предоставляемыхъ корсарамъ, было бы принято, осмотръ кораблей, совершаемый ими, былъ-бы ограниченъ простымъ изслѣдованіемъ и разсмотрѣніемъ паспортовъ и всякихъ другихъ документовъ, выданныхъ отъ законной нейтральной власти и удостовѣряющихъ національность этого корабля.

Весьма важно не упускать изъ виду напоминать предѣлы права осмотра, какъ относительно времени, такъ и относительно мѣстъ. Осмотръ можетъ быть производимъ въ открытомъ морѣ, и въ территоріальныхъ моряхъ обоихъ воюющихъ; но онъ формально воспрещается въ моряхъ, принадлежащихъ нейтральнымъ народамъ. Никакой осмотръ не можетъ быть производимъ раньше дипломатическаго сообщенія объ объявленіи войны, и право это прекращается тотчасъ, какъ миръ подписанъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы трактатъ содержалъ срокъ, въ теченіе котораго призы, сдѣланные у непріятеля объявляются законными.

Осмотръ не можетъ имѣть мѣста во время мира; всѣ націи, которыя, уступая силѣ или обольщенію, согласились подчиниться осмотру во время мира, подъ какимъ бы то ни было

предлогомъ, должны, для возстановленія своей независимости которую онѣ уступили,—воспользоваться всѣми случаями для того, чтобы положить конецъ такому нарушенію самыхъ существенныхъ принциповъ международнаго права.

ОТДѢЛЪ VII.

Призы непріятельскихъ судовъ; захватъ и конфискація нейтральныхъ судовъ.

Призы непріятельскихъ судовъ, какъ мы это видѣли въ предъидущихъ частяхъ, были въ прежнихъ трактатахъ предметомъ только лишь очень небольшаго числа постановленій. Право войны уполномочиваетъ захватывать все, что принадлежитъ непріятелю, и взятый корабль, даже тогда, когда онъ былъ взятъ въ противность законамъ войны, имѣлъ очень мало шансовъ быть возвращеннымъ своему прежнему собственнику. Незаконный взятель объявлялся лишеннымъ своей части приза, но этотъ послѣдній конфисковался въ пользу казны. Принципъ положительнаго закона, согласный по этому предмету съ закономъ естественнымъ может быть резюмированъ словами: *occupatio bellica est modus acquirendi dominium.* Однако же существуетъ нѣсколько вопросовъ, относящихся къ призамъ непріятельскихъ судовъ,—которые должны бы были быть рѣшены международнымъ правомъ.

Самый важный изъ всѣхъ есть слѣдующій: можетъ ли корабль, составляющій частную собственность непріятельскихъ поданныхъ—подлежать захвату? Вопросъ этотъ представляется еще только въ теоріи. Между тѣмъ есть одинъ трактатъ, правда единственный и невозобновленный по этому предмету, начиная съ 178. г. даже тѣми націями, которыя его подписали, — который рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно; многіе писатели-философы занимались имъ; наконецъ, онъ только что поднятъ серьезнымъ образомъ С. Американскими Соединенными Штатами.

Министръ Соединенныхъ Штатовъ, М. Marcy, въ своей депешѣ отъ 28 іюня 1856 г., отвѣчая на приглашеніе, сдѣ-

ланное его правительству державами, подписавшими парижскій трактатъ, присоединиться къ принципамъ, содержащимся въ деклараціи 16 апрѣля 1856 г.,—говоритъ, что его правительство было бы расположено принять первое предложеніе деклараціи, объ отмѣнѣ корсарства, если бы къ этому предложенію согласились присоединить слѣдующее постановленіе: «и что частная собственность подданныхъ или гражданъ воюющей державы на морѣ,—не можетъ быть захватываема вооруженными кораблями другихъ воюющихъ державъ, если только она не составляетъ военной контрабанды».

Предложеніе это, если бы оно было принято, сдѣлало бы полный и совершенный переворотъ въ правѣ морской войны. Но должно ли оно быть принято?—Должны ли еще разъ поставить меня въ число писателей, которые поддерживаютъ злоупотребленія варварскихъ временъ; но я не боюсь сказать, что американская идея немыслима.

Для подтвержденія своего предложенія, М. Магсу указываетъ на обычаи, практикующіеся во время сухопутной войны. Если принять такое разсужденіе, то надо было бы провести его до самыхъ крайнихъ слѣдствій и примѣнить на океанѣ всѣ тѣ принципы, которые допущены на сушѣ; между тѣмъ океанъ, это огромное и свободное пространство, не принадлежа никакому народу въ частности, а составляя общее достояніе для пользованія всѣхъ—ничѣмъ не походитъ на сушу, подчиненную, во всѣхъ ея частяхъ, скипетру какого нибудь государства и покоренную человѣкомъ въ абсолютную собственность.

Въ началѣ этого сочиненія я указалъ, что различія между войнами морскими и сухопутными, существеннѣйшимъ образомъ происходятъ отъ тѣхъ различій, которыми суша отличается отъ океана. По сколько эти послѣднія различія будутъ продолжать существовать, по столько же и первыя не могутъ и не должны быть уничтожены.

Американскій министръ утверждаетъ, что въ сухопутныхъ войнахъ,—на основаніи установившагося принципа, нельзя завладѣвать частною собственностію подданныхъ или гражданъ непріятельской націи. Въ 1785 г. Франклинъ, заключая трак-

татъ съ Пруссіей, не смотрѣлъ на этотъ принципъ какъ на окончательно принятый; онъ хотѣлъ установить его въ будущемъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Никакой другой международный трактатъ ничего не говорилъ объ этомъ мнимомъ правилѣ, даже и тѣ трактаты, которые были заключены С. Американскими Соединенными Штатами съ Пруссіей для возобновленія трактата 1785 г.

Поэтому, неприкосновенность частной непріятельской собственности на сушѣ, юридически не существуетъ. Но существуетъ ли эта неприкосновенность фактически? Не есть ли она слѣдствіемъ одного изъ тѣхъ обычаевъ, которые устанавливаются между народами безмолвно? Собственность или имущества гражданъ должны дѣлиться на два рода: недвижимыя, то есть земельная собственность, и движимыя. По отношеніи къ первымъ, во времена очень отдаленныя случалось, что побѣдитель, когда онъ завладѣвалъ съ желаніемъ поселиться,— отнималъ отъ побѣжденныхъ ихъ земельную или территоріальную собственность для того, чтобы отдать ее своимъ собственнымъ подданнымъ. Подобные примѣры очень далеки отъ насъ; они прекратились вмѣстѣ съ римскими войнами, а также вмѣстѣ съ тѣми войнами, которыя были вызваны переселеніемъ народовъ. Въ настоящее время побѣдитель, не отъ чувства человѣколюбія, какъ это старались заставить думать, а въ собственныхъ своихъ интересахъ, не завладѣваетъ болѣе землями, которыя онъ не можетъ ни воздѣлывать, ни обработывать; которыя въ его рукахъ остались бы совершенно безполезны и слѣдоватольно не могли бы, ни содѣйствовать къ продовольствію его арміи, ни даже пропитывать жителей, его новыхъ подданныхъ. Онъ уважаетъ такой родъ собственности, или для того, чтобы извлекать изъ нее наибольшую пользу, или для того, чтобы брать съ нее жизненные припасы для своихъ солдатъ, или же для того, чтобы наложить на нее контрибуцію. Вслѣдствіе такой политики, достаточно нѣсколькихъ слабыхъ гарнизоновъ, чтобы удержать за собою покоренныя мѣста, изъ которыхъ извлекаютъ большіе доходы, и которыя потребовали бы многочисленную армію, еслибы пожелали отнять такую земельную собственнось отъ ея владѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если быть

вздумали отнимать у нихъ ихъ собственность, то люди самые мирные, землепашцы, раззоренные такимъ захватомъ, и тѣ возстали бы поголовно. Каждый изъ нихъ, вооруженный чѣмъ попало, какимъ бы то ни было земледѣльческимъ инструментомъ, сдѣлался бы страшнымъ врагомъ. Покореніе одной провинціи потребовало бы всѣхъ силъ цѣлой націи. Отсюда и проистекаетъ тотъ родъ уваженія, которое оказываютъ частной *недвижимой* собственности; но уваженіе это есть фактъ, вытекающій изъ собственнаго интереса самого побѣдителя; оно не есть результатъ, вытекающій изъ обязанности побѣдителя, ни изъ права побѣжденнаго; оно не вытекаетъ изъ естественнаго закона; оно не вытекаетъ также ни изъ закона положительнаго, ни изъ международнаго обычая. Къ тому же оно не примѣняется всегда безусловнымъ образомъ. Военныя контрибуціи, такъ часто налагаемыя на покоренныя провинціи, не есть ли настоящія частныя конфискаціи, или вѣрнѣе выкупы за эту недвижимую собственность, удержать которую невозможно, но которая совершенно подлежитъ призовому праву? Англія только что дала намъ блестящій примѣръ того, что право конфискаціи поземельной собственности не отмѣнено. Она отняла отъ громаднаго большинства жителей въ Индіи ихъ земли ([404]). Дѣйствіе это, безъ сомнѣнія, можетъ быть разсматриваемо какъ очень суровое, но нельзя оспаривать у Англіи право совершить и привести его въ исполненіе. Англійскій парламентъ смѣнилъ бы министровъ, которые посмѣли бы порицать поведеніе генералъ-губернатора Индіи.

До сихъ поръ я говорилъ объ имуществахъ недвижимыхъ; между тѣмъ мы не должны заниматься этого рода имуществами потому, что они не имѣютъ однородныхъ или подобныхъ себѣ имуществъ на морѣ. Все, чѣмъ человѣкъ владѣетъ на океанѣ, есть исключительно движимое.

([404]) См. прокламацію, опубликованную генералъ-губернаторомъ Англійской Индіи, послѣ взятія Люкнова. Присоединеніе этой территоріи къ англійскимъ владѣніямъ было очень недавно, и вызвало горячіе протесты, вслѣдствіе своей несправедливости. Весьма трудно сказать, вмѣстѣ съ лордомъ Каннингомъ, что жители этой страны были мятежными; они находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся Алжирскія племена, когда они пытаются освободиться изъ подъ ига Франціи.

Воюющіе никогда не считали своею обязанностію уважать неприкосновенность частной *движимой* собственности непріятельскихъ подданныхъ; если они это дѣлали, то только потому, что ихъ собственной интересъ того требовалъ; чтобы доказать этотъ фактъ, достаточно прочесть исторію. Не заходя слишкомъ далеко, мы видимъ, что Палатинатъ былъ два раза (въ 1674 и 1688 гг.) опустошенъ французскими войсками, находившимися во время одной изъ этихъ экспедицій подъ командою самаго гуманнаго генерала своего вѣка. Ближе къ намъ, во время войнъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, все движимое имущество земледѣльцевъ находилось во власти солдатъ; ихъ жатвы бывали опустошены; ихъ скотъ былъ уведенъ; все, чѣмъ они владѣли, было взято посредствомъ реквизиціи, или предано разграбленію; жилища ихъ были сожжены и часто даже ихъ личность подвергалась самому дурному обращенію. Такіе факты происходили повсюду, отъ одного конца Европы до другаго. Въ наши дни происходитъ то же самое; французы въ Африкѣ, англичане въ Индіи, поступаютъ такимъ же образомъ. Во время только что кончившейся войны (1856), которая по истинѣ отличалась умѣренностію поступковъ, — развѣ англичане не раззоряли прибрежное населеніе по берегамъ Азовскаго моря, уничтожая и сжигая лодки, даже вытащенныя на берегъ, рыболовныя принадлежности, сѣти, съѣстные припасы и даже самыя жилища? Безъ сомнѣнія, въ большихъ городахъ, въ мѣстностяхъ сдавшихся на капитуляцію, за исключеніемъ случаевъ расхищенія и грабежа, случаевъ въ настоящее время очень рѣдкихъ, интересъ или добросовѣстность побѣдителя заставляютъ его уважать неприкосновенность частной собственности. Но онъ дѣлаетъ это только въ предѣлахъ своего интереса или принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Поэтому нельзя сказать, что частная собственность непріятельскихъ подданныхъ уважается, въ силу принципа, принятаго и признаннаго народами, то есть принципа международнаго.

Въ сухопутныхъ войнахъ оставляютъ безоружнаго жителя, земледѣльца, коммерсанта и пр. совершенно на свободѣ; почему же не примѣнять этотъ самый обычай и на морѣ, къ

коммерческимъ морякамъ, беззащитнымъ и безоружнымъ? Такой обычай военныхъ дѣйствій на сушѣ совершенно справедливо; жителей безоружныхъ не захватываютъ, но не дѣлаютъ этого потому что, это невозможно. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель могъ бы сдѣлать плѣнниками всѣхъ жителей цѣлой провинціи, цѣлаго департамента или губерніи, даже одного города? Какимъ образомъ могъ бы онъ содержать и охранять ихъ, кормить или перевести въ безопасное мѣсто? Эго невозможно. Съ того момента, когда рабство плѣнныхъ перестало существовать, когда нельзя за нихъ получать денежный выкупъ, воюющій имѣетъ интересъ оставлять свободными всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ ему нечего бояться и овладѣть которыми онъ не можетъ безъ большихъ убытковъ для самаго себя.

Относительно же моряковъ—совсѣмъ не то; они находятся въ очень небольшомъ числѣ на каждомъ коммерческомъ суднѣ, и самое это судно служитъ для перевозки ихъ въ безопасное мѣсто. Къ тому же матроса нельзя считать обыкновеннымъ человѣкомъ, подобно хлѣбопашцу. Всякій, плавающій въ морѣ есть военный человѣкъ, далеко не такой, какъ крестьянинъ, онъ есть солдатъ, но гораздо болѣе полнымъ и болѣе безусловнымъ образомъ. Граждане не всѣ способны сдѣлаться моряками, и для тѣхъ даже, которые сдѣлались таковыми, необходимъ опытъ многихъ лѣтъ, чтобы образоваться хорошими. Во всѣхъ государствахъ, даже самыхъ могущественныхъ, число лицъ, способныхъ къ этому прекрасному, но тяжелому ремеслу моряка очень ограничено. Всѣ тѣ, которые служатъ на коммерческихъ судахъ—могутъ служить и на военныхъ корабляхъ; возвратясь въ свое отечество, они могутъ быть немедленно призваны на дѣйствительную службу въ военный флотъ и слѣдовательно могутъ сдѣлаться опасными комбатантами для воюющаго непріятеля. По своей спеціальности, морякъ, даже не вооруженный—есть уже военный.

Но допустимъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, что въ сухопутныхъ войнахъ оказываютъ очень большое уваженіе неприкосновенности частной собственности гражданъ,—то и при этомъ я не могу допустить, чтобы этотъ обычай могъ быть

примѣнимымъ въ войнахъ морскихъ. Каждый корабль, даже коммерческій—можетъ быть вооруженъ болѣе или менѣе значительно, и слѣдовательно можетъ сдѣлаться непосредственнымъ орудіемъ войны. Онъ можетъ, во всѣхъ случаяхъ, быть употребленъ на службу косвенную для перевозки жизненныхъ припасовъ, вооруженія и пр. Весь экипажъ, находящійся на коммерческомъ кораблѣ, какъ я только что сказалъ, суть военные люди. Наконецъ самая морская торговля есть источникъ богатства, а слѣдовательно и силы. Какимъ образомъ возможно бы было запретить воюющему вредить своему непріятелю, отнимая у послѣдняго средства, годныя для войны, или по крайней мѣрѣ для военныхъ цѣлей; захватывая людей, безъ которыхъ самое грозное морское судно становится безполезнымъ, и которые не могутъ быть замѣнены, и наконецъ отнимая тѣ источники, которые онъ извлекаетъ изъ торговли? Товары и съѣстные припасы, принадлежащіе купцу въ большомъ городѣ очень часто остаются неприкосновенными; я уже указалъ на причину этого; къ тому же эти съѣстные припасы могутъ быть полезны даже самому побѣдителю и его арміи; но тѣ же самые товары, нагруженные на корабль, пересѣкающій океанъ,—если ихъ свободно пропустить, могутъ служить только лишь въ пользу врага воюющаго, который поэтому могъ бы, по моему мнѣнію, законно завладѣть ими.

Было бы весьма легко дать новыя доказательства, но все вышеизложенное достаточно чтобы показать: во 1-хъ, что войны сухопутныя не такъ невинны какъ это утверждаютъ; и во 2-хъ, что даже если бы онѣ были таковыми,—въ обстоятельствахъ столь несходныхъ, невозможно примѣнять одинъ и тотъ же обычай.

Аббатъ Галіани былъ одинъ изъ первыхъ писателей, затронувшихъ этотъ вопросъ ([405]); но этотъ религіозный дипло-

---

([405]) «E'piu volte nell'eta nostra avvenuto il caso di vedersi entrar un sovrano o il suo generalissimo leto e festoso in quolche citta conquistata, accolto con acclamazioni accordar grazie, confirmar i privilegi conservar i magistrati, respectar la proprieta d'ogni privato, preservar i magazzini de'negozianti, in quello stesso tempo da un armatore suo suddito predarsi parte delle robbe di questi stessi magazzini

матъ и философъ, другъ Дидро, не возводитъ уваженіе, оказываемое частной собственности на сушѣ въ принципъ; онъ говоритъ только, что много разъ въ теченіе его вѣка можно было видѣть, что побѣдитель поступалъ такимъ образомъ и онъ говоритъ только о городахъ. Другіе писатели послѣдовали ему въ этомъ направленіи; они пошли еще дальше; они поставили какъ принципъ, что частная собственность была всегда уважаема на сушѣ. Правда, что они не привели ни одного текста, ни одного факта въ подтвержденіе своихъ доводовъ; ихъ разсужденіе основывается на существенной ошибкѣ, поэтому разсматривать его безполезно.

Но какіе были бы результаты принятія этого предложенія? Предвидѣть ихъ легко. Уже давно С. Американскіе Соединенные Штаты заявили притязаніе, что европейскія державы никогда не должны вмѣшиваться въ дѣла американскаго континента, что старый свѣтъ никогда не долженъ вмѣшиваться въ новый, другими словами, что Европа должна предоставить всю Америку въ добычу честолюбію союза; что Европа должна терпѣть, чтобы всемірное равновѣсіе было нарушено въ пользу американской республики; въ самомъ дѣлѣ, на новомъ континентѣ не существуетъ ни одного государства достаточно могущественнаго, чтобы противустоять нападенію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; честолюбіе же этихъ послѣднихъ достаточно извѣстно для того, чтобы было легко заранѣе сказать, каково бы было ихъ поведеніе, если бы ихъ не удерживалъ страхъ войны съ европейскими державами, то есть страхъ войны морской.

Соединенные Штаты имѣютъ самый цвѣтущій въ мірѣ торговый флотъ, по численности и величинѣ его кораблей. Они существуютъ главнѣйшимъ образомъ своею морскою торговлею. Удаленные отъ европейскихъ береговъ, недоступные съ суши для державъ стараго свѣта, они боятся только войны морской; но они главнѣйшимъ образомъ боятся ее потому,

---

state prima imbarcate per oggetto dinnocente commercio, ed esser di chiarate di buona preda. Oh atroce e doloroso contrasto di legislazione»! *Galiani*», «De'doveri de'principi neutrali», etc., cap. X, § 3, 430.

что, какъ бы могущественны они ни были на морѣ, ихъ торговля громаднѣйшимъ образомъ пострадала бы отъ захвата ихъ коммерческихъ судовъ. Это есть единственно уязвимая сторона этой могущественной республики. Если снять съ нее эту цѣлительную узду, то ничто не могло бы болѣе удерживаь ее. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ долгихъ, дорого стоющихъ и всегда сомнительныхъ экспедицій за нѣсколько тысячъ миль отъ европейскихъ береговъ,—экспедицій, совершать которыя въ состояніи только лишь одна держава въ мірѣ,—Соединенные Штаты—были бы въ полной безопасности отъ всякаго рода нападеній со стороны европейцевъ. Нѣсколько блокадъ, наложенныхъ на нѣкоторые изъ многочисленныхъ портовъ этого коммерческаго народа; нѣсколько бомбъ и ядеръ, брошенныхъ въ какіе нибудь пункты этихъ длинныхъ береговъ не стоили бы непріятельской націи того, сколько причинили бы ей убытковъ. Съ этого времени цѣль была бы достигнута; никакая европейская держава неимѣла бы возможности вмѣшиваться въ дѣла американскаго континента; Соединенные Штаты могли бы дать своей организованной и признанной системѣ пиратства, полное развитіе, необходимое для того, чтобы присвоить себѣ всѣ тѣ пункты, которые столь желательны для ея ненасытимаго честолюбія; республика эта сдѣлалась бы, въ короткое время, госпожею всей торговли обѣихъ Америкъ, а слѣдовательно и европейской торговли, которая не можетъ обходиться безъ произведеній новаго свѣта. Для достиженія этой цѣли, она нашла бы многочисленныхъ Допезовъ, новыхъ Валкеровъ, которыхъ не дали бы себѣ болѣе труда отрицать.

Таковъ былъ бы для Америки результатъ принятія вышеизложеннаго предложенія о неприкосновенности частной собственности на морѣ, и этой именно цѣли хотятъ достигнуть С. Американскіе Соединенные Штаты; для достиженія этого они и требуютъ отмѣны захвата частной собственности на морѣ. Въ Европѣ тотъ же результатъ былъ бы произведенъ въ пользу Англіи; вся торговля прошла бы черезъ ея руки безъ возможности противодѣйствовать этой державѣ, потому что съ того времени, Англія была бы осво-

бождена отъ единственнаго опасенія, которое можетъ еще ее удерживать въ настоящее время. Наконецъ, предложенная система была бы уничтоженіемъ морской войны и замѣною ее войнами сухопутными, то есть войнами болѣе продолжительными, болѣе кровопролитными и слѣдовательно болѣе безчеловѣчными. Система эта была бы въ особенности,—и именно для этого она и была предложена,—увѣренностію въ безнаказанности, во всѣхъ случаяхъ, для двухъ самыхъ могущественнѣйшихъ въ мірѣ морскихъ націй, отдѣленныхъ отъ другихъ моремъ, и слѣдовательно находящихся въ безопасности отъ всякаго сухопутнаго вторженія. Это было бы освященіемъ морскаго и меркантильнаго деспотизма Англіи, установленіемъ абсолютнаго деспотизма С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ обѣихъ Америкахъ; поэтому, система эта должна быть отвергнута. Она должна быть отвергнута даже съ другой точки зрѣнія.

Предложеніе М. Магсу имѣло бы своимъ послѣдствіемъ, какъ это признаетъ и самъ авторъ,—отнятіе отъ воюющихъ одного изъ средствъ вредить своему непріятелю,—средство, которое до настоящаго времени было очень дѣйствительнымъ,— и слѣдовательно затягивать военныя дѣйствія.—Правительства и народы никогда не должны упускать изъ виду ту истину, что самый человѣколюбивый способъ веденія войны есть тотъ, который дѣлаетъ войну наивозможно менѣе продолжительною; тотъ, который затягиваетъ ее на долго, который старается продолжить или затянуть военныя дѣйствія— есть самый безчеловѣчный, потому что несчастія, проистекающія изъ самаго состоянія войны гораздо болѣе многочислены и гораздо болѣе серьезны, чѣмъ тѣ, которыя бываютъ причинены самимъ дѣйствіемъ непріятеля. Американское предложеніе поэтому весьма дурно, даже съ точки зрѣнія его признанной цѣли, то есть цѣли гуманной.

Очень большое число трактатовъ постановило, что въ случаѣ разрыва мирныхъ сношеній между двумя договаривающимися государствами, извѣстный срокъ, часто весьма продолжительный, долженъ быть предоставленъ гражданамъ одного государства, поселившимся на территоріи другаго, для того

34

чтобы выѣхать и сдѣлать распоряженіе относительно ихъ имуществъ, какъ они признаютъ это для себя удобнымъ. Постановленіе это, разсматриваемое вообще, очевидно должно имѣть примѣненіе и къ тѣмъ кораблямъ, которые въ моментъ объявленія войны находятся въ портахъ націи, сдѣлавшейся непріятелемъ. Между тѣмъ въ тѣхъ довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда постановленіе это примѣнялось,—оно никогда не было распространяемо на морскія суда. Въ войну 1854 г. Францiя и Англія показали благородный примѣръ, которому немедленно послѣдовала и Россія. Шести-недѣльный срокъ былъ предоставленъ всѣмъ находившимся въ портахъ непріятельскимъ судамъ для свободнаго выхода; они пользовались даже покровительствомъ противъ всякаго захвата и плѣна вплоть до прихода ихъ въ портъ назначенія, былъ-ли этотъ портъ нейтральный, или ихъ отечественный ([406]). Порта Франціи были открыты для тѣхъ русскихъ кораблей, которые отправились въ эти порта раньше объявленія войны,—съ разрѣшеніемъ выгрузить свой грузъ и даже взять тотъ грузъ, который имъ былъ предназначенъ для обратнаго пути; наконецъ имъ былъ выданъ охранный листъ для того, чтобы обезпечить имъ возвращеніе ([407]).

Такое справедливое поведеніе даже относительно враговъ, должно служить въ будущемъ правиломъ для всѣхъ народовъ. Всѣ трактаты должны содержать, какъ непремѣнное условіе, тѣ постановленія, которыя были изложены во французскихъ декларацiяхъ отъ 25 марта и 15 апрѣля 1854 г.

Призы, сдѣланные у непріятеля, должны быть подчиняемы обсужденію и рѣшенію суда, учреждаемаго правительствомъ взятеля, и только послѣ произнесенія рѣшенія судей, взятель можетъ сдѣлаться собственникомъ взятаго судна. Нейтральные товары, найденные на непріятельскомъ кораблѣ, какъ это было сказано выше, должны быть возвращены ихъ законнымъ собственникамъ.

([406]) См. французскую декларацію отъ 27 марта 1854 г. Англійская декларація была составлена въ тѣхъ же выраженіяхъ.

([407]) См. докладъ, представленный 15 апрѣля 1854 г. императору министромъ иностранныхъ дѣлъ, одобренный императоромъ того же числа.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, который необходимо опредѣлить трактатами, есть вопросъ о захватѣ и конфискаціи нейтральныхъ кораблей. До настоящаго времени, на ряду съ обязанностями, налагаемыми войною на мирные народы и неисполненіе которыхъ можетъ, на основаніи положительнаго права, повести за собою захватъ виновныхъ кораблей,—воюющіе создали, слѣдуя своимъ капризамъ или собственнымъ интересамъ, другія обязанности, нарушенію которыхъ они придали ту же санкцію; внутренніе законы, содержащіе въ себѣ волю воюющихъ, были примѣняемы силою ко всѣмъ народамъ міра. Всѣ причины и поводы захвата, которые специально и точно не оговорены въ торжественныхъ трактатахъ—должны исчезнуть. Одно только точное и положительное согласіе нейтральнаго можетъ дать воюющему право юридикціи, котораго онъ конечно не имѣетъ, относительно иностранныхъ подданныхъ, не живущихъ на его территоріи. Трактаты, поэтому, должны тщательно перечислить всѣ тѣ случаи, которые могутъ дать право къ захвату, какъ корабля и его груза, такъ равно одного только груза, или только нѣкоторыхъ предметовъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, трактаты должны постановить, что всякій захватъ, сдѣланный внѣ точно опредѣленныхъ и предусмотрѣнныхъ случаевъ, будетъ строго наказанъ не только путемъ возвращенія причиненныхъ такимъ захватомъ убытковъ, но еще и личнымъ наказаніемъ, имѣющимъ быть наложеннымъ на виновнаго. Протори и убытки, которые должны быть уплачены незаконно-захваченному нейтральному, должны быть возложены на обязанность воюющаго правительства, съ предоставленіемъ ему права, если оно признаетъ это удобнымъ или нужнымъ, — взыскивать эти убытки съ своего виновнаго подданнаго. Такая отвѣтственность существуетъ по праву во всѣхъ случаяхъ; въ дѣйствительности, она никогда не примѣняется, когда виновнымъ бываетъ корсаръ, но она получаетъ всегда полное свое примѣненіе, когда такимъ виновнымъ будетъ военный крейсеръ. Если корсары будутъ продолжать исполнять обязанности полицейскаго надзора за нейтральнымъ мореплаваніемъ, то необходимо, чтобы государство, отъ котораго они получаютъ свои полномочія, было непосред-

*

ственно отвѣтственны за всѣ злоупотребленія, которыя они могутъ сдѣлать изъ этихъ полномочій.

Суды, учрежденные воюющимъ одни только компетентны постановлять рѣшенія о законности призовъ или захватовъ, сдѣланныхъ у нейтральныхъ. Однако же принципъ этотъ долженъ имѣть нѣкоторыя исключенія, которыя было бы полезно освятить трактатами. Государь того нейтральнаго порта, въ который былъ приведенъ захваченный корабль,—долженъ быть судьей законности этого захвата и даже приза непріятельскаго судна,—если только захватъ и призъ были сдѣланы на его морской территоріи,—или-же съ нарушеніемъ которыхъ нибудь условій приза, дарованныхъ имъ взятелю. Онъ одинаково можетъ постановить рѣшеніе относительно судьбы кораблей, взятыхъ въ призъ или просто захваченныхъ, даже внѣ его территоріи и въ открытомъ морѣ, судномъ, хотя и вооруженнымъ для войны, но не снабженнымъ правильными корсарскими патентами (lettres de marque). Онъ можетъ даже задержать это судно и передать его, со всѣми тѣми, кто на немъ находится, въ руки правосудія его государя,—какъ виновнаго въ пиратствѣ.—Судно, вооруженное для войны, но безъ законнаго и правильнаго полномочія, виновное въ совершеніи захвата, приза или другаго какого либо непріязненнаго дѣйствія на нейтральной территоріи, должно быть судимо самимъ государемъ нейтральнаго порта.

Порядокъ судопроизводства, который долженъ быть примѣненъ трибуналами, учрежденными для разсмотрѣнія и рѣшеній законности призовъ и захватовъ не можетъ входить въ сферу международнаго закона; одни только, надлежащимъ образомъ изданные внутренніе законы компетентнаго государя должны опредѣлять этотъ порядокъ. —Однако же трактаты могутъ содержать, по этому предмету, всякія такія постановленія, какія стороны пожелаютъ туда включить, —и съ тѣхъ поръ какъ эти постановленія подписаны, они конечно становятся обязательными. Большое число торжественныхъ актовъ требуетъ, чтобы разсмотрѣніе дѣла было произведено безотлагательно и скоро; акты эти даютъ сторонамъ право объявить неудовольствіе, путемъ подачи аппеляціи, на рѣшеніе суда

первой инстанціи. Это право аппеляціи, результатомъ которой можетъ явиться задержаніе на очень долгое время въ портѣ воюющаго такого нейтральнаго корабля, захватъ котораго былъ признанъ судомъ первой инстанціи неправильнымъ— должно-бы было, по моему мнѣнію, принадлежать только одному нейтральному. Взятель, судимый своими согражданами, гораздо менѣе подвергается риску быть судимымъ пристрастно. Снятіе запрещенія съ захваченнаго корабля, разъ признанное, должно бы быть признаваемо окончательнымъ для захваченнаго. Въ томъ случаѣ, когда протори и убытки были-бы присуждены съ крейсера, онъ могъ бы подать такое рѣшеніе на аппеляцію, но нейтральное судно не должно быть задержано, такъ какъ присутствіе его было бы безполезно для пересмотра аппеляціи по такому предмету.

Одно изъ правилъ этого порядка судопроизводства, которое было-бы необходимо измѣнить совершенно,—это именно порядокъ представленія доказательствъ. Нейтральный представляетъ свои документы; если они правильны, онъ не долженъ быть обязанъ представлять никакія другія доказательства; на обязанности взятеля должно лежать установленіе фактовъ виновности, которую онъ утверждаетъ. Уже нѣсколько трактатовъ формально постановили, что призовые суды должны принимать всѣ даже такія доказательства, которыя не находились на кораблѣ въ моментъ его захвата и что если съ арестованнаго судна будетъ снято запрещеніе или арестъ на основаніи подобныхъ доказательствъ,—то захваченный долженъ присуждаться къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Такой порядокъ судопроизводства мнѣ кажется очень справедливымъ и я полагаю, что всѣ націи должны принять его.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Азиль; неприкосновенность нейтральной территоріи.

Условія азиля опредѣляются тѣмъ государемъ, который его даруетъ; внутренніе законы достаточны для того, чтобы сдѣлать эти условія обязательными по отношенію ко всѣмъ ино-

странцамъ. Трактаты, занимающіеся этимъ вопросомъ, имѣютъ единственною цѣлью ограничить или опредѣлить права территоріальнаго правительства и обязать его предоставить все то, что онъ былъ бы въ правѣ отказать. Разъ такіе трактаты надлежащимъ образомъ подписаны, они становятся обязательными. Второстепенная нація поступила бы благоразумно, отказавшись связывать себя подобнымъ образомъ и сохранивъ за собою возможность отвергнуть трактаты, всегда неудобные и часто опасные, или по крайней мѣрѣ включить въ эти трактаты такія условія, какихъ требуетъ ея интересъ. Такая осторожность, не ставя въ обязанность отказывать въ азилѣ, позволила бы ей предоставлять его въ той мѣрѣ, какая ей будетъ удобна. Въ этомъ отношеніи, единственная обязанность, во время войны,—быть безпристрастнымъ къ обоимъ воюющимъ.

Эта единственная обязанность нарушается въ большинствѣ трактатовъ, которые упоминаютъ объ азилѣ; почти всѣ содержатъ одну статью, которая постановляетъ, въ пользу договаривающагося, обращеніе съ нимъ болѣе благопріятное, чѣмъ то, которое практикуется по отношенію къ его врагу; есть даже такіе трактаты, которые, предоставляя всевозможныя льготы одному изъ воюющихъ,—объявляютъ полное и совершенное исключеніе другаго. Не говоря уже о томъ, что подобные трактаты составляютъ нарушеніе существенной обязанности, они могутъ вовлечь государства, подписавшія ихъ, въ весьма серьезныя осложненія и даже въ войну. Поэтому, народы должны тщательно воздерживаться отъ изъявленія согласія на подобные трактаты; если они не могутъ оставлять вопросъ объ азилѣ совершенно внѣ трактата, то по крайней мѣрѣ они должны принимать или соглашаться только на такія условія, которыя согласны съ ихъ обязанностями и могутъ отвѣчать за ихъ безопасность.

Неприкосновенность нейтральной территоріи совершенно выяснена трактатами; но по этому вопросу есть одинъ пунктъ, который недостаточно ясенъ и на который слѣдуетъ обратить вниманіе націй. Государство отвѣтственно за всѣ дѣйствія, совершенныя на его территоріи, хотя бы даже оно не могло ни предвидѣть ихъ, ни воспрепятствовать имъ. Отвѣтственность

эта—полная; она идетъ до обязанности дать удовлетвореніе жертвѣ посягательства за всѣ матеріальныя потери или убытки, которымъ она подверглась. Поэтому, обязанность нейтральнаго заключается въ томъ, чтобы, или принудить виновнаго дать надлежащее удовлетвореніе, или сдѣлать это самому. Такое обязательство недостаточно ясно выражено въ трактатахъ; необходимо, чтобы постановленія ихъ были болѣе точны.

Государство, оставшееся нейтральнымъ должно также употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы оскорбленіе, совершенное его суверенитету, было удовлетворено, и чтобы виновный въ томъ сдѣлалъ всѣ необходимыя исправленія; здѣсь, какъ интересъ, такъ и обязанность находятся въ полномъ согласіи. Въ самомъ дѣлѣ, если государство не будетъ требовать этого удовлетворенія, то будучи обязано быть безпристрастнымъ къ обѣимъ сторонамъ, оно должно терпѣть всѣ тѣ же оскорбленія и со стороны другаго государства, а такимъ образомъ его собственная страна сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій. Но для достиженія этой цѣли необходимо измѣнить содержаніе трактатовъ, которые занимаются исключительно обязанностями народа—собственника территоріи, и не говорятъ объ обязанностяхъ воюющихъ. Трактаты, которые будутъ заключаемы на будущее время, должны будутъ поэтому, наряду съ обязанностями нейтральныхъ, упоминать объ обязанностяхъ сторонъ, вовлеченныхъ въ войну, обязанностяхъ, которыя состоятъ въ безусловномъ уваженіи нейтральной морской территоріи; въ исполненіи всѣхъ условій азиля, и наконецъ въ вознагражденіи или удовлетвореніи всѣхъ отступленій и незаконныхъ дѣйствій, совершенныхъ ихъ подданными: матерьяльно—путемъ уплаты всѣхъ, причиненныхъ убытковъ, даже своему врагу; нравственно—путемъ оффиціальнаго принесенія извиненій за то оскорбленіе, которое нанесено мирному государству.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

Отбитіе или репризы.

Положительный законъ не можетъ заниматься вопросами о корабляхъ воюющаго, взятыхъ непріятелемъ въ призъ и

обратно отбитыхъ судами ихъ собственнаго государя; въ этомъ случаѣ, одни только внутренніе законы могутъ опредѣлить судьбу обратно отбитыхъ кораблей. Но вопросъ представляется совсѣмъ иначе относительно нейтральнаго корабля, взятаго въ призъ крейсеромъ и обратно отбитаго отъ этого послѣдняго его врагомъ; международной законъ долженъ опредѣлить судьбу такого нейтральнаго корабля.

По этому предмету, положительное право должно быть совершенно исправлено. Три или четыре трактата разрѣшили этотъ вопросъ почти справедливо. Одинъ изъ нихъ, именно трактатъ 1789 г., заключенный между Даніей и Генуэзской республикой, принялъ истинные принципы и всѣ ихъ послѣдствія. Я не колеблюсь поэтому предложить его какъ образецъ для всѣхъ народовъ. На основаніи этого акта, нейтральный корабль, какъ только будетъ обратно отбитъ, какова бы ни была причина, по которой онъ былъ захваченъ,—долженъ быть отпущенъ на свободу и долженъ получить возможность продолжать свой путь, безъ всякаго платежа какой бы то ни было пошлины за репризъ, или какой нибудь другой. Это, по моему мнѣнію, есть единственно-справедливое рѣшеніе, которое могъ бы получить этотъ вопросъ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

Ангарія, Эмбарго и arrêt de prince.

Ангарія и arrêt de prince, или повелѣніе правительства, никогда не существовали, по крайней мѣрѣ легально, и большое число трактатовъ,—безъ перечисленія ихъ, уничтожило этотъ обычай. Тѣмъ не менѣе я считаю полезнымъ, даже необходимымъ повторить на будущее время и при томъ болѣе точнымъ образомъ, воспрещеніе употреблять эти незаконныя средства. То, что я сказалъ, одинаково примѣняется къ тѣмъ двумъ мѣрамъ, которыя подъ названіемъ эмбарго, часто употреблялись морскими державами. Одна состоитъ въ томъ, что всѣ корабли какой нибудь націи, находящіеся въ портахъ

другаго государства, захватываются для того, чтобы принудить эту націю согласиться на то, что отъ нее хотятъ потребовать. Другая состоитъ въ арестованіи государемъ всѣхъ кораблей, находящихся въ его территоріи и принадлежащихъ той націи, съ которой происходитъ споръ, грозящій перейти въ открытыя военныя дѣйствія. Корабли эти, захваченные такимъ образомъ во время мира, конфискуются тотчасъ же какъ только объявлена война. Такой образъ дѣйствія еще болѣе неправиленъ, чѣмъ первый; но оба одинаково должны быть уничтожены международнымъ закономъ.

Что касается эмбарго въ собственномъ смыслѣ, ограничивающемся задержкою на извѣстное время, часто очень короткое, отправленіе иностранныхъ кораблей, гораздо менѣе несправедливо и менѣе вредно; тѣмъ не менѣе оно противно принципамъ естественнаго права и одинаково должно быть отмѣнено положительнымъ правомъ.

ГЛАВА II.

Заключеніе.

На морѣ, какъ и на сушѣ, главнѣйшею цѣлью международнаго права должно быть обезпеченіе всѣмъ народамъ ихъ независимости, этого существеннаго аттрибута національности, то есть полное и абсолютное пользованіе всѣми тѣми правами, которыя они имѣютъ отъ божественнаго Творца вселенной, потому что всѣ эти права входятъ въ понятія независимости. Поэтому, надо принуждать всѣ націи къ исполненію всѣхъ ихъ обязанностей по отношенію однѣхъ націй къ другимъ. Для достиженія этой цѣли, законъ долженъ быть всеміръный, то есть одинъ и тотъ же для всѣхъ: онъ долженъ быть уважаемъ и исполняемъ всѣми, какъ слабыми, такъ и могущественными государствами.

Уже давно составилось желаніе, чтобы всѣ націи признавали одинаковыя права и одинаковыя обязанности, и чтобы одинъ и тотъ же, одинаковый для всѣхъ и всѣми принятый законъ регулировалъ бы отношенія между всѣми. Желаніе это не исполнилось еще, и я его возобновляю безъ страха впасть въ утопію. За послѣднее столѣтіе громадные успѣхи уже сдѣланы къ достиженію этой цѣли; законъ съ большою силою стремится къ обобщенію, и онъ скоро достигъ-бы своей цѣли, если бы не встрѣчалъ одного препятствія, которое, если и не непреодолимо, то во всякомъ случаѣ, въ настоящее время представляетъ очень большія затрудненія.

Если бы всѣ націи были проникнуты однимъ духомъ правосудія и полной справедливости, если бы всѣ уважали свои

обязательства,—то для разрѣшенія всѣхъ, самыхъ труднѣйшихъ, вопросовъ было бы достаточно заключенія трактатовъ. Международное право было бы легко составлено самымъ однообразнымъ образомъ, и спокойствіе міра было бы весьма рѣдко нарушаемо. На практикѣ это не такъ, и безъ сомнѣнія Богъ не хотѣлъ этого. Народы, какъ и отдѣльныя личности, ихъ составляющія, имѣютъ свои пороки, свои страсти; самолюбіе и интересъ ослѣпляютъ ихъ и побуждаютъ совершать дѣйствія, которыя были бы строго наказаны ими, если бы были совершены ихъ гражданами. Эти неправильныя дѣйствія тѣмъ болѣе опасны для человѣчества, что не существуетъ никакого закона, никакого судьи для обузданія ихъ, и что только одна сила можетъ, посредствомъ войны, наказать виновнаго. Но очень часто самъ виновный оказывается болѣе сильнымъ, и пользуясь этимъ преимуществомъ, онъ предается всѣмъ злоупотребленіямъ необузданнаго самолюбія и угрожаетъ даже существованію другихъ націй

Римская имперія возникла такимъ образомъ и кончила тѣмъ, что распространилась на самую большую часть извѣстнаго тогда міра. Поработивъ всѣ маленькіе народы, населявшіе Италію, она пользовалась ихъ солдатами для того, чтобы ниспровергнуть и побѣдить большія монархіи въ Азіи и подчинить своему владычеству республики Греціи. Въ средніе вѣка Европа могла опасаться увидѣть себя еще разъ соединенною въ одно государство; но составленная изъ народовъ, имѣвшихъ слишкомъ различные нравы, имперія Карла Великаго была разрушена съ кончиною этого великаго завоевателя, который не имѣлъ ни времени, ни можетъ быть необходимаго генія для того, чтобы крѣпко соединить всѣ части этого громаднаго цѣлаго.

Позднѣе, Австрійскій домъ также думалъ возстановить западную имперію, корону которой носилъ его глава; но уже было не то время: народы западной Европы крѣпко основали свои правительства; они были соединены между собою многочисленными дипломатическими сношеніями; на европейскомъ континентѣ существовало нѣкотораго рода международное право. Австрія, однако, имѣла возможность пріобрѣсти такую

силу, что ни одинъ народъ, взятый отдѣльно, не могъ бы ей противостоять; но когда она захотѣла идти далѣе, то заинтересованныя націи составили союзъ и соединились вмѣстѣ противъ общаго врага. Франція встала во главѣ этого союза. Борьба была долгая; ея послѣдняя фаза—была война, которая продолжалась тридцать лѣтъ; но наконецъ честолюбивая имперія была приведена въ невозможность наносить вредъ. Вестфальскіе трактаты установили основанія европейскаго равновѣсія.

Разъ установленная, система эта поддерживалась съ ревнивымъ стараніемъ. Франція, подъ управленіемъ Людовика XIV казалась готова была сдѣлаться грозою для безопасности другихъ государствъ; эти послѣднія соединились вмѣстѣ противъ нее и заставили ее держаться въ ея справедливыхъ предѣлахъ. Утрехтскіе трактаты были для Франціи тѣми-же, чѣмъ Вестфальскіе трактаты были для Австріи. Войны, которыя Франція выдержала съ Европою, начиная съ 1793 по 1814 г., вовсе не были войнами за равновѣсіе, не смотря на то, что имъ старались дать такое названіе; но Вѣнскіе трактаты, которыми закончились эти войны, имѣли существеннымъ образомъ характеръ конвенцій о равновѣсіи.

Гораздо позднѣе, въ 1854 г., двѣ великія державы западной Европы взялись за оружіе, чтобы доказать Россіи, что система (политическаго равновѣсія) простиралась до восточныхъ окраинъ континента, и что ни одна нація не могла нарушать эту систему. Трактатъ 1856 г., заставивъ вступить въ великую семью народовъ единственное государство, которое до того времени не занимало тамъ мѣста, скрѣпилъ, по крайней мѣрѣ на время, континентальное равновѣсіе.

Такимъ образомъ, всѣ европейскіе народы, въ теченіе почти трехъ столѣтій, не щадили свои сокровища и кровь своихъ солдатъ для того, чтобы положить предѣлы несправедливому властолюбію котораго нибудь изъ числа ихъ; для того, чтобы достигнуть образованія, въ нѣкоторомъ родѣ постояннаго союза, всегда готоваго обуздать предпріятія всякой такой націи, которая захотѣла бы усилиться до того, что могла угрожать независимости своихъ сосѣдей.

Какъ, въ виду столь сильныхъ и настойчивыхъ усилій, сдѣланныхъ для установленія континентальнаго равновѣсія, объяснить родъ небреженія о какихъ бы то ни было предосторожностяхъ со стороны моря? Неужели забыли, что независимость можетъ быть уничтожена на океанѣ такъ-же хорошо, какъ и на континентѣ? Между тѣмъ, притѣсненія на морѣ гораздо болѣе легки и болѣе скоры, чѣмъ на сушѣ. Тамъ, на океанѣ, никто не можетъ, заключившись въ тупомъ эгоизмѣ, сказать, что опасность не есть непосредственна, что территорія сосѣда отдѣляетъ его еще отъ притѣснителя. На громадномъ пространствѣ океана, на этомъ пространствѣ, общемъ для всѣхъ и предназначенномъ для того, чтобы всѣ могли свободно имъ пользоваться,—каждый день корабль,—эта маленькая частица, оторванная отъ своей территоріи,—можетъ находиться въ непосредственномъ соприкосновеніи съ завоевателемъ; каждый день независимость каждого народа можетъ быть оскорбляема, а между тѣмъ необходимость установленія морскаго равновѣсія совершенно забыта.

Есть одна нація, которая съумѣла извлечь громаднѣйшую пользу изъ этой забывчивости. Она дѣйствовала съ полнымъ искуствомъ и постоянствомъ, которыя обезпечиваютъ успѣхъ. Въ началѣ своего могущества, она никогда не колебалась письменно признавать во всѣхъ своихъ конвенціяхъ, основные принципы морскаго права; всѣ торжественные акты, подписанные ею, придаютъ имъ полную вѣру; но всегда, когда ея интересы того требовали, она не колебалась нарушать свои обязательства; по мѣрѣ того, какъ ея могущество возрастало,—возрастали также и ея тираническія притязанія, и когда она считала себя въ увѣренности достигнуть своей цѣли, какъ это случилось въ 1807 г., она снимала маску и давала понять всѣ свои тайныя мысли. Такимъ образомъ, мысли Англіи слѣдующія: океанъ принадлежитъ мнѣ; никакой другой народъ не можетъ тамъ плавать иначе, какъ только съ моего позволенія и въ моихъ интересахъ; торговля всего свѣта есть мое отцовское наслѣдіе, и всякій другой народъ долженъ принимать въ ней участіе не иначе, какъ для моего удовольствія и въ мою

пользу.—([408]) Для достиженія цѣли ея политики, всѣ средства были хороши въ глазахъ Великобританіи. По отношеніи къ непріятелю, она употребляла фиктивныя блокады, начинала военныя дѣйствія безъ объявленія войны, употребляла хитрости и вѣроломства всякаго рода. По отношенію къ своимъ друзьямъ она дѣлала еще хуже: право преслѣдованія и предупрежденія, контрабанда *ad libitum*, обыски и подозрѣнія, осмотръ кораблей, находившихся подъ конвоемъ, воспрещеніе новыхъ отраслей торговли, и пр., и пр.; она даже осмѣливалась воспрещать плаваніе по нѣкоторымъ морямъ, для кораблей, принадлежащихъ независимымъ націямъ,—которые не взяли, цѣною денегъ, разрѣшеніе отъ ея таможенныхъ досмотрщиковъ; и несчастіе тому народу, который посмѣлъ бы противиться, или только искать средства для сопротивленія отъ притѣсненія! Онъ увидѣлъ-бы, безъ объявленія войны, свои флоты уничтоженными, свои города — бомбардированными! Такова политика, которой Англія слѣдуетъ; она пользуется войнами, въ которыхъ она принимаетъ участіе, для того, чтобы уничтожить всѣ флоты, непріятельскіе и дружественные, дабы захватить монополію всей вселенной и остаться одной пользоваться такимъ достояніемъ, которое должно принадлежать всѣмъ народамъ; и ни одна нація не можетъ этому воспротивиться, потому что Англія гораздо ея сильнѣе, потому что она не имѣетъ противовѣса, потому что не существуетъ морскаго равновѣсія.

Въ настоящее время Англія обладаетъ флотомъ въ два раза болѣе сильнымъ, чѣмъ флотъ самой могущественной послѣ нее націи; она имѣетъ въ восточныхъ Индіяхъ имперію гораздо большую, можетъ быть, чѣмъ вся Европа, и которая насчитываетъ 102000000 жителей; всѣ морскіе пункты земнаго

([408]) Лордъ Чатамъ весьма ясно выразилъ политическую мысль своей страны, когда онъ говорилъ въ палатѣ лордовъ: «Point de paix que la France ne signe la destruction de sa marime! *C'est bien assez qu'on lui permette le cabotage*. L'Angleterre doit se réserver la souveraineté de l'ocean; il ne doit pas se tirer un coup de canon sur les mers sans la permission de la Grande-Bretagne». Рѣчь лорда Чатама въ палатѣ пэровъ. См. *F. de Cussy*, «Phases et causes célèbres», t. II, p. 3.

шара находятся въ ея владѣніи; однимъ словомъ она господствуетъ надъ всѣми морями свѣта ([409]).

Таковы факты; продолжительный миръ могъ заставить позабыть ихъ; недавняя война, веденная съ умѣренностію, могла дать поводъ полагать, что эти прошедшіе факты не возобновятся болѣе, но факты эти имѣли мѣсто; они могутъ имѣть мѣсто и въ будущемъ. Они обнаружатся снова, лишь только представится случай. Океанъ, это общее достояніе всѣхъ націй,—есть добыча одной только націи. Мореплаваніе всѣхъ народовъ свѣта находится во власти одного только государства. Не существуетъ-ли какого нибудь средства уменьшить или по крайней мѣрѣ уравновѣсить силы этого государства такимъ образомъ, чтобы онѣ перестали быть угрожающими для всѣхъ.

Средство это существуетъ; его легко даже примѣнить и оно должно потребовать весьма мало пожертвованій; но оно требуетъ, чтобы всѣ народы, отбросивши въ сторону мелкія соперничества и эгоистическіе разсчеты, соединились бы вмѣстѣ дѣйствительно и искренно противъ общаго врага; чтобы они составили союзъ теперь же для того, чтобы быть всегда готовыми защищаться въ тотъ моментъ, когда опасность появится. Но удобоисполнимо-ли это средство? и будучи практикуемо,-будетъ-ли оно дѣйствительно? Исторія обязана отвѣтить на эти вопросы.

Болѣе полутора столѣтій тому назадъ, два второстепенные народа дали Европѣ примѣръ того образа дѣйствій, какому слѣдуетъ держаться и въ настоящее время. Въ 1689 г.

([409]) По словамъ Барона Кюсси, «Phases et cause célèbres», англійскій флотъ насчитываетъ у себя болѣе пяти сотъ собственно военныхъ судовъ, не считая транспортныхъ и другихъ. Газета *Presse*, въ статьѣ своей отъ 30 октября 1856 г. доводитъ это число до шести сотъ. Англія обладаетъ въ Европѣ Гибралтаромъ, Мальтою; въ Африкѣ—мысомъ Доброй Надежды, островомъ Маврикія и Фернандо По; въ Азіи—Аденомъ, всѣми провинціями и островами Индіи и Гонгъ-Конгомъ; въ Америкѣ—Канадой и многочисленными островами, которые господствуютъ надъ Мексиканскимъ заливомъ; въ Австраліи—Новымъ Валлисомъ. Колоніи и владѣнія англійскія, не считая страны, платящія дань, представляютъ поверхность въ 102075 квадратныхъ миль и 109.199.000 жителей. Страны, платящія дань насчитываютъ 28200 квадратныхъ миль и 55.400.000 жителей.

Англія была въ союзѣ съ Голландіей для войны съ Франціей; обѣ эти державы давали мирнымъ націямъ чувствовать всю тяжесть ихъ тиранической изобрѣтательности. Въ 1692 г., Данія и Швеція, утомленныя *пиратскими* дѣйствіями, совершавшимися воюющими, соединились вмѣстѣ для защиты своихъ правъ; и дали первый примѣръ, отмѣченный исторіей, того, что впослѣдствіи было названо *союзомъ вооруженнаго нейтралитета*. Эта первая попытка имѣла полный успѣхъ. Англія и ея союзница, или вѣрнѣе ея вассалъ, должны были отказаться отъ примѣненія ихъ тираническихъ приказаній; онѣ были принуждены, подъ страхомъ увеличить число своихъ враговъ, уважать права двухъ союзныхъ державъ и прекратить примѣненіе знаменитой конвенціи 1689 г.

Когда вспыхнула война за независимость англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, — сѣверныя державы Европы, Россія, Данія, Швеція, Пруссія и др. заключили такого же рода союзъ, къ которому присоединились всѣ остальные народы, оставшіеся тогда нейтральными, и который былъ признанъ державами, бывшими врагами Англіи. Союзъ этотъ соединилъ, слѣдовательно, согласіе всѣхъ морскихъ націй, за исключеніемъ одной. На этотъ разъ также, Великобританія была принуждена исполнять, подписанные ею трактаты и соблюдать положительный законъ.

Въ 1800 г. Россія, Данія и Швеція хотѣли образовать третій союзъ вооруженнаго нейтралитета. Попытка эта была менѣе счастлива. Лондонскій кабинетъ зналъ ту опасность, которой подвергали такіе союзы его могущество; онъ понялъ насколько было важно не допустить ихъ войти въ обычай народовъ,—и не допустить, чтобы они сдѣлались нѣкотораго рода обычаемъ международнымъ; онъ поспѣшилъ порвать тотъ союзъ такимъ актомъ, который исторія никогда небудетъ въ состояніи достаточно сильно заклеймить. Во время полнаго мира, датскій флотъ былъ атакованъ и уничтоженъ въ самомъ Копенгагенскомъ портѣ. Ударъ этотъ, какъ-бы онъ ни былъ ужасенъ, можетъ быть и не былъ бы достаточенъ для того, чтобы разорвать нейтральный союзъ, если бы кончина

Русскаго Императора Павла I не помогла бы какъ разъ во время послужить проэктамъ Англіи.

Успѣхъ первыхъ двухъ союзовъ,—въ особенности втораго изъ нихъ, который соединилъ всѣ народы, нейтральные и воюющіе, за исключеніемъ англійскаго,—доказываетъ въ то же время возможность и дѣйствительность этого средства. Печальный конецъ попытки 1800 г. указываетъ на два весьма важные факта, которые можно констатировать: въ 1-хъ на то, что Англія боится этихъ союзовъ и смотритъ на нихъ какъ на такіе союзы, которые могутъ парализировать ея намѣренія; а затѣмъ во 2-хъ, что народы не должны ждать наступленія опасности для того, чтобы предохранить себя отъ тираническихъ дѣйствій властителей океана.

Единственно дѣйствительное средство для того, чтобы создать противовѣсъ чрезмѣрной силѣ Англіи, нѣкотораго рода морское равновѣсіе, есть, поэтому, образованіе постоянной коалиціи или союза вооруженнаго нейтралитета всѣхъ тѣхъ народовъ, которые согласились бы принять въ немъ участіе. Трактаты, долженствующіе образовать такой союзъ, должны будутъ содержать въ себѣ полное изложеніе всѣхъ морскихъ правъ, принадлежащихъ націямъ, и обязательство, въ случаѣ войны, обезпечить всѣмъ и при томъ если возможно,—средствами мирными, если-же нѣтъ,—то съ оружіемъ въ рукахъ, свободное пользованіе всѣми этими правами и полную независимость всѣхъ членовъ этого союза. Союзъ подобнаго рода не стѣснилъ бы свободу ни одного народа; каждый былъ бы всегда воленъ преслѣдовать свои требованія и желанія, направленныя даже противъ одного изъ союзниковъ,—посредствомъ оружія; но въ этомъ случаѣ, воюющій былъ бы обязанъ, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, уважать тѣ права, какія вытекаютъ изъ положительнаго закона, принятаго большинствомъ народовъ, а также и тѣ трактаты, на которые онъ далъ свое согласіе. Война, въ которую онъ оказался бы вовлеченнымъ, не отдѣляла бы его отъ другихъ договорившихся сторонъ. Подобно тому, какъ въ предъидущихъ союзахъ вооруженнаго нейтралитета, союзники были обязаны браться

за оружіе для того, чтобы помочь или поддержать одного изъ нихъ, только лишь въ томъ случаѣ, когда война, которая грозила ему происходила бы по причинѣ нарушенія того принципа, на основаніи котораго союзъ образовался, или для пользованія однимъ изъ правъ, гарантированныхъ трактатами, образовавшими союзъ. Трактаты эти должны будутъ опредѣлить тѣ силы, которыя каждый изъ союзниковъ долженъ будетъ выслать въ море, для обезпеченія мирнаго выполненія общихъ постановленій. Но въ случаѣ войны, всѣ должны будутъ дѣйствовать всѣми своими силами, такимъ образомъ, чтобы наивозможно скоро принудить общаго непріятеля признать общія ихъ права. Война, веденная самымъ энергичнѣйшимъ образомъ, есть всегда самая кратчайшая и слѣдовательно самая согласная съ законами человѣколюбія.

Но работать для образованія этого большаго союза—необходимо во время мира, теперь же; никогда моментъ не былъ болѣе благопріятенъ. Въ теченіе долгаго мира, ибо война противъ Россіи (1855 г.) была едва чувствительна на морѣ для мирныхъ народовъ,—торговые флоты всѣхъ націй развились; они находятся въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ никогда, поэтому торговля и мореплаваніе находятся въ состояніи благоденствія, неизвѣстномъ до настоящаго времени. Французскій флотъ, вышедшій изъ своихъ развалинъ — также могущественъ, какъ во время своего самаго сильнаго блеска; Россія, также грозна и безъ сомнѣнія употребитъ всѣ свои усилія, чтобы увеличить свой Балтійскій флотъ; наконецъ, на другой сторонѣ Атлантическаго океана, государство, еще молодое, обладаетъ громаднымъ числомъ коммерческихъ кораблей и достаточными военно-морскими силами, чтобы защитить ихъ. При такихъ условіяхъ, союзъ вооруженнаго нейтралитета представляетъ величайшіе шансы на успѣхъ. Въ случаѣ войны, одна изъ трехъ, только что названныхъ мною державъ, будетъ безъ сомнѣнія нейтральною и слѣдовательно будетъ въ состояніи сгруппировать вокругъ себя другія государства союза и защитить ихъ. Къ

тому же, еслибы всѣ эти три державы очутились вовлеченными въ войну,—всѣ три стали бы уважать основные принципы нейтралитета, которые были-бы также принципами ихъ собственной политики; и силы остальныхъ государствъ были бы достаточны, чтобы заставить другаго воюющаго уважать ихъ права, еслибы онъ пытался нарушить ихъ.

Что касается Англіи, то она слишкомъ искусна для того, чтобы желать противиться, по крайней мѣрѣ явно, такому внушительному выраженію воли націй; ея торговыхъ интересовъ будетъ достаточно для того, чтобы направлять ее по выгодному пути. Если опасеніе остаться безъ бумажнаго хлопка для своихъ фабрикъ, заставило ее недавно склониться передъ волею Соединенныхъ Штатовъ, то это же самое опасеніе и еще болѣе того серьезное—увидѣть закрытыми для себя всѣ европейскіе рынки,—будетъ безъ сомнѣнія еще болѣе дѣйствительнымъ. Англія сама подпишетъ трактаты вооруженнаго нейтралитета и будетъ выполнять ихъ по столько, по сколько члены этого союза останутся достаточно-соединенными для того, чтобы заставить ее дѣлать это. Таково мое убѣжденіе. Если же, наоборотъ, Англія будетъ пытаться упорно стоять на своей прежней политикѣ, то какъ бы велики ни были ея силы, она не будетъ имѣть возможности бороться противъ всего свѣта. Но, въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы союзники были готовы дѣйствовать вмѣстѣ, сообща и энергично; чтобы они не оставляли безнаказаннымъ ни одно покушеніе или посягательство, совершенное противъ одного изъ ихъ союзниковъ, потому что иначе страшный ударъ можетъ обрушиться на того, на кого Лондонскій кабинетъ признаетъ нужнымъ напасть на перваго. Факты, совершившіеся въ 1801 и 1807 гг. въ Копенгагенѣ должны служить имъ примѣромъ. Опасность эта ничтожна, если союзники приготовятся и рѣшатся добиваться справедливаго возмездія въ случаѣ нападенія, если въ особенности, они съумѣютъ честно и добросовѣстно воспротивиться тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ сдѣланы для того, чтобы разъединить ихъ.

Это средство есть единственно дѣйствительное, чтобы

сохранить морское равновѣсіе, и даже чтобы современемъ установить его постояннымъ образомъ, и можно надѣяться, не нарушая мира. Дѣйствуя такимъ образомъ, націи, которыя обыкновенно остаются нейтральными въ большихъ морскихъ войнахъ,—совершатъ дѣйствіе честное и справедливое, и выполнятъ двѣ существенныя обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, для народа мирнаго, защищать всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, и даже оружіемъ тѣ права, которыя онъ имѣетъ отъ Бога, есть строгая его обязанность. Онъ не можетъ покинуть ихъ въ пользу одного изъ воюющихъ, не сдѣлавшись виновнымъ по отношеніи къ другому. Пещись всѣми возможными средствами, даже войною, о своемъ собственномъ самосохраненіи и слѣдовательно о защитѣ своей независимости, безъ которой нѣтъ національности—составляетъ обязанность для всѣхъ народовъ и при томъ обязанность настоятельную.

Проэктъ этотъ можетъ показаться химерическимъ; между тѣмъ онъ представляется мнѣ легко выполнимымъ. Союзы 1689 и 1780 гг. достигли своей цѣли. Почему же этотъ союзъ не будетъ имѣть успѣха? Уже около трехъ столѣтій какъ вся Европа фактически составила коалицію для поддержанія континентальнаго равновѣсія; почему же подобная же коалиція не могла бы существовать для установленія и поддержанія морскаго равновѣсія? Однѣ и тѣже причины должны производить одинаковое дѣйствіе; морская независимость также неоцѣненна, какъ и независимость континентальная. Чтоже касается державъ, которыя были бы вовлечены въ войну противъ Англіи, то однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, можетъ быть средствомъ единственно дѣйствительнымъ—служитъ употребленіе корсаровъ, искусно направленныхъ противъ ея торговаго флота. Къ несчастію, многія націи только что сами закрыли для себя возможность употребленія этого грознаго военнаго средства противъ такого народа, могущество котораго, и въ особенности честолюбіе угрожаютъ независимости всѣхъ остальныхъ націй.

Предполагаемый мною союзъ для установленія морскаго

равновѣсія есть также самое вѣрное средство для достиженія той цѣли, къ которой должно стремиться положительное право,—къ установленію закона единственнаго, долженствующаго опредѣлять и регулировать однообразно права и обязанности всѣхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая держава, приглашенная принять участіе въ союзѣ, должна будетъ обязаться, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ и къ каждой въ отдѣльности,—совершенно одинаковыми трактатами; изъ этого произойдетъ всемірный морской кодексъ, по крайней мѣрѣ по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ состоянію войны. По тѣмъ же вопросамъ, которые касаются состоянія мира, и которые по существу своему могутъ быть рѣшены однообразно, будетъ очень легко согласиться.

Для того, чтобы осуществить подобный проектъ, было бы очень полезно, еслибы былъ собранъ есеобщій конгресъ изъ представителей морскихъ націй; но мѣра эта, однако же, не неизбѣжна. Одна какая нибудь нація можетъ взять на себя иниціативу или починъ, и черезъ своихъ уполномоченныхъ можетъ предложить принятіе всѣми другими державами трактата, тщательно изготовленнаго и могущаго достичь предположенной цѣли; наконецъ, можетъ вызвать всѣ правительства послѣдовать ея примѣру. Такой способъ, гораздо болѣе медленный, былъ-бы, можетъ быть, самый вѣрный. Остается пожелать, чтобы эти попытки были сдѣланы одною изъ трехъ великихъ морскихъ націй, о которыхъ я только что говорилъ— Россіей, Франціей или Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Желалъ бы, чтобы Франція взяла на себя эту великую и благородную миссію (*).

Въ такомъ просвѣщенномъ вѣкѣ, какъ тотъ, въ которомъ мы живемъ, когда интересы всѣхъ народовъ находятся до того смѣшанными одни съ другими, что кажется невозможнымъ отдѣлить ихъ, тогда, наконецъ, когда всѣ націи кажутся сдѣлавшимися солидарными одна съ другой, — обязанность

(*) Не менѣе того желательно, чтобы починъ этотъ принадлежалъ Россіи.

Примѣч. Переводчика.

всѣхъ и каждаго трудиться надъ пополненіемъ и усовершенствованіемъ положительнаго закона, предназначеннаго для регулированія интересовъ всѣхъ; въ особенности должно быть обязанностью честно, добросовѣстно и религіозно исполнять всѣ заключенные трактаты и конвенціи и постановленія общаго закона, потому что, если несправедливость народовъ не наказывается немедленно, то повелитель надъ повелителями, Тотъ, который даетъ государямъ, когда захочетъ, великіе и страшные уроки, Господь Богъ, покараетъ клятвопреступниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

Морское международное право. Законы у древнихъ.

(Періодъ первый).

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ЧАСТЬ III.

(Второй періодъ).

ГЛАВА I.

ГЛАВА II. Стран.

ГЛАВА III.

ЧАСТЬ IV.

(Періодъ третій).

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ЧАСТЬ V.

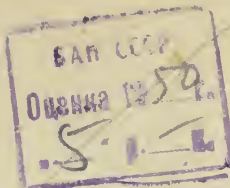
ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ЧАСТЬ VI.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

БАН СССР
Оценка

